МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть сорокъ третья.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1832.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Января 22 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

31171
Digitized by Google

№ 1. Январь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О ПРИРОДѢ И ИСТОРІИ,

относительно къ преданіямъ Миѳологическимъ и Эпическимъ.

Соч. Эдгара Кине (*).

I.

Преданія Миѳологическія.

Человѣкъ не повелитель и не рабъ природы; онъ изъяснитель, онъ живое слово ея. Оба они храняшъ брашское дружество въ самой борьбѣ своей; чшо одна скрываешъ подъ шемною эмблеммою, шо другой озаряешъ сіяніемъ свободной дѣяшельносши. Онъ доканчиваешъ ея несовершенныя мысли; онъ даешъ голосъ нѣмымъ ея символамъ. Тайну, скрываемую природой въ нѣдрахъ земнаго шара, человѣкъ оглашаешъ въ вѣкахъ. Ошселѣ идея космогоническая: безъ сознанія, она являешся въ

(*) Изъ книги: De la Grèce moderne et de ses rapports avec l'antiquité. Par Edgar Quinet. 1830. Paris. 1 vol.

Digitized by Google

кристаллахъ царства неорганическаго, движется съ тайнобрачными растеніями, плывешъ съ рѣками, и тяготѣешъ въ небесахъ; сознавая себя, она является самой себѣ въ видѣ міра гражданскаго. Въ своемъ лирическомъ, восходящемъ движеніи, перелетая изъ міровъ въ міры, отъ ночи ко дню, отъ жизни къ смерти, она, въ предшествующее мгновеніе не знаетъ минуты послѣдующей. Скала не вѣдаетъ опѣпляющаго ея дуба; дубъ не знаетъ орла, качаемаго его вѣтвями; орелъ не знаетъ Юпитера, пославшаго его. Такъ идетъ все; но пусть волна созданія отхлынетъ назадъ и покажетъ, не въ одной физической вселенной, гармоніи, твердь и сферы; гармоніи, внимающія одна другой, твердь, созерцающую себя, и сферы, предвѣщающія свое паденіе: тогда мысль созданія совершитъ свой кругъ. Но такой міръ существовалъ; мы видимъ продолженіе его: этотъ міръ, Исторія, то есть зеркало души вселенной, во времени и въ дѣйствіи.

Исторія есть сознаніе вселенной, или органъ, посредствомъ коего она выражается. Кто открываетъ въ одной мысли всѣ мысли, въ одномъ существѣ всѣ существа, тотъ видитъ дѣйствительное въ идеальномъ и разсматриваетъ природу въ человѣчествѣ. Образованность есть мысль души міра, гдѣ слава завоевателя, пѣснь поэта, воспоминанія поколѣній, развер-

Digitized by Google

нывающійся инстинктъ цвѣтка, безсловный голосъ рѣки, молчаливая гармонія царства неорганическаго, смѣшанные, спутанные, объясняющіе и оканчивающіе себя взаимно, образуютъ уже одну идею, одну жизнь, одно слово. Когда время разовьетъ, подъ сообразными формами, все, что заключаетъ въ себѣ пространство; когда міръ мысленія выразитъ весь міръ самопроизвольности, и когда каждому дѣйствію необходимости будетъ соотвѣтствовать дѣйствіе свободы, тогда мысль вселенной исполнится: безусловное сознаетъ само себя.

Прежде нежели человѣчество возвысилось до того, что начертало для себя самобытный ходъ, оно умѣло только повторять въ самомъ себѣ гармонію вселенной, столь вѣрную порядку, что гдѣ человѣчество не могло изобрѣсти ея само, тамъ оно рабски списало картину, которою окружила его природа, пускаясь-ли въ путь по указанію метеоровъ, или принимая въ образецъ періоды созданія, или двигаясь вмѣстѣ съ сферами. Законодательство его тогда столь соединено съ законодательствомъ небесной тверди, что можно почесть мечтою поэзіи первое твореніе онаго. Тогда, города дѣлаютъ себѣ образъ обожаемой ими звѣзды. Экбатана опоясывается семью стѣнами, гдѣ блестятъ цвѣты радуги.

Digitized by Google

Празднества и народныя пляски располагаются по виду небесъ, а семейства и поколѣнія раздѣляются такъ, чтобы выразить собою теченіе года (*).

Первая мысль, которою тревожится человѣчество въ колыбели, есть предчувствіе безсмертія. Мирное и невѣдомое, пока ничто не прошибится его вѣрѣ, оно живетъ неизвѣстно гдѣ, и неизвѣстно какъ. Но едва сила хочетъ покорить его, человѣчество пробуждается отъ сна, величественное, торжествующее, и несетъ свое вѣрованіе въ концы міра: тогда-то настаетъ для него, вдоль Тавра и въ Иранѣ, это великое пилигримство, которое должно окончиться только на прагѣ безконечнаго. Юная вселенная отражаетъ образъ его въ волнахъ Оксуса и залива Эриѳрейскаго; аисты Нильской долины призываютъ его къ Мемфису, и лѣса Гиперборейскіе склоняютъ свои снѣжныя вѣтви

(*) Bhagavadan. Zend-Avesta, Клейкера; Исіодъ; Плутархъ, De Osiride et Iside; Иродотъ, lib. I et II, edid. Creuzer et Baehr. Сравните: Vossius, De origine idolatriae; Rhode, Ueber die Bactrianer und Meder; Buttmann, Ueber die älteste Myth.; Hermann, Dissertationes; Kanne, Mythologie der Griechen, S. XXIV; Welcker's Trilogie; Ritter's Erdkunde; Geier, Geschichte von Schweden, S. 340.

Digitized by Google

надъ богами Цейлана и Явы. Въ борьбѣ, единство вѣрованія раздѣляется, размножается и лучи его распространяются по всѣмъ направленіямъ. Сила его, еще первобытная, почти въ одно время, устремляется съ горы Меру на Альборди Персовъ, на Олимпъ Ахейцевъ и на Кавказъ Скандинавовъ.

Такъ между Исторіею и Природою образуется, посредствомъ Миѳологіи, дивная, соединяющая ихъ связь. Сквозь фантастическій хаосъ видно развитіе, правильное болѣе нежели синтезъ языковъ, и необходимое болѣе нежели кристаллизація земнаго шара. Миѳологія сама по себѣ составляетъ полное цѣлое. Находясь вѣчно между Природою и Исторіею, она соединяетъ въ себѣ спокойствіе одной, съ движимостью другой. Отъ береговъ Гангеса до поморія Исландіи, одинъ Миѳъ распространяетъ свои золотыя завѣсы надъ колыбелями народовъ. Въ то время, когда политическія тѣла испытываютъ всѣ измѣненія случайностей, когда языки, законы, постановленія, безпрестанно укрываются отъ нашихъ изслѣдованій, баснословное преданіе, господствующее ими, присутствуетъ ихъ паденію, не погибая и почти не измѣняясь. Оно остается вѣрнымъ своему Восточному происхожденію, посреди сумятохи переѳеленій и впорженій; оно одно пребываетъ неизмѣнимо. И не справно-ли, что область невозможнаго,

Digitized by Google

чудеснаго, идеальнаго, разнообразна у народовъ гораздо менѣе, нежели область мысленія и дѣйствительности, и что Миѳологическіе боги переживаютъ государства?

Что̀ въ человѣкѣ называютъ чувствованіемъ, произволъностью, размышленіемъ, то во вселенной является для насъ подъ именами Природы, Миѳологіи, Исторіи. Сіи три наименованія образуютъ между собою три фаза Всемірной Физіологіи. Не выражаясь еще міромъ гражданскимъ, твореніе отыскиваетъ себя и является самому себѣ въ темныхъ символическихъ Ѳеологіяхъ. Природа заключаетъ въ себѣ всю Миѳологію, такъже какъ Миѳологія всю Исторію. Каждая хочетъ возвыситься на степень послѣдующую. Это вѣчная Логика Вселенной, это пройственное раскрытіе, о которомъ первобытныя вѣроисповѣданія имѣли предчувствіе темное. Вся связь гражданскаго міра есть только продолженіе, послѣдствіе символовъ; душа человѣчества, со всею идеальностью своею, рисуется въ Психеѣ Теспійской и Промешеѣ Самосаракійскомъ.

Надобно сказать въ похвалу рода человѣческаго, что завоеванія покоряли цѣлыя породы людей, никогда не покоряя миѳологическихъ боговъ. Смиряясь передъ подобнымъ себѣ, человѣкъ питалъ гордость свою тѣмъ, что сохра-

Digitized by Google

нялъ своихъ идоловъ, какъ нѣчто высшее. Онъ зналъ, что эти идолы благороднѣе его самого, и отъ того-то впорженія и сила произвели парій, касты, илотовъ, рабовъ, невольниковъ, но не истребили ни одной мысли. Тщетно глубокая бездна отдѣляла народы отъ ихъ властителей; эта разница никогда не отражалась въ вѣрованіяхъ, и боги оставались равными, когда народы были рабами. Упорство всего человѣческаго рода было таково, что завоеванія, истребившія цѣлыя государства, только увеличивали кругъ религіозный; въ мірѣ дѣйствительномъ были истребленія, войны, разрушеніе, а въ мірѣ идеальномъ это являлось подъ видомъ союза, мира, вѣчнаго единства. Ахеецъ, приведенный въ рабство на поляхъ Спарты, соединяетъ связью родства своего Поссейдона съ Аполлономъ Дорійцевъ, покорившихъ его. Этруски, изгнанные изъ своего древняго жилища, завѣщаютъ Риму своихъ боговъ, и, какъ памятникъ своей гибели, братство Януса Велезпровъ и Сатурна Лаціума.

Часто, погибель государства служитъ только къ тому, чтобы высшавить внутреннее достоинство его мнимыхъ боговъ. Освободившись изъ ограниченнаго круга, они какъ будто оживаютъ въ день гибели государства. Съ давняго времени была истреблена Имперія Фараоновъ, когда древній Озирисъ, вдругъ возродившійся

Digitized by Google

изъ могилы, покорилъ своимъ таинствамъ юныхъ дочерей Аѳинъ и Ишаліи. По мѣрѣ того какъ увеличивалось униженіе Персіи, ея Митра начиналъ властвовать, и когда погибель ея совершилась, идолъ Ирана торжествовалъ, отъ пальмъ Бактріаны до дубовъ Германіи.

Если Миѳологія всегда и вездѣ одна, всегда подобна самой себѣ, то она также всегда движима и постепенна. Не только каждое кольцо этой дивной цѣпи преображается временемъ, но и весь кругъ басенъ слѣдуетъ движенію восходящему и опредѣленному. Облекаетъ-ли религіозный миѳъ всю видимую Вселенную, или отражаетъ въ себѣ слѣды первобытныхъ народовъ, или открываетъ душѣ тайну недовѣдомую, я разсматриваю сей миѳъ въ его формѣ, и вижу что онъ живетъ, дышитъ, вырастаетъ, подобно органическимъ существамъ. Неподвижный и сжатый въ глубинѣ Индіи, подобно растительному царству, изъ коего заимствуетъ свои символы, онъ очищается въ жертвенномъ огнѣ народовъ Зендскихъ; потомъ, присоединяясь къ жизни органической, онъ пресмыкается съ змѣею народовъ Семитическихъ, рыскаетъ съ газелью Арамееновъ, и властвуетъ въ пустынѣ со львами Персеполиса; отселѣ, постепенно достигая высшаго выраженія, онъ соединяетъ ястреба Геліополіескаго, Канопа

Digitized by Google

Меройскаго, дракона Хіосскаго, съ первымъ очертаніемъ человѣческой фигуры. Наконецъ, освобождаясь отъ сихъ грубыхъ путовъ, и создавъ самому себѣ идеальный образъ человѣчества, онъ блистаетъ на челѣ Юпитера, качается на поясѣ Венеры Аѳродиты, или дышитъ побѣдою на губахъ Аполлона.

Сіе движеніе формы соотвѣтствуетъ и внутреннему, идеальному движенію древнихъ религій. Каждая система миѳа, въ полномъ своемъ развитіи, объемлетъ стихіи, заимствованныя изъ Природы и Исторіи; но отношенія ихъ бываютъ различны, и что господствуетъ въ одномъ періодѣ, то, постепенно исчезая, въ слѣдующемъ является уже только въ зародышѣ. Природа наполняетъ все въ вѣрованіяхъ Востока. Эпохи слѣдуютъ одна за другою, но миѳъ не отдѣляется отъ своего неподвижнаго основанія, и не волнуется переселеніями народовъ, или мечтами человѣка отдѣльно. Если шамъ и замѣтны слѣды лѣтописей человѣчества, то физическая вселенная опутываетъ ихъ и смѣшиваетъ съ собою совершенно. Въ Миѳологіи Греческой и Германской является развитіе болѣе полное. Стихіи, дотолѣ удерживаемыя и скрываемыя, являются наружу; другія ослабляются, или по крайней мѣрѣ изглаживаются на нѣкоторое время. Миѳъ Восточный мало по ма-

Digitized by Google

лу соединяется съ жизнію человѣчества; онъ отражаетъ въ себѣ это новое твореніе, онъ движется вмѣстѣ съ нимъ. Онъ слѣдуетъ по волнамъ за странствующими колоніями, соединяетъ поколѣнія съ поколѣніями, носится надъ раждающимися городами, прилѣпляется къ ткани слова, трепещетъ въ воздухѣ, и, единожды пріобщившись къ человѣку, становится непостояненъ, гнѣвенъ, прошиворѣчивъ, неизъяснимъ, такъ же какъ человѣкъ. Въ тоже время, когда онъ мятется вмѣстѣ съ судьбами народовъ, буря, волнующая родъ человѣческій, сообщается наконецъ и древнимъ его отраслямъ. Это уже не прежнее, мирное теченіе звѣздъ у Халдейцевъ, священныхъ рѣкъ въ Индіи, и вѣковыхъ круговъ видимой вселенной. Вмѣсто сего, онъ начинаетъ заблуждаться, по слѣдамъ Дорійцевъ или Пелазговъ, разрушая свой, вѣчно неоконченный, трудъ, и снова сто разъ принимаясь за него; но что-же будетъ, когда отъ поколѣній онъ перейдетъ въ тѣсныя границы совѣсти каждаго человѣка отдѣльно? Тогда поприще его будетъ окончано. Трудъ народовъ покроетъ трудъ Вселенной. Какъ въ періодъ предшествовавшій, космогоническая стихія поглощала стихію человѣчества, такъ здѣсь Исторія, являясь на поверхности, скроетъ въ мнѣ первобытное образованіе Природы. Никто не споритъ, что Востокъ въ своихъ басняхъ олицетворялъ Вселенную; въ то-же вре-

Digitized by Google

мя найдется множество людей, которые въ богахъ Греціи будутъ видѣть только человѣка. Почти неожиданнымъ открытіемъ будетъ то, что въ видѣ сихъ изгрызенныхъ вѣками идоловъ, которые душа почитала поставленными для нея, узнаютъ бездну міровъ, солнце, обращающееся въ своей орбитѣ, и первую теорію законовъ Природы.

Спрашиваютъ, чѣмъ начало человѣчество: политеизмомъ или монотеизмомъ? Оно не могло начать ни тѣмъ, ни другимъ. Въ первомъ воззрѣніи на вселенную, для идеи единства и разнообразія не было выраженія опредѣленнаго. Обширное и смѣшанное, оно по характеру своему было должно содержать вмѣстѣ единство въ разнообразіи, и разнообразіе въ единствѣ. Отъ того пантеизмъ вначалѣ является какъ форма первобытная, изъ коей впослѣдствіи произойдутъ всѣ лица боговъ. Поколѣнія, встрѣчаясь, сообщаютъ одно другому своихъ боговъ, и составляютъ связь между символами. Чѣмъ болѣе совершается въ какомъ либо поколѣніи движеній, чѣмъ продолжительнѣе его странствованія, тѣмъ чаще его сношенія съ чужеземными народами, тѣмъ болѣе увеличивается кругъ его религій. Поколѣніе сближается съ богами другаго поколѣнія, еще болѣе нежели съ языкомъ онаго. Покуда на-

Digitized by Google

роды Зендскіе смѣшиваются съ Индійцами на плоскостяхъ Средней Азіи, мысль религіозная составляетъ неподвижное цѣлое. По мѣрѣ того, какъ народы раздѣляются, одни скитаясь по берегамъ Яксарта, до подошвы Кавказа и луговъ Бактріаны, другіе въ долинѣ Гиммалайской, до острововъ Индійскаго моря, сей хаосъ пріемлетъ формы и границы. Въ первыхъ видимъ идею двойственности: находя себѣ эхо въ поколѣніяхъ Германскихъ и Славянскихъ, она продолжается съ ними и восходитъ, болѣе и болѣе смѣшанная, до истоковъ Дуная и Волги. Съ другой стороны, пантеизмъ Гангеса объемлетъ Халдею, соединяется, черезъ отрасль Финикійскую, съ Египтомъ, и производитъ политеизмъ Греческій. Такимъ образомъ Олимпъ Эллинскій есть отраженіе всемірнаго существованія, развитаго на Востокѣ; онъ выражаетъ сокращенно Природу и Исторію, стихіи, звѣзды и разрушенныя государства. Въ немъ должны заключаться всѣ характеры, изъ коихъ только по одному заключало въ себѣ каждое предшествовавшее вѣроисповѣданіе. Въ одно время таинственный и неопредѣленный какъ Брамаизмъ Гангеса, энтузіастъ, блистательный какъ Изеды Ирана, сластолюбивый какъ Аѳродита Финикійская, онъ также облеченъ трауромъ, какъ Изида Египетская, строгъ какъ Будда Колхидскій, необузданъ какъ шаманство Кимме-

Digitized by Google

рійцевъ. Прибавьте къ этому противоположности, образовавшіяся въ немъ самомъ отъ столькихъ различныхъ народовъ: планетную вѣру Пеласговъ, мистическую глубину Аполлона Дорическаго, Посейдона Ахейцевъ, Юпитера Эллиновъ, и передъ вами будетъ двойственное разнообразіе Вселенной, космогоническое и историческое. Боги Греціи раздѣляются, ищутъ одинъ другаго, возвышаются, унижаются, такъ-же какъ цѣпи горъ, раздѣляющія и сближающія поколѣнія. Одни, какъ Аполлонъ, слѣдуютъ горою Оссою и долиною Пенейскою; другіе, по слѣдамъ Діониса, взбираются на отрогъ Геликона и отрасль Пинда, и всѣ соединяются, черезъ различныя цѣпи, на средоточныхъ высотахъ Олимпа, откуда взоры ихъ ищутъ оставленныхъ вершинъ Кавказа и Тавра.

Такимъ образомъ, Миѳологія есть символъ всемірной жизни: она отражаетъ въ себѣ Вѣчность и Время, Природу и Человѣка. Но какъ же согласуются въ ней сіи два выраженія, поглощающія одно другое? Какое отношеніе между ими въ идеальной области ея? Неужели и тамъ, какъ здѣсь, борьба, разногласіе, мѣлкость? Вопросъ основный, содержащій въ себѣ всю сущность сего разсужденія.

Поколѣніе, образуясь, двигаясь, и постепенно достигая до самосознанія, выражаетъ оное

Digitized by Google

въ баснословномъ единствѣ, которое движется и растетъ вмѣстѣ съ нимъ. Чувствуя свою возрастающую личность, оно почитаетъ ее за силу внѣшнюю, и обожаетъ на равнѣ со всѣми другими силами. Тоже поколѣніе, видя за собою слѣды своихъ отцовъ, преклоняется передъ собственнымъ своимъ прошедшимъ, и съ жадностью приводитъ его въ порядокъ; оно образуетъ изъ него идола, и обогащаетъ его каждымъ завоеваніемъ настоящаго. Если оно составило первое вѣроисповѣданіе свое по гармоніи Вселенной, то слѣдующее за тѣмъ, второе, оно образуетъ по гармоніи своей Исторіи; орбита, пройденная имъ въ лонѣ Человѣчества, является ему столь-же святою, какъ и слѣдъ его боговъ въ кругахъ небесной шверди. Какъ внутренняя жизнь, дремлющая въ нѣдрахъ земнаго шара, въ движеніи морей, въ чудесахъ прозябенія, такъ и жизнь народа начинается переселеніемъ въ религіозные символы. Ознаменованный скрытою печатью Провидѣнія, народъ становится для самого себя предметомъ удивленія и обожанія. Его странствованія, его завоеванія, или, точнѣе, мысль, выполняемая имъ въ мірѣ, сосредоточиваются въ миѳологическомъ богѣ, передъ коимъ исчезаютъ всѣ поколѣнія. Каждое новое измѣненіе славы или упадка развиваетъ въ баснѣ новую басню. Идеальное

Digitized by Google

возрастаетъ вмѣстѣ съ дѣйствительнымъ, боги вмѣстѣ съ народомъ....

Вотъ мысль, довершающая зданіе древнихъ религій! Обѣ эпохи въ образованіи боговъ, не только не отдѣляются одна отъ другой, но еще взаимно сопроницаются и смѣшиваются. Всѣ герои древнихъ ѳеогоній сохраняютъ двоякій видъ. Составляясь сначала изъ ткани вселенной, основа ихъ дней покрывается волнистыми нитями человѣческихъ преданій. Произведенія Природы и дѣянія народовъ совокупляются и взаимно поглощаются своей безсмертной сущностью. И движенія міровъ, и громъ стихій, и раждающійся островъ, и судьба человѣческихъ поколѣній, и ихъ продолжительные труды, ихъ безпокойный геній: все это сокращенно выражается въ жизни одного существа, которое на языкѣ древняго міра имѣетъ одно выраженіе, одинъ смыслъ, одно имя. Троякій богъ Индійцевъ представляетъ намъ различные фазы созданія, и, въ тоже время, отражаетъ въ себѣ образъ трехъ первобытныхъ поколѣній, коихъ борьбы наполняютъ весь Восходъ; онъ-же глухо звучитъ въ Эллинскомъ мірѣ Урана, Сатурна и Зевеса. Если Діонисъ Греческій есть символъ души міра, то въ своемъ таинственномъ путеше-

Digitized by Google

ствіи, иногда покрытый кожею барса, иногда долгополою Іонійскою мантіею, онъ выражаетъ сокращенно переселенія рода человѣческаго съ плоскостей Бактріаны на берега Средиземнаго моря. Дшемшидъ, сей образъ года, вмѣстѣ съ солнцемъ двигающійся въ годовыхъ временахъ, блистаетъ видомъ и дѣлами поколѣнія Персидскаго. Однимъ словомъ, куда ни взгляну, всюду вижу, что древнія религіи выражаютъ единственно сходство, и, я почти готовъ сказать, идеальное тожество Природы и Исторіи.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

АММАЛАТЪ-БЕКЪ.

Кавказская быль.

Посвящается Николаю Алексѣевичу Полевому.

„Будь медленъ на обиду — къ отмщенью скоръ!“

Надпись Дагестанскаго кинжала.

ГЛАВА I-я.

Была Джума (*). Близъ Буйнаковъ, обширнаго селенія въ Сѣверномъ Дагестанѣ, Тагарская молодёжь съѣхалась на скачку и джигитовку, т. е. на рисканье со всѣми опытами удальства. Буйнаки лежатъ въ два уступа на крутомъ обрывѣ горы. Влѣво отъ дороги, ведущей изъ Дербента къ Таркамъ, возвышается надъ ними гребень Кафъ-каза, опереннный лѣсомъ; вправо,

(*) *Джума* — соотвѣтствуетъ нашей *недѣлѣ*, т. е. Воскресенью. Вотъ имена прочихъ дней Магометанской недѣли: *шамби* (наша Суббота), *Ихшамба* (Воскресенье), *Душамба* (Понедѣльникъ), *Сешамба* (Вторникъ), *Чершамба* (Среда), *Пхапшамба* (Четвергъ), *Джума* (Пятница.)

Digitized by Google

берегъ, понижаясь непримѣтно, раскидывается лугомъ, на который плещетъ вѣчно-ропотное, какъ само Человѣчество, Каспійское море. Вешній день клонился къ вечеру и всѣ жители, вызванные свѣжестью воздуха, еще болѣе чѣмъ любопытствомъ, покидали сакли свои и толпами собирались по обѣимъ сторонамъ дороги. Женщины безъ покрывалъ, въ цвѣтныхъ плашкахъ, свернутыхъ чалмою на головѣ, въ длинныхъ шелковыхъ сорочкахъ, стянутыхъ коротькими архалухами (пюника), и въ широкихъ туманахъ (*) садились рядами, между тѣмъ какъ вереницы ребятъ рѣзвились передъ ними. Мужчины, собравшись въ кружки, стоя или сидя на колѣняхъ (**), или по-двое и по-трое, прохаживались медленно кругомъ; старики курили ша-

---

(*) Хотя въ существѣ нѣтъ никакой разницы между мужскими шальварами и женскими туманами (панталонами), но для мужчины будетъ обидно, если вы скажете, что онъ носитъ туманы — и на оборотъ.

(**) Обыкновенный образъ сидѣнья у Азіятцевъ на улицѣ или предъ старшимъ. А потому, Н. М. Карамзинъ очень ошибся, переведя слова Волынскато лѣтописца: «Злѣ те Романе, на колѣняхъ предъ Ханомъ сѣдиши:» «Худо тебѣ Романъ, на колѣнахъ *стоишь* передъ Ханомъ.» Конечно сидѣть на корточкахъ было не весело для Галицкаго Князя, но не такъ унизительно, какъ думаетъ Историкъ.

Digitized by Google

бакъ изъ маленькихъ деревянныхъ трубокъ; веселый говоръ разносился кругомъ, и порой возвышался надъ нимъ звонъ подковъ и крикъ: *кагь, кагь*! (посторонись) отъ всадниковъ, приготовляющихся къ скачкѣ.

Дагестанская природа прелестна въ Маѣ мѣсяцѣ. Милліоны розъ обливаютъ утесы румянцемъ своимъ, подобно зарѣ; воздухъ струится ихъ ароматомъ; соловьи не умолкаютъ въ зеленыхъ сумеркахъ рощи. Миндальныя деревья, точно куполы пагодовъ, стоятъ въ серебрѣ цвѣтовъ своихъ, и между нихъ высокія раины, по увитыя листьями какъ винтомъ, по возникая стройными столпами, кажутся Мусульманскими минаретами. Широкоплечіе дубы, словно старые рашники, стоятъ на часахъ шамъ-индѣ, между шѣмъ какъ тополи и чинары, собравшись купами, и окруженные кустарниками какъ дѣцьми, кажется, готовы откочевать въ гору, убѣгая отъ лѣтнихъ жаровъ. Игривыя стада барановъ, испещренныхъ розовыми пятнами; буйволы, упрямо погрязающіе въ болотѣ при фонтанахъ, или по цѣлымъ часамъ лѣниво бодающіе другъ друга рогами; да шамъ и сямъ по горѣ статные кони, которые разбросавъ на вѣтеръ гриву, гордой рысью бѣгаютъ по холмамъ — вотъ рамы каждаго Мусульманскаго селенія. Можно себѣ вообразить, что въ день этой Джумы, окрестности Буйнаковъ еще болѣе оживлены были

Digitized by Google

живописною пестротою народа. Солнце лило свое золото на мрачныя стѣны сэклей съ плоскими кровлями, и облекая ихъ въ разнообразныя тѣни, придавало имъ пріятную наружность... Вдали тянулись въ гору скрыпучія арбы, мелькая между могильными камнями кладбища... передъ ними несся всадникъ, взвѣвая пыль по дорогѣ... Горный хребетъ и безграничное море придавали всей картинѣ величіе: вся природа дышала цѣлою жизнію.

«Ѣдетъ, ѣдетъ!» раздалось изъ толпы — и всѣ зашевелились. Всадники, которые доселѣ разговаривали съ знакомыми ступивъ на землю, или несшройно разъѣзжали въ полѣ, вскочили на коней и понеслись на встрѣчу поѣзда, спускающагося съ горы: то былъ Аммалашъ-Векъ, племянникъ Тарковскаго Шамхала (*) со своею свитою. Онъ былъ одѣтъ въ черную Персидскую чуху, обложенную галунами; висячіе рукава закидывались за плечи. Турецкая шаль обвивала подъ исподомъ надѣтый архалухъ изъ букето-

(*) Первые Шамхалы были родственники и намѣстники Халифовъ Дамасскихъ. Послѣдній Шамхалъ умеръ, возвращаясь изъ Россіи, и съ нимъ кончилось это безполезное достоинство. Сынъ его, Сулейманъ-Паша, владѣетъ наслѣдствомъ просто, какъ частнымъ имѣніемъ.

Digitized by Google

вой терманамы. Красныя шальвары скрывались въ верховые желтые сапоги съ высокими каблуками. Ружье, кинжалъ и пистолетъ его блистали серебромъ и золотою насѣчкою. Ручка сабли осыпана была дорогими каменьями. Сей владѣтель Тарковъ былъ высокій, статный юноша, откры̀таго лица; черныя *зильфляры* (кудри) вились за ухомъ изъ подъ шапки... легкіе усы оттѣняли верхнюю губу... очи сверкали гордою привѣтливостью. Онъ сидѣлъ на червонномъ конѣ, и тотъ крутился подъ нимъ какъ вихорь. Противъ обыкновенія, не было на конѣ Персидскаго, круглаго, расшитаго шелками чапрака, но легкое Черкесское сѣдло, съ серебромъ подъ чернетью, съ расписанными потебнями, и со стременами чернаго Хорассанскаго булата, подъ золотою насѣчкою. Двадцать нукеровъ (*) на лихихъ скакунахъ, въ чухахъ, блестящихъ галунами, сдвинувъ шапки на бекрень, скакали избочась сзади. Народъ почтительно вставалъ передъ своимъ Бекомъ и склонялся, прижимая правую руку къ правому колѣну. Ропотъ и шопотъ одобренія, разливался

(*) Нукеръ, общее имя для прислужниковъ; но собственно это тоже самое, что у древнихъ Шотландцевъ Henchman (прибедренникъ). Онъ всегда и вездѣ находится при господинѣ, служитъ ему за столомъ, рѣжетъ и рветъ руками жаркое, и такъ далѣе.

Digitized by Google

вслѣдъ ему между женщинъ. Подъѣхавъ къ южному концу ристалища, Аммалатъ остановился. Почетные люди, старики, опираясь на палки, и старшины Буйнаковъ обсшали его кругомъ, стараясь вызвать на себя привѣтливое слово Бека, но Аммалатъ ни на кого не обращалъ особеннаго вниманія, и съ холодною учтивостью отвѣчалъ односложными словами на лесть и поклоны своихъ подручниковъ. Онъ махнулъ рукой: это былъ знакъ начинать скачку.

Безъ очереди, безъ всякаго порядка кинулись человѣкъ двадцать самыхъ горячихъ ѣздоковъ скакать взадъ и впередъ, гарцуя, перегоняя другъ друга. То перерѣзывали они другъ другу дорогу — и вдругъ сдерживали коней, но вновь пускали ихъ во всю прыть съ мѣста. Послѣ этого всѣ взяли небольшія палки, называемыя джигидами, и начали на скаку метать вслѣдъ и встрѣчу противниковъ, то ловя ихъ на лету, то подхватывая съ земли. Иные падали долой изъ сѣдла отъ сильныхъ ударовъ, и тогда раздавался громкій смѣхъ зрителей побѣжденному, громкіе клики привѣта побѣдителю; иногда кони спотыкались и всадники рѣдко не падали черезъ голову, выброшенные двойною силою коротких стременъ. Затѣмъ началась стрѣльба.

Аммалатъ-Бекъ все это время стоялъ поодаль, любуясь. Нукеры его, одинъ по одному,

Digitized by Google

вмѣшивались въ толпу джигитующихъ, такъ что подъ конецъ при немъ осталось только двое. Сначала онъ стоялъ неподвиженъ, и равнодушнымъ взоромъ слѣдилъ подобіе Азіатской битвы, но мало по малу участіе стало разыгрываться въ немъ сильнѣе и сильнѣе.... Онъ уже съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ на удальцовъ — сталъ ободрять ихъ голосомъ и движеніемъ руки, всталъ выше на стременахъ, и наконецъ наѣздническая кровь закипѣла въ немъ, когда любимый его нукеръ не попалъ, на всемъ скаку, въ брошенную передъ нимъ шапку; онъ выхватилъ у своего оруженосца ружье, и стрѣлой полетѣлъ впередъ, увиваясь между стрѣлками. «Раздайся! раздайся!» послышалось кругомъ, и всѣ какъ дождь разсыпались по сторонамъ, давъ мѣсто Аммалатъ-Беку.

На разстояніи одной версты стояло десять шестовъ съ повѣшенными на нихъ шапками. Аммалатъ проскакалъ въ одинъ конецъ, крутя ружье надъ головою; но едва миновалъ крайній столбъ смѣлымъ поворотомъ, онъ всталъ на стременахъ, приложился назадъ — пафъ — и шапка упала на земь; не умѣряя бѣга онъ зарядилъ ружье, съ брошенными поводами — сбилъ шапку съ другаго, съ третьяго — и такъ со всѣхъ десяти... Говоръ похвалъ раздался со всѣхъ сторонъ, но Аммалатъ, не останавливаясь, бросилъ ружье въ руки нукера, выхватилъ изъ-за

Digitized by Google

пояса пистолетъ, и выстрѣломъ изъ него ошибилъ подкову съ задней ноги своего скакуна; подкова взвилась и свистя упала далеко назади; тогда онъ снова подхватилъ заряженное нукеромъ ружье, и велѣлъ ему скакать передъ собою... Быстрѣе мысли понеслись оба. На полдорогѣ нукеръ вынялъ изъ кармана серебряный рубль и высоко взбросилъ его въ воздухъ; Аммалатъ приложился вверхъ, не ожидая паденія, но въ тоже самое мгновенье конь его споткнулся со всѣхъ четырехъ ногъ, и, бороздя пыль мордою, покатился впередъ съ размаха. Всѣ ахнули — но ловкій всадникъ, стоявшій стоймя на стременахъ, не тряхнулся, не подался впередъ, какъ будто не слышалъ паденія — выстрѣлъ сверкнулъ, и вслѣдъ за выстрѣломъ серебряный рубль улетѣлъ далеко въ народъ. Толпа заревѣла отъ удовольствія. «Игидъ! Игидъ (удалецъ) — Алла, Валла-га!» Но Аммалатъ-Бекъ скромно отъѣхалъ въ сторону, сошелъ съ коня, и бросивъ повода въ руки джиладара, т. е. конюшаго, велѣлъ сей-же часъ подковать коня. Скачка и стрѣльба продолжались.

Въ это время подъѣхалъ къ Аммалату эмджекъ его (*), Сафиръ-Али, сынъ одного изъ не-

(*) Эмджекъ — грудной, молочный братъ; отъ слова: эмджекъ - сосецъ. У Кавказскихъ народовъ это род-

Digitized by Google

богатыхъ Бековъ Буйнакскихъ, молодой человѣкъ, пріятной наружности и простаго, веселаго нрава. Онъ выросъ вмѣстѣ съ Аммалатомъ, и потому очень коротко обходился съ нимъ. Онъ спрыгнулъ съ коня, и кивнувъ головою, сказалъ: «Нукеръ Мемет-Расуль измучилъ твоего сѣдаго безгриваго жеребца (*) — заставляетъ его скакать черезъ ровъ, шириною шаговъ семи». . .

— И онъ не прыгаетъ? — вскричалъ нетерпѣливый Аммалатъ. — Сей часъ, сей-же мигъ привести его ко мнѣ! Онъ вспрѣгнулъ коня на полдорогѣ; не ступая въ стремя вспрыгнулъ въ сѣдло и полетѣлъ къ упесистой рытвинѣ — доскакалъ, списнулъ колѣна: но усталый конь, не надѣясь на свои силы, вдругъ повернулъ на право, на самомъ краю, и Аммалатъ долженъ былъ сдѣлать еще кругъ. Во второй разъ конь, подстрекаемый плетью, взвился на дыбы, чтобы перепрянуть черезъ ровъ — но замялся, за-

---

ство священнѣе природнаго; за своего ѳмджека — каждый положитъ голову. Матери стараются заранѣ связать такимъ узломъ надежныя семьи. Мальчика приносятъ къ чужой матери, та кормитъ его грудью — и обрядъ конченъ — и не разрывное братство начато.

(*) Славная въ Персіи порода Турхменскихъ лошадей, называемая *Текке*.

Digitized by Google

ршачился и уперся передними ногами. Аммалатъ вспыхнулъ... Напрасно упрашивалъ его Сафиръ-Али, чтобы онъ не мучилъ бѣгуна, утратившаго въ бояхъ и разъѣздахъ упругость членовъ — Аммалатъ не внималъ ничему и понуждалъ его крикомъ, ударами обнаженной сабли; и въ третій разъ подскакалъ онъ къ рытвинѣ, и когда въ третій разъ сталъ съ размаха старый конь, не смѣя прыгать — онъ такъ сильно ударилъ его рукоятью сабли въ голову, что конь грянулся на земь бездыханенъ.

«Такъ вотъ награда за вѣрную службу!» сказалъ Сафиръ-Али, съ сожалѣніемъ глядя на издохшаго бѣгуна.

— Вотъ награда за ослушанье — возразилъ Аммалатъ, сверкая очами. Видя гнѣвъ Бека, всѣ умолкли и отстранились. Всадники джигитовали.

И вдругъ загремѣли Русскіе барабаны, и штыки Русскихъ солдатъ засверкали изъ-за холма. То была рота Куринскаго пѣхотнаго полка, отправленная изъ отряда, ходившаго тогда въ Акушу, возмущенную Шихъ-Али-Ханомъ, изгнаннымъ владѣтелемъ Дербента. Рота сія должна была конвоировать обозъ съ продовольствіемъ изъ Дербента, куда и шла горною дорогою. Ротный Командиръ, Капитанъ ***, и съ нимъ одинъ офицеръ, ѣхали впереди. Не доходя до

Digitized by Google

рисшалища, ударили отбой и рота стала, сбросила ранцы и составила въ козлы ружья, расположась на привалъ, но не разводя огней.

Прибытіе Русскаго отряда не могло быть новостью для Дагестанцевъ въ 1819-мъ году; но оно и до сихъ поръ не дѣлаетъ имъ удовольствія. Изувѣрство заставляетъ ихъ смотрѣть на Русскихъ какъ на вѣчныхъ враговъ — но враговъ сильныхъ, умныхъ — и потому вредить имъ рѣшаются они не иначе, какъ втайнѣ, скрывая непріязнь подъ личиною доброхотства. Ропотъ разлился въ народѣ при появленіи Русскихъ; женщины окольными тропинками потянулись въ селеніе, не упуская однакожъ случая взглянуть украдкою на пришлецовъ. Мужчины, напротивъ, поглядывали на нихъ искоса, черезъ плечи, и стали сходиться кучками, разумѣется потолковать, какимъ-бы средствомъ отдѣлаться отъ постоя, отъ подводъ, и тому подобнаго. Множество зѣвакъ и мальчишекъ окружили однако Русскихъ, отдыхающихъ на правкѣ. Нѣсколько Кекхудовъ (старостъ) и Чаушей (десятниковъ), назначенныхъ Русскимъ Правительствомъ, поспѣшили къ Капитану, и снявъ шапки послѣ обычныхъ привѣтовъ: *хошъ гяльды* (милости просимъ), и яхшимусенъ, шазамусенъ, сенъ-немамусенъ (какъ живешь, можешь), добрались и до неизбѣжнаго при встрѣчѣ съ Азіятцами вопроса: «Что новаго? *На хаберъ?*»

Digitized by Google

«Новаго у меня только то, что конь мой расковался, и отъ того бѣдняга захромалъ,» отвѣчалъ имъ Капитанъ, довольно чисто по-Татарски. «Да вотъ кстати и кузнецъ,» продолжалъ онъ, обращаясь къ широкоплечему Татарину, который опиливалъ уже копыто вновь подкованнаго Аммалашова бѣгуна. «Кунакъ — подкуй мнѣ коня!... подковы есть готовыя — стоитъ брякнуть молоткомъ и дѣло кончено въ минуту!»

Кузнецъ, у котораго лицо загорѣло отъ горна и отъ солнца, угрюмо взглянулъ на Капитана изъ подлобья, поправилъ широкій усъ, падающій на давно небритую бороду, которая-бы щетинами своими сдѣлала честь любому борову, подвинулъ на головѣ аракчинъ (ермолку) и хладнокровно продолжалъ укладывать въ мѣшокъ свои орудія.

«Понимаешь-ли ты меня, волчье племя?» сказалъ Капитанъ.

— Очень понимаю! отвѣчалъ кузнецъ — тебѣ надобно подковать свою лошадь.

«И ты самъ долженъ подковать ее,» отвѣчалъ Капитанъ, замѣтя въ Татаринѣ охоту шутить словами.

— Сегодня праздникъ: я не стану работать.

Digitized by Google

«Я заплачу тебѣ за труды, что хочешь; но знай, что волей и неволей ты у меня сдѣлаешь, что я хочу.»

— Прежде всѣхъ нашихъ идетъ воля Аллаха: а онъ не велѣлъ работать въ Джуму. Довольно грѣшимъ мы изъ выгоды и въ простые дни... такъ въ праздникъ не хочу я себѣ покупать за серебро уголья.

«Да вѣдь ты работалъ-же сей часъ, упрямая башка? Развѣ не равны кони? Припомъ-же мой настоящій Мусульманинъ. Взгляни-ка на шавро: кровный Карабахскій.»...

— Кони всѣ равны, да не равны тѣ, кто на нихъ ѣздитъ: Аммалатъ-Бекъ мой ага (господинъ).

«То есть, если-бы ты вздумалъ отпѣкиваться, онъ-бы велѣлъ обрѣзать тебѣ уши; а для меня ты не хочешь работать, въ надеждѣ, что я не смѣю сдѣлать того-же? Хорошо, пріятель: я точно не обрѣжу тебѣ ушей, но знай и вѣрь, что я въ твою православную спину *влѣплю* двѣсти самыхъ горячихъ нагаекъ, если *ты не* перестанешь дурачиться. Слышалъ?»

— Слышалъ — и всё таки буду отвѣчать по прежнему: не кую — потому что я добрый Мусульманинъ.

«А я заставлю тебя ковать, потому что я добрый солдатъ. Когда ты работалъ для при-

Digitized by Google

хотя своего Бека, ты будешь работать для необходимости Русскаго офицера — безъ этого я не могу выступить. Ефрейторы, сюда!!»

Между тѣмъ кружокъ любопытныхъ около упрямаго кузнеца расширялся подобно кругу на водѣ отъ брошеннаго камня. Въ толпѣ иные уже ссорились за переднія мѣста, не зная, что смотрѣть бѣгушъ они, и наконецъ раздалось: «Этого не надо, этому не бывать, сегодня праздникъ, сегодня грѣхъ работать!» Нѣкоторые смѣльчаки, надѣясь на число, надвинули шапки на глаза, и держась за рукояти кинжаловъ, подлѣ самаго Капитана стали кричать: «Не куй, Алекперъ, не дѣлай ему ничего... Вотъ тебѣ новости. Что намъ за пророки эти не мытые Рускіе!» Капитанъ былъ отваженъ и зналъ очень корошко Азіятцевъ. «Прочь, бездѣльники!» закричалъ онъ гнѣвно, положа руку на ручку пистолета. — «Молчать, или я первому, кто осмѣлится выпустить брань изъ-за зубовъ, запечатаю ротъ свинцовою печатью!»

Это увѣщаніе, подкрѣпленное штыками нѣсколькихъ солдатъ, подѣйствовало мгновенно: кто былъ поробче — давай Богъ ноги; кто посмѣлѣе — прикусилъ языкъ. Самъ набожный кузнецъ, видя что дѣло идетъ не на шутку, поглядѣлъ на всѣ стороны, проворчалъ: «Неджелеимъ» (что-жь мнѣ дѣлать?), засучилъ

Digitized by Google

рукава, вынашилъ изъ мѣшка клещи и молотъ, и началъ подковывать Русскую лошадь, приговаривая сквозь зубы: «*Валла-билла битмы эдымъ*» (а это значитъ на ровнѣ съ Польскимъ: Дали бугъ не позволямъ). Надобно знать, что все это происходило за глазами Аммалата: онъ едва завидѣлъ Рускихъ, какъ избѣгая непріятной для себя встрѣчи, сѣлъ на новоподкованнаго коня и поскакалъ въ домъ свой, надъ Буйнаками стоящій.

Между тѣмъ какъ это происходило на одномъ концѣ ристалища, ко фронту отдыхающей роты подъѣхалъ всадникъ средняго роста, но атлетическаго сложенія: онъ былъ въ кольчугѣ, въ шлемѣ, въ полномъ боевомъ вооруженіи; за нимъ слѣдомъ тянулось пять нукеровъ. По запыленной ихъ одеждѣ, по конямъ въ поту и въ пѣнѣ, видѣлось, что они совершили скорый и дальній переѣздъ. Первый всадникъ, разсматривая солдатъ, тихимъ шагомъ проѣзжалъ вдоль составленныхъ въ козлы ружей — задѣлъ и опрокинулъ двѣ пирамиды. Нукеры, слѣдуя за господиномъ, вмѣсто того, чтобъ своротить въ сторону, дерзко топтали упавшее оружіе. Часовой, который еще издали кричалъ, чтобъ они не приближались, схватилъ подъ уздцы коня панцерника, между тѣмъ какъ множество солдатъ, раздраженныхъ такимъ презрѣніемъ отъ Мусульманъ, окружили поѣздъ съ

Digitized by Google

бранью. «Стой, кто ты?« было восклицаніе и вмѣстѣ вопросъ часоваго.

« Ты видно рекрутъ, когда не узналъ Султанъ-Ахметъ-Хана Аварскаго (*),» хладнокровно отвѣчалъ панцерникъ, отрывая руку часоваго отъ поводьевъ. «Кажется, въ прошломъ году я задалъ Рускимъ въ Башлахъ (**) по себѣ славную поминку. Переведи ему это,» сказалъ онъ одному изъ своихъ нукеровъ. Аварецъ повторилъ его слова по-Русски довольно понятно.

— Это Ахметъ-Ханъ, Ахметъ-Ханъ,» раздалось между солдатами. «Лови его, держите его! Тащите его на расплату за Башлинское дѣло... Бездѣльники въ куски изрубили нашихъ раненыхъ!

« Прочь, грубіянъ!» вскричалъ Султанъ Ахметъ-Ханъ по-Русски рядовому, который снова схватилъ коня за узду. « Я Русскій Генералъ! »

— Русскій измѣнникъ! «зашумѣли множество голосовъ. —» Ведите его къ Капитану, пота-

---

(*) Онъ былъ родной братъ Гассанъ-Хана Джемутайскаго, а сдѣлался Ханомъ Аварскимъ женясь на вдовѣ Хана, единственной его наслѣдницѣ.

(**) Тогда отрядъ нашъ, состоявшій изъ 3-хъ т. человѣкъ, окруженъ былъ 60 т. горцевъ. Тамъ былъ Уцмій Каракайдахскій, Аварцы, Акушинцы, Койсу-Булинцы и другіе. Рускіе пробились ночью — и съ урономъ.

Digitized by Google

щимъ его въ Дербентъ, къ Полковнику Верховскому!

«Только въ адъ пойду я съ такими проводниками!» сказалъ Ахметъ-Ханъ съ презрительною улыбкою, и въ тоже мгновеніе поднялъ коня на дыбы, бросилъ его влѣво, вправо и вдругъ повернувъ на воздухѣ кругомъ, ударилъ нагайкою, и былъ таковъ. Нукеры не сводили глазъ съ Хана и съ гикомъ кинулись за нимъ слѣдомъ, опрокинули нѣкоторыхъ солдатъ и открыли себѣ дорогу. Отскакавъ не болѣе какъ шаговъ на сто, Ханъ снова поѣхалъ шагомъ, не оглядываясь назадъ, не измѣнясь въ лицѣ, и хладнокровно поигрывая уздечкою. Толпа Татаръ, собравшихся около кузнеца, привлекла его вниманіе. «Что у васъ за споры, пріѣзжіе?» спросилъ у ближнихъ Ахметъ-Ханъ, сдерживая коня.

Всѣ съ уваженіемъ приложили руки ко лбу при поклонѣ, завидѣвъ Хана. Тѣ, которые были поробче или посмирнѣе, очень смутились отъ *этой* встрѣчи: того и гляди попадешь въ бѣду отъ Рускихъ, зачѣмъ не взяли врага ихъ, или подъ мессть Хана, если ему не уважишь. За то всѣ головорѣзы, всѣ бездѣльники, и всѣ, которые съ досадой смотрѣли на владычество Русское, окружили его веселою толпою. Ему въ одинъ мигъ разсказали, въ чемъ дѣло.

Digitized by Google

«И вы какъ буйволы смотрите, когда вашего брата запрягаютъ въ ярмо,» громко сказалъ Ханъ окружающимъ, «когда вамъ въ глаза смѣются надъ вашими обычаями, топчутъ подъ ноги вашу вѣру!! И вы плачете какъ старыя бабы, вмѣсто того чтобы мстить, какъ прилично мужамъ! Трусы, трусы!»

— Что мы сдѣлаемъ? — возразили ему многіе голоса. — У Рускихъ есть пушки, есть штыки!...

«А у васъ развѣ нѣтъ ружей, нѣтъ кинжаловъ? Не Рускіе страшны — а вы робки! Позоръ Мусульманамъ: Дагестанская сабля дрожитъ передъ Русскою нагайкою. Вы боитесь пушечнаго грома, а не боитесь укоровъ. Фирманъ Рускаго Пристава для васъ святѣе главы изъ Курана. Сибирь пугаетъ васъ пуще ада... такъ-ли поступали дѣды ваши, такъ-ли думали отцы?.. Они не считали враговъ и не разсчитывали, выгодно или не выгодно сопротивляться насилію; а храбро бились и славно умирали. Да и чего бояться? Развѣ чугунные у Рускихъ бока? Развѣ у ихъ пушекъ нѣтъ заду? Вѣдь скорпіоновъ ловятъ за хвостъ!!» Рѣчь эта возмутила толпу. Татарское самолюбіе было тронуто заживо. «Что смотрѣть на нихъ! что позволять имъ хозяйничать у насъ, будто въ своемъ карманѣ!» послышалось отовсюду. «Освободимъ

Digitized by Google

кузнеца отъ работы, освободимъ!» закричали всѣ и сжѣснили кружокъ около Русскихъ солдатъ, посреди коихъ Алекперъ ковалъ Капитанскую лошадь. Смятеніе росло. Довольный возбужденіемъ мятежа, Султанъ-Ахметъ-Ханъ не желалъ однакожъ замѣшиваться въ ничтожную схватку, и выѣхалъ изъ толпы, оставивъ тамъ двухъ нукеровъ для поддерживанія духа запальчивости между Татаръ, а съ двумя остальными быстро поскакалъ въ Утахъ (*) Аммалата.

«Будь побѣдитель!» сказалъ Султанъ-Ахметъ-Ханъ Аммалатъ-Беку, который вступилъ его на порогѣ. Это обыкновенное на Черкесскомъ языкѣ привѣтствіе было произнесено имъ съ такимъ значительнымъ видомъ, что Аммалатъ, поцѣловавшись съ нимъ, спросилъ: «Насмѣшка это или предсказаніе, дорогой гость мой?»

— Зависитъ отъ тебя — отвѣчалъ пришелецъ. — Настоящему наслѣднику Шахмальства (**)

(*) Домъ по-Татарски *эвь; утахъ* значитъ палаты, а *сарай* вообще зданіе. *Гарамъ-хане* — женское отдѣленіе (отъ этого происходитъ Русское слово: хоромы). Въ смыслѣ дворца употребляютъ иногда слово *Иматъ*. Русскіе все это смѣшиваютъ въ одно названіе *сакли*, что по-Черкесски значитъ домъ.

(**) Отецъ Аммалата былъ старшій въ семействѣ и потому настоящій наслѣдникъ Шахмальства, но

Digitized by Google

стоитъ только вынуть изъ ноженъ саблю, чтобы. . . .

«Чтобы никогда ея не вкладывать, Ханъ? Незавидная участь: все таки лучше владѣть Буйнаками, нежели съ пустымъ тишуломъ прятаться въ горахъ какъ шакалу.»

— Какъ льву прядать съ горъ, Аммалатъ, и во дворцѣ твоихъ предковъ опочить отъ славныхъ подвиговъ.

«Не лучше-ль не пробуждаться отъ сна вовсе!»

— Чтобы и во снѣ не видать, чѣмъ долженъ ты владѣть на яву? Рускіе не даромъ потчуютъ тебя макомъ и убаюкиваютъ сказками, между тѣмъ какъ другой рветъ золотые цвѣты (*) изъ твоего сада!

«Что могу я предпринять съ моими силами?»

— Силы — въ душѣ, Аммалатъ!.. Осмѣлься, и все преклонится передъ тобою... Слышишь-ли? — примолвилъ Султанъ-Ахметъ-Ханъ, когда раздались въ городѣ выстрѣлы: — это голосъ побѣды!

Рускіе, завладѣвъ Дагестаномъ и не надѣясь на его доброхотство, отдали власть меньшому брату.

(*) Игра словъ, до которой Азіятцы большіе охотники: кызыль-гюлларь собственно значитъ *розы*, но Ханъ намекаетъ на *кызыль* — червонецъ.

Digitized by Google

Сафиръ-Али вбѣжалъ въ комнату со встревоженнымъ лицомъ.

«Буйнаки возмутились,» произнесъ онъ торопливо, «толпа буяновъ осыпала роту и завела перестрѣлку изъ-за камней.»..

— Бездѣльники! — вскричалъ Аммалатъ, взбрасывая на плечо ружье свое. — Какъ смѣли они шумѣть безъ меня? Бѣги впередъ, Сафиръ-Али, грози моимъ именемъ, убей перваго ослушника!

«Я уже унималъ ихъ,» возразилъ Сафиръ-Али, «да меня ни кто не слушаетъ, потому что нукеры Султанъ-Ахметъ-Хана поджигаютъ ихъ, говорятъ, что онъ совѣтовалъ и велѣлъ бить Рускихъ.»

— Въ самомъ дѣлѣ мои нукеры это говорили? — спросилъ Ханъ.

«Не только говорили, да и примѣромъ ободряли,» сказалъ Сафиръ-Али.

— Въ такомъ случаѣ я очень ими доволенъ — молвилъ Султанъ-Ахметъ-Ханъ — это по молодецки!

«Что ты сдѣлалъ, Ханъ!» вскричалъ съ огорченіемъ Аммалатъ!

— То, что-бы тебѣ давно слѣдовало дѣлать!

«Какъ оправдаюсь я передъ Рускими!!»

— Свинцомъ и желѣзомъ... Пальба загорѣлась — судьба за тебя работаетъ — сабли на голо — и пойдемъ искать Рускихъ!!

Digitized by Google

«Они здѣсь!» возгласилъ Капитанъ, который съ десятью человѣками пробился сквозь нестройныя толпы Татаръ въ домъ владѣтеля. Смущенъ неожиданнымъ бунтомъ, въ которомъ его могли счесть участникомъ, Аммалатъ привѣтливо встрѣтилъ разгнѣваннаго гостя. «Приди на радость,» сказалъ онъ ему по-Татарски.

— Не забочусь на радость-ли пришелъ я къ тебѣ — отвѣчалъ Капитанъ — но знаю и испытываю, что меня встрѣчаютъ въ Буйнакахъ не по-дружески. Твои Татары, Аммалатъ-Бекъ, осмѣлились стрѣлять въ солдатовъ моего, твоего, общаго нашего Царя.

«Въ самомъ дѣлѣ это очень дурно, что они стрѣляли въ Рускихъ,» сказалъ Ханъ, презрительно разлегаясь на подушкахъ... «когда имъ-бы должно было убивать ихъ!»

— Вотъ причина всему злу, Аммалатъ — сказалъ съ гнѣвомъ Капитанъ, указывая на Хана. — Безъ этого дерзкаго мятежника, ни одинъ курокъ не брякнулъ-бы въ Буйнакахъ! Но хорошъ и ты, Аммалатъ-Бекъ... Зовешься другомъ Рускихъ, и принимаешь врага ихъ какъ гостя, укрываешь какъ товарища, чествишь какъ друга. Аммалатъ-Бекъ! именемъ Главнокомандующаго требую: выдай его.

«Капитанъ!» отвѣчалъ Аммалатъ: «у насъ

Digitized by Google

гость — святыня. Выдача его навлекла-бы на мою душу грѣхъ, на голову позоръ неокупимый: уважьте мою просьбу, уважьте наши обычаи!

— Я скажу тебѣ въ свою очередь: вспомни Русскіе законы, вспомни долгъ свой; ты присягалъ Русскому Государю, а присяга велитъ не жалѣть роднаго, если онъ преступникъ.

«Скорѣе брата выдамъ, чѣмъ гостя, Г-нъ Капитанъ! Не ваше дѣло судить, что и какъ обѣщалъ я выполнять — въ моей винѣ мнѣ диванъ (судъ) Аллахъ и Падишахъ!.. Пускай въ полѣ бережетъ Хана судьба, но за моимъ порогомъ, подъ моею кровлею, я обязанъ быть его защитникомъ — и буду имъ!»

— И будешь въ отвѣтѣ за этого измѣнника!

Ханъ безмолвно лежалъ во время этого спора, гордо пуская дымъ изъ трубки; но при *словѣ*: измѣнникъ, кровь его вспыхнула, онъ вскочилъ и съ негодованіемъ подбѣжалъ къ Капитану.

«Измѣнникъ я, говоришь ты?» сказалъ онъ. «Скажи лучше, что я не хотѣлъ быть измѣнникомъ тѣмъ, кому обязанъ вѣрностію. Русскій Падишахъ далъ мнѣ чинъ; Сардарь ласкалъ меня — и я былъ вѣренъ, покуда не былъ лично, кров-

Digitized by Google

но обиженъ письмомъ одного вашего Генерала, когда предостерегалъ его... Ему дорого стоила въ Башлахъ дерзость... рѣку крови пролилъ я за нѣсколько капель бранчивыхъ чернилъ, и эта рѣка дѣлитъ меня навѣчно съ вами.»

— Эта кровь зоветъ месть — вскричалъ Капитанъ сердито — и ты не уйдешь отъ нея, разбойникъ!

«А ты отъ меня,» возразилъ вспыльчивый Ханъ, вонзая кинжалъ въ животъ Капитана, когда тотъ занесъ руку, чтобы схватить его за воротъ. Тяжело раненый Капитанъ, простонавъ, упалъ на коверъ.

— Ты! погубилъ меня! — произнесъ Аммалатъ, всплеснувъ руками: — онъ Рускій и гость мой...

«Есть обиды, которыхъ не покрываетъ кровля!» возразилъ мрачно Ханъ. «Косни судьбы выпали; колебаться не время: запирай ворота, скличь своихъ и ударимъ на непріятелей.»

— За часъ еще я не имѣлъ ихъ... теперь нечѣмъ ихъ отражать... У меня нѣтъ въ запасѣ ни пуль, ни пороху; люди въ разбродѣ...

«Народъ разбѣжался!» въ отчаяніи вскричалъ Сафиръ-Али. «Рускіе идутъ въ гору скорымъ шагомъ... Они ужъ близко!!»...

— Если такъ, то поѣзжай со мною, Аммалатъ! — молвилъ Ханъ. — Я ѣхалъ въ Чечню,

Digitized by Google

чтобы поднять ее на линiи... Что будетъ, Богъ вѣсть, но и въ горахъ хлѣбъ есть!... Согласенъ ты?

«Ѣдемъ!» рѣшительно сказалъ Аммалапъ... «Теперь мнѣ одно спасенiе въ бѣгствѣ... не время теперь ни споровъ, ни укоровъ.»

— Гей, коня, и шесть нукеровъ за мною!

«И я съ тобой,» произнесъ со слезой въ окѣ Сафиръ-Али, «съ тобой въ волю и въ неволю.»

— Нѣтъ, добрый мой Сафиръ-Али, нѣтъ! Ты оспанешься здѣсь похозяйничать, чтобы свои и чужiе не растащили всего дома. Снеси отъ меня привѣтъ женѣ и проводи ее къ шеспю, Шамхалу. Не забудь меня — и до свиданья!

Едва успѣли они выскакать въ одни ворота, какъ Рускiе вторглись въ другiя.

Digitized by Google

ГЛАВА II-я.

Вешній полдень сіялъ надъ высью Кафъ-Каза, и громкіе клики Муллъ звали жителей Чечни къ молитвѣ. Постепенно возникали они отъ мечети, до незримой за гребнями мечети, и одинокіе звуки ихъ, на мигъ пробуждая отголосокъ утесовъ, зашихали въ неподвижномъ воздухѣ.

Мулла Гаджи-Сулейманъ, набожный Турокъ, одинъ изъ ежегодно насылаемыхъ въ горы Стамбульскимъ Диваномъ для распространенія и укрѣпленія православія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ненависти къ Рускимъ, отдыхалъ на кровлѣ мечети, совершивъ обычный призывъ, омовеніе и молитву. Онъ былъ еще недавно принятъ Муллою въ Чеченскомъ селеніи Игали, и потому погруженный въ глубокомысленное созерцаніе своей сѣдой бороды и кружковъ дыма, летящихъ съ его трубки, порою онъ поглядывалъ съ любопытнымъ удовольствіемъ и на горы, и на ущеліе, лежащее къ сѣверу, прямо подъ его глазами. Влѣво возникали стремнины хребта, отдѣляющаго Чечню отъ Аваріи, далѣе сверкали снѣга Кавказа. Сакли, неправильно разбросанныя по обрыву, уступами сходили до полугоры, и только узкія тропинки вели къ этой крѣпости, созданной природою и выисканной горскими хищниками для обороны воли своей, для охраны добычи. Все было тихо въ

Digitized by Google

селеніи и по горамъ окрестнымъ; на дорогахъ и улицахъ ни души... стада овецъ лежали въ тѣни скалъ, буйволы тѣснились въ грязномъ водоемѣ у ключа, выставляя однѣ морды изъ болота. Лишь жужжаніе насѣкомыхъ, лишь однозвучная пѣсня кузнечика были голосомъ жизни, среди пустыннаго безмолвія горъ — и Гаджи-Сулейманъ, залегши подъ куполомъ, вполнѣ наслаждался тишью и бездѣйствіемъ природы, столь сходными съ лѣнивою неподвижностію Турецкаго характера. Тихо поводилъ онъ глазами, въ которыхъ погасъ свой огонь и потускъ свѣтъ солнца, и наконецъ взоры его встрѣтили двухъ всадниковъ, медленно взбирающихся вверхъ по противоположной сторонѣ ущелія. «Нефтали!» закричалъ нашъ Мулла, обратившись къ ближней саклѣ, у дверей которой стоялъ осѣдланный конь. И вотъ стройный Чеченецъ, съ подстриженною бородкою, въ мохнатой шапкѣ, закрывающей полліца, выбѣжалъ на улицу. «Я вижу двухъ вершниковъ,» продолжалъ Мулла: «они объѣзжаютъ селеніе!»

— Вѣрно Жиды, либо Армяне — отвѣчалъ Нефтали: — имъ конечно не хочется нанимать проводника; да они сломятъ себѣ шею на объѣздной тропинкѣ. Тамъ и дикія козы и наши первые удальцы скачутъ оглядываясь.

«Нѣтъ, братъ Нефтали, я два раза ходилъ

Digitized by Google

въ Мекку (*), и навидался Армянъ и Жидовъ во всѣхъ сторонахъ... Только эти всадники не шѣмъ глядятъ, чтобы имъ торговать по-Жидовски — развѣ на перекресткѣ мѣняютъ желѣзо на золото! Съ ними нѣтъ и вьюковъ. Взгляни-ка самъ сверху; твои глаза вѣрнѣе моихъ: мои отжили и отглядѣли свое. Бывало за версту я могъ считать пуговицы на кафтанѣ Русскаго солдата, и винтовка моя не знала промаха по невѣрнымъ, а теперь я и даренаго барана вдали не распознаю.»

Между тѣмъ Нефтали стоялъ уже подлѣ Муллы, и орлинымъ взоромъ своимъ слѣдилъ проѣзжихъ.

«Полдень жарокъ и путь тяжелъ,» примолвилъ Сулейманъ: «пригласи пущниковъ освѣжить себя и коней: можетъ не знаютъ-ли чего новенькаго; да и принимать странника крѣпко на крѣпко заповѣдано Кураномъ.»

— У насъ въ горахъ, и раньше Курана, ни одинъ пущникъ не выходилъ изъ деревни голоденъ или грустенъ; никогда не прощался безъ

(*) Гаджи — собственно значитъ: пущешественникъ, но придается въ родѣ титула тѣмъ, кои были въ Меккѣ. Они имѣютъ право носить бѣлую витую чалму. Шагиды рѣдко однакожъ ее носятъ.

Digitized by Google

турека, безъ благословенья и безъ провожатаго въ напутье — только эти люди мнѣ подозрительны: зачѣмъ имъ обѣгать добрыхъ людей, и по околицамъ, съ опасностью жизни, миновать деревню нашу?

«Кажется они земляки твои,» сказалъ Сулейманъ, осѣнивъ глаза рукою, чтобы пристальнѣе вглядѣться. «На нихъ Чеченское платье. Можетъ быть они возвращаются изъ набѣга, куда и твой отецъ помчался съ сотнею другихъ сосѣдовъ; или можетъ быть ѣдутъ брата мстить кровью за кровь!»

— Нѣтъ, Сулейманъ, это не по нашему. Ушерпѣло-ли-бы сердце горское не заѣхать къ своимъ, похвалиться молодечествомъ въ бою съ Русскими — пощеголять добычею! Это и не кровоместники, и не Абреки — лица ихъ не закрыты башлыками — впрочемъ одежда обманчива, и кто порука, что это не Русскіе бѣглецы? Недавно изъ Гумбетъ-Аула ушелъ Казакъ, убивъ уздена хозяина, у котораго жилъ, и завладѣвъ его конемъ, его оружіемъ... Чортъ силенъ!

«На тѣхъ, у кого слаба вѣра, Нефшали... однако, если я не ошибаюсь, у задняго всадника изъ-подъ шапки вьются волосы!»

— Пускай я разсыплюсь прахомъ, если не правда! Это или Русскій, или еще того хуже,

Digitized by Google

Шагидъ — Татаринъ (*)... Постой, пріятель, я разчешу тебѣ твои зильфлары (кудри); черезъ полчаса я возвращусь, Сулейманъ, или съ ними, или кто нибудь изъ насъ троихъ упитаетъ горныхъ беркутовъ.

Нефтали стремглавъ сбѣжалъ съ лѣстницы, накинувъ на плечо ружье, прыгнулъ въ сѣдло и помчался съ горы кубаремъ, не разбирая ни рытвинъ, ни камней. Только пыль взвивалась и камни катились слѣдомъ за безстрашнымъ наѣздникомъ.

«Алла акберъ!» преважно сказалъ Сулейманъ — и закурилъ трубку.

Нефтали скоро догналъ всадниковъ. Усталые кони ихъ, покрытые пѣною, кропили потомъ узкую, стремнистую стезю, по которой взбирались они въ гору. Передній былъ въ кольчугѣ, задній въ Черкесскомъ плашѣ; только Персидская сабля вмѣсто шашки висѣла на позументовомъ поясѣ. Лѣвая рука его была окровавлена, перевязана платкомъ и висѣла на темлякѣ. Лицъ обоихъ не могъ онъ видѣть. Долго ѣхалъ онъ сзади по скользкой тропѣ, вися-

(*) Всѣ горцы плохіе Мусульмане, но держатся секты Сунни; напротивъ большая часть Дагестанцевъ Шагиды, какъ и Персіяне... Обѣ секты сіи ненавидятъ другъ друга отъ чистаго сердца.

Digitized by Google

щей надъ пропастью, но при первой площадкѣ заскакалъ впередъ и поворотилъ коня на встрѣчу. «Селамъ Алейкюмъ,» сказалъ онъ преграждая путь на едва пробитую въ скалѣ стезю, и выправляя оружіе.

Передовой всадникъ поднялъ бурку на лицо, такъ что лишь однѣ нахмуренныя брови его остались видимы. — Алейкюмъ селамъ! — отвѣчалъ онъ, взводя курокъ ружья и укрѣпляясь въ стременахъ.

«Дай Богъ добраго пути,» молвилъ Нефтали, повторяя обыкновенный привѣтъ встрѣчи, и между тѣмъ готовясь при первомъ непріязненномъ движеніи застрѣлить незнакомца.

— Дай тебѣ Богъ ума, чтобъ не мѣшать путникамъ!—возразилъ нетерпѣливо противникъ.— Чего ты хочешь отъ насъ, кунакъ?

«Предлагаю покой и братскую трапезу вамъ; ячмень и стойло конямъ вашимъ. Порогъ мой искони цвѣтетъ гостепріимствомъ: благодаренье путниковъ множитъ стада и закаляетъ оружіе добраго хозяина... не кладите-же клейма упрека на все наше селенье, чтобъ не сказали: они видѣли путниковъ въ полдневный жаръ, и не освѣжили, не угостили ихъ!»

— Благодаримъ за участіе, пріятель. Мы не привыкли на сворѣ ходить въ гости... да и быстрота для насъ нужнѣе покоя.

Digitized by Google

«Вы ѣдете на встрѣчу погибели, не взявши провожатаго.»

— Провожатаго! — воскликнулъ пушникъ.— Да я знаю всѣ туриныя стежки на Кавказѣ, не только ваши конные проѣзды. Я бывалъ тамъ, куда не ползали змѣи, не взбирались тигры, не летали орлы ваши! Отстранись, товарищъ... на Божьей дорогѣ нѣтъ твоего порога; мнѣ нѣкогда точить съ тобою вздоры.

«Я не уступлю шагу, покуда не узнаю: кто ты и откуда.»

— Дерзкій мальчишка! прочь съ дороги... иль черезъ мигъ, твоя мать будетъ вымаливать у шакаловъ и вѣтровъ твои раздробленныя кости! Благодари судьбу, Нефтали, что я водилъ хлѣбъ-соль съ отцемъ твоимъ и не разъ о бокъ съ нимъ пускалъ коня въ сѣчу. Недостойный сынъ! Ты бродишь по дорогамъ и готовъ нападать на мирныхъ пушниковъ, а тѣло отца твоего тлѣетъ теперь на поляхъ Русскихъ, и жены Казаковъ продаютъ на станичномъ базарѣ его оружіе!! Нефтали! отецъ твой убитъ вчера за Терекомъ: узнай меня!

«Султанъ-Ахметъ-Ханъ!» вскричалъ Чеченецъ, пораженный нечаяннымъ, пронзающимъ взоромъ Хана и страшною вѣстію; голосъ его замеръ; онъ упалъ на гриву коня въ тоскѣ невыразимой.

Digitized by Google

— Да, я Султанъ-Ахметъ-Ханъ! Но врѣзь въ память, Нефтали, что если ты скажешь кому нибудь: «Я видѣлъ Аварскаго Хана» — месть моя переживетъ поколѣнія!

Странники проѣхали мимо. Ханъ безмолвствовалъ, погруженный, какъ видно, въ непріятныя воспоминанія — Аммалатъ-Бекъ (это былъ онъ) въ черныя думы. У обоихъ платье носило слѣды недавняго боя; усы были опалены вспышками полки, и брызги чужой крови засохли на лицахъ. Но гордый взоръ перзаго вызывалъ, казалось, на бой судьбу и природу, мрачная улыбка досады, смѣшанная съ презрѣніемъ, сжимала уста. Напротивъ испюма была написана на блѣдномъ лицѣ Аммалата. Онъ едва поводилъ полузакрытыми глазами, и порою стонъ вырывался отъ боли, въ раненой рукѣ его: неровный ходъ Татарскаго, непривычнаго къ горнымъ дорогамъ, коня, еще болѣе развережалъ рану. Онъ первый прервалъ молчаніе.

«Почему ты отказался отъ предложенія этихъ добрыхъ людей? Заѣхали-бы отдохнуть часочекъ другой, и по росѣ помчались-бы далѣе.»

— Ты думаешь, потому что ты чувствуешь какъ юноша, любезный Аммалатъ. Привыкъ ты повелѣвать своими Татарами какъ рабами, и полагаешь что такъ-же легко обходиться съ вольными горцами! Рука судьбы отягошѣла надъ

Digitized by Google

нами: мы разбиты и прогнаны, сотни храбрыхъ горцевъ, твои и мои нукеры легли въ битвѣ съ Русскими . . . и показать Чеченцамъ побѣжденное лицо Султанъ-Ахметъ-Хана, которое привыкли они видѣть звѣздой побѣды; явиться посреди ихъ бѣглецомъ; быть вѣстникомъ своего позора, принять нищенское угощеніе, можетъ быть слышать укоры за гибель мужей и сыновъ, увлеченныхъ мною въ дерзкій набѣгъ — значитъ навсегда потерять ихъ довѣріе. Пройдетъ время: слезы высохнутъ, жажда мести замѣнитъ тоску по убитыхъ, и тогда снова увидятъ они Султанъ-Ахмета, пророка добычь и крови; тогда снова раздастся въ этихъ горахъ призывъ къ бою, и снова поведу я летучія толпы мстителей въ Русскія границы. Приди я теперь, и въ пылу огорченія Чеченцы не разсудятъ, что Аллахъ даетъ и отнимаетъ побѣду... Они могутъ, пожалуй, обидѣть меня дерзкимъ словомъ, а мои обиды неискупимы, и личная месть можетъ заградить широкую дорогу на Рускихъ. Зачѣмъ-же накликать себѣ ссору съ храбрымъ народомъ, и сокрушать идола собственной славы, на который привыкли они глядѣть съ изумленіемъ? Человѣкъ никогда не кажется обыкновеннѣе, какъ въ безсиліи, когда всякой безбоязненно можетъ помѣрять съ нимъ плечо. Притомъ, тебѣ нуженъ искусный лекарь, а нигдѣ не найдешь ты луч-

Digitized by Google

шаго, какъ у меня. Завтра мы будемъ дома; потерпи до тѣхъ поръ.»

Аммалатъ-Бекъ съ признательностію приложилъ руку къ сердцу и ко лбу: онъ чувствовалъ вполнѣ справедливость рѣчей Хана, но слабость одолѣвала его съ каждымъ часомъ. Избѣгая селеній, они провели ночь между утесами, питаясь горстью пшена варенаго съ медомъ, безъ котораго горцы рѣдко отправляются въ дорогу. Переправясь черезъ Кой-су, по мосту близь Аширте, они давно уже оставили за собой Сѣверный рукавъ ея, и Анде, и землю Койсу-Булинцевъ, и голый хребетъ Салатау. Непроторенный путь ихъ лежалъ по лѣсамъ, по крутизнамъ, ужасающимъ взоръ и духъ; и вотъ стали они взбираться на послѣдній хребетъ, раздѣляющій ихъ съ сѣвера отъ Хунзаха или Авара — столицы Хановъ. Исчезъ и лѣсъ, и кустарникъ на кремнистой пустынѣ горъ, по которой кочуютъ лишь облака и вьюги. Чтобы достичь гребня, принуждены были наши путники ѣхать то вправо, то влѣво реями: такъ стремниста была крутизна утесовъ. Привычный конь Хана осторожно и вѣрно ступалъ съ камня на камень, пыхалъ копытомъ, не катятся-ли они, и на хвостѣ сползалъ въ обрывы; но гордый, пылкій жеребецъ Аммалата, питомецъ холмовъ Дагестанскихъ, горячился, прядалъ и оступался. Избалованный холею, онъ не могъ

Digitized by Google

выдержашь двухдневнаго побѣга на зноѣ солнца и холодѣ вершинъ, по острымъ скаламъ, едва подкрѣпленный скудною правою въ разсѣлинахъ. Тяжело храпѣлъ онъ взбираясь выше и выше; потъ струею бѣжалъ съ нагрудника; широкія ноздри пышали огнемъ, и пѣна кипѣла на удилахъ. «Аллахъ — Берекешъ!» воскликнулъ Аммалашъ, достигнувъ до вершины, съ которой открылся ему видъ на Аварію; но въ пуже минушу изнемогшій конь грянулся подъ нимъ на землю, кровь хлынула изъ оскаленнаго рша, и послѣдній вздохъ его порвалъ сѣдельную подпругу.

Ханъ поспѣшилъ помочь Беку выбиться изъ стременъ. Онъ со страхомъ замѣтилъ, что усилія сдвинули перевязку съ раны Аммалашовой, и кровь пробилась снова. Молодой человѣкъ, казалось, былъ нечувствителенъ къ боли: слезы его катились о павшемъ бѣгунѣ... Такъ одна капля не наполняетъ, но переполняетъ чашу. «Ты ужь не будешь носить меня, какъ пухъ по вѣтру,» говорилъ онъ, «ни въ пыльномъ облакѣ на скачкѣ, слыша за собой досадные клики соперниковъ и восклицанія народа, ни въ пламя битвы; уже не вынесешь еще однажды изъ-подъ чугуннаго дождя Русскихъ пушекъ. Съ тобой добылъ я славу наѣздника: зачѣмъ-же мнѣ переживашь и ее и тебя!»

Digitized by Google

Онъ склонилъ лицо въ колѣна и долго безмолвствовалъ, между шѣмъ какъ Ханъ заботливо перевязывалъ раненую его руку. Наконецъ Аммалатъ поднялъ голову. «Оставь меня, Султанъ-Ахметъ-Ханъ,» сказалъ онъ рѣшительно: «оставь несчастливца собственной участи. Путь далекъ, а я изнемогаю. Оставшись со мной, ты даромъ погибнешь. Взгляни, какъ вьется надъ нами орелъ: онъ чуетъ, что мое сердце скоро замретъ въ когтяхъ его... и слава Богу! Лучше найдутъ воздушный гробъ въ хищной птицѣ, чѣмъ отдашь свой прахъ подъ ногу Христіанина. Прощай, не медли.»

— Не стыдно-ли тебѣ, Аммалатъ, падать, запнувшись за соломенку!... Велика бѣда, что ты раненъ, что конь твой палъ. Рана заживетъ до свадьбы, коня найдемъ лучше прежняго, и впереди у Аллаха не однѣ бѣды приготовлены. Въ цвѣтѣ лѣтъ и въ мужествѣ ума, грѣшно отчаяваться. Садись на моего коня: я поведу его подъ уздцы, и къ ночи мы дома. Время дорого!

«Для меня ужъ нѣтъ времени, Султанъ Ахметъ-Ханъ.... Благодарю отъ сердца за твою братскую заботливость; но я не попользуюсь ею... тебѣ самому не вынести пѣшеходнаго пути послѣ такой усталости. Повторяю: оставь меня на произволъ судьбы. Здѣсь, на непри-

Digitized by Google

ступныхъ высотахъ умру я воленъ и доволенъ... Да и чѣмъ можетъ манить меня жизнь? Родители мои лежатъ въ землѣ, жена лишилась зрѣнія, дядя и шестьь Шамхалъ ползаютъ въ Таркахъ передъ Рускими... въ родинѣ, въ наслѣдіи моемъ пируютъ гяуры, и теперь самъ я изгнанникъ изъ дому, бѣглецъ изъ боя. Я не хочу и не долженъ жить!»

— Не долженъ-бы говорить такого вздора, любезный Аммалатъ, и одна только лихорадка извиняетъ тебя. Мы созданы для того, чтобъ жить долѣе отцевъ нашихъ; женъ ты можешь найдти еще три, если одна не наскучила; если не любъ тебѣ Шамхалъ, а любо твое кровное наслѣдство, такъ для этого самаго и надо тебѣ жить: потому что для мертвеца не нужна власть и невозможна побѣда. Мстить Рускимъ святой долгъ: оживи хоть для него; а что мы разбиты, это не новость для воина: сегодня выпадаетъ удача имъ, завтра выпадетъ намъ. Аллахъ даетъ счастье, но человѣкъ создаетъ себѣ славу не счастьемъ, а твердостію.... Ободрись, другъ Аммалатъ... Ты раненъ и слабъ, я крѣпокъ привычкою и не утомленъ бѣгомъ; садись на коня, и мы еще побьемъ не разъ Русскихъ.

Лицо Аммалата вспыхнуло... «Да, я буду жить для мести имъ!» вскричалъ онъ: «для мести

Digitized by Google

тайной и явной. Вѣрь, Султанъ-Ахметъ-Ханъ, лишь для этого я принимаю твое великодушіе!... Отнынѣ я твой... клянусь гробомъ отца: я твой! Руководи моими шагами, направляй удары моей руки, и если я, попонувъ въ нѣгѣ, забуду клятву свою, напомни мнѣ эту минушу, эту вершину: Аммалатъ-Бекъ пробудится, и кинжалъ его будетъ молнія!»

Ханъ обнялъ, поднимая на сѣдло воспламененнаго юношу... «Теперь я узнаю въ тебѣ чистую кровь Эмировъ,» сказалъ онъ, «кровь пламенную дѣтей горъ, которая какъ сѣра течетъ въ жилахъ нашихъ и въ нѣдрѣ утесовъ, и порой, вспыхивая, потрясаетъ и рушитъ громады.»

Поддерживая одною рукою въ сѣдлѣ раненаго, Ханъ осторожно сталъ спускаться съ обнаженнаго черепа. Случалось, камни съ шумомъ катились изъ-подъ ногъ, или конь скользилъ внизъ по гладкому граниту, а потому они очень рады были добравшись до мшистой полосы. Мало по малу, кудрявыя растенія разстилать начали свою зеленую пелену, то вѣя изъ прещинъ опахалами, то спускаясь съ крутинъ длинными плетеницами на подобіе лентъ и флаговъ. Наконецъ они въѣхали въ густой лѣсъ орѣшниковъ, пошомъ дуба, черешни, и еще ниже чинара и чиндара. Разнообразіе, богатство растеній, и величавое безмолвіе сѣнистыхъ дубравъ вселяло

Digitized by Google

какое-то невольное благоговѣніе къ дикой силѣ природы. Порой, изъ ночнаго мрака вѣшней, какъ утро разсвѣтала поляна, украшенная благоуханнымъ ковромъ цвѣтовъ, не мятыхъ стопою человѣка. Тропинка то скрывалась въ чащѣ, то выходила на край утеса, и подъ нимъ въ глубинѣ шумѣлъ и сверкалъ ручей, то пѣнясь между каменьями, то дремля на каменномъ днѣ водоема, подъ тѣнью барбариса и шиповника. Фазаны, сверкая радужными хвостами, перелетывали въ кустарникахъ; стада дикихъ голубей вились надъ скалами, то стѣной, то столбомъ восходящими къ небу, и закатъ разливалъ на нихъ воздушный пурпуръ свой, и тонкіе туманы тихо подымались въ ущеліяхъ: все дышало вечернею прохладою, незнакомою жильцамъ полей. Уже путники наши были близки къ селенію Акокъ, лежащему за небольшой горой отъ Хунзаха. Невысокій гребень раздѣлялъ ихъ съ этимъ селеніемъ, когда ружейный выстрѣлъ раздался въ горахъ, и какъ зловѣщій знакъ повторился отголоскомъ утесовъ. Пушники остановились въ недоумѣніи: перекаты постепенно затихли. «Это наши охотники,» сказалъ Султанъ-Ахметъ-Ханъ, отирая потъ съ лица. «Они не ждутъ меня и не чаютъ встрѣтить въ такомъ положеніи. Много радостныхъ, много и горестныхъ слезъ принесу я въ Хунзахъ!» Непритворная горесть изобразилась на грозномъ

Digitized by Google

лицѣ Ахметъ-Хана: всѣ нѣжныя и всѣ злобныя чувства такъ легко играютъ душой Азіятца.

Другой выстрѣлъ однакожъ развлекъ его вниманіе... ударъ и ударъ еще... выстрѣлы отвѣчали выстрѣламъ, и наконецъ слились въ жаркую перепалку.

«Тамъ Рускіе!» вскричалъ Аммалатъ, выхватывая изъ ноженъ саблю. Онъ сжалъ каблуками коня, какъ будто однимъ прыжкомъ хотѣлъ перепрыгнуть за гребень, но мгновенныя силы его оставили, и клинокъ звуча покатился изъ опавшей руки. «Ханъ,» сказалъ онъ, спуная на землю, «спѣши на помощь своимъ землякамъ: твое лицо будетъ для нихъ дороже сотни воиновъ.»

Ханъ не слышалъ словъ его: онъ прислушивался къ полету пуль, какъ будто желая различить Русскія отъ Аварскихъ. «Ужели съ легкостію козъ, заняли они и крылья у орловъ Касбека? И откуда могли они пройдти на наши неприступныя твердыни!» говорилъ онъ, весь склонясь надъ сѣдломъ, со вложенною въ стремя ногою. «Прощай, Аммалатъ!» вскричалъ онъ наконецъ, послышавъ, какъ загорѣлась сильнѣй пальба. «Я ѣду погибнуть на развалинахъ, разразясь какъ перунъ ударомъ!» Въ это время пуля жужжа упала къ ногамъ его; онъ наклонился,

Digitized by Google

поднялъ ее, и лицо его просіяло улыбкою. Спокойно вынулъ онъ ногу изъ стремени и обратился къ Аммалапу. «Садись верхомъ,» сказалъ онъ ему: «скоро ты своими глазами разгадаешь эту загадку... У Рускихъ свинцовыя пули, а эта мѣдная, Аварская (*), моя милая землячка. Притомъ-же она прилетѣла съ южной стороны, откуда никакъ не могутъ прійдти Рускіе.»

Они взъѣхали на вершину гребня, и взорамъ ихъ открылись двѣ деревни, лежащія на двухъ противоположныхъ краяхъ глубокой рытвины: и изъ нихъ-то производилась перестрѣлка. Жители, залегши за камнями, за оградами, палили другъ въ друга. Между ними безпрестанно бѣгали женщины, съ воплемъ и плачемъ, когда какой нибудь удалецъ, приближась къ самому краю пропасти, падалъ раненый. Онѣ носили каменья, и заботливо и безстрашно подъ свистомъ пуль складывали передъ нимъ родъ щита. Радостные крики раздавались на той или на другой сторонѣ, когда видѣли, что выносятъ изъ дѣла раненаго противника. Печальные стоны оглашали воздухъ, когда падалъ кто нибудь изъ родныхъ или товарищей. Аммалапъ долго

(*) Не имѣя собственнаго свинца, Аварцы большею частію стрѣляютъ мѣдными пулями, ибо у нихъ есть мѣдныя руды.

Digitized by Google

и съ удивленіемъ смотрѣлъ на битву эту, въ которой было болѣе грому, чѣмъ вреда. Наконецъ онъ обратилъ вопрошающій взоръ къ Хану.

«У насъ это обыкновенная вещь,» отвѣчалъ тотъ, любуясь каждымъ удачнымъ выстрѣломъ. «Такія ошибки поддерживаютъ между нами воинственный духъ и боевой навыкъ. У васъ частныя ссоры кончаются нѣсколькими ударами кинжала: у насъ онѣ становятся общимъ дѣломъ цѣлыхъ селеній, и самая бездѣлица можетъ дать къ тому поводъ. Я чай и теперь дерутся за какую нибудь украденую корову, которой не хотѣли отдать. У насъ не стыдно воровать въ чужомъ селеніи: стыдно только быть уличену въ томъ. Полюбуйся на смѣлость нашихъ женщинъ: пули какъ мухи жужжатъ, а имъ и горя мало! Достойныя матери и жены богатырей!... Конечно въ великій стыдъ вмѣнится тому, кто ранитъ женщину: да вѣдь за пулю не льзя поручиться. Острый глазъ направляетъ ее, но слѣпая судьба несетъ въ цѣль. Однако темнота льется съ неба и разлучаетъ минутныхъ враговъ. Поспѣшимъ къ роднымъ моимъ.»

Одна привычка Хана могла спасти нашихъ путниковъ отъ частыхъ паденій, по крутому спуску къ рѣкѣ Узени. Аммалатъ почти ничего не видалъ передъ собою: двойная завѣса ночи

Digitized by Google

и слабости задергивала его очи; голова его кружилась; будто сквозь сонъ взглянулъ онъ, поднявшись снова на высоту, на ворота дома Ханскаго, на сторожевую башню. Невѣрной ногой ступилъ онъ на землю середи двора, середи восклицаній нукеровъ и челядинцевъ, и едва перешагнулъ за рѣшетчатый порогъ Гарама, духъ его занялся, смертная блѣдность бросила снѣгъ свой на лицо раненаго, и юный Бекъ, истощенный кровью, утомленный путемъ, голодомъ и душевною тоскою — безъ чувствъ упалъ на узорные ковры.

Глава III-я.

Аммалатъ пришелъ въ память на зарѣ. Медленно, по одиначкѣ сходились въ умъ его мысли, и тѣ мелькали будто въ туманѣ опъ чрезвычайнаго разслабленія. Онъ вовсе не ощущалъ боли въ тѣлѣ своемъ, и это состояніе было даже пріятно ему: оно отнимало у жизни горе, у смерти ужасъ, и въ эту пору онъ услышалъ-бы вѣсть о выздоровленіи такъ-же безпечно, какъ вѣсть о неизбѣжной кончинѣ. Ему не хотѣлось молвить слова, пошевелить пальцемъ. Это полуусыпленіе было однакожь не продолжительно. Въ самый полдень, послѣ посѣщенія лекаря, когда прислужники разошлись исполнять обряды

Digitized by Google

полуденной молитвы, когда стихъ усыпляющій говоръ ихъ, и только крикъ Муллы раздавался вдали, Аммалатъ послышалъ тихіе, осторожные шаги по коврамъ спальни. Онъ приподнялъ тяжелыя вѣки, и сквозь сѣть рѣсницъ показалось ему, что прелестная черноокая дѣвушка, въ оранжевой сорочкѣ, въ глазетовомъ архалухѣ, съ двумя рядами эмалевыхъ пуговокъ, съ длинными косами, распущенными по плечамъ, тихо приблизилась къ его ложу, и такъ заботливо обвѣяла его чело, такъ сострадательно взглянула на рану, что въ немъ затрепетались всѣ жилки. Потомъ осторожно налила она лекарства въ чашечку и... больше не могъ онъ разсмотрѣть... вѣки его опали какъ свинецъ... онъ только ловилъ слухомъ шелестъ ея шелковаго платья, будто шумъ крыльевъ улетающаго ангела, и снова все стихло; и каждый разъ потомъ, когда не твердый еще разумъ его хотѣлъ разгадать ея появленіе, оно сливалось съ неясными грезами горячки, такъ что первымъ вздохомъ, первымъ словомъ его, когда онъ очнулся, было: «Это сонъ!» Но это не былъ сонъ. Прелестная эта дѣвушка была шестнадцатилѣтняя дочь Султанъ-Ахмета-Хана. У всѣхъ горцевъ, вообще, незамужнія пользуются большою свободою обращенія съ мужчинами, не смотря на законъ Магомета. Тѣмъ болѣе независима была любимая дочь Хана. Подлѣ ней

Digitized by Google

шолько ошдыхалъ онъ ошъ забошъ и досадъ; подлѣ ней шолько лицо его находило улыбку, а сердце шушки. Въ кругу-ли Аварскихъ спаршинъ и узденей разсуждалъ онъ о дѣлахъ горской полишики, или давалъ судъ правымъ и виновашымъ; между домашними-ли слушалъ разсказы о прежнихъ удальсшвахъ, или замышлялъ новые набѣги, она прилешала какъ ласшочка и приносила ему весну душевную. Счасшье было шого виновашаго, на чье осужденіе являлась Хана при ошцѣ. Взмахнушый кинжалъ осшановлялся на воздухѣ, и часшо, взглянувъ на нее, Ханъ оплагалъ кровавые замыслы, чшобы не разлучашься съ милою дочерью. Все было ей позволено, все досшупно. Запрешишь ей чшо либо не подумалъ-бы Ахмешъ-Ханъ ни для какихъ обычаевъ, ни для какихъ пересудовъ; а подозрѣніе въ чемъ нибудь, недосшойномъ ея пола или ея сана, было шакъ-же далеко ошъ его мыслей, какъ ошъ ея сердца. Да и кшо могъ ей внушишь нѣжныя чувсшва изъ окружающихъ Хана? Склонишь свои мысли, унизишь свои чувсшва до человѣка, нисшаго ея родомъ, былобы неслыханнымъ позоромъ для дочери послѣдняго узденя; шѣмъ выше Ханская дочь ошъ самой колыбели напишывалась гордынею предковъ, и она, какъ ледяное забрало, ошдѣляла сердце ея ошъ всего видимаго общесшва. Доселѣ ни одинъ госшь не былъ равенъ съ нею родомъ;

Digitized by Google

но крайней мѣрѣ ни про одного не спросило о томъ сердце. Вѣроятно, что и безпечный, безстрастный возрастъ ея былъ тому виною; можетъ быть; но теперь часъ любви пробилъ, и сердце встрепенулось въ груди неопытной красавицы. Она спѣшила заключить въ объятія отца, и со страхомъ увидала прекраснаго юношу, падающаго какъ мертвецъ къ ногамъ ея... первое ея чувство былъ ужасъ; но когда отецъ разсказалъ, какъ и почему Аммалатъ гость его, когда сельскій лекарь объявилъ, что рана не опасна, нѣжное соучастіе къ раненому проникло все ея существо. Цѣлую ночь на пролетъ мечтался ей окровавленный гость, и она встрѣтила зарю впервые не такъ румяная какъ заря; въ первый разъ прибѣгла она къ хитрости: чтобы взглянуть на пріѣзжаго, вошла въ комнату его, чтобы поздороваться съ отцемъ... и потомъ вкралась туда въ полденъ. Непостижимое, неодолимое любопытство влекло ее посмотрѣть на глаза Аммалата. Никогда въ дѣтствѣ не желала она такъ сильно игрушки, никогда въ настоящемъ возрастѣ не манило ея такъ неодолимо новое, богатое платье или блестящее украшеніе, какъ страстно хотѣлось ей встрѣтить глаза гостя; и наконецъ, ввечеру, она встрѣтила томный, но выразительный, безпламенный, но свѣтлый взоръ его. Она не могла отвести очей отъ черныхъ очей Аммалата,

Digitized by Google

прилѣпленныхъ къ ней. Казалось, они говорили: «не скрывайся, звѣзда души моей!» поглощали исцѣленіе и отраду изъ ея взоровъ. Она не знала, что съ нею дѣлается; не чувствовала, на землѣ-ли была она, или въ воздухѣ носилась; летучія краски смѣнялись на лицѣ ея. Наконецъ она рѣшилась, дрожащимъ голосомъ спросить его о здоровьѣ... Надо быть Тартариномъ, который считаетъ за грѣхъ и обиду сказать слово чужой женщинѣ, который ничего женскаго не видитъ, кромѣ покрывала и бровей, чтобы вообразить, какъ глубоко возмущенъ былъ пылкій Бекъ взоромъ и словомъ прелестной дѣвушки, столь близко и столь нѣжно на него брошеннымъ. Сладкій огонь пробѣжалъ по сердцу его, не смотря на слабость.

«О, мнѣ очень хорошо теперь,» отвѣчалъ онъ, стараясь приподняться; «такъ хорошо, что я-бы готовъ былъ умереть, Селтанета!»

— Алла сахла-сынъ (Богъ да сохранитъ тебя) — возразила она. — Живи, живи долго!... Неужели не жаль тебѣ жизни?

«Въ сладкія минуты сладка и смерть, Селтанета! А еслибъ я прожилъ еще 100 лѣтъ, краше настоящей не нашелъ-бы!»

Селтанета не поняла словъ гостя, но она поняла взоръ его, поняла выраженіе его голо-

Digitized by Google

са. Она закраснѣлась еще болѣе, и сдѣлавъ рукою знакъ, чтобы онъ успокоился, упорхнула изъ комнаты.

Между горцами есть весьма искусные лекаря, особенно для всѣхъ переломовъ и ранъ; но Аммалата исцѣляло лучше всѣхъ травъ и пластырей присутствіе милой горянки. Съ пріятною надеждою засыпалъ онъ, увѣренный, что увидитъ ее во снѣ, и радостенъ просыпался, зная, что на яву съ нею встрѣтится. Силы его возвращались быстро и съ силами росла привязанность къ Селтанетѣ. Аммалатъ былъ женатъ, но, какъ водится на Востокѣ, для однихъ расчетовъ. Онъ никогда не видѣлъ до свадьбы невѣсты своей, и послѣ ничего не нашелъ въ ней привлекательнаго, ничего такого, что бы могло пробудить его спящее сердце. Впослѣдствіи жена его ослѣпла, и это обстоятельство еще болѣе охладило связь, основанную на Азіятской чувственности. Семейная непріязнь къ тестю и дядѣ Шамхалу еще болѣе раздѣляла молодыхъ супруговъ, до того что они очень рѣдко бывали вмѣстѣ. Мудрено-ли-жь послѣ этого, что юноша, пылкій по природѣ, своевластный по привычкѣ, загорѣлся новою для него любовью! Быть съ нею было для него самымъ высокимъ счастьемъ, ждать ея появленія пріятнѣйшимъ занятіемъ... Бывало, онъ вздрогнетъ, чуть заслышитъ ея голосъ: каждый звукъ, будто лучъ

Digitized by Google

солнца, проникалъ въ душу, и ощущеніе это походило на боль, но боль такъ восхитительную, что онъ желалъ-бы на вѣки продлить ее. Мало по малу знакомство между молодыми людьми скрѣпилось въ дружбу... они почти безпрестанно бывали вмѣстѣ. Ханъ часто уѣзжалъ внутрь Аваріи по дѣламъ хозяйства, по расправамъ, по военнымъ распоряженіямъ, оставляя гостя на попеченіе жены своей, тихой, молчаливой женщины. Онъ очень видѣлъ склонность Аммалата къ дочери своей, и втайнѣ тому радовался; это оживляло его честолюбивые и воинственные виды: родство съ Бекомъ, имѣющимъ право на Шамхальство, предавало ему въ руки тысячу поводовъ и средствъ вредить Рускимъ. Ханьша, занимаясь урядомъ домашнимъ, оставляла не рѣдко по цѣлымъ часамъ Аммалата въ покояхъ своихъ какъ роднаго, и Селтанета, съ двумя или тремя своими приближенными дѣвушками, сидя на подушкѣ за рукодѣльемъ, не видѣла какъ летитъ время, то разговаривая съ гостемъ, то внимая его разсказамъ. Бывало и то, что долго, долго сиживалъ Аммалатъ, склонясь у ногъ своей Селтанеты, не вымолвивъ слова, то глядясь въ черные, поглощающіе глаза ея, то любуясь съ ней горными видами изъ окна ея, обращеннаго къ сѣверу, и крутыми берегами и крутыми изворотами гремучей Узени, надъ которою виситъ

Digitized by Google

замокъ Ханскій. Подлѣ этого, дѣтски невиннаго существа, забывалъ Аммалатъ желанія, которыхъ она еще не знала, и тая въ неизвѣстномъ, непонятномъ для него наслажденіи, онъ не думалъ ни о прошедшемъ, ни о будущемъ: онъ не думалъ ни о чемъ; онъ только могъ чувствовать, и беззаботно, не отнимая отъ чаши устъ, пилъ блаженство каплю по каплѣ.

Такъ протекло лѣто.

Аварцы народъ свободный. Они не знаютъ и не терпятъ надъ собой никакой власти. Каждый Аварецъ называетъ себя узденемъ, и если имѣетъ есыря (плѣннаго), то считаетъ себя важнымъ баріномъ. Бѣдны, слѣдственно и храбры до чрезвычайности; мѣткіе стрѣлки изъ винтовокъ; славно дѣйствуютъ пѣшкомъ; верхомъ отправляются только въ набѣги, и то весьма немногіе. Лошади ихъ мелки, но крѣпки невѣроятно; языкъ дробится на множество нарѣчій, но въ основѣ Лезгинскій, ибо и сами Аварцы племени Лезгинскаго. Помнятъ Христіанскую вѣру, ибо не болѣе 120 лѣтъ поклонились Магомету, но до сихъ поръ плохіе Магометане: пьютъ водку, пьютъ бузу, нерѣдко виноградное вино, но всего чаще вино вареное, называемое у нихъ Джапа. Вѣрность Аварскаго слова въ горахъ обратилась въ пословицу. Дома тихи, гостепріимны, радушны, не прячутъ ни женъ, ни

Digitized by Google

дочерей; за гостя готовы умереть и мстишь до конца поколѣній. Месть для нихъ: святыня; разбой: слава. Впрочемъ не рѣдко принуждены бываютъ къ тому необходимостію. Выходя по вершинѣ Аталы и Тхезерукъ, черезъ хребетъ Турпи-тау въ Кахетію, за рѣку Алазань, для сельскихъ работъ изъ очень скудной платы, они не рѣдко остаются дни по два и по три безъ дѣла, и потомъ, уговорившись, какъ голодные волки бросаются ночью на ближнія селенія, и если удастся, угоняютъ стада, похищаютъ женщинъ, захватываютъ плѣнниковъ, но всего чаще слагаютъ свои буйныя головы въ неровномъ бою. Въ Русскія границы впаденія ихъ затихли съ тѣхъ поръ, какъ укротили Акушинцевъ, и Асланъ-Ханъ Кумыкскій стережетъ черезъ его владѣніе лежащій выходъ изъ Аваріи. Но селеніе Хунзахъ, или Аваръ, лежащее на восточномъ краю Аваріи, искони составляетъ наслѣдіе Хановъ, и власть ихъ тамъ законъ. Впрочемъ, имѣя право велѣть своимъ нукерамъ изрубить кинжалами любаго жителя Хунзаха, даже любаго проѣзжаго, Ханъ не смѣетъ наложить никакой подати, никакой пошлины на народъ, и долженъ довольствоваться доходами со стадъ и съ полей своихъ, обрабатываемыхъ каравашами (рабами) и есырями (плѣнниками). Не бравши однакожъ прямыхъ налоговъ, Ханы не отказываются отъ требованія повинностей,

Digitized by Google

освященныхъ болѣе силою, чѣмъ обычаемъ. Взять во дворъ мальчика или дѣвку, нарядить подводы на волахъ или буйволахъ для собственной перевозки или работы, послать гонца и т. п., суть вещи ежедневныя. Жители Хунзаха живутъ однакоже богаче всѣхъ своихъ одноземцевъ; домы ихъ чисты и почти всѣ въ два яруса; мужчины стройны, женщины красивы, тѣмъ болѣе, что между ними множество Грузинокъ, захваченныхъ въ плѣнъ. Въ Аваріи много занимаются Арабскимъ языкомъ, и потому слогъ людей грамотныхъ очень цвѣтенъ. Гарамъ Ханскій всегда полонъ гостями и нерѣдко просителями, которые, по Азіятскому обычаю, не смѣютъ показать глазъ безъ *пешкеша* (подарка), хотя-бы то былъ пятокъ яицъ. Нукеры Ханскіе, на числѣ и отважности коихъ опирается власть его, съ утра до вечера толкаются во дворахъ и въ комнатахъ Хана, всегда съ заряженными пистолетами за поясомъ и съ кинжаломъ на брюхѣ (*). Любимые уздени и пріѣзжіе гости изъ Чеченцевъ или изъ Тапаръ, обыкновенно каждый день являлись по утру на поклонъ къ Хану, отколѣ всей гурьбой отправлялись къ Ханшѣ, и нерѣдко цѣлый день оставались пировать въ особыхъ комнатахъ, угощаемые и въ отсутствіе Хана изобильно.

(*) Азіятцы носятъ кинжалъ не на боку, а впереди.

Digitized by Google

Однажды приходитъ въ бесѣду уздень Аварскій, и за новость разсказываетъ, что не вдалекѣ появился огромный тигръ, и что двое отличнѣйшихъ стрѣлковъ легли жертвою его люотости. «Это такъ напугало нашихъ охотниковъ, что никто не рѣшается въ третій разъ опытать удачи.» — Я опытаю счастья! — вскричалъ Аммалатъ, горя нетерпѣніемъ *выказать удальство свое* передъ горцами. — Пусть только наведутъ меня на слѣдъ звѣря. — Широкоплечій Аварецъ измѣрилъ взоромъ, съ ногъ до головы, дерзостнаго Бека, и улыбнувшись молвилъ: «Тигръ не чета Дагестанскому хабану, Аммалатъ! Его слѣдъ не рѣдко ведетъ къ смерти! »

— Не ужели ты думаешь — возразилъ тотъ гордо — что на этой скользкой дорожкѣ у меня закружится голова, или дрогнетъ рука? Не зову тебя помогать, зову посмотрѣть моего боя съ тигромъ. Я надѣюсь, ты повѣришь тогда, что если сердце Аварца твердо какъ гранитъ его горъ, то сердце Дагестанца закалено какъ славный булатъ ихъ. Согласенъ?

Аварецъ былъ пойманъ. Отказаться было-бы постыдно, и онъ протянулъ руку, развеселилъ лицо... «Охотно иду съ тобою,» отвѣчалъ онъ. «Отлагать нечего... совершимъ клятву въ мечети, и въ путь и въ бой неразлучно! Аллахъ судитъ: намъ-ли взять его кожу на чапракъ, или ему скушать насъ.»

Digitized by Google

Не въ Азіятскомъ нравѣ, еще менѣе въ Азіятскомъ обычаѣ, прощаться съ женщинами, отправляясь даже на долго, навсегда... Это принадлежитъ однимъ роднымъ, и развѣ случаемъ выпадаетъ госпію. Аммалатъ-Бекъ со вздохомъ однакожъ взглянулъ на окна Селтанеты, и тихими шагами пошелъ къ мечети. Тамъ уже ожидали его старшины селенія и толпа любопытной молодежи. По старинному Аварскому обыкновенію, ловцы должны были поклясться на Куранѣ, что не выдадутъ другъ друга ни въ битвѣ со звѣремъ, ни въ преслѣдованіи; не покинутъ раненаго, если судьба допуститъ, что звѣрь сломаетъ его; будутъ защищать другъ друга, лягутъ рядомъ, не щадя жизни, а во всякомъ случаѣ безъ шкуры звѣря не воротятся назадъ; или тотъ, кто преступитъ завѣтъ сей, да будетъ сброшенъ со скалы, какъ трусъ, какъ измѣнникъ! Товарищи послѣ присяги обнялись; Мулла надѣлъ на нихъ оружіе, и они отправились въ путь при громкихъ кликахъ всей толпы. «Или оба, или ни одного!» кричали имъ вслѣдъ. — Убьемъ, или умремъ! — отвѣчали охотники.

Минулъ день. Укрылся другой за хребты ледяные. Старики притомили глаза, глядя съ кровель на дорогу. Мальчики далеко выбѣгали на окрестные холмы, чтобы встрѣтить охотниковъ: все ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Въ цѣломъ

Digitized by Google

Хунзахѣ, едваль не у каждаго очага, кто отъ бездѣлья, кто отъ участія, толковали объ этомъ, но всѣхъ болѣе горевала Селтанета. Крикнутъ-ли на дворѣ, зашумитъ-ли кто на лѣстницѣ, вся кровь у нея вспыхнетъ, какъ на огнѣ можжевельникъ, и сердце запрыгаетъ отъ ожиданія; вскочитъ, бывало, бѣдняжка и побѣжитъ къ окну или дверямъ, и въ двадцатый разъ обманутая, потупивъ очи, тихо пойдетъ за рукодѣлье, которое впервые показалось ей скучно и безконечно. Наконецъ, за сомнѣніемъ и страхъ наложилъ свою ледяную руку на сердце красавицы. Она спрашивала у отца, у братьевъ, у гостей, каковъ звѣрь тигръ на рану? далеко-ли, близко-ли ходитъ онъ къ селеніямъ? И всякій разъ, разсчитавъ время, она сплеснувъ руками говорила сама себѣ: «Они погибли!» и тихо клонила голову къ неровно-волнуемой груди, и крупныя слезы катились по ея прелестному лицу.

На третій день оказалось, что опасенія всѣхъ не были напрасны. Уздень, товарищъ Аммалата въ ловитвѣ, насилу привлекся одинъ до Хунзаха. Кафтанъ его былъ изодранъ когтями звѣриными, самъ онъ блѣденъ какъ смерть, и въ изнеможеніи отъ голода и устали. Съ изумленіемъ, съ любопытствомъ обстали его и старъ и малъ, и вотъ что разсказывалъ онъ, подкрѣпивъ себя чашкою молока и кускомъ чурека:

Digitized by Google

«Въ тотъ-же день, какъ вышли отсюда, выслѣдили мы тигра. Мы нашли его спящимъ, между такимъ каменникомъ и чащею, что Аллахъ упаси! По жеребью досталось первому стрѣлять мнѣ... я подкрался и намѣтилъ очень ловко; стрѣльнулъ... анъ на бѣду звѣрь спалъ закрывъ морду лапою, и пуля, пробивъ ее, угодила въ шею. Пробужденъ громомъ и болью, тигръ взревѣлъ, и въ два прыжка прямо ринулся на меня, такъ что я не успѣлъ выхватить и кинжала: съ размаху онъ сбилъ меня съ ногъ, смялъ задними ногами, -и только помню я, что въ мигъ этого промежутка раздался крикъ и выстрѣлъ Аммалапа, и за шѣмъ оглушающее, ужасное рыканіе. Раздавленный я потерялъ память и дыханіе, и долго-ли я лежалъ въ обморокѣ, не вѣдаю.

«Когда открылъ я глаза, все было тихо кругомъ меня; мѣлкій дождь сѣялся изъ густаго тумана... былъ-ли то вечеръ, было-ли то утро? Мое ружье, подернутое ржавчиною, лежало подлѣ; ружье Аммалапа, переломленное пополамъ, не вдалекѣ; тамъ и сямъ обрызганы были камни кровью... только чьею кровью? Тигровой-ли, Аммалаповой-ли? какъ дознаться! Выломленные кустарники лежали кругомъ: вѣрно звѣрь выторгнулъ ихъ упорными прыжками. Я кликалъ, сколько было голосу, товарища: нѣтъ отвѣта. Посижу, посижу, да еще покличу: напрасно!

Digitized by Google

Ни звѣря, ни птицы перелетной. Много разъ пытался я идти, искать по слѣду Аммалата, или найдти его, или умереть на его пѣлѣ... хоть-бы отмстить звѣрю за смерть удалаго: силы нѣтъ! Взяло меня горе; я всплакался горько: зачѣмъ погибаю и пѣломъ и доброю славою! Рѣшился было ждать смертнаго часа въ пустынѣ, только голодъ одолѣлъ меня. Дай, подумалъ я, повѣщу въ Хунзахѣ, что Аммалатъ пропалъ безъ вѣсти, и хоть умру между своими. Вотъ я и приползъ сюда, какъ раздавленный змѣй. Братья! голова моя предъ вами: судите, какъ положитъ Аллахъ на сердце. Приговорите-ли мнѣ жить: буду жить поминаючи вашу правду; приговорите умереть: и то воля ваша! умру невиненъ. Аллахъ свидѣтель: я сдѣлалъ! что могъ!»

Ропотъ разсыпался по народу, когда выслушали пришельца. Одни правили, другіе винили его, хотя и всѣ жалѣли. «Всякой себя охраняетъ,» говорили нѣкоторые изъ обвинителей. «Кто порука, что онъ не бѣжалъ съ поля? На немъ нѣтъ раны, нѣтъ и свидѣтельства... а что онъ выдалъ товарища, это почти безъ сомнѣнія!» — Не только выдалъ, можетъ быть и нарочно предалъ — толковали другіе: — они не ладно между собою говаривали! — Ханскіе нукеры пошли еще далѣе: они подозрѣвали, что уздень убилъ Аммалата изъ ревности. «Онъ

Digitized by Google

слишкомъ умильно поглядывалъ на дочь Ханскую, а Ханская дочь не ему чету нашла въ Аммалатѣ.»

Султанъ-Ахметъ Ханъ, свѣдавъ для чего собрался народъ на улицѣ, прискакалъ и самъ на сходку. «Трусъ!» сказалъ онъ вмѣстѣ съ гнѣвомъ и огорченіемъ узденю. «Ты пустилъ позоръ на имя Аварское... Теперь можетъ всякій Тапаринъ укорить насъ, что мы звѣрямъ скормили гостя, не умѣя защитить его! По крайней мѣрѣ мы съумѣемъ за него отомстить: ты клялся на Куранѣ по старинѣ Аварской, не покидать въ бѣдѣ товарища, и если онъ падетъ, не ворочаться домой безъ шкуры звѣря... ты измѣнилъ клятвѣ... но мы не переступимъ завѣта: гибни! Даю три дни сроку душѣ твоей; но потомъ, если Аммалатъ не найдется, тебя сбросятъ съ ущеса! Вы головами отвѣчаете мнѣ за его голову!» примолвилъ онъ, обращаясь къ своимъ нукерамъ; надвинулъ шапку на брови и поворотилъ къ своему дому коня. Тридцать горцевъ помчались изъ Хунзаха во всѣ стороны, провѣдывать хоть объ остаткахъ Буйнакскаго Бека. У горцевъ священною обязанностію считается, съ честью похоронить своего родственника или товарища, и они часто, какъ Омировскіе герои, кидаются въ пылъ битвы, чтобы выхватить изъ рукъ Русскихъ убитаго со-

Digitized by Google

брата, и порой десятками падаютъ на тѣло, котораго не хотятъ выдать.

Несчастнаго узденя повлекли на конюшню Ханскую, мѣсто, замѣняющее обыкновенно тюрьму. Народъ, разсуждая о происшедшемъ, угрюмъ, но безропотенъ, разошелся по домамъ, ибо приговоръ Ханскій былъ согласенъ съ правдою ихъ обычаевъ.

Печальная вѣсть скоро проникла до Селтанеты, и какъ ни желали смягчить ее, она жестоко поразила дѣвушку, столь много любящую. Со всѣмъ тѣмъ она прошивъ ожиданія казалась спокойною: не плакала, не жаловалась; но за то и не улыбалась болѣе, не молвила слова. Ей говорила мать: она не слышала. Искры изъ трубки отца прожигали ея платье: она не замѣчала. Холодный вѣтеръ вѣялъ на грудь ея: она не чувствовала. Всѣ ея чувства сжались въ сердцѣ на муку: но это сердце глубоко лежало отъ взоровъ, и ничего не отражалось на гордомъ лицѣ ея. Ханская дочь боролась съ шестнадцатилѣтнею Селтанетою: можно было предсказать, кто падетъ прежде.

Но эта скрытая тоска удушала Селтанету: ей хотѣлось убѣжать отъ людскихъ глазъ и на свободѣ выплакать горе. «Боже мой!» думала она. «Зачѣмъ, потерявъ друга, не имѣю права

Digitized by Google

плакать о немъ! Всѣ такъ и смотрятъ на меня, чтобы посмѣяться послѣ; такъ и стерегутъ каждую слезку, чтобъ поймать ее на злословный языкъ свой. Чужое горе имъ потѣха. «Секина!» молвила она своей прислужницѣ: «пойдемъ гулять по берегу Узени!»

На трешь агача (*) разстоянія отъ Хунзаха, къ западу, есть развалины стариннаго Христіанскаго монастыря, уединеннаго памятника забытой вѣры туземцевъ. Рука времени будто изъ благоговѣнія не коснулась самой церкви, и даже изувѣрство пощадило святыню предковъ. Она стояла цѣла между разрушенныхъ келлій и павшей ограды. Глава ея съ остроконечною каменною кровлею уже почернѣла отъ дыханія вѣковъ; плющъ заплелъ сѣткою узкія окна и въ трещинахъ стѣнъ росли деревья. Внутри мягкій мохъ разостлалъ коверъ свой, и въ зной влажная свѣжесть дышала тамъ, питаемая горнымъ ключемъ, который, промывъ стѣну, прислоненную къ ущесу, падалъ черезъ каменный алтарь и распрядался въ серебристыя, вѣчно звучныя струны чистой воды, и потомъ, сочась въ спаи плитнаго пола, вился ниже и ниже. Одинокій лучъ

(*) Агачь — семь верстъ. Онъ называется конный. Пѣшеходный 4 версты.

Digitized by Google

солнца, закравшись сквозь окно, мелькалъ и переливался сквозь зыбкую зелень по угрюмой стѣнѣ, какъ рѣзвый младенецъ на колѣняхъ столѣтняго дѣда. Туда-то направила Селиманета свою прогулку; тамъ-то отдохнула она отъ взоровъ и вопросовъ, тяготившихъ ее. Все было такъ мирно, такъ прелестно, такъ счастливо около нее, и все это тѣмъ болѣе множило печаль ... первую печаль ея. Переливный свѣтъ на стѣнѣ, лепетаніе ласточекъ и журчанье ключа расположило въ слезы свинецъ, лежавшій у нее на сердцѣ, и горесть ея разлилась жалобами. Секина убѣжала нарвать грушь, растущихъ въ изобиліи около церкви, и Селиманета тѣмъ беззавѣтнѣе предалась природѣ, требующей облегченія.

И вдругъ, поднявъ голову, она вскрикнула отъ испуга... предъ нею стоялъ стройный Аварецъ, забрызганный грязью и кровью. Кожа тигра падала на земь съ плечь его... Ужели твое сердце, твои глаза, Селиманета, не узнали своего любимца? Нѣтъ, съ другаго взора она узнала Аммалата, и, забывъ все на свѣтѣ, кинулась ему на шею, обвила се руками своими, и долго, долго вглядывалась въ истомленное, но всегда милое лицо, и наконецъ огонь увѣренія, огонь восторга, заблисталъ сквозь необсохшія еще слезы печали. Могъ-ли тогда удержать пылкій Аммалатъ радость свою? Онъ

Digitized by Google

прильнулъ какъ пчела къ розовымъ губкамъ Селшанеты. Онъ довольно слышалъ за минуту, для своего счастія: теперь онъ былъ на верху блаженства. Еще ни слова не вымолвили любовники о любви своей, но они уже поняли другъ друга. «И ты, ангелъ, любишь меня?» произнесъ наконецъ Аммалашъ, когда Селшанета, застыдясь поцѣлуя, уклонилась изъ его объятій. «И ты меня любишь?»

— Сохрани Алла — отвѣчала невинная дѣвушка, опустивъ рѣсницы, но не очи.— Любить! Это страшное слово. Съ годъ тому назадъ, проходя по улицѣ, я увидѣла какъ побивали каменьями дѣвушку; съ ужасомъ убѣжала я домой, но ни гдѣ не могла спрятаться. Кровавая грѣшница вездѣ стояла передо мною, и стонъ ея еще до сихъ поръ отзывается въ ушахъ моихъ. Когда я спросила, *за* что такъ безчеловѣчно казнили эту несчастную? Мнѣ отвѣчали: она любила одного юношу!

«Нѣтъ милая, не за то что любила она, а за то что любила не одного, за то что измѣнила, быть можетъ, обоимъ... ее убили!»

— Что значитъ *измѣнила*, Аммалашъ? Я не понимаю этого!

«О, дай Богъ, чтобъ ты никогда не испытала, никогда не выучилась измѣнять; чтобы ты никогда не забыла меня для другаго!»

Январь 1832.

Digitized by Google

— Ахъ, Аммалатъ — въ эти четыре дня я узнала какъ тяжела для меня съ тобой разлука! Бывало долго не вижу братьевъ, Нуцала и Сурхая, и рада съ ними свидѣться, но безъ нихъ не тоскую; безъ тебя-же на свѣтѣ жить не хочется!

« Для тебя готовъ я умереть, звѣзда моя утренняя, за тебя положу свою душу, не только жизнь, милая!»

Шелестъ шаговъ прервалъ рѣчи любящихся: то была прислужница Селтанеты. Втроемъ они поспѣшили обрадовать Хана, и Ханъ былъ радъ, былъ утѣшенъ непритворно. Аммалатъ въ коротких словахъ разсказалъ, какъ было съ нимъ дѣдо. « Чуть завидѣлъ я павшаго товарища впереди меня, я встрѣтилъ звѣря на лету пулею: она разбила ему челюсть. Чудовище съ ужаснымъ ревомъ кинулось кружиться, прыгать, метаться, нѣсколько разъ порывалось ко мнѣ, и снова, развлекаемо болью, бросалось въ сторону. Въ это-то время, ударивъ его прикладомъ по черепу, изломалъ я ружье. Я долго гнался за нимъ, когда онъ пошелъ на уходъ, то на виду, то по кровавому слѣду; между тѣмъ день вечерѣлъ, и когда я вонзилъ кинжалъ въ горло павшаго тигра, темная ночь падала на землю. Волей и неволею, принужденъ я былъ ночевать, имѣя палатами утесы, а собесѣдниками волковъ и ша-

Digitized by Google

каловъ. Утро было дождливо и туманно; облака, задѣвая меня за голову, выжимали какъ губки на мнѣ свою воду. Въ десяти шагахъ передъ носомъ ничего не льзя было видѣть. Не видя солнца, не зная мѣста, напрасно бродилъ я вкругъ да около: дорога убѣгала меня, усталость и голодъ томили. Застрѣленная изъ пистолета куропатка подкрѣпила на время силы, но все таки не могъ я найдти выхода изъ этого каменнаго гроба. Только шумъ водъ, ниспадающихъ съ крутизнъ, только шумъ крыльевъ пролетающихъ въ тучѣ орловъ, слышались мнѣ вечеромъ, а ночью дерзкіе шакалы въ трехъ шагахъ отъ меня заводили свою плачевную пѣсню. Сегодняшнимъ утромъ красно всшало солнце и самъ я всталъ бодрѣе, направилъ бѣгъ къ востоку, и скоро послышалъ крикъ и выстрѣлы: это были твои посланцы. Утомленъ жаромъ, зашелъ я напиться чистой ключевой воды въ старую мечеть, и тамъ нашелъ Селтанету. Благодарность тебѣ, слава Богу!»

— Слава Богу, хвала и тебѣ! — сказалъ, обнимая его Ханъ. — Но удальство твое чуть чуть не стоило жизни твоей и вмѣстѣ твоего товарища. Промедли ты день, онъ-бы отправился плясать лезгинку на воздухѣ. Кстати явился ты. Джембулатъ, извѣстный наѣздникъ Малой Кабарды, присылалъ звать тебя въ набѣгъ на Русскихъ: вопъ достойное тебя поле. Вмѣсто того,

Digitized by Google

чтобъ дразнить судьбу, гоняясь за тиграми, лучше гонять Рускихъ. Тебѣ-же надо выкупить свою славу, плѣненную въ прошломъ бѣгствѣ. Время не терпитъ; завтра чѣмъ свѣтъ тебѣ должно отправиться.

Какъ ни досадна была такая вѣсть Аммалату, но онъ скрѣпя сердце отвѣчалъ, что ѣдетъ охотно. Онъ очень чувствовалъ, что громкое имя наѣздника есть порука будущихъ успѣховъ.

Но Селтанета поблекла, склонилась какъ цвѣтокъ головою, услышавъ о новой, грознѣйшей разлукѣ; взоръ ея, остановленный на Аммалатѣ, выражалъ тоску опасенія, боль предчувствія бѣды... «Алла!» произнесла она съ горестію: «опять набѣги, опять убійство! Когда-то перестанетъ литься кровь на угоріяхъ?»

— Когда горные потоки потекутъ молокомъ, и сахарный тростникъ, заколышется на снѣжныхъ вершинахъ — сказалъ Ханъ съ усмѣшкою.

(До слѣд. книжки).

Digitized by Google

О РОМАНАХЪ

Виктора Гюго, и вообще о новѣйшихъ романахъ.

(Противъ статьи Г-на Шове).

Мы помѣстили переводъ статьи Г-на Шове въ Телеграфѣ (1831 г. N° 22, стр. 218, и слѣд.), съ тѣмъ именно намѣреніемъ, чтобы напечатать потомъ разборъ его статьи. Исполняемъ наше предположеніе, надѣясь пояснить разборомъ нашимъ нѣсколько современныхъ литтературныхъ вопросовъ.

Статья Г-на Шове заключаетъ въ себѣ почти всѣ главнѣйшія вины, взводимыя на современныхъ, *Романтическихъ*, писателей. Содержа въ себѣ притомъ разныя *Классическія* привязки, она представляетъ намъ вѣрное изображеніе того, какъ вообще и всюду думаютъ и пишутъ нынѣшніе Классическіе критики. Такимъ образомъ, указавъ на ошибки и невѣрность взгляда Г-на Шове, не опровергнемъ-ли мы большую часть того, что въ разныхъ видахъ, и по разнымъ случаямъ, провозглашаютъ противъ современной Европейской литтературы и у насъ, въ Россіи?

Выгода наша въ семъ случаѣ немалая: мы будемъ опровергать мнѣніе литтературнаго старовѣра, но мнѣніе скромно и логически изложенное. На-

Digitized by Google

противъ, этого не льзя сказать о большей части Русскихъ *анти-романтическихъ* критикъ. Русская критика, или дико поетъ съ чужаго голоса, или говоритъ и *свое*, но говоритъ, какъ избалованный, злой ребенокъ. Совершенное отсутствіе плана и цѣли, безмыслица (чтобы не сказать: безсмыслица), и упорная, остервенѣлая брань, ложно, пристрастно прикрываемая именами вѣры, закона и добра — таково бываетъ содержаніе многихъ Русскихъ критическихъ статей. Не именуемъ никого, но знающій современную Русскую Литтературу, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, конечно согласится, что весьма часто даже чувство собственнаго достоинства не позволяетъ входить въ полемику со *многими* Русскими Журналистами и критиками.

Не таковъ Г-нъ Шове. Принадлежа къ литтературнымъ старовѣрамъ, тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ уваженіе наше, за свою скромность, умѣренность и опрятливость — да, и *отчетливость*. Г-нъ Шове ошибается, смотритъ невѣрно: онъ человѣкъ; онъ глядитъ въ тусклыя, старыя очки; но мы охотнѣе готовы разсуждать съ нимъ, нежели съ безотчетнымъ Романтикомъ, потому, что этотъ умный и добросовѣстный Классикъ имѣетъ свое основаніе, на которомъ утверждаются его сужденія. Онъ не косъ, и не слѣпъ; ему надобно только перемѣнить очки, и онъ будетъ смотрѣть вѣрно.

Изложимъ кратко, въ чемъ состоятъ требованія Классическаго критика, чтобы насъ не обвинили

Digitized by Google

потомъ въ уклоненіи отъ какой нибудь части его требованій, не сказали, что мы съ намѣреніемъ спутали, или не поняли, въ чемъ состоитъ спорное дѣло.

Г-нъ Шове взялся оцѣнить романы В. Гюго. Онъ начинаетъ съ общихъ опредѣленій, упоминаетъ прежде всего о правилахъ *вкуса*; но тотчасъ уклоняется отъ своего требованія, полагая, что вопросъ о вкусѣ можетъ увлечь его въ слишкомъ большія, подверженныя спорамъ подробности. Онъ выбираетъ основаніе, подчиненное меньшимъ сомнѣніямъ: *нравственность* (la morale). Здѣсь изъясняетъ онъ, что не почитаетъ необходимою принадлежностью изящныхъ произведеній *нравоученія-собственно*, то есть, не хочетъ, чтобы изящное произведеніе было силлогистическимъ доказательствомъ какой нибудь нравственной истины, или заключалось какою нибудь нравственною сентенціею, какъ дѣлается это въ апологахъ. Нѣтъ! Г-нъ Шове полагаетъ, что нравственность и вкусъ однородны, что каждое изящное твореніе должно быть основано на нравственности, и безъ того не можетъ быть изящнымъ. Онъ требуетъ исполненія такого условія и въ *романѣ*, требуетъ — даже вопреки уложенію Буало, по которому — dans un roman frivole (собственныя слова Буало) aisément tout s'excuse. Безъ этого нѣтъ прочнаго успѣха, нѣтъ славы. Критикъ ссылается на Сервантеса, Лесажа и Ричардсона. В. Скоттъ открылъ въ наше время новую дорогу на Романтическомъ поприщѣ, говоритъ критикъ, но и у него — основаніе всегда нравственно.

Digitized by Google

Здѣсь, довольно крутымъ поворотомъ, Критикъ утверждаетъ, что послѣдователи В. Скотта мало новаго приложили къ изобрѣтенію сего великаго писателя. Все состоитъ у нихъ, не въ созданіи новаго, но въ представленіи стараго съ точки зрѣнія, производящей необыкновенныя впечатлѣнія (moins à produire des créations nouvelles qu'à présenter d'anciennes créations sous un point de vue qui cause des impressions inaccoutumées).

Критикъ переходитъ къ частнымъ разборамъ романовъ В. Гюго, и представляетъ намъ сіи романы по порядку ихъ появленія. Къ каждому изъ романовъ В. Гюго приставлено имъ показаніе особеннаго, общаго Романтикамъ, *недостатка*. Такъ, въ доказательство, что современные писатели мало изобрѣли новаго, а только смотрятъ съ новой точки зрѣнія на старые предметы, *Ганъ Исландскій* сравнивается съ Циклопомъ Эврипида, съ Полифемомъ Виргилія, съ сказочнымъ Огромъ. *Бюгъ Жаргала* укоряютъ за неполноту картины Сенъ-Домингской революціи, за излишнюю возвышенность характера Негра, героя сей повѣсти. *Послѣдній день осужденнаго* хвалитъ Критикъ за цѣль, то есть: за стараніе содѣйствовать романомъ своимъ уничтоженію смертной казни во Франціи; но осуждаетъ неполноту завязки, изысканность подробностей. *Церковь Парижской Богоматери* — послѣднее твореніе В. Гюго, подвергается сильнѣйшимъ осужденіямъ; впрочемъ, довольно трудно сказать, чѣмъ именно недоволенъ Критикъ въ этомъ романѣ; всего явнѣе не нравится ему слогъ, изыскан-

Digitized by Google

ный и натянутый, неровность въ переходахъ подробностей, излишнее усиленіе страстей и положеній, доходящее иногда до безобразія и насилія. Критикъ думаетъ также, что ложно представленъ Авторомъ характеръ вѣка, въ которомъ происходитъ дѣйствіе романа.

Вотъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣлочей, основаніе и всѣ подробности критики Г-на Шове. Онъ отдаетъ большую похвалу необыкновенному дарованію В. Гюго, и только безпрестанно жалѣетъ, что этотъ упрямый человѣкъ не слушается — чего-бы такого?—Вкуса? Но о вкусѣ Г-нъ Шове не смѣетъ спорить — нѣтъ: В. Г. вообще обвиняетъ онъ за странное желаніе быть оригинальнымъ, на зло всему, съ пожертвованіемъ даже нравственной стороны своихъ созданій. Новаго Г-нъ Шове рѣшительно ничего въ немъ не видитъ. И въ *стараніи казаться новымъ* открываетъ онъ причину всѣхъ несообразностей и странностей В. Гюго.

Обратимъ прежде всего вниманіе наше на одинъ любопытный предметъ. Замѣтимъ: *уменьшеніе Классическихъ требованій.* Читая статью Г-на Шове, мы видимъ, что Классики уступили уже многое. Мы живо еще помнимъ, когда юное, смѣлое поколѣніе умовъ рѣшилось на реформу литтературную во Франціи, съ какимъ ожесточеніемъ напали на него за такую дерзость старыя поколѣнія! Вѣковалыя славы вызваны были изъ гробовъ, и поставлены подъ знамена *Классицизма.* Но сильные противники, съ знаменемъ *Романтизма,* скоро доказали, что прошедшее не боецъ съ настоящимъ.

Digitized by Google

Въ рядахъ Классиковъ оказалось страшное замѣшательство: Грековъ ошбили у нихъ скоро, доказавъ, что расположеніе Греческихъ фалангъ совсѣмъ не сходно съ расположеніемъ Главнаго Штаба, и батальоновъ и ротъ новѣйшаго Классицизма. Въ тоже время великіе вожди Романтиковъ — Шекспиры, Данте, Кальдероны, великіе люди Юга и Сѣвера, Англіи и Германіи, ужаснули Классиковъ своею исполинскою мощью, идя свободно, и побѣждая закованныхъ въ схоластику великихъ мужей Классицизма. Напрасно отвергали Классики даже здравый смыслъ въ вѣковыхъ созданіяхъ Шекспира, Гёте, Шиллера; напрасно утверждались на трактатахъ вкуса, контрасигнированныхъ Лагарпами, Блерами и Эшенбургами. Сознавшись наконецъ, что не льзя отказать въ геніи Шекспиру и другимъ старымъ Романтикамъ, они пророчили, что по крайней мѣрѣ новѣйшій Романтизмъ ничего хорошаго не произведетъ. Неловкая ошибка! Англія, Германія, Франція сдѣлались разсадникомъ новыхъ идей литературныхъ, созрѣвавшихъ въ головахъ людей геніяльныхъ, за которыми явилось множество людей съ дарованіями, сильными и необыкновенными.

Мы не выдумываемъ сказаннаго здѣсь. Кто наблюдалъ ходъ современной литературы, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, тотъ согласится въ истинѣ излагаемаго нами. Литературная брань, кипѣвшая на поляхъ Франціи, Германіи и Англіи, отзывалась даже и у насъ въ Россіи, хотя въ наши литературныя пустыни забѣгали собственно

Digitized by Google

только летучіе отряды Романтиковъ и Классиковъ.

Статья Г-на Шове, повторимъ, доказываетъ, какъ много уже уступили Классики. Критикъ не отказываетъ ни въ дарованіи, ни въ искуствѣ В. Гюго. Соглашается и въ томъ, что публика потворствуетъ его странностямъ и прихотямъ хвалами и удивленіемъ.

На этомъ можно-бы В. Гюго, и всѣмъ Романтикамъ, основать свой отвѣтъ. « Вы говорили намъ прежде, что мы безумствуемъ, отступая отъ правилъ Классической школы, удаляясь отъ примѣра нашихъ предшественниковъ. Не споримъ. Но вы предвѣщали намъ полный неуспѣхъ, совершенное безплодіе великаго, мгновенную только извѣстность. Теперь, годъ отъ году прочнѣе и обширнѣе дѣлаются завоеванія Романтизма; великіе умы утвердили уже его своими трудами; публика всей Европы увлечена Романтизмомъ; онъ приводится уже въ теорію; что намъ за дѣло до средствъ, если успѣхъ оправдываетъ насъ! »

Такъ могли-бы отвѣчать Романтики; но подобный отвѣтъ доказывалъ-бы, что они въ самомъ дѣлѣ сами не знаютъ что дѣлаютъ, и то, что успѣхъ ихъ не надеженъ. Только слабости и безсилію должно предоставить подобные, неопредѣленные и односторонніе отвѣты. Новая литтературная реформа не боится ни критики строгой, ни изслѣдованій самыхъ подробныхъ. У Классиковъ должно отнять послѣднее возраженіе ихъ, состоящее въ томъ, что участіе публики въ реформѣ есть преходящій порывъ моды.

Digitized by Google

Замѣтимъ, мимоходомъ, недостатокъ точности въ словахъ Г-на Шове: онъ говоритъ, что публика принимаетъ участіе только въ нравственно-изящномъ. Mais par malheur un tems arrive aussi où *le besoin et la difficulté de produire incessamment du nouveau* détournent la littérature de cette voie de perfectionnement, *que la société veut continuer de suivre*. Но отъ чего-же являются *потребность* и *трудность* производить новое, если люди идутъ по *дорогѣ совершенствованія*? И если уклоненіе противно требованію публики, почему-же она восхищается? Здѣсь-то утверждаютъ Классики, что это мгновенная прихоть. Вѣрное-же мѣрило есть *вкусъ* и *нравственность*.

Обвиненіе въ *безвкусіи* и *безнравственности* не падаетъ-ли послѣ сего, столько-же на публику, сколько на писателей? Что-жь! Мы и слышимъ иногда глухіе вопли: «Горе вѣку нашему: онъ развратился!» Вопросъ становится довольно важнымъ. Для объясненія дѣла, надобно войдти въ нѣкоторыя подробности.

Всего хуже и сбивчивѣе ограниченность обзора и взгляда. Она, по большей части, бываетъ причиною заблужденій человѣческихъ. Человѣкъ не рожденъ съ наклонностью къ злу; всего чаще, онъ только ошибается, и ошибается потому, что не видитъ вполнѣ, будучи ограниченъ и конеченъ. Отъ того тысячи сомнѣній и вопросовъ безпрерывно колеблютъ умы людскіе. Таковъ *человѣкъ*; но не таково *Человѣчество*, то есть, общая сумма всѣхъ частныхъ бытій, взятая вмѣстѣ. Человѣчество

Digitized by Google

не ошибаешся, и судишь безпристрастно и вѣрно. Хотите-ли стать своимъ сужденіемъ на высшую степень? Судите, какъ судитъ оно. Исторія и Философія вожди ваши.

Въ каждой землѣ есть особенный край, въ которомъ идеи обобщаются и развиваются на всѣ остальныя части каждой земли. Не будемъ входить въ изслѣдованія физическихъ и нравственныхъ причинъ сего всеобщаго факта. Въ отношеніи къ цѣлому земному шару, такое мѣсто занимаетъ Европа. Говоря собственно, почти ни одна всемірная идея не началась въ Европѣ, но всѣ онѣ, безъ исключенія, обобщены и развиты Европою. Въ ней кончился періодъ вещественнаго бытія человѣческаго и начата жизнь духа человѣческаго. Первый періодъ явили въ Европѣ: Греція, какъ высочайшій идеалъ *изящества вещественнаго*, и Римъ, какъ высочайшій идеалъ *силы вещественной*.

Защемъ наступилъ періодъ жизни духа человѣческаго. Святая Религія сказала вѣчное Слово Истины, на обломкахъ языческихъ миѳовъ, и указала на судьбу человѣка внѣ міра. Пришли дѣятели новые, разрушили міръ Древнихъ, явили новыя идеи политическаго быта, принесли неизвѣстныя дотолѣ стихіи духа и общества человѣческаго. Долго представлялся міръ Европы хаосомъ нестройнымъ. Между тѣмъ какъ измѣнялись обычаи, нравы, мнѣнія, и созидались новыя царства и народы, умъ человѣка колебался, сомнѣвался, искалъ опоры, на которой могъ остановиться.

Онъ совершенно погрузился въ высокую идею Бога. Всеобъемлющая, божественная Религія про-

Digitized by Google

стерла къ нему свои материнскія объятія, и утѣшила его мыслью о другомъ, неизвѣстномъ прежде мірѣ. Человѣкъ хотѣлъ предать ея власти даже все то, что видѣлъ на землѣ. Но міръ, но земля взяли свое. Бытіе за гробомъ, *другой*, *лучшій міръ*, могутъ тогда только наполнить все существованіе человѣка, когда онъ отдѣлится вовсе отъ земли. Но до того онъ *долженъ* здѣсь жить, существовать. Бытіе земное обнаруживается у него жизнію внутреннею и внѣшнею. Въ первой умъ, открывающій міръ мысленія, или истины, и воображеніе, открывающее міръ фантазіи, или изящнаго — таковы стихіи его *внутренней* жизни. Міръ *внѣшній* заключается въ уравненіи воли одного человѣка съ волею другихъ, для общаго ихъ блага. — Въ первомъ, раскрывается для него источникъ всѣхъ Наукъ и Знаній; въ другомъ источникъ Поэзіи и Изящныхъ Художествъ; въ третьемъ политическій и общественный бытъ его, какъ законы взаимныхъ людскихъ сношеній, и управленія людской воли.

Человѣкъ, въ одно время, живетъ идеею Неба и идеею Земли. Въ одно время, онъ часть Человѣчества, часть Вселенной, и отдѣленъ отъ нихъ самобытною Жизнію. Это безконечность и конечность, дробь самая мѣлкая и цифра, выражающая цѣлый міръ, даже отблескъ, болѣе нежели міра — *Бога* (*)!

(*) Ничто — но Ты во мнѣ сіяешь
Величіемъ своихъ щедротъ,

Digitized by Google

Отъ того безчисленное дѣленіе и уравненіе человѣка. Онъ можетъ совершенно объединишься въ одной идеѣ, можетъ разлишься въ цѣлый міръ идей. Но чѣмъ всеобщнѣе онъ, тѣмъ выше другихъ, чѣмъ отдѣльнѣе, тѣмъ ниже. Отъ того мужъ силы ума и воли необъятной является превышающимъ других, великимъ дѣятелемъ политическимъ; человѣкъ ума всеобщаго философомъ; человѣкъ, увлеченный идеею изящнаго, поэтомъ. Они худо понимаютъ другъ друга, отъ того, что каждый объемлетъ міръ изъ своей идеи. Но чѣмъ они болѣе, тѣмъ ближе другъ къ другу. Такъ высшія минуты жизни политическаго дѣятеля восходятъ къ Поэзіи, и высшая практическая жизнь ведетъ къ Философіи, а поэтъ въ минуты восторга понимаетъ глубокія Философическія и Политическія идеи, и разгадываетъ загадку міра и человѣка.

Изъ сего безпрерывнаго уравненія разныхъ степеней человѣческаго бытія состоитъ вся наша Исторія. Надобно только принять притомъ въ соображеніе волю человѣка, которая увлекаетъ его въ направленія ложныя. Такъ Поэзія забываетъ свое назначеніе, и падаетъ къ подножію кумира страстей; такъ Философія унижается до забвенія истины, и Политика служитъ удовлетвореніемъ, не желанія блага, но безмѣрнаго эгоизма человѣческаго.

Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ!

Державинъ.

Digitized by Google

Когда разрушился міръ Древнихъ, прежде всего торжествовала съ одной стороны, вещественно, Воля, съ другой, духовно, Религія. Сила духа покоряла волю человѣка Религіи; но и сила Воли увлекала религіозныя идеи въ вещественность. Отъ сего явилось новое политическое образованіе Европы, черезъ борьбу духовной и гражданской власти (*).

Власть приняла древнія формы, бывшія въ Римѣ, какъ формы величайшаго проявленія силы — символа ея на землѣ. Но съ ней начали бороться двѣ новыя стихіи общества: *Феодализмъ*, или сила немногихъ избранныхъ людей, и частная независимость *Общинъ*, или вообще граждане.

Въ тоже время являлись отдѣльныя борьбы разныхъ стихій общества между собою, и одного народа противъ другаго. Такъ власть Духовенства встрѣтила Реформацію; стремленіе къ защитѣ Феодализма явило Рыцарство; Христіанство сражалось съ Исламизмомъ; сыны Сѣвера шли на Югъ; Мавры воевали древнюю Иберію, Германцы и Нордманны древнюю Британію.

Но мы не занимаемся здѣсь исторіею политическихъ измѣненій Европы, и упоминаемъ объ нихъ только для поясненія Исторіи Литтературы, Наукъ и Художествъ, послѣ разрушенія міра Древнихъ.

(*) Мы разумѣемъ здѣсь образованіе Западныхъ народовъ, гдѣ Католицизмъ былъ вмѣшанъ въ политическія распри.

Digitized by Google

Среди тяжкихъ и великихъ движеній политическаго міра, человѣкъ увлекался идеями *истины* (Философія и Науки), и идеями *красоты* (Словесность и Изящныя Искусства и Художества). Хотя сіи стремленія были отдѣльны, часшны, но они не могли не быть въ тоже время стихіями и общественнаго образованія, ибо каждый изъ насъ, будучи ученымъ, художникомъ, литтераторомъ, въ тоже время человѣкъ, слѣдственно, принадлежитъ *Религіи* и *Обществу*.

Здѣсь явилось два измѣненія. Съ одной стороны идеи истины и красоты начинались и зрѣли у каждаго народа отдѣльно; съ другой увлекались народы стремленіемъ общимъ.

Такимъ образомъ, въ послѣднемъ явился порывъ *возобновить и присвоить себѣ прешедшій міръ изящнаго Грековъ и Римлянъ*, когда, въ тоже время, каждый народъ *развивалъ стихіи своего собственнаго образованія*. Отсюда раздѣленіе *Классицизма* и *Романтизма*.

То и другое было безотчетно; то и другое было подъ вліяніемъ Религіи и Политическаго образованія. Что изъ сего явилось? Сперва обозримъ Исторію *Классицизма*.

При дѣйствіи *внѣшнихъ причинъ*, одинаковомъ и для Романтизма, *сущность* того, что впослѣдствіи названо *Классицизмомъ*, была отлична. Въ самомъ основаніи, мысль Классицизма была ложная, и насильно, неестественно привившая къ новому порядку дѣлъ.

Digitized by Google

Когда политическое волненіе общества позволило уму человѣческому заняться Изящнымъ и Философіею, люди естественно захотѣли узнать, что̀ прежде ихъ было дѣлано. Они нашли великія творенія Грековъ и Римлянъ, стали изучать ихъ, и, восхищенные ими, думали, что надобно было только *продолжать* трудъ Древнихъ. Но они не замѣтили ни частнаго *различія* того, что они безъ разбора брали у Древнихъ (Платона и Аристотеля, Омира и Виргилія, Эсхила и Сенеки, и т. д.), ни несообразности сихъ пріобрѣтеній съ своею Религіею, политическимъ образованіемъ и стихіями народности. Одно слово: *Древніе*, рѣшало для нихъ всѣ сомнѣнія. Изумленный умъ ихъ безмолствовалъ, и не смѣлъ разсуждать. Несчастная мысль присоединилась еще къ этому. Когда Древнія творенія были почтены *абсолютными образцами*, рѣшились извлечь изъ нихъ *абсолютъ Изящнаго*, захотѣли опредѣлить его систематически, привесть въ правила, раздробить аналитически. Отъ сего явилось школьное, риторское и ученое обезьянство, смѣсь Миѳологіи съ Христіанствомъ, схоластическія опредѣленія высокаго и прекраснаго. Ссылались на Аристотеля, желая доказать что-либо; призывали Феба и Музъ въ Христіанской Эпопеѣ, ставили трагедію на Греческія ходули, и одѣвали въ Римскую тогу новаго героя; долго щеголяли даже презрѣніемъ народныхъ языковъ, какъ варварскихъ, и старались писать по-Латини, перенимая самый образъ Латинскихъ выраженій, у того, или у другаго древняго писателя. Сперва опредѣляемо было: *какъ* писать? А послѣ того думали не о свобод-

Digitized by Google

номъ явленіи творческой мысли, но о томъ, чтобы она приходила въ назначенную мѣрку школьныхъ правилъ.

Что Европа для цѣлаго міра, то Франція, съ самаго начала новой политической системы, была и есть для Европы. Она обобщала и обобщаетъ всѣ идеи Политики, Философіи и Искуствъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ сильная государственнымъ могуществомъ, Франція сдѣлалась руководительницею Европы во всемъ. Въ ней естественно слѣдовало быть и сильнѣйшему развитію Классицизма. Такъ и было.

Всѣ идеи Религіи, Политики, Философіи и Искуствъ приняли во Франціи ложную Классическую форму. Такъ Католицизмъ сдѣлался во Франціи утонченнымъ ученіемъ Квіэтизма, и обрядовъ, безъ вѣры и безъ силы Христіанскаго духа; грозный Феодализмъ превратился въ придворную, блестящую Аристократію. Изъ Схоластическаго Классицизма Франція образовала какое-то свѣтско-ученое занятіе праздности, требованіе на образованность, ложныя правила котораго подкрѣплены были явленіемъ нѣсколькихъ геніяльныхъ людей. Поэзія исчезла въ звукахъ, гармоническихъ, но бездушныхъ, Философія потеряла высокое свое назначеніе, и Художества стали прикрасою роскоши и изнѣженной лѣности.

Не будемъ говорить о томъ, какимъ образомъ разрушена была политическая система прежней Французской Монархіи, въ концѣ XVIII-го вѣка. Довольно, что она исчезла въ вихряхъ Революціи, потрясшей едва-ли не весь міръ.

Digitized by Google

Когда прошли, и ужасы революціи, и тяжелый военный деспотизмъ, заключившій ее собою, какъ призракъ воина заключилъ видѣнія Макбета, зданіе Французской учености и Французской Словесности явилось полу-разрушенное, съ придѣлками Революціи и деспотизма.

Самовидцы и дѣятели прежняго, пережившіе дивную бурю, думали, что должно возстановить все въ прежнемъ видѣ. Но не такъ думало новое поколѣніе Франціи. Свободное отъ предразсудковъ, въ какихъ родились и жили отцы его, оно увидѣло, что Философія низошла во Франціи въ самый грубый матеріялизмъ; что Искуства унижены были въ рядъ ремеслъ, удовлетворяющихъ прихоти роскоши, и что Словесность была отголоскомъ ложныхъ понятій мнимо-*большаго* свѣта, не сообразныхъ ни съ духомъ остальной, многочисленнѣйшей части народа, ни съ истиною Изящнаго.

Въ тоже время обратились взоры ихъ на другіе народы, и на собственную свою народность.

Они увидѣли, что только гордость свѣтскихъ, всѣмъ управляющихъ людей, обрекла на безуміе и нелѣпость все *не-классическое*, и что всеобщее подражаніе Европы Французскимъ нравамъ, Французскому Классицизму, простиралось также только на *мнимо-избранныхъ* людей, или *свѣтское* общество каждаго народа. Между тѣмъ, какъ Классики гордились завоеваніемъ Европы, въ тишинѣ и безъ всякаго шума и блеска, истина произращала свои вѣчные, негибнущіе плоды.

Digitized by Google

Открылось, что каждый народъ жилъ своею отдѣльною, умственною жизнью, сообразно мѣстной природѣ и законамъ своей Исторіи. Такъ, не-классическая Испанія показала собою высочайшую степень, до которой Религіозный и Рыцарскій духъ, и соперничество пришельцевъ съ Востока, можетъ довести Поэзію; Англія явила примѣръ независимой Сѣверной народности, получившей отъ Реформаціи, религіозной и политической, самобытную; дикую силу; Германія представила высшее стремленіе къ источникамъ Философіи, и образецъ глубокаго соединенія Философіи съ Поэзіею. Это заставило обратиться Французовъ и къ другимъ народамъ; слѣдствія оказались одинакія: богатства поэзіи Восточной, мужество горящей во льдахъ поэзіи Сѣвера, изумили наблюдателей. Узнали наконецъ, что удивляющіе величіемъ образцы происходили отъ того, что Истина и Поэзія извлечены были ими изъ свободнаго созерцанія природы и самобытнаго развитія духа каждаго народа. Всего этого не понимали, и не могли понимать, ни поэты гостиныхъ Парижскихъ, ни философы Академическихъ париковъ, ни забавные Сенъ-Жерменскіе Греки и Римляне заднимъ числомъ!

Робко рѣшилось новое Французское поколѣніе представить свои открытія суду старыхъ Классиковъ. Гордые оффиціяльными шишулами на славу, не только отвергли они съ негодованіемъ мысль о нововведеніяхъ, но предали даже литтературному проклятію новое ученіе. Подъ именемъ *Романтизма*, оно подверглось гоненію и преслѣдованію.

Digitized by Google

Къ несчастію, при самомъ началѣ, *Классицизмъ* соединили съ идеями о прежнемъ порядкѣ политическомъ. Естественно было, Романтизму перейдти къ порядку новыхъ политическихъ идей. Отъ сего образовались двѣ политическо-литтературныя партіи. Обвиненія всѣхъ родовъ брошены были на Романтиковъ Классиками, и Романтиками на Классиковъ. Это раздражило умы. Война открылась по всѣмъ правиламъ истребленія.

Противопоставляя авторитетъ авторитету, Романтики перевели и показали своимъ противникамъ великія созданія Англичанъ, Нѣмцевъ, Испанцевъ, Сѣвера и Востока.

Они доказали, что только ложное пристрастіе заставляло прежде не признавать достоинства чужеземныхъ образцовъ.

Они вникнули въ теорію Наукъ, Искусствъ и Художествъ; освѣтили ихъ пламенникомъ истинной Философіи, и показали ложность и зыбкость основаній Классицизма.

Насмѣшливо и вѣрно доказано было ими безплодіе послѣдователей Классицизма, не только во Франціи, но и во всѣхъ тѣхъ странахъ, куда перенесено было сіе оранжерейное растеніе. Оцѣнены были Драйдены и Попе, Готшеды и Вейссы, Моратшины, Херасковы — эти Классики Англіи, Германіи, Испаніи, Россіи, вмѣстѣ съ Арно, Жуи, etc. etc. — Въ тоже время, созданія Байроновъ и В. Скоттовъ, Гёте и Жанъ-Полей, Шиллеровъ и Гоффмановъ, даже Эленшлегеровъ, Мюллнеровъ, Сау-

Digitized by Google

шеевъ, Колериджей, Вернеровъ, Борнсовъ, Тегнеровъ, Манзони, Пушкиныхъ, и тысячи другихъ, показали, какіе свѣжіе, тучные плоды даетъ свободное развитіе ума въ наше время, тогда какъ многіе думали, что время Поэзіи исчезло навсегда.

Голосъ публики означилъ правоту дѣла, и отозвался рѣшительно за Романтиковъ. Ободренные имъ, оживленные духомъ реформы, Французы, въ пятнадцать послѣднихъ лѣтъ, сами явили примѣры великихъ, необыкновенныхъ подвиговъ ума. Всему коснулась реформа: Философія, Исторія, Поэзія, Драма, Романъ, Критика, все было испытано, и едва-ли по какому нибудь отдѣленію умственныхъ занятій не можетъ нынѣ Франція указать на современное созданіе, доказывающее необыкновенныя дарованія занимавшагося онымъ.

Будемъ справедливы. Жестокое сопротивленіе Классиковъ произвело излишнее ожесточеніе Романтиковъ. Они не всегда были и суть справедливы въ своихъ нападеніяхъ; стараніе уклониться отъ *всего прежняго* заводило и заводитъ ихъ въ другую крайность. Но во всемъ этомъ едва-ли они сами виноваты.

Съ сей точки зрѣнія, послѣ такихъ предварительныхъ сужденій надобно было смотрѣть Г-ну Шове на творенія В. Гюго. Не обозрѣвши общей Теоріи и Исторіи духа человѣческаго, не объяснивъ, какъ проявлялся онъ въ новомъ мірѣ Европы, мы всегда будемъ ошибочно смотрѣть на новѣйшую Французскую литтературу.

Digitized by Google

Сообразимъ послѣ сего требованія Г-на Шове, а потомъ обратимся къ *роману* собственно, и къ самымъ произведеніямъ В. Гюго. Все явится намъ совершенно въ новомъ свѣтѣ.

(До слѣд. книжки).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

Русская литература.

— *Были и небылицы и гражданское начальное ученіе.* Сочиненіе Екатерины II. Издано съ Предисловіемъ С. Глинкою. М. въ т. С. Селивановскаго. 1832. X и 279 стр. in-8.

Въ Исторіи каждаго народа бываютъ царствованія, славныя побѣдами, громкими завоеваніями и блестящими воинскими подвигами. Обольщаясь ими, многіе забываютъ времена, не менѣе драгоцѣнныя для памяти народной: времена поэтическихъ царствованій, которыя, разцвѣчаясь болѣе и болѣе отдаляющимися отъ нихъ годами, дѣлаются вѣкомъ миѳологическаго очарованія, умилительныхъ воспоминаній, и, наконецъ, эпохою какой-то поэзіи политическаго быта. Таковъ былъ въ нашей Исторіи вѣкъ Екатерины Второй. Не льзя, безъ особеннаго чувства, говорить о сей дивной Женѣ, которая умѣла такъ счастливо остаться въ памя-

Digitized by Google

пи потомства. Надобно согласиться и въ томъ, что народъ вообще болѣе добръ, нежели золъ, болѣе хранитъ въ памяти блага, испытанныя имъ, нежели неудобства и злоупотребленія, неизбѣжныя въ каждомъ вѣкѣ. Посмотрите, какъ не смотря на всѣ измѣненія дѣлъ, идей и всѣхъ отношеній во Франціи, народъ Французскій помнитъ своего добраго Генриха, и до сихъ поръ съ умиленіемъ напѣваетъ: Vive Henri IV! Въ самомъ дѣлѣ, если былъ во Франціи вѣкъ истинной поэзіи политическаго быта, то конечно онъ былъ при Генрихѣ IV-мъ, столь сообразномъ своему времени, столь вѣрномъ характеру своего народа, воинскими подвигами, частною жизнью, прямымъ Французскимъ остроуміемъ и даже любовными интригами. Еще болѣе разительный примѣръ видимъ въ любви одного юнаго народа къ своему *старому* Фридриху! Ah, wenn der alte Fritz noch lebte! восклицаетъ каждый Прусакъ, вспоминая о дивномъ Фридрихѣ. И не думайте, чтобы однѣ побѣды этого великаго человѣка оставили его жить въ памяти народной. Я увѣренъ, что безъ *всего остальнаго*, Фридрихъ не сдѣлался-бы какимъ-то миѳологическимъ божествомъ умныхъ нашихъ сосѣдей. Для нихъ все драгоцѣнно въ немъ: и его любовь къ необыкновеннымъ людямъ, и острыя слова, и анекдоты, и даже оригинальный нарядъ его.

Гораздо выше обоихъ наименованныхъ нами Государей была Екатерина Великая. Ищу въ памяти своей чего нибудь подобнаго, и вижу, что Лѣтописи не баснословной Исторіи не представляютъ другой

Digitized by Google

Екатерины Второй. Вспомните, во-первыхъ, что Екатерина была женщина. Одно это придаетъ всѣмъ подвигамъ Ея какой-то необыкновенный характеръ. Далѣе, исчислите, если то можно, всѣ дивныя дѣла Ея, и скажите, есть-ли въ нашей Исторіи царствованіе болѣе блестящее, болѣе сообразное своему времени, и оставившее столь глубокое впечатлѣніе въ памяти народа? Чему приписать это? Неужели однѣмъ побѣдамъ Екатерины надъ внѣшними врагами? Побѣды Ея конечно были славны, даже безпримѣрны, но онѣ являются только частью лучезарнаго вѣнка, возлагаемаго на Нее потомствомъ. Нѣтъ! Провидѣніе хотѣло собрать надъ этою счастливою Женою весь блескъ народной славы и освѣтить имъ страницы Исторіи, которыя занимаетъ Она въ событіяхъ міра.

Я пишу не Исторію, не похвальное слово, и потому обращаюсь къ читателямъ увѣренный, что имъ не нужны указанія Историческія. Да и для чего они тамъ, гдѣ идетъ дѣло о любви народа, въ нѣкоторомъ смыслѣ подобной любви душъ и сердецъ? Мы еще видимъ современниковъ Екатерины и можемъ повѣрять этими живыми свидѣтельствами свои утвержденія. Дастъ-ли вамъ отчетъ Екатерининскій Генералъ, Вельможа, гражданинъ, за что онъ любитъ такъ благоговѣйно свою Матерь-Царицу? Это любовь чистая, безкорыстная — любовь человѣка очарованнаго. И счастливъ повелитель, умѣющій внушать такую любовь, подобную безотчетному благоговѣнію къ божеству!

Но мы, дѣти вѣка отчетливаго, испытательнаго, мы въ правѣ желать разгадки всякаго явленія.

Digitized by Google

Спросимъ-ли у самихъ себя, въ чемъ заключалось это удивительное обаяніе, это, можно сказать, торжество мудрости Екатерины? Въ сообразности съ временемъ, съ обстоятельствами и людьми. Вотъ отвѣтъ, котораго развитіе можетъ вѣрно разрѣшить задачу и представить удовлетворительное изображеніе сего достопамятнаго вѣка.

Восшедши на Престолъ, Екатерина прежде всего вникла геніяльнымъ умомъ въ духъ своего народа. Она изучила характеръ Рускихъ всѣхъ сословій, и сдѣлала все, что было можно для удовлетворенія современныхъ потребностей вѣка и народа. Явившись послѣ нѣсколькихъ царственныхъ повелителей, не во всемъ соображавшихся съ обстоятельствами, не вполнѣ удовлетворявшихъ просвѣщеннымъ классамъ жителей и самолюбію народа, Она блистательно изгладила сію ошибку своихъ предшественниковъ. Заставивъ трепетать непріятелей на полѣ брани, Она обратила свои побѣды въ пользу государства, округливъ границы и сблизивъ ихъ съ естественными предѣлами Россіи: о томъ свидѣтельствуютъ Бѣлорусскія губерніи, Крымъ, граница Турціи и Кавказская страна. Замѣтимъ, что успѣхи оружія и громъ побѣдъ были необходимы для Жены, дабы показать сосѣдямъ, что въ нѣжныхъ рукахъ Ея Русскій мечъ не заржавѣлъ послѣ побѣдъ Героя-Петра. Въ тоже время, Она старалась возвысить духъ своего народа, изъясняя ему великое значеніе слова: *человѣкъ*. Поддерживая высшую Аристократію богатствами и почестями, Она ввела въ кругъ государственный и простыхъ граж-

Digitized by Google

данъ. Здѣсь объяснительнымъ указаніемъ можетъ служить слово *рабъ*, такъ роскошно употреблявшееся въ Россіи, но волею Екатерины уничтоженное навсегда. Не льзя вдругъ искоренить злоупотребленій самого времени, но стремиться къ тому есть обязанность всякаго повелителя: Екатерина чувствовала важность сего, и ясно внушала своему народу, какъ велики Ея попеченія о немъ. Народъ всегда признателенъ къ такимъ чувствамъ своихъ Государей; да и какое существо, даже изъ одаренныхъ инстинктомъ, не только волею, исключительною принадлежностью человѣка, не будетъ признательно къ попеченію, къ заботливости о его судьбѣ?...

Но Екатерина дѣйствовала ко благу своего народа не на одномъ поприщѣ побѣдъ и законодательства. Отъ Ея-ли проницательности могло укрыться, что есть много средствъ мирныхъ, даже незамѣтныхъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныхъ, для внушенія истинъ благодѣтельныхъ и нравственности чистой. Свой, можно сказать, *домашній* кругъ, составила Она изъ людей самыхъ просвѣщенныхъ, замѣчательныхъ умомъ и личными достоинствами. Тамъ, кромѣ избранныхъ придворныхъ, блистали своею образованностію, любезностью и утонченнымъ Европеизмомъ общежительности, иностранцы: Принцъ де Линь, Англійскій Посолъ Фицъ-Гербертъ, Австрійскій Графъ Кобенцель, Французскій Графъ Сегюръ, Принцъ Нассау (бывшій и въ Русской службѣ); тамъ-же являлись всѣ, мелькавшіе какъ метеоры, славные и знаменитые

Digitized by Google

путешественники. Однимъ словомъ, Дворъ Екатерины былъ образцомъ, солнцемъ свѣтской образованности, разливавшейся оттолѣ и на весь кругъ общества высшихъ классовъ. Отъ Ея времени можетъ вести свое лѣтосчисленіе нашъ свѣтскій міръ. Но Она помнила также о классахъ народа, болѣе смиренныхъ. Она знала, что въ среднемъ и въ низшемъ разрядахъ общественныхъ, есть много мѣстъ темныхъ, которыя должна освѣтить образованность, ибо при ея благодѣтельномъ свѣтѣ, легче можетъ убѣлиться народная нравственность. Лучшимъ средствомъ признала Она для этого изданіе небольшихъ сочиненій, въ которыхъ, подъ разными формами, были-бы изложены и самыя злоупотребленія, и примѣры добрые, и средства къ искорененію зла. Вотъ происхожденіе книжки, давшей намъ поводъ написать сіи страницы.

Мы должны быть благодарны С. Н. Глинкѣ за изданіе сей книжки, въ которой собралъ онъ разныя сочиненія, написанныя или самою Екатериною, или подъ непосредственнымъ Ея руководствомъ. Правда, что изданіе сдѣлано довольно небрежно: безъ всякихъ примѣчаній, объясненій, и даже безъ оглавленія статей; но тѣмъ не менѣе заслуживаетъ похвалу доброе намѣреніе Г-на Глинки. Онъ напечаталъ тутъ, во-первыхъ *Были и небылицы*, сочиненіе, или лучше сказать разныя сочиненія, сатирическаго содержанія, помѣщавшіяся въ современномъ періодическомъ изданіи: *Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова*. Далѣе помѣщены: *Гражданское начальное ученіе*, то есть собраніе краткихъ

Digitized by Google

правилъ нравственныхъ; *Записки* — сборъ разныхъ свѣдѣній, по большей части Географическихъ; *Выборныя Россійскія пословицы*, и наконецъ двѣ знаменитыя сказки: *О Царевичѣ Февеѣ* и *Царевичѣ Хлорѣ*.

Любопытно видѣть, какъ дѣйствовала Великая Жена перомъ литературнымъ? На что обращала Она вниманіе, что старалась осмѣять, что искоренить?.. Пересказывать содержанія упомянутыхъ статей невозможно: тому препятствуетъ краткость ихъ и даже оригинальность, которая потерялась-бы въ самомъ лучшемъ извлеченіи. Пусть читатели наши прочтутъ сами книгу Екатерины и узнаютъ все, чего не могли мы здѣсь сказать.

Въ заключеніе, повторимъ мысль, выраженную нами въ началѣ сей статьи. Все къ одной цѣли было направлено въ этотъ достопамятный, громкій вѣкъ Екатерины. Какая стройность во всѣхъ Ея дѣлахъ и дѣйствіяхъ, и въ тоже время какая сообразность съ вѣкомъ! Россія, уже славная побѣдами и завоеваніями, уже незыблемая въ своемъ государственномъ составѣ, должна была развивать свои внутреннія силы, дабы воспользоваться вполнѣ данными ей отъ Бога средствами. Екатерина совершенно понимала сію истину. Въ то время, когда герой Румянцевъ и непобѣдимый Суворовъ громили враговъ Ея, когда удивительный Потемкинъ, умный Безбородко, и цѣлый сонмъ отличныхъ государственныхъ мужей исполняли Ея политическіе виды, когда Дворъ Ея законодательство-

Digitized by Google

валъ вкусомъ, а Ея мудрыя узаконенія давали жизнь гражданскому быту; когда Вольтеръ и Дидеро поклонялись уму и просвѣщенію Царицы Сѣвера, восклицая, что изъ Ея страны разливается просвѣщеніе; когда такимъ образомъ было приведено въ движеніе все для развитія силъ, для блеска и славы Россіи, Екатерина не оставила безъ вниманія и раждавшейся нашей Литтературы. Она сама занималась ею, сама *писала комедіи* и *чистила нравы*, какъ говорилъ Державинъ, сама была сотрудницею Журналовъ, и писала нравственныя были и небылицы. Въ качествѣ писателей и Журналистовъ, мы съ благоговѣйною признательностью видимъ, что судьба допускаетъ насъ идти по тому-же пути, на которомъ была Великая Предшественница. Впрочемъ, и на какомъ поприщѣ добра можемъ мы не идти по слѣдамъ сей безсмертной Жены?

Не для Рускихъ, которымъ не нужно доказывать безкорыстія всѣхъ сихъ мнѣній и мыслей, но для иноземцевъ, которые могли-бы не понять нашего чувства къ старой славѣ Россіи, для иноземцевъ замѣтимъ, что они могутъ найдти подтвержденіе всего сказаннаго нами, въ умномъ и просвѣщенномъ Французскомъ писателѣ Сегюрѣ. Его *Записки* изображаютъ Екатерину, и многое изъ окружавшаго Ея, безпристрастно и вѣрно. Если исключимъ нѣсколько фразъ и неизбѣжнаго для каждаго старика многословія, то Записки Сегюра есть одно изъ лѣхъ сочиненій, гдѣ можно получить понятіе о Екатеринѣ, которая умѣла плѣнять всякаго приближавшагося къ ней, умѣла побѣждать

Digitized by Google

всѣ препятствія на пути къ цѣли высокой, и остаться надолго въ памяти благодарныхъ современниковъ, и строгаго, но разсудительнаго потомства.

— *Альціона.* Альманахъ на 1832-й годъ. Изданъ Барономъ Розеномъ. СПб. Въ Военной тип. Главн. Штаба. 1832. IV, 254 и 102. in-16.

— *Сѣверные Цвѣты* на 1832-й годъ. СПб. въ т. Деп. внѣшн. торговли. 1831. VIII, 305 и 198 стр. in-16.

Мы не желали-бы утомлять читателей нашихъ обозрѣніемъ книгъ, къ коимъ не льзя привязать мысли. *Альціона* и *Сѣверные Цвѣты*, правда, не много представляютъ отличнаго; но по крайней мѣрѣ тутъ замѣчательны имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Любопытно посмотрѣть, какъ, не только Тальма, но и Гг. Карашыгинъ и Мочаловъ, играютъ въ самыхъ незначительныхъ пьесахъ. Подлинно, какъ говорится, человѣкъ красивъ не по мѣсту! Не смотря на аристократію *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* въ альманачномъ мірѣ, имъ предпочитаемъ мы въ нынѣшнемъ году *Альціону*. Слѣдующее послужитъ тому доказательствомъ.—*Альціона* открывается статьею А. Марлинскаго: *Военный антикварій*. Одинъ этотъ отрывокъ выводитъ изъ ряду обыкновеннаго прозу Альманаха. *Военный антикварій*, шутка, весело разсказанная; но въ ней, какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ Автора оной, мысли сквозятъ въ словахъ, и мѣткость языка едва удерживаетъ полноту души. Впрочемъ, не льзя по этой бездѣлкѣ судить о дарованіи писателя, едва-ль

Digitized by Google

имѣющаго соперника между бывшими и настоящими нашими прозаистами. Я думаю, о Цицеронѣ судили въ Римѣ не по мимоходнымъ разговорамъ... За то, какъ-бы для равновѣсія, Издатель напечаталъ 6-бокъ съ *Антикваріемъ* свою *Очистительную жертву*. Подлинно очистительная жертва читателя, за удовольствіе отъ предшествующей статьи! Это посцъ послѣ веселья карнавала, это вериги за прежній разгулъ, это флагелляція невинному читателю! Жаль, что не льзя серьёзно сердиться на Автора, ибо смѣхъ задушаетъ досаду, когда читаешь его ледяно-скучную сказку. Слогъ *Очистительной жертвы* можетъ служить образчикомъ, какъ пишутъ не на природномъ своемъ языкѣ. Тутъ писатель какъ будто въ чужомъ платьѣ! — Г-нъ Сомовъ, помѣстившій въ *Альціонѣ* три отрывка, сдѣлался въ нашей Литературѣ точно нѣмъ лицомъ, какое въ Нѣмецкой играютъ Теодоръ Гелль, Шютце, и множество другихъ подобныхъ литтераторовъ. Что вамъ угодно? Повѣсть? Сказку? Обозрѣніе Литтературы? Переводъ романа? Граммашику? Разборъ книги? Участіе въ альманахѣ? въ Журналѣ? Изданіе книги? Все готово. И все это дѣлается не по внутреннему призванію, не по страсти, а потому что *надобно*. Такого рода литтературные дружки, или свашы, люди полезные, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; только ужь и не спрашивайте отъ нихъ ничего отличнаго, поэтическаго. Органъ, заведенный ключемъ, можетъ иногда замѣнять музыканта; но быть музыкантомъ не въ его силахъ. — Объ остальныхъ прозаическихъ статьяхъ *Альціоны* можно промолчать. — Въ отдѣленіи *Сти-*

Digitized by Google

хотворенiй замѣтимъ: *Воскресное утро въ деревнѣ*, прекрасные стихи Жуковскаго, образующіе миловидную картинку; три стихотворенія Подолинскаго; переводъ изъ Англійской трагедіи Вильсона: *Пиръ во время чумы*, А. С. Пушкина, гдѣ прелесть и звучность стиховъ споряшъ съ глубиною мыслей; *Тадморъ*, какого-то псевдонима Олега, замѣчательный сильными стихами. Сіи, да, можетъ быть, еще два-три стихотворенія, могли-бы украсить всякій литтерашурный сборникъ. Но Издашель соблюлъ равновѣсіе и въ этомъ отдѣленіи своего Альманаха, помѣстивъ, на ряду съ хорошимъ, много забавнаго, и просто дурнаго. Пусть читашели сами рѣшашъ, къ которому разряду должно отнесши слѣдующіе стихи самого Издашеля:

Скажемъ дѣвѣ красоты:
«*Ахъ, хорошенькая ты!*»
Оглушенная хвалою (!)
Убѣжитъ, и ей *во* слѣдъ
Будь прощальный нашъ привѣтъ:
«Ты не наша — Богъ съ тобою!»

Или вотъ еще — *стихи*, замѣтьте, *не проза*:

Всѣ-ли за мужъ вышли эти дѣвы,
Коихъ юность, съ юностью *моей*
Совпадала нѣжно подъ напѣвы,
Подъ игривый *шумъ младыхъ страстей*?

Много шуму и въ стихахъ Г-на Шевырева, который почти во всякомъ изъ новыхъ стихотвореній своихъ напоминаетъ читателямъ, что онъ въ Римѣ:

Digitized by Google

Часто я, забывшись въ бѣгѣ,
Въ морѣ волнъ не тороплю,
И покоясь въ *звучной ладьѣ*,
Ихъ (?) дослушивать люблю.
Много пѣсенъ, голосистый,
Распѣваетъ *мой* (?) народъ,
Сей-же пѣсни звонкой, чистой
Не слыхать у нашихъ водъ.

Правду сказать, эти стихи не отзываются золотымъ вѣкомъ Рима!

Сѣверные Цвѣты будятъ въ насъ воспоминаніе о добромъ, талантливомъ Дельвигѣ. Было объявлено, что на сей годъ изданіемъ его Альманаха занимается А. С. Пушкинъ. Мы радовались тому; но прочитавъ *Сѣверные Цвѣты*, не видимъ въ нихъ дѣятельнаго участія Пушкина. Его тонкій, разборчивый вкусъ не принялъ-бы подъ свой флагъ излишняго, безполезнаго балласту, какимъ загружено сіе изданіе въ нынѣшнемъ году. Положимъ, что Повѣсть Батюшкова, безцвѣтную и слабую, можно было допустить, какъ напоминаніе о писателѣ необыкновеннаго дарованія; но для чего помѣщены тутъ вовсе не альманачныя статьи: Г-на Погодина, *Нѣчто о наукѣ*, и Г-на Максимовича *О жизни растеній*? Въ *Нѣчто*, не сказано о главномъ: что, сначала надобно выучиться писать и мыслить, а потомъ уже разсуждать и поучать другихъ. Иначе, кто станетъ учиться изъ такого писанія, которое наполнено дѣтскими ошибками противъ Логики и Граммматики? — Два отрывка Г-на Бичурина, занимательны. Признаемся, что намъ не столько по-

Digitized by Google

нравился клочекъ изъ Китайскаго романа, сколько описаніе плаванія по Байкалу. Простота изложенія, при величіи описываемаго предмета, дѣлаетъ сильное впечатлѣніе на умъ и душу.—Г. Сомовъ и здѣсь вѣренъ своей ролѣ. Подъ фирмою какого-то Сластёны выдаетъ онъ намъ длинный и вялый разсказъ о какомъ-то Малороссійскомъ чудакѣ; увѣряетъ, что это не его сочиненіе, и потчуетъ насъ учеными примѣчаніями къ разсказу Сластёны, объясняя слово: *писинка*, и прочее. — *Живой въ обители блаженства вѣчнаго*, замѣчателенъ только тѣмъ, что Г-нъ Сомовъ признаетъ себя Авторомъ онаго. Однакожь, согласитесь, читатели, что надобно много ума, такъ искусно *разнообразить пустоту*, называя свои издѣлія то находками, то подарками, то отрывками?—Еще въ прозаическомъ отдѣленіи Сѣверныхъ Цвѣтовъ занято довольно мѣста отрывками изъ романовъ Гг. Лажечникова и Никитенки, и Думою Ѳ. Н. Глинки.—Украшеніемъ-же сего отдѣленія мы почитаемъ небольшую статейку Г-на —ь.—ъ-й. Это разсказъ о какомъ-то поэтическомъ безумцѣ, достойный кисти Гоффмана.

Поэзія — какъ обыкновенно величаютъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* стихотворенія — заключаетъ въ себѣ одну драгоцѣнность. Это: *Моцартъ и Сальери*, А. С. Пушкина. Есть преданіе, что Моцартъ былъ отравленъ извѣстнымъ композиторомъ Сальери, возненавидѣвшимъ генія музыки за его дивныя созданія. Не знаемъ, кому принадлежитъ основная мысль этого несравненнаго сочиненія, но замѣтимъ, что его можно постигнуть только прочитавъ

Digitized by Google

вполнѣ. Всякій *пересказъ* оледенилъ-бы такое созданіе, которое выше всѣхъ словъ. — Совсѣмъ въ другомъ родѣ, но прелестно небольшое стихотвореніе Пушкина: *Бѣсы*. Въ *Сѣв. Цвѣтахъ* есть и еще нѣсколько его стихотвореній. — Жуковскій помѣстилъ тутъ прекрасный переводъ изъ Шиллера: *Сраженіе съ змѣемъ*. Но, ужь не черезъ чуръ-ли много восторга въ другомъ стихотвореніи, гдѣ тотъ-же Поэтъ заставляетъ насъ — *молиться могилѣ Карамзина*, котораго называетъ онъ *святымъ*! Не вѣрите? Вотъ цѣлая строфа:

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

Еще можно замѣтить необыкновенно хорошія стихотворенія Г-жъ Тепловыхъ, которыя уже извѣстны Русской публикѣ своими дарованіями. Намъ кажется особенно прекраснымъ *Языкъ очей*, соч. Н. С. Тепловой.

Объ остальномъ распространяться нѣтъ силъ. Посредственность надоѣла намъ и не въ однихъ Альманахахъ. А въ *Сѣв. Цвѣтахъ* много стиховъ ниже *золотой* — какъ говорилъ Римлянинъ — посредственности.

— *Послѣдняя глава Евгенія Онѣгина*. Сочиненіе Александра Пушкина. СПб. 1832. въ т. Деп. народн. просв. 51 стр. in-12.

Изъ читавшихъ первыя главы *Онѣгина*, вѣроятно не многіе думали такъ скоро увидѣть конецъ сей

Digitized by Google

повѣсти, вызвавшей много толковъ, споровъ, осужденій и восхищеній, холодныхъ порывовъ, и — можетъ быть — нѣсколько слезокъ, падшихъ украдкою. Но какъ-бы то ни было — вотъ послѣдняя глава, конецъ Онѣгина! «Чѣмъ-же кончилась эта *исторія*, сказка, или романъ?» спросятъ читатели. Чѣмъ?.. да чѣмъ обыкновенно кончится все въ мірѣ? И Богъ знаетъ! Иной живетъ лѣтъ восемьдесятъ, а жизни его было всего лѣтъ тридцать. Такъ и Евгеній Онѣгинъ: его не убили, и самъ онъ еще здравствовалъ, когда Поэтъ задернулъ занавѣсъ на судьбу своего героя. Въ послѣдній разъ читатель видитъ его въ спальнѣ Татьяны, уже Княгини N. N., свѣтской, высшаго тона дамы, которая упрекаетъ бывшаго властителя ея сердца за прежнее и настоящее, и оставляетъ его въ раздумьѣ, съ мужемъ своимъ Княземъ N. N.

И здѣсь героя моего,
Въ минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ,
На долго... навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по свѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно-бъ (не правда-ли?) пора!

Нѣтъ! Мы пожалѣли, не о томъ что судьба (волею Поэта) такъ неожиданно остановила Онѣгина, какъ будто на распутіи; мы пожалѣли объ *Осьмой главѣ*, извѣстной публикѣ по отрывкамъ. «Авторъ чистосердечно признается, что онъ вы-

Digitized by Google

пустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифромъ; но во избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой, надъ послѣднею главою Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя проситъ;
Я девять пѣсенъ написалъ;
На берегъ радостный выноситъ
Мою ладью девятый валъ.
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.

Такъ объясняется Поэтъ въ Предисловіи. Невольно покорствуемъ его волѣ.

Говорить о содержаніи сей Главы нечего. Оно живо полнотою и прелестью самаго разсказа, а не связывающею нитью, которая въ Онѣгинѣ такъ обыкновенна и проста. Подѣлимся наслажденіемъ съ читателями, выписавъ изъ окончанія *Онѣгина* нѣсколько разныхъ мѣстъ. Вотъ, напримѣръ, горсть афоризмовъ, очень обыкновенныхъ, *ходячихъ*; но языкъ — прелесть! Невольно зашверживаешь этотъ гармоническій лепетъ:

Блаженъ, кто смолода былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами выперпѣть умѣлъ;

Digitized by Google

Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человѣкъ.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья,
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

Вотъ картинка моднаго свѣта:

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И Знать, и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;

Digitized by Google

Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Неулыбающихся лицъ;
Тутъ былъ Посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, по старому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

Между тѣмъ Онѣгинъ — кто-бы повѣрилъ? — сдѣлался мечтателемъ!

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-тобъ одолжилъ!
. . . . . ,
Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ
Ужь разрѣшалася зима;
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живитъ его: впервые,
Свои покои запертые.
Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелекъ
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ,
Несется вдоль Невы въ саняхъ:
На синихъ изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ....

Читатели видятъ, что Поэтъ не разучился рисовать сѣверную природу. Но они вполнѣ поми-

Digitized by Google

рятся съ нимъ — если-бы и таился въ душѣ ихъ какой нибудь холодъ къ Онѣгину — прочитавъ заключеніе романа, по нашему мнѣнію одно изъ лучшихъ мѣстъ во всемъ этомъ сочиненіи.

Кто бъ ни былъ ты; о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего-бы ты за мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
Воспоминаній-ли мятежныхъ,
Отдохновенья-ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
Хотя крупицу могъ найдти.
За симъ разстанемся: прости.

Прости-жь и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеалъ,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ

Digitized by Google

Явилися впервые мнѣ...
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще не ясно различалъ.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужь нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А та, съ которой образованъ
Татьяны милый идеалъ...
О, много, много рожъ оттяялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа,
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

Это вздохъ музыки, долго плѣнявшей слухъ и душу!.. Если-бы Поэтъ *всюду* и *во всемъ* оставался такъ вѣренъ своему высокому призванію, какъ въ этихъ стихахъ, то ему конечно не пришлось-бы написать:

.... Журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня браняТъ,
А гдѣ такіе мадригалы
Себѣ вспрѣчалъ я иногда....

Digitized by Google

Если и опять будутъ гдѣ нибудь колоть Автора Онѣгина, то конечно *не за послѣднія строфы* поэтическаго его романа.

— *Элизіумъ*, альманахъ на 1832 годъ. Сочиненіе П. Іовскаго. М. Въ Университетской т. 1832. 316 стр. in-16.

Собраніе разныхъ вздоровъ, вѣроятно вымешенныхъ изъ Элизіума, и можетъ быть потому означенныхъ столь пышнымъ заглавіемъ. Тутъ есть между прочимъ двѣ главы изъ историческаго романа: *Биронъ, Герцогъ Курляндскій*... довольно изрядная пародія на историческіе романы.

— *Альманахъ Историческій*, или Красоты Россійской Исторіи. Изданный *Кнцгм.* М. Въ т. Лазаревыхъ Института. 1832. II и 421 стр. in-16.

«Книжка сія есть *не болѣе*, *какъ* выписка *изъ самыхъ занимательныхъ мѣстъ* Исторіи Карамзина.» Благое признаніе самого Издателя.

— *Неистовый Орландъ* Л. Аріоста. Переводъ Раича. *Часть первая.* Съ портретомъ Аріоста. М. Въ т. Лазаревыхъ Института. 240 стр. in-16.

«Переводчикъ рѣшился издавать Аріоста по частямъ, въ видѣ Альманаха.» Этого мало: «По окончаніи Аріоста, намѣренъ я *одинъ* — говоритъ онъ — или *съ двумя-тремя литтераторами*, перевесть, разумѣется въ стихахъ, и другихъ первоклассныхъ Итальянскихъ писателей... отважусь и на другое: составлю, съ помощію другихъ литтераторовъ, Итальянскую прозаическую библіо-

Digitized by Google

шеку въ Русскомъ переводѣ; короче сказать, я рѣшаюсь всю жизнь посвятить на ознакомленіе моихъ соотечественниковъ съ Итальянскою литературою...» И такъ Итальянцы не отдѣлались отъ Г-на Раича однимъ Тассомъ?.. Жаль!.. Онъ переводитъ Аріоста опять балладнымъ размѣромъ, и предупреждаетъ читателей, что въ первой строфѣ сдѣлалъ выпускъ слова *пою*. Намъ кажется, что и не въ одной этой строфѣ недостаетъ чего-*то* еще... Видно, Г-нъ Раичъ вообще любитъ *эллипсисы*.

– *Басни Алексѣя Зилова*. Часть вторая. М. Въ т. Лазаревыхъ Институша. 1832. 58 стр. in-12.

Въ сей Второй Части Г. Зиловъ напечаталъ 24 Басни.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ МУГАММЕДА (*).

Исторія представляетъ намъ Аравію, обитаемую двумя различными поколѣніями: *Іоктанидами*, жителями юга, и *Измаелитами*, позднѣйшими первыхъ, жителями сѣверной части. Благопріятное положеніе Іемена, между Египтомъ и Индіею, съ самыхъ отдаленныхъ временъ сдѣлало обитателей

(*) Сей важный предметъ, кажется, донынѣ обращалъ на себя весьма поверхностно вниманіе наше. Въ большей части того, что до сихъ поръ издано на Русскомъ языкѣ о Мугаммеданской религіи, смотрѣли на Мугаммеда съ особеннымъ отвращеніемъ, какъ на лже-пророка, и даже повторяли объ немъ сказки, иногда весьма нелѣпыя и глупыя. Съ другой стороны говорили о немъ исторически, какъ о начальникѣ фанатиковъ, миѳологѣ и завоевателѣ. Посему почли мы не излишнимъ представить читателямъ нашимъ взглядъ одного изъ новѣйшихъ оріенталистовъ, въ которомъ, удаляя всѣ религіозныя, политическія и сатирическія стороны, Авторъ смотритъ на Мугаммеда, только какъ на *законодателя*. Это сочиненіе Шпаля, напечатанное имъ въ Nouveau journal asiatique, издаваемомъ въ Парижѣ, отъ Парижскаго Азіятскаго Общества. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

его участниками обширной торговли; но, кажется, это мало имѣло вліянія на ихъ нравы. Измаелиты, кочевавшіе, по большей части, безъ всякаго постояннаго пребыванія, по песчанымъ долинамъ, или по границамъ ихъ, къ Евфрату, Сиріи, Палестинѣ и Египту, должны были сохранять простоту древнихъ обычаевъ и характера. Поэтическія произведенія ихъ, оставшіяся для насъ въ *Гамазѣ* и *Моаллакахъ*, являютъ намъ ихъ трезвыми, жадными къ славѣ, полагаемой болѣе въ храбрости, нежели въ предметѣ подвига, непримиримыми въ отмщеніи, что освящалось для нихъ даже религіознымъ вѣрованіемъ, гостепріимными въ высокой степени, щедрыми, даже до излишества, грабителями болѣе, нежели воинами, любящими независимость и свободу сильнѣе всего, людьми съ умомъ сильнымъ, открытымъ, но мало обработаннымъ. Таковы были Арабы, когда Жиды, избѣгая Римскаго оружія, пришли искать убѣжища въ ихъ землѣ, и ревность Христіанскихъ проповѣдниковъ обратилась въ Аравію. То и другое измѣнило нѣсколько однообразіе быта Аравитянъ. Впрочемъ, должно замѣтить, что все это относилось наиболѣе къ религіознымъ только понятіямъ, и въ этомъ реформа была весьма незначительна, потому, что идолопоклонство и звѣздопоклонство Аравитянъ осталось твердо по прежнему. Поэма Жида Самуила, сына Адіаева, по сущности своей, сходна съ другими Аравійскими поэмами, и это весьма важно, для познанія, какое сильное вліяніе на нравы и обычаи всегда имѣетъ политическое образованіе наро-

Digitized by Google

да. Поэма Жида Самуила была сочинена черезъ нѣсколько столѣтій послѣ изданія *Мишна*.

Но, явился наконецъ человѣкъ, измѣнившій, преобразовавшій все у Аравитянъ, и къ новому, начатому имъ порядку дѣлъ, примѣнившій прежніе и новые уставы и законы. Этотъ человѣкъ былъ *Мугаммедъ*. Мы остановимся прежде всего на немъ самомъ.

Мугаммедъ происходилъ отъ одного изъ знаменитѣйшихъ родовъ Аравіи, былъ весьма благообразенъ собою, кротокъ въ обращеніи съ своими, любилъ семейную жизнь, былъ преданъ отечеству своему, Меккѣ. Въ фанатической ревности, онъ вздумалъ возстановить древнюю вѣру Авраама (какъ онъ говорилъ), и основать ее на совершенной преданности волѣ Бога. Ему надобно было показать свои религіозныя идеи въ наивозможной простотѣ, ибо онъ хотѣлъ, чтобы всѣ народы міра поняли и приняли его ученіе. Для сего сохранилъ онъ у Аравитянъ древніе обычаи ихъ, и только далъ всему особенное направленіе. Далѣе почерпнулъ онъ многое изъ преданій Жидовскихъ Раввиновъ, и даже изъ Христіанскихъ вѣрованій. Остальное изъясняется для насъ временемъ, мѣстомъ жительства, и личнымъ характеромъ Мугаммедовымъ. По извѣстіямъ современниковъ, Мугаммедъ былъ нѣжнаго, нервическаго сложенія. Изъ сего понятна пылкая вѣра его въ мнимыя откровенія, переданныя ему будто-бы отъ Бога, во снѣ, и въ духовъ, коими, по примѣру Раввиновъ, воображеніе его населяло

Digitized by Google

цѣлый міръ. Признанный пророкомъ (т. е. лже-пророкомъ) большею частію Аравіи, онъ называлъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, подавленнымъ тяжестію его посланія. Продолжительныя размышленія о смерти, будущей жизни, вознагражденіи добра и возмездіи зла, ускорили его старость. Прежде всего, онъ хотѣлъ избавить себя отъ ужаса, съ какимъ смотрѣлъ на бытіе человѣка, и успѣлъ въ этомъ только ученіемъ о неизбѣжности предопредѣленія. Это утѣшало его и въ физическихъ страданіяхъ, причиняемыхъ ядомъ, сократившимъ самые дни его. Благотворительность, выходившая у него изъ всѣхъ предѣловъ, имѣла причиною невниманіе его къ благамъ здѣшней жизни. «Я не знаю, что мнѣ дѣлать съ жизнію!» говорилъ Магаммедъ. «Я подобаюсь всаднику, оставившему тѣнь дерева, подъ которымъ онъ отдыхалъ.» Какъ всѣ Арабы, онъ любилъ женщинъ, но не былъ увлеченъ ими, и смѣло сказалъ, что на Страшномъ Судѣ получитъ великія награды тотъ, кто умѣлъ воспротивиться обольщенію богатой и прекрасной женщины. Душевное убѣжденіе въ величіи назначенія своего, какъ посланника Божія, придавало Магаммеду хладнокровіе, твердость, присутствіе духа, увѣренность, выше всѣхъ испытаній. Восторгъ, какой умѣлъ Магаммедъ произвесть своимъ ученіемъ, простымъ и чувственнымъ, составилъ силу его, и былъ причиною успѣховъ. Войну, для распространенія вѣры своей, Магаммедъ почиталъ святымъ дѣломъ, называя воиновъ Исламизма *мечами Божіими*. Онъ увѣрялъ, что для распространенія истинной религіи позволена даже всякая хи-

Digitized by Google

простоть. Омаръ, ученикъ Мугаммеда, сдѣлалъ потомъ многія измѣненія въ правилахъ, изрѣченныхъ его учителемъ.

Мы изложимъ здѣсь всѣ основныя части законодательства Мугаммедова, съ распространеніями и измѣненіями, какія введены были въ оное разными впослѣдствіи обстоятельствами.

Въ несовершенномъ состояніи общественной жизни, люди были принуждены предоставлять заботу о казни за убійство, ближайшимъ родственникамъ убитаго. Зло истреблялось зломъ. По Іудейскимъ законамъ, были учреждены особыя мѣста, куда убійца могъ удалиться, и если Левиты признавали его преступленіе невольнымъ, то онъ могъ безопасно жить въ сихъ мѣстахъ до смерти первосвященника, и потомъ спокойно возвратиться во свояси. Если-же преступленіе находили умышленнымъ, убійцу выдавали на смерть роднѣ убіеннаго. Подобное мщеніе кровью за кровь было и у Арабовъ. Они думали, что роса не окропляетъ мѣста, гдѣ пролита невинная кровь. Но къ сему причисляли они всю кровь, пролитую въ безконечныхъ войнахъ, какія безпрерывно вели между собою Аравійскія племена. Мугаммедъ, сколько могъ, старался, ослабить вредное это повѣрье, бывшее общимъ закономъ. Смерть назначилъ онъ за убійство съ злымъ умысломъ, и поелику, говорилъ Мугаммедъ, убійцу ожидаетъ за гробомъ адъ, то никакая плата отъ него не пріемлется. У Жидовъ, древній законъ о неумышленномъ убійствѣ былъ уже измѣненъ, и ослабавался, кажется, только въ преданіи. Правило,

Digitized by Google

что «жизнь человѣка священна, и не льзя нанести на нее руки безъ отмщенія,» привело къ установленію платы за невольное убійство, и за раны. Видимъ, что гражданское правосудіе здѣсь не вмѣшивалось: это была награда за потерю причиненную семейству, и тогдашнее состояніе Аравіи поясняетъ подобный образъ воззрѣнія. Магаммедъ возвысилъ плату до сотницы, т. е. должно было отдать 100 верблюдовъ, и кромѣ того освободить изъ неволи Музульманина. Превышая идеями своихъ современниковъ, онъ опредѣлилъ равное возмездіе за смерть Жида, Христіанина, и раба. Здѣсь утвердился онъ на повелѣніи, полученномъ будто-бы отъ Бога, на жалости къ человѣку, и на необходимости общественнаго спокойствія. Полагаютъ, что въ изслѣдованіи преступленій, онъ далъ много свободы роднѣ убитаго Музульманина. Потомъ утверждали, что Магаммедъ оставлялъ на выборъ, говоря, будто мстители за него имѣютъ право взять окупъ, или мстить смертью. Наконецъ, послѣдователи Магаммеда сравнивали окупъ съ супружествомъ, утверждая, что въ томъ и другомъ случаѣ, уступалась собственность безъ полученія. Изъ сего можно заключить, что окупъ оставался почти неупотребителенъ, ибо иначе такое странное сближеніе идей, можетъ изумить. Власть политическая вмѣшивалась отъ времени болѣе и болѣе, такъ, что Магаммеду приписали наконецъ слова: «Султанъ есть родственникъ тѣхъ, у кого нѣтъ родни,» то есть, что Султанъ имѣетъ право мщенія за смерть.

Digitized by Google

Образъ жизни древнихъ Арабовъ долженъ былъ укрѣплять семейные ихъ союзы. Наступательные и оборонительные союзы были у нихъ всего чаще, такъ-же, какъ союзы покровительства. Мугаммедъ уничтожилъ сіи послѣдніе, дабы уменьшить безпрерывныя войны. Но два первые рода союзовъ остались, и, по странному обычаю, изъясняемому только предубѣжденіемъ къ святости дѣла, союзники платили восемь девятыхъ долей окупа, располагаемаго на три года. Потомъ, когда семейные союзы расторглись, съ усиленіемъ общественнаго порядка, право все еще оставалось, ибо предполагали, что преступнику всегда помогаютъ ближніе его. Въ Китаѣ это предположеніе простирается еще далѣе, ибо тамъ ближніе преступника обязаны раздѣлять самое тѣлесное наказаніе его.

Если въ законѣ Аравитянъ мы видимъ только возмездіе оскорбленію, нанесенному роднѣ, то съ другой стороны открываемъ у нихъ начало и общественнаго преслѣдованія, за гибель члена общества. Правило: «Жизнь человѣка за ничто не отдается,» издревле существовало у нихъ, и произвело обычай платы за убійство, взимаемой съ того, на чьей землѣ оно совершилось, если убійца неизвѣстенъ, или изъ общественнаго сокровища, когда убійство совершено неизвѣстно кѣмъ на большой дорогѣ, въ мечети, на мосту, или на торжищѣ. Полная плата назначалась, если раною, или ударомъ человѣкъ лишался душевной способности, или какой-либо физической принадлежности, напримѣръ: руки, ноги, бороды. Запрещеніе безо-

Digitized by Google

бразишь лицо человѣческое, какъ совершеннѣйшую часть созданія Божія, видимъ въ законѣ Мугаммеда, коимъ не позволялось, даже въ битвѣ, поражать врага въ лицо: оно было имъ исключено и изъ всякаго тѣлеснаго уродованія, при наказаніи.

Смертію наказывалось сопротивленіе волѣ начальника государства, или Имама, ибо онъ въ тоже время былъ особа духовная. Приводили для сего слова Мугаммеда: «Смерть тому, кто вноситъ раздоръ въ среду моихъ послѣдователей.» Въ его время, только три преступленія наказывались смертью: убійство (съ исключеніями, выше сего означенными), отступничество и прелюбодѣяніе. Впослѣдствіи примѣнили къ сему-же разбой, чего во время Мугаммеда, кажется, смертію не казнили. Прелюбодѣйницу побивали камнями. Отмѣнялась казнь, если она была беременна, но только до ея разрѣшенія. Замѣтимъ, что у Жидовъ исключалось только время самаго рожденія дитяти, и плодъ грѣха осуждаемъ былъ на погибель въ чревѣ матери. Преступленія противо-естественныя Аравитяне наказывали въ древнія времена смертію. Потомъ предоставили ихъ благоусмотрѣнію судей, когда нравы у нихъ болѣе испортились.

Народъ мало образованный не поставляетъ большой важности въ правахъ обладанія имѣніемъ, или въ правѣ собственности. Отъ сего происходило у Аравитянъ право неограниченнаго гостепріимства, впослѣдствіи ослабѣвшее, и наклонность къ воровству, до того усиленная, что Мугаммедъ приписывалъ истребленіе многихъ поколѣній Аравій-

Digitized by Google

скихъ разбоямъ, учиненнымъ начальниками оныхъ. У народа, по первоначальному образованію своему кочеваго, принадлежавшаго къ Финнскимъ поколѣніямъ, именно у Маджаровъ, черезъ столѣтіе послѣ обращенія въ Христіанство былъ еще законъ, на случай, когда *знатный человѣкъ попадется въ воровствѣ* (Qualiscunque proximus principum reperiretur in furto, см. *Ladisl. Decret.* 2, 1, 19, изд. Шегеди). Кража курицы наказывалась лишеніемъ глаза. Мугаммедъ утвердилъ, чтобы наказывать покражу, превосходящую три дирхема, отсѣченіемъ руки. Потомъ постановлена была сія казнь за покражу только въ 10 дирхемовъ. Законодатели прибавляютъ къ тому, что сія сумма составляетъ самое малое приданое. Лжесвидѣтель подвергался всенародному поруганію: родъ наказанія, неизвѣстный Іудеямъ.

Вотъ какимъ образомъ изображалъ Мугаммедъ обязанности истиннаго Музульманина: «Вѣрь въ Бога, Послѣдній судъ, Ангеловъ, Писаніе и Пророковъ. Изъ любви къ Богу, раздѣли свое имѣніе съ родными, сиротами, бѣдными, странниками и нищими, освободи раба; исправь молитву; люби милостыню; будь вѣренъ своимъ обѣщаніямъ, и терпѣливо сноси бѣдствія войны и жребія.» Далѣе: «Обожай единаго Бога; благотвори ближнимъ твоимъ; не убивай дитяти своего, изъ боязни, что тебѣ нечѣмъ будетъ питать его; избѣгай пороковъ, явныхъ и тайныхъ; не убивай человѣка, кромѣ того только, когда правосудіе сего требуетъ; соблюди неприкосновеннымъ имѣніе сироты; поступай право, и если ты судія, хотя-бы и ближняго тво-

Digitized by Google

его касалось, да будутъ опредѣленія твои изрѣчены справедливостію; будь вѣренъ клятвѣ твоей, и союзу, какой заключаешь ты съ Богомъ.»

Милостыня-собственно, и самое слово, ее означающее, кажется, были невѣдомы до Магаммеда: онъ первый установилъ ихъ, дабы способствовать своимъ сообщникамъ, оставившимъ вмѣстѣ съ нимъ Мекку, и вознаграждать издержки на войну. Причиною сего объявилъ онъ повелѣніе Божіе, послѣ чего, осташокъ имѣнія, изъ котораго учинена милостыня, дѣлался по словамъ его чистымъ. Другія благотворительныя учрежденія (Hima) были и прежде; изъ нихъ также повелѣно удѣлять часть на милостыню-собственно и священныя войны. По Курану, милостыня назначалась бѣднымъ шуземцамъ, новообращеннымъ, на выкупъ плѣнныхъ, бѣдныхъ должниковъ, на войны, предпринимаемыя для распространенія Музульманства, и странникамъ, остановленнымъ на пути къ святымъ мѣстамъ. Запрещалось выбирать для милостыни что-либо плохое и дурное. Это доказываетъ, что нововведеніе не всѣмъ нравилось, тѣмъ болѣе, что противъ древняго обыкновенія, оно простиралось и на женщинъ. По смерти Магаммеда, многіе отказывались платить, и надобна была непреклонная твердость Омара, для поддержанія устава Магаммедова. Потомъ, милостыня сдѣлалась совершенно религіознымъ дѣломъ, по слову Курана: «Если ты, правовѣрный, хочешь говорить Пророку, то сотвори сперва милостыню: ты улучшишь чрезъ то себя, и предстанешь предъ лицо Пророка святѣе.» Че-

Digitized by Google

ловѣку всякаго исповѣданія повелѣно было благотворить, но ближнему преимущественно, что по гостепріимнымъ свойствамъ Арабовъ было совсѣмъ неизлишне. Отвергалось благотвореніе, учиненное на смертномъ одрѣ, также освобожденіе раба, и другія благодѣянія, учиненныя только отъ страха смертнаго. Какое благодѣтельное вліяніе имѣлъ бы подобный уставъ на Европу въ Средніе времена!

Путешествія въ Мекку, утвержденныя долговременною привычкою Арабовъ, во времена идолопоклонства, а потомъ подкрѣпленныя удобствомъ торговли, были сохранены и строго утверждены Мугаммедомъ, позволявшимъ торговать во время исполненія сего благочестиваго дѣла. Мугаммедъ назвалъ странствованіе въ Мекку *святымъ путешествіемъ*, особенно благословилъ его, предписалъ дѣла милосердія во время онаго, и наблюденіе извѣстныхъ обрядовъ въ пути. Послѣднее казалось самымъ послѣдователямъ Мугаммеда, дѣломъ вовсе ничтожнымъ, но Мугаммедъ не опимѣнилъ однакожь обрядовъ. Онъ умѣлъ разгадать, что по шому самому, можетъ быть, народъ считалъ ихъ весьма важнымъ обстоятельствомъ, что ничего въ нихъ не понималъ. Музульманинъ, имѣющій средства и силы совершить путешествіе въ Мекку, и неисполняющій сего, объявлялся нечестивымъ. Обязачность сдѣлалась наконецъ столь тяжела, при распространеніи Мугаммеданства, что рѣшились избавляться отъ нея, приводя слова Курана, коими правовѣрнаго ничто не обязывало переходить черезъ море. Многіе осуждали также безполезныя,

Digitized by Google

но тяжелыя обязанности странствованія къ Мекку, напримѣръ: обязанность идти пѣшкомъ. Кажется, Магаммедъ, утверждая все сіе, имѣлъ въ виду сильнѣйшее укрѣпленіе своей религіи. Въ Индіи, въ Греціи, и другихъ земляхъ, всегда существовали подобныя путешествія, и поставлялись обязанностью.

Посты наблюдались въ Аравіи съ незапамятныхъ временъ, и произошли, вѣроятно, отъ различенія кушаньевъ на чистыя и нечистыя. Трудно рѣшить: религіозныя-ли были причины подобныхъ различеній, или медицинскія правила рѣшились люди облечь религіознымъ поводомъ? Пиршества, слѣдовавшія за жертвоприношеніемъ, кажется, опровергаютъ послѣднее; притомъ-же запрещенія того или другаго были у многихъ народовъ столь произвольны, что почти не льзя узнать, какимъ образомъ и почему они состоялись. У Индійцевъ и Арабовъ, въ древнѣйшія времена, запрещалось ѣсть мясо, если прежде того не было оно освящено, то есть, не приносилась часть его во храмъ. Потомъ ограничили освященіе молитвою во время убіенія животнаго, и молитвою на ловлѣ, или охотѣ. Смѣшанная идея о томъ, что въ крови заключается начало жизни, побудила установить обрядъ, по которому слѣдовало выпустить изъ животнаго кровь горломъ, а безъ того признавать его нечистымъ. По сей-же причинѣ запрещалось употреблять въ пищу самую кровь, и красныхъ животныхъ, между прочимъ слона, что показываетъ начало сего обычая въ Индіи. Магаммедъ разрѣшилъ многое, и совершенно уничтожилъ всякое разли-

Digitized by Google

чіе чистаго отъ нечистаго, на случай голода, или необходимости. Послѣдователи его разрѣшили даже, въ случаѣ, угрожающемъ лишеніемъ жизни, ѣсть падаль, свинину, кровь, и пить вино, поставляя въ тяжкое предъ Богомъ преступленіе, если кто погубитъ себя разборчивостью въ нуждѣ. Здѣсь далеко превзошли Мугаммедане Жидовъ, которые, по толкованію Раввина Іегошуа, полагали дичь происшедшею отъ винограда, съѣденнаго прародителями въ Раю, и проч.

Умѣренность была свойствомъ, необходимымъ по климату Аравіи, и по образу жизни Арабовъ, принужденныхъ иногда питаться самымъ скуднымъ образомъ, и даже ѣсть землю—обстоятельство, замѣченное Гумбольдтомъ у Оттоманковъ. Финики составляли вообще всегдашнюю пищу Арабовъ. Издревле посты были у нихъ назначены въ мѣсяцѣ Рамаданѣ, съ большимъ снисхожденіемъ однакожь къ путешественникамъ и больнымъ. Позволялось ѣсть до начала дня, дабы легче снести дневный постъ, но съ началомъ дневнаго поста требовалось строгое воздержаніе; даже наслѣдникъ обязанъ былъ допоститься за умершаго, невыполнившаго назначеннаго поста. Мугаммедъ постился два дня въ недѣлю, ибо въ сіи дни, какъ думали Арабы, Богъ разсматриваетъ дѣянія человѣковъ. Такъ толковали и Жидамъ Раввины ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наружные религіозные обряды были необходимы для Арабовъ, и много способствовали ихъ нравственности. Но омовенія, установленныя Мугаммедомъ, кажется, не имѣли никакой цѣли физической, и служили только символомъ чистоты душевной. Посему позволяетъ

Digitized by Google

Мугаммедъ употребляшь для совершенія обряда песокъ, когда нѣтъ воды. Повелѣніе: возвышать мысль свою къ Богу, въ извѣстное время, по нѣскольку разъ въ день, было впослѣдствіи перетолковано и искажено Суфіями. Оно придало Исламизму странное, созерцательное направленіе, котораго Мугаммедъ никогда не предписывалъ своимъ послѣдователямъ. Ничто не было столь несообразно съ нравами Арабовъ, какъ отвлеченное углубленіе въ Бога. Пантеизмъ, вмѣшанный въ Мугаммеданство, составляетъ вообще замѣчательную неправильность. Состояніе женщинъ въ Индіи, какъ членовъ общества, было гораздо лучше въ древнія времена, и унижено впослѣдствіи, большею частію отъ примѣра, какой давали тамъ Музульманскіе властители. Въ Аравіи, издревле были женщины въ такомъ униженномъ состояніи, въ какомъ видимъ ихъ нынѣ. Съ самаго рожденія, женщину ожидалъ приговоръ оскорбительный. «Когда Арабъ слышитъ, что у него родилась дочь, лицо его мрачится печалью. Вѣсть сія кажется ему несчастіемъ, столь великимъ, что не смѣетъ онъ явиться предъ людьми, и не знаетъ: сохранить-ли ему жизнь дочери, къ стыду своему, или поспѣшно похоронить ее и стыдъ свой.» Сіи слова показываютъ обыкновеніе Арабовъ, подобное бывшему у Жидовъ, которые всегда желали имѣть преимущественно сыновей, для продолженія своего имени. Тоже находимъ отчасти и у Индійцевъ. Послѣ сего весьма естественно казалось отцамъ убивать знаки немилости Божіей (по ихъ ужасному мнѣнію), или приносить ихъ въ жертву идоламъ. Жаркій климатъ содѣйствовалъ легкому

Digitized by Google

обольщенію. Многоженство, со всѣми его отвратительными излишествами, способствовало развращенію нравовъ. Говорили наконецъ, что если въ цѣломъ мірѣ находится десять степеней разврата, то конечно, Аравія обладаетъ изъ нихъ девяшью. Варварское постановленіе — зарывать въ землю живыми жертвы несчастной системы общества, въ которомъ сила составляла все — оказывалось недостаточно. Никакой религіозный обрядъ не освящалъ брака; разводы были безпрестанно, и должны были лишать всякую женщину будущности, ибо нерѣдко мужъ, умирая, на смертномъ одрѣ лишалъ жену свою наслѣдства, объявляя ее въ разводѣ съ нимъ. Мугаммедъ старался, сколько было возможно, пособить такимъ безпорядкамъ, и если соединеніе религіозныхъ идей съ законодательствомъ могло когда нибудь приносить благотворные плоды, то Мугаммедово стараніе увѣнчалось въ семъ случаѣ успѣхами, заслуживающими особенное вниманіе. Нравственность Музульманъ, въ отношеніи женщинъ и супружества, заслуживаетъ справедливые упреки. Но, во-первыхъ, большею частію, Музульмане поступаютъ вопреки явныхъ и положительныхъ уставовъ Мугаммеда, превратно истолкованныхъ ими; во-вторыхъ, не должно и требовать невозможнаго отъ Араба VII-го столѣтія, которому надобно было побѣдить сильныя склонности и повѣрья своего вѣка, увлекавшія и его, наряду съ другими. Убіеніе дѣтей женскаго пола объявлено было отъ Мугаммеда величайшимъ преступленіемъ. Онъ старался возбудить честолюбіе соотчичей, съ неохотою разрѣшая женитьбу на чужеземныхъ неволь-

Digitized by Google

ницахъ, и искусно придумалъ возлагать на отца отвѣтственность (какъ у Индійцевъ) за преступленіе дочери, если онъ до 12-ти лѣтъ не выдалъ ея замужъ, и допустилъ до разврата. Запрещено было также принуждать дѣвушекъ къ замужеству. Жестокіе споры были потомъ объ этомъ уставѣ у Музульманъ, но рѣшены положительно. Магомедъ хотѣлъ, чтобы какимъ нибудь образомъ, женихъ всегда старался увидѣть свою невѣсту до свадьбы, и установилъ, что онъ можетъ отпустить ее, если онъ еще не касался къ ней, и невѣста ему не нравится. Въ такомъ случаѣ, женихъ теряетъ только подарки, имъ сдѣланные. Вообще, разводъ объявленъ дѣломъ позволеннымъ, но непріятнымъ Богу. Повелѣно объявлять о немъ три раза; жена не могла возвратиться послѣ сего къ мужу, не бывъ во власти другаго мужчины, нѣсколько времени. Этимъ думалъ Магомедъ отвратить легкое соединеніе разведенныхъ единожды супруговъ. Положенъ былъ срокъ, который должна разведенная жить у своего прежняго мужа, для удостовѣренія: не беременна-ли она, и если сего не оказывалось, то жена уходила отъ своего мужа; но когда не заключала она другаго брака, то мужъ обязывался содержать ее, и даже, въ случаѣ своей смерти, оставить ей годовое продовольствіе. Магомедъ позволилъ бить непослушную жену; но запретилъ обнажать женщинъ для публичнаго наказанія. Уличенная въ прелюбодѣяніи запиралась въ тюрьму, на всю жизнь, или до шѣхъ поръ, пока «найдетъ средства уйдти изъ тюрьмы.» Сообщникъ слабости ея освобождался отъ смертной казни, коей подвер-

Digitized by Google

гался до Мугаммеда. Мугаммедъ сказалъ, что если мужчина остается наединѣ съ постороннею для него женщиною, то дьяволъ всегда бываетъ у нихъ третьимъ собесѣдникомъ. Но тѣмъ не менѣе установилъ онъ, чтобы четыре свидѣтеля утвердили обвиненіе въ грѣхѣ, и имъ самимъ поставлялось въ большой грѣхъ, что они не старались воспрепятствовать слабости ближняго, ибо говорилъ Мугаммедъ — «благо есть, не допустишь ближняго до грѣха.»

(До слѣд. книжки.)

НАЧЕРТАНІЕ,

сдѣланное Графомъ Каподистрія для живописнаго путешествія по Россіи.

Препровождая къ вамъ рукопись знаменитаго Президента Греціи, недавно погибшаго отъ руки гнуснаго убійцы, почитаю необходимымъ сдѣлать предварительныя объясненія, заимствованныя изъ воспоминаній моихъ о знакомствѣ съ симъ великимъ мужемъ.

Прибывши въ Корфу въ 1806-мъ году, съ покойнымъ Адмираломъ Сенявинымъ, я познакомился съ Графомъ Каподистрія, который служилъ Секретаремъ, или Правителемъ дѣлъ Іоническаго Сената. Очень помню, что Графъ Каподистрія пользовался уваженіемъ Россійскаго Начальства, не смотря на партіи, раздиравшія Республику Семи Острововъ, не

Digitized by Google

смотря и на то, что жаркіе энтузіасты, изъ первѣйшихъ фамилій Корфіотскихъ, негодовали на него за доброжелательство къ Державамъ, непріязненнымъ Россіи. При сдачѣ Корфу Французамъ, онъ, предвидя, вѣроятно, что самая тѣнь Греческой Республики подавится деспотическою пятою Наполеона, послѣдовалъ за Рускими въ С. Петербургъ, гдѣ рекомендательное письмо къ Канцлеру Румянцову Адмирала Сенявина, любившаго *лучше сказать лишнее, чѣмъ не досказать*, доставило ему чинъ Статскаго Совѣтника и три тысячи рублей ежегодной пенсіи.

Графъ Каподистрія, поощряя стараніе мое изучиться Итальянскому языку, указалъ мнѣ хорошаго учителя, неоднократно испытывалъ меня, ободрялъ и снабжалъ книгами. Я плашилъ ему видами живописной Корцыры, которыхъ снялъ нѣсколько по его назначенію и выбору—одни изъ уваженія къ красотѣ мѣстоположеній, другіе по драгоцѣннымъ воспоминаніямъ героической древности. Такимъ образомъ перешли на бумагу развалины, едва видимыя близъ городскаго вала, кои краснорѣчивый мой наставникъ почиталъ за остатки волшебныхъ чертоговъ и вѣчно-цвѣтущихъ садовъ Алкиноевыхъ, обнесенныхъ, по словамъ Омира, мѣдною стѣною, съ золотыми вратами. На другомъ рисункѣ представлена была рѣчка Месонжи, протекавшая чрезъ лѣсъ тополей, нѣкогда посвященный Минервѣ, гдѣ укрылся Улиссъ на утломъ челнокѣ отъ ярости моря, и, скитаясь въ рощѣ, увидѣлъ прекрасную Царевну Навзикаю, пришедшую мыть платье и купаться!—Не забыта деревня Буцинтро, изъ

Digitized by Google

коей Пирръ отправился на завоеваніе Сициліи и Корсики, и тотъ вертоградъ, гдѣ отдыхалъ Виргилій на пути своемъ въ Грецію, и та утесистая скала, на коей Эней нашелъ Елену во время бѣгства своего изъ разрушенной Трои, трепеща отъ предсказаній Гарпіи Селены... Прелестныя воспоминанія героическихъ вѣковъ нерѣдко воспламеняли душу Каподистрія, сего избраннаго сына Эллады. Не рѣдко говорилъ онъ, что весьма хотѣлось-бы ему сдѣлать путешествіе по Аттикѣ, что онъ взялъ-бы на себя часть описательную, а мнѣ предоставилъ-бы живописную.

Послѣ Корфу, я встрѣтился съ Графомъ Иваномъ Антоновичемъ въ С. Петербургѣ въ 1809 году, и, по старому знакомству, не рѣдко посѣщалъ скромный чердакъ его, въ домѣ Гунаропуло, у Синяго моста; а онъ захаживалъ въ мое низменное жилище, въ Фонарномъ переулкѣ.

Въ это время, имѣя мало занятій по службѣ, я предался совершенно моей страсти къ Живописи, и Графъ, любуясь однажды моими Казаками, Черкесами, лихими тройками, и прочими Русскими картинами, въ коихъ старался я схватывать черты Русскаго духа и физіогноміи, сказалъ: «Вамъ-бы слѣ-«довало сыскать случай обозрѣть Россію, съ каран-«дашемъ въ рукѣ.»—Слова сіи электрическимъ проникли въ мою душу, и можно сказать, что съ того самаго часа я сталъ себя готовить къ сему предпріятію: но судьбѣ угодно было разрушить мои мечты, кинувъ меня въ Америку!

Между тѣмъ, нѣкоторыя изъ моихъ живописныхъ

Digitized by Google

произведеній имѣли счастіе понравиться Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ; это подало намъ надежду въ успѣхѣ нашего предпріятія, и въ семъ предположеніи Графъ вызвался написать для меня прилагаемую при семъ *записку о живописномъ путешествіи по Россіи.* Не смотря на краткость изложенія, не льзя не узнать въ ней сильнаго пера искуснѣйшаго Дипломата Александровой школы, не льзя не подивиться чистымъ, свѣтлымъ понятіямъ иностранца о Россіи! По крайней мѣрѣ, я останусь навсегда признательнымъ Графу Ивану Антоновичу за то, что онъ первый посѣялъ во мнѣ мысль и поощрилъ на дерзкое предпріятіе—объѣхать безконечную Россію—предпріятіе, которое черезъ 10 лѣтъ послѣ того удалось мнѣ выполнить, и совершенно по его плану, съ тою только разностію, что я не обременилъ собою Правительства, не искалъ другихъ посторонннихъ средствъ... Года черезъ два, надѣюсь, публика увидитъ плоды сѣменъ, посѣянныхъ Графомъ Каподистрія, и сдѣлаетъ приговоръ, достойны-ли они великой мысли великаго мужа?

Въ 1813 году мы встрѣтились опять съ Графомъ Иваномъ Антоновичемъ, въ Богеміи, куда прибылъ я изъ Америки съ Генераломъ Моро. Графъ былъ уже Статсъ-Секретаремъ и правою рукою Императора Александра, въ трудныхъ дипломатическихъ переговорахъ съ Наполеономъ и Европейскими Державами. Не смотря на внезапное возвышеніе свое, онъ почтилъ меня прежнею ласкою и искренностію, и разсматривая альбомъ мой съ

Digitized by Google

видами Америки, припоминалъ о нашихъ предположеніяхъ.

Наконецъ, я долженъ признаться, что впослѣдствіи лишился я не только покровительства, но и самаго благорасположенія Графа Каподистрія, черезъ одно обстоятельство, встрѣтившееся въ Бессарабіи. Конечно, всякому свойственно считать себя правымъ, а тѣмъ еще менѣе можно думать, чтобы благородный, великій человѣкъ, каковымъ признанъ по справедливости Графъ Каподистрія, могъ ошибиться, могъ быть введенъ въ заблужденіе, могъ не открыть истины; но въ оправданіе свое я скажу только, что, не смотря на всю силу личныхъ моихъ непріятелей, дѣйствовавшихъ черезъ самыхъ близкихъ людей къ Графу, огромное предпріятіе ихъ въ Бессарабіи, противъ коего я одинъ протестовалъ, не смотря на всѣ ихъ происки и сильныя пружины, не состоялось!...

Павелъ Свиньинъ (*).

Богородское.
22 Декабря 1831.

(*) Искренно благодарю почтеннаго П. П. за его подарокъ, и думаю, что читатели поблагодарятъ его также, вмѣстѣ со мною. Къ Французскому подлиннику, писанному Графомъ Каподистрія собственноручно, присовокупляю переводъ, а къ одной изъ слѣдующихъ книжекъ приложу и вѣрный *снимокъ* нѣсколькихъ строкъ подлинника. Память Каподистрія заслуживаетъ благоговѣйное признаніе наше къ славѣ его. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

IDÉE D'UN VOYAGE PITTORESQUE EN RUSSIE.

Une région immense et en partie inconnue, qui embrasse tous les climats et les richesses de toutes les latitudes; des peuples d'une origine différente, et dont les mœurs, les usages, les coutumes sont ensevelies dans l'oubli du tems et des distances; des sites qui intéressent l'histoire de ces peuples et la gloire du souverain qui les gouverne; des vues charmantes qui offrent de nouveaux modèles à la peinture et à la gravure; des terres et des forêts qui restent dépeuplées et incultes parcequ'on ne les connait pas assez pour en apprécier la fertilité, et pour en regretter le séjour: telle est la masse des objets qu'on se propose de peindre dans une collection de tableaux, et, d'illustrer par des notes descriptives historiques et statistiques; et tel est l'ouvrage que l'on viendrait mettre sous les yeux de la nation Russe et des nations étrangères sous le titre de *Voyage pittoresque en Russie.*

Ce projet n'est pas nouveau: son exécution cependant n'a pas intéressé jusqu'à présent que la curiosité et les spéculations des étrangers: et l'on verra bientôt paraître en Europe un ouvrage de ce genre, dont le travail et le mérite sont dus à des Russes, mais dont la gloire appartiendra à son rédacteur le Bavarois Baron de Reichsberg.

Il seroit à désirer que ce savant eût beaucoup voyagé dans l'intérieur de la Russie, et que sans répéter ce que débitent quantité d'écrivains, qui voyagent en idée, il nous présentât un portrait, dans lequel la vérité fût rendue toute entière.

Mais en lui supposant la meilleure bonne volonté, il reste à savoir s'il connait assez les hommes et les choses

Digitized by Google

que le crayon d'un artiste a tracé sur les tableaux, et si en sa qualité d'étranger il n'a pas pensé et réfléchi par l'entremise, des autres.

D'ailleurs dans cette espèce d'ouvrages les objets ne se présentent pas d'eux-mêmes à l'observation. Il faut les chercher avec peine, les surprendre avec adresse et les étudier rapidement, lorsqu'ils se trouvent dans leur véritable point de vue. L'instruction et l'art ne donnent pas ce talent : c'est à la nature qu'on le doit, et c'est une noble passion qui seule peut l'enflammer. Pourquoi refuserait-on à un Russe le privilège de la sentir?...

Pénétré de ces considérations, et de l'envie de donner des preuves de mon zèle et de mon patriotisme à mon Souverain et à ma patrie, j'ai conçu l'idée d'un voyage pittoresque en Russie, et j'ose offrir mes faibles moyens pour son exécution.

Les essais que depuis longtems j'ai fait dans ce genre, et l'indulgence avec laquelle ils ont été accueillis, me donnent l'espoir de quelques succès dans cette grande entrepsise. Je ne réclame que la protection publique et des secours que la médiocrité de ma fortune me rendent nécessaires.

Si Sa Majesté l'Empereur daigne honorer ce projet de son agrément, si V. A. I. veut bien le protéger, je développerai en grand le plan que je me propose de suivre, et je ferai connaître d'avance dans un prospectus toute l'étendue de mon ouvrage, et ses différens rapports avec plusieurs branches de l'administration.

Digitized by Google

Мысль о живописномъ путешествіи по Россіи.

« Государство безмѣрное и отчасти неизвѣстное, объемлющее всѣ климаты и богатства всѣхъ широтъ земнаго шара; народы, происхожденія различнаго, коихъ нравы, обыкновенія, обычаи погребены въ безднѣ временъ и пространствъ; мѣста, достопамятныя для Исторіи сихъ народовъ и для славы Монарха, ими владычествующаго прелестные виды, представляющіе новые образцы для живописи и гравированія; земли и лѣса, остающіеся безлюдными и необработанными, ибо не довольно ихъ знаютъ, и потому не могутъ оцѣнить ихъ обильнаго плодородія и прелести житья въ оныхъ — такова общность предметовъ, которую предполагается изложить въ собраніи картинъ и снабдить оное замѣчаніями описательными, историческими и статистическими; таково сочиненіе, которое представятъ Русскимъ и иностранцамъ, подъ названіемъ *Живописнаго путешествія по Россіи.*

« Такое предпріятіе не новость. Но исполненіе его донынѣ занимало только, или любопытство, или разсчетливость чужеземцевъ. Такъ, въ скоромъ времени должно появиться въ Европѣ подобное сочиненіе, въ которомъ трудъ и достоинство принадлежатъ Русскимъ, но честь подвига отнесется къ издателю, Баварцу, Барону Рейхсбергу.

« Желательно-бы было, чтобъ сей ученый болѣе путешествовалъ по внутренней Россіи, и, не повторяя того, что провозглашаетъ толпа

Digitized by Google

иностранцевъ, путешествовавшихъ мысленно, представилъ намъ портретъ, въ которомъ истина была-бы выражена вполнѣ.

«Но, предполагая въ немъ для сего всю добрую волю, надобно знать: довольно-ли извѣстны ему люди и предметы, которыхъ передалъ въ картинахъ карандашъ художника? И, будучи иностранцемъ, не думалъ-ли онъ объ нихъ, и не обсуживалъ-ли ихъ черезъ чужое посредничество?

«Впрочемъ, въ сочиненіяхъ сего рода предметы не представляются наблюдателю сами собою. Надобно съ трудомъ отыскивать ихъ, искусно схватывать и быстро изучать, когда находятся они въ настоящей точкѣ зрѣнія. Наука и искуство не даютъ сего дарованія: мы одолжены имъ бываемъ природѣ, и только благородная страсть можетъ воспламенить сіе дарованіе. Почему отвергать, что Рускій способенъ чувствовать ее въ себѣ?

«Исполненный сихъ мыслей и желанія доказать мою ревность и любовь къ отечеству моему Монарху и моей отчизнѣ, я предполагаю совершить живописное путешествіе по Россіи, и осмѣливаюсь представить слабыя мои средства для исполненія онаго.

«Опыты, съ давняго времени учиненные мною въ семъ родѣ занятій, и снисхожденіе, съ какимъ были они приняты, даютъ мнѣ нѣкоторую надежду на успѣхъ сего огромнаго предпріятія. Мнѣ потребны только: общее ободреніе, и пособіе, при посредственномъ моемъ состояніи необходимое.

«Если Государь Императоръ благоволитъ почтить сіе предпріятіе Своимъ соизволеніемъ, если В. И. В.

Digitized by Google

благоугодно будетъ покровительствовать оному, я изложу въ обширнѣйшемъ объемѣ планъ, которому предполагаю слѣдовать, и предварительно представлю въ проспектѣ весь объемъ моего труда и различныхъ отношеній его ко многимъ частямъ Правительства. »

СМѢСЬ.

Некрологія. Одну изъ горестнѣйшихъ потерь потерпѣли Науки въ прошломъ году смертію Нибура. Осмѣливаемся думать, что теперь не безъизвѣстно уже всѣмъ Русскимъ читателямъ имя сего *перваго Историка нашего времени.* Издатель Телеграфа не станетъ скрывать слабости своей: онъ гордится тѣмъ, что онъ *первый* показалъ соотечественникамъ умственный подвигъ Нибура, первый изъ Рускихъ воздалъ должную дань благоговѣнія геніяльному этому человѣку. . . . Прискорбно было слышать вѣсть о внезапной кончинѣ великаго Историка. . . Но судьбы Провидѣнія неисповѣдимы — покоримся имъ безъ ропщанія . . .

Жизнь Нибура не представляла ничего особеннаго, почти всегда мирная, тихая, посвященная ученому труду. Справедливо сказано, что если-бы можно было изобразить умственное бытіе и жизнь идей поэта, философа, ученаго человѣка, то,

Digitized by Google

можетъ быть, біографія инаго Царя и героя померкла-бы передъ біографіею человѣка, о которомъ въ синодикѣ исторической хронологіи сказано только: «*родился тамъ-то, тогда-то, умеръ тогда-то.*»

Бертольдъ, Георгъ Нибуръ, родился въ Копенгагенѣ, 27 Августа 1776 года. Отецъ его, Карстенъ Нибуръ, былъ славенъ пушешествіями своими по Аравіи и Индіи. Онъ назначалъ и сына своего для сего-же предмета; но слабое здоровье и страсть юнаго Бертольда къ древностямъ и Древней Литтературѣ, измѣнили намѣренія отцовскія. Карстенъ Нибуръ жилъ въ Мельдорфѣ, въ Голштиніи; тамъ, и въ Гамбургѣ, Бертольдъ получилъ первое свое образованіе, пользуясь благосклонностью и знаніями Эгера, Буша, Клопштока и Фосса. Правамъ учился онъ въ Кильскомъ Университетѣ; пошомъ два года провелъ въ Эдинбургѣ. Онъ не думалъ быть записнымъ ученымъ, хотя пріобрѣлъ необыкновенныя познанія, и страстно любилъ науки и кабинетное занятіе. Въ 1801 году вступилъ Нибуръ въ Датскую службу, и былъ Секретаремъ Министра Финансовъ, а потомъ Директоромъ Копенгагенскаго Банка. Тогда издалъ онъ въ часы досуга первый трудъ свой: Нѣмецкій переводъ Димосѳеновой Филиппики. Страстно любя Англію, и ненавидя Наполеона, Нибуръ имѣлъ въ виду, изданіемъ сей книги, подкрѣпить патріотическій духъ Германцевъ. Намѣреніе его увѣнчалось большимъ успѣхомъ. Прусское Правительство захотѣло имѣть краснорѣчиваго Копенгагенскаго Директора: Нибура пригласили въ Прусскую службу. Но едва пріѣхалъ онъ въ Берлинъ, какъ раздались

Digitized by Google

Іенскіе громы, и Нибуръ, не получивъ никакой должности, слѣдовалъ за Прусскимъ Дворомъ въ Кенигсбергъ и Мемель. Въ Ригѣ жилъ онъ потомъ довольно долго, и учился Русскому языку. Война кончилась. Нибуръ узналъ настоящее назначеніе свое, когда въ Берлинѣ преобразовали Академію и основали Университетъ. Онъ былъ ревностнымъ участникомъ сихъ предпріятій, и рѣшился самъ преподавать лекціи. Тутъ, вмѣстѣ съ Савиньи, искреннимъ другомъ своимъ, положилъ онъ начало своему великому труду — *Римской Исторіи*, и выдалъ 1-й томъ оной въ 1811 году. Послѣ 1812 года, Нибуръ снова увлекся на политическое поприще. Но его Англійскія идеи не могли понравиться. Ему дали мѣсто Посланника въ Римѣ. Это было собственно почетнымъ исключеніемъ Нибура изъ Дипломатики и Политики. Нибуръ понялъ, отправился въ Римъ, и посвятилъ семилѣтнее пребываніе свое въ Римѣ ученымъ трудамъ. Онъ продолжалъ свою Римскую Исторію, занимался *палимпсестами*, топографіею древняго Рима, древностями, писалъ ученыя диссертаціи, и въ 1823 году выпросилъ себѣ рѣшительную отставку. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ Боннѣ; читалъ лекціи въ тамошнемъ Университетѣ; напечаталъ 3-е изданіе перваго и 2-е втораго тома Римской Исторіи; издавалъ Византійскихъ писателей, приготовлялъ матеріялы для совершенія своего великаго труда, занявшаго столько лѣтъ его жизни, и успокоивался отъ ученыхъ занятій въ кругу милаго семейства и добрыхъ друзей. Въ 1830 году пожаръ истребилъ часть дома, и множество драгоцѣнныхъ матеріяловъ и рукописей Нибура.

Digitized by Google

Это сильно разстроило его здоровье и безъ того всегда слабое; еще болѣе содѣйствовалъ тому Іюльскій переворотъ во Франціи. Нибуръ думалъ, что снова настанетъ для Европы время войны и гибели. О Святкахъ 1830 года онъ простудился, и горячка прекратила жизнь великаго писателя, 2 *Января* 1831 года. Жена не пережила его, и вскорѣ умерла съ грусти, возобновившей едва прерванную боль въ груди. Послѣ нихъ осталось четверо малолѣтныхъ дѣтей.

Археографическое путешествіе Г-на Строева. Публикѣ извѣстны теперь плоды огромнаго, прекраснаго предпріятія, исполненіе коего принялъ на себя П. М. Строевъ, а всѣ издержки Императорская С. Петербургская Академія Наукъ. Грамотъ, актовъ и документовъ оказывается довольно много, хотя и не восходятъ они въ отдаленную древность, и хотя не сыскано еще ни одного *капитальнаго*, такъ сказать, историческаго факта. Впрочемъ, извѣстность, что такихъ фактовъ уже *нѣтъ болѣе*, для насъ будетъ также весьма важна. По крайней мѣрѣ, мы не будемъ уже думать и заботиться, что они гніютъ, или скрываются гдѣ нибудь отъ насъ, въ рукахъ жаднаго, скупаго невѣжества, или въ пыли какого нибудь архива монастырскаго. Въ семъ послѣднемъ отношеніи отчетъ Г-на Строева показался намъ неудовлетворительнымъ.

Благодаримъ его за находки, имъ сдѣланныя; но читая *исчисленіе* ихъ, можно подумать: не гораздо-ли большее количество оныхъ, и еще важ-

Digitized by Google

нѣйшихъ, находится въ Московскихъ архивахъ? Г-нъ Строевъ нашелъ сотни: тамъ храняться тысячи, и едва-ли не на половину находки его будутъ двойниками скрытаго въ Московскихъ архивахъ. По нашему мнѣнію, несравненно значительнѣйшую услугу Русской Палеографіи, Археографіи, и вообще Исторіи, принесетъ Г-нъ Строевъ, если будетъ имѣть въ виду преимущественно *самые архивы мѣстъ, имъ посѣщенныхъ*, и объ нихъ представитъ отчетъ. Мы желали-бы видѣть (хотя, повторяемъ, благодарны и за то, въ чемъ отдаетъ онъ отчетъ Академіи и Русской просвѣщенной публикѣ), желали-бы видѣть: *исчисленіе мѣстъ, имъ посѣщенныхъ*, и въ каждомъ мѣстѣ (городѣ, городкѣ, монастырѣ) *исчисленіе того, что онъ осматривалъ, указаніе на то, что въ осмотрѣнномъ есть*, или *когда ничего нѣтъ, или есть, но не важное, извѣстіе объ этомъ*. Такой отчетъ могъ-бы быть повѣркою трудовъ почтеннаго Археографа, и осмѣливаемся прибавить—средствомъ для поправокъ. Положимъ, что Г-нъ Строевъ напечаталъ-бы, что въ Галичѣ, или Суздалѣ, осматривалъ онъ то-то и то-то, и при сихъ осмотрахъ ничего имъ не найдено, кромѣ того никакихъ архивовъ въ Галичѣ и Суздалѣ не имѣется. *Можетъ быть*, тогда какой нибудь трудолюбивый туземецъ показалъ-бы, что отъ зоркаго взора путешественника ускользнулъ тотъ или другой темный уголокъ, или въ осмотрѣнномъ имъ архивѣ не замѣчено что нибудь самое любопытное. По крайней мѣрѣ, для *будущаго*, подобный отчетъ Г-на Строева могъ-бы быть весьма важнымъ. Легко станется, что другой архе-

Digitized by Google

ографъ посѣтитъ послѣ Г-на Строева мѣста, гдѣ онъ вовсе не былъ: надобно-же ему *знать* сіи мѣста?

Вотъ мысли, которыя внушило намъ желаніе взаимнаго добра, при чтеніи отчета Г-на Строева. Сердечно будемъ рады, если онѣ послужатъ поводомъ къ объясненію съ его стороны, что упоминаемый нами предметъ не былъ имъ упущенъ изъ вида, но что онъ только не почиталъ нужнымъ давать въ немъ отчета. Тѣмъ болѣе будетъ чести Г-ну Строеву, и тѣмъ большую цѣну получитъ трудъ его въ глазахъ просвѣщенной публики. Теперь-же — да повѣритъ онъ искренности нашей къ нему благодарности — многіе полагаютъ, что цѣль его археографическаго путешествія не будетъ выполнена, если оно принесетъ сотни три, четыре, положимъ пять сотъ грамотъ и актовъ, болѣе или менѣе важныхъ, болѣе или менѣе неизвѣстныхъ, а публика останется притомъ въ невѣдѣніи: *гдѣ* именно былъ, *что* именно, и *какъ* осматривалъ Г-нъ Строевъ, и гдѣ не былъ, и чего вовсе не видалъ. Намъ всего нужнѣе, повторимъ въ заключеніе, знать состояніе областныхъ архивовъ, а не безотчетная выборка чего нибудь.

(Сообщено).

Окрутники (обычай Новгородскій). Обычаи, отголоски вѣковъ прошедшихъ, заслуживаютъ, безъ сомнѣнія, вниманіе изыскателей, ибо, иногда, при тщательномъ разсматриваніи начала и происхожденія

Digitized by Google

оныхъ, узнаютъ вѣру, богослуженіе, сношенія народовъ и понятія предковъ о различныхъ предметахъ. Отголоски эти, пробѣгая во времени, исчезаютъ мало по малу, и тѣмъ часъ отъ часу становятся драгоцѣннѣе. Европейская образованность изгладила уже большую часть, если не всѣ древніе обычаи въ городахъ, и слѣды ихъ изрѣдка находятся только между крестьянами, цѣлымъ вѣкомъ отставшими отъ другихъ сословій. Находясь между Москвою и Петербургомъ, слѣдственно на пути безпрестанныхъ нововведеній, *Новгородъ* сохранилъ однакожь еще нѣкоторые древніе обычаи, слѣды вѣковъ славы его. Вѣроятно, *Карнавалъ*, перенесенный, съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ Венеціи, гостями городовъ Ганзейскихъ, соединившись съ нашими Русскими *Святками*, породилъ — *Окрутники* (*). Какъ и во всѣхъ городахъ, лежащихъ близъ столицъ, въ Новгородѣ мало жителей свободныхъ. Лѣтомъ, живописныя окрестности, монастыри, посѣщаемые богомольцами, удобное и значительное для торговли водяное сообщеніе, придаютъ Новгороду жизнь, но зимой — все тихо, и только изрѣдка проѣзжающіе шарлатаны и шпукари пробуждаютъ жителей, собирая съ нихъ слабую дань. За то въ концѣ Декабря, т. е. съ 28-го числа, вдругъ всѣ сословія приходятъ въ движеніе: дворяне, должностные, купечество, мѣщане, иностранцы, ремесленники,

(*) *Окрутники* происходитъ отъ слова *Окрута*: нарядъ.

Digitized by Google

даже военные, однимъ словомъ — всѣ, *окрученные*, ходятъ и ѣздятъ толпами по Новгороду, ища *свѣту*, и всѣ улицы наполнены людьми, въ различныхъ нарядахъ, заготовленныхъ у иныхъ за-долго. *Свѣча*, поставленная на окно, означаетъ приглашеніе: *Окрутники* толпою входятъ въ отворенныя двери; двѣ, три скрыпки, или Жидовскіе цимбалы — вотъ все угощеніе! Таже свѣча, снятая съ окна, и пронесенная по комнатамъ, есть знакъ, по которому всѣ гости разъѣзжаются, и этотъ знакъ, во всякомъ случаѣ показавшійся-бы оскорбительнымъ, въ Окрутники безусловно приняты всѣми. Иногда, если помѣщеніе удобно, комнаты хорошо освѣщены, музыка полнѣе и лучше обыкновеннаго, посѣтители просятъ хозяина заблаговременно: *не снимать рано свѣчи*; но послѣ даннаго знака никто остаться не дерзаетъ. Какая разнообразность, какія заплаты въ этой живой фантасмагоріи! Рядомъ съ стройной Русской крестьянкой, въ полумаскѣ, въ богатомъ сарафанѣ, ходитъ довольный собою *Окрутникъ*: его costume de fantaisie, состоитъ въ кафтанѣ, сшитомъ изъ рогожи, на которомъ, вмѣсто пуговицъ, нашиты Валдайскіе баранки. Въ одномъ углу кружатся въ быстромъ вальсѣ; въ другомъ, подъ туже музыку, рисуется въ присядку Окрутникъ, наряженный мужикомъ. Вдругъ толпа раздается: входитъ человѣкъ, одѣтый въ какой-то полукафтанъ; за кушакомъ у него торчитъ деревянной кинжалъ; на полотенцѣ, повязанномъ черезъ плечо, прицѣплена заржавленная сабля: это *рольникъ*, это костюмъ Дмитрія Донскаго! За нимъ являются пискливая Ксенія, громогласный Фингалъ, нищій въ рубищѣ, Эдипъ въ льня-

Digitized by Google

номъ парикѣ. Два стула составляютъ сцену, на которой разыгрываются цѣлыя сцены трагедій. Слова:

« Моина! повтори, что милъ тебѣ Фингалъ! » произносятся съ тѣмъ-же восторгомъ, какъ и « *выходитъ, сдѣлавъ знакъ стражамъ.* » Все, что напечатано, передается зрителямъ въ точности. — Замѣчательно, что не было почти примѣра, чтобы Окрушники, эта толпа людей всякаго званія, сдѣлала какой нибудь безпорядокъ въ домѣ, гдѣ ихъ приняли: благодарность за гостепріимство — законъ, котораго никто не преступаетъ. Окрушники продолжаются до кануна Крещенія, т. е. до 12-ти часовъ ночи 4-го Января. Послѣ того все утихаетъ, и только продолжительныя воспоминанія прошедшаго занимаютъ участвовавшихъ въ Окрушникахъ. Пріѣхавъ на извощикѣ къ *свѣтѣ*, и снявъ шубу, отдаютъ ее извощику, который обыкновенно надѣваетъ ее на себя, чтобы она не остыла, и съ своего плеча, теплую, при выходѣ подаетъ сѣдоку.

Обычай *окрутаться* существуетъ также въ нѣкоторыхъ городахъ Новгородской губерніи: Крестцахъ, Тихвинѣ, и другихъ.

(Сообщено).

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Nous avons remarqué une guirlande composée de plumes de col de paon et d'aubépine en or; ces plumes réunissaient à la lumière, les couleurs les plus vives et les plus variées. Cette guirlande, plus large sur le front et diminuant ensuite, tournait en spirale autour des cheveux de derrière tressés en natte plate, et formant une couronne posée un peu en arrière.

Nous avons remarqué aussi le turban de Mad. C. formé d'une étoffe de soie blanche presque couverte par des broderies en argent; il était encore enrichi par deux franges d'argent, en torsades, qui ornaient les deux bouts de l'étoffe tombant sur le côté. La robe de cette dame, en *Esmeralda*, ou crêpe à dessins courans brodés en argent, formait avec ce turban une mise aussi riche qu'élégante.

Du reste, les robes en *Esmeralda* sont assez nombreuses, et cette riche étoffe parait destinée à jouir de la vogue pour les bals de cet hiver.

On a remarqué encore des robes de crêpe blanc, ayant autour du bas de la jupe une large guirlande de fleurs brodée en argent.

Nous avons observé que les jeunes demoiselles ont presque toutes les cheveux lisses sur le front, et ceux de derrière en chou, ou tout-à-fait *à la Grecque*. Une rose, un pavot, différentes fleurs, liées en un petit

(*) Въ Парижѣ, до 25 Января (н. ст.)

Digitized by Google

bouquet, forment la majeure partie des ornemens de leur coeffures.

Une robe de bal, sortant des magasins de Mad. Gagelin, était en crêpe avec des applications de fleurs en blonde découpées : cette robe joignait l'élégance à la nouveauté.

Voici une toilette qui nous semble mériter d'être citée : Robe de dessous en satin, à corsage carré, c'est-à-dire montant par devant jusqu'à la naissance de la gorge et de même hauteur par derrière : pardessus fermé en tulle, à corsage à schall pardevant, formant pélerine par derrière, et bordée tout autour par une maline tuyautée, ayant, par devant, deux rangs de même dentelle, faisant suite à celle du corsage, et se prolongeant jusqu'au bas, en forme de tablier

---

Les gilets d'hommes en cachemire font fureur. Ils se font à schall très-large. Quelquefois les dessins d'un de ces gilets ne coûtent pas moins de deux cents francs, même plus. Nous en avons vu fond noir : ce sont les plus nouvellement adoptés.

Парижскій наблюдатель модъ описываетъ гирлянду, изъ перьевъ съ шеи павлина и изъ золотаго боярышника. Сіи перья, при освѣщеніи, блистаютъ самыми яркими и разнообразными красками. Гирлянда шире на лбу и съуживается далѣе, обвивая винтообразно волосы, заплетенные назади плоско, и образующіе вѣнокъ, склоненный къ затылку.

Онъ-же упоминаетъ о тюрбанѣ, изъ бѣлой шелковой шкани, почти закрытой серебрянымъ шишь-

Digitized by Google

емъ; кромѣ того, тюрбанъ былъ еще убранъ двумя серебряными бахрамами, въ торсадахъ, на обоихъ концахъ ткани, ниспадавшихъ съ боку. Платье этой дамы, сдѣланное изъ *Эсмеральды*, или крепа съ волнообразными узорами, вышитыми серебромъ, составляло, вмѣстѣ съ тюрбаномъ, нарядъ богатый и прелестный.

Впрочемъ, платьевъ изъ *Эсмеральды* носятъ много, и кажется, что эта богатая ткань будетъ въ большой модѣ нынѣшнею зимою.

Замѣчательны также платья изъ бѣлаго крепа, съ широкою гирляндою изъ цвѣтовъ, вышитою серебромъ, кругомъ юпки внизу.

Вотъ прическа почти всѣхъ молодыхъ дѣвицъ: волосы на лбу гладко, а назади кочаномъ, или совершенно *по-Гречески*. Роза, цвѣтокъ мака, разные цвѣты въ небольшомъ букетѣ, составляютъ главную часть украшенія ихъ причесокъ.

Въ магазинѣ Г-жи Гажеленъ было сшито платье изъ крепа, съ накладкой вырѣзныхъ изъ блонды цвѣтовъ. И ново, и мило!

Вотъ нарядъ, кажется, достойный описанія: Чехолъ атласный, съ прямымъ лифомъ, то есть закрывающимъ всю грудь, и столь-же высокимъ на спинѣ; верхнее платье тюлевое, съ лифомъ, напереди шалью, а назади образующимъ пелерину; кругомъ все обшито Фландрскими кружевами, въ складкахъ; напереди платья два ряда такихъ-же кружевъ, соединяющихся съ кружевами лифа, и продолжающихся до самаго низу, въ видѣ передника.

Digitized by Google

Кашемировые жилеты въ страшной модѣ. Они дѣлаются съ широкою шалью. Иногда, узоръ одного такого жилета стоитъ Франковъ двѣсти, и болѣе! Самые новые съ чернымъ грунтомъ.

NB. Мужская мода выписана здѣсь для любопытства, а не для подражанія.

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Шляпа, украшенная жемчугомъ и перьями. Платье, сдѣланное шалью.

Мужчина. Фракъ Англійскій. Бархатный жилетъ, вышитый золотомъ.

Digitized by Google

№ 2. Январь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О ПРИРОДѢ И ИСТОРІИ,

относительно къ преданіямъ Миѳологическимъ и Эпическимъ.

(Окончаніе)

Преданія Эпическія.

Чтобы постигнуть Героическую Поэзію народовъ, надобно возвыситься до самаго отдаленнаго происхожденія оныхъ и понять ихъ дѣйствительную жизнь въ первоначальномъ ея зародышѣ. Равнымъ образомъ, для разсмотрѣнія Эпической Поэзіи природы, надобно поднять внѣшнюю завѣсу, которая закрываетъ ее и волнуется при малѣйшемъ дыханіи зефира. Мы видимъ только преходящую, частную, лирическую мысль сей Поэзіи. Явленія слѣдуютъ *одно* за другимъ, не возрастая: звѣзда убѣгаетъ, подобно волнѣ, не оставляя слѣ-

Digitized by Google

да живаго, увеличивающагося въ просшранствѣ небесъ; расшеніе, безъ прошедшаго и безъ будущаго, одинаково возобновляешся и гибнешъ. И часы, на землѣ нашей, связанные одинъ съ другимъ, колеблются, не соединяясь и не утверждаясь. Но, какъ въ Человѣчествѣ мгновенное вдохновеніе Оды утверждено на неподвижномъ, необходимомъ основаніи Эпопеи, шакъ и сей, возраждающійся міръ, который существуетъ въ царствѣ растишельномъ, въ волнахъ и мешеорихъ, который проявляется въ свѣшѣ (la lumière) и въ живошныхъ формахъ, сей міръ есшь внѣшнее украшеніе міра преданій, въ шишинѣ возраспающаго. Между шѣмъ какъ по наружности каждое дыханіе жизни гибнешъ въ опідѣльныхъ созданіяхъ, во внушренности, непреходящая идея міровъ медленно означила эпохи своей исшоріи въ геологическомъ образованіи земнаго шара. Вѣка, одинъ за другимъ создали себѣ въ скалѣ вѣчныя гробницы, и навсегда застыли въ слояхъ граниша, порфира, мрамора и глины. Если существованіе человѣка и движеніе переселеній его ознаменовано пирамидами Египшянъ, шапрами Гунновъ и Германцевъ, надписями на дорогѣ Аппія, гробницами Кловиса и Алфреда; если гражданскія лѣшописи заключены въ цѣломъ ряду вымышленныхъ созданій, въ Рамайянѣ Индійцевъ, въ Шанаме

Digitized by Google

Персовъ, въ Омирѣ Греческихъ поколѣній, въ Нибелунгахъ Сѣвера, въ романѣ о Граалѣ народовъ Цельто-Римскихъ, и наконецъ въ Божественной Комедіи поколѣнія Индо-Германскаго, то періоды Лѣтописей Вселенной означены такимъ-же рядомъ правильныхъ кристаллическихъ слоевъ.

Такова первая степень всемірнаго развитія Эпической идеи. Опъ красоты безжизненной, сія идея, съ Человѣчествомъ возвышается до красоты одаренной мыслію и размышленіемъ. Но это еще не будетъ Поэма, которой придаютъ полную организацію языкъ и пѣніе; это еще не то живое божество Исторіи, которое возраждается чудомъ Поэзіи словесной: это переходъ опъ таинственной мысли неорганической природы, къ ясному свѣту преданій, облеченныхъ словомъ человѣческимъ. Въ формѣ его есть правильность слоевъ земнаго шара, и движеніе лѣтописей гражданскихъ. Порфирная скала, показывающая своимъ основаніемъ недовѣдомый вѣкъ Вселенной, принимаетъ характеръ и дѣлается символомъ возраста рода человѣческаго. Она явится громадою, почти въ естественномъ видѣ своемъ, въ храмахъ Индійцевъ и Арамеевовъ, по духу самого Востока; или раздѣлится на колонны, какъ раздѣлена мысль Греціи; или

Digitized by Google

преобразится въ сборный столбъ Готическій, какъ вѣка и образованности прошедшія сближаются и соединяются въ сознаніи Временъ Среднихъ. Неподвижная Поэма горъ становится Поэмою наслѣдственною, которая возрастаетъ вмѣстѣ съ народами. Когда неоспоримо доказано, что отъ храмовъ Ѳивскихъ до Готическихъ существуетъ одна, первобытная форма, безпрерывно измѣняющаяся, тогда Архитектура возвышается на степень идеи безсловной Эпопеи Человѣчества. Это Искусство, гдѣ нѣтъ частностей, гдѣ памятники довершаются трудомъ поколѣній! Начатое съ одною мыслію, часто оканчивается съ мыслію совершенно иною. Какъ въ Героической Поэмѣ можно признать различные остатки вѣковъ — миѳъ, превратившійся въ историческую басню, не изгладившійся, но закрытый элементомъ другой религіи — такъ подъ мракомъ сводовъ можно различить трудъ и руку всѣхъ предшествовавшихъ временъ. Отъ того, въ главныя эпохи Искусства, не знаютъ кому приписать идею и славу памятниковъ. Они созданы геніемъ всѣхъ, и потому существенно не принадлежатъ ни кому. Въ семъ случаѣ такъ ничтожно могущество личное, что въ каждомъ вѣкѣ представляютъ они только различные экземпляры одного и того-же первообраза. Они до такой степени ознаменованы

Digitized by Google

характеромъ необходимости, что никакое другое произведеніе Искусства не являетъ ничего подобнаго, и если можно именовать творцовъ оныхъ, то, почти всегда, это какъ-бы цѣлыя семейства рапсодовъ, являющихся одинъ послѣ другаго, и довершающихъ преданіе генія. Строители храма въ Дельфахъ и Маншинеѣ, Агамедъ, Трофоній, суть явно цѣлыя поколѣнія, олицетворенныя такъ-же какъ Орфей и Линъ. Ближе къ намъ, громады Готической Архитектуры представляютъ полную генеалогію людей, вмѣстѣ съ идеями смѣшанныхъ въ одномъ и томъ-же памятникѣ. Опытъ Константина до Льва X, потребно было одиннадцать столѣтій, чтобы выразить планъ зданія, который остался не конченнымъ и послѣ того, какъ Альберти, Браманте, Рафаэль и Микель-Анджело, одинъ послѣ другаго, трудились надъ онымъ. Прибавимъ наконецъ, какъ послѣднюю черту характера сего Искусства, что изъ всѣхъ одно является оно въ полной красѣ въ эпическіе возрасты Человѣчества. Въ сущности своей подобное Героической Поэмѣ, оно еще болѣе похоже на нее эпохою своего появленія во времени. Въ Искусствѣ, Архитектура есть дѣйствительное выраженіе, олицетворенный геній Востока. Оно явилось намъ во всей своей силѣ, и явилось одно: всѣ другія Искусства были под-

Digitized by Google

чинены ему. Тотъ-же характеръ неизмѣримости, спокойствія, вѣчности, безконечности, которымъ ознаменованы образованности Индіи и древняго Египта, навѣки остался въ мысли Искусства, приняшаго ими за выраженіе. Это Искусство, такъ-же какъ и наименованныя здѣсь образованности, высоко символическое. Чѣмъ менѣе подражаетъ оно предметамъ, тѣмъ болѣе выражаетъ идей. Характеръ его языка, не имѣющаго ни голоса, ни цвѣтовъ, ни движеній, есть аллегорическій духъ первобытныхъ языковъ. Другія Искусства мало по малу удаляются отъ символа, въ такомъ-же отношеніи, какъ эпохи независимой ихъ жизни. Архитектура относится къ Ваянію такъ-же, какъ Востокъ къ Греціи; а Ваяніе относится къ Живописи, какъ Греція къ новому міру; ибо если природа создана по чистому закону Математики, то Исторія движется на божественной идеѣ Искусства. Первая, въ вѣчной кривой линіи, стремится за формулою Кеплеровъ и Галилеевъ, никогда не достигая оной; другая такъ-же старается приблизиться къ первообразу Иліады, Парѳенона Фидіева, и божественныхъ лицъ Рафаэля.

Наконецъ, вмѣстѣ съ народами разливается вѣчная рѣка Поэзіи, почерпаемой ими въ са-

Digitized by Google

ихъ себѣ. Божество ихъ покоится на урнѣ вѣковъ, склоняетъ оную, и глядится въ ея струи: тамъ отражается оно не въ невѣрныхъ, скрытыхъ чертахъ, какъ на поверхности природы, но лицомъ къ лицу въ зеркалѣ живомъ, столь-же глубокомъ, столь-же чистомъ, какъ произвольное самосознаніе рода человѣческаго. Непроницаемыя воды сіи отражаютъ въ безднахъ своихъ священныя горы Гиммалайскія, или утоляютъ жажду приходящихъ къ нимъ голубицъ Семирамиды, носороговъ Персеполиса, грифовъ Египта, газели Арамееновъ, или, умножая свои потоки, лелѣютъ на волнахъ своихъ Венеру Афродиту, Ценшавра Пелазговъ, бродящія Теоріи Аргоса и Іоніи, или, усиливаясь въ своемъ теченіи, плещутся о дубы Эдды, смѣшивая свои глухія завыванія съ погребальнымъ крикомъ вороновъ Одина, или, очищенныя паденіемъ, разсыпая въ лѣсахъ Галліи забытое золото Друидовъ, охватываютъ своими извилинами чудесный замокъ Клингзора и Мерлина, шепчутся съ Ондинами Цельтовъ, и шумятъ съ отдаленнымъ рогомъ Оберона и Роланда — все черпаетъ изъ нихъ жизнь, все въ нихъ возобновляется: ни чья рука не можетъ заградить имъ пути.

Каждая народная Эпопея восходитъ, по осно-

Digitized by Google

ванію своему, къ первому появленію каждаго племени людей, и одно изъ отличительныхъ свойствъ ея есть явленіе вдругъ во многихъ различныхъ экземплярахъ (*). Какъ прежде Троя Омировой былъ начертанъ на стѣнахъ Вавилона барельефъ Трои Восточной, такъ, при какой-бы формѣ Героической Поэмы ни остановились вы, она уже предшествуема другою формою, которая заключаетъ ее въ себѣ и воспроизводитъ. Сама Поэма состоитъ изъ сущности поколѣнія: она болѣе истинна и глубока нежели Исторія, и никакое личное могущество не въ силахъ заключить ее въ свои размѣры. Она не пресмыкается въ писанной рѣчи, прикованной

(*) Тотъ-же самый кругъ преданій, который движется въ Иліадѣ, является также во Фригійской Иліадѣ Дареса (Aelian, lib. XI, cap. 2), въ Кипрскихъ поэмахъ Стазина, въ Эѳіопидѣ и паденіи Трои Арктина, въ небольшой Иліадѣ Лесхея, въ Ностоіяхъ Агія, въ Телегоніи Эвгамнона Киринейскаго. Духъ жизни Нибелунговъ раскрывается въ одно и тоже время въ мщеніи Кримгильды, въ рапсодіи Марнера, въ Датской пѣсни о Брунегильдѣ, въ круговыхъ поэмахъ о Розенгартенѣ, Отнитѣ, Альфортѣ, и въ пѣсни о Гильдебрандѣ. Цельто-Бретонскій кругъ Артуса, Круглаго Стола и Граала кидаетъ свои лучи у Англо-Саксоновъ въ Брю Роберта Васа, у Французовъ въ Лансело, Галабѣ, Тристанѣ, въ Титюрелѣ Гіома Провансскаго и Хри-

Digitized by Google

къ камню или бронзѣ: она летитъ въ пѣсни, отъ острововъ къ островамъ, отъ лѣсовъ къ лѣсамъ, отъ горъ къ горамъ. Но когда живительный духъ начинаетъ прекращаться въ ней; когда становится она ограниченною въ своихъ успѣхахъ, неподвижною, и старается остепениться, тогда только дозволяетъ приковать себя къ буквѣ и оканчиваетъ свое вольное поприще формою швердою, постоянною. Приходитъ время, когда общее самосознаніе, истощенное въ духѣ, не можетъ болѣе ни выносить ея, ни распространять: тогда оно ввѣряетъ ее другому дѣятелю, не оставляя въ себѣ — будемъ-ли разумѣть чрезъ сіе простое соединеніе отдѣльныхъ частей, что сдѣлалъ Пизистратъ въ Аѳинахъ, или вдохновенія вѣковъ, собранныя еди-

---

сціана Труаскаго, въ рапсодіяхъ Рауля де Гуданъ, Гюона де Мери; у Нѣмцевъ въ прилогіи о Парсивалѣ, Типюрелѣ и Гогенгринѣ, фонъ Эшенбаха, и проч. Всего болѣе надобно желать, чтобы для пользы Исторіи были изданы нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ Поэмъ: на нашемъ языкѣ есть рукописные оригиналы оныхъ. Нѣмцы и Англичане давно издали ихъ въ вольныхъ переводахъ, сдѣланныхъ около 13-го и 14-го столѣтій. Объ этомъ предметѣ говорится въ сочиненіи sur le Génie des races germaniques, которымъ Авторъ занимается много лѣтъ.

Digitized by Google

новременно въ душѣ одного такого поэта, каковъ Фердуси или Аріостъ. Какъ только она перестаетъ двигаться, въ ней становится явенъ трудъ вѣковъ отдаленныхъ. Прахъ поколѣній ложится медленно и образуетъ, одинъ за другимъ слои, болѣе стройные нежели мраморъ горъ, омываемыхъ лазурными волнами Мессенійскаго моря. Чѣмъ сильнѣе является въ Поэмѣ разнообразіе вѣковъ, тѣмъ болѣе величится и господствуетъ единство поколѣнія. Отселѣ выводится даже самый глубокій характеръ красоты Поэмы. Если прошедшее изъясняетъ ее, то она изъясняетъ будущее. Свободно излившись изъ души народа, и будучи самымъ полнымъ его выраженіемъ, она относится къ гражданской жизни такъ-же, какъ геометрическія фигуры къ тѣламъ міра. Идея многосторонника, постигнутая Пиѳагоромъ или Платономъ, не была еще отъ вѣка выражена самыми чистыми кристаллами горъ. Съ тѣхъ поръ, какъ небесные шары двигаются по своимъ орбитамъ, они еще не могли угладить своихъ неровныхъ поверхностей и уподобиться гладкой сферѣ, изсѣченной на гробницѣ Архимедовой. Формулы Кеплера и Галилея, столь неосязаемыя, столь невидимыя, и болѣе древнія нежели вселенная, еще не выполнены, не смотря на то, что звѣзды вѣчно слѣдуютъ имъ въ бѣгѣ своемъ. Жизнь природы

Digitized by Google

есть не иное что, какъ ея неистощимое усиліе приблизишься къ симъ неизмѣннымъ истинамъ, вѣчно живущимъ въ лонѣ Бога, и вдругъ открытымъ во времени взглядомъ Науки. Тоже можно сказать и о сихъ, необходимыхъ первообразахъ Поэзіи, вначалѣ постигнутыхъ духомъ народовъ. Они болѣе чисты нежели опытность; они предшествуютъ ей, управляютъ ею, и всѣ дѣла человѣческія стремятся къ тому, чтобы выразить ихъ въ дѣйствительности; но, уже всѣ лѣтописи раскрыты, и всѣ онѣ еще не окружили, не облекли вполнѣ живой идеи, въ самомъ началѣ показанной Искусствомъ. Надобно вспомнить о тысячѣ встрѣчь, которыя препятствуютъ кривой линіи Исторіи достигнуть формулы Эпопеи, не смотря на ея безконечное приближеніе къ оной. И мы видимъ, что самыя могущественныя Имперіи не могли защититься отъ смерти, а пѣснопѣнія, всего чаще ввѣряемыя храненію слѣпыхъ старцевъ или бродящихъ пастырей, пережили оныя, потому что въ нихъ существенно было больше бытія....

Если поколѣніе выражаетъ какую нибудь частную идею Человѣчества, то и Поэма, сохраняющая сію идею, есть только отрывокъ Поэмы всемірной. Древніе (*) замѣтили, что въ

(*) Аристотель.

Digitized by Google

общности своей, Поэма менѣе совершенна чѣмъ Трагедія. Въ самомъ дѣлѣ, она столько-же образуетъ единство ограниченное и конченное, какъ судьба какого-либо народа; она идетъ впередъ движеніемъ вѣчнымъ, никогда не находя своего настоящаго предѣла: ея довѣрчивый геній, думая съ самаго начала достигнуть границы, развлекается съ самаго начала. Узнавши во время своего пути основу преданій всемірныхъ, она останавливается при первой усталости, при частномъ событіи, которое не можетъ быть заключеніемъ. Неизбѣжное противорѣчіе находится между ея началомъ и окончаніемъ. Памятникъ, имѣющій основаніемъ самосознаніе народа, можетъ быть окончательно довершенъ только тѣмъ событіемъ, которое заключаетъ въ себѣ всѣ другія: гибелью сего народа. Всякая иная развязка будетъ событіемъ предварительнымъ, къ которому будущее приложитъ свой трудъ. Ни могила Гектора, ни бракъ Рожера, ни трауръ Дидриха не замыкаютъ необходимымъ событіемъ всего ряда миѳовъ Эллинскихъ, Готѳскихъ и Свевскихъ. Эта сторона остается открытою въ организаціи Поэмы, и придаетъ ей неограниченный характеръ безконечности, окружающей ее. Поколѣніе и судьба его поясняются вполнѣ только явленіемъ другаго поколѣнія, и потому существенною раз-

Digitized by Google

вязкою всякой Эпопеи служитъ слѣдующая за ней Эпопея.

Въ самомъ дѣлѣ, если высшая Критика приводитъ въ сосгройство памятники Эсхила или Платона, по наружности отдѣльные, руководствуясь притомъ идеею органической общности, которая бросаетъ на каждую изъ своихъ частей свѣтъ, заимствованный ими отдѣльно, то, было-бы удивительно, что геній самого Человѣчества дѣйствуетъ или является отрывками. Его гармоническая душа создала обширную трилогію Исторіи, и связала съ судьбою своихъ народовъ стансы своей поэмы. При томъ искуствѣ, коимъ надѣлила она Аріоста, соединяетъ-ли или раздѣляетъ она нити своего повѣствованія, кругъ онаго никогда не прерывается совершенно. Религіозное призваніе, медленное поклоненіе богамъ земли и водъ, занимаетъ космогоническую мысль Магабараты Индійской, продолжается въ пѣсняхъ Титановъ Орфея и Лина, и уступаетъ мѣсто дѣйствію героическому только въ поэмѣ Іонійской. Отселѣ начинается повѣствованіе мирное, обильное, которому нѣтъ конца. Какъ могли народы Ишаліи заключить кругъ Иліады? Они были продолженіемъ міра Греческаго, и могли присовокупить къ оному только блестящій эпизодъ. Они вырѣзали оживленную каршину на мѣдяномъ

Digitized by Google

щитѣ Омировскаго бога. Надобна была поэма, въ которой было-бы дикое величіе Ахейскихъ миѳовъ и легкій оттѣнокъ рыцарства; которая заключала-бы въ себѣ силу Типановъ и тихость каштелляншь рыцарскихъ замковъ, будучи, впрочемъ, столь-же обширна по своему горизонту, столь-же древня по своему происхожденію, какъ судьба семейства народовъ, призванныхъ измѣнить видъ вселенной. Таково и было возрожденіе новой пѣсни. Въ одинъ риѳмъ съ прежними началась она тамъ, гдѣ тѣ кончились. Какъ онѣ, рожденная идолопоклонствомъ, но будучи столь-же мрачна, какъ тѣ были блистательны, столь-же чужда всѣхъ украшеній, какъ тѣ были ими обильны, подражая своимъ грубымъ кадансомъ звуку меча Ашпилы, она была отвѣтомъ варваровъ на изнѣженную пѣснь, которую столь долго выражала Ишалія. И въ тоже время, когда поколѣніе Германцевъ останавливало образованность Греческую, герои онаго прикашли, съ высоты горъ, еще безобразный камень Нибелунговъ ко входу Омировскаго Тартара. На одномъ съ Нибелунгами религіозномъ основаніи, поколѣніе Персидское развивало обширный организмъ своей Эпопеи (*). Оно раздвинуло гра-

(*) *Шанаме.* Смотр. переводъ многихъ отрывковъ у Г-на Гаммера, и книгу Царей, перев. Г-на Гёрреса.

Digitized by Google

ницы до вѣковъ Джемшидовъ и Зороастровъ, и заключило въ единый памятникъ времена Александра, пришествіе Сассанидовъ, и даже время угнетенія Арабскаго, соединивъ съ перистилями храмовъ Персеполисскихъ тысячи колоннъ Дамасскихъ мечетей, столпивъ, но не смѣшавъ Изедовъ Зендъ-Авесты и кровавыя слова Курана; оно, своею волшебною цѣпью, привязало къ Востоку весь кругъ рода человѣческаго. Какъ гора Тавръ, вышедши изъ Индіи и разбившись въ своемъ пути при Воротахъ Кавказскихъ, бросаетъ одну изъ своихъ отраслей на Дунай и Карпаты, а другую въ заливъ Аравійскій, которая, черезъ малый Атласъ и Сіерру Кастильскую соединяется съ первою въ громадахъ Пиренейскихъ и обхватываетъ водохранилище Средиземное, такъ и сіи два эпическіе міра, пошедши съ одной почвы и долго находясь въ раздѣленіи, встрѣчаются и сходятся въ кругѣ Карла Великаго и Роланда Ронсевальскаго. Къ сему средоточію направляются преданія Всемірныя, дотолѣ развивавшіяся отдѣльно. Жизнь эпическая со всѣхъ сторонъ собираетъ къ нему свои элементы, разсѣянные въ разныхъ вѣкахъ. Здѣсь точка, на которой сближаются и связываются повѣствованія всѣхъ поколѣній. Основаніе рыцарства, едва видное въ Нибелунгахъ, становится нача-

Digitized by Google

ломъ сего новаго круга. Въ тоже время раскрывается долго таившаяся сфера басенъ Греческихъ. Герои Троянскіе, пробуждаясь въ очарованномъ лѣсу, вмѣшиваются въ приключенія, случившіяся во время ихъ долгаго сна. Друиды простираютъ свои тѣни надъ легкими и блестящими волшебствами Ирана и Аравіи. Такъ обогащенная сущностью всѣхъ народовъ, Поэма продолжаетъ свой ходъ, важный и величавый, дѣлаясь болѣе и болѣе мирною, свѣтлою. Увеличившись Бретонскими миѳами въ кругу Артура, она распространяетъ свои границы до Индіи и тамъ ищетъ новой жизни. Мистическая ваза С. Граала, изъ которой всѣ народы уполяли свою жажду, которую Египетъ отдалъ Гермесу, Персія Дшемшиду, Греція Геркулесу, перешедши черезъ руки всѣхъ, становится наградою и цѣлью состязаній рапсодовъ Среднихъ Вѣковъ. Прибавьте, что символическій геній, правда, еще не въ полной независимости, но связанный съ судьбами рыцарства, уже означаетъ сію эпоху характеромъ аллегорическимъ, который найдетъ свое полное развитіе только въ Эпопеѣ Данте. . . . . Въ кругу Артура подчинившись преданіямъ народнымъ, онъ самъ становится предметомъ и основаніемъ новаго міра Искуства. Границы Поэмы, раздвинувшись постепенно отъ

Digitized by Google

водохранилища Средиземнаго до Персіи и Дуная, а потомъ до Индіи и Исландіи, переносятъ свои сосредоточенные круги до самыхъ крайнихъ предѣловъ вселенной; Индійская форма является снова и господствуетъ посреди новыхъ миѳовъ; различные вѣка Исторіи, постепенно разсмотрѣнные, сами составляютъ раздѣленія героической Космогоніи. Эта смѣшанная перипетія, гдѣ со всѣхъ сторонъ личности народовъ встрѣчались и сталкивались, гдѣ различныя, перепутанныя приключенія, казалось, не могли окончиться никакою развязкою, разрѣшается въ гармоніи идеальной. Преданія, сошедшіяся отвсюду, противорѣчившія одно другому и состязавшіяся въ то время, когда они были подчинены частнымъ формамъ самосознанія какого-либо поколѣнія, освободившись отъ сихъ узъ, приходятъ въ свой естественный порядокъ — въ поэтическомъ самосознаніи всего Человѣчества.....

Пусть человѣкъ расположитъ лѣтописи Человѣчества, какъ Омиръ лѣтописи народа Греческаго; пусть для единства изберетъ онъ единство Исторіи и Природы; пусть сблизитъ существа дѣйствительныя, чрезъ мглу вѣковъ, въ пространствѣ равномъ всюду, блистающемъ свѣтомъ полнымъ — онъ достигнетъ возмож-

Digitized by Google

ной и необходимой формы Эпопеи новаго міра. Въ очерпаніяхъ своихъ, Поэма сія будетъ не столь совершенна какъ Поэмы Омировы, но она превзойдетъ ихъ величіемъ и возвышенностію. Надобно, чтобы она освободила отъ мистическихъ покрововъ существенную сторону Человѣчества, такъ какъ Иліада извлекла Греческую форму изъ системы символическихъ Эпопей Ахейцевъ и Пелазговъ.

Съ Франц. Б.

Digitized by Google

АММАЛАТЪ-БЕКЪ.

Кавказская быль.

(Продолженіе)

ГЛАВА IV-я.

Дико прекрасенъ гремучій Терекъ въ Дарьяльскомъ ущеліи. Тамъ, какъ геній черпая силы изъ небесъ, борется онъ съ природой. Индѣ свѣтелъ и прямъ какъ мечъ, разсѣкшій гранитную стѣну, сверкаетъ онъ между утесами. Индѣ чернѣя отъ гнѣва, реветъ и роется какъ лютый звѣрь подъ вѣковыя громады: отрываетъ, рушитъ, катитъ вдаль ихъ обломки. Въ бурную ночь, когда запоздалый всадникъ, завернувшись въ косматую бурку, озираясь ѣдетъ по забережью, висящему надъ пучиною Терека, всѣ ужасы, какіе только породить можетъ досужее воображеніе, ничто въ сравненіи съ истинными, его одолѣвающими. Съ глухимъ шумомъ крутятся дождевые потоки подъ ногами, падаютъ на голову со скалъ, нахмуренныхъ надъ нею и каждый мигъ грозящихъ подавленіемъ. Вдругъ, какъ лава прорывается молнія — и вы

Digitized by Google

съ ужасомъ видите только черную, расторгнутую тучу надъ собою, а подъ собой зіяющую бездну, утесы по сторонамъ, и на встрѣчу вамъ съ крутизны ревущій, прыщущій Терекъ, осыпанный огненною пѣною. На одинъ мигъ видите вы, какъ мутныя, буйныя волны его, словно адскіе духи, скачутъ, прядаютъ, мечутся въ бездну со стономъ, пораженные мечемъ Архангеловъ. Вслѣдъ имъ съ грохотомъ катятся огромные камни. И вдругъ, послѣ ослѣпительнаго озаренія молніею, вы опять погружены въ черное море ночи; и вдругъ за тѣмъ раздается выстрѣлъ грома, зыблющій основаніе скалъ, будто тысячи горъ рушатся другъ на друга: такъ вторятъ отголоски удару небесъ. Потомъ долгій, протяжный гулъ, будто стонъ оторванныхъ съ корней дубовъ или звукъ сокрушенныхъ скалъ, или вой раздавленныхъ въ безднѣ великановъ, сливается съ шумомъ вѣтра, и вѣтеръ превращается въ ураганъ, и дождь низвергается ливнемъ. И снова молнія слѣпитъ васъ, и снова громъ, на который отвѣчаетъ вдали рокотъ обваловъ, оглушаетъ... камни сыплются мимо, и звучно падаютъ въ воду... испуганный конь упирается, садится назадъ, форкаетъ, трепещетъ, грива его хлещетъ въ глаза всадника, и всадникъ творитъ невольную молитву.

Digitized by Google

Но за то, какъ привѣтливо заглядываетъ утро въ ущелiе, на днѣ котораго бьетъ и кипитъ и плещется Терекъ! Облака, будто раздернутый пологъ, клубятся отъ вѣтра, и сквозь нихъ являются и опять исчезаютъ ледяныя вершины. Точно рѣзные изъ золота, лучи солнца рисуютъ зубчатые силуэты вершинъ восточныхъ на противоположной стѣнѣ горъ. Скалы блестятъ, еще высеребренныя дождевою влагою. Ключи и горные потоки пышатъ пѣною, летятъ сквозь туманъ съ крутизнъ, и самые туманы, гдѣ катятся внизъ по ущелiю, подобны потоку, гдѣ вьются улиткой съ ключа, будто дымокъ съ хижины, гдѣ обвиваютъ какъ чалмой одинокую, древнюю на утесѣ башню, а мрачный Терекъ прядаетъ по каменьямъ и кружится, будто ищетъ мѣста успокоиться.

Должно признаться однакожъ, что на Кавказѣ нѣтъ водъ, въ кои-бы достойно могли глядѣться горы — исполины шворенiя. Нѣтъ на немъ рѣкъ плавныхъ, нѣтъ огромныхъ озеръ, и Терекъ между громадами, его щѣснящими, кажется ручейкомъ. Подъ Владикавказомъ вырвавшись на долину, онъ кажется радъ вольному раздолью: ходитъ по ней широкими кругами, разбрасывая похищенные въ горахъ валуны. Дальше, уклоняясь къ сѣверо-западу, онъ все еще быстръ, но менѣе шуменъ, будто усталый послѣ труд-

Digitized by Google

наго подвига. Наконецъ, охвативъ крутымъ поворотомъ мысъ Малой Кабарды, онъ какъ Мусульманинъ набожно обращается къ востоку, и мирно напоя враждующіе берега, несется, то по грядамъ камней, то по глинистымъ отмѣлямъ, упасть за Кизляромъ въ чашу Каспія. Тутъ уже онъ терпитъ на себѣ челны, и какъ работникъ ворочаетъ огромныя колеса плавучихъ мѣльницъ. По правому берегу его, между холмами и перелѣсками, разсѣяны аулы Кабардинцевъ, которыхъ мы смѣшиваемъ въ одно названіе Черкесовъ, живущихъ за Кубанью, или Чеченцовъ, обитающихъ гораздо ниже къ морю. Побережные аулы сіи мирны только по имени, но въ самомъ дѣлѣ они притоны разбойниковъ, которые пользуются и выгодами Русскаго правленія, какъ подданные Россіи, и барышами грабежей, производимыхъ горцами въ нашихъ предѣлахъ. Имѣя всюду свободный входъ, они извѣщаютъ единовѣрцевъ и единомышленниковъ о движеніи войскъ, о состояніи укрѣпленій; скрываютъ ихъ у себя, когда тѣ сбираются въ набѣгъ; дѣлятъ и перекупаютъ добычу при возвратѣ, снабжаютъ ихъ солью и порохомъ Русскими, и не рѣдко участвуютъ лично въ тайныхъ и явныхъ набѣгахъ. Самое дурное, что, подъ видомъ этихъ горцевъ, враждующіе намъ народы безбоязненно переплываютъ Терекъ человѣка по два, по три, по пяти, и середи бѣ-

Digitized by Google

лаго дня отправляются на разбой, никѣмъ не преслѣдуемы, ибо одежда ихъ ничѣмъ не отлична. На оборотъ, сами мирные, пользуясь этою отговоркою, нападаютъ, когда въ силахъ, открыто на проѣзжихъ, или похищаютъ скотъ и людей украдкою, рубятъ безъ пощады, или перепродаютъ въ плѣнъ далеко.

Правду сказать, мѣстное положеніе ихъ, между двумя сильными сосѣдами, по неволѣ заставляетъ такъ коварствовать. Зная, что Рускіе не поспѣютъ изъ-за рѣки защитить ихъ отъ мести горцевъ, налетающихъ какъ снѣгъ, они по необходимости, равно какъ по привычкѣ, дружатъ однокровнымъ, но въ тоже время лисятъ передъ Рускими, которыхъ боятся.

Конечно, между ними есть нѣсколько человѣкъ истинно преданныхъ Рускимъ, но большая часть даже и своимъ измѣняютъ изъ награды, и то лишь при вѣрномъ успѣхѣ, и то лишь до пѣхъ поръ, покуда видятъ въ томъ свою пользу. Вообще, нравственность этихъ мирныхъ, самая испорченная: они потеряли всѣ доблести независимаго народа, и уже переняли всѣ пороки полуобразованности. Кляшва для нихъ игрушка, обманъ — похвальба, самое гостепріимство — промыселъ. Едва-ли не каждый изъ нихъ гоповъ наняться по утру къ Рускому въ кунаки, а ночью въ проводники къ хищнику, чтобы ограбить новаго друга.

Digitized by Google

Лѣвый берегъ Терека унизанъ богатыми станицами Линейскихъ Казаковъ, потомковъ славныхъ Запорожцевъ. Между ними кое-гдѣ есть крестьянскія деревни. Казаки эти отличаются отъ горцевъ только не бритою головою: оружіе, одежда, сбруя, ухватки — все горское. Мило видѣть ихъ въ дѣлѣ съ горцами: это не бой, а поединокъ, гдѣ каждый на славу хочетъ доказать превосходство силы, храбрости, искусства. Двое Казаковъ не спрусятъ четверыхъ наѣздниковъ, и въ равномъ числѣ всегда побѣдители. Почти всѣ они говорятъ по-Татарски, водятъ съ горцами дружбу, даже родство по похищеннымъ взаимно женамъ, но въ полѣ враги неумолимые. Какъ ни запрещено переѣзжать на горную сторону Терека, но удальцы отправляются туда вплавь, на охоту разнаго рода. Въ свою очередь горскіе хищники бродятъ за Терекъ ночью, или переплываютъ его на бурдюкахъ (мѣхахъ), залегаютъ въ камыши, или подъ навѣсъ берега, потомъ перелѣсками пробираются къ дорогѣ, чтобы увлечь въ плѣнъ безпечнаго путника, или захватить женщинъ на гребль сѣна. Случается, что самые отчаянные проводятъ дни по два въ виноградникахъ при деревнѣ, выжидая удобнаго случая напасть въ расплохъ, и отъ того Линейскій Казакъ не ступитъ за порогъ безъ кинжала, не выѣдетъ

Digitized by Google

въ полѣ безъ ружья за спиной: онъ косишъ и пашешъ вооруженный.

Въ послѣднее время, большими толпами горцы стали нападать только на крестьянскія деревни, ибо въ станицахъ отпоръ становился имъ очень дорого. Для угонки табуновъ они смѣло и глубоко впадаютъ въ границы наши, но въ такомъ случаѣ рѣдко обходится безъ битвы. Самые лихіе уздени стараются попасть въ подобные наѣзды, чтобы снискать себѣ имя, которое цѣнятъ они выше всякой добычи.

Осенью, въ 1819-мъ году, Кабардинцы и Чеченцы, ободренные отсутствіемъ Главнокомандующаго, собрались въ числѣ полупяты тысячи человѣкъ, сдѣлать нападеніе на какую нибудь деревню за Терекомъ, ограбить ее, увезти плѣнниковъ, угнать табунъ. Предводителемъ былъ Кабардинскій Князекъ Джембулатъ. Аммалатъ-Бекъ, пріѣхавшій къ нему съ письмомъ отъ Сулшанъ-Ахметъ-Хана, былъ принятъ съ радостію. Правду сказать, ему не дали никакого отряда, но это отъ того, что у нихъ нѣтъ никакого строя, ни порядка въ войскѣ: борзый конь и собственная запальчивость указываютъ каждому мѣсто въ битвѣ. Сначала сдумаютъ, какъ завязать дѣло, какъ завлечь непріятеля, но потомъ нѣтъ ни повиновенія, ни повелѣнья, и случай доканчиваетъ сраженіе.

Digitized by Google

Обославшись съ сосѣдними узденями и наѣздниками, Джембулатъ назначилъ сборное мѣсто, и вдругъ, по условному знаку, во всѣхъ ущеліяхъ раздался крикъ: «*Гарай, гарай*! (тревога) и въ одинъ часъ слетѣлись со всѣхъ сторонъ наѣздники Чеченскіе и Кабардинскіе. Во избѣжаніе измѣны, никто не зналъ, кромѣ вождей, гдѣ будетъ ночлегъ, гдѣ переправа. Раздѣлясь на небольшія кучки, пошли они по едва виднымъ тропамъ въ мирный аулъ, гдѣ должно было скрыться до ночи. Въ сумеркахъ всѣ отряды уже сошлись туда. Разумѣется, мирные встрѣтили своихъ земляковъ съ распростертыми объятіями, но Джембулатъ, не довѣряя этому, оцѣпилъ селеніе часовыми и объявилъ жителямъ, что если кто покусится уйдти къ Рускимъ, будетъ изрубленъ въ куски. Большая часть узденей разошлись по саклямъ кунаковъ, или родственниковъ, но самъ Джембулатъ съ Аммалатомъ и лучшими наѣздниками остался на чистомъ воздухѣ, подлѣ разведеннаго огня, покуда освѣжались усталые ихъ кони. Джембулатъ, простершись на буркѣ, опершись рукою объ руку, раздумывалъ распорядокъ набѣга; но далека была мысль Аммалата отъ поля битвы: она орленкомъ носилась надъ горами Аваріи, и тяжко, тяжко ныло сердце разлукою. Звукъ металлическихъ струнъ горской балалайки (комусъ), сопровождаемый протяжнымъ напѣвомъ,

Digitized by Google

извлекъ его изъ задумчивости: то Кабардинецъ пѣлъ пѣсню старинную.

«На Кавбекъ слетѣлись тучи,
Словно горные орлы...
Имъ на встрѣчу, на скалы
Узденей отрядъ летучій,
Выше, выше, круче, круче,
Скачетъ Рускими разбитъ:
Слѣдъ ихъ кровію кипитъ.

На хвостахъ полки погони:
Занесенъ и штыкъ и мечъ;
Смертью сѣется картечь...
Нѣтъ спасенья въ силѣ, въ бронѣ..
«Бѣгу, бѣгу, кони, кони!»
Пали вы — а далека
Крѣпость горнаго лѣска (*)!

Сердце нашихъ Рускимъ мѣша...
На колѣни палъ Мулла —
И молитва, какъ стрѣла,

(*) Рѣдко случались примѣры, чтобы мы стрѣлками своими могли выжить горцевъ изъ лѣсу, и потому лѣсъ считаютъ они лучшею крѣпостью. Вся пѣсня переведена почти слово въ слово.

Digitized by Google

До Пророка Магомета,
Въ море свѣта, въ небо свѣта,
Полетѣла, понеслась,
«Иль Алла — не выдай насъ!»

Нѣтъ спасенья ни ошкуда!!
Вдругъ, по манію небесъ,
Зашумѣлъ далекій лѣсъ:
Вѣетъ, плещетъ, катитъ грудой
Ниже, ближе, чудо, чудо!..
Мусульмане спасены
Средь лѣсистой крутизны!»

«Такъ бывало въ старину,» сказалъ съ улыбкою Джембулашъ, «когда наши старики болѣе вѣрили молитвѣ, а Богъ чаще ихъ слушалъ; но теперь, друзья, лучшая надежда — своя храбрость. Наши чудеса въ ножнахъ *шушки* (сабли), и намъ точно должно показать ихъ, чтобы не осрамиться. Послушай, Аммалашъ!» примолвилъ онъ, крутя усъ свой: «не скрою отъ тебя, что дѣло можетъ быть жаркое. Я сей часъ провѣдалъ, что Полковникъ К*** собралъ отрядъ свой; но гдѣ онъ? но сколько у него войска? Этого никто не знаетъ.»

— Чѣмъ больше будетъ Рускихъ, тѣмъ лучше — отвѣчалъ Аммалашъ спокойно — тѣмъ менѣе будетъ промаховъ!

Digitized by Google

« За то труднѣе добыча ! »

— По мнѣ хошь-бы вѣкъ ея не было : я хочу мести, ищу славы.

« Хороша лишь та слава, которая несетъ золотыя яица ; а то, съ пустыми щроками воротясь домой, стыдно женѣ глаза показать. Близка зима : надобно запастись хозяйствомъ на Русскій счетъ, чтобы угощать друзей и пріятелей. Выбирай себѣ мѣсто, Аммалатъ-Бекъ : хочешь ступай въ передовые, заскакать стадо ; хочешь останься со мной назади. Я съ Абреками шагъ за шагъ буду удерживать погоню ! »

— Разумѣется, я буду тамъ, гдѣ больше опасности. Но что такое Абреки, Джембулатъ ?

« Это не легко тебѣ растолковать. Вотъ видишь : многіе изъ самыхъ удалыхъ наѣздниковъ иногда даютъ зарокъ, года на два, на три, на сколько вздумается, не участвовать ни въ играхъ, ни въ весельяхъ, не жалѣть своей жизни въ набѣгахъ, не щадить враговъ въ битвѣ, не спущать ни малѣйшей обиды ни другу, ни брату родному, не знать завѣта на чужое, не боясь преслѣдованій или мести ; однимъ словомъ: быть непріятелемъ каждаго, чужимъ въ семьѣ своей, котораго каждый можетъ, если сможетъ, убить. Въ аулѣ они опасные сосѣди, потому что встрѣчаясь съ ними надо всегда

Digitized by Google

держать курокъ на взводѣ. За то въ дѣлѣ на нихъ первая надежда (*).»

— Для какой-же выгоды, для какой причины берутъ на себя уздени такую обузу?

«Одни просто изъ молодечества, другіе отъ бѣдности, третьи съ какого нибудь горя. Вонъ этотъ, напримѣръ, высокій Кабардинецъ, поклялся пять лѣтъ быть Абрекомъ, послѣ того какъ любовница его умерла отъ оспы. Съ тѣхъ поръ, лучше водить дружбу съ тиграми, чѣмъ съ нимъ. Онъ ужь три раза раненъ въ отплату за кровь, а все неймется.»

— Чудный обычай! Какъ-же воротится Абрекъ въ мирную жизнь послѣ такой жизни?

«Что тутъ мудренаго: старое какъ съ гуся вода. Сосѣди будутъ радехоньки, что срокъ ему кончился разбойничать; а онъ, скинувъ съ себя абречество, будто змѣиную шкурку, станетъ смирнѣе овна. У насъ одни кровомстители помнятъ вчерашнее. Однако ночь стемнѣла; туманъ стелется надъ Терекомъ: пора за дѣло!»

(*) Это настоящіе Берсеркеры древнихъ Нордманновъ, которые, приходя въ неистовство, рубили даже товарищей. Примѣры такой безумной храбрости не рѣдки между Азіятцами.

Digitized by Google

Джембулатъ свиснулъ, и свистъ его повторился во всѣхъ концахъ стана: вмигъ собралась вся шайка. Къ ней присоединились многіе уздени изъ окрестныхъ мирныхъ деревень. Потолковавъ съ ними, гдѣ лучше переправиться, отрядъ въ тишинѣ двинулся къ берегу. Аммалатъ-Бекъ не могъ надивиться молчаливости, не только всадниковъ, но и самыхъ коней: ни одинъ изъ нихъ не ржалъ, не храпѣлъ, и будто остерегаясь ставилъ копыто на землю. Отрядъ несся неслышнымъ облакомъ; скоро добрались до берега Терека, который излучиною образовалъ въ томъ мѣстѣ мысъ, и отъ него къ противоположному берегу тянулась каменистая коса. Вода въ то время была не высока и бродъ возможенъ; не смотря на это, часть отряда потянулась выше, для переправы вплавь, чтобы отпянуть Казаковъ отъ главной переправы и прикрыть ее, ежели-бы дали отпоръ. Тѣ, которые надѣялись на коней своихъ, прыгали прямо съ берега. Другіе подвязывали подъ переднія лопатки по парѣ небольшихъ мѣховъ, надутыхъ какъ пузыри. Быстрина сносила и разносила ихъ, и каждый выходилъ на сушу, гдѣ находилъ удобное мѣсто, чтобы вскарабкаться коню. Непроницаемая завѣса тумана скрывала все движеніе.

Надобно знать, что по всей горской прибрежной линіи тянется маячная и сторожевая

Digitized by Google

цѣпь. По всѣмъ курганамъ и возвышенностямъ стоятъ конные пикеты. Проѣзжая мимо днемъ, вы видите на каждомъ холмѣ высокій шестъ съ боченкомъ на верху: онъ полонъ смолой и соломою, и гонцовъ вспыхнутъ при первой тревогѣ. При этомъ шестѣ обыкновенно привязана Казацкая лошадь, и подлѣ нея лежитъ часовой. Въ ночь часовые удвоиваются. Но не смотря на такую предосторожность, Черкесы подъ буркой мрака и шумана, нерѣдко малыми шайками протекаютъ сквозь цѣпь, будто вода сквозь сито. Точно тоже случилось и теперь. Зная совершенно мѣстность, *белгады* (проводники) изъ мирныхъ, вели каждую партію и тихомолкомъ миновали курганы. Въ двухъ только мѣстахъ, хищники, чтобы прервать линію маяковъ, могущихъ измѣнить имъ, рѣшились снять часовыхъ. На одинъ постъ отправился самъ Джембулатъ, а нашему Беку велѣлъ ползкомъ выбраться на берегъ, обогнуть пикетъ сзади, сосчитать сто и потомъ ударить нѣсколько разъ въ огниво. Сказано, сдѣлано. Чуть поднявъ голову съ забережья, весьма крутаго, Джембулатъ высмотрѣлъ Казака, дремлющаго надъ фитилемъ, держа въ поводу лошадь. Послышалъ шорохъ, часовой встрепенулся и устремилъ безпокойные взоры на рѣку. Боясь, чтобы шумъ не замѣтилъ его, Джембулатъ метнулъ вверхъ шапку и припалъ за яръ. «Проклятая уши-

Digitized by Google

ца!» сказалъ Донецъ. «Имъ и ночью масляница: плещутся да летаютъ, словно вѣдьмы Кіевскія!» Но въ это время искры, мелькнувшія въ другой сторонѣ, привлекли его вниманіе. «Неужто волки?» подумалъ онъ. «Бываетъ, они крѣпко сверкаютъ глазами!» Но искры посыпались снова, и онъ обомлѣлъ, вспомнивъ разсказы, что Чеченцы даютъ такіе сигналы, управляя ходомъ своихъ товарищей. Этотъ мигъ изумленія и раздумья былъ мигомъ его погибели: кинжалъ, ринутый сильною рукою, свиснулъ — и пронзенный Казакъ безъ стона упалъ на землю. Товарищъ его былъ изрубленъ сонный, и вырванный шестъ съ боченкомъ кинули въ воду. Быстро соединился весь отрядъ, по данному знаку, и разомъ устремился на деревню, на которую заранѣ предположено было напасть. Набѣгъ совершенъ былъ очень удачно, т. е. вовсе неожиданно. Всѣ крестьяне, которые успѣли вооружиться, были перебиты послѣ отчаяннаго сопротивленія; другіе спрятались или разбѣжались. Кромѣ добычи, множество плѣнныхъ и плѣнницъ было наградой отваги. Кабардинцы вторгались въ домы, уносили что поцѣннѣе или что въ хоромахъ попадало подъ руку, но не жгли домовъ, не топтали умышленно нивъ, не ломали виноградниковъ. «Зачѣмъ трогать даръ Божій и трудъ человѣка,» говорили они, и это правило горскаго раз-

Digitized by Google

бойника, не ужасающагося никакимъ злодѣйствомъ, есть доблесть, которою-бы могли гордиться народы самые образованные, если-бы они ее имѣли. Въ часъ все было кончено для жителей, но не для грабителей: тревога распространилась уже по всей линіи. Какъ утреннія звѣзды засверкали сквозь туманъ маяки, и призывъ къ оружію раздавался во всѣхъ сторонахъ.

Между тѣмъ нѣсколько человѣкъ опытныхъ наѣздниковъ обскакали большой табунъ, далеко въ степи ходившій. Пастухъ былъ захваченъ съ разу. Съ крикомъ и выстрѣлами бросились они потомъ на коней съ полевой стороны; кони шарахнулись, взбросили гривы и хвосты на вѣтеръ, и стремглавъ кинулись вслѣдъ за Черкесомъ, котораго на лихомъ скакунѣ нарочно оставили на рѣчной сторонѣ, чтобы онъ былъ водакомъ испуганнаго стада. Какъ добрый кормчій, зная и въ туманахъ наизусть всѣ опасности этого степнаго моря, Черкесъ летѣлъ впереди прядающихъ коней, вился между пѣнами, и наконецъ, избравъ самое крутое мѣсто берега, спрыгнулъ въ Терекъ со всего разскака. Весь табунъ за нимъ слѣдомъ: только прыскала шумная пѣна отъ паденія.

Занялась заря, разступились туманы, и открыли картину вмѣстѣ пышную и ужасную. Главная толпа наѣздниковъ влачила за собою плѣн-

Digitized by Google

ныхъ, кого при стремени, кого за сѣдломъ, со связанными руками. Плачъ и стонъ и вопль отчаянія заглушались угрозами и неистовымъ крикомъ побѣдной радости. Отягощенные добычей, замедляемые въ ходу стадами рогатаго скота, они медленно подвигались къ Тереку. Князья и лучшіе наѣздники, въ кольчугахъ и шлемахъ, блистающихъ, переливающихся какъ вода, увивались около поѣзда, словно молніи изъ сизой тучи. Вдали со всѣхъ сторонъ скакали Линейскіе Казаки, залегали за дубы, за кустарники, и скоро завязали перепалку съ высланными противъ нихъ удальцами. Тамъ и сямъ сверкали, гремѣли выстрѣлы; порой падалъ Черкесъ съ коня. Между тѣмъ, передовые успѣли переплавить часть стада, когда пыльное облако и топотъ коней возвѣстили, что на нихъ несется гроза. Сотъ шесть горцевъ, предводимыхъ Джембулатомъ и Аммалатомъ, оборотили коней, чтобъ отразить нападеніе и дать время своимъ убраться за рѣку. Безъ всякаго порядка, съ гикомъ и крикомъ пустились они на встрѣчу Казакамъ, но ни одно ружье не было вынуто изъ нагалища за спиною, ни одна шашка не сверкала въ рукахъ: Черкесъ до послѣдняго мгновенія не обнажаетъ оружія. И точно: доскакавъ лишь на двадцать шаговъ, они выхватили ружья свои, выстрѣлили на всемъ скаку, забросили ружья за лѣвую ру-

Digitized by Google

ку, и ударили въ шашки; но Линейскіе Казаки, отвѣтивъ имъ залпомъ, понеслись прочь, и разгорячённые преслѣдованіемъ, горцы далися въ обманъ, столь часто самими употребляемый. Казаки навели ихъ на скрытыхъ въ опушкѣ Егерей храбраго 43-го полка. Будто изъ земли выросли небольшія кареи, штыки склонились, и бѣглый огонь посыпался наперекрестъ. Напрасно спѣшась, хотѣли горцы занять лѣски и съ тыла ударить на нашихъ: подоспѣвшая артиллерія рѣшила дѣло. Опытный Полковникъ К * * *, гроза Чеченцевъ, человѣкъ, котораго они равно боялись храбрости и уважали правдушіе, безкорыстіе, распоряжалъ дѣйствіями войскъ, и успѣхъ не могъ быть сомнителенъ. Пушки развѣяли толпы хищниковъ и картечь прыснула въ бѣгущихъ. Пораженіе было ужасно. Двѣ пушки заскакали на мысъ, не вдали отъ котораго Черкесы кидались вплавь съ берега: онѣ пронизывали вдоль всю рѣку. Съ ревомъ прыгала картечь по вспѣненнымъ волнамъ, и за каждымъ выстрѣломъ нѣсколько лошадей обращались вверхъ ногами, утопляя своихъ всадниковъ. Жалко было видѣть, какъ раненые цѣплялись за хвосты и узды чужихъ коней, погружали ихъ и не спасали себя; какъ бились усталые у крутаго берега, желая выползть, обрывались, и несытая пучина уносила, поглощала ихъ. Трупы убитыхъ неслись между по-

Digitized by Google

лу-живыми, и кровавыя полосы змѣями вились по бѣлой пѣнѣ, дымъ катился по Тереку, и вдали снѣговыя вершины Кавказа, нахмуренныя туманами, грозно замыкали поле боя. Джембулатъ и Аммалатъ-Бекъ дрались какъ отчаянные, двадцать разъ опрокинуты и двадцать разъ нападая, утомлены, но не побѣждены; съ сотнею удальцевъ переплыли они за рѣку, спѣшились, сбашовали коней (*), и завели жаркую перестрѣлку съ другаго берега, чтобы прикрыть остальныхъ спутниковъ. Занятые этимъ, они поздно замѣтили, что выше ихъ плавятся за рѣку Линейскіе Казаки, наперерѣзъ имъ. Съ радостнымъ крикомъ перескакивали, окружали ихъ Рускіе. Гибель была неизбѣжна. «Ну, Джембулатъ,» сказалъ Бекъ Кабардинцу: «судьба наша кончилась! Дѣлай самъ какъ хочешь, но я не отдамся въ плѣнъ живой. Лучше уме-

(*) Русской конницѣ не худо-бы перенять горскій образъ *батовать* (связывать при спѣшиваніи) коней. Мы батуемъ продѣвая поводъ въ поводъ; но для этого нужно много сторожей, и лошади имѣютъ слишкомъ много мѣста бѣситься. Черкесы, напротивъ, ворочаютъ черезъ одну лошадь головой къ хвосту, продѣваютъ поводъ сквозь пахви сосѣдней, и потомъ уже пепляютъ въ узду тренью. Отъ этого кони не могутъ шевельнуться, такъ что можно ихъ оставлять безъ надзора.

Digitized by Google

решь отъ пули, чѣмъ отъ позорной веревки.» — Не думаешь-ли ты — возразилъ Джембулатъ — что мои руки сдѣланы для цѣпей? Сохрани меня Алла отъ такого поношенія. Рускіе могутъ полонить мое тѣло, но душу... никогда, никакъ! Братцы, товарищи! — кликнулъ онъ къ остальнымъ — намъ измѣнило счастье, но булатъ не измѣнитъ: продадимъ дорого жизнь свою Гяурамъ! Не тотъ побѣдитель, за кѣмъ поле: тотъ, за кѣмъ слава, а слава тому, кто цѣнитъ смерть выше плѣну! — «Умремъ, умремъ! только славно умремъ!» закричали всѣ, вонзая кинжалы въ ребра коней своихъ, чтобы они не достались врагамъ въ добычу, и потомъ, сдвинувъ изъ нихъ завалъ, залегли за него, приготовляясь встрѣтить нападающихъ свинцомъ и булатомъ. Зная, какое упорное сопротивленіе встрѣтятъ, Казаки остановились, сбираясь, готовясь на ударъ... Ядра съ противоположнаго берега иногда ложились въ кругъ безстрашныхъ горцевъ; порой разрывало между нихъ гранату, осыпая ихъ землей и осколками; но они не смущались, не прятались, и, по обычаю, запѣли грозно-унылымъ голосомъ смертныя пѣсни, отвѣчая по очереди куплетомъ на куплетъ.

Digitized by Google

Смертныя пѣсни.

Хоръ.

Слава намъ, смерть врагу,
Алла-га, Алла-гу!!

Полухоръ.

Плачьте красавицы въ горномъ аулѣ,
Правьте поминки по насъ:
Вслѣдъ за послѣднею, мѣшкою пулей,
Мы покидаемъ Кафъ-казъ.

Здѣсь не цѣвница къ ночному покою
— Насъ убаюкаетъ громъ;
Очи, не милая черной косою —
Воронъ закроетъ крыломъ!
Дѣти, забудьте отцовскій обычай:
Онъ не потѣшитъ васъ Русской добычей!

Второй полухоръ.

Дѣвы, не плачьте: ваши сестрицы,
Гуріи, свѣтлой толпой,
Къ смѣлымъ склоняя солнцы-зеницы,
Въ рай увлекутъ за собой!

Братья, вы насъ поминайте за чашей:
Вольная смерть намъ безславія краше!

Первый полухоръ.

Шуменъ, но кратокъ вешній ключъ!
Свѣтелъ, но гдѣ онъ — зарницы лучъ?

Digitized by Google

Мать моя, звѣзда души,
Спашь ложись, огонь потуши!
Не томи напрасно ока,
У порога не сиди;
Издалека, издалека,
Сына ужинать не жди.
Не ищи его, родная,
По скаламъ и по доламъ:
Спитъ онъ... ложе пыль степная,
Мечъ и сердце пополамъ!

Второй полухоръ.

Не плачь, о мать, твоей любовью
Мнѣ билось сердце высоко,
И въ немъ кипѣло львиной кровью
Родимой груди молоко;
И никогда нагорной волѣ
Удалый сынъ не измѣнялъ:
Онъ въ грозной битвѣ, въ чуждомъ полѣ,
Посшигнутъ Азра-иломъ, палъ.
Но кровь моя, на радость краю,
Нешлѣнным цвѣтомъ будетъ цвѣсть;
Я дѣтямъ славу завѣщаю,
А брашьямъ гибельную месть!

Хоръ.

О брашья, твориме молишву;
Съ кинжалами ринемся въ бишву!
Ломай ихъ о Русскую грудь...
По трупамъ безстрашнаго пушь!

Слава намъ, смерть врагу,
Алла-га, Алла-гу!

Digitized by Google

Поражены какимъ-то невольнымъ благоговѣніемъ, Егеря и Казаки безмолвно внимали страшнымъ звукамъ сихъ пѣсенъ; но наконецъ громкое: ура! раздалось съ обѣихъ сторонъ (*). Черкесы вскочили съ воплемъ, выспрѣлили въ послѣдній разъ изъ ружей, и разбивъ ихъ о камни, кинулись на Рускихъ съ кинжалами. Абреки, чтобъ не разорваться въ напискѣ, связались другъ съ другомъ поясками, и шакъ бросились въ сѣчу: она была безпощадна; все пало подъ штыками Рускихъ. «Впередъ, за мной, Аммалатъ-Бекъ!» вскричалъ неистовый Джембулатъ, кидаясь въ послѣднюю для него схватку. «Впередъ! для насъ смерть — свобода!» Но Аммалатъ уже не слышалъ призыва: ударъ сзади прикладомъ по головѣ повергъ его на земь, усѣянную убитыми, залитую кровью.

(*) *Урѣ, ура* — значитъ *бей*, по-Татарски. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ крикъ вошелъ у насъ въ употребленіе со времени владычества Монголовъ, а не со временъ Петра, будто-бы занявшаго hurre! у Англичанъ.

Digitized by Google

ГЛАВА V-я.

Письмо Полковника В * * * къ его невѣстѣ.

Изъ Дербента въ Смоленскъ.

1819 года, въ Октябрѣ.

Два мѣсяца — легко сказать! два вѣка — ползло до меня, безцѣнная Марія, письмо твое! Въ это время луна дважды совершила свое путешествіе около земли. Не повѣришь, милая, какъ грустно мнѣ жить безъ настоящаго, даже въ самой перепискѣ. За воротами встрѣчаешь Казака, съ трепетомъ сердца ломаешь печать, съ восхищеніемъ цѣлуешь строки, написанныя милою ручкою, внушенныя чистымъ сердцемъ твоимъ... съ жадною радостью пожираешь очами письмо... въ то время я счастливъ, я внѣ себя. Но едва закрою письмо, безпокойныя мысли ужъ тутъ какъ тутъ... «Все это прекрасно,» думается, «но все это *было*; а я хочу знать, что *есть?* Здорова-ль, любитъ-ли она меня теперь по прежнему?.. О скоро-ль, скоро-ль придетъ блаженное время, когда ни время, ни пространство не будутъ разлучать насъ; когда выраженія любви нашей не будутъ проспывать на почтѣ, иль наоборотъ, когда не станутъ пылать письма любовію, можетъ быть теперь уже остывшею!! Прости, прости меня, безцѣнная: всѣ такія черныя думы, припадки раз-

Digitized by Google

луки. Сердце близъ сердца — женихъ всему вѣришъ; въ удаленіи — во всемъ сомнѣваешся.

Ты велишь мнѣ, что есть ты желаешь, чтобы я описывалъ жизнь свою день за днемъ, часъ за часомъ... О какая-бы грустная, скучная лѣтопись была, если-бъ я на то рѣшился. Ты очень хорошо знаешь, злая женщина, что я не живу безъ тебя: зачѣмъ-же моришь меня дважды и одинъ разъ несносною разлукою! Мое бытіе — слѣдъ цѣпи на безплодномъ пескѣ. Одна служба, упомляя, если не развлекая меня, пособляетъ коротать время. Брошенъ въ климатъ убійственный для здоровья, въ общество удушающее душу, я не нахожу въ товарищахъ людей, которые-бы могли понять мои мысли, не нахожу въ Азіятцахъ, кто-бы раздѣлилъ мои чувства. Все окружающее меня такъ дико, или такъ ограничено, что берешъ тоска и досада. Скорѣй добудешь огня ударя ледъ о камень, чѣмъ занимательность изъ здѣшняго быта. Но мнѣ святыня твое желаніе, и я, хоть въ перечнѣ, представлю прозябеніе послѣдней моей недѣли: она еще болѣе разнообразна, чѣмъ другія.

Помнится, я ужь писалъ, что мы возвращаемся съ Главнокомандующимъ изъ похода въ Акушу. Мы свое справили: Шихъ Али-Ханъ бѣжалъ въ Персію; мы... покушали мятежническихъ бара-

Digitized by Google

новъ, и наконецъ, когда снѣгъ согналъ непокорныхъ съ вершинъ недоступныхъ, они поклонились головою, дали заложниковъ, и вошъ мы поднялись въ Бурную крѣпость. Оттуда, отрядъ долженъ былъ разойдтись по зимнимъ стоянкамъ, въ томъ числѣ и мой полкъ въ свою штабъ-квартиру, Дербентъ. Назавтра, Главнокомандующій хотѣлъ распрощаться съ нами, отправляясь въ другой походъ на линію, и потому народу собралось къ обожаемому начальнику болѣе обыкновеннаго.

. . . . . .

. . . . . .

Мы еще жужжали между собою, когда къ Главнокомандующему явился офицеръ Линейскихъ Казаковъ, съ донесеніемъ отъ Полковника К * * *, который оставался на линіи. Прочитавъ рапортъ, Главнокомандующій разгладилъ чело. «К * * * славно пощипалъ горцевъ,» сказалъ онъ намъ. «Бездѣльники эти сдѣлали набѣгъ за Терекъ, далеко прорвались за линію, пограбили одну деревню, но не только потеряли обратно полонъ, но всѣ легли жертвою безразсуднаго молодечества.» Распросивъ подробно Эсаула, какъ было дѣло, онъ велѣлъ привести плѣнниковъ, которыхъ нашли ранеными и оживили. Пятерыхъ привели передъ Главнокомандующаго. . . . . .

Digitized by Google

Между ними былъ одинъ Татарскій Бекъ, и мы лишь тогда обратили на него вниманіе. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 23-хъ, красоты необыкновенной, строенъ какъ Аполлонъ Бельведерскій. Онъ слегка поклонился Главнокомандующему, когда тотъ подошелъ къ нему; приподнялъ шапку, и снова принялъ свою гордую, хладнокровную осанку: на лицѣ его была написана непоколебимая покорность судьбѣ своей. . . . .

. . . . . .

Участь прекраснаго юноши тронула всѣхъ. Всѣ шептались о немъ, всѣ его жалѣли, тѣмъ болѣе, что не было средствъ его спасти. Каждый очень хорошо зналъ необходимость наказанія за двукратную измѣну въ дѣлахъ такой гласности, а потому никто не осмѣливался просить за несчастнаго. Я рѣшился замолвить за него слово: авось, думаю, выпрошу какое нибудь облегченіе. . . . . .

. . . . . .

Я имѣлъ успѣхъ. Поблагодаривъ наскоро Главнокомандующаго, побѣжалъ я въ палатку, въ которой содержался Аммалатъ-Бекъ. Трое часовыхъ окружали ее; въ срединѣ горѣлъ фонарь. Вхожу; плѣнникъ лежитъ на буркѣ: на лицѣ сверкаютъ слезы. Онъ не слышалъ моего прихода: такъ глубоко погруженъ былъ въ думу: кому весело разстаться съ жизнію! Я былъ счастливъ, что могъ обрадовать его въ

Digitized by Google

шакую горькую минушу. «Аммалашъ,» сказалъ я: «Аллахъ великъ, а Сардарь милосшивъ: онъ даруешъ тебѣ жизнь!»

Восхищенный осужденникъ вскочилъ, хошѣлъ было говорить, но духъ занялся въ груди его — и вдругъ за шѣмъ, шѣнь сомнѣнія покрыла его лицо. «Жизнь!» произнесъ онъ... «Я понимаю это великодушіе. Истомить человѣка въ душной тюрьмѣ, безъ свѣша и воздуха..... Скажите Генералу, что я не хочу шакой жизни, что я презираю шакую жизнь!»

— Ты ошибаешься, Аммалашъ — возразилъ я. — Ты прощенъ вполнѣ; останешься шѣмъ-же, чѣмъ былъ прежде: господинъ своимъ помѣсшьямъ и поступкамъ; вошъ твоя сабля. Главнокомандующій увѣренъ, что ты отнынѣ будешь обнажать ее только за Рускихъ. Предлагаю тебѣ одно условіе: поживи со мной, покуда перепадетъ молва о твоемъ похожденіи. Ты будешь у меня какъ другъ, какъ брашъ родной!

Это изумило Азіашца. Слезы брызнули у него изъ глазъ. «Рускіе меня побѣдили!» вскричалъ онъ. «Прости ше, Полковникъ, что я думалъ худо обо всѣхъ васъ. Съ эшой поры я вѣрный слуга Русскому Царю, вѣрный другъ Рускимъ душой и саблею.... сабля моя, сабля!» примолвилъ онъ, разглядывая драгоцѣн-

Digitized by Google

ный клинокъ свой. «Пускай эти слезы смоютъ съ тебя Русскую кровь и Татарскую нефть (*)! Когда и чѣмъ могу заслужить я за жизнь, за волю!»

Я увѣренъ, милая Марія, ты сохранишь для меня, за это дѣло, одинъ изъ самыхъ сладостныхъ поцѣлуевъ своихъ. Всегда, всегда поступая, чувствуя великодушно, я ушѣшалъ себя мыслію: «Марія меня похвалитъ за это! Но когда-жь это будетъ, безцѣнная? Судьба намъ мачиха. Твой трауръ длится, а мнѣ Главнокомандующій рѣшительно отказалъ въ отпускѣ, и я не сержусь, хоть очень досадно: полкъ мой разстроенъ, какъ только можно вообразить; къ тому-же мнѣ поручены постройка новыхъ казармъ и поселеніе женатыхъ ротъ. Уѣзжай я на мѣсяцъ — и все пойдетъ вверхъ дномъ. Остаюсь: но что̀ стоитъ эта жертва моему сердцу!

Вотъ уже мы три дни въ Дербентѣ. Аммалатъ живетъ со мною. Молчитъ, груститъ, дичится; но страхъ занимателенъ, не смотря на это. Онъ хорошо говоритъ по-Русски; я заставилъ его учиться грамотѣ. Понятливо-

(*) Для черноты и предохраненія отъ ржавчины, клинки кипятятъ, и мажутъ нефтью.

Digitized by Google

сти необычайной; со временемъ, я надѣюсь сдѣлать изъ него премилаго Ташарина.

(Окончаніе письма не касается нашего предмета).

---

*Отрывокъ изъ другаго письма Полковника В*** къ его невѣстѣ, полгода спустя.*

Изъ Дербента въ Смоленскъ.

. . . . . Любимецъ твой Аммалатъ, милая Марія, скоро совсѣмъ обрусѣетъ. Ташарскіе Беки первою степенью образованія считаютъ, обыкновенно, беззазорное употребленіе вина и свинины: я напротивъ началъ перевоспитывать душу Аммалата. Выказываю, доказываю ему, что̀ есть дурнаго въ ихъ обычаяхъ, что̀ хорошаго въ нашихъ; толкую истины всемѣстныя и всевѣчныя. Читаю съ нимъ, пріохочиваю къ письму, и съ радостію вижу, что онъ пристрастился къ чтенію и къ сочиненію. Говорю: пристрастился, потому что каждое его желаніе, прихоть, воля, есть страсть, и страсть пылкая, нетерпѣливая. Трудно вообразить, еще труднѣе понять Европейцу вспыльчивость необузданныхъ, или, лучше сказать, разнузданныхъ страстей Азіятца, у котораго съ самаго младенчества одна воля была границею желаній. Наши страсти домашнія животныя, или хоть

Digitized by Google

и дикіе звѣри, но ручные, смирные, выученные плясать по веревкѣ приличій, съ кольцомъ въ носу, съ обстриженными когтями; на Востокѣ онѣ вольны, какъ тигры и львы. Любопытно взглянуть на лицо Аммалата, какимъ заревомъ загарается оно при первомъ противорѣчіи, какимъ огнемъ загараются очи при каждомъ спорѣ; но за то, едва почувствуетъ свою ошибку, онъ краснѣетъ, блѣднѣетъ, готовъ плакать. «Я виноватъ,» говоритъ онъ, «прости меня, *тахсырумданъ гиги!* (уничтожь вину), забудь, что я былъ виноватъ и что ты простилъ меня!» Онъ имѣетъ предоброе сердце, но сердце, готовое вспыхнуть и отъ солнечнаго луча и отъ адской искры. Природа на зубокъ подарила ему все, чтобъ быть человѣкомъ въ нравственномъ и физическомъ смыслѣ, но предразсудки народные и небрежность воспитанія сдѣлали все, чтобъ изурочить, изувѣчить эти дары природы. Умъ его чудное смѣшеніе всякихъ несообразностей, мыслей самыхъ нелѣпыхъ и понятій самыхъ здравыхъ. Иногда онъ чрезвычайно быстро схватываетъ предметы отвлеченные, когда ихъ просто излагаютъ ему, и не рѣдко упорно противится самымъ близкимъ, самымъ очевиднымъ истинамъ, отъ того что первые для него вовсе новы, а другія заслонены уже отъ него прежними вѣрованіями и впечатлѣніями. Начинаю вѣрить, что гораз-

Digitized by Google

до легче строить вновь, чѣмъ перестраивать старое.

Но отъ чего грустенъ и разсѣянъ Аммалатъ нашъ? Онъ дѣлаетъ большіе успѣхи во всемъ, что не требуетъ послѣдовательнаго размышленія, постепеннаго развитія; но когда дѣло коснется до далекихъ выводовъ, умъ его походитъ на короткое ружье, которое быстро, мѣтко и сильно, только не далеко... Но полно умъ-ли его виноватъ въ томъ? Не поглощено-ли его вниманіе чѣмъ нибудь другимъ?.. Для 23 го года возраста легко можно сказать, что̀ такое это другое. Иногда онъ, кажется, внимательно слушаетъ мои разсказы; спрошу отвѣта, а онъ будто съ облаковъ падаетъ; иногда застаю, что слезы градомъ катятся у него по лицу — говорю ему — не видитъ и не слышитъ. Въ прошлую ночь, наконецъ, онъ метался въ безпокойномъ снѣ, и слово: *Селтанетъ*! *Селтанетъ*! (власть, власть) вырывалось часто изъ устъ его. Ужели властолюбіе можетъ такъ мучить юное сердце? Нѣтъ, нѣтъ: иная страсть волнуетъ душу, возмущаетъ умъ Аммалата... Мнѣ-ли сомнѣваться въ признакахъ божественной болѣзни — любви! Онъ влюбленъ, онъ страстно влюбленъ; но въ кого? О, я узнаю это... дружба любопытна, какъ женщина.

(До слѣд. книжки).

Digitized by Google

О РОМАНАХЪ

Виктора Гюго, и вообще о новѣйшихъ романахъ.

(Продолженіе)

Г-нъ Шове не находитъ ничего существенно-новаго въ современныхъ созданіяхъ Французской Литературы, кромѣ дерзкаго своенравія писателей. Онъ видитъ ужасное безначаліе въ республикѣ литературной (l'anarchie qui s'est introduite de nos jours dans la république des lettres, etc.). Онъ не можетъ свесши силлогизма, говоря о требованіяхъ публики на вкусъ и нравственность въ Литературѣ, и въ тоже время признаваясь въ ея потачкѣ романшикамъ и наклонности къ Романтизму. Онъ оставляетъ себѣ только слабое утѣшеніе, что это временная прихоть (ses œuvres, т. е. писателей безъ вкуса и нравственности, pourront bien être un objet de curiosité et de mode, etc.). Пересмотримъ сіи обвинительныя статьи.

Всѣ онѣ являются отъ того, что Классики смотрятъ только частно на слова, и не видятъ полнаго, всеобщаго переворота Наукъ, Искусствъ и Словесности въ наше время. Слова только оболочка мысли. Мы изложили выше сего краткую исторію новаго образованія Европы, передъ которымъ долженъ былъ пасть и разрушиться ложный

Digitized by Google

призракъ Классицизма. Если-бы Г-нъ Шове вникнулъ во все это, что не говорилъ-бы онъ объ анархіи, а сознался-бы, что мы только живемъ въ минуту смѣны стараго новымъ въ Литературѣ. Отъ того и Классики не находятъ никакихъ законовъ въ этой смѣнѣ, что весь міръ мысленія и знанія измѣнился во Франціи, а вслѣдствіе сего все въ Литературѣ переобразилось: явился и языкъ новый, и созданія, о которыхъ не было помина въ прежнихъ Курсахъ ученія, когда въ тоже время навсегда погибли цѣлые роды созданій, о которыхъ преважно толковали въ Курсахъ старинныхъ. Это убѣдило-бы Г-на Шове, что наклонность публики къ Романтизму (*) есть не временная прихоть, но глубокое сознаніе потребности ума и сердца, увидѣвшихъ пустоту и нескладность Классическую. Прошедши черезъ властолюбіе гордаго Людовика XIV-го, черезъ волненія Революціи, черезъ деспотизмъ Наполеона, Французская публика видѣла властолюбіе Классицизма въ Расинахъ и Бюффонахъ, Революцію въ матеріялизмѣ и своеволіи XVIII-го вѣка, деспотизмъ въ упрямомъ Классицизмѣ своемъ,

---

(*) Почитаемъ необходимымъ объяснить здѣсь смыслъ, въ какомъ принимаемъ мы слова: *Классицизмъ*, *Романтизмъ*. Классическою Литературою мы называемъ вообще Литературу Древнюю, т. е. Греческую и Латинскую, и Литературу, образованную по ложно понятымъ основаніямъ Древней Литературы, т. е. Французскую, перенятую у Французовъ другими народами. Въ семъ послѣднемъ, ограни-

Digitized by Google

и сознаетъ нынѣшній Романтизмъ именно тою стихіею, которая удовлетворяетъ опыту ума, умозрѣнію сердца, если можно такъ сказать, и всѣмъ потребностямъ новаго общественнаго образованія. Если-же назовемъ это анархіею, то какъ не видать намъ, что не нынче только началась сія мнимая анархія: нѣтъ! Вольтеръ, обкрадывавшій Шекспира, Дюсисъ и Делиль, общипывавшіе Шекспира и Мильтона, Летурнёръ, восхищавшій Французовъ передѣлкою Оссіана, Дидеро съ своею драмою, Монтескьё съ новыми идеями своими въ Исторіи, наконецъ Бомарше, заставлявшій хохотать Парижанъ, Скрибъ, писатель *всемірныхъ* водевилей — все это были литтературные анархисты, ломавшіе треножникъ Классицизма. Въ наше время только вооружились противъ него дружно, разогнали защитниковъ его систематически, и нагло ободрали съ него полинялый бархатъ, изломан-

---

ченномъ смыслѣ, мы употребляемъ въ статьѣ нашей слово: *Классицизмъ*. Романтическою Литтературою называютъ собственно народную Литтературу Христіанской Европы Среднихъ временъ; но вообще можно принимать слово: *Романтизмъ*, для означенія всѣхъ Литтературъ Востока и Сѣвера, а также для означенія Литтературы современной, составившейся изъ соображенія Литтературы Древней Классической и Литтературъ Сѣверныхъ, Южныхъ и Восточныхъ. Въ семъ смыслѣ говоримъ мы въ статьѣ нашей: *Романтизмъ*.

Digitized by Google

ли всѣ тяжелыя его украшенія. Но это совсѣмъ не анархія, не мгновенная тревога: это правильная война прежняго съ новымъ, долголѣтній раздоръ, конченный побѣдою, которую оправдываетъ Исторія Человѣчества и теорія Философическая. Публика *должна* была оправдать такую войну своимъ согласіемъ, и это согласіе должно быть долговѣчно.

Можно-ли было спорить ей противъ драгоцѣнныхъ находокъ, какія принесли и показали ей новые литтераторы и ученые со всѣхъ сторонъ свѣта? Могла-ли, напримѣръ, она не видѣть разницы нынѣшнихъ Французскихъ переводовъ Шекспира, Гёте, Шиллера, Альфіери, Вико, Крейцера, Геерена, Кальдерона, Сервантеса, Гердера, отъ того, что переводили для нея прежде? Могла-ли она не оцѣнить нынѣшнихъ свѣдѣній о Востокѣ, всравненіи съ старыми бреднями о семъ предметѣ? Могла-ли не замѣтить разницы свѣтлой, глубокой критики прежнихъ Издателей газеты Le Globe, или Журнала Revue Française, и старыхъ сужденій Лагарпа, Мармонтеля, и даже остроумныхъ Дюссо, Гофмана, Фелеца? Могла-ли не видѣть безчисленнаго множества новыхъ идей, свѣдѣній, понятій, отвсюду ее обогатившихъ, и прежней бѣдности во всѣхъ отношеніяхъ?

Соглашаемся, что все это не образовало еще полнаго, совершеннаго во Франціи. Но можемъ-ли сказать, что новая Франція собственно *ничего* не создала, ничего не показала новаго? Такъ думаетъ Г-нъ Шове. Съ невольнымъ изумленіемъ видимъ мы изъ словъ его, до какого ослѣпленія можетъ дове-

Digitized by Google

сіи духъ партій! Намъ совѣстно, что мы, съ отдаленнаго Сѣвера, должны, хоть отчасти, проширать шусклыя на сей разъ очки Классика.

Начнемъ съ *Философіи*. Здѣсь, съ одной стороны, мы видимъ въ новой Франціи глубокомысленныхъ мистиковъ: Ламенне, Экштейна; съ другой, практическую школу Шотландца Дюгальда Стюарта, въ Роайе-Колларѣ и его ученикахъ; наконецъ, эклектика Кузена, съ его учениками, и школу Сенъ-Симонистовъ. Мы не отдадимъ никому изъ нихъ преимущества; но можно-ли не признать достоинства всѣхъ сихъ людей, какъ ученыхъ и мыслителей, если и не согласишься съ ихъ мнѣніями? Какъ не видѣть разницы Философіи прежней, схоластической и матеріяльной, противъ Философіи Кузена, Экштейна, Роайе-Коллара, изъ коихъ каждый основывается на Религіи, и, ошибаясь, можетъ быть, какъ человѣкъ, ищетъ однакожъ познанія Бога, Природы и Человѣка не кощунствуя, не издѣваясь надъ священными предметами Вѣры, но благоговѣйно преклоняя колѣна свои предъ алтаремъ Вездѣсущаго?

Обратимся къ *Исторіи*. Августинъ Тьерри, вѣрно разыскавшій истинныя основанія Исторіи отечественной; Баранъ, блестящимъ образомъ явившій собою Иродота въ наше время; Минье, безпристрастный прагматикъ Французской новѣйшей Исторіи; Гизо, глубоко постигшій Исторію образованія новой Европы; Вильменъ, краснорѣчивый Историкъ Литтературъ: вотъ новыя имена романтиковъ, блестящія славою Европейскою. Говорить-

Digitized by Google

ли о самомъ Наполеонѣ, какъ величайшемъ Историкѣ нашего времени? О Мишеле, Балланшѣ, Кинѣ, о множествѣ уступающихъ симъ людямъ, но имѣющихъ большія достоинства историкахъ, изыскателяхъ и переводчикахъ — Деппингѣ, Капфигѣ, Амедеѣ Тьерри, Тьерѣ, Дюлорѣ, Сегюрѣ, Биньонѣ, Пишо, Гиньо, и проч.; о безчисленномъ множествѣ изысканій, изслѣдованій историческихъ матеріяловъ, вновь открытыхъ и изданныхъ, объ успѣхахъ по части вспомогательныхъ знаній историческихъ — Статистики, Географіи, Археологіи? Здѣсь множество именъ приводитъ насъ въ затрудненіе, а сила идей и понятій заставляютъ сомнѣваться въ краткости времени ихъ появленія.

Оставимъ политическое краснорѣчіе, изученіе Древностей и Литературъ Греческой и Римской, и знанія точныя. Замѣтимъ только разницу взгляда, съ какимъ смотрятъ на все это во Франціи, разницу объема, безконечную изыскательность, съ какою все подвергается критикѣ и умозрѣнію, и нынѣшнюю, такъ сказать, многопріемлемость Французскаго, прежде столь недоступнаго ума. Кого противопоставитъ прежняя Франція Лапласу, Бонплану, Кювье, Броньяру, Дюпену, и другимъ?

Словесность обращаетъ на себя особенное наше вниманіе. Замѣтимъ прежде всего и здѣсь много-и удобопріемлемость, съ какою умъ Французовъ отвсюду собираетъ произведенія литературныя: Китай и Англія, Индія и Германія, Аравія и Испанія, Африка и Италія, Россія и Сѣверная Аме-

Digitized by Google

рика — все платитъ дань труду и непоняшной дѣятельности Французовъ. Быстрота литтературныхъ сношеній, количество разнородныхъ и разнонародныхъ произведеній, истинно изумительны. Но, что̀ означено вѣковою печатью изъ собственныхъ произведеній Словесности нынѣшней Франціи? спросятъ Классики. Гдѣ Эпопея, Драма, Лирика? Мы спросимъ ихъ, въ свой чередъ: гдѣ Эпопея, гдѣ Драма Классическая? Гдѣ Лирика? Что сдѣлали Классики? Гдѣ преемники Расина и Лафонтена? Не Мольво-ли? Не Жуи-ли? Не Арно-ли? Не Дарю-ли? Въ пятнадцать лѣтъ, когда надобно еще было очищать поле для торжества Словесности, поле, занятое непріятелемъ многочисленнымъ и упорнымъ, трудно было созидать вѣковое. Но пусть сообразятъ, давно-ли началъ, чѣмъ началъ Романтизмъ, что теперь дѣлаетъ, и что успѣлъ уже создать, и тогда, только самое упрямое ослѣпленіе откажетъ ему въ дани удивленія и хвалы.

Въ Драмѣ, онъ нашелъ уже языкъ истинный, и въ опытахъ Вите, Мериме, Дитмера и Каве, показалъ свои исполинскія силы; въ Лирикѣ, пѣсенникъ Беранже, мечтатель Ламаршинъ, смѣлый Делавинь, философъ А. де Виньи, пламенный В. Гюго, — люди, явно отличенные вдохновеніемъ, и мы не знаемъ, какого Ж. Б. Руссо, какого Лебрёня вышатитъ Классицизмъ на состязаніе съ ними.

Нашъ поверхностный взглядъ на новѣйшія произведенія Французской Литтературы, по отдѣленіямъ Философіи, Исторіи и Словесности, можетъ

Digitized by Google

удостовѣришь въ неосновательности мнѣнія Г-на Шове, и показашь, что рѣшительно съ самыхъ основаній Литтературы, или все новое, и за ново передѣланное видимъ мы въ Литтературѣ нынѣшней Франціи. Прибавимъ, что эта литтературная реформа развивается полно, стройно, величественно, и объемлетъ всѣ части знаній человѣческихъ. Критика идетъ рядомъ съ Философіею, теорія съ анализомъ, разработка внутреннихъ матеріяловъ съ пріобрѣтеніями внѣшнихъ. Не одинокій, сиротѣющій талантъ является по какой либо части, какъ у насъ въ Россіи, гдѣ появленіе немногихъ талантовъ по разнымъ предметамъ кажется случайностью, а общаго Литтературнаго движенія вовсе не замѣчается — нѣтъ! Во Франціи именно видимъ это движеніе, обширное, многолюдное, и отъ того трудно выйдти изъ ряду, что ряды составлены изъ людей сильныхъ.

Да; если не понимашь ошибочнаго основанія Классицизма; если Классиковъ, заслуживавшихъ жалкую mention honorable, ставить въ дѣло; если не сознаваться, что люди, считавшіеся Классиками, Вольтеры, Дюсисы, Парни, Делили, составляли уже переходъ къ преобразованію; если почитать Романтизмъ дѣломъ временнаго круженія головъ, начатаго Шатобріаномъ и Г-жею Сшаль, а кончаемаго В. Гюго; если наконецъ не видѣшь, что онъ есть одна изъ сторонъ всеобщаго литтературнаго преобразованія, которое изъ Франціи обобщается всей Европѣ, то, мы согласно съ Г-мъ Шове, признаемъ анархію въ нынѣшней Литтера-

Digitized by Google

турѣ Французской, и въ тоже время соглашаемся, что въ ней нѣтъ ничего новаго, кромѣ умственной литературной горячки. Но ссылаемся на каждаго Классика и Романтика: не будутъ-ли такія понятія означать совершеннаго невѣжества, которое не хочетъ ни о чемъ думать, ничего знать? Съ невѣжествомъ мы спорить не будемъ; но пусть-же и оно молчитъ.

Все объясненное нами, облегчитъ намъ переходъ къ опроверженіямъ мнѣній Г-на Шове, о вкусѣ и нравственности въ Литературѣ.

Нѣтъ нелѣпости, которая не основывалась-бы на какой нибудь теоріи, и не представляла-бы условнаго порядка. И въ Классицизмѣ былъ также выведенъ свой порядокъ, была и своя теорія.

« Но, » говоритъ А. де Виньи — « развѣ въ Феодализмѣ не было порядка? » Скажемъ болѣе: развѣ въ самой нелѣпой вѣрѣ Будды нѣтъ теоріи? Ничего не можетъ быть справедливѣе сихъ словъ! Какой нибудь Германскій Баронъ очень стройно пользовался своимъ droit de seigneur, казнилъ и билъ своихъ рабовъ, строилъ церковь въ очищеніе грѣховъ, противился законному Государю, разрѣшался отъ клятвы индульгенціею, и въ тоже время таялъ отъ любви, храбро сражался за честь красавицы, умиралъ весело и спокойно. Воздвигая пирамиды изъ череповъ, позоря, истребляя государства и народы, какой нибудь Чингисъ-Ханъ, Аттила, Тамерланъ, имѣли свои основанія совѣсти, законности, правосудія. Читайте Уложеніе Чингиса, и вы изумитесь обширности и вѣрности его выво-

Digitized by Google

довъ, разумѣется принявъ въ основаніе ложное понятіе его о правахъ человѣка. Таково было въ Классицизмѣ понятіе о вкусѣ и нравственности.

Міръ и природа не проявляютъ намъ ни одной чистой, отдѣленной идеи; они суть соединеніе всѣхъ возможныхъ идей, коп смѣщеніемъ частныхъ жизней, составляютъ общую жизнь природы и человѣка: опъ сего происходитъ, что, при поверхностномъ взглядѣ, міръ кажется совершенною неправильностью. Но умъ Человѣчества, опытомъ и умозрѣніемъ, узналъ и частные виды различныхъ идей, и общіе роды ихъ, и полноту всеобщей жизни ихъ. Онъ составилъ изъ нихъ цѣлые ряды однородныхъ понятій, и такимъ образомъ, раздѣлпвъ общую жизнь природы и человѣка, открылъ для себя вѣрныя отдѣльныя идеи Истины, Блага и Красоты, проявилъ ихъ Философіею и Науками точными, Политикою или общественною жизнью и Изящными Искусствами и Художествами. Богъ далъ человѣку умъ и волю; зная вѣчныя истины, тѣмъ не менѣе человѣкъ свободенъ слѣдовать и не слѣдовать онымъ. Вѣчное правосудіе ожидаетъ его за сею жизнію. Человѣкъ, взятый отдѣльно, малъ, превратенъ, ничтоженъ; но взятый какъ Человѣчество, великъ, посшояненъ, важенъ. Умѣвъ извлечь идеи положительныя изъ мнимаго безпорядка міра и природы, составилъ онъ законы для блага и счастія, и создалъ себѣ міръ наслажденія въ Изящномъ. Міръ блага и міръ красоты созданъ собственно человѣкомъ, по вѣчнымъ законамъ божественнаго Блага и божественной Красоты. Сіи за-

Digitized by Google

коны были разлиты въ безчисленномъ множествѣ народовъ, людей, вѣковъ и лѣтъ. Надобно, чтобы одинъ народъ другому, одинъ вѣкъ другому передавали свои участки. Между тѣмъ, природа и воля человѣка сражаются, ибо каждое подчиненіе частнаго эгоизма закону всеобщей необходимости, есть уже пожертвованіе физическаго для духовнаго, или уступка слабѣйшаго сильнѣйшему. Отъ сего происходятъ всѣ видимые безпорядки, уклоненія, разнообразіе. По вѣчнымъ законамъ, истина превозмогаетъ. Торжество заблужденія бываетъ всегда временно; но оно необходимо, дабы истина потомъ торжествовала; необходимъ и переходъ отъ грубаго къ нѣжному, отъ тѣла къ духу. Хотите-ли видѣть сей ходъ въ идеѣ Истины? Сличите умозрѣнія языческихъ философовъ съ умозрѣніями философовъ Христіанскихъ: основанія мудрости у тѣхъ и другихъ одни, но какая разница! Хотите-ли видѣть сей ходъ въ идеѣ Блага? Читайте Исторію. Человѣкъ не можетъ даже ускорить хода судебъ и перепрыгнуть черезъ ступеньки лѣствицы ихъ, ибо онъ самъ только ступенька въ сей лѣствицѣ. Были примѣры, что люди хотѣли упредить ходъ времени, хотѣли насильно заставить людей слѣдовать своей идеѣ; но всѣ сіи покушенія оканчивались неудачею, когда, напротивъ, съ наступленіемъ времени идеѣ, она была принимаема безспорно.

Чѣмъ болѣе всеобщаго въ чемъ нибудь, тѣмъ оно выше; чѣмъ менѣе, тѣмъ оно ниже. Отъ того, напримѣръ, въ идеѣ Блага, пожертвованіе за свою

Digitized by Google

семью ниже пожертвованія за благо общества, и отношенія человѣка какъ отца, сына, мужа, уступаютъ отношеніямъ его, какъ гражданина и подданнаго.

Исключительности рѣшительной не можетъ и не должно быть, ибо тогда все должно разрушиться или быть совершенно ничтожнымъ. Но и всеобщность есть тоже уничтоженіе, ибо она не есть удѣлъ человѣка. Что-же изъ сего слѣдуетъ? То, что тогда только явится совершенство, когда частное и общее уравнены, и не перевѣшиваютъ одно другаго. Человѣкъ, забывающій свои частныя отношенія для общихъ, и общія для частныхъ, равно несовершенъ. Но люди безпрерывно впадаютъ въ такую крайность, и это распространяется даже на цѣлые народы. Безпрерывно, и народы и люди ставятъ себя средоточіемъ, и на все смотрятъ только въ отношеніи къ себѣ и своей идеѣ. Такъ умозритель презираетъ опытъ, эмпирикъ умозрѣніе, математикъ слова, поэтъ цифры.

Тоже и въ Изящномъ. Здѣсь есть своя общность и своя частность. Ими вѣрно раздѣляются Изящныя Искуства и Художества, и опредѣляются законы идей Изящнаго. Собственно Изящное не есть Истина, не есть и Благо: Красота есть прямой символъ и настоящая цѣль онаго. Истина и Благо совершенно слиты съ нимъ; но если ихъ будемъ имѣть преимущественно въ виду, мы ошибемся, точно такъ-же, какъ жертвуя ими единственно для Красоты. Поэтъ, художникъ, будучи гражданиномъ, будучи философомъ, долженъ быть

Digitized by Google

собственно поэтомъ, собственно художникомъ; но онъ не будетъ ни тѣмъ, ни другимъ, если откажется въ произведеніяхъ своихъ отъ правъ философа и гражданина.

Въ произведеніяхъ его путеводитель восторгъ, коимъ руководствуютъ въ мірѣ фантазіи умъ и сердце. Міръ представляется художнику загадкою; его твореніе есть рѣшеніе сей загадки. Онъ дѣйствуетъ притомъ какъ художникъ; не рѣшаетъ какъ философъ, не судитъ какъ гражданинъ того, или другаго общества, но возсоздаетъ свои идеи, въ образахъ, взятыхъ изъ природы и человѣка, слѣдственно, необходимо впадаетъ въ идею Истины и Блага, если только Изящное у него совершенно.

Разумѣется, что могутъ и должны быть особенныя, частныя направленія Изящнаго. Какъ музыкантъ выражается звуками, ваятель формами, живописецъ цвѣтами, поэтъ словами, такъ, поэтъ въ гимнѣ можетъ говорить о любви къ отечеству, музыкантъ грозными звуками вести воина на брань, ваятель изсѣчь его изображеніе на памятъ потомству. Но чѣмъ менѣе явна частность, тѣмъ выше Изящное, и чѣмъ болѣе въ немъ всеобщаго стремленія, тѣмъ болѣе оно понятно всякому. Такъ въ Шекспирѣ, Данте, Омирѣ, Гёте, все удовлетворено; но односторонніе Шиллеръ, Тассъ, Исіодъ, Расинъ, удовлетворяютъ только тогда, когда мы станемъ на ихъ точку зрѣнія.

Надобно вспомнить, что сказали мы объ уравненіи общаго съ частнымъ. На семъ основано дѣленіе впечатлѣній и роды Изящнаго, создана Тра

Digitized by Google

едія, Комедія, Эпопея, Лирика, раздѣлена проза отъ стиховъ, утверждена Критика, существуетъ вкусъ, какъ судія произведеній изящныхъ, и опредѣляются отношенія Изящнаго къ нравственному и истинному.

У каждаго народа, сначала все бываетъ смѣшанно, и потомъ постепенно раздѣляется. У каждаго народа дѣлятся постепенно роды и наклоненія изящнаго, образуется Драма, Эпопея, Лирика, и у каждаго народа, совершившаго полный періодъ жизни, является потомъ въ семъ случаѣ уклоненіе схоластическое, ибо народъ, забывая, что онъ самъ не есть цѣлое, и что Изящное не есть полный міръ мышленія, думаетъ, что можно сыскать полныя правила, какъ производить Изящное, и одному народу выполнять ими абсолютно всѣ требованія ума и сердца цѣлаго человѣчества. Такъ было у Китайцевъ, Индійцевъ, Грековъ, и у новыхъ Классиковъ.

Классики забыли: первое, что изящное твореніе есть свободное явленіе духа каждаго человѣка, которое должно сообразоваться только съ общностью рода творенія, но не подчиняться ему безусловно, и что совершенство его опредѣляется силою восторга и обширностью ума. Такъ геній превосходитъ другихъ, и творитъ новое, когда талантъ создаетъ по образу, даннаму геніемъ, а безталантность творитъ карикатуры его. Классики стали математически разбирать Изящное въ великихъ твореніяхъ; сосставили Уложеніе вкуса; по оному хотѣли заставить творить, и судили творенія.

Digitized by Google

Второе. Они хотѣли математически раздѣлить и самыя впечатлѣнія, и роды Изящняго. Комедія должна была непремѣнно смѣшить, Трагедія плакать, Сатира смѣяться, Басня заключать въ себѣ нравоучительную мысль, Идиллія описывать пастуховъ. Вслѣдствіе сего опредѣлили не только формы каждаго рода, но даже предметы, коихъ должно касаться въ каждомъ родѣ, даже слова, которыя должно употреблять въ томъ или другомъ родѣ. Ничего не можетъ быть забавнѣе раздѣленія слога на высокій, средній и низкій, и опредѣленій, что̀ такое Высокое, Трогательное, Страстное, Нѣжное, и когда оно употребляется, гдѣ оно приличнo, и проч. и проч.

Связавъ такимъ образомъ душу поэта, спутанные въ изысканномъ, ложномъ обществѣ своемъ тысячью мѣлкихъ обязанностей, приличій, условій, они перенесли ограниченныя понятія о нравственныхъ приличіяхъ и въ твореніяхъ Изящныя. Давно замѣчено, что чѣмъ испорченнѣе нравы народа, тѣмъ скромнѣе языкъ его. Вѣтреный шалунъ откры̀тъ, болтливъ; закоренѣлый развратникъ скрытенъ и молчали́въ. Такъ робка и неловка истинная любовь, свободна и мила прихоть сердца. Начали требовать, чтобы истина Изящнаго была похожа на отдѣленную отъ абсолютной, условную истину; чтобы благое Изящнаго выражалось опредѣленно и условно. Но это было невозможно, и, по ложной и частной системѣ нравоученія, Поэзія сдѣлалась не поэтическимъ, неопредѣленнымъ опытомъ разгадать міръ и природу, но какимъ-то уголовнымъ и гра-

Digitized by Google

жданскимъ судилищемъ ума и сердца; не изображеніемъ видимаго міра, гдѣ истина и добро не видны отдѣльно, но силлогизмомъ условныхъ понятій о добрѣ и истинѣ. Человѣкъ исчезъ; явились тираны и герои въ Трагедіи, любовники и отцы въ Комедіи, и непремѣнно надобно было тирану умереть, любовнику жениться, герою страдать, и потомъ торжествовать, отцу говорить сентенціи, а плуну исправляться. Вотъ Піитика Классицизма! Вотъ то, о чемъ столь уныло жалѣетъ Г-нъ Шове, вотъ *вкусъ* и *нравственность*, которыхъ требуютъ отъ насъ Классики.

Послѣ сочиненій Германскихъ и новѣйшихъ Французскихъ теоретиковъ, излишне было-бы доказывать ложность основаній ограниченнаго вкуса Классическаго и нелѣпость смѣшныхъ правилъ, имъ выведенныхъ. Мы замѣтимъ только одно: вся исторія Классицизма есть доказательство, что умъ человѣческій, или слѣдуя правиламъ Классическаго вкуса творилъ пустяки и уродливости, или безпрестанно забывалъ сіи правила, въ каждомъ почти твореніи, заслуживающемъ вниманіе. Еще болѣе: едва-ли можно сыскать истинно-изящное произведеніе, въ которомъ были-бы вѣрно выполнены всѣ условія Классическаго уложенія, касательно вкуса и нравственности.

Таковы законы Изящнаго. Спрашиваемъ: какую нравственную идею доказываютъ Ифигенія, Федра, Андромаха, Сидъ, Меропа, Заира, Весталка, Гамлетъ (Дюсиса), Генріада? Наказаніе порока, торжество добродѣтели, опасность нарушенія по-

Digitized by Google

рядка и гибель сильныхъ страстей? Но выражаешъ-ли ихъ *положительно* хотъ одно изъ вышеозначенныхъ, и тысячи другихъ твореній? Нимало: въ нихъ видите случай, нечаянность, человѣка въ борьбѣ съ судьбою, борьбѣ нерѣшимой и тяжкой. Вездѣ говоряшъ о счастіи добра, а на дѣлѣ видны страданія и бѣдствія его, точно такъ-же какъ и въ дѣйствительномъ мірѣ. Будто сентенція, сказанная шираномъ, когда случай вырвалъ у него жертву, есть доказательство счастія добродѣтели и бѣдствія порока!

Но Г-нъ Шове отважно указываетъ на примѣры, говоритъ объ Омирѣ, Сервантесѣ, Лесажѣ, Руссо. Homère a été admirable moraliste, сказываетъ намъ Г-нъ Шове. Мы повторимъ его слова въ вопросительномъ смыслѣ: неужели Омиръ былъ нравоучитель, Омиръ, у котораго вся Поэма состоитъ въ безумной ссорѣ за наложницу, и въ бѣшеномъ, звѣрскомъ мщеніи за смерть воина, убитаго въ честномъ бою, Омиръ, у котораго за похитителя законной жены вступаются боги, льются рѣки крови? И послѣ этого Омиръ нравоучитель, въ Классическомъ смыслѣ? Сервантесъ, у котораго добрый человѣкъ сходитъ съ ума на идеѣ самой благородной, и потомъ подвергается насмѣшкамъ дураковъ и подлецовъ; Лесажъ, у котораго героемъ побродяга, достойный быть посаженнымъ на вѣкъ въ тюрьму — это Классическіе нравоучители? И Руссо, Руссо Классическій нравоучитель, съ бѣшеною любовью, какую изображаетъ его Новая Элоиза? Очень мило оправдываетъ его Г-нъ Шове, го-

Digitized by Google

воря, что Руссо, en s'avouant le danger que peut avoir pour la femme simple la peinture trop embellie d'une passion condamnable, s'attache, dans les détails de son Héloïse, à servir la morale par de nombreuses et éloquentes leçons. И такъ, чего-же требуетъ Г-нъ Шове? Того, чтобы Изящное твореніе было приправляемо моральными сентенціями, какъ кушанье перцомъ? Но если онъ говоритъ, что la morale ne doit pas être le but visible et direct de toute création de l'art, de telle sorte, que l'épopée, le drame et le roman, ne soient plus qu'un long et froid apologue, то не смѣшно-ли требовать морали по мѣлочи, фразистой дани добродѣтели, достиженія къ добру сентенціями, если цѣлое не выражаетъ его положительно и прямо? Здѣсь мы должны оговориться, для тѣхъ, которые любятъ перетолковывать и переиначивать слова и мысли. Могутъ подумать, что мы рѣшительно отвергаемъ нравственность въ Изящномъ. Избави насъ Богъ! Нѣтъ! мы отвергаемъ ее только въ томъ близорукомъ объемѣ, какого требуетъ Классицизмъ, и не видимъ ея въ томъ смыслѣ, въ какомъ видитъ Г-нъ Шове. Мы уже говорили выше объ отношеніи Изящнаго къ Истинѣ и Благу. Поясникъ здѣсь нашу мысль.

Изящное есть прямая цѣль созданій изящныхъ. Не силлогизма нравственнаго ищемъ мы въ немъ. Если поэтъ будетъ *изященъ* и *истиненъ*, то благо или нравственность непремѣнно освѣтитъ его твореніе. Но для этого онъ долженъ изобразить намъ человѣка вполнѣ, вѣрно, и если его созданіе будетъ таково, то оно будетъ изящно; а тогда истина

Digitized by Google

и благо отразятся на его твореніи. Они будутъ неопредѣленны, но глубоко проникнутъ душу зрителя и читателя. Въ семъ отношеніи, бѣшенство Ахиллеса, безуміе боговъ Омировыхъ, страданія Донъ-Кихота, рядъ каррикатуръ и портретовъ Лесажевыхъ, Юлія — преступная мать, невѣрная жена — ненавистный Ловеласъ, несчастная Кларисса, отчаянный Гяуръ, кляпвопреступникъ Валленродъ — жертва и тиранъ, добродѣтель торжествующая и падшая, Ричардъ III-й, Фальстафъ, Отелло, Гамлетъ, Макбетъ, Ромео, Фаустъ — всѣ они будутъ уроками нравственности, ибо они суть глубокія созданія души, потрясенной восторгомъ, и проникнутой истиною природы и человѣка. Неужели надобны были Шекспиру и Руссо нравственныя фразы для великихъ созданій ихъ, когда истина въ оныхъ ужасаетъ насъ? Приведемъ примѣры: если въ первомъ дѣйствіи Лира вы не проникнуты состраданіемъ, слыша, какъ вѣрный вассалъ говоритъ своему владыкѣ: be Kent unmannerly, when Lear is mad; если послѣ того, Лиръ съ трепетомъ восклицающій: O let me not be mad, not mad, sweet heaven! Keep me in temper; I would not be mad! — если потомъ зрѣлище шута и безумнаго Лира не растерзало души вашей; если слова его: Blow, wind, and crack your cheeks! rage! blow! и все позорище безумія страстей, гибели человѣка въ борьбѣ съ неумолимою судьбою, не врѣзало въ душу вашу страшныхъ уроковъ нравственности, то вы не способны ни творить, ни понимать глубокихъ тайнъ природы и человѣка! Неужели сіи страшныя истины тогда только поймете вы, когда Дюсисъ усла-

Digitized by Google

дишь ихъ моральными фразами, Корделію спасушь отъ смерши, Эдгаръ будешъ геройствовашь и влюбится въ нее, а Герцогъ Корнвалльскій умрешъ съ раскаяніемъ передъ вами? Жалкія поняшія о Благѣ, котораго ни гдѣ не являешъ намъ абсолюшно природа, но которое вездѣ говоришъ намъ о бышіи своемъ! Послѣ сего, Димитрій Самозванецъ Сумарокова станешъ выше Фауста Гёшева, а Марина Мнишекъ, Гурьянова, выше Сенъ-Марса Альфреда де Виньи, ибо, судя по-*Классически*, какой урокъ извлечемъ мы изъ дѣлъ чоршова сообщника, обольстителя Маргериты, убійцы брата ея, когда жершва гибнешъ, а Фаустъ спасается? Или что нравственнаго увидимъ въ шоржествѣ Ришельѣ, гибели Сенъ-Марса, казни Грандье? То-ли дѣло у Сумарокова, гдѣ злой Самозванецъ зло и погибаешъ, или у Г-на Гурьянова, гдѣ Шуйскій изображенъ героемъ, и нѣшъ странички, на которой не былъ-бы разсыпанъ бисеръ нравоученія! Но вникните въ созданіе Гёше, поймите глубину, до которой коснулся онъ, поймите адъ души Фауста; посмотрите и въ Сенъ-Марсѣ на ужасающую истину жребіевъ, страстей, положеній, и вы узнаете глубину нравственности въ изящныхъ созданіяхъ Гёте и де Виньи, такъ, какъ видите побѣду добродѣтели въ смерти Сократа, выпивающаго ядъ, передъ лицемъ шоржествующихъ враговъ!

Такую высшую нравственность, состоящую въ истинѣ основанія, и въ изяществѣ исполненія, представляютъ намъ шворенія Шекспира, Сервантеса, Гёте, Шиллера. Ею проникнушы шворенія

Digitized by Google

и новыхъ Французскихъ романшиковъ, и Виктора Гюго особенно, человѣка съ душою сильною, пламенною, добродѣтельною, съ воображеніемъ исполинскимъ. Мы докажемъ это разборомъ его созданій.

Почитаемъ долгомъ сдѣлать здѣсь еще одну оговорку. Мы не принимаемъ на себя оправданія, и даже не причисляемъ къ Романтизму созданій пошлыхъ, называемыхъ Романтическими, но собственно ни Классическихъ, ни Романтическихъ, а просто нелѣпыхъ. Какъ ни одинъ Классикъ не возьмется защищать кощунства Кандида, развраша Фобласа, безчинія Пирона или Петронія, пустоты одъ Сумарокова и поэмы Грузинцова, такъ и мы не защищаемъ вздоровъ Дарленкура, ни пустаницы Гриль-парцера, ни пустяковъ Фанъ-деръ-Фельда, или разбойниковъ, мертвецовъ и рѣзни у многихъ Русскихъ поэтовъ. Мы говоримъ объ основаніяхъ Романтизма, и о тѣхъ твореніяхъ, гдѣ выражены истинныя правила его.

Обратимся теперь къ роману собственно, и приложимъ къ сему роду изящныхъ произведеній наши объясненія.

Романъ только въ наши дни получилъ свое высшее достоинство геніемъ В. Скотта. Этого не льзя отрицать. Не только Буало въ свое время могъ смѣло называть романы вздоромъ (frivolité), но даже и послѣ него, когда романъ сдѣлался твореніемъ болѣе важнымъ, послѣ Ричардсона, Лесажа, Руссо, Нѣмецкихъ романовъ, онъ все еще не имѣлъ права на названіе сочиненія опредѣленнаго и поло-

Digitized by Google

жительнаго. Представляя примѣры великіе (каковы: Новая Элоиза, Вертеръ, Вильгельмъ Мейстеръ, романы Жанъ-Поля), шѣмъ не менѣе романъ казался или мѣлкимъ, или выходящимъ изъ положительной жизни. Мѣлкимъ казался онъ, когда романистъ рисовалъ сцены простой, домашней жизни, маленькія страсти, маленькія бѣдствія. Многіе романы, напримѣръ Вакефильдскій Священникъ, Гольдсмита, романы Фильдинга, Ричардсона, Бюрней, Ли, даже романы Пикара и Августа Лафонтена, были очень милы, трогательны; но что-же это? Миніатюрная живопись! При ней романъ не могъ стать въ рядъ съ главными отдѣленіями изящныхъ созданій — Эпопеею, Драмою, Лирикою. Каршинки Г-жи Мирбель прелестны; но кто осмѣлится поставить ихъ подлѣ картинъ Рафаэля, Микель-Анджело, Доминикина, Мурилло? Давно уже старались пособить этому; покушеній и опытовъ были тысячи. Мы не пишемъ здѣсь исторіи романа, но скажемъ только, что его усиливались слить и съ Исторіею, и съ общественною жизнью, и съ міромъ фантазіи, чтобы придать ему болѣе широкія рамы. Но здѣсь-то и не могли найдти настоящей дороги. Годвинъ, Гёте, Жанъ-Поль, Руссо, Фр. Шлегель, Шатобріанъ, облекали романомъ свои фантазіи; Скюдери, Жанлисъ, Коттенъ, Мейснеръ вводили его въ міръ Исторіи; Лесажъ, Вольперъ, Виландъ дѣлали на него сатиру; Радклифъ, Шписсъ, Шиллеръ преобразовывали его въ чудесную сказку. Но вездѣ явно было несогласіе духа съ формою. Возьмите Вертера и Вильгельма Мейстера: вы видите, что автору надобно было проявить только свои идеи,

Digitized by Google

и форма имѣла для него единственно заслугу канвы, по которой рука художника разцвѣчаетъ міръ страстей. Исторія безобразилась романомъ, ибо лица Исторіи, переходя въ романъ, являлись карикатурами, или театральными списками истинныхъ лицъ и событій.

Новому времени, когда событія обнажили жизнь человѣка вполнѣ, когда герои явились людьми, бытъ общественный раскрылся.... когда измѣнился образъ воззрѣнія на всѣ предметы.... романъ долженъ былъ преобразоваться. И В. Скоттъ первый узналъ союзъ его съ Исторіею.

Отказать въ геніи В. Скотту было-бы несправедливо. Видимъ, изъ его собственныхъ признаній, что онъ и самъ не думалъ рѣшить своими романами важной задачи. Нынѣ, когда уже прошелъ первый восторгъ, произведенный его твореніями, мы понимаемъ и недостатки оныхъ. Но за глубокую мысль, которую тотчасъ уразумѣли современники, названіе генія безспорно принадлежитъ В. Скотту, если-бы слава его и не была подтверждена изумительнымъ обиліемъ его созданій.

Кажется, не ошибемся, сказавъ, что безъ Шекспира не существовалъ-бы В. Скоттъ. Онъ понялъ тайну, какъ изображалъ Шекспиръ Исторію въ Драмѣ. Человѣкъ, какъ онъ есть; романъ, какъ изображеніе того, что допускаетъ возможнымъ Исторія; вѣрное изображеніе народности; мѣстная декорація нравовъ и обычаевъ — вотъ основаніе романовъ В. Скотта.

Digitized by Google

Такой романъ современники единогласно признали открытіемъ нашего вѣка. Нѣмцы, Итальянцы, Американцы, Русскіе, Ирландцы, Англичане, Поляки, всѣ взялись за идею В. Скотта. Но никто не понялъ его идеи лучше, и никто не возвелъ ея выше нежели Французы. Г-нъ Шове утверждаетъ, что l'innovation introduite par ses imitateurs (В. Скотта) dans la littérature est moins considérable qu'on ne le suppose; elle consiste moins à produire des créations nouvelles qu'à présenter d'anciennes créations sous un point de vue qui cause des impressions inaccoutumées. Тутъ двѣ ошибки: Г-нъ Шове не понимаетъ важности прибавленій, сдѣланныхъ въ романѣ нѣкоторыми послѣдователями В. Скотта, и ищетъ ихъ не тамъ, гдѣ они находятся.

Идея В. Скотта была такъ вѣрна, что вѣкъ увлекся ею; многочисленная толпа пошла по слѣдамъ его. Если смотрѣть даже на замѣчательныхъ людей въ сей толпѣ, то новаго конечно найдемъ мы весьма немного, ибо и они безъ разбора приняли достоинства и недостатки своего патріарха.

Извиняемъ В. Скотта за недостатки его, уже и потому, что онъ былъ первый, кромѣ того, что безчисленныя красоты искупаютъ его погрѣшности. По нашему мнѣнію, на три недостатка можно указать въ романѣ В. Скотта: они происходятъ отъ того, что В. Скоттъ Англичанинъ, Торн, и первый узналъ истинную идею романа.

Вслѣдствіе перваго, не ищите у него соединенія всеобщности съ Поэзіею. Кромѣ Шекспира никто

Digitized by Google

не умѣлъ глубоко проникать въ душу человѣка Философіею, быть всеобщимъ, переходя во всѣ характеры вѣковъ и людей, и всемірно выражать все это своею Поэзіею. И сіе очень естественно: практическое образованіе Англичанъ такъ сильно, что никогда не допуститъ оно Англичанина быть... человѣкомъ просто.

В. Скоттъ не философъ... и не поэтъ. Онъ умный человѣкъ, тщательно изучившій Шекспира, разскащикъ необыкновенный, живописецъ искусный. Но въ тоже время, онъ *Баронетъ*, онъ *Адвокатъ*, онъ *Тори* по мнѣніямъ. Человѣкъ, за честь себѣ почитающій сдѣлать визитъ знатному, написавшій Письма Павла, сочинившій такую Исторію Наполеона, какую сочинилъ В. Скоттъ, могъ быть вѣрнымъ, но не безпристрастнымъ Историкомъ. Видна честность, доброта, умъ, но на Исторію вездѣ накинута у него прозрачная дымка. Льстивый живописецъ пишетъ портреты, и непримѣтнымъ очеркомъ кисти придаетъ лицу особенную миловидность, пріятность: такова Исторія, таковы лица, изображенныя В. Скоттомъ.

Наконецъ, В. Скоттъ не могъ совершенно отдѣлиться отъ того, что прежде называли собственно-*романическимъ*. Безпрестанно у него видимъ необходимость запутанной интриги, иногда подготовленную чудесность, театральную нечаянность, и проч. и проч.

Повторяемъ, что красоты и заслуги В. Скотта

Digitized by Google

выкупаютъ всѣ это; но тѣмъ не менѣе, человѣкъ у него не весь, освѣщенъ льстиво, если это не простолюдинъ, мало занимаетъ, если это простолюдинъ, и романъ иногда весьма рѣзко выказывается, не будучи, такъ сказать, спаянъ поэзіею дѣйствительною съ жизнью и Исторіею.

Еще болѣе все это видно въ послѣдователяхъ В. Скотта. Если Купера, Горація Смита, Локкарта, Броникovскаго, можно упрекнуть главнѣйше за то, что они принуждаютъ самобытность свою насильно прятаться въ раму В. Скотта, то, чтобы не далеко ходить, наши Русскіе романисты простерли три означенные нами недостатка В. Скотта до того, что они дѣлаются явны, и портятъ всѣ ихъ истинныя достоинства.

Не такъ поступили Манцони, А. де Виньи и Гюго — три человѣка, пошедшіе самобытно по пути, проложенному В. Скоттомъ.

Мы нарочно не упомянули о Французскихъ романистахъ, говоря объ измѣненіяхъ въ новой Литературѣ Французской. Сей родъ произведеній изящныхъ изумляетъ у нихъ такимъ-же блескомъ, какой отражается въ другихъ родахъ изящныхъ произведеній новой Франціи. Глубина Философіи, истина Исторіи, естественность Драмы перенесены романтиками Французскими въ новый романъ. Всѣ почти роды романа представляютъ нынѣ образцы превосходные. Такъ Жаненъ и Мишель Раймондъ срываютъ въ своихъ романахъ маску съ безобразнаго лица нынѣшняго общества; Бальзакъ, Сю показыва-

Digitized by Google

ютъ, что страсти могутъ сильнѣе горѣть въ немногихъ, когда холодъ застудилъ сердца всѣхъ, и что условія общества, эгоистическаго, поддѣльнаго, но вылощеннаго, губятъ несчастныхъ жертвъ сердца, или ума, заступая мѣсто судьбы Древнихъ. Писатель, скрывавшійся подъ именемъ *Якова Библіофила* (Jacob bibliophile), доводитъ вѣрность изображеній прежняго времени до того, что заставляетъ дѣйствующія лица даже говорить ихъ старинным языкомъ. Наконецъ, *Сенъ-Марсъ*, Альфреда де Виньи, и *Церковь Парижской Богородицы*, Виктора Гюго, суть Историческіе романы, въ коихъ соединеніе истины, философіи и поэзіи доведено до высочайшей степени. Это два безцѣнныя перла, превышающія собою все, что отдѣльно можетъ представить неистощимая муза В. Скотта.

Неужели въ нихъ не видитъ новаго Г-нъ Шове? Неужели не понимаетъ глубокой нравственности ихъ, потому что они не пестрѣютъ нравственными фразами? Но вѣрность событій и лицъ, безпристрастіе и огромность картинъ, сила характеровъ, поэтическая глубина страстей въ Сенъ-Марсѣ, неужели все это только умѣнье *présenter d'anciennes créations sous un point de vue qui cause des impressions inaccoutumées?* Въ самомъ дѣлѣ: не поискать-ли намъ гдѣ нибудь изображенія Ришельё, требующаго у Людовика XIII-го головы Сенъ-Марса, или сцены на Пиренейскихъ горахъ, въ хижинѣ контробандиста, или героической рѣшитель-

Digitized by Google

ности Сенъ-Марса, когда слабость Короля, легкость женскаго сердца и злоба Кардинала заставили его презирать жизнью, и говоритъ:

Mourir! sans vider mon carquois!
Sans percer, sans fouler, sans pétrir dans leur fange
Ces bourreaux barbouilleurs de lois!

Близорукая, смѣшная кришика! Мы не будемъ здѣсь разбирать и доказывать ея пустоты, ибо вполнѣ увидимъ доказательства сего, повѣряя сужденія Г-на Шове о романахъ В. Гюго. Переходимъ къ нимъ. Если предваритьельныя изъясненія наши показались читателю слишкомъ продолжительными, мы просимъ извиненія. Безъ теоріческой и Исторической повѣрки дѣло не было-бы ясно.

(Окончаніе въ слѣд. книжк.).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Календарь на* 1832 *годъ.* — Calendrier pour l'année 1832. Одесса. Въ Одесской Городской тип. 1831. 46 стр. in-12.

Справедливо считаютъ Одессу однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Россійскихъ. Большое народонаселеніе, многочисленность образованнаго класса жителей, обширная торговля, портъ, и множество другихъ обстоятельствъ дѣлаютъ сей городъ весьма значительнымъ и достойнымъ особеннаго вниманія. Это, можно сказать, столица южнаго края нашего отечества. Тамъ даже потребности во многомъ отличаются отъ потребностей другихъ мѣстъ Россіи. Такъ, напримѣръ, Литтература, или лучше сказать книгопечатаніе, необходимы въ семъ городѣ. Но и въ этомъ отношеніи Одесса имѣетъ свой характеръ. Народонаселеніе ея, смѣшанное, на половину составленное изъ иностранцевъ, не вполнѣ можетъ довольствоваться книгами, издаваемыми для Россіи вообще. Газета въ Одессѣ своя, и нынѣ она издается отдѣльно на двухъ языкахъ. Объявляемая нами книга, Календарь,

Digitized by Google

шакже есть слѣдствіе мѣстныхъ потребностей Новороссійскаго края. Это явленіе, во многихъ отношеніяхъ весьма пріятное. Постараемся дать о немъ отчетъ подробный.

Календарь Одесскій начинается Церковнымъ счисленіемъ и показаніемъ преходящихъ праздниковъ. За симъ слѣдуетъ собственно такъ называемый мѣсяцословъ, или указаніе праздниковъ и празднествъ Святымъ Греко-Россійской Церкви, на каждый день года, съ указаніемъ соотвѣтствующихъ онымъ праздниковъ и празднествъ Святымъ Церкви Римско-Католической. Къ каждому мѣсяцу прибавлены виды Луны. Далѣе слѣдуютъ: *Таблица восхожденія и захожденія солнца въ главныхъ городахъ Новой Россіи*, Херсонѣ, Керчи, Екатеринославлѣ, Симферополѣ. *Статистика.* Небольшая статья сія особенно любопытна, и мы выпишемъ изъ нея нѣкоторыя свѣдѣнія. Въ Одессѣ и на землѣ, принадлежащей сему городу, считается жителей обоего пола 51,988 ч. Отношеніе новорожденныхъ обоего пола къ народонаселенію $\frac{1}{22}$; умершихъ къ народонаселенію $\frac{1}{28}$. Среднее число умирающихъ въ каждомъ мѣсяцѣ: въ Январѣ 83, Февралѣ 82, Мартѣ 115, Апрѣлѣ 118, Маѣ 87, Іюнѣ 136, Іюлѣ 175, Августѣ 153, Сентябрѣ 101, Октябрѣ 144, Ноябрѣ 104, Декабрѣ 110. Число, коимъ означено народонаселеніе Одессы, выведено изъ списковъ Коммисаровъ, наблюдавшихъ въ Одессѣ за общественнымъ здоровьемъ во время чумы, бывшей въ Новой Россіи въ 1829 и 1830 годахъ. Отношеніе родившихся и умершихъ къ народонаселенію выведено изъ Статистическихъ таблицъ 1828 и 1829 годовъ. Среднее

Digitized by Google

число умирающихъ въ каждомъ мѣсяцѣ выведено изъ числа умершихъ въ 1824, 1825, 1826, 1827 и 1828 годахъ. Исчисленія сіи принадлежатъ къ вѣрнѣйшимъ документамъ статистическимъ. Любопытна также таблица продажныхъ цѣнъ необходимѣйшихъ предметовъ: представляемъ оную.

Средніе цѣны

Муки ржаной,	Говядины,	Дровъ,		Угля.
Въ 1827 г.				
куль въ 7½ п. 6,68 $\frac{3}{11}$	пуд. 3,67 $\frac{3}{11}$	сосн. 54 р. куб.саж.	дубов. 72 р. куб.саж.	2,90 четверть.
Въ 1828.				
— — — 7,12 $\frac{6}{12}$	— 3,26 $\frac{9}{12}$	53 р.	69 р.	3,26.
Въ 1829.				
— — — 8 р.	— 3,68.	79 р.	97 р.	5 р.
Въ 1830.				
— — — 11,50.	— 4,16.	79 р. 20 к.	89 р.	6 р. 25 к.

Въ слѣдующемъ за симъ метеорологическомъ календарѣ показаны: перемѣны температуры въ каждомъ мѣсяцѣ; господствующіе вѣтры (обыкновенно Сѣверный или Южный); дни, въ которые Одесскій портъ замерзалъ и открывался; средняя температура замѣчательнѣйшихъ мѣстъ земнаго шара; время распусканія деревьевъ и паденія листьевъ въ Одессѣ. Изъ приложенныхъ таблицъ видимъ, что въ самыя жестокія зимы холодъ въ Одессѣ бываетъ

Digitized by Google

до 20 град. ниже точки замерзанія; самая большая теплота въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ, доходящая до + 30°. Средняя теплота цѣлаго года 8°$\frac{8}{10}$, по Реомюру. Въ 1830 году листья показались на деревьяхъ 4 Апрѣля, въ 1831-мъ 8 Апрѣля; опали, въ 1830 году 28 Октября, въ 1831-мъ 1 Ноября. Портъ Одесскій въ иные годы не замерзаетъ вовсе; въ другіе годы время замерзанія его между половиною Декабря и половиною Февраля; время вскрытія между половиною Февраля и половиною Марта. Навигація прекращается, среднимъ числомъ, дней на 40. — Послѣ сего помѣщены разныя свѣдѣнія о почтѣ Одесской; имена лицъ, занимающихъ штатныя мѣста въ Одессѣ; Роспись праздничнымъ днямъ, неприсутственнымъ. Въ концѣ напечатанъ Еврейскій календарь на 1832-й годъ. Вотъ онъ.

Сей годъ, по Еврейскому календарю, соотвѣтствуетъ 5593-му и части 5592-го, отъ сотворенія міра. 5592-й начался 27 Августа 1831-го, и, какъ высокосный, оканчивается 12-го Сентября 1832. Праздники сего года: Марша 4 и 5 *Аманъ*; Апрѣля 3, 4, 9, 10-го *Пасха*; Мая 23 и 24 *недѣльный* (Пятидесятница); Сентября 13 и 14-го *Новый годъ* (5593-й); 22-го *день умилостивленія*; 27 и 28-го *Скинопигіо* (кущи); Октября 4 и 5-го *Скинопигіо*. Посты: 3-го Марша въ память опасностей, коимъ Евреи были подвергнуты гоненіями Амана; 2-го Іюля въ память приступа къ Іерусалиму; 24-го Іюля въ память разрушенія Іерусалима; 15-го Сентября день кончины пророка Гедаліи; 20 Декабря въ память обложенія Іерусалима.

Digitized by Google

Извлеченія наши показываютъ, что Одесскій *Календарь* принадлежитъ къ лучшимъ книжкамъ сего рода. Въ немъ найдетъ житель Новороссійскаго края все, что необходимо ему для насущнаго употребленія. Этотъ Календарь не заваленъ всякимъ вздоромъ и статьями безполезными, гдѣ въ самомъ нелѣпомъ видѣ, не точно и не вѣрно, пересказываютъ вамъ событія маловажныя, забывая о міровыхъ, и взамѣну сего утолщаютъ книжку извѣстіями о томъ, сколько горошинъ проглотили куры такого-то города, сколько писанокъ продано подъ качелями, когда въ 1801-мъ году отправлялись почты; и проч. и проч. Мы видали много подобныхъ Нѣмецкихъ Календарей. Въ Одесскомъ, напротивъ, помѣщено только одно любопытное и нужное. Стараніе и опрятливость, съ коими изданъ сей Календарь, также достойны всякой хвалы.

Для роскоши и большаго достоинства сего изданія, мы желали-бы видѣть въ ономъ еще извѣстіе о изданныхъ въ году книгахъ Одесскихъ, что, кажется, легко исполнить, ибо въ Одессѣ (если не ошибаемся) одна типографія. Желательно-бы также, чтобы Гг. Издатели извлекали изъ любопытнаго Одесскаго Вѣстника перечни о движеніи торговли въ Черноморскихъ портахъ, и вообще болѣе помѣщали-бы статистическихъ свѣдѣній о Новороссійскомъ краѣ. Тогда книжка ихъ имѣла-бы не временное мѣсто на столахъ кабинетовъ, но сдѣлалась-бы на полку, въ рядъ съ лучшими извѣстіями о нашемъ отечествѣ. Первый опытъ Гг. Издателей показываетъ, что на ихъ извѣстія и отчеты можно полагаться смѣло.

Digitized by Google

— *Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ.* Часть II-я. Записки Георга Паерле. СПб. Въ т. Россійской Академіи. 1832. XI и 216 стр. in-8.

Георгъ Паерле доселѣ былъ извѣстенъ ученому свѣту только по сочиненіямъ Шмита-Фисельдека и Карамзина: первый помѣстилъ сокращенную выписку изъ рукописи Паерле въ своемъ Опытѣ введенія въ Русскую Исторію, а второй заимствовалъ изъ оной многія свѣдѣнія, описывая смутное время Самозванцевъ. Гдѣ хранится подлинникъ, не извѣстно; лучшій списокъ находится въ Библіотекѣ Герцога Брауншвейгъ-Вольфенбиттельскаго.

Паерле былъ родомъ изъ Аугсбурга, и сколько можно догадываться по его сочиненію, занимался торговлею въ товариществѣ съ двумя единоземцами своими, Андреасомъ Нашаномъ и Бернгардомъ Манлихомъ. Вмѣстѣ съ ними онъ пріѣхалъ въ Москву, за нѣсколько дней до бракосочетанія Лжедмитрія, по приглашенію Секретаря его, Яна Бучинскаго, усердно старавшагося заманить въ Россію купцовъ иноземныхъ. Надѣясь на покровительство Пословъ Польскихъ, и еще болѣе на грамоту Самозванца, Нашанъ, Манлихъ и Паерле привезли въ Москву дорогіе товары, думая сбыть ихъ съ выгодою, но жестоко обманулись; вскорѣ по ихъ прибытіи, народъ возсталъ на обманщика, и въ пылу негодованія хотѣлъ истребить всѣхъ клевретовъ его. Многіе иноземцы, виновные и невинные, были жертвою мести народной; купцамъ Аугсбургскимъ грозила таже участь; видя смерть неизбѣжную,

Digitized by Google

они рѣшились дорого продать свою жизнь и вступили съ чернію въ бой неровный; Бояре, къ счастію, спасли ихъ. Укротивъ народъ, они дали слово купцамъ иноземнымъ вознаградить ихъ за потерю имущества и отправить въ отечество. Не вѣря сему обѣщанію, купцы, въ числѣ ихъ и Паерле, искали покровительства Пословъ Польскихъ, и пробрались, съ опасностію жизни, въ ихъ домъ. Вышло, однако, хуже: Пословъ задержали, а съ ними и всѣхъ иноземцевъ, укрывшихся на дворѣ Посольскомъ. Тамъ они пробыли около 18 мѣсяцевъ подъ строгимъ надзоромъ; не разъ пытались бѣжать изъ скучнаго плѣна; хотѣли даже силою вырваться изъ Москвы, и только тогда получили свободу, когда Царь Василій Ивановичъ (Шуйскій), заключивъ перемиріе съ Сигизмундомъ III, отпустилъ въ отечество Пословъ Литовскихъ.

Томимый скукою неволи, Паерле записывалъ, вѣроятно отъ нечего дѣлать, все, что ни случалось ему видѣть и слышать въ Москвѣ о Димитріи Самозванцѣ и слѣдствіяхъ его дерзкаго предпріятія; потомъ, возвращаясь на родину, составилъ любопытное для насъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Описаніе путешествія Ганса Георга Паерле, уроженца Аугсбургскаго, съ господами Андреасомъ Натаномъ и Бернгардомъ Манлихомъ младшимъ, изъ Кракова въ Москву и изъ Москвы въ Краковъ, съ 19 Марта 1606 года, по 15 Декабря 1608.* Это сочиненіе, по содержанію своему раздѣляется на двѣ части: въ первой Авторъ излагаетъ Исторію Димитрія Самозванца, котораго признаетъ сыномъ

Digitized by Google

Іоанна Грознаго; разсказываетъ мнимое спасеніе его отъ смерши въ Угличѣ, пребываніе въ Польшѣ, войну съ Годуновымъ, воцареніе, бракъ съ Мариною, споры съ Литовскими Послами, наконецъ низверженіе съ престола. Во второй части онъ описываетъ, въ видѣ Дневника, осмнадцати-мѣсячное заключеніе Пословъ Литовскихъ, переговоры ихъ съ Боярами, неустройство въ Москвѣ, волненіе государства, и проч.

Всѣ сіи свѣдѣнія о Георгѣ Паерле и его сочиненіи заимствовали мы, почти слово въ слово, изъ Предисловія Г-на Переводчика. Далѣе слѣдуютъ мнѣнія Г-на Переводчика о семъ сочиненіи: мы позволимъ себѣ не вполнѣ согласиться съ оными. Онъ говоритъ: «Въ сочиненіи Паерле наиболѣе замѣчательны подробности Лжедимитріева похода въ Россію: Авторъ описываетъ *вѣрно* и *точно* весь путь Самозванца отъ предѣловъ Польши до самой Тулы; всѣ его побѣды и неудачи, всѣ *намѣренія* и хитрости воинскія, даже мѣста, гдѣ онъ останавливался для ночлега.» На чемъ основывался Г-нъ Переводчикъ, утверждая, что Паерле *вѣрно* и *точно* описалъ путь Самозванца, и еще болѣе — *намѣренія*? Паерле могъ знать ночлеги Лжедимитрія; но кто можетъ сказать, что онъ проникнулъ въ глубину души и скрытные помыслы этого таинственнаго человѣка? Г-нъ Переводчикъ опровергаетъ самъ себя, прибавляя: «Неизвѣстно отъкуда заимствовалъ Паерле сіи подробности.» Изъ сказаній какого нибудь Польскаго Дневника? Изъ словъ Яна Бучинскаго? Но Г-нъ Переводчикъ самъ не вѣритъ подоб-

Digitized by Google

нымъ извѣстіямъ, когда рѣчь идетъ объ Іоаннѣ Грозномъ, и говоритъ: « Въ семъ случаѣ свидѣтельство Паерле не имѣетъ никакого вѣса, ибо онъ *писалъ о немъ* (объ Іоаннѣ) *по одной наслышкѣ* (*Примѣчан.* 1-е). » Вѣрная оцѣнка сочиненія Паерле заключается въ слѣдующихъ словахъ Г-на Переводчика:

« Не имѣя ума тонкаго, наблюдательнаго, которымъ плѣняетъ насъ Маржеретъ, не владѣя даромъ повѣствованія, столь очаровательнымъ въ Лѣтописи Мартина Бѣра, Паерле заслуживаетъ однако вниманіе потомства, какъ по многимъ любопытнымъ извѣстіямъ о Лжедимитріи, о пышности Двора Московскаго, такъ и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о политикѣ Царя Василія Іоанновича Шуйскаго. »

Переложивъ на Русскій языкъ сочиненіе сіе вполнѣ, безъ малѣйшей перемѣны, Г-нъ Переводчикъ призналъ излишнимъ указывать на всѣ погрѣшности и ложныя умствованія Автора. Онъ счелъ болѣе полезнымъ присовокупить къ сочиненію его: 1) Розыскъ о смерти Царевича Димитрія, составленный изъ государственныхъ актовъ и современныхъ Записокъ. Въ сей статьѣ помѣщено все, что говорили современники о смерти Царевича, доселѣ еще не объясненной удовлетворительно. Читатель, сообразивъ сказанія ихъ, съ одной стороны убѣдится въ неосновательности извѣстій Паерле о Димитріи, а съ другой найдетъ довольно пищи размышленію. 2) Разные документы нашего Архива, поясняющіе сочиненіе Паерле; въ числѣ оныхъ наи-

Digitized by Google

болѣе замѣчательны: 1-е, Манифестъ Лжедимитрія о вступленіи на престолъ; 2-е, Показаніе Воеводы Сендомирскаго о знакомствѣ его съ Самозванцемъ; 3-е, Подробный Дневникъ Лжедимитріева похода въ Россію; 4-е, Манифесты Годунова и Шуйскаго о родѣ и племени Лжедимитрія; 5-е, Письмо Самозванца къ Станиславу Мнишку о покорности Царскаго войска; 6-е, Донесеніе Яна Бучинскаго о негодованіи Поляковъ на его высокомѣріе; 7-е, Свадебный обрядъ бракосочетанія Самозванца съ Мариною, и 8-е, Договоръ его съ Воеводою Сендомирскимъ объ уступкѣ Маринѣ Новагорода и Пскова.

Въ 22-й книжкѣ Телеграфа, за 1831-й годъ, мы напечатали наше мнѣніе о трудѣ, предпринятомъ и теперь почти оконченномъ Г-мъ Устряловымъ, ибо 3-я часть *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ* будетъ состоять изъ *Записокъ Маржерета*, уже извѣстныхъ публикѣ нашей. Г. Устряловъ намѣренъ только дополнить, еще нѣкоторыми историческими свидѣтельствами, переводъ свой въ новомъ изданіи. Искренно высказавъ наши сомнѣнія о нѣсколькихъ строчкахъ Предисловія трудолюбиваго, просвѣщеннаго Прелагателя, мы съ такою-же искренностію снова благодаримъ его за исполненіе предпріятія, чрезвычайно полезнаго и тяжелаго. Подвигъ Г-на Устрялова останется въ Лѣтописяхъ нашей Исторической Литтерашуры. Только знакомые съ подобными трудами могутъ понимать и цѣнить тягость оныхъ; но тѣмъ благодарнѣе должна быть публика за безкорыстное и отличное исполненіе такихъ трудовъ, подъятыхъ для ея пользы.

Digitized by Google

Изданіе Записокъ Паерле столь-же исправно и роскошно, какъ изданіе Беровой Лѣтописи.

— *Извлеченіе изъ рукописныхъ историческихъ лекцій*, преподаваемыхъ воспитанникамъ Императорскаго Царско-Сельскаго Лицея, Профессоромъ Иваномъ Кайдановымъ. СПб. 1832. въ т. Деп. Народн. Просвѣщенія. 137 стр. in-8.

Книга сія можетъ служить дополненіемъ къ извѣстной Всеобщей Исторіи Г-на Кайданова, и поясненіемъ взгляда сего Автора на разныя исторические предметы. Издавая свой новый трудъ, онъ имѣлъ цѣлію — «доставить обучающимъ и учащимся Исторіи книжку, чтеніе коей было-бы для «тѣхъ и другихъ *средствомъ къ пріятному и полезному препровожденію времени.*» Цѣль — новая для писателей Исторіи! Мы не намѣрены здѣсь разыскивать, достигъ-ли сей цѣли почтенный Авторъ, ибо надѣемся въ нынѣшнемъ году представить подробный разборъ, какъ вышеупомянутой Исторіи Г-на Кайданова, такъ и книжки, нынѣ имъ изданной. Тамъ будетъ сказано все. Впрочемъ, кто можетъ отвѣчать за будущее, всегда столь невѣрное? Станется, что мы скажемъ, черезъ нѣсколько времени, о нашихъ надеждахъ:

И тѣ надежды — были сонъ!

Это-то заставляетъ насъ предварительно объявить, для желающихъ знать наше мнѣніе, что книга Г-на Кайданова мало обогащаетъ Историческую Литтературу.

— *Понятіе, цѣль, раздѣленіе и Исторія Филосо-*

Digitized by Google

фіи, въ краткихъ чертахъ изложенныя. Перевелъ съ Нѣмецкаго Григорій Бардовскій. М. 1832. Въ Унив. т. 22 стр. in-12.

Это переводъ, и довольно хорошій, статьи о Философіи, напечатанной въ Conversations-Lexikon. Не понимаемъ, для чего, и для кого она была нужна по-Русски? Иное дѣло у Нѣмцевъ, плавающихъ въ Философіи, и въ сборникѣ, гдѣ надлежало говорить обо всемъ.

— *Конрадъ Валленродъ*. Историческая повѣсть изъ Литовскихъ и Прусскихъ событій. Адама Мицкевича. Перевелъ съ Польскаго Аѳанасій Шпигоцкій. М. 1832. Въ Университетской т. VI и 96 стр. in-8.

Съ пріятнымъ удивленіемъ нашли мы въ этой книжкѣ весьма порядочный переводъ поэмы Мицкевича, довольно извѣстной въ нашей публикѣ. Скромное и отчетливое Предисловіе Г-на Переводчика показываетъ, что онъ зналъ великость своего предпріятія. Сказавъ нѣсколько словъ о Поэзіи Мицкевича вообще, и особенно о переведенномъ вновь произведеніи, онъ говоритъ: « Чѣмъ болѣе вникаю въ оное, тѣмъ живѣе чувствую смѣлость свою, избравъ его для перваго опыта. Впрочемъ, я употребилъ все стараніе, дабы не навлечь негодованія образованныхъ читателей небрежностью торопливой самонадѣянности, и меня ободряетъ мысль, что если и слабая тѣнь можетъ родить въ воображеніи понятіе о предметѣ, то образованная публика, не только восхищавшаяся самимъ оригиналомъ, но даже взглянувшая на сей переводъ,

Digitized by Google

поймет всѣ трудности моего предпріятія. По нимъ она оцѣнитъ мой опытъ. Предаюсь справедливому суду. Каковъ-бы онъ ни былъ, благоразуміе велитъ воспользоваться онымъ, не увлекаясь ребячески опаснымъ и смѣшнымъ упрямствомъ авторскаго самолюбія.» Послѣ такихъ завѣреній Г-на Переводчика въ преданности суду литтерашурному, мы, сказавши что переводъ его, въ общности, довольно хорошъ, замѣтимъ и нѣкоторыя неисправности онаго. Первая и самая главная, неточность, и во многихъ мѣстахъ неправильность языка. Читая иныя мѣста, думаешь, что Переводчикъ пишетъ какъ будто не на родномъ языкѣ, и потому не знаетъ тонкостей и силы словъ и выраженій. Напримѣръ:

Лазурный Нѣманъ гранью двухъ враговъ.
Здѣсь рядъ божницъ вѣнчаютъ брегъ зыбучій,
Шумятъ лѣса дремучіе боговъ.
А за рѣкой, челомъ пронзая тучи,
Тевтона крестъ блисталъ на высотѣ,
И отверзалъ Литвѣ зловѣще лоно,
Какъ-бы грозя все племя Палемона,
Вдругъ охвативъ, увлечь къ своей пятѣ.

Послѣдніе три стиха трудно понять, не справившись съ подлинникомъ; въ стихѣ второмъ есть неправильность Граммашическая: это недосташокъ обрабошки. Далѣе, замѣтимъ еще и то, что Переводчикъ не вполнѣ владѣетъ стихомъ: у него стихъ, какъ упрямое дитя, не всегда слушается своего родителя. Можетъ быть это происходитъ и не отъ недостатка въ дарованіи, а отъ неопыт-

Digitized by Google

ности Г-на Переводчика; въ такомъ случаѣ, совѣтуемъ ему пріобрѣсть болѣе навыка, ибо Поэзія, какъ и всѣ другія Искуства, требуетъ большихъ предварительныхъ занятій, и не вдругъ поддается одному вдохновенію. Сколько надобно, напримѣръ, музыканту, тяжелыхъ, сухихъ изученій, прежде нежели онъ начнетъ плѣнять насъ пѣніемъ смычка или гармоніею оркестра!

Мы судимъ о трудѣ Г-на Шпигоцкаго какъ о пріятной надеждѣ; залогомъ-же исполненія оной почитаемъ многія мѣста поэмы Мицкевича, переданныя имъ хорошо. Вообще переводъ сей есть явленіе пріятное, и судя о немъ какъ о первомъ опытѣ Переводчика, мы сердечно порадовались оному.

Изданіе сей книжки — маленькое чудо въ ряду Московскихъ изданій: веленевая бумага, двѣ хорошо гравированныя картинки, и довольно хорошій шрифтъ даютъ намъ право сказать это.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ МУГАММЕДА.

(Окончаніе).

Мугаммедъ позволилъ имѣть четырехъ женъ, но запрешилъ жениться на кормилицахъ, которыя въ Аравіи, такъ-же какъ въ Греціи, почитались членами семейства, и уже никогда не оставляли жилища своихъ воскормленниковъ; бракъ съ молочными сестрами также запрещенъ. Кажется, что Мугаммедъ (или можетъ быть законъ Іудеевъ, у коихъ заимствовалъ онъ многое въ своихъ постановленіяхъ) имѣлъ въ виду замѣчаніе, сдѣланное почти всѣми народами, а именно то, что короткое обхожденіе въ дѣтскія лѣта можетъ слишкомъ рано зажечь желанія, если сему не будетъ противишься законъ. Это правило простерли до того, что запрещено жениться даже на двухъ сестрахъ невольницахъ, или на женщинахъ вѣры Маговъ, которые, подобно Аѳинянамъ, не находили ничего предосудительнаго въ бракѣ съ сестрою. Лжепророкъ запрешилъ принимать услуги отъ евнуховъ; однакожь, одно мѣсто въ *Мисхатѣ* показываетъ, что обычай имѣть ихъ, издавна существовавшій въ Индіи, былъ принятъ и въ Аравіи: нравы побѣдили законъ; тоже было съ запрещеніемъ Моисея; система многоженства превозмогла все.

Digitized by Google

Саль замѣтилъ, что въ описаніи наслажденій, ожидающихъ правовѣрныхъ въ раю, не упоминается о женщинахъ: ихъ замѣняютъ Гуріи. Можно прибавить, что если вѣрить различнымъ преданіямъ *Сунны*, то Мугаммедъ назначаетъ большую часть женщинъ въ адъ; но слова Курана явно противорѣчатъ сему ученію, которое сверхъ того невѣроятно по всему, что знаемъ мы нынѣ объ Исламизмѣ.

Легче было законодателю возбудить человѣколюбивыя чувствованія къ невольникамъ, потому что они почти всѣ были его соотечественники. «Богъ создалъ невольниковъ братьями вашими; кто бьетъ ихъ безъ причины, тотъ обязанъ отпустить на волю; въ день Суда, Богъ разсудитъ владѣльца, не наказавшаго невольника своего по строгости. «Законъ возмездія наказываетъ убійцу невольника, ибо въ семъ случаѣ соображаютъ его достоинство человѣческое, а не значительность какого нибудь другаго рода. Если невольникъ подаетъ милостыню изъ собственности господской, онъ получитъ воздаяніе за сіе благотвореніе. Понятно, что съ такими обезпеченіями, состояніе невольника не должно было разниться отъ состоянія свободнаго, и потому-что Мугаммедъ могъ совѣтовать давать свободу неограниченную, обращаясь въ этомъ случаѣ единственно къ правоудію своихъ соотечественниковъ. Все имѣніе невольника оставалось у владѣльца, ибо, слѣдуя справедливому правилу, настоящая собственность можетъ быть только у человѣка совершенно свободнаго. При многочислен-

Digitized by Google

ныхъ постепенностяхъ, освобожденіе производилось безъ опасности для общественнаго спокойствія, и это, кажется, заслуживало-бы вниманіе въ наше время, когда, напримѣръ въ Америкѣ, встрѣчаютъ бездну препятствій, желая возвратить права гражданскія тѣмъ существамъ, которыя лишены оныхъ корыстію или побѣдою. Касательно женщинъ, Магаммедъ совѣтуетъ не отдѣлять ихъ отъ дѣтей и братьевъ, и порицаетъ владѣльцевъ, которые насильственно дѣлаютъ ихъ орудіями своихъ страстей. Невольница, ставши матерью отъ своего владѣльца, не можетъ быть продана, и получаетъ по смерти его свободу, хотя-бы остались долги и душеприкащики послѣ умершаго. Слѣдственно, предполагали несправедливо, будто можетъ встрѣтиться случай, когда освобожденный сынъ продаетъ свою мать. Завоеванія Арабовъ долженствовали необходимо ввести больше строгости, ибо тутъ было смѣшеніе множества разнонародныхъ невольниковъ. Тогда владѣлецъ имѣлъ право на жизнь и смерть. Умерщвленіе невольника почиталось, предъ судомъ людей, смертію естественною. Не достовѣрно однакожъ, можно-ли невольницу принудить къ браку; свободно-ли дитя, рожденное отъ отца или матери свободныхъ; наконецъ мнѣніе утвердило, чтобы дитя слѣдовало жребію своей матери. Не смотря на сіи ограниченія, можетъ быть введенныя необходимостью, невольничество у Магаммеданъ совсѣмъ не имѣетъ того отвратительнаго характера, какимъ при столѣтія отличался торгъ Неграми. Кажется, что и у нихъ, такъ-же какъ въ Африкѣ, все зависѣло отъ вла-

Digitized by Google

дѣльцевъ; но при всемъ несовершенствѣ сего законодательства, тамъ не слыхать о возмущеніяхъ невольниковъ, столь часто встрѣчающихся въ Римской Исторіи.

Классическое мѣсто въ Куранѣ о правѣ наслѣдства, кажется, есть преобразованіе древней системы, по которой вообще допускались къ наслѣдству только способные владѣть оружіемъ. Сравнивая это мѣсто съ разными отдѣльными сочиненіями, можно заключить, что соединеніе кровное служило основаніемъ при раздѣлѣ наслѣдства послѣ умершаго. Изъ сего понятно, что, на юридическомъ языкѣ, жена, мать, сестра и бабка умершаго именуются *акда рііахъ*, ибо остатокъ человѣческаго чувства не вовсе исключалъ ихъ изъ наслѣдства, хотя это и противорѣчило основному правилу. Отселѣ произошло и то правило, что убійца, хотя-бы и невольный, непремѣнно лишается права наслѣдства. Другимъ препятствіемъ было рабство: причину того видѣли мы выше. Мугаммедъ прибавилъ къ сему различіе вѣрованія, признавая невѣрнаго — умершимъ гражданскою смертью; наблюдалось и то, чтобы Мусульманинъ въ подобномъ случаѣ также не былъ наслѣдникомъ. Дѣти мужескаго пола наслѣдовали равныя части, а дочери половину противъ нихъ; дитя побочное могъ быть наслѣдникомъ матери, но не отца. Мугаммедъ съ трудомъ заставилъ принять установленіе, что умирающій можетъ послѣднимъ завѣщаніемъ располагать только одною трешью своего имѣнія. Такая предосторожность была весьма важна, для

Digitized by Google

Арабовъ, которые никогда не знали разницы между имѣніемъ движимымъ и недвижимымъ; но понятія ихъ, весьма естественныя въ семъ случаѣ, когда вспомнимъ прежній образъ ихъ жизни, отвергаютъ мнѣніе, что *Государь почитался единымъ властителемъ имѣнія движимаго*. Мы не утверждаемъ, что такое ученіе не было распространяемо и приводимо въ исполненіе послѣ; но оно противорѣчитъ правиламъ Мугаммеда и его наслѣдниковъ. Извѣстно, что во времена позднѣйшія весьма часто завѣщавали имѣніе на благочестивые предметы; но, по словамъ *Гедаіи*, Божество не имѣетъ нужды ни въ чемъ, и потому право людей должно идти всегда впереди. Мугаммедъ вообще не благосклонно смотрѣлъ на духовныя и на завѣщанія, потому что они часто ввергали наслѣдниковъ въ нищету, и отъ того законодатели были принуждены постановить, что *завѣщанія были законны только относительно, ибо въ законѣ о томъ нѣтъ ничего опредѣленнаго*.

Бѣгство Мугаммеда въ Медину и многочисленные ученики, которыхъ умѣлъ онъ пріобрѣсти себѣ шамъ, привели къ войнѣ, весьма естественной по обычаямъ времени. Успѣхи и неудачи обратились къ выгодѣ мнимаго Пророка, и вскорѣ значительная часть Аравіи приняла его сторону. Въ тогдашнемъ положеніи своемъ, Мугаммедъ повелѣлъ никогда не послаблять непріятелю побѣжденному и не прекращать войны до утвержденія новаго вѣрованія. « Когда встрѣтите невѣрныхъ въ полѣ, « убейте многихъ изъ нихъ; остальныхъ закуйте

Digitized by Google

«въ желѣза, и выпустите послѣ; или пусть выку-«пятся. Это правило на все время войны.» Даже позволено убивать женщинъ при нападеніи ночью. Послѣ битвы Бедрской, Лжепророкъ почелъ необходимымъ дать примѣръ строгости, и велѣлъ умертвить плѣнныхъ *Корейшитъ*: этому примѣру слѣдовали и спутники его. Но впослѣдствіи, когда политика, болѣе хитрая, или можетъ быть собственный характеръ внушили ему, что такая строгость уклоняла его отъ цѣли, онъ остановилъ стремленіе своихъ соотечественниковъ и показалъ неудовольствіе къ кровавому мужеству Халеда. Лжепророкъ предоставилъ себѣ раздѣлъ добычи, которая, по собственнымъ словамъ его, принадлежала Богу, Пророку (мнимому) и его семейству, сиротамъ бѣднымъ и пилигримамъ, *ибо, иначе, одни богатые были-бы счастливы; примите-же изъ добычи то, что пророку угодно даровать вамъ.* Множество чертъ, пересказываемыхъ современниками, доказываютъ совершенное безкорыстіе Мугаммеда; но все прочее въ установленіи было несообразно съ обычаями, такъ-же какъ война, производившаяся во имя Божіе, и Лжепророкъ часто жалуется на отвращеніе своихъ сопутниковъ отъ священной войны. Одинъ Греческій писатель утверждалъ, что Мугаммедъ, при смерти своей, назначилъ четырехъ воителей для безпрерывной съ Христіанами войны; но о томъ не говоритъ ни одинъ туземный писатель; да и *мечъ мечей Божіихъ*, герой Муша не имѣлъ никакой надобности въ особенномъ посланіи. Онъ воздвигъ тотъ воинскій фанатизмъ, который ниспровергъ *Мозаиламу*, утомилъ, унич-

Digitized by Google

тожилъ мужество Персовъ битвою Кадезійскою, данною лѣтомъ, въ долинѣ Ирака, и рѣшенною послѣ трехдневной борьбы; наконецъ, имъ-же побѣждена, у береговъ Ермука, шакшика Грековъ, которой превосходство доказано походами Ираклія противъ Хозроя Парвиза. Сохранилось одно посланіе, гдѣ вмѣстѣ съ грубостью и необузданностью, естественными въ Арабѣ, сей фанатизмъ выраженъ шакъ хорошо, что мы почитаемъ долгомъ представить здѣсь упомянутое посланіе. «Во имя «Бога милосердаго и благаго. Посланіе Халеда, «сына Валидова, къ Рустему и Михрану, началь«никамъ Персіи. Миръ тому, кто слѣдуетъ пря«мымъ путемъ, по закону Ислама. Вѣдайте, что «мы призываемъ васъ къ религіи Ислама, и если «вы отказжетесь, и будете упорствовать, что «придите лично заплатить намъ поголовную дань: «не присылайте ея черезъ другихъ, ибо вы пре«зрительны. Если-же откажетесь заплатить пого«ловную дань, то вы раскаяшесь въ томъ, и бу«дете раззорены; ибо съ нами есть люди, кото«рые столько-же любятъ убивать и быть сами «убиты на дорогѣ Божіей, сколько народъ Персид«скій любитъ пить вино.» Разумѣется, что стремленіе къ побѣдѣ иногда выводило Арабовъ изъ границъ, назначенныхъ Законодателемъ; мы ни сколько не думаемъ оправдывать ихъ; однакожь, все еще это далеко отъ звѣрства Римлянъ, *которые объявляли войну даже непріятельскимъ животнымъ.* Къ сожалѣнію, надобно прибавить, что и Лѣтописи Франціи представляютъ примѣры подобнаго неистовства. Даже, когда прешелъ духъ завоева-

Digitized by Google

ній, сіи воинственныя привычки не уничтожились, ибо Мусульманинъ всегда находится, или по крайней мѣрѣ почитается въ военномъ состояніи. Іоаннъ Каменіатъ, свидѣтель осады и взятія Ѳессалоникъ Арабами (при Императорѣ Львѣ VI, въ 904 году), такъ описываетъ характеръ ихъ: « Составивъ планъ, они принимаются за исполненіе онаго, не почитая опасности ни во что, и только стараясь довершить предпріятіе. Даже обманувшись въ успѣхѣ, они любятъ показать, что дерзость ихъ уступила только невозможности. » Такъже изображаютъ ихъ Императоръ Константинъ Порфирородный и Кедринъ.

Обычай брать съ собою женъ на войну, существовавшій и въ древней Персіи, ограниченъ новымъ законодательствомъ, дозволяющимъ брать съ собой невольницъ. Ясное право предоставляло всю собственность побѣжденнаго въ распоряженіе побѣдителя; Мугаммедъ и воспользовался этимъ въ Хайбарѣ, гдѣ всѣ владѣльцы были перемѣнены; но обыкновенно довольствовались данью съ движимости и поголовнымъ сборомъ съ людей. Сей послѣдній былъ, нѣкоторымъ образомъ, наказаніемъ за упорство не перемѣнявшихъ вѣрованія. Приказывалось унижать приносителя, и даже схвашить его за горло, съ крикомъ: *Плати дань, Зимми!* Здѣсь видно, для чего Халедъ требовалъ, чтобы начальники Персидскіе явились къ нему лично.

Зимми, или подданный не правовѣрный, почти во всякомъ случаѣ былъ передъ судомъ равенъ въ правахъ съ Мусульманиномъ. Никогда не думалъ

Digitized by Google

Арабъ отнять у него законовъ его. Утверждено, что Зимми получили право жить по своимъ вѣрованіямъ, и Мусульманинъ отвѣтствуетъ за цѣнность распятія, которое онъ вздумалъ-бы истребить. Но внѣшнія унизительныя различія отдѣляли подданныхъ неправовѣрныхъ отъ ихъ властителей, и въ случаѣ смѣшенія брачнаго, дѣти становились Магаммеданами. Церкви и синагоги, уже существовавшія, находились подъ защитой законовъ; но поправка оныхъ или построеніе вновь, безъ предварительнаго позволенія; запрещались. Права иностранцевъ, живущихъ въ Мусульманскихъ странахъ, основываются на взаимности.

Магаммедъ не опредѣлилъ никакихъ правъ или преимуществъ для главы правовѣрныхъ, и Омаръ, «совершеннѣйшій изъ Мусульманъ,» дополнилъ сей недостатокъ такимъ образомъ, что даже противники его были принуждены предполагать тутъ лицемѣріе, не могши прямо напасть на его характеръ или систему, происшедшую изъ начала религіознаго, ибо никакому иному не покорился-бы Арабъ тѣхъ временъ.

Гедаіа (II, 248) слѣдующимъ образомъ представляетъ портретъ истиннаго Имама: «Въ немъ со-«единены всѣ качества, которыхъ требуютъ отъ «судіи: Исламизмъ, свобода, преднамѣренія здра-«выя и возрастъ зрѣлый; онъ единодушно изби-«рается Мусульманами; онъ стремится распро-«странять (мнимо) истинную религію и поддержи-«вать Мусульманъ, обезпечивая ихъ добро и лич-«ность; онъ беретъ десятину и подать сообразно

Digitized by Google

«закону; плашишъ изъ общественной казны долж-
«ное ученымъ; онъ справедливъ во всѣхъ сношеніяхъ
«своихъ съ правовѣрными. Съ начальникомъ, не имѣ-
«ющимъ сихъ качествъ, можно вести войну до
«шѣхъ поръ, покуда онъ перемѣнится или будетъ
«убишъ.» Послѣднее изъ сихъ мнѣній, кажется, высказано для того, чтобы представишь въ законномъ видѣ похишишельство Аббассидовъ, впрочемъ не уменьшившее ни сколько, шакъ-же какъ и потеря свѣтской власти, почтенія къ Халифу. Силицесъ, писавшій въ послѣдней половинѣ XI столѣтія, увѣряетъ, что передъ Халифомъ благоговѣли какъ передъ Богомъ. Замѣчаемъ, что, въ отношеніи свѣтскомъ, его не отличали въ первыя времена отъ прочихъ правовѣрныхъ; послѣ это долженствовало перемѣниться. Ганифа и Зифферъ еще полагали, что Государь самъ виновенъ, если заставитъ кого либо совершишь преступленіе; но сужденія позднѣйшія оправдывали его. Налоги, вначалѣ предназначенные для пособія женамъ правовѣрныхъ и семействамъ преслѣдуемыхъ, впослѣдствіи употреблялись на плашу войскамъ Султана и общественнымъ чиновникамъ.

Главный изъ сихъ послѣднихъ есшь Кади: его властшь неоспорима, если только онъ обладаетъ качествами, необходимыми для свидѣшеля, если онъ здоровъ, свободенъ, извѣстныхъ лѣтъ, Мусульманинъ, и никогда не былъ уличенъ въ клевешѣ. Разумѣется, что женщина шакже можетъ имѣшь всѣ сіи качества, и законъ допускаетъ ее занимашь мѣсшо Кадія; но она никогда не можетъ управляшь государствомъ. Послѣднее, кажется, основано на

Digitized by Google

словахъ, приписываемыхъ Мугаммеду, что *народъ, управляемый женщиною, не найдетъ искупленія.* Если дѣйствительно это его слова, то вѣроятно онъ имѣлъ въ виду Персію, которою тогда управляла *Пурандохта,* дочь Хозроя Парвиза, разодравшаго письмо, коимъ Лжепророкъ приглашалъ его къ Исламизму.

Допуская, что Муфти пріискиваетъ законъ, а Кади примѣняетъ оный, думали открыть слѣды раздѣленія властей: это были-бы Присяжные и Мирные Судьи нынѣшней Англіи. Но какъ сіи послѣдніе, во множествѣ случаевъ, имѣютъ власть произвольную, явно противорѣчащую праву быть судимымъ своимъ сословіемъ, такъ, и еще болѣе, Кади завѣдываетъ всѣми подробностями полиціи исправительной и управленія гражданскаго и уголовнаго. Въ Англіи, соперничество судебныхъ властей въ Графствѣ, и собранія Мирныхъ Судей въ опредѣленные сроки, для обревизованія, не допускаютъ произвольности, которую всегда можно предполагать, если власть соединена, безъ противудѣйствія, въ рукахъ одного человѣка. Въ Римѣ, у Преторовъ былъ Совѣтъ, который составляли они изъ своихъ знакомыхъ; такъ требуютъ и отъ Кадія, чтобы онъ собиралъ къ себѣ людей, посѣщавшихъ его прежде нежели онъ вступилъ въ должность. Его обязанность наказывать оскорбленія, сдѣланныя обществу, и смотрѣть за выгодами тѣхъ, кои самъ не можетъ сего дѣлать. Ему предписано: никогда не произносить приговора, если онъ голоденъ, чувствуетъ жажду или встревоженъ какою нибудь страстію. Такая предосторожность необходима,

Digitized by Google

когда сообразимъ обширность его произвольной власти. Напримѣръ, по закону, противъ отсутствующаго не имѣетъ силы никакое постановленіе, но если Кади думаетъ, по изъясненію Шафеи, что надобно исполнить оное, то онъ можетъ сдѣлать это; ибо *постановленіе имѣетъ силу въ такомъ дѣлѣ, гдѣ мнѣнія различны.* Законъ признаетъ три рода общественнаго содержанія: *пропитаніе*, въ нуждахъ, не терпящихъ отлагательства; *даяніе*, въ случаяхъ особенныхъ, и *плату*, годовую пенсію, различествующую смотря по сану и заслугѣ. Кади имѣетъ право на сію послѣднюю тогда только, когда онъ принялъ должность безъ всякихъ условій; «ибо тогда онъ требуетъ воздаянія за благочестивое дѣло, и еще болѣе, потому что исполненіе «судебныхъ дѣлъ есть самая высокая набожность.» Различныя мѣста въ *Мисхатѣ* и *Гедаіи* показываютъ, что ученые люди, истолкователи закона или Курана, не имѣли никакого права на жалованье; но позднѣйшими постановленіями утверждено, что они имѣютъ сіе право, ибо «явилось равнодушіе «къ религіи, и если воспрепятствовать народу «платить за религіозное ученіе, то его учители «подвергнулися-бы презрѣнію.» Кажется и въ отношеніи къ Кадіямъ случилось тоже, ибо хотя обычаи мѣстные и общіе оставались въ своей силѣ, но Кади всегда нашелъ-бы средство отклонить ихъ, или истолковать въ свою пользу, если-бы законъ, до нѣкоторой степени, не обезпечилъ его независимости жалованьемъ. Впрочемъ, этому слѣдовали не вездѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, въ отношеніи граждан-

Digitized by Google

скомъ или религіозномъ, можно найдши много несовершеннаго въ этой системѣ: ея шаткое основаніе напоминаетъ, что она возникла у народа мало образованнаго. Поправки и прибавленія, сдѣланныя въ ней Мугаммедомъ и первыми его наслѣдниками, отчасти были слѣдствіемъ крайней необходимости. Быстрое растяженіе государства заставило сосредоточить власть; простота общности предоставляла многое произволу судей. Однакожь, не льзя не сказать, что столь простые нравы требовали меньшей запутанности. — Развитіе умственныхъ способностей, которое видимъ во множествѣ религіозныхъ и философическихъ сектъ, доказываетъ, что если часть Литтературы Мусульманской не оригинальна, и составляетъ только прибавленіе къ Литтературѣ Греческой, то и здѣсь, такъ-же какъ въ Римѣ, слишкомъ быстрое введеніе сей послѣдней остановило развитіе, истинно народное. Не смотря на жестокія политическія столкновенія, шесть вѣковъ Халифатства были цвѣтущимъ временемъ для нѣкоторой части Азіи, которую утопили въ потокахъ крови Монголы. Ихъ воинская система, еще болѣе распространенная Тимуромъ и его наслѣдниками, составляетъ основаніе системы Оттомановъ. Хотя въ нее и перешла часть закона Арабскаго; хотя въ постановленіяхъ Сулеймана-Законодателя и видна тихость, но явно, что нравы и характеръ народа представили непреоборимыя препятствія для такого порядка дѣлъ, какой существовалъ при наслѣдникахъ Мугаммеда.

Digitized by Google

ВЫПИСКИ

ИЗЪ БУМАГЪ ЯКУТСКАГО АРХИВА, ОБЪ ОТКРЫТІИ И ЗАВОЕВАНІИ РУСКИМИ РѢКИ АМУРА (*).

Рѣка *Амуръ*, начинаясь въ предѣлахъ Нерчинскаго уѣзда судоходною рѣкою Ингодою, до самаго Восточнаго Океана представляетъ благонадежный путь соединенія странъ Сибирскихъ съ землями, омываемыми Тихимъ Моремъ. Рѣка сія нѣкогда принадлежала намъ; но Рускіе не могли тамъ удержашься, будучи шѣснимы Китайцами. Дѣло оставалось нерѣшеннымъ, до тракшаша, заключеннаго въ Нерчинскѣ (подшвержденнаго потомъ на Кяхтѣ).

(*) Одинъ почшенный любишель Ошечесшвенной Исшоріи, бывъ въ Якушскѣ, имѣлъ случай перебрашь и пересмошрѣшь весь шамошній архивъ. Занимаясь преимущесшвенно шѣмъ, что касаешся ошкрышія, покоренія и пошери Рускими рѣки Амура, онъ сосшавилъ о семъ предмешѣ полныя выписки, и досшавилъ ихъ намъ, для помѣщенія въ Телеграфѣ. Исполняя его желаніе, почишаемъ долгомъ благодарипь за сіи любопышные акшы. Мы слышали ошъ него, что Якушскій архивъ, нѣкогда пересмошрѣнный Миллеромъ, доведенъ непросшипельнымъ небреженіемъ до крайней

Digitized by Google

Китайскіе дипломаты, подкрѣпляемые 10,000-мъ корпусомъ войскъ, требовали не только *возвращенія Амура*, но даже уступки всѣхъ земель до Байкала. Амуръ былъ уступленъ, и граница смѣло проведена по Яблоновому хребту, идущему къ Охотскому морю, до предѣловъ Удьскихъ; здѣсь она оставлена неопредѣленною до будущаго времени; слѣдовательно

степени разрушенія и гибели: черезъ немного времени, если не предупредятъ сего, всѣ старыя бумаги тамошнія преобратятся въ гнилые лоскутки! Любопытно также, что Якутскій архивъ доказываетъ непостижимое трудолюбіе Миллера. По отмѣткамъ на бумагахъ видно, что рѣдкая укрылась отъ его вниманія, и почти всѣ имъ пересмотрѣны, въ большей или меньшей степени. Миллеръ спасъ отъ забвенія дѣла Русскихъ на рѣкѣ Амурѣ. Собранныя имъ свѣдѣнія были помѣщены въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ*, 1757 года; отсюда черпали всѣ, писавшіе потомъ о семъ предметѣ: Клапротъ, Сочинитель статьи: *О войнахъ Россіянъ съ Китайцами* (въ Русскомъ Инвалидѣ, 1830 года), В. Н. Берхъ (въ Сынѣ Отечества 1821 года), не прибавляя отъ себя ничего, а только измѣняя слова Миллера. — Извѣстія, нами представляемыя, могутъ назваться, напротивъ, дополненіями и поясненіями Миллерова повѣствованія, будучи самобытно и со вниманіемъ составлены изъ подлинныхъ бумагъ архива Якутскаго. Телеграфъ былъ уже украшенъ нѣкогда статьею почтеннаго Сочинителя, доставившаго намъ предлагаемую нынѣ статью: читатели помнятъ его *Письма съ береговъ Лены. Изд. Тел.*

Digitized by Google

но, и принадлежность Амура въ сихъ странахъ не была рѣшена, и по праву прежнихъ завоеваній онъ остается нашъ. Обитающіе въ сихъ мѣстахъ Гиляки до сихъ поръ никому дани не платятъ.

Яблоновый хребетъ, занимая важное пространство въ ширину, затрудняетъ нашихъ географовъ въ опредѣленіи граничной черты Россіи съ Китаемъ. На картѣ Азіятской Россіи, изданной отъ Военно-Топографическаго Депо въ 1825 году, рѣки Джея и Силимжа показаны во владѣніяхъ Китайскихъ, какъ и быть должно, согласно Нерчинскому трактату. Между тѣмъ, жители Удьскаго края считаютъ начало ихъ въ Россійскихъ предѣлахъ, и по рѣкамъ симъ производятъ свободно звѣриные промыслы. Большая рѣка Бурая, впадающая въ Амуръ (и не означенная на нашихъ картахъ), имѣетъ начало въ нашихъ-же владѣніяхъ. Граница въ Удьскомъ краю, можно сказать, двигается по произволенію Манжуйскихъ торгашей, которые переносятъ граничные знаки, смотря по тому, на которой рѣчкѣ ловится болѣе въ который годъ соболей. Ежели-бы населеніе Удьскаго края было значительнѣе нынѣшняго, то едва-ли устье Амура давно не сдѣлалось-бы нашимъ, вмѣстѣ съ Гиляками, готовыми вступить въ число нашихъ подданныхъ. Устроивъ портъ на устьѣ Амура, мы могли-бы просить у Китая только свободнаго плаванія по сей рѣкѣ, къ уступкѣ чего, кажется, можно ихъ склонить, судя по высокому мнѣнію, которое нынѣ Китайцы имѣютъ о Рускихъ послѣ Персидской войны, столь побѣдоносно совершенной въ

Digitized by Google

царствованіе Николая, и исполнившей трепетомъ народы Азіи. Тогда мы сблизились-бы съ Японіею, всею приморскою стороною Китая, Кореею, Индіею; наши сообщенія съ Камчаткою и Американскими нашими колоніями приняли-бы другое, выгоднѣйшее, какъ для Правительства, такъ и для частныхъ людей, направленіе. Выгоды, отъ пріобрѣтенія Амура произойдти могущія, занимали вниманіе нашего Правительства во времена Петра и Екатерины; но непреклонный Китай не допускалъ до своего слуха нашихъ убѣжденій, и Амуръ донынѣ безполезно течетъ по малолюдной Дауріи, снабжая только Сибирскія рѣки, въ него впадающія, огромными бѣлугами и мелкими раками (*).

Нѣкоторые думаютъ, что съ открытіемъ судоходства по Амуру, Якутскій край лишится знатныхъ выгодъ, какія жителями онаго получаются теперь отъ свозки тягостей въ Охотскъ. Правда, что каждый годъ Якуты получаютъ съ одной только казны около 200,000 рублей, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти каждый годъ они теряютъ отъ 5-ти до 6-ти тысячь лошадей, умирающихъ на пути, отъ Сибирской язвы. Якуты обойдутся и безъ денегъ за провозъ: соболи, лисицы, песцы, мамонтовая кость, моржовый зубъ и другія произведенія Якутской Области будутъ всегда привлекать туда купцовъ. Съ уничтоженіемъ-же Охотской дороги уменьшатся

(*) См. Записки о Сибири, Геденштрома и Сенатора Корнилова.

Digitized by Google

и сборы съ Якутовъ на земскія повинности. Но даже, если и допустишь предполагаемое оскудѣніе Якутскаго края, то неужели лучше оставишь безъ движенія цѣлую массу государственной торговли, для частныхъ выгодъ очень немногихъ людей, или изъ *недоказанныхъ* еще опасностей въ будущемъ, жертвовать вѣрною пользою всего Государства?

Изобразивъ легкимъ очеркомъ нынѣшнее положеніе рѣки Амура и отношенія тамошняго края, и намекнувъ о выгодахъ, коими Россія могла-бы воспользоваться, имѣя свободное судоходство по Амуру, приступимъ къ повѣствованію о происшествіяхъ, случившихся съ Русскими завоевателями на Амурѣ, до времени заключенія трактата о границахъ между обоими государствами. Всѣ извѣстія наши основываемъ мы на подлинныхъ, видѣнныхъ нами документахъ.

Путешествія Томскихъ Казаковъ, Перфильева и Бахтеярова.

Продолжатели Ермаковыхъ завоеваній, углубляясь въ Сибирь къ Востоку, достигли, около 1620 года, вершинъ рѣки Вилюя. Отъ тамошнихъ Тунгусовъ узнали они, что рѣка сія впадаетъ въ большую рѣку Лену (*), по которой обитаетъ народъ назы-

---

(*) Слово: *Лена*, Тунгузское; Якуты-же называютъ Лену *Урусъ*, что значитъ просто: *рѣка*, или *Табилахъ* (протока), или, изъ уваженія, *Эбе*, что значитъ: *Бабушка*.

Digitized by Google

ваемый *Еко* (*), занимающійся скотоводствомъ и звѣриными промыслами. Россіяне не замедлили воспользоваться этимъ извѣстіемъ. Они выплыли на рѣку Лену, и ознакомились съ Якутами. Спустя нѣсколько лѣтъ, по другой дорогѣ, а именно, рѣкою Илимомъ, волокомъ черезъ горы, потомъ рѣками Купою и Кутою, вышелъ на Лену, съ командою, Сотникъ Бекешовъ. Онъ проплылъ по всему протяженію сей рѣки, до того мѣста, гдѣ нынѣ Якутскъ, который онъ и заложилъ въ 1632 году. Извѣстіе о множествѣ соболей, здѣсь ловимыхъ, вскорѣ распространилось по всей Сибири. Толпы промышленниковъ (Вологжане и Устюжане), устремились на Лену: они были вмѣстѣ купцы и звѣроловы. Пристывая къ партіямъ Казаковъ, отправляемыхъ для завоеваній во всѣ стороны, большею частію вверхъ по теченію рѣкъ, они мѣняли шкани, бисеръ, желѣзныя и мѣдныя вещи, на соболей, лисицъ, горностаевъ и бѣлку. Въ наказахъ, даваемыхъ начальникамъ партій, предписывалось: распрашивать у покоренныхъ народовъ, о странахъ и народахъ, далѣе ихъ находящихся. Такимъ образомъ, партіи Русскія, подымаясь вверхъ по рѣкамъ Витиму, Олекмѣ и Алдану, узнали отъ тамошнихъ Тунгусовъ о существованіи рѣки *Амура* (Шилькара); узнали также, что рѣка сія впадаетъ въ *Ламу* (Восточный Океанъ), и что по ней

(*) Вотъ происхожденіе слова: *Екутъ*, а потомъ: *Якутъ*.

Digitized by Google

живутъ народы, занимающіеся земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Представляемъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ всѣ извѣстія, доходившія о рѣкѣ сей до Якутскихъ правителей (*).

Въ 1639 году, партія Томскихъ Казаковъ, подъ начальствомъ Ивана Москвитина, по рѣкамъ Алдану, Маѣ, Юдомѣ и Улье, достигла до Охотскаго моря. Тамошніе Тунгусы объявили въ распросахъ, что далѣе къ Югу впадаютъ въ море рѣки: *Удь*, *Тугуръ* и *Амуръ*; что Удьскіе Тунгусы сходятся съ народомъ, называемымъ: *Нятки*, и вымѣниваютъ у него на соболей хлѣбъ, серебро, котлы и кумачи, и что сами Няшки получаютъ вещи сіи отъ другихъ, конныхъ народовъ, обитающихъ въ верхнихъ странахъ рѣки Амура; что эти народы сѣютъ хлѣбъ, куряшъ вино, имѣютъ серебро, мѣдь и кумачи; водятъ куръ и свиней; шкутъ кросна, и развозятъ муку, въ стругахъ и на коняхъ, до самаго моря; что въ рѣку Амуръ впала рѣка Шилькаръ, въ сію-же рѣка Чи (Джея). Тунгусы сказывали еще, что съ рѣки Уди знаютъ они путь на Джею; но Казаки не могли воспользоваться ихъ показаніями, по случаю недостатка въ съѣстныхъ припасахъ.

(*) Рѣка Амуръ называется симъ именемъ только отъ Гиляковъ и Русскихъ; Тунгусы-же и Дауры называютъ ее: *Шилькарѣ*, или *Шилька*.

Digitized by Google

Хотя рѣка Лена обыскана уже была до самаго устья, но нѣкоторыя рѣки, въ нее впадающія, какъ-то напримѣръ: Вишимъ, оставались еще не осмотрѣнными. Между тѣмъ, слухи о Тунгусахъ, тамъ обитающихъ, доходили отъ промышленниковъ до Енисейскихъ Правителей. Посему, въ 1638 году, посланъ былъ отъ нихъ на рѣку Вишимъ, Казачій Атаманъ, Максимъ Перфильевъ. Онъ доходилъ до устья рѣки Цыпы, по которой, поднявшись вверхъ нѣсколько десятковъ верстъ, принужденъ былъ возвратиться въ 1640 году. Перфильевъ узналъ отъ Вишимскихъ Тунгусовъ, что рѣка Вишимъ въ вершинѣ принимаетъ въ себя рѣку Каргу, на которой живетъ Даурскій Князецъ Батога, а за нимъ, на рѣкѣ Шилькарѣ, Князецъ Лавкай; что подданные сего послѣдняго занимаются земледѣліемъ, и торгуютъ съ Китайцами; что во владѣніяхъ сего Князя, на устьѣ Уры рѣки, въ двухъ мѣстахъ, есть серебряная руда, въ горѣ и въ водѣ, а на Шилькарѣ находятъ мѣдную и свинцовую руду; что въ пяти или шести дняхъ водянаго пути, рѣка Шилькаръ впала въ другую большую рѣку, а сія уже въ великое море, называемое: *Ламъ*, и что по обѣимъ рѣкамъ обитаютъ многіе народы, занимающіеся земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Въ сіе время, городъ Якутскъ получилъ уже собственное управленіе. Пріѣхавшіе туда, въ 1640 году, изъ Москвы, Стольники и Воеводы: Петръ Петровичъ Головинъ и Матвѣй Ивановичъ Глѣбовъ, уполномочены были Царскою властію распространять Россійскія владѣнія, покорять новые неиз-

Digitized by Google

вѣстные народы, налагать на нихъ дань, и строить въ земляхъ ихъ острожки. Извѣстія, Перфильевымъ доставленныя, показались имъ заслуживающими уваженіе. Посему, въ 1641 году, отправили они противъ Князей Башоги и Лавкая, Письменнаго Голову, Еналея Бахтіарова, съ 70-ю человѣкъ Казаковъ и промышленныхъ.

Сія экспедиція не достигла своей цѣли. Хотя Бахтіаровъ подымался по Витиму и дальше Перфильева, но, къ несчастію, не сыскалъ ни одного Тунгуса, который-бы показалъ ему дорогу къ Лавкаю, или Башогѣ. Онъ воротился назадъ ни съ чѣмъ; даже не удалось ему собрать ясаку; нѣсколько соболей, убитыхъ дорогою Казаками и промышленными, составляли все пріобрѣтеніе столь трудной экспедиціи. Бахтіаровъ изобразилъ на бумагѣ пространство Витима, имъ пройденное: тщательно означены были имъ шаверы, мѣли и пороги, а равно и рѣчки, съ обѣихъ сторонъ въ Витимъ впадающія (*).

(Будетъ продолженіе).

(*) Сей чертежъ рѣки Витима рисованъ чернилами, или муміею. Рѣка изображена излучистою полосою, въ полдюйма ширины. Разстояніе между впадающими въ Витимъ рѣчками измѣрено днями пути.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Изъясненіе картинки. При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ очеркъ каршины Англійскаго живописца Бурнеша: *Игра въ шашки* (Draught players). Ее можно предсшавишь въ образецъ Англійской Юмористической школы Живописи, ибо она показываетъ разницу Гогартовской, каррикашурной, и Фламандской, Теньеровской Живописи, ошъ Англійской Юмористической, въ которой Вилкіе и Бурнешъ образцы превосходные. Бурнешъ шакъ хорошо схвашилъ природу въ своихъ шашечныхъ игрокахъ, что эшо живая сцена Англійской, простонародной Живописи и веселосши. Хохошъ выигравшаго игру, какого-шо добряка-ремесленника; смѣхъ, смѣшанный съ досадою, побѣжденнаго, который смошришъ на запершую свою шашку; добрая жена побѣдишеля; здоровый ребенокъ на рукахъ ея; всѣ принадлежносши, даже собака, дремлющая подлѣ хозяина — какъ все эшо есшесшвенно и просшо! — Бурнешъ самъ превосходно выгравировалъ эсшампъ съ своей каршины. Этошъ эсшампъ довольно извѣсшенъ знашокамъ, и былъ много разъ скопированъ.

Digitized by Google

— *Некрологія Гегеля.* Въ концѣ прошедшаго года скончался знаменитый Профессоръ Философіи въ Берлинскомъ Университетѣ, Гегель (Георгъ Вильгельмъ Фридрихъ). Представляемъ читателямъ нашимъ нѣсколько чертъ изъ жизни сего глубокаго мыслителя.

Гегель родился въ Штутгартѣ, 27 Августа (н. ст.) 1770 года. Онъ былъ сынъ Секретаря бывшей Герцогской Камеры; бралъ уроки у приватныхъ учителей, и вмѣстѣ съ симъ посѣщалъ Гимназію. На 18-мъ году отправился онъ въ Тибингенскій Университетъ; тамъ особенно занимала его Философія. Лекціи Профессоровъ не удовлетворили юнаго Гегеля: онъ посвятилъ себя изученію Кантовой Философіи, не оставляя впрочемъ и любимаго имъ Платона. Это изученіе измѣнило многія ѳеологическія идеи Гегеля и привлекло его къ Естествознанію. Онъ много занимался Математикою и Физикой, освѣщая притомъ свой путь Философіею. Вскорѣ, опредѣлившись частнымъ учителемъ въ одно семейство, онъ переѣхалъ въ Швейцарію, а оттуда во Франкфуртъ на Майнѣ. Послѣ смерти отца сдѣлавшись наслѣдникомъ маленькаго имѣнія, Гегель поѣхалъ въ Іену, надѣясь тамъ дополнить и пояснить свои понятія о Философіи, принявшія новое направленіе отъ Фихтева *Наукоученія*, которымъ занимался онъ въ послѣднее время. Въ Іенѣ преподавалъ Философію другъ его и университетскій товарищъ—Шеллингъ. Здѣсь-то (въ 1801 году) написалъ онъ: *О различіи Философіи Фихте и Шеллинга*, и вмѣстѣ съ Шеллингомъ издавалъ *Критическій Журналъ Философіи.* Въ 1806 году онъ былъ Экстраординарнымъ Профессоромъ Философіи, и

Digitized by Google

во многомъ уже отдалился отъ Шеллингова ученія; въ 1807 году началъ издавать свою *Систему Науки*. Замѣчательно, что послѣдній листъ этого сочиненія написалъ онъ въ ночь передъ Іенскою битвою. Наполеоновы громы заставили его удалишься въ Бамбергъ. Осенью 1808 года, онъ былъ назначенъ Ректоромъ Гимназіи въ Нюренбергѣ и Профессоромъ Философическихъ приготовительныхъ наукъ. Занимая сіи должности, онъ совершенно окончилъ свою *Науку Логики*, которая составляла первую часть и основанія его Философической системы. Первая часть сего сочиненія явилась въ 1812 году; третья и послѣдняя въ 1816. Осенью 1816 года онъ занялъ каѳедру Философіи въ Гейдельбергскомъ Университетѣ. Тамъ написалъ онъ: *Энциклопедію Философическихъ наукъ* (второе изд. 1827), желая ознакомишь публику и преимущественно своихъ слушателей съ путемъ и методою, коимъ слѣдовалъ онъ въ Философіи. Въ 1818 году былъ онъ призванъ въ Берлинъ, на мѣсто Фихте, и занималъ каѳедру его до самой смерши своей, пользуясь во все время не только вниманіемъ многочисленныхъ слушателей, между коими бывали многіе Государственные люди, но и высокимъ покровительствомъ просвѣщенной Фамиліи Е. В. Короля Прусскаго.—Въ 1821 году, въ Берлинѣ, онъ издалъ еще: *Основанія Права, или Начертаніе Естественнаго Права и Государствовѣдѣнія*.

Странно было-бы, при семъ легкомъ очеркѣ жизни Гегеля, говорить о Философіи его. Предметъ сей, требующій подробнаго развитія, слишкомъ важенъ и огроменъ для статьи Журнальной. Гегель возсталъ противъ Шеллинга, и въ нѣкоторомъ отно-

Digitized by Google

шенія поясниль или опровергъ многія положенія сего знаменитаго мыслителя. Правда, что Гегель имѣлъ и имѣетъ противниковъ; нѣтъ сомнѣнія, что и онъ, какъ человѣкъ, во многомъ заблуждался и часто говорилъ невразумительно (за что особенно укоряли его многіе); но съ тѣмъ вмѣстѣ сила ума его столь велика, и услуги, оказанныя имъ Наукѣ, столь важны, что имя Гегеля становится непосредственно послѣ имени Шеллинга, и навсегда останется однимъ изъ блистательнѣйшихъ въ Исторіи Философіи.

—*Руководство къ Рисованію, изданное Г. Гиппіусомъ.*—Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, издано превосходное пособіе для учащихся Рисованію, и мы до сей поры еще не упоминали объ оном. Просимъ въ томъ извиненія у почтеннаго Издателя и у публики, и спѣшимъ познакомить любителей Рисованія съ симъ пріятнымъ явленіемъ. Le jeune dessinateur. Cours d'études progressives, à l'usage des écoles. Par Gustave Hippius. 1 Série, en 4 cahiers. Т: е: *Юный рисовальщикъ. Курсъ постепеннаго изученія, для употребленія въ училищахъ. Изданный Густавомъ Гиппіусомъ.* 4 тетради, составляющія первое отдѣленіе. — Можно сказать, что у насъ еще не было руководства къ Рисованію, составленнаго столь искусно и обдуманно, какъ изданное подъ симъ заглавіемъ. Каждая тетрадь онаго заключаетъ въ себѣ по 8-ми рисунковъ (на большихъ полулистахъ), искусно литографированныхъ. Въ 1-й тетради, отъ первоначальной, прямой линіи, учащійся восходитъ

Digitized by Google

до полнаго очерка головы. Далѣе, постепенно переходишь онъ къ подробнѣйшей шушовкѣ. Для сего, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, Г. Гиппіусъ избралъ превосходные образцы, съ каршинъ великихъ художниковъ. Изъ числа тридцати двухъ рисунковъ, девять взяты съ каршинъ Рафаэля. Извѣстно, что сей единственный художникъ-поэтъ считается превосходнѣйшимъ образцомъ правильной рисовки. И притомъ, какая выразительность, сила, жизнь въ головахъ его! Остальные примѣры, съ каршинъ Микель-Анджело, Перуджино, Тиціана, Ботичелли, Мазаччіо, Синьорелли, Гадди, Гирландаіо, и другихъ, большею частію съ оригиналовъ сняты самимъ Г-мъ Гиппіусомъ, во время путешествія его по Италіи. Кажется, что все это достаточно показываетъ достоинство труда почтеннаго художника. Въ заключеніе прибавимъ, что въ Петербургѣ Руководство сіе принято во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, и что Государыня Императрица благоволила удостоить Г-на Гиппіуса самой лестной награды, приказавъ взять по нѣсколькуэкземпляровъ Руководства его для воспитательныхъ заведеній, состоящихъ подъ Высочайшимъ Ея покровительствомъ. Желательно было-бы, чтобъ и во внутренности Имперіи, новое Руководство сіе замѣнило старыя, большею частію недостаточныя, дурно изданныя, и, что всего хуже, безсистемныя. Эта замѣна была-бы важнымъ дѣломъ на пути къ усовершенствованію въ Рисованіи, ибо, кажется, что преимущество хорошихъ учебныхъ пособій неоспоримо.

Г. Гиппіусъ особенно имѣлъ въ виду Учителей Рисованія, нуждающихся у насъ въ учебныхъ по-

Digitized by Google

собіяхъ, и потому не приложилъ никакихъ объясненій къ своему Руководству. Онъ, разумѣется, зналъ, что краткія и по необходимости сухія объясненія, въ живомъ дѣлѣ Искуства, бываютъ почти всегда безполезны, а не рѣдко и смѣшны.

Le jeune dessinateur продается въ Москвѣ у Гг. Гошье и Беккерса, на Кузнецкомъ мосту. Цѣна экземпляру 25 р. ассигн.

— *Концертъ Гг. К. Ромберга и Давида.*—Въ нынѣшнемъ году, Московскіе любители Музыки ожидаютъ для себя многихъ пріятныхъ впечатлѣній. Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ артистовъ, въ соединеніи съ живущими постоянно въ нашей столицѣ, даютъ сіи надежды. На сей разъ, обратимъ вниманіе нашихъ читателей на Гг. Кипріана Ромберга, віолончелиста, и Давида, перваго скрыпача Королевскаго оркестра въ Берлинѣ. Самая лестная извѣстность предшествовала знакомству нашему съ сими виртуозами. Въ Петербургѣ они единогласно признаны превосходными исполнителями музыки, и удостоены величайшихъ похвалъ отъ первоклассныхъ артистовъ и любителей. Концертъ ихъ назначенъ 10-го Марта. Въ немъ Гг. Ромбергъ и Давидъ будутъ играть концерты и другія пьесы своего сочиненія. Въ семъ-же концертѣ участвуетъ извѣстный нашей публикѣ пѣвецъ Г. Този, и первая пѣвица здѣшняго Нѣмецкаго Театра, Г-жа Столь.

— *Замѣчаніе о холерѣ.* Кажется, долго еще будетъ занимать умы всѣхъ страшная кара, ниспосланная Провидѣніемъ въ наше время: говоримъ о

Digitized by Google

холерѣ, прошедшей отъ границъ Китая до Африканскихъ песчаныхъ степей, и недавно появившейся въ Великобританіи. Изъ Французскихъ газетъ видимъ, что и въ просвѣщенной Франціи приходятъ въ недоумѣніе самые ученые, просвѣщенные врачи, видя приближающуюся грозу. И тамъ не убѣждаются тяжкимъ опытомъ двухъ величайшихъ въ мірѣ Государствъ, не вѣрятъ или не хотятъ вѣрить, что холера болѣзнь не заразительная. Мнѣніе, утвердившееся при вторженіи сей болѣзни въ Европу, все еще находитъ поборниковъ. Такъ и послѣднія распоряженія Правительства Французскаго показываютъ, что холеру считаютъ тамъ прилипчивою болѣзнію, почти наряду съ оспою, чумою, и подобными болѣзнями. Удивительно однакожъ, что вообще не обращаютъ большаго вниманія на предметъ весьма достопримѣчательный. Почти съ самаго приближенія холеры къ нашимъ границамъ, атмосфера безпрерывно представляла самыя удивительныя явленія: неправильность указаній барометрическихъ, необыкновенные жары, или холода въ лѣтнее время, воздухъ, наполненный какою-то особенною мглою, при которой солнце казалось краснаго цвѣта, отсутствіе грозъ и даже грома, освѣжающихъ воздухъ, наконецъ прошлогоднее сѣверное сіяніе, продолжавшееся двое сутокъ и замѣченное почти во всѣхъ краяхъ Россіи, а также множество другихъ, подобныхъ явленій, не показываютъ-ли, что въ послѣдніе два года атмосфера находилась въ состояніи необыкновенномъ, непремѣнно долженствовавшемъ имѣть вліяніе на организмъ человѣческій? Жаль, что всѣ упомяну-

Digitized by Google

шыя явленія не описаны, не сближены и не изслѣдованы ученымъ образомъ. Не льзя-ли еще и теперь сдѣлать сего, то есть описать надлежащимъ образомъ атмосферическія явленія двухъ послѣднихъ годовъ? Пособій можетъ открыться много. Но послѣ такого описанія и изслѣдованія, вѣроятно перестали-бы приписывать холеру причинамъ небывалымъ, и тѣмъ во многомъ облегчили-бы человѣчество. *(Сообщено)*

Людовикъ XI, К. Делавиня, и Тереза, А. Дюмаса. — Публику Парижскую привлекаютъ теперь: *Людовикъ XI*, трагедія въ 5 актахъ, въ стихахъ, сочиненіе Казимира Делавиня, и *Тереза*, лирическая драма въ 5 актахъ, сочиненіе Александра Дюмаса. *Людовика XI* хвалятъ, но безъ энтузіазма; особенно не довольны 4-мъ актомъ. Замѣчательно, что Король Людовикъ XI-й, этотъ Іоаннъ Грозный Французовъ, сдѣлался предметомъ вдохновенія многихъ дарованій нашего времени. В. Скоттъ, В. Гюго и наконецъ К. Делавинь, избрали его дѣйствующимъ лицомъ въ своихъ твореніяхъ, которыя могутъ послужить самымъ лучшимъ комментаріемъ на жизнь Историческаго Людовика XI-го. Поэтъ, углубляющійся въ разсмотрѣніе какого либо характера, конечно провидитъ многое, что ускользаетъ отъ взора самаго глубокомысленнаго Историка.— О драмѣ Дюмаса можно догадываться, зная прежнія его творенія *(Смерть Генриха III-го — Стокгольмъ, Фонтенбло и Римъ)*: это, вѣроятно, блестящая пустошка.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les turbans en étoffes d'or et d'argent forment toujours un assez grand nombre des coiffures de bal. Une dame avait dernièrement une robe en gaze cerise à dessins courans, en application d'or très-légère, représentant des feuilles de vigne. Les manches courtes et à côtes très prononcées, étaient ornées de nœuds de page : un turban en tissu et franges en or complétait cette élégante toilette.

Des robes en velours plain, en cachemire, en satin, en gros-de-Naples fond uni ou semé de bouquets brodés en soie ou en gros-de-Naples moiré, telles enfin que les portent les femmes qui ne dansent pas, et des robes de bal, c'est à-dire, en crêpe, en gaze Dona Maria, en tulle ou autres tissus légers, pour les jeunes femmes et les demoiselles, voilà ce qui jouit, en ce moment, des faveurs de la mode.

Les robes de velours sont presque toutes ornées d'une riche mantille et de manches longues en blonde. Celles en étoffes de soie ont aussi, pour la plupart, la mantille de blonde; mais leurs manches se font parfois en étoffe pareille, quand cette étoffe est unie.

Le blanc, pour robes, est toujours ce qui domine le plus dans les bals. Les robes de crêpe blanc à broderies en or, en soie et or, formant assez souvent la colonne sur chaque lé, sont très-élégantes; leur prix seul empêche, qu'elles soient nombreuses. On en voit aussi en crêpe rose, bleu-pâle ou cerise d'un ton léger, qui sont brodées en soie blanche, et dont le dessin représente une branche

(*) Въ Парижѣ, до 25 Февраля (Н. ст.)

Digitized by Google

courante ; elles sont également bien portées. Nous citerons encore les robes de gaze enrichie d'applications en or, non moins dignes d'être comptées au nombre des plus jolies toilettes qui ont paru dans les bals de cette année.

Les robes à pélerine de cet automne, en gros de Naples noir et de nuances foncées, en tissu de Pondichery, feuille d'Acanthe, aventurine, ont reparu pendant les jours où la température s'était radoucie, et avec elles, toujours les *bibis* ou chapeaux à petites passes, dont ceux en moiré étaient de couleurs claires, telles que rose et bleu ciel, et le plus grand nombre de couleur gris-de-lin ou lapis.

Les *galères*, flacons d'écaille incrustée en or, tenant par une chaine que l'on porte au doigt, sont le complément d'une toilette de soirée, et surtout de spectacle.

Тюрбаны изъ золотыхъ и серебряныхъ матерій все еще составляютъ модный головной уборъ для баловъ. Недавно, одна дама была въ платьѣ изъ вишневаго газа, съ узорами волнообразными, изъ накладнаго золота, самаго тонкаго, въ видѣ листьевъ виноградныхъ. Рукава платья, короткіе и очень возвышенные, были украшены бантами. Тюрбанъ, изъ золотой шкани и съ золотою бахрамою, дополнялъ этотъ прелестный нарядъ.

Платья изъ гладкаго бархата, кашемира, атласа, гроденапля одноцвѣтнаго или съ букетцами, вышитыми шелкомъ, или изъ гроденапля волнистаго, словомъ, платья, какія носятъ не танцующія дамы, и платья бальныя, то есть креповыя, изъ газа Донны Маріи,

Digitized by Google

тюля, и другихъ легкихъ тканей, для молодыхъ женщинъ и дѣвицъ: все это теперь въ модѣ.

Почти всѣ бархатныя платья украшаются нынѣ богатою мантильею и длинными рукавами изъ блондъ. Платья изъ шелковыхъ матерій дѣлаются также, по большей части, съ блондовою мантильею; но иногда у нихъ рукава бываютъ и изъ одной съ платьемъ ткани, если она сплошная.

Бѣлый цвѣтъ все еще самый модный для бальныхъ платьевъ. Бѣлыя креповыя платья, съ шитьемъ изъ золота, или изъ золота и шелку, нерѣдко образующимъ колонну на каждомъ полотнищѣ — прелестны, но дороги, и только потому не входятъ въ большее употребленіе. Платья изъ крепа розоваго, блѣдно-голубаго, или легко-вишневаго, вышитыя бѣлымъ шелкомъ, съ узорами длинныхъ вѣтвей, также въ употребленіи. Упомянемъ еще о платьяхъ газовыхъ, съ золотою накладкою: они достойны быть въ числѣ самыхъ прелестныхъ нарядовъ нынѣшняго года.

Платья, съ пелеринами, приличными времени года, изъ гроденапля чернаго и темныхъ оттѣнковъ, изъ ткани Пондишери, цвѣта листьевъ аканты (медвѣжьей лапы) и аванturиноваго—опять явились, когда погода стала проясниваться. Съ ними появились также *бибн*, или шляпки съ узкими полями; если онѣ изъ волнистыхъ матерій, то цвѣтовъ свѣтлыхъ, какъ то розоваго и лазурнаго; но большая часть ихъ цвѣта гри-де-ленъ, или лаписоваго

Галеры, флакончики изъ черепахи, въ золотѣ, прикрѣпленные цѣпочкою къ пальцу, служатъ роскошью вечерняго наряда, особенно въ театрѣ.

Digitized by Google

На приложенной картинкѣ:

Дама. Уборка волосовъ съ бусами, или съ жемчугомъ, изобрѣтеніе Г-на Жуэнь. Тюника изъ крепа, убранная бусами.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Марта 10 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

Въ типографіи Августа Семена.

№ 3. Февраль.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

В. Гершеля о Звукѣ.

Джонъ Вилльямъ Гершель издалъ уже много любопытныхъ изслѣдованій о разныхъ отрасляхъ Физики. Достойный наслѣдникъ имени своего знаменитаго отца, незабвеннаго въ лѣтописяхъ Астрономіи, онъ способствовалъ распространенію предѣловъ сей Науки, не ограничивающейся нынѣ одною солнечною системою, какъ-то было во времена Ньютона. Молодой Гершель находится также, между прочимъ, въ числѣ сотрудниковъ издаваемой Ларднеромъ Cabinet Cyclopedia, для которой В. Скоттъ написалъ *Исторію Шотландіи*, Роское *Жизнеописанія Англійскихъ законовѣдцевъ*, Брюстеръ *Оптику*, Сауши *Исторію Мавровъ*, Мекинтошъ *Исторію Англіи*, Сисмонди *Исторію Италіянскихъ Республикъ*, Біо *Трактатъ объ электричествѣ и магнетизмѣ*, Т. Муръ *Исторію Ирландіи*, и проч. Гершель написалъ для Cabinet Cyclopedia

Digitized by Google

превосходныя сочиненія: A Preliminary Discourse on the Objects, Advantages and Pleasures of the Study of Natural Philosophy, и A Treatise on Astronomy. Сочиненіе *О Звукѣ* есть новое доказательство его оригинальнаго и могущественнаго ума. Извлеченіе изъ сего сочиненія будетъ, конечно, любопытно для всѣхъ читателей нашихъ.

Изъяснить свойство и происхожденіе звука; законы, вслѣдствіе коихъ онъ распространяется черезъ разныя посредства до нашего уха, напримѣръ чрезъ воду, воздухъ, пвердыя тѣла; дѣйствія его на органъ слуха; измѣненія, къ коимъ онъ способенъ въ словѣ, музыкѣ, шумѣ и стукѣ, и естественныя или искуственныя средства производить его, измѣрять, и управлять имъ — таковъ предметъ сочиненія Гершелева.

Во времена самой отдаленной древности знали уже, что звукъ доходитъ до органа слуха черезъ воздухъ. Но сей любопытный предметъ мало обращалъ на себя вниманія, и не прежде какъ въ началѣ XVIII-го столѣтія было доказано опытами, что звукъ можетъ распространяться только въ воздухѣ, и что безъ сего послѣдняго, во вселенной была-бы совершенная тишина. Сія истина впервые была доказана Англичаниномъ Гауксби, который повѣсилъ коло-

Digitized by Google

кольчикъ подъ стекляннымъ колоколомъ (*). По мѣрѣ того, какъ изъ-подъ колокола вытягивали воздухъ, звукъ колокольчика постепенно ослабѣвалъ, и когда весь воздухъ былъ вытянутъ, колокольчикъ не производилъ ни малѣйшаго звука. Но какъ скоро подъ колоколъ снова впускали воздухъ, колокольчикъ опять начиналъ производить звукъ, который постепенно усиливался и приходилъ въ первобытную свою силу, когда колоколъ наполнялся атмосферическимъ воздухомъ. Когда воздухъ подъ колоколомъ былъ густѣе атмосфернческаго, звукъ усиливался вмѣстѣ съ плотностію или густотою онаго.

Въ этомъ заключается причина глубокаго безмолвія возвышенныхъ областей земнаго шара, безмолвія, которое, вмѣстѣ съ обыкновенною пустынностью сихъ областей, заставляетъ человѣка испытывать какой-то священный страхъ. Возвышаясь надъ всегдашнимъ поприщемъ своихъ дѣйствій, мы чувствуемъ, какъ постепенно утихаютъ звуки голоса и шорохъ шаговъ нашихъ.

(*) Гауксби былъ физикъ великій. Онъ особенно занимался электричествомъ; и только одинъ онъ сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи по сей части Физики, во весь періодъ времени между Отто Герике и Греемъ. Въ 1709 издалъ онъ слѣдствія своихъ открытій, подъ заглавіемъ: *Опыты Физико-механическіе.*

Digitized by Google

Завыванія и ропотъ Океана, стонъ и плескъ водопадовъ умираютъ на близкомъ разстояніи; даже громъ небесный теряетъ нѣсколько своей страшной звучности. Всѣ звуки природы, слышимые столь ясно подъ чистымъ и отзывистымъ небомъ тропиковъ, исчезаютъ безсильны въ воздухѣ разрѣженномъ. Въ высотѣ, надъ жизнью и движеніемъ, путешественникъ испытываетъ и другія ощущенія. Тамъ не только звукъ голоса ослабѣваетъ и слышится лишь въ самомъ близкомъ разстояніи, но и сила мускуловъ уменьшается значительно. Чувствуя это ослабленіе голоса и шѣла, человѣкъ почти готовъ вѣрить, что онъ уже близокъ къ вѣчнымъ, обѣщаннымъ ему жилищамъ, и что стихіи уже становятся для него болѣе эѳирны, что душа его постепенно оставляетъ свою земную оболочку.

Обыкновенные звуки чрезвычайно ослабѣваютъ на большомъ возвышеніи отъ поверхности моря, и Соссюръ доказалъ опытомъ, что на вершинѣ Монблана, пистолетный выстрѣлъ производитъ едва такой-же звукъ, какъ выстрѣлъ изъ маленькихъ мѣдныхъ пушечекъ, которыми играютъ дѣти; однакожь и на возвышеніи, коего не достигаютъ высочайшія горы земнаго шара, воздухъ еще способенъ передавать областямъ низшимъ сильные звуки. Такъ метеоръ 1714 года, проходившій надъ поверхностью

Digitized by Google

Италіи въ тридцати шести Англійск. миляхъ, наполнялъ воздухъ шипѣніемъ, похожимъ на шипѣніе взлетающей ракеты. Въ Ливорно онъ гремѣлъ, подобно осадной пушкѣ, и раскаты его подобились, какъ говорятъ Монтанари, грохоту колесницы, наполненной каменьями: этотъ грохотъ продолжался нѣсколько минутъ. Метеоръ 1719 года производилъ звукъ, еще болѣе ужасный: въ Девонширѣ и Корнваллѣ онъ гремѣлъ какъ выстрѣлъ пушки, за коимъ слѣдуютъ раскаты огня ружейнаго. Вся атмосфера страшно колебалась; окна, двери и даже домы дрожали; въ Тивертонѣ зеркало выпало изъ рамъ и разбилось о паркетъ. И все это было слѣдствіемъ взрыва, происшедшаго болѣе чѣмъ въ шестидесяти шести миляхъ надъ поверхностью моря.

Переходъ звука въ атмосферѣ совершается не вдругъ. Кому не случалось замѣтить, что при выстрѣлѣ изъ пушки, прежде бываетъ виденъ огонь, а потомъ слышится звукъ, и что чѣмъ далѣе пушка, тѣмъ медленнѣе доходитъ до насъ ея звукъ. Точно такъ-же сначала сверкаетъ молнія, а потомъ слышенъ громъ, и между ими промежутокъ часто бываетъ довольно продолжителенъ. Звукъ отъ большаго метеора 1783 года, послышался черезъ десять минутъ послѣ того какъ самый метеоръ исчезъ.

Digitized by Google

Хотя быстрота свѣта несравненно сильнѣе быстроты звука, однакожъ первая была измѣрена гораздо прежде второй. Это произошло всего болѣе отъ того, что не было удобнаго средства для измѣренія дробныхъ частицъ времени: нынѣшніе Физики обладаютъ симъ средствомъ. При помощи хронометра, нынѣ измѣряютъ съ такою точностью промежутокъ времени между огнемъ и звукомъ пушки, что означить быстроту звука очень легко. Опытами дознано, что въ сухое время и при точкѣ замерзанія, звукъ пробѣгаетъ 1090 Англійскихъ футовъ въ секунду, и 765 миль въ часъ.

Состояніе атмосферы, и мѣстоположеніе, черезъ которое проходитъ звукъ, часто затрудняютъ оный, и весьма много. Туманы и дождь производятъ замѣчательное дѣйствіе, поражающее самаго невнимательнаго наблюдателя; но слой снѣгу, только что выпавшаго, бываетъ причиной слѣдствія еще болѣе необыкновеннаго. Одинъ офицеръ, служившій въ Американскую войну, разсказывалъ довольно странный случай. Небольшая рѣка раздѣляла линіи Англійскія и Американскія; аванпосты были такъ сближены, что съ одного берега можно было разсматривать людей на другомъ берегу. Вниманіе офицера привлекъ на себя одинъ барабанщикъ, который началъ бить въ барабанъ.

Digitized by Google

Ясно видно было безпрерывное движеніе его рукъ, но не было слышно никакого звука: ибо слой свѣжаго снѣгу уничтожалъ звукъ, подобно сукну, которымъ покрываютъ барабанъ. Совершенно иное дѣйствіе производитъ снѣгъ улежавшійся, или поверхность обледенѣлая. Лейтенантъ Фостеръ могъ разговаривать съ другимъ человѣкомъ, надъ льдами гавани Бауеннъ (Bowen), въ разстояніи мили съ четвертью; а Докторъ Юнгъ сказываетъ, и Денгамъ подтверждаетъ его слова, что въ Гибралтарѣ голосъ человѣческій былъ слышенъ въ разстояніи десяти миль (*). На почвѣ сухой и твердой, когда основаніемъ ея служитъ скала, звукъ распространяется гораздо далѣе. Такъ въ военныхъ дѣйствіяхъ прикладываютъ ухо къ землѣ, чтобы разслушать топотъ конницы. Выстрѣлъ пушечный часто бываетъ слышимъ на разстояніи чрезвычайно большомъ. Въ Даніи явственно различали выстрѣлы изъ пушекъ въ Карлскронѣ: а это значитъ 120 миль. Переплывая черезъ море изъ Малой Азіи въ Египетъ, Докторъ

(*) Капитанъ Парри удостовѣрился, что на восточномъ берегу *Входа Ревентова*, въ Сѣверной Америкѣ, два человѣка могли, безъ дальнихъ усилій, разговаривать на разстояніи 6,696 Англійскихъ футовъ, когда температура была на 30° ниже нуля стоградуснаго термометра.

Digitized by Google

Клеркъ слышалъ отзывы морской битвы, происходившей отъ него въ 130 миляхъ. Гирнъ слышалъ, въ 1685 году, когда въ Стокгольмѣ стрѣляли изъ пушекъ, на разстояніи 180 миль. Во время морской битвы между Голландцами и Англичанами, въ 1672 году, гулъ канонады чувствовали въ Англіи и даже въ Валлисѣ, почти за 200 миль.

Звуки всѣхъ родовъ, рѣзкіе и глухіе, пробѣгаютъ пространство съ равною быстротою. Въ этомъ можно удостовѣриться слушая оркестръ, скоро играющій въ нѣкоторомъ разстояніи музыкальную пьесу. Біо убѣдился въ томъ еще вѣрнѣе, заставивъ играть на флейтѣ многія аріи, подлѣ чугунной трубы, длиною въ 3,120 футовъ: стоя у другаго конца оной, онъ равно слышалъ всѣ ноты, высокія и низкія.

Звуки переходятъ съ трудомъ черезъ большія разстоянія, отъ того, что они исчезаютъ и теряются въ окружающемъ ихъ воздухѣ. Если-бы можно было удержать ихъ съ двухъ сторонъ, какъ напримѣръ въ тѣсной улицѣ между двухъ домовъ, или со всѣхъ сторонъ, какъ въ трубѣ, то они передавались-бы гораздо далѣе. Сквозь чугунную трубу, назначенную въ Парижѣ для водопровода, сдѣланную съ двумя загибами на срединѣ, и составлявшую безпрерывное протяженіе, явственно слышался малѣйшій шо-

Digitized by Google

рохъ, производимый на одномъ концѣ ея, въ разстояніи 3,120 футовъ. Выстрѣлъ изъ пистолета на одномъ краю оной, гасилъ свѣчу на другомъ, и увлекалъ легкія вещества съ величайшею силою. Это объясняетъ намъ устройство говорныхъ трубъ, проведенныхъ изъ одной части комнаты въ другую, и устройство новаго рода колокола, состоящаго изъ деревянной или оловянной трубки, съ маленькимъ поршнемъ на каждомъ концѣ. Двинувъ одинъ изъ поршней, производятъ движеніе въ воздухѣ, который передаетъ оное другому поршню, служащему вмѣсто клепала на внѣшней сторонѣ колокола. Сила звуковъ запершихъ явственна также въ замкѣ Карисбрукѣ, на островѣ Вейтѣ. Тамъ есть колодезь, въ 210 футовъ глубины и 12 футовъ въ діаметрѣ, обложенный камнемъ. Если бросить въ него булавку, то ясно слышенъ звукъ, производимый ею во время паденія.

Когда звукъ останавливаетъ какая нибудь ровная поверхность, напримѣръ, стѣна, скала, холмъ, онъ отражается назадъ, точно какъ свѣтъ въ зеркалѣ, и наблюдатель, произведшій звукъ, слышитъ отраженіе онаго, или эхо, черезъ нѣсколько времени послѣ перваго звука. Напримѣръ, если стать передъ скалою, въ разстояніи 1090 Англійскихъ футовъ, и выстрѣ-

Digitized by Google

лишь изъ пистолета, то надобно одну секунду, чтобы звукъ достигъ скалы, и другую, чтобы онъ возвратился, такъ что эхо будетъ слышно ровно черезъ двѣ секунды послѣ выстрѣла. Изъ сего слѣдуетъ, что мы можемъ опредѣлять футами разстояніе отъ мѣла, произведшаго эхо, умножая 1090 футовъ на половину числа секундъ, проходящихъ отъ перваго звука до его эхо. Чтобы вполнѣ слышать эхо, надобно стать противъ средины стѣны, или другаго препятствія, раждающаго оное. Если наблюдатель находится не на томъ мѣстѣ, гдѣ производится звукъ, то необходимо, чтобы ухо его было въ такомъ-же отдаленіи отъ прямо-противоположной точки средины стѣны, или другаго препятствія, въ какомъ мѣсто звука отъ самой стѣны, или, говоря другими словами, *технически*, звукъ отражается подобно свѣту, такъ что уголъ восходящій или наклоненіе звука, ударяющагося объ стѣну, равны углу отраженія, или наклоненію звука, отброшеннаго стѣною. Мы имѣли случай сами видѣть положительное доказательство сего свойства звука, при круглообразной стѣнѣ одного сада, находившагося въ милѣ отъ шлюза рѣки. Когда воздухъ чистъ и вѣтеръ благопріятенъ, тогда звукъ сосредоточивается около круглой поверхности стѣны и отражается, точно какъ

Digitized by Google

солнечные лучи: ухо различаетъ даже точку, гдѣ звукъ сильнѣе.

Многіе авторы описывали самыя замѣчательныя дѣйствія эхо, похожія на чудеса. Докторъ Плотъ говоритъ объ эхо замка Вудстока, гдѣ днемъ повторяется семнадцать слоговъ, а ночью двадцать. Знаменитое эхо виллы Маркиза Симонетты, близъ Милана, было описано Аддисономъ и Кейслеромъ. Послѣдній говоритъ, что сіе эхо производится отраженіемъ голоса между двухъ параллельныхъ флигелей главнаго зданія, отстоящихъ одинъ отъ другаго на пятьдесятъ восемь шаговъ, и не имѣющихъ ни дверей, ни оконъ. Особенно явно повторяется послѣдній слогъ произносимаго слова. Повторенія слѣдуютъ одно за другимъ столь быстро, что ихъ трудно сосчитать, если то не вечеромъ или утромъ, когда въ воздухѣ совершенная тишина.

Въ Женефѣ, подлѣ Руана, есть любопытный примѣръ эхо косвеннаго, не слышнаго тому, кто производитъ звукъ. Поющій слышитъ только свой собственный голосъ, между тѣмъ какъ до слушающихъ доходитъ одно эхо, иногда приближающееся, иногда удаляющееся. Тотъ изъ присутствующихъ слышитъ одинъ голосъ, а другой многіе голоса. Для одного звукъ отражается съ лѣвой стороны, для другаго съ

Digitized by Google

правой, потому что дѣйствія онаго безпрерывно измѣняются, сообразно положенію наблюдателя.

Одно изъ самыхъ достопамятныхъ эхо можно слышать въ Рознисѣ, въ Графствѣ Арджилльскомъ. Когда человѣкъ, поставленный тамъ въ извѣстномъ разстояніи, возьметъ на музыкальной трубѣ восемь или десять нотъ, то онѣ повторяются правильно, только тономъ ниже. Послѣ краткой паузы снова слышится повтореніе оныхъ слабѣе, а за тѣмъ и третье повтореніе, еще слабѣйшее первыхъ. Г. Гершель такъ описываетъ эхо каѳедральной церкви въ Джирджентѣ, что въ Сициліи:

« Легчайшій шорохъ слышенъ тамъ явственно, отъ западной двери до корниза, находящагося за главнымъ алтаремъ, на разстояніи 250 футовъ. По самому непріятному случаю, исповѣдная была помѣщена тамъ, откуда звуки расходились повсюду. Къ отчаянію исповѣдниковъ и къ соблазну всѣхъ жителей, тайны, долженствовавшія остаться невѣдомыми, были обнародованы однимъ нескромнымъ, котораго привелъ случай на это мѣсто во время исповѣди прелестныхъ грѣшницъ. Одинъ мужъ, узнавши о невѣрности своей жены, объявилъ, какимъ образомъ дошло до него это печальное открытіе, и послѣ сего принуждены были перемѣнить мѣсто исповѣдной. »

Digitized by Google

Подъ висячимъ мостомъ, брошеннымъ рукою генія черезъ проливъ Менай, въ Княжествѣ Валлисскомъ, подлѣ одной изъ главныхъ арокъ слышится самое прелестное эхо. Ударъ молоткомъ по этой аркѣ отдается въ аркѣ противоположной, на разстояніи 576 футовъ, и кромѣ того повторяется много разъ водою и мостовымъ накатомъ. Послѣдованіе сихъ различныхъ звуковъ всего удивительнѣе. Сначала сильный и пронзительный звукъ раздается на мостовомъ накатѣ. Шумъ, слѣдующій за симъ звукомъ, быстро исчезаетъ, но за то весьма сильный звукъ отражается въ противоположной аркѣ. Его можно, всего лучше, сравнить съ голосомъ удушаемаго человѣка, и онъ повторяется двадцать восемь разъ въ пять секундъ. При отраженіи звука между водою и мостовымъ накатомъ, слухъ поражается только отъ сего послѣдняго: линія, идущая отъ наблюдателя къ водѣ, слишкомъ косвенна, и потому звукъ не можетъ расходиться въ семъ направленіи. Достойно замѣчанія и то, что наблюдатель лучше слышитъ эхо противоположной арки, если находится прямо противъ средины оной. Когда онъ уклоняется къ той или другой сторонѣ, то отзывъ доходитъ до него слабѣе, и становится почти совершенно не слышнымъ, когда онъ совсѣмъ переходитъ напротивъ одной изъ оконечностей арки, хотя

Digitized by Google

отъ средины одинакое разстояніе отдѣляетъ сего наблюдателя, и другаго, находящагося прямо, на той-же сторонѣ: послѣдній слышитъ эхо явственно. Важнымъ изслѣдованіемъ объ отголоскахъ въ церквахъ и публичныхъ зданіяхъ, Г. Гершель разсѣялъ много странныхъ, укоренившихся предразсудковъ, и положилъ различныя правила, весьма полезныя и заслуживающія все вниманіе архитекторовъ, занимающихся монументальными постройками. Въ малыхъ зданіяхъ эхо не различается отъ главнаго звука и только усиливаетъ оный; но въ зданіяхъ огромныхъ, главный звукъ и его эхо, совершенно отдѣльныя, производятъ самое непріятное дѣйствіе. Въ соборныхъ церквахъ уменьшаютъ это неудобство однообразнымъ пѣніемъ, ибо тогда звукъ голоса и эхо сливаются; но при исполненіи музыкальной пьесы это пособіе не существуетъ. Если въ секунду взято десять нотъ, что часто случается въ новой музыкѣ, и если сіи ноты звучатъ въ пространствѣ, имѣющемъ длины пятьдесятъ пять футовъ, то музыканты будутъ брать вторую ноту, въ то время какъ эхо будетъ повторять первую. Понятно, какая нескладная какофонія поразитъ слушателя! Если музыкантамъ придется играть въ подобной залѣ, то всего лучше, когда они станутъ на срединѣ оной.

Digitized by Google

Каждый охотникъ могъ замѣтить, какъ различно отдаются выстрѣлы его ружья. Иногда звукъ бываетъ пронзителенъ и быстръ, иногда глухъ и дологъ, между тѣмъ какъ вблизи нѣтъ предмета, который могъ-бы отразить оный. Французскіе ученые, дѣлая опыты надъ быстротою звука, замѣтили, что когда небо совершенно чисто, тогда звукъ выстрѣла бываетъ всегда отдѣльный и пронзительный; между тѣмъ какъ если облако закрываетъ значительную часть горизонта, то сей звукъ продолжается глухими и послѣдовательными отзывами, подобно отзывамъ грома. Слѣдственно, раскаты грома часто можно приписывать эхо, производимому отраженіемъ отъ облаковъ, хотя раскаты сіи могутъ происходить и отъ другихъ причинъ, такъ-же какъ внезапныя, неуловимыя молніи, и не ровная сила грома.

Теперь займетъ насъ изслѣдованіе, какимъ образомъ распространяется звукъ сквозь газы, жидкости, смѣшанныя посредства и твердыя тѣла.

Доселѣ еще не сдѣлано удовлетворительныхъ опытовъ, по которымъ было-бы можно строго опредѣлить быстроту звука въ различныхъ газахъ, и дѣйствіе сихъ газовъ на звуки, передаваемые ими. Вотъ, однакожь, слѣдуя Фанъ-

Digitized by Google

Реесу, Фрамайеру и Моллю, степень быстроты звука въ нѣкоторыхъ газахъ:

	Футы Англійскіе въ секунду
Водородъ.	3,000
Азотъ.	1,109
Кислородъ	1,039
Газъ углекислый . . .	903
Газъ кислосѣрноватый .	751.

Дѣйствіе газовъ на звуки изслѣдовано еще весьма неудовлетворительно. Пристлей утвердилъ, что звукъ колокола въ водородѣ очень не много слышнѣе нежели въ безвоздушномъ пространствѣ, между тѣмъ какъ въ кислородѣ и газѣ углекисломъ, онъ гораздо сильнѣе чѣмъ въ воздухѣ. Г-нъ Перолль утверждаетъ, что звукъ, который не былъ-бы слышенъ въ атмосферическомъ воздухѣ на 56 футахъ, былъ-бы явственъ на 63 футахъ въ кислородѣ; въ газѣ углекисломъ онъ слышенъ только на 48; въ водородѣ — только на 11-ти футахъ. Хладни также удостовѣрился, что въ органной трубѣ, звукъ, окруженный водородомъ, былъ чрезвычайно слабъ и невнятенъ, тогда какъ въ кислородѣ онъ былъ сильнѣе нежели въ атмосферическомъ воздухѣ. Подобное явленіе бываетъ при вдыханіи водорода. Голосъ замѣтно ослабѣваетъ, и дѣйствіе сіе продолжается еще нѣ-

Digitized by Google

сколько времени послѣ того, какъ легкія освобождены отъ водорода. Опыты сіи должны быть производимы осторожно, потому что они довольно опасны.

Свойство водорода ослаблять звукъ было еще недавно доказано Г-мъ Лесли: онъ разрѣдилъ воздухъ въ сосудѣ, и впустилъ въ него нѣсколько водорода, что ни мало не усилило звука. Когда-же изъ сосуда была вынута половина воздуха, и дополнена водородомъ, тогда звукъ колокола исчезъ почти совершенно.

Распространеніе звука въ водѣ заслуживаетъ вниманіе по многимъ отношеніямъ. Г. Бёданъ полагаетъ, что быстрота его простирается на 4921 футъ въ секунду; но по точнѣйшимъ наблюденіямъ Гг. Колладона и Штурма, звукъ пробѣгаетъ въ водѣ только 4708 футовъ въ секунду, при температурѣ 46°6′ по Фаренгейту (8°1′).

Опыты сихъ искусныхъ наблюдателей были произведены съ необыкновеннымъ тщаніемъ и проницательностію: ими достигнуты многіе выводы, любопытные и поучительные. Испытавъ разныя средства произвести звукъ подъ водою, они вздумали ударить по колоколу металлическимъ языкомъ, въ одномъ аршинѣ подъ водою.

Digitized by Google

Опыты сіи были производимы въ чистой водѣ озера Женевскаго, между Роллемъ и Тонономъ. Когда наблюдатель стоялъ прямо надъ колоколомъ, тогда онъ ясно слышалъ звуки его; но отошедши на двѣсти или триста аршинъ отъ точки надъ поверхностію колокола, онъ не слыхалъ ничего. Это замѣчательное явленіе заслуживаетъ быть нѣсколько пояснено. Если въ темную ночь мы поставимъ въ стаканъ какой нибудь блистающій свѣтъ, напримѣръ Арганову лампу, и погрузимъ его на одинъ или два фута въ воду, свѣтлую и тихую, то глядя отвѣсно, мы ясно различимъ свѣтъ; но если наблюдатель удалится столько, что линія отъ его глаза къ свѣту будетъ наклонена на 41° къ поверхности воды, то ни одинъ лучъ свѣта лампы не дойдетъ до его глаза, хотябы свѣтъ сей былъ такъ-же силенъ, какъ солнечный подъ тропиками. Явно, что въ семъ случаѣ, такъ-же какъ и во многихъ другихъ, описанныхъ нами, звукъ повинуется однимъ законамъ со свѣтомъ.

Но что касается свѣта, мы могли-бы видѣть лампу подъ водою, помѣстивъ на концѣ трубки стекло и погрузивъ сей гонецъ въ воду. Если мы направимъ трубку къ лампѣ, то ея лучи упадутъ почти перпендикулярно на стекло и свободно дойдутъ до глаза. При семъ

Digitized by Google

опытѣ, въ сущности только замѣняютъ косвенную поверхность воды, которая не можетъ передавать свѣта, поверхностью стекла, которое менѣе косвенно и можетъ передавать свѣтъ. Руководствуясь аналогіею, Гг. Колладонъ и Штурмъ возымѣли счастливую мысль, погрузить въ воду трубку, дабы колебанія, которыя прерывала-бы поверхность жидкости, доходили до слуха наблюдателя. Такъ и было сдѣлано: въ озеро опустили отвѣсно цилиндръ, оловянный, очень тонкій, около трехъ аршинъ въ длину и восьми дюймовъ въ діаметрѣ, запаянный на одной изъ оконечностей и открытый на другой. Симъ способомъ колебанія звука подъ водою были перехвачены, и при свободномъ входѣ воздуха въ трубку, достигали слуха наблюдателя. Посредствомъ этого остроумнаго изобрѣтенія, они могли ясно различать удары въ колоколъ подъ водою, на разстояніи девяти Англійскихъ миль, черезъ всю ширину Женевскаго озера.

Въ продолженіе своихъ опытовъ, Г. Колладонъ замѣтилъ, что когда въ колоколъ ударяютъ подъ водою, то онъ производитъ звукъ, который не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ тѣмъ звукомъ, какой издаетъ колоколъ въ воздухѣ. Подъ водою звукъ его подобенъ звуку

Digitized by Google

двухъ ударяющихся листовъ стали. На разстояніи осьмой части мили, музыкальный звукъ колокола слышится послѣ удара, что совершенно на оборотъ противъ того, какъ бываетъ въ воздухѣ, ибо тамъ ударъ молота или языка бываетъ чувствителенъ только въ самомъ близкомъ разстояніи.

Въ воздухѣ звуки бываютъ ясно слышны и тогда, какъ между ухомъ и звучащимъ тѣломъ находятся препятствія твердаго вещества. Г. Колладонъ удостовѣрился, что подъ водою бываетъ иначе. Если между колоколомъ и упомянутою оловянною трубкою находится стѣна, то сила звука значительно уменьшается. Изъ сего слѣдуетъ, что для звука существуетъ тѣнь, такъ-же какъ и для свѣта: это еще болѣе увеличиваетъ открытое между ими сходство въ законахъ.

Если между звукомъ и свѣтомъ находится посредство однородное, или одинаково плотное, не прерываемое расщепами или раздѣленіемъ соединенныхъ частей, то они переходятъ и явнѣе, и скорѣе. Но когда посредство состоитъ изъ различныхъ плотностей, изъ разныхъ тѣлъ, несовершенно соединенныхъ, или прерываемыхъ пустымъ пространствомъ, то свѣтъ и звукъ значительно уменьшаются и даже

Digitized by Google

могутъ совсѣмъ уничтожиться. Если къ водѣ прибавишь сиропу, или хоть водки, и посмотрѣшь сквозь эту смѣсь, то свѣтъ покажется облачнымъ. Когда свѣтъ переходитъ изъ воды въ водку, или изъ водки въ воду, тогда отражается одна часть свѣта; а какъ раздѣляющая поверхность рѣдко бываетъ отвѣсна къ направленію луча, то и другая часть также преломляется. Сіе явленіе можетъ повториться сто разъ въ большомъ стаканѣ, если находящіяся въ оном жидкости плохо смѣшаны; слѣдственно не льзя видѣть ясно сквозь эту смѣсь. Тоже дѣйствіе бываетъ, когда свѣтъ проходитъ сквозь стекло, котораго поверхность не ровна.

Точно тоже должно сказать и о перехожденіи звука. Онъ пробѣгаетъ быстрѣе или тише, сообразно различію встрѣчаемыхъ имъ тѣлъ, и отражается только частію, когда переходитъ отъ одного посредства къ другому, ибо это измѣняетъ его направленіе. Если два посредства суть газы, жидкости, или твердыя тѣла, и плотность ихъ и упругость различны, то звукъ можетъ значительно ослабѣть, напримѣръ если въ смѣшеніи находятся водородъ и атмосферическій воздухъ. Если-же оба посредства совершенно различной природы, какъ-то въ ливнѣ газъ и жидкость, или одно изъ

Digitized by Google

нихъ газъ, а другое твердое тѣло, какъ-то бываетъ въ свѣжемъ снѣгѣ, то звукъ можетъ ослабѣть еще болѣе, или и совсѣмъ уничтожиться. Нѣкоторыя изъ сотрясеній воздуха достигнутъ до уха скорѣе, другія тише, и по законамъ, которыя мы объяснимъ немедленно, уничтожатся взаимно.

Опыты, коими Г-нъ Хладни показалъ сіе дѣйствіе смѣшанныхъ посредствъ, прелестны и легки для выполненія. Если въ бокалъ до половины налить Шампанскаго вина, и ударить по немъ, то онъ издастъ звукъ глухой и непріятный. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока вино шипитъ и пузырьки онаго не разопрлись. Но когда шипѣніе уменьшается, звукъ становится чище; когда-же пузырьки исчезли всѣ, то бокалъ получаетъ свою обыкновенную звучность. Если снова произвести шипѣніе, звукъ опять сдѣлается глухимъ. Этотъ опытъ можно произвести еще съ бо́льшимъ успѣхомъ, если въ стаканъ воды опустить клочекъ губки или шерсти. Мы думаемъ, что сими свойствами тѣлъ могли-бы воспользоваться и улучшить гармонику, погружая въ жидкость различныя вещества, различныхъ формъ, и въ различной глубинѣ, что было-бы легко сдѣлать однимъ механизмомъ. Нота каждаго стакана могла-бъ быть измѣнена однимъ возвышеніемъ воды, ко-

Digitized by Google

торое опредѣлилось-бы разными степенями погруженія твердаго тѣла. Причина слѣдствій, полученныхъ Г-мъ Хладни, заключается въ томъ, что для полученія музыкальнаго звука изъ стакана и находящейся въ ономъ жидкости, надобно, чтобы они правильно сотрясались въ одинъ тонъ, какъ-бы соединенные систематически. Если правильныя сотрясенія не могутъ быть введены въ значительную часть всей системы, то общность не будетъ удовлетворительна.

Г. Гумбольдтъ воспользовался сими опытами, для изъясненія извѣстнаго явленія, что отдаленные звуки бываютъ ночью слышнѣе, нежели днемъ. Это явленіе, замѣченное и Древними, вблизи большихъ городовъ и въ сосѣдствѣ оныхъ, было исключительно приписываемо покою живыхъ твореній. Когда знаменитый путешественникъ въ первый разъ услышалъ шумъ водопадовъ рѣки Ореноко, онъ призналъ, что сей шумъ былъ вдвое сильнѣе ночью, нежели днемъ. Но жужжаніе насѣкомыхъ было также гораздо значительнѣе ночью, и легкій вѣтерокъ, колебавшій листья, пробуждался только по захожденіи солнца; посему онъ былъ принужденъ искать другихъ причинъ, для изъясненія сего явленія. Въ лѣтніе дни, когда струи теплаго воздуха подымаются отъ почвы къ слоямъ воздуха хо-

Digitized by Google

лоднаго, болѣе или менѣе прозрачнымъ вверху, прозрачность атмосферы бываетъ такъ усилена, что каждый предметъ, если вглядѣться въ него, кажется какъ-бы двигающимся, подобно тому, когда мы смотримъ черезъ пламя свѣчи. Это показываетъ, что днемъ воздухъ есть посредство неровной плотности, дѣйствующее на звукъ такъ-же какъ на свѣтъ, отражая и прерывая его, такъ сказать, во всѣхъ направленіяхъ. Напротивъ въ полночь, когда воздухъ прозраченъ и равенъ всюду плотностью, такъ что можно видѣть и считать звѣзды, самый легчайшій звукъ безъ труда достигаетъ нашего слуха.

« Неоспоримо, говоритъ Г. Гершель, что общее молчаніе, обычно господствующее ночью, дѣлаетъ нервы слуха доступными впечатлѣніямъ, которыя иначе ускользнули-бы отъ насъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, аналогія между звукомъ и свѣтомъ совершенна. Когда солнце наполняетъ атмосферу своимъ пламенемъ, блескъ звѣздъ исчезаетъ. Точно также, при безпрерывномъ и смѣшанномъ шумѣ дня, со всѣхъ сторонъ окружающемъ слухъ, не льзя различать тѣхъ легкихъ звуковъ, которые становятся внятны ночью. И ухо и глазъ требуютъ великаго спокойствія, чтобы развить всю свою чувствительность. »

Digitized by Google

Но это увеличеніе чувствительности слуха ночью, бываетъ возможно только въ городахъ и округахъ рабочихъ. Напримѣръ, замѣчанія Г-на Гершеля не могутъ быть примѣнены къ долинамъ Ореноко. Тамъ слухъ бываетъ гораздо чувствительнѣе днемъ, потому что въ это время жужжаніе насѣкомыхъ и шумъ легкаго вѣтра не столь сильны, какъ по захожденіи солнца.

Выше приведенныя явленія объясняютъ, отъ чего ковры и шерстяныя ткани вредятъ звукамъ музыки: и это могло-бы внушить строителямъ нашимъ какія нибудь новыя средства, для содѣланія домовъ не столь отзывистыми; могло-бы заставить ихъ забыть средства, нынѣ употребляемыя.

Проѣзжая по разнымъ дорогамъ, путешественникъ можетъ замѣтить какъ странно различенъ бываетъ звукъ колесъ экипажа и бѣга коней. Иногда онъ швердъ и крашокъ, иногда отзывистъ и продолжителенъ, какъ будто въ комнатѣ со сводами. Это явленіе обыкновенно приписываютъ какимъ нибудь погребамъ и подземельямъ; не одинъ разъ, корыстолюбіе заставляло владѣльца стараться проникнуть въ сіи мнимыя комнаты и открыть тамъ сокровища, спрятанныя предшествовавшими поколѣніями. Но не подвержено сомнѣнію, что особенности

Digitized by Google

сихъ звуковъ происходятъ отъ вещества, изъ коего составлена почва, и отъ около-лежащей мѣстности. Если дорога идетъ по каменной скалѣ, то, разумѣется, звукъ ея долженъ быть различенъ отъ звука дороги глинистой или песчаной. Г-нъ Гершель съ успѣхомъ примѣнилъ сіи правила къ явленіямъ, наблюдаемымъ въ Сольфашеррѣ.

« Сольфашерра, говоритъ онъ, есть обширный амфитеатръ, или погасшій волканъ, окруженный холмами лавы, которую быстро разлагаетъ дѣйствіе ѣдкихъ паровъ, подымающихся изъ кратера, и многихъ расщелинъ. Вся почва покрыта этою разложенною лавою, которая однако еще не превратилась въ порошокъ. Въ одномъ мѣстѣ, большой камень, съ силою брошенный о почву, издаетъ такой звукъ, какъ будто внизу находится обширный сводъ. Многіе наблюдатели думали, что это показываетъ существованіе глубокой пустоты, имѣющей сообщеніе съ прежнимъ основаніемъ волкана, и, можетъ быть, съ подземными огнями; другіе, напротивъ, приписывали сей звукъ отраженію, производимому ближними холмами, съ коими оно имѣетъ почти одинъ центръ. Но гораздо вѣроятнѣе, что звукъ сей есть собраніе отдѣльныхъ эхо, производимыхъ отраженіемъ первоначальнаго толчка, распространяющагося

Digitized by Google

по прилежащимъ поверхностямъ. Если-бы вся сія почва состояла изъ песку, то отраженія были-бы такъ сильны и многочисленны, что они тотчасъ уничтожили-бы первоначальный толчекъ, и онъ не отличился-бы отъ своего эхо. Этотъ случай подобенъ тому, когда среди туманной и дымной атмосферы находится сильный свѣтъ: вся средина разливаетъ свѣтъ неясный, неопредѣленный. Этотъ свѣтъ въ такомъ-же отношеніи къ уху, въ какомъ глухой звукъ къ душѣ. »

Распространеніе звука сквозь тѣла твердыя было наблюдаемо весьма тщательно и точно. Каждый могъ видѣть опытъ, часто повторяемый въ нашихъ школахъ: когда дитя ударяетъ по оконечности куска дерева головкою булавки, то его товарищъ, сидящій на другой сторонѣ, ясно слышитъ сей звукъ. Такою легкостію передавать звукъ обладаютъ почти всѣ твердыя тѣла. Двое Датскихъ ученыхъ, Гг. Гергольдъ и Рафнъ сдѣлали въ семъ отношеніи весьма любопытный опытъ. Протянувъ въ горизонтальномъ направленіи проволоку, длиною въ 600 футовъ, они привѣсили къ ней вещицу изъ звонкаго металла. Когда легонько ударяли по сей послѣдней, то человѣкъ, находившійся на другомъ концѣ, держалъ проволоку въ зубахъ, и слышалъ всякій разъ два различные уда-

Digitized by Google

ра: одинъ, почтасъ передаваемый проволокою, другой, медленнѣе, воздухомъ. Во время прекрасныхъ опытовъ надъ переходомъ звука по желѣзнымъ трубамъ, въ Парижѣ было тщательно измѣрено время между звукомъ, который передаетъ воздухъ, и тѣмъ, который передаетъ желѣзо трубы. Дознано, что быстрота звука въ чугунѣ простиралась почти до 11,090 футовъ въ секунду, то есть была почти въ $10\frac{1}{2}$ разъ сильнѣе нежели въ воздухѣ. По изслѣдованіямъ Хладни, относительная быстрота звука въ различныхъ твердыхъ тѣлахъ находится въ слѣдующемъ состояніи:

	футовъ въ секунду.
Олово	8,175
Серебро	9,810
Обожженная глина	10,900
Мѣдь	13,080
Стекло	18,530
Желѣзо	18,530
Дерево разныхъ род. отъ	11,990 до 18,530

Основываясь на томъ, что толчекъ въ тѣлахъ твердыхъ передается точно такъ-же какъ звукъ, Г-нъ Гершель замѣчаетъ, что, по наблюденіямъ быстроты звука въ чугунѣ, можно означить, какое время потребно для передачи

Digitized by Google

силы или толчка на извѣстномъ разстояніи. Въ семъ случаѣ, толчекъ пробѣжалъ-бы въ секунду 11,090 футовъ. Слѣдственно, на всѣхъ малыхъ разстояніяхъ время его перехода почти не замѣтно. Но если-бы Солнце и Земля были соединены полосою желѣза, то было-бы потребно не менѣе 1,074 дней, или около трехъ годовъ чтобы съ одного изъ сихъ шѣлъ сила была передана другому.

Это замѣчательное свойство вещества становится еще поразительнѣе, когда предположимъ, что Титанъ и Сатурнъ стоятъ на двухъ противоположныхъ точкахъ орбиты Сатурновой, и что они возобновили свою прежнюю битву, орудіями земной фабрики. Смертный ударъ, нанесенный Титаномъ, поразилъ-бы свою жертву не ранѣе какъ черезъ пятьдесятъ два года, и если-бы за годъ до этого случая, Сатурнъ также направилъ смертный ударъ на Титана, то онъ поразилъ-бы его черезъ пятьдесятъ одинъ годъ послѣ смерти Сатурна.

Говоря о томъ, какъ быстро переходитъ притяженіе Солнца къ Землѣ, Г-нъ Гершель справедливо восклицаетъ: «Удивительная связь!» Мы можемъ прибавить: Какъ удивительно приспособлены свойства вещества къ разнымъ цѣ-

Digitized by Google

лямъ, для коихъ оно создано! На той машинѣ, гдѣ властвуетъ человѣкъ, силы, подчиненныя его изслѣдованію, передаются съ быстротою, правда, очень медленною въ отношеніи къ пространствамъ небесъ; но и сію быстроту можно почитать мгновенною въ той сферѣ, гдѣ дѣйствуютъ земныя силы. Напротивъ, въ обширномъ механизмѣ солнечной системы, сила, соединяющая части и правящая движеніемъ, передается съ такою быстротою, которая сообразна безмѣрнымъ, проходимымъ ею разстояніямъ, и которая выше всѣхъ средствъ измѣреній человѣческихъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Digitized by Google

АММАЛАТЪ-БЕКЪ.

Кавказская быль.

(Продолженіе.)

ГЛАВА VI-я.

Выдержки изъ Записокъ Аммалатъ-Бека.

(Переводъ съ Татарскаго).

. . . Спалъ-ли я до сихъ поръ, или теперь во снѣ мечтаю?.. Такъ этотъ-то новый міръ называется *мыслію*?.. Прекрасный міръ! Ты долго былъ для меня мутенъ и слишенъ, какъ Млечный Путь, который, говорятъ, составленъ изъ тысячи тысячъ сверкающихъ звѣздъ! Мнѣ кажется, я всхожу на гору познанія изъ мрака и шумана... каждый шагъ ошкрываетъ мнѣ зрѣніе шире и далѣе... грудь моя дышитъ свободнѣе, я гляжу въ очи солнцу... гляжу внизъ — облака шумятъ подъ ногами!.. досадныя облака! Съ земли вы мѣшаете видѣть небо; съ неба разглядывать землю!

Дивлюсь, какъ самые простые вопросы: *отъ чего* и *какъ*, не западали мнѣ въ голову прежде?

Digitized by Google

Весь Божій свѣтъ, со всѣмъ что въ немъ есть худаго и хорошаго, виднъ былъ въ душѣ моей, будто въ морѣ: столько я зналъ о томъ столькоже какъ море, или какъ зеркало. На памяти, правда, сохранялось многое, но къ чему мнѣ служило это? Понимаетъ-ли соколъ, для чего ему надѣваютъ на глаза шапочку? Понимаетъ-ли конь, для чего куютъ его? Понималъ-ли я, почему въ одномъ мѣстѣ необходимы горы, а въ другомъ степи; тамъ вѣчные снѣга, а тамъ океаны песковъ? Для чего нужны бури и трепетанія земли? И ты, всего чуднѣйшій человѣкъ! мнѣ и на мысль не вспадало, чтобы слѣдить тебя отъ колыбели твоей, повѣшенной на кочевомъ вьюкѣ, до города пышнаго, какого я не видалъ, но какимъ по слухамъ восхищенъ!... Сознаюсь, что я плѣненъ уже одною оболочкою книги, не постигая смысла таинственныхъ буквъ... но В. не только манитъ меня къ познанію, но даетъ и средства присвоить ихъ. Съ нимъ, какъ съ матерью молодая ласточка, пытаю новыя крылья... Даль и вышина еще дивятъ меня, но не ужасаютъ. Придетъ пора, и я облечу поднебесье!..

... Однако, счастливѣй-ли я съ тѣхъ поръ, какъ В. и его книги учатъ меня мыслить? Бывало, борзый конь, дорогая сабля, мѣткое ружье,

Digitized by Google

радовали меня какъ ребенка. Теперь, когда знаю преимущества ума надъ шѣломъ, для меня смѣшна, чуть не жалка прежняя моя похвальба стрѣльбой и скачкой! Стоитъ-ли посвящать себя ремеслу, въ которомъ послѣдній широкоплечій нукеръ можетъ побѣдить меня?.. Стоитъ-ли полагать славу и счастье въ удальствѣ, котораго можетъ лишить первая рана, первый неловкій скачекъ!! У меня вырвали эту гремушку; но чѣмъ замѣнили ее?... Новыми нуждами, новыми желаніями, коихъ не можетъ утомить, ни утолить самъ Алла. Я считалъ себя важнымъ человѣкомъ: я убѣдился теперь въ своемъ ничтожествѣ. Прежде, за памятью моего дѣда или прадѣда начиналась для меня ночь прошлаго, со своими сказками и грезами преданій... Кавказъ запиралъ свѣтъ мой, но я спокойно спалъ въ этой ночи. Я полагалъ: быть извѣстнымъ въ Дагестанѣ — вершина знаменитости. И что-жъ? Исторія населила прежнюю пустыню мою народами, крушившими другъ друга со славою, героями, изумлявшими народы доблестію, до которой никогда намъ не удастся возвыситься. И гдѣ они? полузабыты, сгнѣли во прахѣ вѣковъ. И что-жъ? Описаніе земель показало мнѣ, что Татары занимаютъ уголокъ свѣта, что они жалкіе дикари вправленіи съ Европейскими народами, и что о цѣломъ составѣ ихъ, не только объ ихъ наѣздникахъ, ни-

Digitized by Google

кто не думаетъ, не знаетъ, да и знать не хочетъ! Стоитъ-ли труда быть свѣтлякомъ между червяками? Стоило-ли напрягать умъ, чтобы убѣдиться въ такой горькой истинѣ!

Что мнѣ пользы въ познаніи силъ природы, когда я не могу перемѣнить души своей, повелѣвать своему сердцу! Меня учатъ заграждать море, а я не могу удержать слезы!.... Отвожу молнію отъ кровли, а не могу стряхнуть кручины!! Не довольно-ли я былъ несчастливъ одними чувствами, чтобы накликать мыслей какъ ястребовъ! Много-ли выигрываетъ больной, узнавъ, что болѣзнь его неисцѣлима!... Мученія безнадежной любви моей стали тоньше, острѣе, разнообразнѣе съ тѣхъ поръ, какъ прояснѣлъ мой разумъ.

Нѣтъ, я не справедливъ. Ученіе сокращаетъ мнѣ долгіе, какъ зимняя ночь, часы разлуки. Пріучивъ меня ловить на бумагу перелетныя мысли, В. далъ мнѣ отраду сердечную. Когда нибудь свижусь я съ Селтанетою, и покажу ей эти страницы, на которыхъ имя ея чаще, нежели имя Аллы въ Куранѣ... «Вотъ лѣтопись моего сердца,» скажу я ей... «Погляди сюда:

Digitized by Google

въ такой-то день я то-то о тебѣ думалъ — въ такую-то ночь я вотъ какъ видѣлъ тебя во снѣ! По этимъ листкамъ, какъ по чешкамъ алмазнымъ, ты можешь счесть мои воздыханія, мои, по тебѣ, слёзы. О милая, милая! ты не разъ улыбнешься моимъ причудливымъ мечтамъ; онѣ дадутъ на долго пищу разговорамъ нашимъ!... Но возмогу-ли я вспоминать прошлое, подлѣ тебя, очаровательница?.. Нѣтъ, нѣтъ,.. все исчезнетъ тогда предо мною и вокругъ меня, кромѣ настоящаго блаженства: быть съ тобою! О какъ жарка и свѣтла будетъ душа моя! Растопленное солнце потечетъ во мнѣ — я самъ буду плавать въ небѣ, какъ солнце! Забвеніе подлѣ тебя, сладостнѣе самой высокой мудрости!

Читаю разсказы о любви, о прелестяхъ женщинъ, объ измѣнахъ мужчинъ, и ни одна изъ нихъ не приблизится къ моей Селтанетѣ красотою души и тѣла, ни на одного изъ нихъ не похожъ самъ я. Завидую любезности, уму любовниковъ книжныхъ: но за то какъ вяла, какъ холодна любовь ихъ! Это лучъ мѣсяца, играющій по льду! Откуда набрались Европейцы Фарсійскаго пустословія, этого пѣнія базарныхъ соловьевъ, этихъ цвѣтовъ, вареныхъ въ сахарѣ? Не могу вѣрить, чтобъ люди могли пылко лю-

Digitized by Google

бишь и плодовитою причитать о любви своей, словно наемная плакальщица по умершихъ. Расточитель раскидываетъ сокровище на вѣтеръ горстями; любитель хранитъ, лелѣетъ его, зарываетъ въ сердцѣ кладомъ!

Я молодъ — и спрашиваю: что такое дружба? Имѣю друга въ В., друга нѣжнаго, искренняго, предупредительнаго — и не есть другъ! Чувствую, упрекаю себя, что не отвѣчаю ему какъ должно, какъ онъ заслуживаетъ: но въ моей-ли это волѣ?.. Въ душѣ моей нѣтъ мѣста никому, кромѣ Селинеты; въ сердцѣ нѣтъ иного чувства, кромѣ любви.

. . . Нѣтъ, не могу читать, не могу понимать, что толкуетъ мнѣ Полковникъ!.. Я обманывалъ себя, воображая, что мнѣ доступна лѣстница наукъ... Я утомленъ на первыхъ ступеняхъ; теряю терпѣніе на первомъ затрудненіи, путаю нити, вмѣсто того чтобъ развивать ихъ, дергаю, рву — и добыча моя ограничивается немногими обрывками. Обнадеживаніе Полковника принялъ я за собственные успѣхи... Но кто, но что мѣшаетъ этимъ успѣхамъ?... То, что составляетъ счастіе и несчастіе моей жизни: любовь. Во всемъ, вездѣ вижу и слышу

Digitized by Google

я Селшанешу, и часто одну только Селшанешу. Устранить ее отъ мысли моей, почелъ-бы я святотатствомъ; да если-бъ и захотѣлъ, то не могъ-бы исполнить этой рѣшимости. Могу-ли я видѣть безъ свѣта? Могу-ли дышать безъ воздуха? А Селшанета мой свѣтъ, мой воздухъ, жизнь моя, душа моя!!

. . . Рука моя дрожитъ, сердце рыщетъ въ груди... Если-бъ я писалъ кровью моею, она-бы сожгла бумагу. Селшанета! образъ твой преслѣдуетъ меня во снѣ и на яву! Воображеніе твоихъ прелестей опаснѣе для меня ихъ близости! Дума, что я никогда не буду владѣть ими, касаться ихъ, можетъ быть видѣть ихъ, бросаетъ меня въ страстную тоску: я вмѣстѣ таю и неистовствую!... Припоминаю себѣ каждую милую черту твоего лица, каждое положеніе твоего стройнаго стана... и эту ножку — печать любви, и эту грудь — гранату блаженства!... Память о твоемъ голосѣ заставляетъ дрожать душу, какъ струну, гошовую порваться отъ высокаго звука... И поцѣлуй твой! поцѣлуй, въ которомъ я выпилъ твою душу!.. онъ сплетъ розы и уголья на одинокое ложе мое... я сгараю; жаркія уста томятся жаждою лобзанія, рука хочетъ обвить станъ твой, коснуться твоего

Digitized by Google

колѣна!... О, приди... прилети... чтобы я умеръ отъ наслажденья, какъ теперь умираю отъ скуки!...

Полковникъ В., желая всѣми способами разсѣять печаль Аммалата, вздумалъ потѣшить его охотою на кабановъ, любимымъ занятіемъ Дагестанскихъ Бековъ. На зовъ съѣхалось ихъ человѣкъ двадцать, каждый съ своими нукерами, каждый желая попытать счастья, погарцовать на полѣ, похвалиться удальствомъ. Сѣдой Декабрь осыпалъ уже верхи окрестныхъ горъ порошею. По улицамъ Дербента кое-гдѣ лежалъ ледяной черепъ, но сверхъ его, густыми волнами кашилась грязь по зубристой мостовой. Лѣниво плескало море въ затопленныя башни сходящихъ въ воду стѣнъ. Сквозь туманъ свистѣли крыльями стада спрепетовъ и дудаковъ; вереницы гусей съ жалобнымъ крикомъ мелькали надъ валами: все было мрачно и угрюмо; даже глупо-несносный ревъ ословъ, навьюченныхъ хворостомъ на продажу, походилъ на плачъ по красной погодѣ. Престарѣлые Татары сидѣли на базарахъ, завертывая носы свои въ шубы.

Но такая-то погода и мила охотникамъ. Едва городскіе Муллы прокричали молитву, Полковникъ, съ нѣсколькими изъ своихъ офице-

Digitized by Google

ровъ, съ городскими Беками и Аммалашомъ, ѣхалъ, или, лучше сказать, плылъ верхомъ по грязи. Поворотивъ къ сѣверу, всѣ они выѣхали за городъ въ главныя вороша (Кырхларъ-капи), убитыя желѣзными пластами. Дорога, ведущая къ Таркамъ, бѣдна видами: кое-гдѣ вправо и влѣво гряды марёны, потомъ обширныя кладбища и, только къ морю, рѣдкіе виноградники. За то виды сего предмѣстія гораздо величавѣе южныхъ. Влѣвѣ на скалахъ видѣлись Кейфары, казармы Куринскаго полка, а по обѣимъ сторонамъ дороги лежали, въ живописномъ безпорядкѣ, огромные камни, скаченные, сброшенные и оторванные силой водъ съ высотъ нагорныхъ.

Лѣсъ, осыпанный инеемъ, густѣлъ по мѣрѣ приближенія къ Велликенту, и на каждой верстѣ свита В. возрастала прибывающими Беглярами и Агаларами (*). Облава была закинута влѣво, и скоро послышали крикъ гаяльщиковъ, собранныхъ съ окрестныхъ деревень. Охотники растянули цѣпь, кто на конѣ, кто спѣшась; скоро показались и кабаны.

(*) Ларъ есть множественное число всѣхъ существительныхъ въ Тапарскомъ языкѣ, а потому Беглярь — значитъ Беки, Агаларь—Аги. Рускіе, по незнанію, употребляютъ иногда и въ единственномъ также.

Digitized by Google

Тѣнистые лѣса Дагестана, изобилующіе дубами, искони служатъ притономъ многочисленнымъ стадамъ вепрей, и хотя Татары, какъ Мусульмане, считаютъ грѣхомъ прикоснуться къ нечистому, животному, не только ѣсть его мясо, но истреблять ихъ почитаютъ они дѣломъ достойнымъ; по крайней мѣрѣ они учатся на нихъ стрѣлянью, и съ тѣмъ вмѣстѣ показываютъ свое удальство, ибо преслѣдованіе вепрей сопряжено съ большими опасностями, требуетъ искусства и твердости духа. Растянутая цѣпь ловцовъ занимала большое пространство. Самые безстрашные стрѣлки выбирали мѣста самыя уединенныя, чтобы ни съ кѣмъ не дѣлить славы удачи, и для того, что на безлюдье вѣрнѣе бѣжитъ звѣрь. Полковникъ В., надѣясь на свои исполинскія силы и мѣткій глазъ, забрался далеко въ чащу и остановился на полянкѣ, на которой сходилось много кабаньихъ слѣдовъ. Одинъ одинехонекъ, прислонясь къ суку обрушеннаго дуба, нажидалъ онъ добычи. То вправѣ, то влѣвѣ отъ него раздавались выстрѣлы; порой мелькалъ вдали кабанъ за деревьями; наконецъ послышался трескъ валежника и скоро потомъ показался необыкновенной величины вепрь, который несся черезъ поляну, какъ изъ пушки пущенное ядро. Полковникъ приложился: пуля свиснула, и раненый вепрь вдругъ остановился, какъ будто отъ изумле-

Digitized by Google

нія ; но это было на мигъ ; онъ съ остервененіемъ кинулся на выстрѣлъ : съ оскаленныхъ клыковъ его дымилась пѣна , глаза горѣли кровію , и онъ съ визгомъ близился къ непріятелю. Но В. не смутился нажидая его ближе; въ другой разъ брякнулъ курокъ... осѣчка ! отсырѣвшій порохъ не вспыхнулъ. Что оставалось дѣлать охотнику ? У него не было даже кинжала на поясѣ. Бѣгство было-бы напрасно; вблизи какъ нарочно ни одного толстаго дерева ; только одинъ сухой сукъ возвышался отъ лежачаго подлѣ него дуба, и В. бросился на него , какъ единственное средство спасти себя отъ гибели. Едва успѣлъ онъ взобраться аршина на полтора отъ земли , разсвирѣпѣлый кабанъ ударилъ въ сукъ клыкомъ своимъ : затрещалъ сукъ отъ удара и отъ тяжести, на немъ висящей... Напрасно В. порывался вскарабкаться выше по обледенѣлой корѣ : руки его скользили , онъ сползалъ , а звѣрь не отходилъ отъ дерева, грызъ его , поражалъ его своими острыми клыками , четвертью ниже ногъ охотника. . . Съ каждымъ мгновеніемъ ожидалъ В. , что онъ падетъ въ жертву , и голосъ его умиралъ въ пустой окружности напрасно... Нѣтъ, не напрасно ! Конскій топотъ раздался вблизи , и Аммалашъ-Бекъ прискакалъ какъ изступленный, съ поднятою шашкою. Завидѣвъ новаго врага , вепрь обратился къ нему на встрѣчу, но прыжокъ коня въ

Digitized by Google

сторону рѣшилъ бой: ударъ Аммалаша повергъ его на землю.

Избавленный В. спѣшилъ обнять своего друга, но тотъ въ запальчивости еще рубилъ, терзалъ убитаго звѣря. «Я не принимаю не заслуженной благодарности,» отвѣчалъ онъ наконецъ, уклоняясь отъ объятій Полковника. «Этотъ самый кабанъ, въ глазахъ моихъ, растерзалъ одного Табасоранскаго Бека, моего пріятеля, когда онъ, промахнувшись по немъ, занесъ ногу въ стремя. Я загорѣлся гнѣвомъ, увидѣвъ кровь товарища, и пустился въ погоню за кабаномъ. Чаща помѣшала мнѣ насѣсть на него по слѣду; я было совсѣмъ потерялъ его, и вотъ Богъ привелъ меня достичь этого проклятое животное, когда оно готово было поразить еще благороднѣйшую жертву, васъ, моего благодѣтеля.»

— Теперь мы квиты, любезный Аммалатъ! не поминай про старое. Сегодня-же отомстимъ мы зубами этому клыкастому врагу за страхъ свой. Я надѣюсь, ты не откажешься прикушать запрещеннаго мясца, Аммалатъ?

«И даже запить его Шампанскимъ, Полковникъ. Не во гнѣвъ Магомету, я лучше люблю закаливать душу въ пѣнѣ вина, чѣмъ въ правовѣрной водицѣ.»

Облава обратилась въ другую сторону;

Digitized by Google

вдали слышались гай и крикъ и бубны гонящихъ Тапаръ; въ другой сторонѣ по временамъ раздавались выстрѣлы. Полковнику подвели коня, и онъ, любуясь на двое разсѣченнымъ кабаномъ, пошрепалъ по плечу Аммалата, примолвивъ: « Молодецкій ударъ! »

— Въ немъ разразилась месть моя—возразилъ шопъ — а месть Азіятца тяжка!

« Ты видѣлъ, ты испытадъ, Аммалатъ, » сказалъ ласково Полковникъ, « какъ мстятъ за зло Рускіе, т. е. Христіане; будь-же это не въ упрекъ, а въ урокъ тебѣ! »

И оба поскакали къ цѣпи.

Аммалатъ-Бекъ былъ чрезвычайно разсѣянъ: онъ то не отвѣчалъ, то не впопадъ отвѣчалъ на вопросы В., подлѣ котораго ѣхалъ, поглядывая во всѣ стороны. Тотъ, думая что онъ, какъ горячій охотникъ, занятъ поисками, оставилъ его и поѣхалъ далѣе. Наконецъ Аммалатъ увидѣлъ, кого ждалъ такъ нетерпѣливо: къ нему на встрѣчу несся Эмджекъ его Сафиръ-Али, весь забрызганъ грязью, на дымящейся лошади. Съ восклицаніями *Алейкгомъ Селамъ*, оба они спрыгнули съ коней и сжали другъ друга въ объятіяхъ.

« И такъ ты былъ тамъ, ты видѣлъ ее, ты говорилъ съ нею? » вскричалъ Аммалатъ, снимая съ себя кафтанъ и задыхаясь отъ торопли-

Digitized by Google

восши. « По лицу вижу, что ты привезъ добрыя вѣсши, и вотъ тебѣ моя новая чуха за это (*). Живы-ли, здоровы-ли, любятъ-ли меня по прежнему? »

— Дай образумишься! — возразилъ Сафиръ-Али. —Дай хоть духъ перевести! Ты насыпалъ столько распросовъ, и самъ я везу столько порученій, что они столпились, какъ бабы у дверей мечети, и растеряли свои башмаки. Во-первыхъ, по твоему желанью, а по моему лепанью, я былъ въ Хунзахѣ. Пробрался такъ тихо, что не спугнулъ ни одного дрозда съ дороги. Султанъ Ахметъ-Ханъ здоровъ и дома. Онъ распрашивалъ о тебѣ, преважно качалъ головою, и спросилъ, не нужно-ли тебѣ верешена, разсучивать Дербентскій шелкъ? Ханша посылаетъ *тохъ селаммумъ* (много привѣтствій) и столько-же сладкихъ пирожковъ. Я выбросилъ ихъ на первомъ привалѣ: всѣ измололись, проклятые. Сурхай Ханъ, Нуцалъ-Ханъ...

« Чортъ ихъ побери однимъ разомъ!.. Что-же Селтанета? »

— Ага! наконецъ дотронулся до сердечной

(*) У Татаръ непремѣнное обыкновеніе, отдавать вѣстнику чего нибудь пріятнаго свою верхнюю съ плеча одежду.

Digitized by Google

мозоли. Селтанеша, милой мой, хороша какъ небо съ звѣздами; только на этомъ небѣ я видѣлъ зарницу лишь тогда, какъ о тебѣ разговаривалъ. Она чуть не кинулась мнѣ на шею, когда наединѣ я открылъ ей причину моего пріѣзда. Я насказалъ ей верблюжій вьюкъ отъ тебя привѣтствій, увѣрилъ, что ты съ любви къ ней чуть живъ, бѣдняга... а она такъ и заливается слезами!

«Милая, добрая душа!! Что-жъ велѣла мнѣ сказать она?»

— Спроси лучше, чего не велѣла! Говоритъ, что съ тѣхъ поръ какъ ты уѣхалъ, она и во снѣ не радовалась; что зимній снѣгъ выпалъ на ея сердце, и одно только свиданіе съ милымъ, какъ вешнее солнце, можетъ растопить его.... Впрочемъ, если-бъ мнѣ дожидаться конца ея наказовъ, а тебѣ моихъ пересказовъ, то мы оба пріѣхали-бы въ Дербентъ съ сѣдыми бородами. Со всѣмъ тѣмъ, она чуть не выгнала меня поропя: ей хотѣлось, чтобы ты ни минуты не сомнѣвался въ ея любви!

«Безцѣнная дѣвушка!.. не знаешь ты, да и самъ я не умѣю высказать, какое блаженство мнѣ быть съ тобою, какое мученье быть въ разлукѣ, не видѣть тебя!»

— То-то и есть, Аммалатъ; она крѣпко скучаетъ, что не можетъ наглядѣться на не-

Digitized by Google

нагляднаго; говоришь: « Неужли онъ не можетъ пріѣхать хошь на денекъ, хошь на часокъ, хошь на минуточку! »

« Взглянешь на нее и пошомъ умрешь гошовъ бы я! »

— Эй, жить захочется, когда на нее взглянешь! Присмирѣла она прошивъ прежняго, а все еще такой живчикъ, что взглянешь, такъ кровь заиграетъ.

« Разсказалъ-ли ты ей, почему не льзя мнѣ выполнить ея воли и своего страстнаго желанія? »

— Насказалъ такихъ небылицъ, что ты-бы подумалъ, будто я стихотворецъ Персидскаго Шаха. Расплакалась Селшанеша, словно горный ключъ послѣ дождя. *Рюмить* да и все шушъ.

« Зачѣмъ-же приводишь ее въ отчаяніе? Не льзя теперь, не значитъ еще: на вѣкъ не возможно. Знаешь женское сердце, Сафиръ-Али: конецъ надеждѣ, для нихъ конецъ любви! »

— Сѣешь слова на вѣшеръ, *джанымъ* (душа моя). Надежда у влюбленныхъ безконечный клубокъ. Съ холодной кровью и глазамъ не вѣрится, а полюбишь, такъ и призракамъ станешь вѣрить. Я думаю, Селшанеша надѣялась-бы, что ты изъ гроба прискачешь къ ней, не то что изъ Дербента.

Digitized by Google

« Чѣмъ лучше гроба для меня этотъ Дербентъ! Не шѣмъ-ли, что сердце чувствуетъ исцѣленіе и не можетъ избѣжать его? Здѣсь одинъ трупъ мой: душа далеко, далеко! »

— Кажется и умъ у тебя не рѣдко изволитъ гуляшь ни вѣсшь гдѣ, любезный Аммалатъ! Чѣмъ тебѣ не житье у В.! Воленъ и доволенъ: любимъ какъ братъ меньшой, лелѣемъ словно невѣста. Пустъ шакъ: мила твоя Селтанета; да вѣдь и В. не много. Развѣ не льзя принести въ жертву дружбѣ хотъ частичку любви?

« Развѣ я этого не дѣлаю, Сафиръ-Али? Но, если-бъ ты зналъ, чего мнѣ это стоитъ: все равно, если-бъ я рвалъ на клочки сердце свое. Дружба прекрасное дѣло, но она не замѣнитъ любви. »

— По крайней мѣрѣ она можетъ утѣшить ее, можетъ быть помочь ей. Говорилъ-ли ты объ этомъ съ Полковникомъ?

« Никакъ не рѣшусь. Слова замираютъ на губахъ, когда вздумаю завести рѣчь о любви своей. Онъ такъ разсудителенъ, что мнѣ совѣстно скучать ему своимъ безумiемъ; онъ такъ добръ, что я не смѣю употребить во зло его терпѣнiя. Правду молвить, онъ своею откровенностiю вызываетъ, ободряетъ мою. Вообрази себѣ, что онъ влюбленъ отъ самаго младенчества въ женщину, съ которою выросъ, и

Digitized by Google

вѣрно-бы женился на ней, если-бъ по ошибкѣ его не поставили въ спискѣ убитыхъ во время войны съ Фиренгами. Невѣста его поплакала, и, разумѣется, ее выдали за-мужъ. Вотъ онъ летитъ на родину, и находитъ свою милую женою другаго. Чтожъ-бы ты думалъ, что́бы я сдѣлалъ въ такомъ случаѣ? вонзилъ кинжалъ въ грудь похитителя сокровища... увезъ-бы ее на край свѣта, чтобы хоть часъ, хоть мигъ повладѣть ею... или хоть въ мести наслаждаться за отнятое счастіе! Ничего не бывало. Онъ узналъ, что соперникъ его предобрый и предостойный человѣкъ. Онъ имѣлъ хладнокровіе подружиться съ нимъ, имѣлъ терпѣнье быть часто съ прежнею невѣстою, и ни словомъ, ни дѣломъ не измѣнить новому другу съ старою подругою!»

— Рѣдкій человѣкъ, если это не сказка! — молвилъ Сафиръ-Али съ чувствомъ, бросивъ повода: — твердый другъ!

«За то какой ледяной любовникъ! Этого мало. Чтобъ избавить отъ толковъ обоихъ супруговъ-онъ уѣхалъ сюда на службу. Недавно, къ счастію-ли, къ несчастію-ли его, умеръ его пріятель-соперникъ. И что-жь? Ты думаешь, онъ бросился скакать въ Россію? Нѣтъ, служба удержала его. Главнокомандующій сказалъ ему нѣсколько словъ, увѣрилъ, что онъ необходимъ здѣсь еще на годъ, и онъ остался, питая любовь свою бу-

Digitized by Google

магою. Можетъ-ли такой человѣкъ, со всей своей добротою, понять страсть мою! При томъ, между нами столько разницы въ лѣтахъ, въ понятіяхъ! Онъ убиваетъ меня своимъ недоступнымъ достоинствомъ; и все это холодитъ мою дружбу, вяжетъ искренность. »

— Ты большой чудакъ, Аммалатъ: за то не любишь В., что онъ всѣхъ болѣе достоинъ любви и откровенности!

« Кто сказалъ тебѣ, что я не люблю его!.. Мнѣ не любить его, моего воспитателя, моего благодѣтеля? Да и могу-ли кого нибудь не любить съ тѣхъ поръ, какъ люблю Селтанету. Я люблю весь свѣтъ, всѣхъ людей! »

— Не помногу-же достанется на брата! — сказалъ Сафиръ-Али.

« Стало-бы не только напоить, но ушопить весь міръ! » возразилъ улыбаясь Аммалатъ.

— А га! Вотъ что значитъ видѣть красавицъ безъ покрывала, и потомъ ничего не видѣть, кромѣ покрывалъ и бровей. Видно тебѣ, какъ Урмійскому соловью (*), надобна для пѣсенъ клѣтка.

Такъ разговаривая, друзья скрылись въ чащѣ лѣса.

(*) Урмійская долина есть садъ печальной, каменистой Персіи. Весною, это царство розъ, осенью винограда.

Digitized by Google

ГЛАВА VII-я.

Отрывокъ изъ письма Полковника В. къ его невѣстѣ.

Дербентъ. Апрѣль.

Прилети ко мнѣ сердце моего сердца, милая Марія! Полюбуйся на прелестную, вешнюю ночь Дагестана. Тихъ лежитъ подо мною Дербентъ, подобенъ черной полосѣ лавы, упавшей съ Кавказа и въ морѣ застылой. Вѣтерокъ навѣваетъ мнѣ благоуханіе цвѣтущихъ миндальныхъ деревьевъ, соловьи перекликаются въ ущеліи, сзади крѣпости; все дышитъ жизнію и любовью, и стыдливая природа, полная симъ чувствомъ, какъ невѣста задернулась дымкой тумановъ. И какъ дивно разлилось ихъ море надъ моремъ Каспійскимъ! Нижнее колышется какъ воронёная кольчуга, верхнее ходитъ серебряной зыбью, озаренное полною луною, которая катится по небу словно золотая чаша, и звѣзды блещутъ кругомъ нее, какъ разбрызганныя капли. Каждый мигъ, отраженіе лучей луны въ парàхъ ночи измѣняетъ картины, упреждая самое воображеніе, то изумляя чудесностію, то поражая новостію. Иногда, кажется будто видишь скалы дикаго берега и объ нихъ въ пѣну разбитый прибой... Валы катятся въ битву,

Digitized by Google

буруны крутятся, всплески летятъ высоко; но безмолвно, медленно опадаетъ волненіе, и серебряныя пальмы возникаютъ изъ лона потопа, вѣтеръ движетъ ихъ стебли, играетъ ихъ долгими листьями — и вотъ они распахнулись парусами корабля, скользящаго по воздушному океану! Видишь, какъ онъ качается: брызги дождятъ на грудь его, волны скользятъ вдоль реберъ, и гдѣ онъ?.. гдѣ самъ я?..

Не повѣришь, безцѣнная, какое сладостно-грустное чувство наводитъ на меня шумъ и видъ моря. Съ нимъ неразлучна во мнѣ мысль о вѣчности, о безконечности, о любви нашей. Видно, сама она безгранична какъ вѣчность. Чувствую, душа моя будто разливается и объемлетъ міръ, подобно океану, свѣтлыми волнами любви: она во мнѣ и окрестъ меня, она единственное, великое, безсмертное во мнѣ чувство. Искра его грѣетъ и озаряетъ меня въ зиму горестей, въ ночи сомнѣній. Тогда я такъ беззавѣтно люблю, такъ тепло вѣрю и вѣрую!!! Ты улыбаешься моей мечтательности, другъ и подруга души моей! Ты изумляешься этому туманному нарѣчію!.. не вини меня. Духъ мой, какъ жилецъ инаго свѣта, не можетъ противостать призывному мерцанію мѣсячнаго луча... отрясаетъ могильный прахъ, разыгрывается и, какъ лучъ мѣсяца, обрисовываетъ всѣ предметы

Digitized by Google

тускло, неопредѣленно. Впрочемъ, ты знаешь, что къ одной тебѣ пишу я все, что ни вспадетъ на стекло моего волшебнаго фонаря—сердца, увѣренный, что сердцемъ, а не привязчивымъ умомъ будешь ты разгадывать сказанное. Пришомъ, въ Августѣ мѣсяцѣ счастливый женихъ твой будетъ лично пояснять всѣ темныя мѣста въ своихъ письмахъ. Не могу вздумать безъ восхищенія о минутѣ встрѣчи нашей!... Я считаю песчинки часовъ, разлучающія насъ, считаю версты, между нами лежащія. И такъ въ половинѣ Іюня ты будешь на Кавказскихъ водахъ? И такъ лишь одна ледяная цѣпь Кавказа останется между двумя пылкими сердцами... Какъ близко и какъ еще неизмѣримо далеко будемъ мы другъ отъ друга. О, сколько-бы лѣтъ жизни отдалъ я, чтобы приблизить часъ свиданія. Души наши обручены такъ давно... для чего-жь разлучены доселѣ?..

. . . . . .

Аммалатъ мой скрытенъ и недовѣрчивъ. Я не виню его. Я знаю, какъ трудно переломить привычки, всосанныя съ матернимъ молокомъ и съ воздухомъ родины. Варварскій деспотизмъ Персіи, столь долго владѣвшей Адербиджаномъ, воспиталъ въ Кавказскихъ Ташарахъ самыя низкія страсти, ввелъ въ честь самые презрительные происки. Да и могло-ли быть иначе

Digitized by Google

шамъ, гдѣ и самая справедливость суда поражаетъ украдкою, гдѣ хищеніе есть преимущество власти? « Дѣлай со мною что хочешь, но позволь мнѣ дѣлать съ нижними что я хочу: » вотъ Азіятское управленіе, честолюбіе и нравственность. Отъ этого, каждый, находясь между двумя врагами, привыкалъ прятать свои мысли, какъ свои деньги. Отъ этого каждый старался лукавить передъ сильнымъ, чтобы добыть черезъ него силу, и передъ богатымъ, чтобы выжать изъ него взятку угнетеніемъ или доносомъ. Отъ этого здѣшній Татаринъ не скажетъ слова, не ступитъ шага даромъ, не подаритъ огурца, безъ надежды получить за него отдарокъ. Грубый до дерзости съ каждымъ, кто не облеченъ властію, онъ плашмя передъ чиномъ, передъ полнымъ карманомъ. Горстями сыплетъ лесть, отдаетъ вамъ домъ, дѣтей, душу свою, для того, чтобы словами уклонить отъ себя дѣло, и если дѣлаетъ услугу, то вѣрно по разсчету. Въ дѣлахъ денежныхъ (это самая слабая сторона Татаръ), червонецъ есть камень преткновенія: трудно вообразить до какой степени падки они до выгодъ! Армяне тысячу разъ ниже ихъ въ характерѣ, но едва-ли они уступятъ имъ въ продажности, въ корыстолюбіи... *et c'est tout dire.* Мудрено-ли-же, что съ младенчества видя такіе примѣры, Аммалатъ, хотя и со-

Digitized by Google

хранилъ въ себѣ свойственное благородной крови отвращеніе ко всему низкому, но принялъ скрытность, какъ необходимое оборонительное оружіе, противу явныхъ злодѣевъ своихъ и тайныхъ недоброхотовъ. Священныя узы родства почти не существуютъ для Азіятца. У нихъ сынъ рабъ своего отца; братъ его соперникъ. Нѣтъ довѣрія къ ближнему, потому что нѣтъ вѣрности ни въ комъ. Ревность къ женамъ и подозрѣніе, въ подъискахъ задушаетъ братство и дружество. Ребенокъ, воспитанный матерью-невольницею, не знающій ласки отца, и потомъ задушенный Арабскою грамотою, скрываетися въ самомъ себѣ даже и отъ товарищей; съ первыхъ ногтей заботится только о себѣ. Съ первымъ пухомъ на бородѣ, для него закрыты всѣ двери и всѣ сердца: мужья смотрятъ на него изкоса, женщины бѣгутъ какъ отъ звѣря, и первыя, самыя невинныя движенія его сердца, первый голосъ человѣчества, первое стремленіе природы — суть уже преступленія передъ изувѣрскимъ Магометанствомъ. Онъ не смѣетъ открыть ихъ родному, довѣритъ пріятелю... онъ долженъ даже плакать тайно отъ другихъ.

Все это говорю я, милая Марія, въ извиненіе Аммалату: полтора года живетъ онъ у меня, и до сихъ поръ не открылся мнѣ, кого лю-

Digitized by Google

бишъ, хотя очень могъ видѣшь, что не изъ пустаго любопытства, а изъ душевнаго участія хотѣлъ я вызнать тайны его сердца. Наконецъ онъ разсказалъ мнѣ все, и вотъ какъ это случилось.

Вчера я выѣхалъ съ Аммалатомъ прогуляться за городъ. Мы поднялись по ущелію въ гору, на западъ; далѣе и далѣе, выше и выше, мы не замѣтно очутились подлѣ деревни Кемекъ, рядомъ съ которою видна уже стѣна, защищавшая нѣкогда Переію отъ набѣговъ кочевыхъ народовъ Закавказскихъ степей, часто громившихъ ея границы. Дербентская лѣтопись (Дербентъ-наме) приписываетъ, но невѣрно, ея незапамятную постройку какому-то Исфендіару: вотъ начало молвы, передавшей сей трудъ Искендару, т. е. Александру Великому, никогда въ этихъ краяхъ не бывавшему. Царь Нуширванъ открылъ ее, возобновилъ, и поселилъ при ней стражу. Не разъ впослѣдствіи была она поправляема и снова падала въ прахъ, заросшая, какъ теперь, вѣковыми деревьями. Осталось повѣрье, будто стѣна эта отъ Каспія шла до Чернаго моря (*), пересѣкая весь Кав-

(*) Я убѣжденъ, что Кавказскія ворота Древнихъ, желѣзныя ворота Русскихъ Историковъ, находились не въ Дербентѣ, а въ Дарьялѣ (*Даръ-ялъ* — узкая

Digitized by Google

казъ, имѣя крайними *желѣзными воротами* Дербентъ, а средними Дарьялъ: но это болѣе чѣмъ сомнительно вообще, хотя несомнѣнно въ частномъ. Слѣды ея, видимые далеко въ горахъ, прерываются только обрывами и ущеліями до военной дороги, но оттуда къ Черному морю, кажется, по Мингреліи нѣтъ никакихъ признаковъ продолженія.

Я съ любопытствомъ разсматривалъ эту огромную стѣну, укрѣпленную частыми башнями, дивясь величію Древнихъ даже въ самыхъ безумныхъ прихотяхъ деспотизма, величію, до

дорога, тѣснина). Что Восточные Историки называли иногда Дербентъ *Темиръ-капи*, это не доказательство: они и двадцать другихъ городовъ величали тѣмъ-же именемъ; а нынѣ, вопреки разсказамъ иныхъ, вторящихъ одно и тоже путешественниковъ, въ цѣлой Азіи никто не знаетъ Дербента подъ названіемъ Желѣзныхъ воротъ. Плиній описываетъ Дарьялъ очень подробно. Прокопій называетъ оный Каспійскими воротами, но видимо разумѣетъ Дарьялъ, а не Дербентъ. И наконецъ Ханъ Половецкій, разбитый Мономахомъ, ушелъ въ Абазинскую землю за Желѣзныя ворота, слѣдственно за Дарьялъ, а не Дербентъ, ибо черезъ сей послѣдній нѣтъ средства пробраться въ Абхазію. Грузинскія лѣтописи приписываютъ построеніе Дарьяльскаго замка Мирвану, Царю своему; Прокопій отдаетъ эту честь Александру, сыну Филиппа!!!

Digitized by Google

котораго достигнуть не дерзаютъ и мыслію, не только исполненіемъ, нынѣшніе женоподобные властители Востока. Чудеса Вавилона, Меридово озеро, пирамиды Фараоновъ, безконечная ограда Китая, и эта стѣна, проведенная въ мѣстахъ дикихъ, безлюдныхъ, по высямъ хребтовъ, по безднамъ ущелій — свидѣтели желѣзной, исполинской воли и необъятной власти прежнихъ Царей. Ни время, ни землетрясенія не могли совершенно разрушить прудовъ плѣннаго человѣка, и пята тысящелѣтій не совсѣмъ раздавила, не совсѣмъ вдолпала въ землю остатки древности незапамятной. Мѣста эти возбуждали во мнѣ еще благоговѣйнѣе думы... Я бродилъ по слѣдамъ Великаго Петра, я воображалъ Его, основателя, преобразователя юнаго царства, на сихъ развалинахъ дряхлѣющихъ царствъ Азіи, изъ среды коихъ вырвалъ Онъ Русь и мочной десницею вкатилъ въ Европу. Какой огонь сверкалъ тогда въ орлиномъ взорѣ Его, брошенномъ съ выси Кавказа! Какія геніяльныя думы звѣздились въ умѣ; какія святыя чувства вздымали геройскую груды! Великая судьба отечества развивалась передъ Его очами, вмѣстѣ съ горизонтомъ; въ зеркалѣ Каспія зрѣлась Ему картина будущаго благоденствія Россіи, Имъ посѣяннаго, окропленнаго кровавымъ Его потомъ. Не пустыя завоеванія, но побѣда надъ варварствомъ, но благо человѣчества были

Digitized by Google

Его цѣлью. Дербентъ, Бака, Астрабадъ: вотъ звенья цѣпи, которою хотѣлъ Онъ опутать Кавказъ и связать торговлю Индіи съ Русскою. Полубогъ Сѣвера! Ты, котораго создала природа, чтобы польстить гордости человѣка и привести въ отчаяніе недоступнымъ величіемъ! Твоя тѣнь возникала передо мной, огромна и лучезарна, и водопадъ вѣковъ, казалось, разсыпался въ пѣну у твоихъ стопъ (*)! Задумчивъ и безмолвенъ ѣхалъ я далѣе.

Кавказская стѣна одѣта съ сѣвера тесаными плитами, чисто и крѣпко на извести сложенными. Многіе зубцы еще цѣлы, но слабыя сѣмена, запавшія въ трещины, въ спаи, раздираютъ камни корнями деревьевъ, изъ нихъ произросшихъ, и въ союзѣ съ дождями низвергаютъ долу громады: и по развалинамъ всходятъ, будто на приступъ, раины, дубы, гранаты. Орелъ не возмутимо вьетъ гнѣздо въ башнѣ, когда-то

(*) Татары съ уваженіемъ вспоминаютъ Петра. Угловая комната, въ которой жилъ онъ въ Ханскомъ домѣ въ крѣпости Дербента, сохранялась, какъ она была при немъ. Рускіе все передѣлали: не пощадили даже окна, изъ котораго любовался Онъ моремъ. Петръ оставилъ здѣсь Маіора Туркула, родомъ Венгерца, который усовершилъ винодѣліе; теперь нѣтъ въ Дербентѣ даже порядочнаго уксусу!!!

Digitized by Google

полной воинами, и на очагѣ, внутри ея, холодномъ уже нѣсколько вѣковъ, лежатъ свѣжія кости дикихъ козъ, нападанныя туда шакалами. Индѣ исчезалъ вовсе слѣдъ развалинъ, и потомъ отрывки стѣны возникали снова изъ подъ травы и лѣса. Такъ проѣхавъ версты три вдоль, достигли мы до воротъ и проѣхали на южную сторону, сквозь сводъ, подернутый мохомъ и заросшій кустарникомъ. Не успѣли мы сдѣлать 20-ти шаговъ, какъ вдругъ, за огромною и высокою башнею, наткнулись на шестерыхъ вооруженныхъ горцевъ, по всѣмъ примѣтамъ принадлежавшихъ къ разбойничьимъ шайкамъ вольныхъ Табасаранцевъ. Они лежали въ тѣни, близъ пасущихся коней своихъ. Я обомлѣлъ. Я тогда только раздумалъ, какъ безразсудно поступилъ, заѣхавъ такъ далеко отъ Дербента безъ конвоя. Скакать назадъ было невозможно по кустамъ и каменьямъ; драться съ шестерыми удальцами было-бы отчаянно; со всѣмъ тѣмъ я схватился за сѣдельный пистолетъ; но Аммалатъ-Бекъ, увидѣвъ въ чемъ дѣло, опередилъ меня, сказавъ тихо: «Не берись за оружіе, или мы погибли.»

Разбойники, замѣтивъ насъ, вскочили и выправили ружья; только одинъ, широкоплечій, видный, съ самымъ звѣрскимъ лицомъ Лезгинъ, остался лежащимъ на землѣ: онъ хладнокровно

Digitized by Google

приподнялъ голову, посмотрѣлъ на насъ и махнулъ своимъ рукою. Въ одну минуту мы очутились въ кругу ихъ, между тѣмъ какъ узкая тропа впередъ загражденa осталась Атаманомъ. «Прошу долой съ коней, милые гости,» произнесъ онъ улыбаясь; но видно было, что вторымъ приглашеніемъ будетъ пуля. Я мѣшкалъ, но Аммалатъ-Бекъ проворно соскочилъ съ коня и прямо пошелъ къ Атаману. «Здорово,» сказалъ онъ ему, «здорово, сорви-голова! Не чаялъ я тебя видѣть: я думалъ, изъ тебя ужь давно черти лапшу сдѣлали.»

— Скоро ѣздишь, Аммалатъ-Бекъ!—отвѣчалъ тотъ. — Я надѣюсь еще выкормить здѣшнихъ орловъ тѣлами Рускихъ, и вашей братьи Татаръ, у которыхъ киса больше чѣмъ сердце.

«Ну что, какова ловля, Шемарданъ?» спросилъ небрежно Аммалатъ-Бекъ.

— Было плохо. Рускіе сторожки, и развѣ съ лезвія случалось угнать полковой табунъ, или продать въ горы человѣкъ двухъ солдатъ. Съ марёной и шелкомъ громоздко возиться, а Персидскихъ шкапей стали мало возить на арбахъ. Приходилось и сегодня порыскать и повыть даромъ по-волчьи, да, спасибо, Аллахъ смилостивился: въ руки далъ богатаго Бека и Русскаго Полковника!

Digitized by Google

У меня замерло сердце, когда я услышалъ эти слова.

«Не продавай сокола въ небѣ,» возразилъ Аммалатъ: «продавай, когда посадишь его на перчатку.»

Разбойникъ сѣлъ, схватился за курокъ ружья и устремилъ на насъ проницательные взоры. — Послушай, Аммалатъ! — сказалъ онъ. — Неужели вы думаете убѣжать отъ меня? неужели дерзнете защищаться?...

«Будь покоенъ,» возразилъ Аммалатъ. «Что мы за глупцы идти двумъ на шестерыхъ. Любо намъ золото, однако душа дороже. Попались, такъ нечего дѣлать: лишь-бы ты не заломилъ безпутной цѣны за выкупъ. У меня, самъ ты знаешь, ни отца, ни матери, а у Полковника и подавно ни роду, ни племени.»

— Нѣтъ отца, такъ есть наслѣдство отъ отца. Вѣдь мнѣ съ тобой не роднею считаться. Впрочемъ, я человѣкъ совѣстливый: нѣтъ червонцевъ, такъ я возьму и баранами; а про Полковника ты не пой мнѣ пѣсенъ: я знаю, что за него отдадутъ всѣ солдаты послѣднюю пуговицу съ мундира. Ужь коли за Ш. (*) дали

(*) Полковникъ Ш. былъ выкупленъ офицерами Кавказскаго Корпуса.

Digitized by Google

выкупу десять тысячь рублевиковъ, за этого дадутъ и больше. Впрочемъ увидимъ, увидимъ! Коли будете смирны... я вѣдь не Джеудъ (Жидъ) какой, не людоѣдъ. Первіадеръ (Всевышній) проститъ!

«Ну тото-же, пріятель: корми да пои насъ хорошенько, такъ присягу даю и честью моей завѣряю, мы не задумаемъ ни бить тебя, ни бѣжать отъ тебя.»

— Вѣрю, вѣрю! Люблю, что безъ шуму дѣло сладили. Какой ты молодецъ сталъ, Аммалатъ: конь не конь, ружье не ружье; заглядѣнье да и только! Покажи-ка, другъ, кинжалъ свой? Вѣрно Кубачинская насѣчка на ножнахъ.

«Нѣтъ, Кизлярская,» отвѣчалъ Аммалатъ, покойно разстегивая поясокъ кинжала. «Да клинокъ-то посмотри: диво! гвоздь пополамъ, словно свѣчку. На этой сторонѣ имя мастера: на, хоть самъ читай: *Али-уста, Каза-нищской!*» И между тѣмъ онъ повертывалъ обнаженнымъ клинкомъ передъ глазами жаднаго Лезгина, который хотѣлъ показать, что знаетъ грамотѣ, и со вниманіемъ разбиралъ связную надпись... Но вдругъ кинжалъ сверкнулъ какъ молнія: Аммалатъ, улуча мигъ, рубнулъ Шемардана по головѣ со всего размаха, и ударъ былъ столь жестокъ, что кинжалъ остановился въ зубахъ нижней челюсти. Трупъ рухнулъ на траву. Не

Digitized by Google

сводя глазъ съ Аммалата, я послѣдовалъ его примѣру и положилъ изъ пистолета ближняго ко мнѣ разбойника, державшаго за узду моего коня. Это было знакомъ къ бѣгству остальныхъ бездѣльниковъ: какъ будто со смертью Атамана распоргся узелъ своры, на которую были они привязаны. Между тѣмъ какъ Аммалатъ, по Азіятскому обычаю, снималъ съ убитыхъ оружіе и связывалъ вмѣстѣ поводья оставленныхъ коней, я выговаривалъ ему за его притворство и клятвы передъ разбойникомъ. Онъ съ удивленіемъ поднялъ голову: «Чудный вы человѣкъ, Полковникъ!» возразилъ онъ мнѣ. «Этотъ злодѣй надѣлалъ, изподтишка, Рускимъ ему вреда, то пожигая стоги сѣна, то уводя въ плѣнъ одинокихъ солдатъ, дровосѣковъ! Знаете-ли, что онъ-бы замучилъ, истиранилъ насъ для того, чтобы мы пожалобнѣе писали къ своимъ и тѣмъ болѣе дали выкупу.»

— Все это такъ, Аммалатъ — сказалъ я — но лгать, но клясться не должно ни въ шуткѣ, ни въ бѣдѣ. Развѣ не могли мы прямо кинуться на разбойниковъ, и начать тѣмъ, чѣмъ кончили.

«Нѣтъ, Полковникъ, не могли. Если-бъ я не заговорилъ Атамана, насъ-бы при первомъ движеніи пронзили пулями. Притомъ, я знаю эту сволочь весьма хорошо: они храбры только въ глазахъ атамана, и съ него надобно было на-

Digitized by Google

чать расправу.» Я качалъ головою. Азіятское коварство хотя и спасло меня, но не могло мнѣ понравиться. Какую вѣру могу я имѣть къ людямъ, привыкшимъ играть честью и душою! Мы сбирались было садиться на коней, когда услышали стонъ раненаго мною горца. Онъ очнулся, приподнялся и жалобно умолялъ насъ не покидать его на съѣденье звѣрямъ лѣснымъ. Мы оба кинулись помочь несчастному, и каково было удивленіе Аммалата, когда онъ узналъ въ немъ одного изъ нукеровъ Султанъ-Ахметъ-Хана Аварскаго. На вопросъ, какъ онъ попалъ въ шайку разбойниковъ, онъ отвѣчалъ: «Шайтанъ соблазнилъ меня. Ханъ послалъ меня въ сосѣднюю деревню Кемекъ, съ письмомъ къ славному Гакиму (доктору) Ибрагиму, за какой-то травой, что, говорятъ, всякую болѣсть какъ рукой снимаетъ. На бѣду повстрѣчалъ меня на дорогѣ Шемарданъ! Присталъ: поѣдемъ да поѣдемъ со мной понаѣздничать. Изъ Кубы ѣдетъ Армянинъ съ деньгами: не утерпѣло сердце молодецкое... охъ, Алла гиль Алла! Вынулъ онъ изъ меня душу.»

— Тебя послали за лекарствомъ, говоришь ты? — спросилъ Аммалатъ. —Да кто-же у васъ боленъ?

«Наша Ханумъ Селтанета при смерти: вотъ и писанье къ лекарю про болѣзнь ея.» При

Digitized by Google

этомъ словѣ онъ отдалъ Аммалату серебряную трубочку, въ которую вложена была свитая бумажка. Аммалатъ поблѣднѣлъ какъ смерть: руки его дрожали, очи скрылись подъ бровями, когда пробѣгалъ онъ записку... Прерывающимся голосомъ повторялъ онъ несвязныя слова: «Не ѣстъ, не спитъ уже три ночи... бредитъ!.. жизнь ея въ опасности... спасите! Боже правды! а я здѣсь веселюсь, праздничаю, въ то время какъ душа души моей готова покинуть землю и оставить меня плѣющимъ трупомъ! О, да падутъ на голову мою всѣ ея болѣзни (*), да лягу я въ гробъ, если этимъ искупится ея здоровье! Милая, прелестная дѣвушка! Ты вянешь, роза Аваріи, и на тебя простерла судьба свои желѣзные когти! Полковникъ!» вскричалъ онъ наконецъ, схвативъ меня за руку. «Исполните мою единственную, священную просьбу: позвольте мнѣ хоть еще однажды взглянуть на нее....»

— На кого, другъ мой?

«На мою безцѣнную Селтанету, на дочь Хана Аварскаго, которую люблю болѣе чѣмъ жизнь, чѣмъ душу свою... Она больна, она умираетъ,

(*) Это самое нѣжное выраженіе Татарскихъ пѣсенъ, и самый обязательный привѣтъ женщинѣ.

Digitized by Google

можетъ быть ужь умерла теперь, когда я теряю слова даромъ! И не я принялъ въ сердце послѣдній взоръ, послѣдній вздохъ ея, не я отеръ ледяную слезу кончины! О, зачѣмъ угли разрушеннаго солнца не падутъ на мою голову, зачѣмъ не погребетъ меня земля въ своихъ развалинахъ!»

Онъ упалъ на грудь мою и, задушенный тоскою, рыдалъ безъ слезъ, не могши промолвить слова.

Не время было упрекать его въ недовѣрчивости, еще менѣе представлять причины, по которымъ ему-бы не прилично было ѣхать ко врагу Рускихъ. Есть обстоятельства, предъ которыми разсыпаются въ прахъ всѣ приличія: и я чувствовалъ, что Аммалатъ находился въ подобныхъ. На свой страхъ рѣшился я отпустить его. Кто обязываетъ отъ чистаго сердца, и скоро, тотъ обязываетъ дважды: моя любимая пословица и твердое правило. Я сжалъ въ объятіяхъ тоскующаго Ташарина, и слезы наши смѣшались.

«Другъ Аммалатъ!» сказалъ я: «спѣши, куда зоветъ тебя сердце. Дай Богъ, чтобы ты привезъ туда выздоровленіе, а оттуда покой душевный... Счастливый путь!»

— Прощайте, благодѣтель мой! — произнесъ онъ тронутый — и можетъ быть навѣкъ. Я не

Digitized by Google

ворочусь къ жизни, если Алла отнимешь у меня Селтанету. Богъ да хранитъ васъ.

Мы завезли раненаго Аварца къ Гакиму Ибрагиму, взяли у него по рецепту Ханскому травы цѣлительной, и черезъ часъ Аммалатъ-Бекъ, съ четырьмя нукерами, уже выѣхалъ изъ Дербента.

И такъ загадка разгадалась: онъ любитъ. Это плохо, а еще того хуже, что онъ любимъ взаимно. Я вижу, милая, я слышу твое изумленіе. «Можетъ-ли то быть несчастіемъ для другаго, чего ждешь ты для себя какъ благополучія?» спрашиваешь ты... Одно зернышко терпѣнія, ангелъ души моей! Ханъ, отецъ Селтанеты, непримиримый врагъ Россіи, тѣмъ болѣе, что будучи взысканъ Царскими милостями, онъ измѣнилъ онымъ; слѣдственно бракъ возможенъ только въ такомъ случаѣ, когда Аммалатъ измѣнитъ Русскимъ, или Ханъ смирится предъ ними и будетъ прощенъ: обѣ вещи малосбыточныя. Я самъ испыталъ горе, безнадежье въ любви; я много пролилъ слезъ на уединенное изголовье мое, и сколько разъ жаждалъ могильной тѣни, чтобы простудить въ ней бѣдное сердце! Могу-ли-же не жалѣть юноши, котораго люблю безкорыстно, который любитъ безнадежно? Но это не намоститъ моста къ счастью, и потому думаю, что если-бъ

Digitized by Google

онъ не имѣлъ несчастія быть любимымъ взаимно, онъ-бы по немногу забылъ ее.

« Однако, » говоришь ты (и мнѣ кажется, я слышу твой серебристый голосъ, любуюсь твоей ангельскою улыбкою), » однако обстоятельства могутъ перемѣниться для нихъ, какъ они перемѣнились для насъ. Неужели одно несчастіе имѣетъ привиллегію быть вѣчнымъ на свѣтѣ? » Не спорю, милая, но со вздохомъ признаюсь: сомнѣваюсь... даже боюсь и за нихъ и за насъ. Судьба улыбается намъ; надежда поетъ сладкія пѣсни: но судьба — море, надежда—Сирена морская: опасна тишина перваго, гибельны обѣты второй. Все кажется споспѣшествуетъ нашему соединенію: но вмѣстѣ-ли мы? Не понимаю отъ чего, милая Марія, холодъ вникаетъ въ грудь вмѣстѣ съ самими жаркими мечтами о будущемъ блаженствѣ, и мысль о свиданіи потеряла свою опредѣленность. Но это все минетъ, все обратится въ наслажденіе, когда я прижму твою ручку къ устамъ своимъ, твое сердце къ своему сердцу!! Ярче сверкаетъ радуга на черномъ полѣ тучь, и самыя счастливѣйшія мгновенія жизни суть междометія горести.

Digitized by Google

ГЛАВА VIII-я.

Аммалатъ загналъ двухъ коней и бросилъ на дорогѣ нукеровъ своихъ; за то къ концу другаго дня былъ уже невдалекѣ отъ Хунзаха. Съ каждымъ шагомъ росло его нетерпѣніе, и съ каждымъ мигомъ увеличивался страхъ, не застанетъ въ живыхъ свою милую. Онъ затрепеталъ, когда показались ему изъ утесовъ верхи башенъ Ханскаго дома... въ глазахъ померкло. «Жизнь или смерть встрѣчу я тамъ?» молвилъ онъ въ самомъ себѣ, и скрѣпя сердце удвоилъ бѣгъ коня.

Онъ настигъ всадника, вооруженнаго съ головы до ногъ; другой всадникъ ѣхалъ изъ Хунзаха ему на встрѣчу, и едва завидѣли и разглядѣли они другъ друга, пустили коней вскачь, съѣхались, соскочили на землю, и, вдругъ обнаживъ сабли, съ ожесточеніемъ кинулись другъ на друга, не вымолвивъ ни одного слова, какъ будто-бы удары были обычнымъ дорожнымъ привѣтствіемъ. Аммалатъ-Бекъ, которому они заградили узкую тропинку между скалъ, съ изумленіемъ смотрѣлъ на бой двухъ противниковъ: онъ былъ коротокъ. Попутный всадникъ упалъ на камни, обливая ихъ кровью изъ разверстаго черепа; побѣдитель, хладнокровно отирая полосу, обратилъ слово къ Аммалату: «Кстати

приходъ твой! Я радъ, что судьба привела тебя въ свидѣтели нашего поединка. Богъ, а не я убилъ обидчика, и теперь родные его не скажутъ, что я умертвилъ врага украдкою изъ-за камня, не подымутъ на мою голову мести крови.»

— За что встала ссора у тебя съ нимъ? — спросилъ Аммалашъ.—За что заключилъ ты ее такой ужасною местью?

«Этотъ Харамъ-Зада,» отвѣчалъ всадникъ, «не поладилъ со мной за подѣлъ грабленныхъ барановъ; въ досадѣ мы всѣхъ ихъ перерѣзали: не достававайся-же никому... и онъ дерзнулъ выбранить жену мою. Пускай-бы онъ лучше опозорилъ гробъ отца и доброе имя матери, нежели тронулъ славу жены! Я было кинулся на него съ кинжаломъ, да насъ розняли; мы отскакнулись при первой встрѣчѣ рубиться, и вотъ Аллахъ разсудилъ насъ. Бекъ вѣрно ѣдешь въ Хунзахъ, вѣрно въ гости къ Хану?» примолвилъ всадникъ.

Аммалашъ, заставляя своего коня перепрыгнуть черезъ трупъ, лежащій поперегъ дороги, отвѣчалъ утвердительно.

«Не въ пору ѣдешь, Бекъ, очень не въ пору!»

Вся кровь кинулась въ голову Аммалаша. — Развѣ въ домѣ Хана случилось какое несчастье?—

Digitized by Google

спросилъ онъ удерживая коня, котораго за мигъ прежде, ударилъ плетью, чтобы скорѣй домчаться до Хунзаха.

«Не то чтобы несчастье: у него крѣпко была больна дочь Селтанета, и теперь...»

— Умерла? — вскричалъ Аммалатъ блѣднѣя.

«Можетъ быть и умерла; по крайней мѣрѣ умираетъ. Когда я проѣзжалъ мимо Ханскихъ воротъ, на дворѣ поднялась такая бѣготня и плачъ и вой женщинъ, будто Рускіе берутъ Хунзахъ приступомъ... Заѣзжай, сдѣлай милость...»

Но Аммалатъ уже не слыхалъ ничего болѣе: онъ стремглавъ ускакалъ отъ удивленнаго узденя; только пыль катилась дымомъ съ дороги, словно зажженной искрами, сыплющимися изъ подъ копытъ. Быстро прогремѣлъ онъ по извилистымъ улицамъ, взлетѣлъ на гору, спрыгнулъ съ коня среди двора Ханскаго, и задыхаясь пробѣжалъ по переходамъ до комнаты Селтанеты, опрокидывая, расталкивая нукеровъ и прислужницъ, и наконецъ, не примѣтивъ ни Хана, ни жены его, прорвался до самаго ложа больной, и почти безъ памяти упалъ при немъ на колѣни.

Внезапный, шумный приходъ Аммалата возмутилъ печальное общество присутствующихъ.

Digitized by Google

Селтанета, въ которой кончина пересиливала уже бывіе, будто проснулась изъ мучительнаго забытья горячки: щеки ея горѣли обманчивымъ румянцемъ, какъ осенній листъ передъ паденьемъ; въ туманныхъ глазахъ догорали послѣднія искры души; уже нѣсколько часовъ была она въ совершенномъ изнеможеніи, безгласна, неподвижна, отчаянна. Ропотъ неудовольствія въ окружающихъ и громкія восклицанія изступленнаго Аммалата, казалось, воротили ослѣпшій духъ больной... она вспрянула... глаза ея заблистали... «Ты-ли это, ты-ли?..» вскричала она, простирая къ нему руки... «Аллахъ берекетъ!.. теперь я довольна! Я счастлива,» примолвила она, опускаясь на подушки. Улыбка сомкнула уста ея, рѣсницы упали, и она снова погрузилась въ прежнее безпамятство.

Отчаянный Аммалатъ не внималъ ни вопросамъ Хана, ни выговорамъ Ханши; никто, ничто не отвлекало его вниманія отъ Селтанеты, не исторгало изъ скорби глубокой. Его насилу могли вывести изъ комнаты больной. Прильнувъ къ ея порогу, онъ рыдалъ неутѣшно, то умоляя небо спасти Селтанету, то обвиняя, укоряя его въ ея болѣзни. Трогательна и страшна была тоска пылкаго Азіятца.

Между тѣмъ появленіе Аммалата произвело на больную спасительное вліяніе. То, чего не

Digitized by Google

могли, или не умѣли сдѣлать горные врачи; произошло отъ случая. Надобно было пробудить онѣмѣвшую жизненную дѣятельность сильнымъ колебаніемъ: безъ этого она погибла бы, не отъ болѣзни, уже затихшей, но отъ изнеможенія, какъ лампа, гаснущая не отъ вѣтра, но отъ недостатка воздуха. Наконецъ молодость взяла верхъ: послѣ перелома, жизнь опять разыгралась въ сердцѣ умиравшей. Послѣ долгаго, кроткаго сна, она пробудилась съ обыкновенными силами, съ свѣжими чувствами. «Мнѣ такъ легко, матушка,» сказала она Ханшѣ, весело озираясь: «будто я вся изъ воздуха. Ахъ, какъ сладостно отдохнуть отъ болѣзни: кажется, и стѣны мнѣ улыбаются. Да, я была очень больна, долго больна; я много вытерпѣла; теперь, слава Аллаху, я столько слаба, и это пройдетъ скоро; я чувствую, что здоровье какъ жемчугъ катится у меня по жиламъ. Все прошлое представляется мнѣ въ какомъ-то мутномъ снѣ. Мнѣ видѣлось, будто я погружаюсь въ холодное море, и сгараю жаждою; вдали носились будто во мракѣ и въ туманѣ двѣ звѣздочки; тма густѣла и густѣла; я погрязала ниже и ниже. И вдругъ показалось мнѣ, что кто-то назвалъ меня по имени, и могучею рукою выдернулъ изъ леденѣющаго, безбрежнаго моря... лицо Аммалата мелькнуло передо мной, словно на яву; звѣздочки вспых-

Digitized by Google

нули молніею, и она змѣей ударила мнѣ въ сердце; больше не помню!»

На другой день Аммалашу позволили видѣть выздоравливающую. Султанъ-Ахметъ-Ханъ, видя что онъ него не добиться путнаго отвѣта, покуда сомнѣніе не стихнетъ въ душѣ кипучей страстью, склонился на его неотступныя просьбы. «Пускай всѣ радуются, когда я радуюсь,» сказалъ онъ, и ввелъ гостя въ комнату дочери. Селшанешу предупредили, но со всѣмъ шѣмъ волненіе въ ней было чрезвычайно, когда очи ея встрѣтились съ очами Аммалаша, столь много любимаго, столь долго и напрасно ожидаемаго. Оба любовника не могли вымолвить слова, но пламенная рѣчь взоровъ изъяснила длинную повѣсть, начертанную жгучими письменами на скрижаляхъ сердца. На блѣдныхъ щекахъ другъ друга прочитали они слѣды тяжкихъ думъ и слезъ разлуки, слѣды безсонницы и кручины, страховъ и ревности. Плѣнительна цвѣтущая краса любимой женщины; но ея блѣдность, ея болѣзненная томность — очаровательны, восхитительны, побѣдны! Какое чугунное сердце не растаетъ отъ полнаго слезъ взора ея, который безъ упрека, нѣжно говоритъ вамъ: «Я счастлива: я страдала отъ тебя и для тебя!» Слезы брызнули изъ глазъ Аммалаша; но вспомнивъ наконецъ, что онъ тутъ не одинъ, онъ

Digitized by Google

оправился, поднялъ голову, но голосъ отказывался вылиться словомъ, и онъ насилу могъ сказать: «Мы очень давно не видались, Селшанеша!»

— И едва не разстались навѣчно — отвѣчала Селшанета.

«Навѣчно?» произнесъ Аммалатъ полуукоризненнымъ голосомъ. «И ты могла думать это, вѣришь этому? Развѣ нѣтъ иной жизни, жизни, въ которой не вѣдомо горе, ни разлука съ родными и съ милыми! Если-бы я потерялъ талисманъ своего счастія, съ какимъ-бы презрѣніемъ сбросилъ я съ себя ржавыя, тяжкія латы бытія; для чего-бы мнѣ тогда сражаться съ рокомъ!»

— Жаль, что я не умерла, коли такъ — возразила Селшанета шутя: — ты такъ заманчиво описываешь замогильную сторону, что хочется поскорѣе перепрыгнуть въ нее.

«О нѣтъ: живи, живи долго, для счастія, для...» *любви*, хотѣлъ примолвить Аммалатъ, но покраснѣлъ и умолкнулъ.

Мало по малу, розы здоровья опять раскинулись на щекахъ довольной присутствіемъ милаго дѣвушки. Все опять пошло обычной чередою. Ханъ не уставалъ разспрашивать Аммалата, про битвы и походы и устройство войскъ

Digitized by Google

Рускихъ; Ханша скучала ему спросами о платьяхъ и обычаяхъ женщинъ ихъ, и не могла пропустить безъ воззванія къ Аллаху ни одного раза, слыша, что онѣ ходятъ безъ тумановъ. За то съ Селпанешой находилъ онъ разговоры и разсказы прямо по сердцу. Малѣйшая бездѣлка, другъ до друга касающаяся, не была опущена безъ подробнаго описанія, повторенія и восклицанія. Любовь, какъ Мидасъ, претворяетъ все, до чего ни коснется, въ золото, и, ахъ! часто гибнетъ, какъ Мидасъ, не находя ничего вещественнаго для пищи.

Но съ крѣпнущими силами, съ разцвѣтающимъ здоровьемъ Селпанешы, на чело Аммалата чаще и чаще стали набѣгать тѣни печали. Иногда вдругъ, середи оживленнаго разговора, онъ останавливался незапно, склонялъ голову и прекрасные глаза его подергивались слезною пеленою, и тяжкіе вздохи, казалось, расторгали грудь; то вдругъ онъ вскакивалъ, очи сверкали гнѣвомъ; онъ съ злобной улыбкою хватался за рукоять кинжала, и послѣ того, будто пораженный невидимою рукою, впадалъ въ глубокую задумчивость, изъ которой не могли извлечь его даже ласки обожаемой Селпанешы.

Однажды, въ такую минуту, любовники были глазъ на глазъ. Съ участіемъ склонясь на его

Digitized by Google

плечо, Селимена молвила: «Азизъ (милый), ты грустишь, ты скучаешь со мной!»

— Ахъ, не клевещи на того, кто любитъ тебя болѣе неба — отвѣчалъ Аммалатъ; — но я испыталъ адъ разлуки, и могу-ли безъ тоски вздумать о ней! Легче, во сто разъ легче мнѣ разстаться съ жизнію, чѣмъ съ тобою, черноокая!

«Ты думаешь объ этомъ ... стало быть желаешь этого.»

— Не отравляй моей раны сомнѣніемъ, Селимена. До сихъ поръ ты знала только цвѣсти подобно розѣ, порхать подобно бабочкѣ; до сихъ поръ твоя воля была единственною твоею обязанностію. Но я мужчина, я другъ; судьба сковала на меня цѣпь неразрѣшимую, цѣпь благодарности за добро: она влечетъ меня къ Дербенту.

«Долгъ! обязанность! благодарность!» произнесла Селимена, печально качая головою. «Сколько золотошвейныхъ словъ изобрѣлъ ты, чтобы ими, какъ шалью, прикрыть свою неохоту остаться здѣсь. Развѣ не прежде ты отдалъ душу свою любви, нежели дружбѣ?.. Ты не имѣлъ права отдавать чужое! О, забудь своего В., забудь Русскихъ друзей и Дербентскихъ красавицъ!.. Забудь войну и славу, до-

Digitized by Google

бытую убійствами. Я ненавижу съ тѣхъ поръ кровь, какъ увидѣла тебя ею облитаго. Не могу безъ содроганія вздумать, что каждая капля ея стоитъ неосушимыхъ слезъ сестрѣ, или матери, или милой невѣстѣ. Чего не достаетъ тебѣ, чтобы жить мирно, покойно въ горахъ нашихъ? Сюда никто не придетъ возмутить оружіемъ счастія душевнаго. Кровля наша не каплетъ, пловъ у насъ не купленаго пшена; у отца моего много коней и оружія, много казны драгоцѣнной; у меня въ душѣ много любви къ тебѣ. Не правда-ли, милый, ты не ѣдешь, ты останешься съ нами?»

— Нѣтъ, Селшанета, я не могу, я не долженъ здѣсь остаться! Съ тобою одной провести жизнь, для тебя кончить ее: вотъ моя первая мольба, мое послѣднее желанье; но исполненье обоихъ зависитъ отъ отца твоего. Священный союзъ связываетъ меня съ Рускими, и покуда Ханъ не примирится съ ними, явный бракъ съ тобою мнѣ невозможенъ... и не отъ Рускихъ, но отъ Хана...

«Ты знаешь отца моего,» грустно сказала Селшанета. «Съ нѣкотораго времени ненависть къ невѣрнымъ усилилась въ немъ до того, что онъ не пожалѣетъ принести ей въ жертву и дочь и друга. Особенно онъ сердитъ на Полковника, за то что убилъ его любимаго нуке-

Digitized by Google

ра, посланнаго за лекарствомъ къ Гакиму Ибрагиму. »

— Я уже не разъ заводилъ рѣчь съ Ахметъ-Ханомъ о моихъ надеждахъ, и всегдашнимъ отвѣтомъ его было: Поклянись быть врагомъ Рускихъ, и тогда я выслушаю тебя!

« Стало быть надобно сказать прости надеждѣ?»

— Зачѣмъ-же надеждѣ, Селшанета! Зачѣмъ не сказать только: « *Прости Аварія*! »

Селшанета устремила на него свои выразительныя очи. « Я не понимаю тебя, » произнесла она.

— Полюби меня выше всего на свѣтѣ; выше отца и матери и милой родины, и тогда ты поймешь меня. Селшанета! жить безъ тебя я не могу, а жить съ тобою не даютъ мнѣ... Если ты любишь меня: бѣжимъ отсюда!..

« Бѣжать! дочери Ханской бѣжать, какъ плѣнницѣ, какъ преступницѣ!... это ужасно... это не слыхано! »

— Не говори мнѣ этого... Если необыкновенна жертва, то необыкновенна и любовь моя. Вели мнѣ отдать тысячу разъ жизнь, и я кину ее съ усмѣшкою, будто мѣдную пулу (*); бро-

(*) Пулъ, вообще деньги. Карапулъ— наша денежка, или полушка (которая произошла вовсе не отъ полъ-

Digitized by Google

шу въ адъ душу свою за тебя, не только жизнь. Ты напоминаешь мнѣ, что ты дочь Хана: вспомни, что и мой дѣдъ носилъ, что мой дядя носитъ корону Шамхальскую!.. Но не по этому сану, а по этому сердцу я чувствую, что достоинъ тебя; и если есть позоръ быть счастливымъ вопреки злобы людей и прихотей рока, то онъ весь падетъ на мою, не на твою голову.

« Но ты забылъ месть отца моего! »

— Придетъ пора, и онъ самъ забудетъ ее. Видя, что дѣло свершено, онъ отброситъ неумолимость. Сердце его не камень; да если-бъ было и камень, то слезы повинныя пробьютъ его, наши ласки его тронутъ!.. Счастіе приголубитъ тогда насъ крылами, и мы съ гордостью скажемъ: « Мы сами поймали его! »

« Милый мой! я мало живу на свѣтѣ, а что-то въ сердцѣ говоритъ, что неправдой не изловить счастья!... Подождемъ, посмотримъ, что Аллахъ дастъ. Можетъ, и безъ этого средства совершится союзъ нашъ. »

ушка, а отъ Татарскаго: пулъ). Да и слово рубль происходитъ, по мнѣнію моему, не отъ рубки, а отъ Арабскаго слова *рубъ*-четверть — и перешло къ намъ отъ кочевыхъ Азіятцевъ Древности. *Новатъ* значитъ точка.

Digitized by Google

— Селшанеша! Аллахъ далъ мнѣ эшу мысль... вопъ его воля!.. Умоляю шебя: сжалься надо мною!.. Бѣжимъ, если шы не хочешь, чшобы часъ брака пробилъ надъ моею могилою. Я далъ чесшное слово возврашишься въ Дербенпъ, и долженъ сдержашь его, сдержашь скоро; но уѣхашь безъ надежды увидашь шебя, и съ опасеніемъ узнашь шебя женою другаго: эшо ужасно, эшо несшерпимо! Не изъ любви, шакъ изъ сожалѣнія, раздѣли судьбу мою, не лишай меня рая, не доводи меня до безумсшва. Ты не знаешь, до какой шепени можешъ увлечь обманушая сшрасшь: я могу забышь и госшепріимсшво и родсшво, разорвашь всѣ связи человѣческія, попрашь ногами свяшыню, смѣшашь кровь свою съ драгоцѣнною мнѣ кровью, заспавишь злодѣевъ содрогашься ошъ ужаса при моемъ имени, и ангеловъ плакашь ошъ моихъ дѣлъ... Селшанеша! спаси меня ошъ чужихъ прокляшій, ошъ своего презрѣнія, спаси меня ошъ самого меня!... Нукеры мои безсшрашны, кони — вѣшеръ, ночь шемна: бѣжимъ въ благодѣшельную Россію, покуда перейдешъ гроза. Въ послѣдній разъ умоляю шебя: жизнь и смершь, слава и душа моя въ одномъ словѣ швоемъ: да или нѣпъ?

Обуреваемая по сшрахомъ дѣвическимъ и уваженіемъ къ обычаямъ предковъ, по любовью и краснорѣчіемъ любовника, неопышная Селша-

Digitized by Google

нета, какъ легкая пробка, летала по мятежнымъ бурунамъ противоположныхъ страстей. Наконецъ она встала; съ гордымъ, рѣшительнымъ видомъ отерла слезы, сверкавшія на рѣсницахъ, какъ янтарная смола на иглахъ лиственницы, и сказала: « Аммалатъ! не обольщай меня: огонь любви не ослѣпитъ, дымъ ея не задушитъ во мнѣ совѣсти; я всегда буду знать, что хорошо и что худо, и очень вѣдаю, какъ стыдно, какъ не благодарно покинуть домъ отеческій, огорчить любимыхъ, любящихъ меня родителей; знаю, и теперь измѣрь-же цѣну моей жертвы: я бѣгу съ тобою... я твоя! Не языкъ твой убѣдилъ, а сердце твое побѣдило меня. Аллахъ судилъ мнѣ встрѣтить и полюбить тебя: пусть-же будутъ связаны сердца наши вѣчно и крѣпко, хотя-бы терновымъ вѣнкомъ! Теперь все кончено: твоя судьба, моя судьба! »

Если-бы небо обняло Аммалата необъятными своими крыльями, прижавъ къ сердцу міра, солнцу, и тогда-бы восторгъ его былъ не сильнѣе, какъ въ эту божественную минуту. Онъ излился въ нестройныхъ словахъ и восклицаніяхъ благодарности. Когда стихли первые порывы, любовники условились во всѣхъ подробностяхъ побѣга. Селтанета согласилась спуститься на простыняхъ, изъ спальни своей на крутой берегъ Узени. Аммалатъ выѣдетъ ве-

Digitized by Google

черомъ изъ Хунзаха со своими нукерами, будто на дальную соколиную охоту, и окольными путями воротится къ Ханскому дому, когда ночь падетъ на землю; онъ на руки свои приметъ милую спутницу. Потомъ они тихомолкомъ доберутся до коней—и тогда враги прочь съ дороги!

Поцѣлуй запечатлѣлъ обѣты, и счастливцы разстались со страхомъ и надеждою въ сердцахъ.

Аммалатъ-Бекъ, изготовивъ къ побѣгу и бою удалыхъ нукеровъ своихъ, съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на солнце, которое будто ревнуя, не хотѣло сойдти съ шеплаго неба въ холодные Кавказскіе ледники. Какъ женихъ, жаждалъ онъ ночи, и какъ докучнаго гостя провожалъ онъ глазами свѣтила дня. Сколь медленно шло, ползло оно къ закату; еще цѣлый вѣкъ пуши оставался между желаньемъ и счастіемъ! Безразсудный юноша! Что порука тебѣ за удачу? Кто увѣритъ тебя, что твои шаги не сочтены, твои слова не пойманы на лету? Можетъ быть съ солнцемъ, которое ты бранишь, закатится твоя надежда!

Часу въ четвертомъ за полдень, въ обычное время Мусульманскаго обѣда, Султанъ-Ахметъ-

Digitized by Google

Ханъ былъ необыкновенно дикъ и мраченъ Глаза его недовѣрчиво блистали изъ подъ нахмуренныхъ бровей; долго останавливалъ онъ ихъ то на дочери, то на молодомъ гостѣ своемъ; иногда черты лица его принимали насмѣшливое выраженіе, но оно исчезало въ румянцѣ гнѣва; вопросы его были колки, разговоры отрывисты — и все это пробуждало въ душѣ Селиманеты раскаяніе, въ сердцѣ Аммалата опасенье. За то Ханша мать, словно предчувствуя разлуку съ милою дочерью, была такъ ласкова и предупредительна, что эта незаслуженная нѣжность исторгала слезы у доброй Селиманеты, и взоръ, брошенный украдкою Аммалату, былъ ему пронзительнымъ укоромъ.

Едва совершили послѣ обѣда обычное умовенье рукъ, Ханъ вызвалъ на широкій дворъ Аммалата: тамъ ждали ихъ осѣданные кони, и толпа нукеровъ сидѣла уже верхомъ.

« Поѣдемъ попытать удали новыхъ моихъ соколовъ, » сказалъ Ханъ Аммалату: » вечеръ славный, зной опалъ и мы успѣемъ еще до сумерекъ заполевать птичку-другую ! »

Съ соколомъ на рукѣ, безмолвно ѣхалъ Ханъ рядомъ съ Бекомъ; влѣвѣ, по крутой скалѣ лѣпился Аварецъ, забрасывая желѣзные когти, на шестѣ прикрѣпленные, въ трещины, и пошомъ, на гвоздѣ опершись, подымался выше и

Digitized by Google

выше. На поясѣ у него привязана была шапка съ сѣменами пшеницы; длинная винтовка висѣла за плечами. Ханъ остановился, указалъ на него Аммалашу и значительно сказалъ: «Посмотри на этого старика, Аммалашъ-Бекъ. Онъ въ опасности жизни ищетъ стопы земли на голомъ утесѣ, чтобы посѣять на ней горсть пшеницы. Съ кровавымъ потомъ онъ жнетъ ее и часто кровью своею платитъ за охранъ стада отъ людей и звѣрей. Бѣдна его родина, но спроси, за что любитъ онъ эту родину, зачѣмъ не промѣняетъ ея на ваши тучныя нивы, на ваши роскошныя пастбы? Онъ скажетъ: «Здѣсь я дѣлаю, что хочу, здѣсь я никому не кланяюсь; эти снѣга, эти гольцы, берегутъ мою волю.». . И эту-то волю хотятъ отнять у него Русскіе, и этимъ-то Русскимъ сталъ ты рабомъ, Аммалашъ!»

— Ханъ! ты знаешь, что не Русская храбрость, а Русское великодушіе побѣдило меня. Не рабъ я, а товарищъ ихъ.

«Тѣмъ во сто разъ хуже и постыднѣе для тебя! Наслѣдникъ Шамхаловъ ищетъ серебрянаго шемляка! хвалится тѣмъ, что онъ застольникъ Полковника!»

— Умѣрь слова свои, Султанъ-Ахметъ! В. обязанъ я болѣе чѣмъ жизнію: союзъ дружбы связалъ насъ!

Digitized by Google

« Можетъ-ли существовать какая нибудь священная связь съ гяурами? Вредить имъ, истреблять ихъ когда можно, обманывать когда не льзя, суть заповѣди Курана и долгъ всякаго правовѣрнаго! »

— Ханъ! перестанемъ играть костями Магомета и грозить шѣмъ другому, чему сами не вѣримъ. Ты не мулла, а я не факиръ: я имѣю свои понятія о долгѣ честнаго человѣка.

« Въ самомъ дѣлѣ, Аммалапъ-Бекъ? Не худо однакожъ, если-бъ ты чаще держалъ это на сердцѣ, чѣмъ на языкѣ. Въ послѣдній разъ позволь спросить тебя: хочешь-ли послушать совѣтовъ друга, котораго мѣняешь ты на гяура? Хочешь-ли остаться съ нами навсегда? »

— Жизнь-бы свою отдалъ я за счастье, которое предлагаешь ты мнѣ такъ щедро; но я далъ обѣтъ возвратиться, и сдержу его.

« Это рѣшительно? »

— Непремѣнно. —

« И такъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я узналъ тебя, ты меня знаешь издавна: обиняки и лесть между нами не кстати. Не скрою, что я всегда желалъ видѣть тебя зятемъ своимъ; я радовался, что тебѣ полюбилась Седжанета. Плѣнъ твой, на время удалилъ мои замыслы; твое долгое отсутствіе, слухи о твоемъ превращеніи, огорчали меня. Наконецъ ты явился къ намъ, и все нашелъ по прежнему; но ты не

Digitized by Google

привезъ къ намъ прежняго сердца. Я надѣялся, что опять нападешь на прежній путь — и обманулся, горько обманулся! Жаль, но дѣлать нечего: я не хочу имѣть зятемъ слугу Рускихъ...»

— Ахметъ-Ханъ! я однажды....

«Дай мнѣ кончить. Твой шумный пріѣздъ, твое изступленіе у порога больной Селиманеты, открыли всѣмъ и твою привязанность и наши взаимныя намѣренія. Во всѣхъ горахъ прославили тебя женихомъ моей дочери... но теперь, когда разорванъ союзъ, пора разсѣять и слухи. Для доброй славы моего семейства, для спокойствія моей дочери, тебѣ должно оставить насъ и — теперь-же. Это необходимо, это неизмѣнно. Аммалатъ! мы разстанемся добрыми друзьями; но здѣсь увидимся только родными, не иначе. Да обратишь Алла твое сердце и приведешь къ намъ нераздѣльнымъ другомъ... до тѣхъ поръ, прости!»

Съ этимъ словомъ Ханъ поворотилъ коня и поскакалъ во весь опоръ, вправо къ своему поѣзду.

Если-бъ на соннаго Аммалата упалъ громъ небесный, и тогда онъ не былъ-бы такъ изумленъ, испуганъ, какъ этимъ неожиданнымъ объясненіемъ. Уже давно и пыль легла на слѣдъ Хана, но Аммалатъ все еще стоялъ неподвиженъ на томъ-же холмѣ, чернѣя въ заревѣ закатa.

(Окончаніе въ слѣдующемъ N°).

Digitized by Google

О РОМАНАХЪ

Виктора Гюго, и вообще о новѣйшихъ романахъ.

(Окончаніе).

Исчислимъ здѣсь выводы, доставленные намъ теоретическою и историческою повѣркою мнѣній Г-на Шове.

Мы видѣли, 1-е, что Классическимъ *Вкусомъ*, о гибели котораго такъ горько жалѣетъ онъ, называлось собраніе условныхъ правилъ, по ограниченности и невѣрности смѣненныхъ законами Романтизма, болѣе обширными и болѣе вѣрными; 2-е, что идея Классической *Нравственности*, въ Изящномъ, была ошибочная, ни однимъ истинноизящнымъ Классическимъ твореніемъ не выражаемая; 3-е, что мнимое *безначаліе* въ современной Литтературѣ есть давно начатой переходъ отъ стараго къ новому, переходъ, вполнѣ, систематически, всею Европою, но преимущественно Франціею, развиваемый, и 4-е, что несправедливо утверждаетъ Г-нъ Шове, будто новѣйшіе романтики донынѣ ничего новаго не приложили къ трудамъ своихъ предшественниковъ. Въ семъ послѣднемъ отношеніи, изобразивъ кратко исторію Классицизма и Романтизма (или того, что разумѣютъ подъ сими именами), взглянувъ вообще на современную Французскую Литтературу, мы особенно

Digitized by Google

разсмотрѣли исторію новѣйшаго романа, указали на заслуги и недостатки В. Скотта, и на труды новыхъ Французскихъ романистовъ.

Во всемъ этомъ, на каждомъ шагу, мы открывали ошибки Г-на Шове, ошибки *положительныя*: онъ находилъ то, видѣлъ то, чего въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Теперь мы повѣримъ его частные разборы романовъ В. Гюго, и намъ откроются новыя ошибки, но только уже *отрицательныя*: Г-нъ Шове не найдетъ, не увидитъ того, что въ самомъ дѣлѣ есть. Странная, но неизбѣжная участь пристрастнаго и ограниченнаго взгляда!

Мы показали уже, что Классицизмъ Французскій образовался отъ схоластическаго стремленія подражать древнимъ образцамъ, съ которыми не могли быть соглашены ни духъ, ни бытъ новыхъ временъ. Отсюда произошла основная ошибка Классиковъ.

Для оправданія своего, Классицизмъ составилъ себѣ особенное эстетическое уложеніе, въ силу коего опредѣлялъ сущность, цѣль, форму твореній, и вкусъ и нравственность въ Изящномъ. Тутъ не было истины, но соблюдались только извѣстныя условія. Такъ Индіецъ обожалъ корову, Египтянинъ поклонялся луку и чесноку: и тотъ и другой считали себя вѣрующими право.

Романтизмъ, напротивъ, составленъ стремленіемъ духа, рѣшительно противоположнымъ Классицизму, стремленіемъ — проявить творящую самобытность души человѣческой. Вслѣдствіе сего,

1-е, Романтизмъ образовывался, не только отдѣль-

Digitized by Google

но каждымъ народомъ, но даже отдѣльно каждымъ великимъ писателемъ. Мы не можемъ сказать, чтобы *современный намъ Романтизмъ* былъ Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Испанскій: онъ многообразенъ, всемѣренъ, всеобъемлющъ; сообразуется только съ истиною каждой формы; облекается же въ формы по времени, духу, мѣстности народа, въ которомъ явился тотъ или другой романтикъ: содержаніе его находится въ организаціи времени, общества, и писателя. А потому —

2-е, Романтизмъ отвергаетъ всѣ Классическія условія и формы, смѣшиваетъ Драму съ Романомъ, Трагедію съ Комедіею, Исторію съ Поэзіею, дѣлитъ творенія, какъ ему угодно, и свободно создаетъ по неизмѣннымъ законамъ духа человѣческаго.

Да не подумаетъ кто либо, что Романтизмъ есть послѣ сего рѣшительный безпорядокъ и безначаліе. Нѣтъ! противоположный Классицизму, отвергнувшій его ограниченный обзоръ и сбросившій цѣпи его условій, Романтизмъ гораздо правильнѣе Классицизма, и требуетъ системы болѣе и строже.

Первое условіе его: *истина изображеній*. Вслѣдствіе сего, романтику потребно глубокое познаніе человѣка въ мірѣ дѣйствительномъ, и высокая философія и всемірность въ мірѣ фантазіи. Посему-то Романтизмъ такъ сильно дорожитъ народностію, и прощаетъ всѣ неровности высокихъ созданій Гоффмана, Жанъ-Поля, Гёте, Данте; по сему-то не пугается онъ наготою истины въ изо-

Digitized by Google

браженіяхъ Брокенскаго шабаша вѣдьмъ и буйныхъ пирушекъ Фальстафа, не смѣется надъ гиперболами Араба, Скандинава, Индійца. Все это для него суть дополненія къ великому знанію природы и человѣка.

Оставивъ условныя формы и выраженія Классической Трагедіи, Комедіи, Поэмы, Классическаго романа, онъ предписываетъ условій гораздо болѣе: позволяетъ свободу въ родахъ и видахъ твореній, но требуетъ глубины и полноты въ томъ, что писатель берется изобразить. Отсюда происходитъ то благоговѣніе, съ которымъ Романтизмъ въ одно время и одинаково смотритъ на творенія простонародныя, и на созданія Шекспира, Байрона, Кальдерона.

Возьмите Русскую простонародную пѣсню, Германскую Нибелунгу, Скандинавскую Сагу, Арабскую Моаллаку, Итальянскую Арлекинаду — словомъ, все то, что создаетъ народъ-собственно, въ каждой странѣ. Истина и полнота бываютъ въ семъ случаѣ доведены до высочайшей степени: народъ, или тотъ кто былъ его представителемъ, цѣлъ, весь, вполнѣ, съ его жизнью, духомъ, умомъ, нравами, языкомъ.

Возьмите, съ другой стороны, трагедію Шекспира, поэму Байрона, мистерію Кальдерона, вспомните вѣкъ, въ которомъ творцы ихъ жили, положеніе, въ которомъ они находились, образъ воззрѣнія ихъ на міръ и человѣка, и вы совершенно удовлетворитесь истиною и полнотою Шекспи-

Digitized by Google

рова *Отелло*, Байронова *Канна*, Кальдеронова *Послѣдняго поединка въ Испаніи*.

Само по себѣ разумѣется, что изъ сего уже выводятся условія формъ, въ какія облекаются Романтическія творенія, и если сіи формы удовлетворяютъ истинѣ и полнотѣ — мы ничего болѣе отъ нихъ не требуемъ. Въ Романтизмѣ предметъ опредѣляетъ форму, а въ Классицизмѣ форма опредѣляла предметъ.

Прибавьте къ тому, что степенью всеобщности, всемірности, опредѣляется степень важности твореній. Русская народная пѣсня станетъ послѣ сего въ надлежащемъ отношеніи къ Омировой Иліадѣ, и Шекспировъ *Макбетъ* къ его *Ричарду III-му*.

Вотъ всѣ основные законы, всѣ главныя положенія Романтизма. Ими, по нашему мнѣнію, опредѣляется и будущая его Исторія.

Романтизмъ никогда не приметъ характера единообразно-общаго, но, напротивъ, разнообразіе самобытностей доведетъ до высочайшей степени.

Онъ узнаетъ всѣ самыя мѣлкія черты различныхъ народностей, возсоздастъ прошедшее, и оцѣнитъ все ему современное, по условію мѣстности, Философіи и Исторіи.

Онъ произведетъ великія творенія, проникнувъ до крайней степени познанія сердца человѣческаго и тайнъ природы, руководимый глубокою Философіею и свободнымъ вдохновеніемъ.

Въ наше время и думать еще не льзя о такихъ

Digitized by Google

окончательныхъ дѣйствіяхъ Романтизма. Всѣ современныя намъ, *наши*, такъ сказать, творенія, необходимо должны носить на себѣ отпечатокъ волненія, неопредѣленности, какого-то разрушительнаго, дикаго порыва, который начнетъ утихать только послѣ совершенной побѣды. Почему Данте, Шекспиръ, Кальдеронъ не представляютъ намъ сего отпечатка въ своихъ твореніяхъ? Потому, что они создавали безъ борьбы духа, и удовлетворяли своими созданіями вѣкъ свой и самихъ себя. Байронъ, Гёте, Шиллеръ, не могли стать въ семъ отношеніи въ рядъ съ ними отъ противоположной причины.

По сей-же причинѣ отпечатокъ усиленной борьбы духа носятъ на себѣ творенія современныхъ Французскихъ романтиковъ.

Отъ сего происходитъ, что недовольные идеалами Классическаго изящества, они отвергли ихъ, но сами не могутъ еще умириться въ собственномъ идеалѣ. Борьба вещественнаго съ духовнымъ, разрушенія съ созданіемъ, въ нихъ еще не кончена.

Отсюда понятенъ самый выборъ предметовъ, ими обрабатываемыхъ. Они хотятъ сильныхъ потрясеній, какъ будто боятся что-то не досказать, не развить вполнѣ, и, не успокоенные духомъ, не примиренные съ самими собою, являются грозными бурями на горизонтѣ человѣческаго мысленія.

Отсюда и неудовлетворяющая односторонность твореній Коупера (Kowper), Шиллера, Ламар-

Digitized by Google

шина, стремившихся къ неполному, темному идеалу.

Это-же самое производитъ неразборчивость, съ какою истощаетъ всѣ ужасы жизни человѣческой Жаненъ, всѣ противоположности страстей Бальзакъ, всѣ средства слога Яковъ Библіофилъ.

В. Гюго есть полное и совершенное изображеніе современнаго Французскаго Романтизма. Рожденный съ душею глубоко-поэтическою, проникнутый идеею новаго литтературнаго стремленія, онъ показалъ притомъ собою примѣръ неслыханнаго самоотверженія. Это Курцій, погибающій въ пропасти, для спасенія общаго.

Дабы оцѣнить справедливо В. Гюго, надобно смотрѣть не на одни романы его. Онъ написалъ множество стихотвореній (изданныхъ подъ названіями: Odes et ballades, 2 тома, Les Orientales, 1 томъ, Les feuilles d'automne, 1 томъ), двѣ драмы: *Кромвель* и *Гернани*, и *четыре* романа, которые разсматриваетъ Г-нъ Шове.

Скажемъ рѣшительно: все, что писалъ В. Гюго до изданія своего послѣдняго романа — Notre-Dame de Paris — не могло удовлетворить насъ. Видно было дарованіе огромное, искусство выражать свои идеи превосходное; слогу В. Гюго удивляется самъ Г-нъ Шове, а онъ, безспорно, имѣетъ болѣе нашего правъ судить о слогѣ Француза. Части, почти въ каждомъ, большомъ и небольшомъ твореніи В. Гюго, блистали красотами необыкновенными.

Чего-же не доставало? Истины, глубины, познанія сердца человѣческаго. Видны были притомъ не-

Digitized by Google

достатки, свойственные юному, хотя и геніяльному писателю: замѣна истины натяжкою, естественности изысканностью. Наконецъ не было полноты единства — такъ сказать — неволи созданія, ни въ одномъ твореніи В. Гюго. Видно было, что всѣ его сочиненія не раждались самобытно во глубинѣ души, но основа была навѣяна, или чуждымъ геніемъ, или усиліемъ духа, который хотѣлъ творить оригинально, но успѣвалъ только отличаться странностью, или впадалъ въ частныя уклоненія.

Читатели видятъ, что мы не пристрастными глазами глядимъ на В. Гюго. Мы просимъ ихъ, кромѣ того, припомнить отзывъ нашъ о *Послѣднемъ днѣ осужденнаго* (Тел. 1830, N° VIII, стр. 513), и переводъ разбора *Гернани* въ Телеграфѣ (1830 г. NN° 17, 18-й).

Всего изумительнѣе казалось въ В. Гюго совершенное равнодушіе, съ какимъ самъ онъ смотрѣлъ на свои созданія; безстрашіе, съ какимъ испытывалъ онъ всѣ роды литтературныхъ реформъ; великодушіе, съ какимъ жертвовалъ онъ своимъ красивымъ, пріятнымъ слогомъ и всѣми средствами искусственнаго обольщенія — стараніе явить силу и простоту, дотолѣ неизвѣстныя.

Такими испытаніями должно почесть всѣ прежнія творенія В. Гюго. Каждое доказывало, что онъ могъ стать на почетное мѣсто *въ ряду другихъ*, но *не хотѣлъ*, ибо все, имъ изданное, являло въ тоже время, что Гюго чувствуетъ силу исполина, и геніяльно провидитъ свою побѣду, жертвуя для нея мелкими успѣхами.

Digitized by Google

Ганъ Исландскій кажется Г-ну Шове вывороченнымъ на изнанку Циклопомъ Эврипида, Полифемомъ Виргилія и сказочнымъ Огромъ. Но въ этихъ словахъ — спрашиваемъ по совѣсти — есть-ли логическій выводъ? Циклопъ, Полифемъ, Огръ взяты развѣ съ одного *первообраза*? И если мы укажемъ на подобное существо въ Русскихъ сказкахъ, если найдемъ его въ Индійскихъ поэмахъ, сочинители коихъ конечно не слыхивали о Циклопѣ и Полифемѣ, не докажетъ-ли это, что идея Гана Исландскаго и у В. Гюго была самобытна? Не смотря на то, что Ганъ былъ первымъ опытомъ юноши, чтпая его можно было понимать, какую смѣлую идею хотѣлъ показать въ семъ твореніи Авторъ.

Одно и тоже стремленіе видно и въ *Бюгъ-Жаргалѣ* и въ *Послѣднемъ днѣ осужденнаго*. Намъ кажется, что во всѣхъ трехъ романахъ, В. Гюго хотѣлъ испытать одно: успѣетъ-ли Искуство сосредоточить интересъ на лицѣ, которое лишено всѣхъ условій, коими можетъ оно возбуждать участіе въ обыкновенной человѣческой жизни? Для сего Гюго выбиралъ героемъ своимъ то уродливаго человѣкоядца, то Негра невольника, то неизвѣстнаго преступника, осужденнаго на смерть. Онъ создавалъ ихъ выходящими изъ мѣры обыкновенной по внутреннему ихъ образованію, и по обстоятельствамъ, въ какихъ они поставлены. Но за то онъ сставилъ ихъ ниже всѣхъ условій общественныхъ, по которымъ человѣкъ обыкновенный можетъ быть судимъ и осуждаемъ: они не возвышаются ни именемъ, ни героизмомъ, ни злодѣй-

Digitized by Google

спѣвомъ. Мысль, достойная шворца Макбета, Отелло, Лира, Гамлета и Ромео! Но чѣмъ-же Шекспировы созданія превышаютъ созданія В. Гюго? Тѣмъ, что Шекспиръ дѣйствуетъ, какъ судьба, спокойно, невидимо, и безъ особенной цѣли, не имѣя въ предметѣ ничего, кромѣ изображенія человѣка. Въ Макбетѣ видимъ человѣка, падающаго передъ суевѣрною увѣренностью въ исполненіе честолюбивыхъ замысловъ; въ Отелло, погибающаго отъ несообразности и излишества бѣшеной страсти, не управляемой умомъ; въ Лирѣ отъ разрушенія вѣры въ добродѣтель человѣческую; въ Гамлетѣ отъ малодушія, при взглядѣ на раскрытыя тайны судьбы; въ Ромео отъ усилій страсти побѣдить неотвратимый жребій свой. Гюго, напротивъ, въ *Бюг-Жаргалѣ* хотѣлъ соединить интересъ мѣстности, и на *историческомъ* событіи очертить фантастическій свой рисунокъ; въ *Послѣднемъ днѣ осужденнаго* онъ думалъ соединить съ своею идеею вопросъ о смертной казни. Отсюда его ошибка, неконченность рисунка, частныя красоты и недостатокъ общаго, геніяльный очеркъ и бѣдный колоритъ.

Именно за то, въ чемъ надобно обвинять, Г-нъ Шове хвалитъ В. Гюго. Думать, что онъ могъ изобразить Сенъ-Домингскую революцію въ Бюг-Жаргалѣ, могъ споспѣшествовать рѣшенію юридическаго вопроса другимъ своимъ романомъ, значитъ вовсе не понимать сущности и цѣли Изящнаго!

Испытанный въ борьбѣ на романическомъ поприщѣ, не подумалъ-ли самъ В. Гюго, что формы частей и подробностей романа не могутъ быть свой-

Digitized by Google

ственны его генію? По крайней мѣрѣ онъ написалъ потомъ двѣ драмы, гдѣ опять видимъ ошибки его романовъ. Не будь героемъ одной изъ нихъ *Кромвель*, не думай Авторъ *Гернани* изображать Дворъ Карла V-го — и *Гернани* и *Кромвель* его стали-бы на высокую чреду.

Тутъ В. Гюго снова обратился къ роману, составилъ планъ творенія великаго, и облекъ въ формы романа огромную идею. Геній его созналъ себя вполнѣ въ первый разъ, и сознаніе его было истинно-геніяльное.

Не будемъ доискиваться: изъ Серванпесовой-ли повѣсти взята *Эсмеральда*? Такія копотливыя и мелкія изысканія ни къ чему не ведутъ, ибо Эсмеральда могла быть и не быть дочерью заключенницы, или Цыганкою: это доставило Автору богатую подробность, но не въ этомъ основаніе.

Идея романа В. Гюго, по нашему мнѣнію, заключена въ рѣшеніи вопроса: чѣмъ можетъ быть, и что можетъ произвесть любовь, въ вѣкъ грубый, лишенный идеальнаго о ней понятія, въ сердцахъ людей, на вѣки раздѣленныхъ неумолимою судьбою?

Безъ сомнѣнія, не трудно было В. Гюго, при концѣ романа, женить Фебуса на Эсмеральдѣ, выведя ее дочерью какого нибудь вельможи. Развѣ не могъ онъ также облагородить любви Фролло, и вмѣсто демона-губителя заставить его быть ангеломъ-хранителемъ Эсмеральды? Но въ первомъ случаѣ, угождая слезливой чувствительности, Авторъ не выдержалъ-бы вполнѣ своей идеи; вторые

Digitized by Google

было-бы рѣшительною неестественностью. Нѣтъ! созданіе В. Гюго таково, что оно не могло быть представлено иначе.

Онъ выбралъ предметомъ страсти всѣхъ лицъ одно женское лицо. Это лицо — Эсмеральда. Она воспитана въ обществѣ бродящихъ дѣтей Востока. Голова ея исполнена мистицизма Восточнаго; сердце требуетъ пламенныхъ страстей; душа, высокая, прекрасная, чувствуетъ всю низость общества, въ которомъ она живетъ и къ которому почитаетъ себя привязанною неразрывными узами. Удаленная отъ высшаго общества, она думаетъ, что сіе общество, ее презирающее, заключаетъ въ себѣ всѣ высокіе образцы страстей и добродѣтелей. Она *женщина*, юная, съ кипящею кровью, и въ любви, которую внушаетъ ей Фебусъ, для ней сливается все — жизнь, честь, слава, счастіе: она уже не существуетъ ни для чего болѣе — Фебусъ или смерть — для нея все равно. Но любовь ея не святой идеалъ неба — нѣтъ! это пожаръ, разрушающій бытіе.

Фебусъ — вѣрное изображеніе феодальнаго аристократа, съ добрымъ сердцемъ, развращенною головою, испорченными нравами, бездушнаго, невѣжды, который не знаетъ ни одного глубокаго чувства, но представляетъ собою все, чѣмъ можетъ увлечься, обольститься женщина.

Фролло — одно изъ высокихъ созданій, какія когда либо производила поэтическая фантазія. Этотъ человѣкъ, безъ сознанія увлеченный судьбою въ уединеніе монастырское, насыщавшій душу, или

Digitized by Google

тайнами науки, или недоступною гордостью, не могъ быть пробужденъ изъ жизненной летаргіи ничѣмъ другимъ, кромѣ любви. Отвергнутая, проклятая любовь его должна была перейдти въ бѣшеную чувственность.

Казимодо — созданіе, рожденіемъ и уродствомъ осужденное на презрѣніе людское, увѣренное въ своемъ отчужденіи, ненавистное людямъ, ненавидящее людей, вдругъ видитъ участіе, состраданіе, когда цѣлый міръ ругается его позору, радуется его посрамленію. И отъ кого-же сіи чувства? Отъ Эсмеральды — жертвы, едва не погубленной имъ, въ угоду единственнаго *человѣка*, котораго онъ знаетъ — Фролло. Всѣ другіе представлялись ему не людьми, ибо ни одно чувство не связывало его ни съ однимъ человѣкомъ, исключая Фролло. Что другое могъ онъ испытать кромѣ благоговѣнія, кромѣ небеснаго чувства, котораго не льзя даже назвать любовью? Да и въ самомъ дѣлѣ, чувство Казимодо *не любовь* — это горесть отчаяннаго грѣшника, заглянувшаго въ дверь рая, когда роковое, неистребимое проклятіе отяготѣло уже на вѣки надъ его головою.

Вотъ четыре главныя лица, на которыхъ основана завязка романа. Содержаніе онаго можно видѣть изъ статьи Г-на Шове. Впрочемъ, весь романъ можно разсказать въ немногихъ словахъ, еще иначе.

Въ Парижѣ празднуютъ день Крещенія и Праздникъ дураковъ (это извѣстный историческій фактъ). Торжество умножено прибытіемъ Фламандскихъ по-

Digitized by Google

словъ. Выборъ Папы дураковъ, мистерія, потѣшные огни знаменуютъ день праздника. Бродяги, шалуны, Цыганы разсыпаны повсюду: это ихъ міръ, ихъ время; неистовое веселье оживляетъ весь Парижъ. Пользуясь смятеніемъ, Фролло поручаетъ Казимодо похитишь Эсмеральду: онъ рѣшился уже на преступленіе скрытное; надежда живитъ еще рану души его. Фебусъ спасаетъ Цыганку, и Казимодо осужденъ на позорный столбъ. Одна Эсмеральда, изъ тысячи зрителей, показываетъ жалость къ несчастному. Казимодо изумленъ, обезумленъ ея поступкомъ. Но Эсмеральда гибнетъ, отъ чувства, возбужденнаго въ ней поступкомъ Фебуса. Молодой шалунъ влечетъ ее въ бездну разврата, и гордится своимъ дѣломъ передъ отчаяннымъ Фролло. Новое чувство въ душѣ его, новый образъ любви. Неистовый монахъ забываетъ все, когда видитъ Эсмеральду въ объятіяхъ вѣтренаго ея любовника. Онъ поражаетъ его кинжаломъ, и бѣжитъ скрыть отчаяніе въ кельѣ своей. Грѣхъ ужаснулъ Фролло. Обвиняютъ Эсмеральду въ смерти Фебуса; она не можетъ ни говорить, ни оправдываться: гибель Фебуса убила ее, и легкое начало пытки исторгаетъ у нея признаніе во всемъ, что ей приписывали. Прежняя жизнь Фролло спасла монаха отъ всякаго подозрѣнія. Эсмеральда на краю гибели; Фролло свыкся уже съ эгоизмомъ порока: онъ не хочетъ уже любви ея — ему надобна *только она сама*, и снова отвергнутъ онъ. Отчаяніе почти лишаетъ его ума — онъ предаетъ Эсмеральду ея участи: моя — или ни чья! Казимодо спасаетъ Эсмеральду; снова все бѣшенство страстей возбуж-

Digitized by Google

но въ душѣ Фролло; снова онъ презрѣнъ, и не можетъ даже мстить, ибо Казимодо хранитъ Эсмеральду, и снова Фролло терзается неистовою ревностью, видя любовь Эсмеральды къ Фебусу, ничѣмъ не потушаемую—ни опасностью, ни смертью, ни измѣною, ни презрѣніемъ любовника! Эсмеральда вырвана судьбою изъ рукъ Казимодо. Ужасное: *'ΑΝΑ'ΓΚΗ* тяготѣетъ надъ ними — жизнь и смерть сливаются въ одно, и, еще разъ презрѣнный, Фролло уже съ адскимъ смѣхомъ глядитъ на гибель Эсмеральды. Тогда Казимодо понимаетъ наконецъ чувства Фролло — цѣпь, связывавшая его съ міромъ, разорвана: онъ сбрасываетъ Фролло съ башни, бѣжитъ въ убогій домъ, куда кинутъ трупъ несчастной дѣвушки, и умираетъ, держа бездыханное тѣло ея въ своихъ объятіяхъ.

Можно судить: какую силу слова, какую смѣлость воображенія, какую увѣренность въ себѣ надобно было имѣть, чтобы приняться за такую малосложную, однообразную по дѣйствію картину, умѣть оживить ее и выдержать съ начала до конца! В. Гюго выполнилъ всѣ требованія въ невообразимой степени.

Если намъ скажутъ, что самая идея романа В. Гюго ужасна, то мы не будемъ спорить. Она мрачна, какъ *Тма* Байронова, гдѣ блеститъ огонь только для того, чтобы два врага могли увидѣть другъ друга, и умереть отъ ужаса и ненависти; она страшна, какъ Дантевъ *Адъ*, гдѣ надъ входомъ написано: Lasciate ogni speranza. Мы готовы сознаться, что такое позорище человѣческой жизни, гдѣ

Digitized by Google

не свѣтится ни одинъ лучъ небесный, гдѣ человѣкъ является, какъ будто прекрасная страна, опустошенная ураганомъ — ужасно! Мы выше сего объясняли и причину подобнаго воззрѣнія Гюго, *нынѣшняго романтика Французскаго*, на жизнь человѣка. Но смотрите на романъ Гюго, какъ на произведеніе художника: духъ творенія можетъ вамъ не нравиться, но откажете-ли творцу его въ геніяльномъ исполненіи? Нѣтъ! это Лаокоонъ опутанный змѣями: кажется, вы слышите трескъ костей, сдавленныхъ змѣиными ошибами! И вы станете жалѣть, почему художникъ не изобразилъ Лаокоона убивающимъ змѣй?!

Г-нъ Шове находитъ, что характеръ Фролло неестественъ, натянутъ; что напрасно Эсмеральда не любитъ Казимодо, и что вообще вѣкъ, въ который перенесено дѣйствіе романа, представленъ слишкомъ мрачнымъ, печальнымъ. «Не могу узнать изображенія юнаго общества, въ разсказѣ, дѣйствіе котораго походитъ на дѣйствіе продолжительнаго, тяжкаго сновидѣнія» — говоритъ онъ. Но для чего-же сомнѣваться? Пусть Г-нъ Шове возметъ исторію — лѣтописи, лучше всего, ибо надобно слышать разсказъ современника, дабы переселиться вполнѣ въ былыя времена, и ни одинъ историкъ не въ состояніи передать вамъ души лѣтописей. Онъ точно таковъ былъ, этотъ вѣкъ Бѣлой и Красной Розы, Гусситовъ, паденія Константинополя, вѣкъ Карла Смѣлаго, Людовика XI-го, Іоанна III-го — время дикой поэзіи человѣческаго общества. Какъ Прометей, похитившій

Digitized by Google

уже небесный огонь, терзаемъ былъ человѣкъ въ это время враномъ, мстителемъ за похищеніе. Напрасно думаетъ Г-нъ Шове, что это было *южное общество веселыхъ и добродушныхъ невѣждъ и варваровъ*, и весьма желательно знать: какими *писаніями* ихъ подтвердитъ онъ свое мнѣніе? — Допустите-же неоспоримую истину изображенія вѣка: характеръ Фролло дѣлается не столько *возможнымъ*, но *необходимымъ*, въ сіи времена дьявольскихъ наважденій, магіи, волшебства, инквизиціи, схоластики и асцетизма. — Г-нъ Шове не знаетъ души женщинъ, если онъ полагаетъ возможною любовь Эсмеральды къ Казимодо, и не постигаетъ того, что самое чувство Казимодо не было любовью: это судорожное движеніе сердца, которое Персіяне выразили въ своемъ Мечжнунѣ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ входить здѣсь въ подробнѣйшее изъясненіе всѣхъ частей романа В. Гюго, ибо это увлекло-бы насъ весьма далеко.

Должно замѣтить наконецъ, что романъ В. Гюго не есть собственно-историческій. Здѣсь видимъ, какъ шагнулъ въ понятіи своемъ о частностяхъ В. Гюго. Очерки главной идеи, Автору надобно было обставить подробностями, и оцвѣтить историческими красками. Въ первомъ изумляетъ онъ насъ игрою фантазіи, въ другомъ удивляетъ трудомъ, какой долженъ былъ подъять для изученія вѣка въ историческихъ подробностяхъ, и умѣньемъ, какое потребно ему было, дабы не увлечься въ односторонность и частность. Исторія видна здѣсь, какъ богатая

Digitized by Google

рама, выработанная геніяльнымъ рѣщикомъ. Описаніе мистеріи, выбора Папы дураковъ, судилища, характера Фламандскихъ посланниковъ, и особенно описаніе Людовика XI-го и Бастиліи, суть такія вѣрныя, историческія черты, что читая ихъ, кажется, переселяешься въ XV-й вѣкъ, а повѣряя съ источниками, дивишься *искуству труда* — если можно такъ выразишься, или колдовству генія, если это не есть слѣдствіе труда, а только разгадка ума и дарованія.

Но теперь остается намъ повѣрить приложеніе нравственности къ роману В. Гюго. Вотъ еще обстоятельство важное. Просимъ припомнить то, что мы говорили уже о семъ выше: здѣсь объясненіе наше будетъ кратко. Если нравственность оцѣнять по извѣстному выраженію: *мать дочери велитъ читать его творенья*, если требовать его по формѣ силлогизма, аполога, или на манеръ Бульи и Б. М. Ѳедорова (яко издателя и творца нравоучительныхъ сказокъ) — Гюго виновать. Но поймите его личное безпристрастіе, истину его созданія, оцѣните достоинство сценъ трогательныхъ, ужасъ сценъ трагическихъ, насмѣшливую тонкость сценъ комическихъ, и вы увидите, что романъ его нравственный въ высокой степени, нравоучительный, какъ природа и Исторія. Сердце отвращается отъ порока и преступленія, душа трепещетъ негодованіемъ добродѣтели, видя гибель страстей. Ни въ одномъ мѣстѣ не найдете вы у Гюго тѣхъ льстивыхъ, заманчивыхъ обольщеній сладострастія, той нѣги чувственной, кото-

Digitized by Google

рыми закрывались иногда писатели, по общему, слѣпому приговору, почитаемые самыми добродѣтельными и невинными. Кто не давалъ прежде дѣвушкамъ и дѣтямъ читать Августа Лафонтена, Г-жу Коттенъ, Г-жу Жанлисъ? Но сколько чувственныхъ мѣстъ можно указать въ ихъ сочиненіяхъ, такихъ мѣстъ, которыя могутъ обольстить юное воображеніе! Если-бы кто возразилъ, что мѣста, подобныя главѣ, названной: Utilité des fenêtres qui donnent sur la rivière, должно почесть соблазнительными, тому скажемъ: думать такъ, значитъ полагать возможнымъ, что дьяволъ, во всемъ его безобразіи, можетъ понравиться красавицѣ. Нѣтъ! В. Гюго смѣло *можно* дать въ руки неопытности, не боясь повредить ея нравственности — но *не должно* давать, по отношенію особенному: надобно быть приготовленнымъ къ чтенію Гюго, надобно укрѣпить нервы свои жизнію, возмужать опытомъ души и сердца. Безъ того, В. Гюго не выносимъ... Впрочемъ, желали-бы мы спросить: на какомъ основаніи даютъ читать, безъ всякаго разбора, Заиру, Федру, Андромаху, Ифигенію, Фингала, Мизантропа, Тартюфа, вообще Мольеровы пьесы? И почему не боятся за сердце и голову, видя сына или дочь, читающихъ IX-й томъ *Исторіи Государства Россійскаго*, или Лѣтописи Тацита? — Отвѣтъ сойдетъ на одно: чтеніе должно быть, до извѣстныхъ лѣтъ, руководствуемо опытностію другихъ. Безъ того, оно уподобится крѣпкимъ зельямъ, вреднымъ и полезнымъ только по способу и мѣрѣ употребленія оныхъ. В. Гюго изобразилъ пред-

Digitized by Google

менъ свой истинно, изящно, вполнѣ. Не его вина, если не умѣютъ извлекать пользы изъ его творенія.— Зачѣмъ брался онъ за такой предметъ? Разрѣшенія сего вопроса ищите въ Исторіи и характерѣ вѣка.

Признаемъ, въ заключеніе, справедливость послѣдняго замѣчанія Г-на Шове: В. Гюго иногда слишкомъ *истощаетъ* подробности своего предмета. Безъ всякой жалости высчитываетъ онъ трепетаніе всѣхъ нервовъ души, когда обнажены они отъ закрывавшей ихъ оболочки. Соглашаемся, что это ошибка, ибо художникъ не долженъ быть анатомикомъ, и изящное произведеніе не Патологическій и не Физіологическій курсъ всѣхъ подробностей человѣческаго состава, или дѣйствій души на тѣло. Впрочемъ, замѣтьте, что это не особенное усиліе, а естественное стремленіе Автора, вольное и непринужденное. Онъ дѣлаетъ это не для произведенія *эффекта*. Если это и недостатокъ, то сей недостатокъ находится въ природѣ его. Кто знаетъ, что, можетъ быть, безъ недостатковъ, мы не могли-бы понимать и достоинствъ человѣка геніяльнаго! Можетъ быть, только по нимъ, какъ физіологи по уродливостямъ произведеній природы, можемъ мы судить о людяхъ, не подходящихъ подъ обыкновенную, нашу мѣрку? Признаемся, что если излишество подробностей есть недостатокъ въ В. Гюго, это-же самое дѣлается въ рукахъ его источникомъ красотъ безчисленныхъ, исчисленіе которыхъ завлекло-бы насъ далеко. На нихъ отчасти указалъ Г-нъ Шове; но дабы вполнѣ оцѣ-

Digitized by Google

нишь оныя, надобно читать самый романъ В. Гюго.

Есть вольныя и невольныя причины, по которымъ статья наша не могла явиться въ видѣ болѣе удовлетворительномъ. Между прочимъ, самый объемъ статьи журнальной не даетъ средствъ развить систематически и въ полномъ объемѣ предмета обширнаго. По крайней мѣрѣ, если мы убѣдимъ нашею статьею, что безъ историческаго взгляда и теоріи неодносторонней не должно осуждать новѣйшаго Французскаго Романтизма, и В. Гюго, какъ его представителя — мы почтемъ себя достигнувшими нашей цѣли.

Н. П.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Дочь купца Жолобова.* Романъ, извлеченный изъ Иркутскихъ преданій. Соч. Н. Калашникова. 4 части. 1831. СПб. Въ т. Отд. Корп. Внутр. Стражи. V, 164, 164, 199 и 294 стр. in-12.

— *Поята, дочь Лездейки*, или Литовцы въ XIV столѣтіи. Историческій романъ Ф. Бернатовича. Переводъ съ Польскаго. 4 части. СПб. Въ т. А. Смирдина. 296, 275, 240 и 254 стр. in-12

« Не помню которому Лакедемонскому Царю предлагали послушать человѣка, дивно подражающаго пѣнію соловья. « Я слыхалъ самого соловья, » сказалъ Царь. — Это преданіе Классической старины часто приходитъ на мысль, когда видишь людей умныхъ, писателей съ дарованіемъ, утомленныхъ Литтературою подражательною, и старающихся создать Литтературу поддѣльную. Они силятся быть ученымъ образомъ готическими; съ полною волею, нарочно ищутъ формъ, словъ, понятій, чувствованій не нашего времени. Сказать-ли?.. Они удаляются отъ естественнаго пути еще болѣе, нежели тѣ добряки, которые просто плывутъ струею общей Литтературы. У тѣхъ и у другихъ нѣтъ вдохновенія существеннаго; для нихъ

Digitized by Google

форма не есть необходимое, неизбѣжное, не изысканное слѣдствіе ихъ собственныхъ, оригинальныхъ созданій; одни заимствуютъ ее изъ принятаго употребленіемъ въ литературномъ ремеслѣ, другіе ищутъ только удалиться отъ обще-принятаго. Въ томъ вся разница. Поймите слово: *Классическое*, какъ противоположное оригинальному, вдохновенному, и вы можете быть Классикомъ въ странномъ, такъ-же какъ въ простонародномъ. Главное, что руководствомъ и основаніемъ должно быть собственное созданіе, и что путь, на который вы увлечены, долженъ быть не придуманъ, а естественъ, необходимъ.

«Впрочемъ, и невозможно выйдти изъ своего времени, изъ своей страны. Произведенія воображенія родятся на своей собственной почвѣ, и не перссаживаются по волѣ: иначе, боймсь что они потеряютъ свой истинный характеръ и врожденную силу произрастанія. Для нихъ есть гармонія въ окружающемъ: они отражаютъ цвѣта своего неба и своей страны. Это не значитъ, чтобы поэтъ или художникъ были осуждены прозябать на той точкѣ, гдѣ они родились, и чуждаться всего, прежде ихъ бывшаго. Напротивъ! утомясь истертымъ, изношеннымъ, воображеніе оживляется помыслами о временахъ давно прошедшихъ: тамъ источникъ его вдохновеній. Но тогда оно не списываетъ, не дѣлаетъ снимка со свидѣтельствъ, завѣщанныхъ ему поколѣніями истлѣвшими. Другой міръ, не тотъ въ которомъ живемъ мы, создаетъ оно и оживляетъ. Онъ истиненъ, не потому что

Digitized by Google

въ немъ вѣрно подражаніе, не потому что онъ точный портретъ, но потому что онъ оживаетъ передъ глазами поэта. Часто даже безъ сознанія поэтъ создаетъ лица, даруетъ имъ жизнь, одушевляетъ ихъ страстями, заставляетъ дѣйствовать: онъ самъ думалъ списывать, а между тѣмъ создавалъ. Наблюденіе образца только одушевляло, руководствовало его; но, по скромности, онъ почиталъ средства главнымъ въ Искусствѣ.

« Воображеніе не можетъ сдѣлаться ученымъ или антикваріемъ; оно не можетъ, не расхолодѣвъ, не заснувъ, заботиться о мелочной точности подробностей. Занятое общностью созданія, оно должно идти къ своей цѣли, не останавливаясь безпрестанно надъ повѣркою копіи. Его плѣнило зрѣлище прошедшаго; оно проникнулось духомъ его; оно очаровано его цвѣтами и даже восхищено его звуками:

Ilion, ton nom seul a du charme pour moi.

Потомъ, оно въ самомъ себѣ составило живую картину, гдѣ чувства и мысли настоящаго, впечатлѣнія современныя и личныя соединились, слились съ образами прошедшаго и оживили ихъ, исказивъ нѣсколько. При большей точности, въ поэтѣ было-бы менѣе истины. Предположимъ, что Расинъ, плѣнившись Древностію, сталъ-бы, къ несчастію, стараться показать то, что называемъ мы цвѣтомъ и нарядомъ Грековъ; предположимъ, что Федра сдѣлалась-бы не преступницею, а роковою жертвою гнѣва боговъ, которые вложили-бы въ

Digitized by Google

нее любовь по своей волѣ; предположимъ, что Расинъ сталъ-бы повѣрять каждое движеніе своего сердца, и раздумывать, сообразно-ли оно порядку идей и чувствованій въ Греческой образованности. Хороша была-бы Трагедія его!... Нѣтъ, ученость не можетъ дать душѣ внутренняго, произвольнаго движенія: она покажетъ намъ нравы, видъ, наружность, а не страсти; она будетъ внѣшностью, а не внутреннимъ огнемъ. Другое время, и другая общность мыслей, другой ходъ движеній душевныхъ. Неужели хотите вы, чтобы нашъ Ахиллесъ былъ Гомеровскимъ? Самъ Эврипидъ, среди Греціи и политеизма, хотѣлъ-ли представить Ахиллеса Иліады? Онъ и не могъ сдѣлать этого, и не думалъ.

« Духъ подражанія родилъ въ наше время пристрастіе къ истинѣ мѣстной, въ самомъ дѣлѣ очаровательной, когда она облекаетъ и разцвѣчаетъ истину и единство изобрѣтенія. Необычайные успѣхи Вальтера Скотта пристрастили нашихъ писателей къ нравамъ, нарядамъ и эпохамъ историческимъ. Надобно согласиться, что Авторъ *Веверлея* и *Ивангое* показалъ рѣдкую гибкость воображенія. Не льзя удачнѣе переноситься во времена прошедшія и давать имъ видъ болѣе живописный, болѣе оживленный; не льзя полнѣе увѣрить читателя, что онъ присутствуетъ временамъ поколѣній угаснувшихъ. Это свойство генія: онъ придаетъ своимъ созданіямъ неоспоримую дѣйствительность; онъ въ самомъ себѣ находитъ такіе истинные характеры, что поэтъ кажется намъ историкомъ, а картины его являются намъ портретами. Но разсмотрите романы В. Скотта по-

Digitized by Google

дробно, тщательно: вы увидите, что это, прежде всего, созданія воображенія. И слава Богу! Тамъ нѣтъ ни мелочничества, ни точности. Шотландія всѣхъ вѣковъ внушила ему вымыслы его; онъ проникнулся ею, и далъ волю своему перу, заботясь только объ удовлетвореніи себя, играя своими созданіями: онъ облекъ ихъ своими любимыми цвѣтами и кинулъ созданія сіи на вымышленную сцену, которая была передъ нимъ.

«Объ этомъ можно судить еще лучше, читая *Кентеня Дюрварда*, гдѣ сцена во Франціи, гдѣ дѣйствіе взято изъ чужой Исторіи. Что вы думаете: В. Скоттъ много хлопоталъ и много истратилъ учености для своего Людовика XI-го? Онъ только слегка пробѣжалъ *Филиппа Комина*, и то болѣе какъ свѣтскій человѣкъ, а не какъ Историкъ. Прочитавъ книгу, онъ смѣшалъ лѣтосчисленіе, и часто ошибался въ именахъ. Онъ называетъ самого Комина Сиромъ д'Аржантономъ, не разсуждая, что при Дворѣ Герцога Бургундскаго Коминъ не былъ извѣстенъ подъ своимъ именемъ; онъ говоритъ, что Короля подозрѣвали въ смерти брата, а черезъ нѣсколько страницъ за этимъ братомъ хотятъ посылать. Онъ избираетъ то время, когда Людовикъ XI-й былъ еще молодъ, гордъ, дерзокъ въ своихъ пронырствахъ, полонъ пагубной дѣятельности своей, словомъ, когда онъ такъ неблагоразумно пріѣхалъ на свиданіе въ Перонну, и это лицо Авторъ смѣшиваетъ съ Людовикомъ XI-мъ старымъ, пораженнымъ апоплексіею, мрачнымъ, недовѣрчивымъ, печально живущимъ взаперти, среди стѣнъ Плесси.

Digitized by Google

Такъ сближаетъ онъ двѣ эпохи, совершенно раздѣльныя во времени. Интересъ историческій, состоящій въ постепенности событій и измѣненій, онъ замѣняетъ интересомъ драматическимъ, съ его сжатымъ единствомъ и кратковременнымъ ходомъ; онъ создаетъ Людовика XI-го; онъ даетъ ему цѣлый характеръ тирана мрачнаго, страннаго, жестокаго, который остался въ памяти народной, который составляетъ поэтическій видъ его. И между тѣмъ, этотъ-же старый Король сохраняетъ у него довольно предпріимчивости, довольно пылкости къ успѣху, смѣло пускаясь въ Перонпское приключеніе. Это фигура живая: мы видимъ ее, знаемъ; кому нужда, можетъ-ли Историкъ признать ее и съ точностью помѣстить въ свое повѣствованіе.

«Тоже и въ изображеніи нравовъ: В. Скоттъ не заботится объ излишней точности. Онъ не входитъ въ большія изысканія о возмущеніи Литтихцевъ. Не важно для него, что это былъ самый неукротимый народъ въ областяхъ Фламандскихъ, что онъ болѣе ста лѣтъ велъ страшныя войны съ Герцогами Бургундскими. Романистъ и не думаетъ, что народонаселеніе Литтиха составляли не купцы, а оружейники, грубые кузнецы, люди суровые, жестокіе. Вмѣсто того, чтобы дать имъ въ начальники какого нибудь изъ горожанъ Среднихъ Вѣковъ, изъ людей, привычныхъ къ лапамъ и палашу, вмѣсто какого нибудь записнаго Синдика, похожаго на Аршевельдовъ и Петровъ Дюбуа, онъ вздумалъ выставить, въ противоположность свирѣпой

Digitized by Google

шайкѣ Арденнъскаго кабана, честнаго Синдика Павильона, истиннаго Голландскаго Бургомистра, сжатаго и оружіемъ и возмущеніемъ, и болѣе похожаго на Г-на Пижона, чѣмъ на горожанина пятнадцатаго столѣтія. Но, ради Бога! какой не Профессоръ Исторіи, или не Членъ Академіи Надписей подумалъ, что картина мятежа въ Литтихѣ не свѣтозарна истиною? Ея сцены уже врѣзались въ нашу память, прежде нежели наведены историческія справки. Такъ поступилъ и Авторъ *Клары Газюль*, издавши остроумную *Хронику*. Она вся одушевлена живостью Автора. — Да сообразна-ли шестнадцатому вѣку? — Никто не сдѣлаетъ этого педантическаго вопроса!...»

Вотъ мнѣніе знаменитаго Баранта, изложенное имъ при разборѣ одного произведенія Французской Словесности. Если и не согласимся вполнѣ съ этимъ мнѣніемъ Писателя Французскаго, то конечно признаемъ основную истину онаго: что романъ, какого-бы рода ни былъ онъ, прежде всего есть произведеніе поэтическое. Не льзя блестящѣе, остроумнѣе выразить этого неоспоримаго закона для романистовъ. Мы перевели Барантово сужденіе для того, чтобы положить его основнымъ камнемъ въ зданіи нашихъ сужденій о нѣсколькихъ Русскихъ и переводныхъ романахъ, явившихся въ послѣднее время. На сей разъ поговоримъ о двухъ, означенныхъ въ началѣ нашей статьи.

Сочиненіе Г-на Калашникова прочитали мы съ удовольствіемъ; но это-то удовольствіе и можетъ служить доказательствомъ, что Авторъ не до-

Digitized by Google

стигъ своей цѣли. Онъ хотѣлъ написать романъ, и составилъ сводъ Иркутскихъ обычаевъ, преданій, поговорокъ. Мысль, руководившая Автора, ложна и несообразна въ произведеніи поэтическомъ. « Я имѣлъ въ виду — говоритъ онъ — познакомить читателей съ краемъ, который, отличаясь богатствомъ произведеній и разнообразіемъ природы и жителей, все еще составляетъ страну малоизвѣстную, почти баснословную. » И онъ составилъ, какъ мы сказали, любопытный сборникъ Иркутскихъ преданій и замѣтокъ о разныхъ предметахъ. Читаете его съ удовольствіемъ. Но форма, которую Авторъ далъ своимъ описаніямъ, отнюдь не образуетъ романа. Аббатъ де Ла Портъ, сочинитель *Всемірнаго Путешественника*, также романизировалъ и выражалъ нѣжныя чувства какой-то Госпожѣ, при описаніи странъ всего міра; но сочиненіе его осталось тѣмъ не менѣе принадлежащимъ къ Географіи. Такъ и въ сочиненіи Г-на Калашникова, похожденія Алексѣя, Жолобовыхъ и другихъ лицъ, дѣло постороннее. Всѣ дѣйствующія лица этого романа похожи на тѣ фигуры, которыя видимъ въ космарамахъ: представляя вамъ видъ, напримѣръ, Тёплица, тамъ изображаютъ и нѣсколько посѣтителей, отдыхающихъ или прохаживающихся. Но мы только мимоходомъ взглядываемъ на эти фигуры, обращая все вниманіе на представляемую каршину.

Спрашиваемъ: какая поэтическая идея одушевляетъ книгу Г-на Калашникова? Въ чемъ заключается созданіе, общность этого романа? Авторъ,

Digitized by Google

какъ будто писалъ отдѣльно разныя части своего романа, и потомъ соединилъ ихъ механически. Онъ, то представляетъ вамъ описаніе Иркутска и его окрестностей, то вводитъ васъ въ домашнія сплетни Груздевыхъ, то изображаетъ Байкалъ, разбойниковъ, Бурятъ, что все, по частямъ, занимательно, въ большей или меньшей степени; но читатель не только не заняттъ общею нитью повѣствованія, но даже не видитъ ея, и не понимаетъ, для чего она при отдѣльныхъ, любопытныхъ частяхъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ четвертой части, вставлено цѣлое описаніе подвиговъ Хабарова съ товарищами, описаніе занимательное, но, къ досадѣ читателя, безпрестанно прерываемое упоминаніями объ Алексѣѣ. Словомъ, въ книгѣ Г-на Калашникова множество свѣдѣній любопытныхъ, изображеній новыхъ, извѣстій полезныхъ; но книга его не романъ, и даже не принадлежитъ къ роду сочиненій поэтическихъ, гдѣ главнымъ должно быть созданіе воображенія, а все остальное составляетъ принадлежности, неразрывно связанныя съ общностью и непремѣнно истекающія изъ главнаго, общаго. Мы съ удовольствіемъ прочли его описанія и замѣтки, но кончивъ всю книгу, спросили у самихъ себя: гдѣ-же романъ?

Романъ Бернатовича славенъ въ Польской Словесности. Его почитаютъ одною изъ удачныхъ попытокъ въ родѣ В. Скоттовыхъ романовъ. Роскошною рукою сыплетъ Авторъ свѣдѣнія о множествѣ подробностей историческихъ, не выдаетъ вамъ ни одного стариннаго обычая безъ объясненій и тол-

Digitized by Google

кованій подробныхъ, ссылается на источники и авторитеты, изъ коихъ онъ заимствовалъ матеріялы для своего сочиненія, и во многихъ мѣстахъ, дѣйствительно, переноситъ своего читателя во времена давней Литвы, когда гремѣла слава и обагрялись кровію мечи Кѣйстута, Ягеллы, Витольда и Гедимина. Мы были-бы готовы признать сочиненіе Бернатовича истинно поэтическимъ произведеніемъ, если-бы Авторъ не былъ излишне увлеченъ своею системою, которая на всякомъ шагу останавливаетъ его воображеніе и холодитъ читателя. Онъ болѣе старается быть вѣрнымъ въ изображеніяхъ историческихъ, измѣняя главной мысли своей, и болѣе хочетъ приблизиться къ образцу своему, нежели слѣдуетъ своему воображенію, богатому, полному жизнію. Читая *Поляу*, кажется видишь, что Авторъ, плѣненный романами В. Скотта, искалъ въ Исторіи Литвы предметовъ для подражанія ему, и слѣдовалъ не столько своему собственному вдохновенію, сколько вдохновенію чужому, заимствованному. Не знай онъ романовъ Шотландскаго Баронета, и его произведеніе болѣе отличалось-бы силою, свѣжестью, оригинальностію дарованія, которое видно и въ томъ, что написалъ онъ.

Соображая не одно сочиненіе Бернатовича, но и много другихъ романовъ, ознаменованныхъ печатью дарованія, видимъ, что геніяльный преобразователь сего рода сочиненій, такъ сказать, подвинувши впередъ теорію романа, на долго заградилъ путь дарованіямъ второстепеннымъ. Онъ не увлекъ

Digitized by Google

въ рабское подражаніе Манцони, В. Гюго, или А. де Виньи, но ослѣпилъ почти всѣхъ романистовъ Нѣмецкихъ, Англійскихъ и даже Русскихъ и Польскихъ. Всѣ они приняли за существенное достоинство наружную форму его поэтическихъ произведеній, и поддались той ложной мысли, которую опровергаетъ Барантъ. Наше поколѣніе романистовъ осуждено быть жертвою мысли великой, новой, но требующей для полнаго проявленія своего многихъ страдальцевъ. Такъ бываетъ при всѣхъ переворотахъ. Покуда какая-либо мысль не доказана практически, она не встрѣчаетъ вѣрующихъ. А сколько жертвъ увлекаетъ за сонную Лету всякая практика, начиная отъ городовыхъ госпиталей, до поприща писателей! Счастливо поколѣніе романистовъ грядущихъ: оно пойдетъ путемъ, углаженнымъ нашими незрѣлыми романами, улитымъ нашими чернилами, истраченными на практическое доказательство, что романъ, подобно всѣмъ другимъ произведеніямъ Поэзіи, есть дитя воображенія, и что вдохновеніе романиста должно обитать въ душѣ его, а не въ романахъ какого нибудь заморскаго старика. Мы только приготовляемъ краски для будущихъ поэтовъ, ибо однѣ краски разсмотрѣли мы, одинъ ихъ составъ поняли, и только изъ нихъ хотимъ создавать картины. Но что значитъ картина безъ вдохновенія, безъ жизни, безъ восторга, порожденія собственной нашей души? Китайская живопись!.....

Digitized by Google

— *Экспедиція Французовъ въ Египетъ*, изъ Записокъ Наполеона, изданныхъ послѣ его смерти Французскими Генералами, участвовавшими въ сей Экспедиціи. Переводъ съ Французскаго. М. Въ Университ. т. 1832. 222 стр. in-8.

Очень жаль, что у насъ многія важныя сочиненія издаются безъ всякихъ удобствъ и пособій для читателя. Посмотрите на изданія Французскія, Англійскія, Нѣмецкія: все, что могло-бы затруднить читателя, предусмотрѣно, предупреждено, объяснено. При переводѣ какого-либо писателя, прилагаютъ извѣстіе о немъ, о духѣ и достоинствѣ его сочиненія; книгу снабжаютъ примѣчаніями, алфавитами, реестрами. У насъ, напротивъ, переведутъ какъ нибудь, напечатаютъ варварски, и предоставляютъ самому читателю справляться и догадываться о чемъ ему угодно. Но если у Нѣмцевъ и Французовъ, при ихъ богатствахъ литературныхъ по всѣмъ частямъ, и при большей образованности публики, дополненія и поясненія литературныя считаются необходимостью, то нужно-ли прибавлять, что у насъ, гдѣ почти всякая важная книга есть новость и рѣдкость для большей части публики, дополненія и поясненія совершенно необходимы? Поставьте читателя на такую точку зрѣнія, съ которой было-бы ему понятно предлагаемое сочиненіе, и потомъ уже представляйте самое сочиненіе. Поймете-ли, напримѣръ, Русскій читатель, не знающій иностранныхъ языковъ, ибо конечно переводы издаются не для читающихъ самые оригиналы, поймете-ли онъ книгу, которую предлагаютъ

Digitized by Google

ему подъ заглавіемъ: *Экспедиція Французовъ въ Египетъ*? «Изъ какихъ *Записокъ* Наполеона заимствовано это описаніе?» подумаешь читатель. «Развѣ Наполеонъ писалъ Записки? И какіе это Генералы, которые участвовали въ Египетскомъ походѣ, а послѣ смерти Наполеона издали его Записки?» Онъ начинаешь читать *Экспедицію*, и не видишъ отъ Наполеона ни словечка: все говорится въ третьемъ лицѣ. Неужели мысль хоть объ одномъ такомъ недоумѣніи (а ихъ можешъ встрѣтиться тысяча) не пришла въ голову Издателя, и пришедши не заставила его быть менѣе скромнымъ?

Съ тѣмъ-ли чувствомъ, съ тѣмъ-ли взглядомъ взялся-бы за эту книгу читатель, если-бы ему сказали, что Наполеонъ, давши слово своимъ сотрапникамъ описать ихъ подвиги, сдержалъ обѣщаніе свое, уже бывши на островѣ Святыя Елены, и въ душной тоскѣ заключенія переносился во времена своей славы. Ведомый неисповѣдимою Судьбою, онъ сначала заготовилъ богатые матеріялы для Исторіи, и послѣ самъ сдѣлался зодчимъ великаго зданія. Сей дивный человѣкъ, дотолѣ бравшійся за перо для того только, чтобы изрекать приговоры народамъ, или отдавать повелѣнія всему, что повиновалось ему, отъ человѣка до стихій, и отъ истребительныхъ армій до каменныхъ хребтовъ горъ, беретъ въ руки перо Историка и становится въ рядъ съ первостепенными бытописателями. Монтолонъ и Гурго, прежніе сопутники его на полѣ битвъ, раздѣляли съ нимъ изгнаніе и сдѣлались его секретарями. Онъ диктовалъ имъ пламен-

Digitized by Google

ныя описанія своихъ походовъ, свои молніеносныя изображенія походовъ Фридриха Великаго, Тюренна, обозрѣнія видѣнныхъ имъ странъ, и такимъ образомъ составилъ восемь томовъ. Въ нихъ нѣтъ общей послѣдовательности. Большую часть описаній Наполеоновыхъ составляютъ отдѣльныя сочиненія, но сочиненія драгоцѣнныя, не потому только, что они писаны геніяльнымъ человѣкомъ, но и по собственному своему достоинству. Это Юлій Цезарь нашего времени.

Въ переведенномъ на Русскій языкъ отрывкѣ изъ сочиненій Наполеона описаны: *Морская битва при Абукирѣ* (переведенная также и напечатанная нами въ Московскомъ Телеграфѣ 1829 года, въ 1-й книжкѣ), съ замѣчаніями о Мальтѣ; *Картина Египта* (превосходное, глубокомысленное изображеніе сей страны); *Битва при Пирамидахъ*; *Религія Египтянъ*; *Обычаи, Науки, Искуства въ Египтѣ*; Замѣчанія: *О Сиріи, О причинахъ Сирійской Экспедиціи, О Яффѣ, Объ осадѣ Сенъ-Жанъ д'Акра*; *Битва Абукирская*. Изъ этого исчисленія предметовъ видно, что въ переведенной книгѣ заключается не одна Экспедиція Французовъ въ Египетъ. Лучше было-бы сказать, что это нѣсколько отрывковъ изъ великой Поэмы, называемой: *Наполеонъ*.

Сказавъ о недостаткахъ изданія сей книги, прибавимъ, что она переведена хорошо. Слогъ Переводчика чистъ, хотя и не плавенъ; мысли подлинника переданы вѣрно, хотя въ изложеніи ихъ и не сохранена побѣдительная сила Наполеона, который былъ одинаковъ вездѣ: *могущъ, великъ и страшенъ*, и подобно морю, *ничѣмъ неукротимъ!* Въ

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ, какъ могущественна краткость, смѣлость и новость его оборотовъ въ разнообразныхъ описаніяхъ! Изъ Наполеоновыхъ сочиненій можно было-бы выставить гораздо болѣе примѣровъ высокаго, нежели изъ всѣхъ Французскихъ Трагиковъ.

— *Стихотворенія Павла Шкляревскаго.* СПб. 1831. Въ т. Вдовы Плюшаръ. XIII и 85 стр. in-16.

Стихотворенія сіи достойны вниманія публики, не столько по внутреннему достоинству своему, сколько по воспоминанію о юномъ Авторѣ, подававшемъ прекрасныя надежды и умершемъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Шкляревскій родился въ 1806 году, въ городѣ Лубнахъ. На 11-мъ году возраста онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, и воспитывался тамъ подъ надзоромъ дяди. Въ 1823 году поступилъ онъ въ С. Петербургскую Гимназію; въ 1827 году былъ переведенъ въ С. Петербургскій Университетъ, гдѣ и занимался науками Философическо-Юридическаго Факультета. Въ 1828-мъ году онъ былъ избранъ, какъ отличнѣйшій изъ Студентовъ, въ Профессорскій Институтъ, и для усовершенствованія въ наукахъ былъ отправленъ въ Дерптскій Университетъ. Здѣсь, съ излишнею ревностію предавшись ученію, онъ впалъ въ чахотку, и въ 1830 году, 10 Іюня, скончался, оплакиваемый друзьями и товарищами. Подробности сіи выбраны нами изъ Предисловія Издателя (Г-на Кушорги), напечатавшаго сочиненія своего друга.

Въ Шкляревскомъ было дарованіе не поддѣльное. Это доказываютъ и собственныя сочиненія его и переводы. Видимъ изъ именъ авторовъ, коихъ со-

Digitized by Google

чиненія переводилъ онъ, что ему были знакомы и понятны: Шиллеръ, Гёте, Байронъ, В. Скоттъ, Клопштокъ, и писатели Классической Древности. Нѣкоторые переводы его очень удачны. Правда, во всемъ еще видна незрѣлость, неопытность; но искры дарованія всегда отличны отъ тѣхъ обманчивыхъ блестокъ, отъ той мишуры, которыя несносны во многихъ, даже изъ славимыхъ поэтовъ. Въ подтвержденіе словъ своихъ, выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ Думы: *Кучумъ*, собственнаго сочиненія Г-на Шкляревскаго. Онъ изображаетъ Кучума, послѣ завоеванія Сибири, сидящаго на берегу рѣки, и въ тяжкой тоскѣ размышляющаго о своемъ бѣдствіи.

«Свершилось! Стонетъ подъ ярмомъ
Сибирь, закованная въ цѣпи!
Оплоты рушены врагомъ.
Снѣга, дубровы, горы, степи,
Ни что не оградило насъ!
Ниспалъ ударъ неотразимый;
Правдивъ Шамановъ вѣщій гласъ;
Судьбы небесъ неумолимы....
Свирѣпой местію дыша,
Пылая къ родинѣ любовью,
Безплодно берегъ Иртыша
Я упучнилъ невѣрныхъ кровью.
Вотще сердитая рѣка
Позоръ Кучума отомстила
И, съ дикимъ ревомъ, Ермака
Въ кипящей хляби поглотила!...»

Стихи звучны и стройны. Впечатлѣнія жизни могли-бы наполнить душу Поэта новыми идеями, а

Digitized by Google

бо́льшая опытность улучшить его языкъ, и образовать въ немъ хорошаго писателя, какими не богата современная Русская Словесность.

— *Краткое руководство къ познанію Ариѳметики*, изданное Ординарнымъ Профессоромъ Харьковскаго Университета, Колл. Сов. и Кав. Михаиломъ Робушомъ, для облегченія учащихся. М. Въ т. А. Семена. 1831. 170 стр. in-8.

— Epitome Historiae Sacrae. *Сокращеніе Священной Исторіи*. Сочиненіе Ломонда, Заслуженнаго Профессора Парижскаго Университета. Для употребленія юношества, обучающагося Латинскому языку. Издалъ И. Эйнерлингъ. СПб. 1832. Въ т. Х. Гинце. VIII, 199 и 26 стр. in-12.

Двѣ хорошія учебныя книги.

Изданное Г-мъ Эйнерлингомъ *Сокращеніе Священной Исторіи* есть начало большаго труда, предпринятаго имъ на пользу учащихся Латинскому языку. Онъ намѣренъ издать *девятнадцать книжекъ*, которыя составятъ *Избранную Латинскую Библіотеку*. Тамъ, между прочимъ, будутъ заключаться сочиненія Цицерона, К. Непота, Цезаря, Квинта Курція, Саллустія, Виргилія, Горація, разумѣется въ сокращеніяхъ, приспособленныхъ къ понятіямъ дѣтей. Первую книжку сей *Библіотеки* имѣемъ передъ глазами. Она издана тщательно и обогащена всѣми пособіями, какъ-то, объясненіями, примѣчаніями, словаремъ, описаніемъ Палестины, и картою. Дай Богъ успѣха почтенному Издателю!

Digitized by Google

НОВѢЙШІЯ СВѢДѢНІЯ

О ТОРГОВЛѢ СЪ КИТАЕМЪ.

Привиллегія Англійской Остъ-Индской Компаніи должна окончишься съ 1833-мъ годомъ. Оставить-ли сіе исполинское торговое общество съ прежнею привиллегіею, или произвести въ оной измѣненія, и какія именно измѣненія? Вотъ вопросы, уже нѣсколько лѣтъ занимающіе Англійское Правительство и публицистовъ разныхъ партій и мнѣній. Въ обоихъ Парламентахъ Великобританіи составлены были особенные Комитеты, для разсмотрѣнія дѣлъ и торговли Остъ-Индской Компаніи. Въ оба сіи Комитета собрано множество свѣдѣній о всѣхъ предметахъ, входящихъ въ составъ дѣлъ Остъ-Индской торговли. Важную статью въ числѣ оныхъ представляетъ торговля Англіи съ Китаемъ, почти исключительно принадлежащая Компаніи. Многими постановленіями Правительства ограничена сія монополія, но, пользуясь давностью заведеннаго порядка дѣлъ, и поддерживая себя обширными связями, Компанія не допускаетъ почти никого изъ Англійскихъ подданныхъ мѣшать ей въ торговлѣ съ Китаемъ. Противъ этого сильно возставала партія *Виговъ*, и особенно со славою рашоборствовалъ одинъ изъ главныхъ органовъ ея: *Эдинбургское Обозрѣніе*. Въ семъ Журналѣ было ясно доказано, что Компанія не законно пользуется исключитель-

Digitized by Google

ною торговлею съ Китаемъ, и что она преступно окладываетъ огромными процентами важнѣйшій предметъ сей торговли: чай. Будущее покажетъ намъ, какъ будетъ рѣшенъ великій вопросъ о судьбѣ Ость-Индской Компаніи. Въ ожиданіи сего, воспользуемся свѣдѣніями, собранными въ Англійскихъ Парламентахъ о торговлѣ съ Китаемъ. Свѣдѣнія сіи любопытны въ высокой степени. Болѣе четырехъ тысячь вопросовъ было предложено путешественникамъ и купцамъ, находившимся въ сношеніяхъ съ Китаемъ. Отвѣты ихъ, правда, не всегда удовлетворительны, и часто даже противорѣчатъ одинъ другому, однако они имѣютъ то неоспоримое преимущество надъ разсказами одного путешественника, что ихъ можно сравнивать, и выводить истину изъ свидѣтельствъ двадцати, тридцати человѣкъ, различествующихъ выгодами, отношеніями и взглядомъ. Постараемся дать понятіе обо всемъ этомъ, какъ ни страшно приняться за выборку изъ двѣнадцати большихъ томовъ, составленныхъ въ Комитетахъ Парламентскихъ, какъ ни трудно представить на немногихъ страницахъ извлеченіе изъ тысячи статей, писанныхъ безъ всякой методы, и сблизить выводы изъ предметовъ многоразличныхъ. (*)

Всѣ свидѣтели, призванные въ оба Комитета, согласно говорятъ, что Китайцы народъ чрезвычайно промышленный и склонный къ торговлѣ. Нѣ-

(*) Мы перевели сію статью изъ Журнала: Bibliothèque universelle. *Изд.* Т.

Digitized by Google

которые сравниваютъ ихъ съ Жидами, но видятъ разницу въ томъ, что они охотно занимаются земледѣліемъ и привязаны къ своей родинѣ. Страсть къ прибытку есть единственная характеристическая черта, общая симъ народамъ. У Китайцевъ не замѣтно того духа сословій, тѣхъ укоренившихся предразсудковъ, которые въ другихъ народахъ Азіи противятся всякому нововведенію. Напротивъ, намъ изображаютъ Китайцевъ готовыми вывозить всѣ произведенія своей страны и принимать въ обмѣнъ все предлагаемое, только-бы цѣна и качество товаровъ были удовлетворительны. Имъ все равно, быть одѣтыми въ Манчестерскія или въ иныя ткани: они прежде всего смотрятъ на цѣну. Духъ Китайскаго Правительства совсѣмъ не таковъ. Оно не вѣритъ чужеземцамъ, и особенно Англичанамъ, зная послѣднія завоеванія ихъ. Посему установило оно множество пошлинъ, монополій и запрещеній, позволяя Европейцамъ торговать только при одномъ портѣ. Замѣчаютъ даже, что городъ Кантонъ избранъ для сего весьма невыгодно. Его отдѣльное и удаленное отъ столицы мѣстоположеніе дѣлаетъ невозможными всякія возраженія, и до того увеличиваетъ издержки провоза во внутренность Имперіи, что въ сѣверныхъ областяхъ почти нѣтъ Европейскихъ товаровъ; это-же возвышаетъ цѣну и вывозимыхъ предметовъ. Къ счастію, нѣтъ народа, который умѣлъ-бы искуснѣе уклоняться отъ стѣсненій въ торговлѣ: мы будемъ имѣть случай представить примѣры сего.

Источники торговли Китайской чрезвычайно обширны. Извѣстно, что донынѣ только въ одномъ

Digitized by Google

Китаѣ произращаютъ чай. По крайней мѣрѣ это единственная страна, которая производитъ его столь великое количество, что продовольствуетъ имъ все народонаселеніе Имперіи и множество милліоновъ иностранцевъ. Г. Крауфордъ видѣлъ, что чай растетъ въ Кохинхинѣ; онъ-же увѣряетъ, что обработываютъ оный въ Тонкинѣ и въ Японіи; но, по мнѣнію его, чай, внѣ Китая пріуготовляемый, вообще самаго низкаго качества. Опытъ, сдѣланный въ Бразиліи, кажется, былъ удачнѣе, ибо одинъ чайный торговецъ, живущій въ Голландіи, увѣрялъ, что чай, растущій въ Ріо-Жанейро и пригоговляемый тамъ Китайцами, нарочно вывезенными для сего, ни въ чемъ не уступаетъ хорошему Китайскому чаю. Къ сожалѣнію, сей опытъ былъ сдѣланъ въ маломъ видѣ, и теперь надобно еще узнать, не будетъ-ли убыточно пригошовленіе чайныхъ листьевъ въ такой странѣ, гдѣ работа гораздо дороже, чѣмъ въ Китаѣ.

Слѣдственно, еще много вѣковъ одинъ Китай будетъ доставлять все количество чаю, необходимое для потребленія въ цѣломъ мірѣ.

Чайное деревцо растетъ, и болѣе или менѣе обработывается, во всемъ Китаѣ. Однакожъ лучшими мѣстами для него почитаютъ широту между 25 и 32 или 33-мъ градусомъ, въ странахъ гористыхъ и на склонѣ холмовъ. Кажется, что отъ мѣста произрастенія много зависитъ доброта чаю. Въ этомъ отношеніи чай имѣетъ сходство съ виноградомъ, который также обработывается на большомъ протяженіи земли, но часто произведенія онаго бываютъ различны въ самыхъ близкихъ мѣ-

Digitized by Google

сшахъ. Такъ-же какъ вино изъ странъ, изобилующихъ виноградомъ, чай изъ Китая вывозится самый лучшій большими количествами. Въ самомъ дѣлѣ, провозъ хорошаго чаю и хорошаго вина, стоитъ не дороже провоза тѣхъ-же товаровъ низкаго качества. Впрочемъ, иностранныя произведенія выписываются изъ отдаленныхъ странъ всего болѣе для людей богатыхъ, и потому, кто пьетъ лучшее Шампанское вино, тотъ пьетъ и лучшій чай. Народъ въ Китаѣ пьетъ чай самый плохой (*). Замѣтимъ о различныхъ сортахъ онаго, что наши бошаники признаютъ зеленый чай совершенно отличнымъ отъ байховаго (du thé boé), а купцы Кантонскіе почитаютъ его только особеннымъ сортомъ, котораго различіе происходитъ отъ земли, обрабошки и приготовленія, или отъ времени сбора листьевъ. Чай зеленый, который весь употребляет-

---

(*) Здѣсь Французскій Журналистъ замѣчаетъ, что онъ имѣлъ случай отвѣдывать чай, вывезенный Г-мъ Жоберомъ изъ земли Калмыковъ. » Это, говоритъ онъ, родъ *пирога*, въ которомъ чай самой низкой доброты смѣшанъ съ *земляностымъ тѣстомъ*. Когда на него наливаютъ кипящей воды, онъ издаетъ тотъ-же запахъ, какой бываетъ чувствуемъ отъ земли въ началѣ дождя, лѣтомъ. Этотъ чай щиплетъ языкъ, и конечно ни одинъ самый грубый поселянинъ Европейскій не сталъ-бы пить его. « Видимъ, что рѣчь идетъ о кирпичномъ чаѣ, который совсѣмъ не такъ грубъ, если хорошо приготовленъ, съ молокомъ и масломъ. *Прим. Пер.*

Digitized by Google

ся въ Россіи, въ Соединенныхъ Шштатахъ, въ Калькуттѣ и въ нѣкоторыхъ городахъ Европейскаго материка, идетъ изъ областей Кіангъ-Нань, Кіангъ-Си и Ше-Кіангъ. Чай черный, вывозимый въ Англію, идетъ изъ области Фокіенъ, за исключеніемъ одной трети того сорша, который называютъ Англичане байховымъ, и который вывозится изъ сѣверо-западной части Кантонской области, изъ округа Во-Пингъ. Прежде пригошовляли зеленый чай въ шѣхъ областяхъ, ошкуда идетъ черный, и на оборошъ. Въ области Фокіенъ сбираютъ ошчасти шишечки или почки деревца, въ самомъ началѣ весны, и пригошовляютъ изъ нихъ чай *Пекоэ* (Pékoe), любимый изъ всѣхъ сортовъ. Небольшую часть сихъ почекъ смѣшиваютъ съ лучшими сортами чаю *Конго*, для того чтобы придашь ему ароматическій запахъ (*). Полагаютъ, что въ Россію вывозится чай *Пекоэ*, нѣсколько смѣшанный съ другими листьями. Въ началѣ Мая въ первый разъ сбираютъ листья, уже совершенно развернувшіеся; черезъ шесть недѣль сбираютъ ихъ въ другой разъ, и въ концѣ лѣша въ шретій. Сей послѣдній сборъ даетъ чай и не крѣпкій и не душистый. Въ оба первые раза сбираютъ чай лучшій, болѣе или менѣе смѣшивая его съ *Пекоэ*. Жители Фокіена производятъ множество чаю, растущаго у нихъ въ загородахъ. Листья, собранные

(*) Отъ этого, можетъ быть, произошло мнѣніе нѣкоторыхъ путешественниковъ, оспориваемое другими, что чаю придаютъ запахъ цвѣтами пахучаго масличнаго дерева.

Digitized by Google

однимъ семействомъ, вывозятся на рынокъ, гдѣ и покупаютъ ихъ люди особаго класса, занимающіеся приготовленіемъ, которое состоитъ въ томъ, что листья сушатъ, сначала на воздухѣ, подъ крышею, а потомъ въ жаркихъ комнатахъ. Послѣ сего купцы разбираютъ ихъ по сортамъ, и, окончивъ сушку чаю, отправляютъ оный въ коробахъ, съ надписями, означающими качества чаю. Посредствомъ вѣяльной машины отдѣляются самые легчайшіе листья, изъ коихъ приготовляютъ чай *Гизонъ* (Hyson). Нѣчто похожее на цвѣтки, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ сортахъ зеленаго чаю, происходитъ, какъ говорятъ, отъ того, что листья слегка поджариваютъ въ желѣзныхъ сосудахъ, и мѣшаютъ ихъ, для того чтобы они свернулись. Эта обработка требуетъ особенной ловкости. Ею занимаются извѣстные мастера, получающіе отъ купцовъ плату.

Кажется, что время сбора листьевъ, такъ-же какъ число разовъ сбора и нѣкоторыя части приготовленія, различны въ каждой области. Въ самомъ дѣлѣ, писавшіе объ этомъ предметѣ, и призванные въ Парламентскій Комитетъ, не во всемъ согласны одни съ другими касательно сихъ подробностей.

Изъ всѣхъ произведеній Китая, чай есть самый выгодный предметъ торговли Китайцевъ, ибо онъ составляетъ ихъ монополію. Количество онаго, вывозимое въ Европу и Америку, черезъ Кантонъ и Россію, простирается до 70 милліоновъ Англійскихъ фунтовъ, а именно:

Digitized by Google

Въ Россію	28	милліоновъ.
— Англію и Англійскія Колоніи	30	—
— Соединенные Шшаты . . .	7	—
— Голландію	3	—
— Германію и другія Государства Европы	2	—
всего	70.	

По самой низкой цѣнѣ въ Кантонѣ, это составляетъ сумму около 3,500,000 фунтовъ стерлинговъ, или около 87,500,000 рублей. Кромѣ сего вывозятся: шелкъ сырецъ, и еще болѣе шелкъ въ издѣліяхъ, хлопчатая бумага и Нанкинскія шкани, сахаръ, сурикъ, кошениль, камфора, ревень, фарфоръ, черепаха, мскусъ, Китайская бумага, стеклярусы, коробочки и другія вещи лакированныя, бамбуковыя шросши, плетеныя вещи, и другія произведенія, не столь значительныя. Цѣнность чаю, покупаемаго Англичанами, равняется цѣнности всѣхъ другихъ спашей, вывозимыхъ ими изъ Китая.

Предметы ввоза шакже весьма многочисленны и для Китайцевъ чрезвычайно важны. Долгое время Европейцы плашили за чай золотомъ и серебромъ: мешаллы сіи очень шребуются въ Кишаѣ, потому чшо шамъ мало рудниковъ. Въ послѣдніе годы вывозили оттуда монету и даже шуземное серебро, называемое *сици* (sycee), запрещенное къ вывозу. Однакожь драгоцѣнные мешаллы все еще рѣже въ Кишаѣ нежели въ Европѣ, и въ этомъ отношеніи Китай, вѣроятно, всегда будешъ зависѣшь ошъ Европейцевъ.

Digitized by Google

Въ недавнее время чрезвычайно увеличилась торговля опіумомъ, употребляемымъ въ Китаѣ, можетъ быть, еще болѣе чѣмъ въ Турціи. Китайскими законами запрещенъ привозъ сего яду; но такъ легко производится контрабанда у Китайцевъ, и такъ велика страсть ихъ къ этому пагубному зелью, что въ десять лѣтъ потребленіе опіума утроилось. Его привозятъ въ Китай изъ Бенгала, гдѣ составляетъ онъ одинъ изъ главнѣйшихъ доходовъ Ость-Индской Компаніи. Продажа его есть монополія, и Компанія, имѣя средства узнать количество опіума, вывозимое въ Китай, удостовѣрилась, что торговля онымъ возрастала въ слѣдующемъ порядкѣ:

Годы.	Ящики	Цѣна долларами (*)
1818 . .	4580 . . .	4,159,250
1819 . .	4600 . . .	5,583,200
1820 . .	4770 . . .	8,400,800
1821 . .	4628 . . .	8,314,600
1822 . .	5822 . . .	7,988,930
1823 . .	7082 . . .	8,515,100
1824 . .	8655 . . .	7,619,625
1825 . .	9621 . . .	7,608,205
1826 . .	9969 . . .	9,610,085
1827 . .	9475 . . .	10,356,833.

Къ этому надобно прибавить отъ 5 до 600 ящиковъ опіуму Левантскаго, вывозимаго для смѣшиванія съ Индійскимъ, противъ котораго онъ гораздо

(*) Доллеръ ставитъ около 5 рублей.

Digitized by Google

хуже. Все потребленіе опіума въ Китаѣ оцѣнивается теперь суммою отъ 70-ти до 75-ти милліоновъ рублей, за 13 или 14,000 ящиковъ. Если принять сіе послѣднее число, то ящикъ опіуму приходится на 10,000 человѣкъ, полагая всѣхъ жителей въ Китаѣ 140 милліоновъ. Ящикъ вѣситъ около 150 фунтовъ, слѣдственно фунтъ опіума потребляется шестьюдесятью шестью человѣками. Выводъ ужасный! Увеличеніе ввоза сего предмета происходитъ конечно отъ того, что единожды привыкнувъ къ употребленію опіума, необходимо надобно увеличивать пріемы онаго, дабы придти въ желаемое опьянѣніе; сверхъ того, безъ вреда не льзя и отстать отъ этой губительной привычки. Замѣчательно, что цѣнность опіума, ввозимаго въ Китай, представляетъ почти ту-же цѣнность, какую получаютъ Китайцы за вывозимый отъ нихъ чай.

Другіе главнѣйшіе предметы, ввозимые въ Китай, суть: шерстяныя и бумажныя ткани, выработываемыя въ Англіи. Ихъ много требовалось-бы въ сѣверныя области, гдѣ зима бываетъ холодная, но сей родъ торговли ограниченъ тѣмъ, что для иностранцевъ открытъ одинъ портъ, находящійся въ южной части Имперіи. Сверхъ того, какъ ни плохи, по увѣренію всѣхъ путешественниковъ, туземныя фабрики, но для покровительства онымъ, ввозъ тканей обложенъ большими пошлинами. Средняя цѣнность тканей, привезенныхъ въ Кантонъ въ 1828 году, простиралась до 618,412 фунтовъ стерлинговъ (15,460,300 рублей). Всѣ сіи ткани идутъ изъ Англійскихъ мануфактуръ, ибо привозятся или Англичанами, или Американцами, кото-

Digitized by Google

рые покупаютъ ихъ въ Англіи. Цѣнность другихъ Европейскихъ мануфактурныхъ произведеній, въ томъ-же году ввезенныхъ въ Китай, простиралась до 245,082 фунтовъ стерлинговъ (6,127,050 рублей). Вся цѣнность сихъ товаровъ, въ послѣдніе годы уменьшилась, и вообще не принесла барыша иностраннымъ негоціянтамъ. Однакожь Европейскія ткани имѣютъ столько преимущества надъ Китайскими, въ дешевизнѣ цѣны и добротѣ товара, что торговля оными могла-бы чрезвычайно увеличишься, если-бы Правительство Китайское не поставляло разныхъ преградъ, и если-бы не было слишкомъ затруднительно ввозить огромныя количества товаровъ тайнымъ образомъ. Фабрики на островѣ Явѣ и въ Индіи, подобныя Китайскимъ, не могли выдержать соперничества съ фабриками Европейскими. Китайцы, поселившіеся въ сихъ странахъ, первые подали примѣръ, начавши одѣваться въ Англійскія ткани, и, по соображенію всѣхъ обстоятельствъ, можно полагать, что и въ Китаѣ случилось-бы то-же, если-бы совершенно свободная торговля допускала жителей покупать все за возможно-дешевую цѣну.

Еще нѣкоторые предметы, ввозимые въ Китай, не важны для торговли съ сею страною. Это большею частію произведенія Индіи или Индійскаго архипелага, какъ-то: трипангъ (*), гвоздичная го-

(*) *Трипангъ, или морская лопатка*, въ просторѣчіи называемая Англичанами seaslug (морская улитка), есть особенный родъ моллюсковъ, живущихъ въ

Digitized by Google

ловка, перецъ, орѣхи бетеля, ласточкины гнѣзда, ротангъ, сандаловое дерево, слоновая кость, жемчугъ, олово, селитра, и проч.; или произведенія сосѣдственныхъ острововъ, какъ-то рисъ и рожь, собираемые въ окрестностяхъ Маниллы и на островѣ Формозѣ. Есть также нѣкоторыя произведенія Европейскія, менѣе значительныя нежели тѣ, о коихъ мы говорили: это, или металлы, особенно желѣзо, или нѣкоторыя произведенія фабрикъ, какъ-то часы карманные и стѣнные. Сей послѣдній предметъ могъ-бы сдѣлаться важнымъ, потому что богатые Китайцы носятъ по двои часовъ. Доселѣ они получаютъ болѣе часовъ Англійскихъ, нежели дѣлаемыхъ на Европейскомъ материкѣ, по той причинѣ, что Кантонскіе часовщики не умѣютъ починивать сихъ послѣднихъ.

Обозрѣвъ главнѣйшія статьи вывоза изъ Китайской Имперіи, посмотримъ, съ кѣмъ и какимъ образомъ производится сія торговля.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

моряхъ, около Индійскаго архипелага, Цейлана и острова Маврикія: ихъ ѣдятъ въ Китаѣ, и очень много. За два или за три года ихъ вывозили изъ Индійскаго архипелага на три милліона рублей. Это количество увеличилось съ того времени, но все еще не могутъ собирать сихъ моллюсковъ столько, сколько ихъ требуется.

Digitized by Google

ВЫПИСКИ

изъ бумагъ Якутскаго архива, объ открытіи и завоеваніи Рускими рѣки Амура.

(Продолженіе.)

Подвиги Письменнаго Головы Василья Пояркова.

Неудачный походъ Бахтіарова не остановилъ Якутскихъ Воеводъ, намѣревавшихся покорить Князей Лавкая и Батогу: въ сей мысли укрѣпляли ихъ извѣстія, полученныя отъ Алданскихъ Тунгусовъ; они указывали другой путь къ Лавкаю по рѣкамъ Алдану, Учуру, Конаму, Нюемкѣ, потомъ волокомъ черезъ Яблоновый хребетъ на рѣку Бренду, впадающую въ Джею, а по Джеѣ въ самый Шилькаръ. Путь сей показался Воеводамъ удобнѣйшимъ потому особенно, что отыскались и вожатые, бывавшіе на Шилькарѣ. И такъ рѣшено было отправить противъ Лавкая экспедицію, начальникомъ коей сдѣланъ былъ Письменный Голова Василій Пояръковъ, пріѣхавшій съ Воеводою Головинымъ изъ Москвы. Вскорѣ набрана была и паршія, отправленіемъ коей столько спѣшили, что Поярковъ получилъ уже инструкцію на Алданѣ, съ нарочнымъ посланную изъ Якутска. По сей инструкціи (Наказной Памяти) онъ долженъ былъ идти на рѣки Джею и Шилькаръ, покорить Князя Лавкая, отыскать въ тѣхъ странахъ серебряную, свинцовую и мѣдную

Digitized by Google

руду, узнашь гдѣ родится хлѣбъ, гдѣ дѣлаютъ кумачи, и находятъ синюю краску, чѣмъ кумачи красятъ (*); а съ тѣмъ вмѣстѣ велѣно ему покорять всѣ *не мирные* народы и строить въ земляхъ ихъ острожки.

Партія, съ Поярковымъ отправленная, состояла изъ

Старыхъ служилыхъ.	12	человѣкъ
Новонабранныхъ.	100	—
Охочихъ и промышленныхъ.	15	—
Толмачей.	2	—
Цѣловальниковъ.	2	—
Кузнецъ.	1	—
Всего	132	человѣка.

Имъ даны были: пушка желѣзная, полуфунтовая, пороху восемь пудовъ шестнадцать фунтовъ, и столько же свинцу.

Вожатымъ былъ съ Алдана рѣки Лалагирскаго рода Тунгусскій Князецъ, онъ же и Шаманъ Томконіръ.

15 Іюля 1643 года отправился Поярковъ изъ Якутска на судахъ, внизъ по Ленѣ, къ устью рѣки Алдана. Онъ описываетъ свое путешествіе такъ: » По Ленѣ плыли мы до устья рѣки Алдана двое сутокъ; по Алдану шли вверхъ бичевою до Усть-Учура рѣки четыре недѣли; по Учуру вверхъ до Усть-Конама рѣки десять дней. Прошедъ по Кона-

(*) Извѣстіе о кумачахъ и синей краскѣ получено отъ Алданскихъ Тунгусовъ.

Digitized by Google

му бичевою пять недѣль, замерзли, не дойдя до устья Нюемки рѣки за шесть дней пути.»

Поярковъ говоритъ, что на рѣкѣ Конамѣ сорокъ два порога и двадцать двѣ шиверы; одинъ изъ нихъ столь высокъ, что при подъемѣ на оный судно *заметало*, и лежавшій на кормѣ казенный свинецъ упалъ въ воду, ошкуда его не могли уже достать. Это несчастіе имѣло сильное вліяніе на успѣхъ экспедиціи впослѣдствіи времени.

Здѣсь Поярковъ остановился зимовать, для чего было построено и зимовье; но проживъ шесть двѣ недѣли, онъ рѣшился идти далѣе пѣшкомъ. Въ семъ намѣреніи, оставивъ у судовъ и магазиновъ Пятидесятника Патрикія Минина, съ сорока человѣками, при одномъ цѣловальникѣ, приказалъ имъ по послѣднему зимнему пути, предъ раскрытіемъ рѣкъ, перейдти волокомъ на Брянду рѣку, и построивъ тамъ суда, плыть по Джеѣ, пока не встрѣтятся съ нимъ. Распорядившись такимъ образомъ, онъ съ 90 человѣками пошелъ на лыжахъ, съ нартами (*), сперва по Конаму, а потомъ по Нюемкѣ, и перешедъ Яблоновый хребетъ, чрезъ двѣ недѣли пути достигъ рѣки Брянды, впадающей съ правой стороны въ Джею. По сей рѣкѣ шли они двѣ съ половиною недѣли до

(*) По глубокимъ снѣгамъ, гдѣ нѣтъ дороги, Сибиряки путешествуютъ за промыслами звѣрей на лыжахъ; провизію и прочее таскаютъ за собою на легкихъ санкахъ, съ широкими полозьями; сіи санки называются нартами. Собакъ и оленей запрягаютъ тоже въ нарты.

Digitized by Google

рѣки Джеи, не находя никакихъ обитателей. Поворотивъ на право по теченію сей рѣки, чрезъ два дня дошли до другой Брянды, впадающей съ правой стороны въ Джею; здѣсь нашли они оленныхъ Тунгусовъ Мекагирскаго рода. Слѣдуя далѣе до рѣки Киле, съ правой-же стороны впадающей въ Джею, встрѣтили оленныхъ Тунгусовъ Улагирскаго рода. Отсюда дошли они въ четыре дня до устья рѣки Уры, также текущей въ Джею съ правой стороны, гдѣ нашли уже конныхъ Тунгусовъ Баягирскаго рода. Отъ Уры до рѣчки Умликана шли три дня. Сія рѣчка впадаетъ въ Джею съ правой стороны. Здѣсь нашли уже человѣкъ 15 Дауровъ землепашцевъ, почему и рѣшились построить тутъ зимовье, дабы провесть зиму между хлѣбными народами, въ ожиданіи прибытія прочихъ товарищей своихъ, оставленныхъ на рѣкѣ Конамѣ. Вскорѣ имъ удалось поймать въ аманаты Князца сихъ народовъ, Доптыура Канчулаева. Онъ сказалъ Пояркову, что ни по Джеѣ, ни по прочимъ рѣкамъ, въ нее впадающимъ, никакой руды нѣтъ, кумачей и камокъ не дѣлаютъ; нѣтъ также и краски, чѣмъ кумачи красятъ; а получаютъ они сіи вещи отъ Хана, называемаго Багбой (*), за соболей. Сей Ханъ присылаетъ къ нимъ для собиранія дани и для торговли тысячи по двѣ или по три войска, иногда раза два въ годъ; живетъ онъ въ городкѣ рубленомъ, за рѣкою Шилка-

(*) Здѣсь говорится о какомъ-то Манчьжурскомъ Ханѣ. По сбивчивости извѣстій не льзя опредѣлительно сказать, что это за владѣлецъ.

Digitized by Google

ромъ; около города обведенъ земляной валъ. Оружіе имѣетъ лучное и огнестрѣльное, какъ-то ружья и пушки. Дорога къ Хану идетъ черезъ Шилькаръ и Горный хребетъ по рѣчкѣ Худынкѣ; верхомъ можно пріѣхать туда въ шесть недѣль. Самъ Князецъ Допшуръ у Хана не бывалъ, но отецъ его бывалъ нѣсколько разъ. По рѣкѣ Шилькару живутъ во множествѣ Дауры и Тунгусы земледѣльцы; а за четыре дня пѣшаго пути отъ Умликана, на Шилькарѣ стоитъ острожекъ Князя Ирдиты, у коего подданныхъ считается человѣкъ до 100. Выше Ирдиты живетъ въ острожкѣ и Князь Лавкай, толико желанный, и столь много впослѣдствіи потерпѣвшій отъ Рускихъ. Улусъ его состоитъ человѣкъ изъ 300. Далѣе по Шилькару живутъ три Князьца Монгольскіе, кочевые скотоводцы; у одного изъ нихъ подданныхъ человѣкъ около 300, а у остальныхъ человѣкъ по сту. Лавкай занимается земледѣліемъ, привозитъ на судахъ къ симъ Князьцамъ хлѣбъ и промѣниваетъ оный на скотъ.

21-е Декабря пріѣхали къ зимовью Пояркова два Князька: одинъ Даурскій, по имени Баврa, а другой Дучерскій, Чинега. Они подтвердили сказанное Допшуромъ, прибавивъ, что у Хана нѣтъ ни серебра, ни мѣди, ни олова, ни кумачей, а получаетъ онъ сіи вещи изъ Китайскаго Государства. Хлѣбаже сѣютъ его подданные очень много; куряшъ изъ него вино; имѣютъ свой языкъ и письмена.

Въ сіе-же время принесъ Пояркову ясакъ Шамагирскаго роду Тунгусъ Топкуни. Онъ объявилъ, что у Князя Лавкая бывалъ нѣсколько разъ, но ни отъ кого не слыхалъ, чтобъ находилась во владѣніи его

Digitized by Google

серебряная руда. Онъ же сказывалъ, что знаетъ съ Шилькара три пути: одинъ на Алданъ, другой на Олёкму, а третій по Нерчѣ рѣкѣ на Витимъ.

Отъ нихъ-же узнали, что недалеко отъ Умликана впадаетъ въ Джею съ лѣвой стороны рѣка Силимжа, на устьѣ которой стоитъ городокъ Мордескачи, принадлежащій Даурскому Князю Докаю, и что вверхъ по Силимжѣ кочуютъ Дауры и Тунгусы.

Между тѣмъ нашелся одинъ человѣкъ, бывавшій и у Хана: это былъ племянникъ Бавры, Доваря; его показанія во всемъ согласовались съ полученными прежде.

До наступленія еще весны оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Надѣяся найдти продовольствіе въ ближнемъ Даурскомъ городкѣ, Пятидесятникъ Яковъ Петровъ предложилъ сдѣлать на оный нападеніе. Поярковъ на сіе согласился, но приказалъ Петрову вызывать Князей изъ городка ласкою, и если въ томъ успѣетъ, то взявъ ихъ въ аманаты, отступить въ лѣсъ, и тамъ засѣкою или вѣжею укрѣпиться, и тогда только приступать къ острожку, когда Князцы рѣшительно откажутся отъ добровольнаго покоренія; во всякомъ-же случаѣ дѣйствовать благоразумно, смотря по обстоятельствамъ.

Петровъ съ 70 человѣками пошелъ къ городку. Даурскіе Князцы: Докай, Копа и Доваря встрѣтили ихъ за версту отъ острожка, признали надъ собою власть Русскаго Царя, и дались въ аманаты. Пе-

Digitized by Google

тровъ оставилъ только двухъ; Доварю-же отпустилъ въ городъ. Казакамъ поставили для жилья три юрты, принесли сорокъ корзинъ крупъ овсяныхъ, и привели десять штукъ скота. Вѣроятно, они получили-бы и гораздо болѣе, если-бы Петровъ помнилъ приказаніе своего начальника. Назавтра, онъ построилъ свою команду, распустилъ знамена и пошелъ осматривать, съ которой стороны приступить къ крѣпости. Тщетно Князцы убѣждали его оставить сіе намѣреніе, увѣряя, что люди ихъ, не зная Рускихъ, поступятъ съ ними непріятельски; но Петровъ ничему не внималъ и шелъ на крѣпость. Вдругъ, со всѣхъ сторонъ напали на него Дауры: нѣкоторые вышли изъ крѣпости чрезъ подлазы, другіе-же, конные, съ поля. Началась перестрѣлка, во время которой Князецъ Копа былъ убитъ отъ своихъ, а Докай, заколовъ приставленнаго къ нему Казака, убѣжалъ въ городъ. Десять человѣкъ Рускихъ лежали уже раненые; съ остальными, также перераненными, Петровъ отступилъ къ юртамъ и тамъ засѣлъ. Три дня держали ихъ Дауры въ осадѣ; на четвертую ночь Казаки вышли, направили путь къ Умликану, и до самаго зимовья шли не снимая куяковъ въ продолженіе десяти дней.

Фишеръ говоритъ, что Поярковъ отказалъ возвратившимся въ продовольствіи; какъ-бы то ни было, только сіи несчастные, раздѣливъ между собою хлѣбъ, получили каждый по 30 фунтовъ. Остатокъ зимы и весну питалися они сосновою болонью и кореньями, и прежде нежели приплыли къ

Digitized by Google

нимъ товарищи, оставленные на рѣкѣ Конамѣ, ихъ померло съ голоду 40 человѣкъ.

1644 года весною, когда уже рѣки вскрылись, Поярковъ съ осташкомъ своей команды и приплывшими съ Конамы, сѣлъ на суда и пошелъ внизъ по Джеѣ. Пушь свой онъ описываешъ шакъ:

«Отъ Силимжи рѣки плыли до рѣчки Гогуркурчу шрое сушокъ. Рѣчка сія впадаешъ въ Джею съ лѣвой стороны. На усшьѣ ея волосшь Гогулу съ осшрожкомъ, а въ осшрожкѣ два Князьца, Имушъ да Ломбо; у нихъ подданныхъ 200 человѣкъ, всѣ пашенные, конные и сидячіе. Хлѣба родишся много; ясакъ плашятъ Хану соболями. Прошивъ Гогулъ за Джеею волосшь Шипка, а въ ней Дауръ сшо душь пашенныхъ. Отъ Гогулъ до рѣчки Дошомы плыли одни сушки. Рѣчка сія впала въ Джею съ правой стороны; по ней живушъ Дауры и Тунгусы пашенные. Отъ Дошомы до Даурскаго Князя Бардачи сушки пуши; владѣнія его начинаюшся отъ Гогулъ по обѣимъ сторонамъ Джеи. Бардачи живешъ въ деревянномъ городкѣ, называемомъ Балдинъ; онъ плашитъ дань Хану соболями, а жена его Икачи живетъ у Хана въ амапашахъ. Отъ сего городка до Шилькара день пуши.»

Поярковъ говоритъ, что владѣнія Князя Бардачи лежатъ въ странѣ чрезвычайно плодородной, ибо кромѣ ячменя, овса, проса, гречи, гороху, конопли, огурцовъ, маку, бобовъ и чесноку, родятся шамъ яблоки, груши, орѣхи грѣцкіе и Русскіе. Если

Digitized by Google

это не ошибка, то въ самомъ дѣлѣ страну сію надобно почесть за единственную во всей Сибири, гдѣ, какъ извѣстно, до сихъ поръ не могутъ развести плодоносныхъ деревъ.

Теперь Поярковъ выплылъ на Шилькаръ (Амуръ), и вмѣсто того, чтобъ идти на право ко владѣніямъ Князя Лавкая, какъ велѣно было, онъ поворотилъ на лѣво, внизъ по теченію Шилькара. Можетъ быть онъ побоялся имѣть дѣло съ сильнымъ Лавкаемъ, при недостаткѣ въ людяхъ и боевыхъ снарядахъ; да и разсказы Дауровъ кажется убѣдили его въ невозможности отыскать какую нибудь руду въ вершинахъ Амура.

Въ три недѣли пришли они къ устью рѣки Шунгала. Поярковъ говоритъ, что по обѣимъ сторонамъ Амура живутъ Дучеры землепашцы, говорящіе языкомъ, отличнымъ отъ Даурскаго.

Путешественники съ нетерпѣніемъ желали достигнуть моря, но никто изъ Дучеровъ не могъ имъ объяснить, далеко-ли до сего моря, потому что ихъ толмачи не понимали Дучерскаго языка. Нетерпѣніе было столь велико, что Поярковъ рѣшился отправить для развѣданія впередъ партію изъ 25 человѣкъ, подъ предводительствомъ Ларіона Малина. Три дня плыли они по Амуру, но моря не достигли, почему и воротились назадъ. Не дошедши до Пояркова за полдня пути, они остановились ночевать; между тѣмъ Дучеры, преслѣдовавшіе ихъ скрытно, напали на нихъ ночью, и

Digitized by Google

только двое живыхъ принесли Пояркову извѣстіе о несчастномъ жребіи своихъ товарищей.

Отъ устья рѣки Шумгала плыли до устья рѣки Амура (*) шесть сушокъ, между жилищами Дучеровъ; отселѣ до Нашковъ четверы сушки; между Нашками до Гиляковъ двѣ недѣли; а среди Гиляковъ до моря двѣ недѣли. Поярковъ говоритъ, что Нашки живутъ по обѣимъ сторонамъ Амура, а Гиляки какъ по сей рѣкѣ, такъ и по берегамъ моря и островамъ онаго. Оба народа имѣютъ собственныхъ Князей и никому дани не платятъ.

Достигнувъ моря, Поярковъ построилъ зимовье и всю зиму провелъ покоряя Гиляковъ; взялъ у нихъ аманашовъ, 12 сороковъ соболей, и 16 шубъ собольихъ. Онъ не сдѣлалъ никакихъ завоеваній плывши по Амуру. Вѣроятно, по малолюдству своему и недостатку въ свинцѣ, онъ не смѣлъ вступить въ дѣло съ народомъ многочисленнымъ, а можетъ быть и воинственнымъ.

Поярковъ описываетъ рѣку Амуръ чрезвычайно сбивчиво и неясно: то говоритъ, что Шилька впа-

(*) Что это за рѣка? Хотя Фишеръ и говоритъ, что это Музури, но сіе удостовѣреніе слишкомъ гадательно. Кажется, всего вѣроятнѣе, что Поярковъ доплылъ до того мѣста, откуда Шилькаръ называется Амуромъ.

Digitized by Google

ла въ Джею, то опять Джея впала въ Шильку, а Шилька въ Шумгалъ; далѣе говоритъ, что Шумгалъ впала въ Шилькаръ съ правой стороны, что по ней живутъ Шумгаки, люди пашенные, а въ вершинахъ Монголы; а какъ Шумгалъ сошлась съ Шилькою, то и пошелъ Шумгалъ, а не Шилька. Потомъ говоритъ: рѣка Амуръ впала въ Шумгалъ съ правой стороны, а какъ Амуръ сошелся съ Шумгаломъ, то и пошелъ Амуръ до самаго моря. Изъ сего описанія съ достовѣрностію можно заключить, что рѣка Амуръ въ началѣ называется Шилькою (Шилькаръ), въ срединѣ Шумгаломъ, а въ концѣ своего теченія Амуромъ, т. е. первымъ именемъ называютъ ее Тунгусы и Дауры, вторымъ Дучеры, а послѣднимъ Нашки и Гиляки.

Весною 1645 года Поярковъ отправился моремъ, на судахъ, къ устью рѣки Ульи: въ двѣнадцать недѣль добрались страпствователи до сей рѣки, построили зимовье и занялись покореніемъ окрестныхъ Тунгусовъ. Здѣсь оставилъ онъ 20 человѣкъ служилыхъ и промышленныхъ, а съ остальными, по послѣднему вешнему пути, въ 1646 году пошелъ на лыжахъ по рѣкѣ Ульѣ вверхъ, до Яблоноваго хребта, на другой сторонѣ котораго они спустились въ рѣку Маю. Здѣсь построивъ суда, вышли въ рѣку Алданъ, потомъ въ Лену, и 12 Іюня 1646 года возвратились въ Якутскъ, почти ровно черезъ четыре года, съ 10-ю только человѣками. Воеводы Головина уже не было въ Якутскѣ; вмѣсто его управляли дѣлами Василій Пушкинъ и Кирила Супоневъ. Поляр-

Digitized by Google

ковъ представилъ имъ чертежъ рѣки Амура, аманашовъ и ясакъ, состоявшій изъ 497 соболей, 16 шубъ, 7 напольниковъ и 7 плашьевъ собольихъ (*).

Намъ, хладнокровнымъ цѣнителямъ подвиговъ нашихъ предковъ, предоставлено только удивляться ихъ предпріимчивости, терпѣнію и совершенной покорности начальству; но судить о успѣхахъ, какіе они могли-бы сдѣлать, по однимъ собственнымъ ихъ донесеніямъ, кажется, невозможно. Предки наши не любили на бумагѣ распространяться въ подробностяхъ, теперь для насъ нужныхъ. Самыя ошибки, упущенія, которыя въ подвигахъ, напримѣръ, Пояркова, намъ представляются, могли произойдти отъ обстоятельствъ, для насъ непостижимыхъ. Нынѣшній предводитель какой нибудь экспедиціи, встрѣтивъ препятствіе, наукою его названное непреодолимымъ, останавливается; но предки наши поступали не такъ. Положимъ, что они дѣйствовали изъ побужденій не столь благородныхъ, что ихъ одушевляла не одна жажда къ славѣ, но и корысть. Удерживали-ль ихъ страхъ голодной смерти, неизвѣстность пути, встрѣча съ народомъ, о силахъ котораго они не знали? Самое море, столь незнакомое, столь страшное, не мо-

(*) Любопытный чертежъ рѣки Амура не отыскался между бумагами Якутскаго архива. Подлинный долженъ храниться въ дѣлахъ бывшаго Сибирскаго Приказа въ Москвѣ, куда поступали всѣ донесенія изъ Сибири.

Digitized by Google

гло остановишь ихъ шествія. Съѣстные припасы издержаны: Казаки сдираютъ болонь съ сосны, копаютъ коренья: вотъ ихъ пища! Водяной путь прекратился: наши завоеватели подвязываютъ подъ ноги лыжи, и тащатъ за собою казну и собственность, чрезъ непроходимые лѣса и горы. Море преграждаетъ имъ путь: они строятъ суда, и безъ компаса, безъ вождей, смѣло пускаются къ своей цѣли. Это не Пизарро, идущій съ устроеннымъ войскомъ противъ Американцевъ, не Коломбъ, переплывающій неизвѣстныя моря для отысканія земли, образовавшейся въ его смѣшливомъ воображеніи, на математическихъ вычисленіяхъ: это простой начальникъ артели, однимъ умѣніемъ читать и писать превышающій въ познаніяхъ своихъ подчиненныхъ. Безъ науки, по невѣрнымъ разсказамъ, при одномъ руководствѣ своего генія, преодолѣваетъ онъ быстроту порожистыхъ рѣкъ, переплываетъ бурное море на слабыхъ ладьяхъ, четыре года борется съ трудностями, заочно насъ устрашающими, и покоряетъ Русскому Царю новые народы, открываетъ новыя страны. Не стоитъ-ли сей человѣкъ того, чтобъ потомство назвало его героемъ и поставило имя его въ лѣтописи, на ряду съ избранными сынами отечества!

Поярковъ въ отчетѣ своемъ, между прочимъ, предполагаетъ возможнымъ завоевать всѣ народы, по Амуру обитающіе. Для сего, говоритъ онъ, надобно послать туда человѣкъ около 300, съ тѣмъ, чтобы сначала построили они острожки: первый на устьѣ рѣки Силимжи, гдѣ живетъ Даурскій

Digitized by Google

Князь Докай; здѣсь оставивъ гарнизона 50 человѣкъ. Второй острожекъ на Джеѣ у Князя Бардачи, съ 50 служилыхъ. Трешій на устьѣ Джеи, въ Дучерахъ, тоже съ 50 человѣкъ. Остальныхъ-же людей отправлять для завоеваній и покоренія прочихъ народовъ, обитающихъ по Джеѣ, Шилькѣ, и по рѣкамъ, въ нихъ впадающимъ.

Съ извѣстіемъ объ открытіи Амура посланы были нарочные въ Москву; но прежде нежели получено было отъ Царя Алексѣя Михайловича повелѣніе о распространеніи нашихъ завоеваній на сей рѣкѣ, явился отважный Хабаровъ, въ 1649 году, съ проэктами своими, и былъ благосконно принятъ Воеводою Франсбековымъ.

(Продолженіе обѣщано).

Иркушскъ.
1831.

Digitized by Google

СМЕРТЬ ГЁТЕ.

Человѣкъ великій, мудрецъ созерцатель природы, поэтъ возвышенный, глубокій, страшный и очаровательный, всеобъемлющій и оригинальный, пламенный и спокойный какъ время, представитель генія всѣхъ Германскихъ поэтовъ, Гёте, великій Гёте умеръ!..

Если смерть человѣка необыкновеннаго всегда разительна, то смерть такого человѣка, какъ Гёте, заставляетъ невольно погружаться въ благоговѣйную, *мудрую* думу!... Провидѣніе, какъ-бы желая показать другимъ людямъ ничтожность и слабость ихъ, надѣляетъ міръ сими дивными геніями, надѣляетъ рѣдко, какъ-бы дорожа ими и въ самой неисчерпаемой благости своей, какъ-бы провидя, что иначе оно слишкомъ обременитъ, подавитъ величіемъ слабость людей обыкновенныхъ.

Безразсудно было-бы жалѣть о смерти Германскаго исполина. Гёте вполнѣ совершилъ свое поприще; онъ сдѣлалъ все, выразилъ все, что призванъ былъ сдѣлать и выразить. Послѣдніе годы маститой старости его были уже только отдыхомъ мудреца, и приготовленіемъ къ жизни безсмертной. Но и тутъ

Digitized by Google

жизнь его могла служить примѣромъ высокой опытности, орлинаго взгляда, и наблюдательности философа. Въ тишинѣ своего кабинета Гёте наслаждался плодами славной своей жизни, своихъ великихъ подвиговъ, и внимательно наблюдая все настоящее, думалъ уже только о будущемъ. . . Но гдѣ минута во времени, въ которую смерть человѣка великаго не поразила-бы священнымъ трепетомъ ума, души и сердца мыслящаго существа? . . .

Предметомъ долгихъ, если не всегдашнихъ изученій останется творецъ Фауста, Эгмонта, Гёца, Вильгельма Мейстера, органъ всѣхъ родовъ Германской Поэзіи и многихъ частей Литтературы Всесвѣтной, изъяснитель многихъ тайнъ природы.

Въ 1827 году мы помѣстили въ Телеграфѣ краткій очеркъ жизни Гёте и портретъ его.

Гёте скончался въ Веймарѣ, 22 Марта (н. ст.) сего года. Онъ родился 28 Августа 1749 года.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Памятникъ, воздвигнутый Русскому врачу въ Пекинѣ. Спѣшимъ сообщить читателямъ нашимъ извѣстіе о семъ небываломъ до нашихъ временъ случаѣ. Мы давно слышали, что Г-нъ Войцеховскій, врачъ, находившійся при вновь посланной въ Пекинъ Россійской Духовной миссіи, имѣлъ честь быть приглашеннымъ для леченія Князя, изъ Богдыханскаго семейства, удачно исцѣлилъ его, и въ воспоминаніе сего исцѣленія, Богдыханъ повелѣлъ воздвигнуть памятникъ во дворѣ Россійской миссіи, въ Пекинѣ. Нынѣ, проѣзжая черезъ Москву, Г-нъ Войцеховскій вручилъ описаніе обряда, при томъ бывшаго, и переводъ надписи памятника, почтенному Кяхтинскому Негоціянту, П. Т. Баснину, по коммерческимъ дѣламъ находящемуся въ Москвѣ. Мы просили Г-на Баснина не скрывать отъ публики сей драгоцѣнности, и получили отъ него позволеніе напечатать въ Телеграфѣ, какъ надпись, такъ и описаніе обряда.

Переводъ Китайской надписи:

» Я Чанъ, долгое время страдавъ переносною отъ скарлатина опухолью, въ околоушныхъ желѣзахъ, пользовался отъ многихъ врачей, и не получилъ облегченія; но призвавъ къ пользованію своему Доктора Іосифа Войцеховскаго, отъ одного прикосновенія

Digitized by Google

руки его мгновенно исцѣлился, и, къ стыду моему, не имѣю чѣмъ достойно возблагодарить, кромѣ постановленія, въ вѣчное прославленіе имени его, памятника, съ надписью: «

»*Чанъ—Санъ мяо шу.*

Чанъ—Санъ Доктора чудесное искуство.

Magni principis Choscho-Ly Cin Wang

Junior frater Ciuan Czang,

Medico Josepho Woycechowsky in capitale urbe Beydzin.

Хошо-Ли Цинъ Вана Великаго Князя

Младшій братъ Цюань-Чанъ.

Въ царствованіе Дао-Гуана свѣтлаго правленія, 9-го года, 11-й луны, въ первый счастливый день, (1829 года Ноября 11 дня).«

»Памятникъ сей« — говоритъ Г-нъ Войцеховскій — »былъ торжественно сопровождаемъ въ Россійское подворье, подъ двухъ-этажнымъ, шелковыми разноцвѣтными матеріями разукрашеннымъ, балдахиномъ, на носилкахъ, которыя несены были восьмью носильщиками.

»Торжественному ходу предшествовалъ полицейскій чиновникъ, съ четырьмя полицейскими нижними чинами; за ними слѣдовали: шесть чиновниковъ изъ Княжескихъ шѣлохранителей, два эвнуха, 14 человѣкъ музыкантовъ, два трубача и два крикуна; въ продолженіе всего пути, отъ дворца Ли Цинь Вана, отстоящаго отъ Россійскаго подворья въ пяти верстахъ, крикуны провозглашали искуство врача.

»За памятникомъ слѣдовалъ, въ каретѣ, 14-ти лѣтній Князь Цюань Чанъ, съ дядькою, эвнухомъ,

Digitized by Google

по имени Лю, сопровождаемый шестью чиновными шѣлохранителями и двумя евнухами.

»За ними слѣдовали подарочныя вещи, несомыя шестью придворными людьми.

»День и часъ открытія церемоніи назначены были самимъ Великимъ Княземъ. По приближеніи почетныхъ гостей къ Россійскому подворью, съ нашей стороны сдѣлана приличная встрѣча, предъ посольскимъ домомъ. Начальникъ духовной Миссіи, О. Архимандритъ и Кавалеръ Петръ, со всѣми членами Миссіи, и близкими нашими знакомыми, чиновниками Кишайскими и Маньчжурскими, нарочно по сему случаю приглашенными, встрѣтилъ Князя при посольскомъ домѣ.

«Князь, по выходѣ изъ карешы, обратился сперва къ начальнику Миссіи, и, по обычаю Маньчжурскому, какъ съ почтеннѣйшимъ другомъ взялся съ нимъ за руки, и сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ выраженій; потомъ обратившись ко мнѣ, взявши меня за руки, словесно изъявилъ мнѣ свою признательность за излеченіе. По окончаніи привѣтствія ко всѣмъ членамъ Миссіи и чиновнымъ особамъ, съ нашей стороны бывшимъ, принесенный памятникъ снятъ съ носилокъ, внесенъ внутрь посольскаго дома, и утвержденъ на двухъ пьедесталахъ о четырехъ драконахъ (гербъ Кишайской Имперіи).

»До утвержденія памятника, Князь и вся свита его находились въ посольскомъ домѣ, и музыка безпрерывно играла; по утвержденіи памятника, я принесъ словесную благодарность Князю, за сдѣланную мнѣ честь, и принявъ поздравленіе отъ его свиты и всѣхъ гостей, просилъ Князя въ домъ на-

Digitized by Google

чальника, гдѣ была приготовлена для него закуска, а въ посольскомъ домѣ вся свита Князя была также прилично угощаема. По окончаніи стола, проведя цѣлый день въ дружескихъ, веселыхъ разговорахъ, въ 5 часовъ вечера, Князь, со всею своею свитою, возвратился въ свой дворецъ, оставивъ прекрасное украшеніе въ Россійскомъ посольскомъ домѣ, въ Пекинѣ находящемся, какъ вѣчный памятникъ своей признательности къ Россіянамъ.«—

Мы надѣемся представить читателямъ Телеграфа изображеніе самаго памятника, и переводъ прощальнаго письма, писаннаго къ Г-ну Войцеховскому Княземъ Цюань Чаномъ. То и другое обѣщалъ доставить Г-ну Баснину изъ Петербурга Г-нъ Войцеховскій. Конечно, каждый соотечественникъ раздѣлитъ съ нимъ удовольствіе, что онъ искуствомъ своимъ удостоился чести, до сего времени въ Китаѣ неслыханной.

— *Сужденіе о концертѣ Гг. Ромберга и Давида.* Здѣшняя музыкальная публика, обыкновенно съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ годоваго времени концертовъ и прибытія артистовъ чужеземныхъ: они обогащаютъ ее новыми опытами, новыми идеями, и, кромѣ того, придаютъ нѣкоторое разнообразіе музыкальнымъ ея наслажденіямъ. Въ нынѣшнемъ году она была обрадована прибытіемъ Гг. Кипріана Ромберга и Фердинанда Давида, двухъ молодыхъ художниковъ, которымъ предшествовала лестная извѣстность, и которые, при своей скромности, возбудили много ожиданій. Доказательствомъ сего

Digitized by Google

могло служить многочисленное, избранное общество, собравшееся 10 Марта въ концертную залу Театра, и встрѣтившее молодыхъ артистовъ съ большимъ вниманіемъ.

По окончаніи увертюры изъ *Эгмонта* Беетховена, сыгранной довольно хорошо, явился Г. К. Ромбергъ, сынъ славнаго композитёра Андрея Ромберга. Онъ сыгралъ на віолончели концертъ (или лучше сказать concertino), собственнаго сочиненія, въ которомъ непосредственно одно за другимъ слѣдовали *соло*, исполненное жизни, небольшое andante, и rondeau à la Suisse. Послѣднее было, собственно, главною частью. Много прекрасныхъ мыслей, чистота и круглость, особенно третьей части сего сочиненія, заслужили громкій успѣхъ. Если мы позволимъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе, то оно будетъ состоять въ томъ, что сей концертъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, слишкомъ живо напоминаетъ Бернгарда Ромберга, дядю и учителя молодаго артиста, напоминаетъ именно тою, иногда довольно *изысканною* простонародностью, которая часто вредитъ внутреннему достоинству сочиненій и упомянутаго великаго художника. Г. К. Ромбергъ обличаетъ въ себѣ столь прекрасное дарованіе, что мы можемъ просить его смѣло идти своею *собственною* дорогою. Игра его была превосходна: душа двигаетъ смычкомъ сего художника; звуки, извлекаемые имъ, сильны и чисты, и если имъ недостаетъ еще полноты, то справедливо можно извинить сей недостатокъ огнемъ юности. — За тѣмъ, Госпожа Столь, первая пѣвица здѣшней Нѣмецкой

Digitized by Google

Оперы, снова доказала, блистательнымъ исполненіемъ большой аріи Обера, преимущества отличной своей методы. — Появленіе Г-на Давида приковало къ нему вниманіе публики. Концертъ для скрыпки, сочиненный самимъ художникомъ, и написанный съ начала до конца въ стилѣ благородномъ, во всѣхъ трехъ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, былъ выполненъ съ умомъ и вкусомъ. Только въ формѣ средней части сего сочиненія замѣтна нѣкоторая тяжкость. Публика наградила громкимъ и единогласнымъ одобреніемъ необыкновенныя достоинства сего сочиненія, напомнившаго лучшее время Віотти. Намъ особенно пріятно поздравить Г-на Давида съ тою оригинальностью въ его идеяхъ, которая, при основательномъ взглядѣ на высшую цѣль Искусства, даетъ право ожидать отъ него многаго. Не менѣе, а можетъ быть еще и болѣе, изумили насъ рѣдкая способность и легкость его въ преодолѣніи величайшихъ трудностей, такъ-же какъ огонь, сила и прелесть его игры. Г. Давидъ, нѣкоторымъ образомъ соединяетъ въ себѣ пріятныя и блестящія качества Французской школы, съ полнотою и глубокимъ чувствомъ, отличающими школу Нѣмецкую, которой представителемъ можно назвать Шпора, учителя Г-на Давида. Идя по сему пути, онъ можетъ и долженъ занять почетное мѣсто между первыми художниками нашего времени.

Вторая часть концерта началась сочиненіемъ Дотцауера, (andante и Польскій, для двухъ віолончелей), отлично сыграннымъ Гг. Ромбергомъ и Марку, но, къ сожалѣнію, нѣсколько длиннымъ и скучнымъ. — За тѣмъ, любезный гость нашъ, Г-нъ

Digitized by Google

Този, пѣлъ Россиніеву арію, и имѣлъ случай развернуть свое отличное и давно знакомое намъ дарованіе. — Наконецъ, Гг. Ромбергъ и Давидъ играли, на віолончели и скрыпкѣ, безъ аккомпанированія оркестра, *попури*, сочиненное ими самими, на мотивы оперы: *Нѣмая въ Портичи.* Слушая сію пьесу, мы совершенно увѣрдились въ томъ мнѣніи объ игрѣ сихъ отличныхъ артистовъ, которое выражено выше сего. Самое сочиненіе ихъ, впрочемъ награжденное рукоплесканіями толпы, показалось намъ довольно слабымъ, ибо мы не замѣтили въ немъ сообразной Искуству, внутренней связи идей, и нашли, что нѣкоторыя изъ варіяцій уже слишкомъ сбиваются на обыкновенное, пошлое. Мы не можемъ безъ сожалѣнія видѣть, что столь отличные, исполненные дарованій художники, желая понравиться толпѣ, нисходятъ до той степени, которая не выше самаго рода попури! — Большой *концертантъ* Маурера для 4-хъ скрыпокъ, превосходно сыгранный Гг. Давидомъ, Грасси, Іоганнисомъ и Амашовымъ, заключилъ сей пріятный вечеръ.

Многочисленная публика конечно съ пріятными впечатлѣніями оставила концертную залу, и вѣрно всѣ присутствовавшіе, съ благодарностью къ обоимъ отличнымъ артистамъ за рѣдкое, доставленное ими наслажденіе, соединяли желаніе, чтобы скорѣе вновь провести нѣсколько часовъ, столь-же пріятнымъ образомъ. *(Сообщено.)*

P.S. По желанію публики, Гг. Ромбергъ и Давидъ давали другой концертъ: онъ былъ увѣнчанъ такимъ-же успѣхомъ какъ и первый.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les turbans paraissent avoir subi un changement dans leur forme. Au lieu de s'étendre à droite et à gauche de la tête, ils sont étroits sur les côtés, et s'élargissent par devant et par derrière.

Pour chapeau c'est la couleur écrue, toujours en gros-de-Naples, et principalement la couleur paille qui semblent devoir jouir bientôt d'une vogue exclusive. Ces chapeaux conservent jusqu'à présent la forme des *bibis*, et sont ornés d'une plume *frimatée*, couleur paille.

Depuis une semaine les nuances claires sont devenues entièrement en faveur pour robes et chapeaux, et les gros-de-Naples, moirés ou unis, sont les étoffes qui ont été le plus employées.

La majeure partie des robes choisies par les dames, dans les magasins de nouveautés, a été couleur vapeur, et presque toutes en moiré.

Une couleur *violette de Parme* un peu vive, portée depuis peu, semble prendre faveur.

Nous avons remarqué, à l'un de nos grands théâtres, des corsages de robes ornés de trois rangs de tulle tuyauté comme des bonnets. Ce tuyautage si régulier s'obtient au moyen d'une mécanique faite exprès.

Les demoiselles conservent toujours beaucoup de simplicité dans leur mise pour les bals.

Les fabricans de bas, pour femmes, veulent absolument forcer les danseuses à acheter deux paires de bas de soie

(*) Въ Парижѣ до 25 Марта (н. ст.).

Digitized by Google

au lieu d'une seule, car les bas à jours, à la dernière mode, sont tellement clairs jusqu'au mollet qu'on croirait la jambe couverte de tulle de soie, quand ce sont des bas blancs; ou de blonde noire, quand ce sont des bas de cette couleur. Aussi met-on presque toujours en-dessous, des bas légèrement rosés, ou couleur de chair. — Parmi les dessins des bas noirs on voit beaucoup de chevrons brisés, et parmi les blancs des damiers et des losanges ou des étoiles.

On voit des mantes en satin montées sur une carcasse en baleine, que l'on peut mettre sur la toilette de bal la plus légère sans craindre de la chiffonner en aucune manière. Ces mantes se terminent par devant en pointes, comme les mantes portées anciennement, et elles ont un colet droit, doublé en duvet de cigne, et qui abrite parfaitement les joues et les oreilles.

La mise des hommes n'éprouve pas encore de changement. Le gris argenté paraît être cependant la couleur qui sera adoptée à Longchamp, pour pantalon. Il paraît aussi que les redingotes qui y paraîtront seront très-courtes.

Въ формѣ тюрбановъ замѣтно нѣкоторое измѣненіе. Вмѣсто того, чтобы быть шире на право и на лѣво, они дѣлаются узкими съ боковъ, и расширяются впередъ и назадъ.

Для шляпъ, до сихъ поръ гроденаплевыхъ, цвѣтъ не бѣленой ткани, и особенно цвѣтъ палевый, кажется, вскорѣ войдутъ въ большую моду. Шляпы сіи все еще имѣютъ форму *биби* и украшаются перомъ *пушистымъ*, цвѣта палеваго.

Съ недѣлю какъ совершенно вошли въ употребленіе, для шляпъ и плашьевъ, цвѣта свѣтлые.

Digitized by Google

Парижскія моды.

Изъ матерій всего болѣе употребляютъ гроденапль, волнистый или гладкій.

Большая часть платьевъ, избранныхъ дамами въ модныхъ магазинахъ, была цвѣта *паровъ*, и почти все изъ волнистыхъ матерій.

Цвѣтъ *Парижской фіялки* нѣсколько яркій, кажется, съ нѣкотораго времени становится любимымъ.

Въ одномъ изъ большихъ Театровъ замѣчены лифы, украшенные тремя рядами шнлевыхъ складокъ, подобныхъ складкамъ чепчиковъ: онѣ чрезвычайно правильны и дѣлаются посредствомъ особеннаго механизма.

Дѣвицы одѣваются на балы по прежнему, очень просто.

Фабриканты женскихъ чулковъ непремѣнно хотятъ заставить танцующихъ дамъ покупать по двѣ пары шелковыхъ чулковъ, вмѣсто одной, потому что новѣйшіе модные чулки, ажуръ, прозрачны до такой степени, что въ нихъ ноги кажутся покрытыми шелковымъ шнлемъ, если это чулки бѣлые, или черною блондою, если чулки сего цвѣта. Это заставляетъ почти всегда надѣвать внизъ чулки розоваго оттѣнка, или телеснаго цвѣта. — Изъ узоровъ на черныхъ чулкахъ замѣчаютъ много отдѣльныхъ шевроновъ, а на бѣлыхъ шахматныхъ узоровъ, косоугольниковъ, или звѣздочекъ.

Многіе дамскіе плащи, атласные, дѣлаются на каркасѣ изъ кишовыхъ усовъ: ихъ можно надѣвать на самый эѳирный дамскій нарядъ, для бала, ни сколько не боясь измять его. Эти плащи оканчи-

Digitized by Google

ваются напереди косяками, какъ-то дѣлывалось у старинныхъ плащей. Воротникъ у нихъ прямой, подбитый лебяжьимъ пухомъ: онъ совершенно предохраняетъ щеки и уши.

Въ нарядѣ мужчинъ нѣтъ еще никакихъ перемѣнъ. Однакожь, кажется что серебристый цвѣтъ будетъ въ модѣ для панталоновъ, на Лонгшанскомъ гуляньѣ. Думаютъ также, что тамъ явятся чрезвычайно короткіе сюртуки.

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Уборка волосовъ, съ розами. Креповое платье, убранное лентами.

Мужчина. Плащъ безъ висячаго воротника; фракъ Англійскій; жилетъ кашемировый; панталоны казимировые.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Марта 31 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

Въ типографіи августа семена.

Digitized by Google

№ 4. Февраль.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Дж. В. Гершеля о Звукѣ.

(Окончаніе).

Послѣ изслѣдованій о распространеніи звука вообще, Г. Гершель, во второй части своего сочиненія, занимается разсмотрѣніемъ звуковъ музыкальныхъ. Точно какъ глазъ видитъ непрерывный кругъ, когда передъ нимъ быстро обращаютъ зажженную палку, такъ ухо слышитъ непрерывный звукъ, когда отдѣльные звуки быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ. Число отдѣльныхъ звуковъ, образующихъ звукъ непрерывный, должно быть, по мнѣнію Г-на Гершеля, не менѣе шестнадцати въ секунду. Если они звучатъ черезъ промежутки времени совершенно равные, и сами совершенно сходны, то образуютъ звукъ музыкальный. Есть множество механическихъ средствъ производить, слѣдующіе одинъ за другимъ, сходные звуки, опредѣляемые равновременными движеніями воз-

Digitized by Google

духа. Одно изъ самыхъ общихъ средствъ есть потрясеніе струнъ, дѣлаемыхъ или изъ металла, или изъ кишекъ животныхъ. Если такая струна натянута между двухъ неподвижныхъ точекъ, примѣрно, на арфѣ или форшепіано, то линія, соединяющая обѣ точки, или направленіе оной, когда струна въ спокойномъ состояніи, называется осью. Ударьте по этой струнѣ, или потяните ее вверхъ и потомъ опустите, она придетъ въ дрожаніе или сотрясеніе между неподвижными точками и издастъ звукъ, сообразный быстротѣ сотрясеній. Предполагается, что струна приведена въ сотрясеніе на равномъ разстояніи отъ неподвижныхъ точекъ. Если въ то время, когда струна дрожитъ, прикоснуться къ ней легонько пальцемъ или перомъ, ровно по срединѣ ея длины, то объемъ сотрясеній уменьшится, а число ихъ увеличится, и струна издастъ звукъ слабѣйшій, но болѣе перваго рѣзкій, что и называютъ: звукъ основный. Нота, произведенная такимъ образомъ, соотвѣтствуетъ двойному числу сотрясеній, сначала дѣланныхъ струною. Если къ струнѣ коснуться на третьей части ея длины, то звукъ будетъ еще пронзительнѣе и число сотрясеній утроится. Въ этихъ различныхъ случаяхъ видимъ явленіе, чрезвычайно любопытное. Когда къ струнѣ касаются по срединѣ, то она раздѣляется на двѣ

Digitized by Google

части, изъ коихъ каждая сотрясается отдѣльно, одна на право отъ точки прикосновенія, другая на лѣво. Слѣдственно точка средины остается въ покоѣ, а двѣ половины струны сотрясаются, точно какъ будто-бы средняя точка была укрѣплена. Сія неподвижная точка именуется узломъ, а сотрясающіяся части каждой стороны боками.

Мы уже замѣтили, что звуки, производимые сотрясеніями различныхъ боковъ, бываютъ пронзительнѣе основной ноты, или всей струны, сотрясающейся на одномъ узлѣ: ихъ называютъ звуками гармоническими, и ухо самое неопытное можетъ отличить сіи гармоническіе звуки отъ основнаго.

Не льзя умолчать о другомъ средствѣ производить звуки: оно чрезвычайно любопытно. Если изъ двухъ струнъ, одинакаго вещества и одинаково натянутыхъ, ударить по одной, которая должна быть двумя трещами короче, то другая, которая длиннѣе, придетъ въ сотрясеніе отъ воздуха на трехъ бокахъ, или частяхъ, изъ коихъ каждый или каждая будутъ равны короткой струнѣ. Въ опредѣленное время она сдѣлаетъ равное число сотрясеній. Если короткая струна равняется длиною только шестой части другой струны, то сія будетъ сотрясаться въ шести отдѣленіяхъ.

Digitized by Google

Вслѣдствіе такого симпатическаго сообщенія сотрясеній, человѣкъ, одаренный сильнымъ голосомъ, можетъ разбить стаканъ, взявъ основную ноту. Говорятъ, что нѣкто разбивалъ голосомъ своимъ двѣнадцать стакановъ, одинъ за другимъ.

Симпатія сотрясеній, или свойство сотрясающагося тѣла приводить другое тѣло въ одинакое съ собою состояніе, еще явнѣе въ двухъ стѣнныхъ часахъ, поставленныхъ на одной доскѣ, или подлѣ одной стѣны. Уже болѣе ста лѣтъ, какъ замѣтили, что два колокола, привѣшенные къ одной доскѣ, дѣйствуютъ одинъ на другой: языкъ одного останавливаетъ языкъ другаго, и остановленный снова приходитъ въ сотрясеніе, послѣ нѣкотораго времени, останавливая въ свою очередь другой языкъ. Джонъ Элликотъ, первый наблюдая сіе дѣйствіе, замѣтилъ, что двои стѣнные часы, разнившіеся девяносто шестью секундами въ день, въ продолженіе многихъ дней разнились только одною секундою, когда были повѣшены на одной и той-же стѣнѣ. Такое-же дѣйствіе наблюдалъ Г. Бойдъ, въ Эдинбургѣ, надъ двумя стѣнными часами, которые были поставлены на доскахъ, плотно приколоченныхъ къ толстой кирпичной стѣнѣ. Тоже явленіе открылъ Бреге въ карманныхъ часахъ. Сіи дѣйствія явно

Digitized by Google

происходятъ отъ сотрясеній, сообщаемыхъ однимъ маятникомъ другому, черезъ доски или спѣну, на коихъ утверждены часы.

Гармоническіе звуки и основный звукъ сотрясающейся струны, имѣютъ дивное соотношеніе съ цвѣтами (couleurs) случайными или гармоническими. Когда глазъ пристально устремленъ на красный сургучъ, въ продолженіе многихъ минутъ, то онъ видитъ въ тоже время цвѣтъ зеленый. Этотъ цвѣтъ смѣшанъ съ первымъ и кажется только уменьшающимъ густоту краснаго. Но какъ скоро глазъ переспаетъ смотрѣть на красный сургучъ и обращается на клочекъ писчей бѣлой бумаги, онъ ясно различаетъ зеленый цвѣтъ, и ощущеніе сіе длится, когда ощущеніе краснаго уже миновалось. Довольно странно это сближеніе двухъ цвѣтовъ, краснаго и зеленаго, которые гармонируютъ одинъ съ другимъ. Въ нихъ есть еще и другое свойство: производить, при смѣшеніи, цвѣтъ бѣлый. Такъ-же точно гармоническій цвѣтъ голубаго есть оранжевый, а желтаго фіолетовый. Слѣдуетъ, что сѣтчатая оболочка глаза человѣческаго, отъ дѣйствія одного цвѣта приходитъ въ такое сотрясеніе, при коемъ видитъ въ тоже время и гармоническій цвѣтъ его. Сіи два цвѣта, первоначальный и гармоническій, доходятъ до глаза точно такъ-же,

Digitized by Google

какъ основная и гармоническая ноты слышатся ухомъ; но глазъ не можетъ такъ видѣть двухъ цвѣтовъ, существующихъ отдѣльно, какъ ухо слышитъ два звука; посему, надобно отнять цвѣтъ первоначальный, чтобы видѣть гармоническій цвѣтъ онаго.

Г. Гершель говоритъ послѣ сего о сотрясеніяхъ воздушнаго столба въ духовыхъ инструментахъ, издающихъ музыкальные звуки. Самое обыкновенное средство привести въ сотрясеніе столбъ воздуха въ трубкѣ, состоитъ въ томъ, что надобно дуть въ отверстіе, сдѣланное на сторонѣ, или на одной изъ оконечностей трубки, и называемое анбушурою.

Для изъясненія, какимъ образомъ сотрясается столбъ воздуха въ трубкѣ, предположимъ, что трубка, длиною въ одинъ футъ, имѣетъ отверстіе по срединѣ; потомъ предположимъ, что винтообразная эластическая пружина, также въ одинъ футъ длины, подобная пружинѣ въ дѣтскихъ ружьяхъ, утверждена у каждой изъ оконечностей трубки. Если вообразимъ, что каждый винтообразный оборотъ, одинъ вмѣстѣ съ другимъ, будетъ придвигаемъ и отдвигаемъ отъ одного конца трубки къ другому, то получимъ довольно точное понятіе о сотрясеніяхъ воздушнаго столба. Когда винтообразные обороты двигаются къ одной изъ

Digitized by Google

сторонъ трубки, тогда они сближаются на сей сторонѣ; въ тоже время, на другомъ концѣ, гдѣ они раздвигаются, пространство между ними увеличивается. Но есть посредствующая точка, гдѣ винтообразные обороты остаются въ естественномъ разстояніи одинъ отъ другаго, то есть въ такомъ, которое сохраняютъ они не будучи двигаемы никакою силою. Сія точка находится въ срединѣ, напротивъ отверстія: какъ-бы ни были двигаемы винтообразные обороты, тамъ разстояніе всегда остается одно и тоже. У концовъ пружина будетъ или въ сближеніи или въ растяженіи, и состояніе сіе, болѣе явное около обоихъ концовъ, будетъ слабѣе около средины.

Точно тоже происходитъ въ столбѣ воздуха, когда онъ сотрясается въ трубкѣ: каждая частица его идетъ отъ одной стороны къ другой, и потомъ возвращается, такъ что воздухъ, столь-же упругій какъ и пружина, необходимо сгущается у того конца, къ коему онъ двинутъ, и разрѣжается у того, отъ коего двигается; въ срединѣ онъ не разрѣженъ и не сгущенъ: тамъ онъ въ естественномъ состояніи. Явно и то, что частицы воздуха около концовъ трубки менѣе перемѣняютъ мѣсто, нежели тѣ, которыя находятся въ срединѣ. Это легко доказать, провертѣвъ сква-

Digitized by Google

жины въ трубкѣ и прикрѣпивъ надъ ними какіе нибудь легкіе листочки. Находящіеся напротивъ точки средней, гдѣ частицы воздуха въ сильнѣйшемъ движеніи, будутъ колебаться весьма сильно, между тѣмъ какъ листочки около концовъ будутъ почти неподвижны.

Во всѣхъ инструментахъ, издающихъ звукъ отъ сотрясенія воздушнаго столба, воздухъ есть единое звучащее тѣло. Пусть трубка будетъ изъ свинцу, стекла, дерева, степень звука всегда одинакова; только тѣніе его (le timbre) будетъ различно. Сіе изъясняютъ, предполагая, что прикосновеніе сотрясающагося столба производитъ болѣе или менѣе сильное сотрясеніе въ тѣлѣ, сообразно свойству онаго.

Разсуждая о музыкальныхъ интервалахъ, Г. Гершель вкратцѣ говоритъ о раздвиженіи звуковъ. Сія часть Акустики получила новую занимательность отъ прекраснаго открытія, сдѣланнаго Докторомъ Юнгомъ.

Если въ спокойную воду пруда кинуть камень, то произведенная отъ этого волна распространяется на поверхности воды, но въ глубинѣ вода остается неподвижною. Волна возвышается и образуетъ выпуклость, а потомъ, понижаясь, впадину: это измѣненіе испытываетъ въ свою очередь каждая частица поверхности. Если двѣ равныя волны, распро-

Digitized by Google

страняясь отъ двухъ различныхъ средоточій, въ одно время достигаютъ одного и того-же мѣста, то есть если двѣ выпуклости вдругъ сталкиваются, то онѣ образуютъ одну общую волну, которая будетъ вдвое болѣе двухъ волнъ отдѣльныхъ. Но если одна изъ волнъ идетъ такъ, что ея впадина встрѣчается съ выпуклостью другой, то обѣ волны уничтожатъ одна другую, ибо выпуклость одной наполнитъ до половины впадину другой, а впадина сгладитъ также до половины возвышеніе, и поверхность придетъ въ совершенный уровень.

Тоже самое происходитъ въ волнахъ звука. Если двѣ равныя и одинакія струны сотрясаются также одинаково, производя каждая по 100 сотрясеній въ секунду, то равныя волны каждой произведутъ постоянный звукъ, который будетъ вдвое сильнѣе сихъ двухъ звуковъ отдѣльныхъ, и въ которомъ не будетъ слышно ни паузы, ни интервала. Когда двѣ струны не въ одинакомъ тонѣ, однако близки къ нему, такъ что одна производитъ сто сотрясеній, а другая сто одно въ секунду, тогда, при первомъ сотрясеніи слышатся оба звука слитно, какъ будто одинъ двойной силы; но вторая струна мало по малу опережаетъ первую, такъ, что при пятидесятомъ сотрясеніи, она уже впереди полу-сотрясеніемъ: тутъ оба зву-

Digitized by Google

ка уравновѣшиваются, и одно мгновеніе продолжается совершенное молчаніе. Звукъ увеличивается и становится сильнѣе при сотомъ сотрясеніи: тогда одна струна опередила другую уже цѣлымъ сотрясеніемъ; такъ и далѣе. Если двѣ струны еще хуже настроены, или хуже согласны одна съ другою, то есть, если въ числѣ сотрясеній, производимыхъ ими въ секунду, болѣе разницы, то явленія становятся еще замѣчательнѣе, интервалъ молчанія еще чувствительнѣе.

Это странное явленіе совершеннаго молчанія отъ соединенія двухъ звуковъ, имѣетъ замѣчательную аналогію съ явленіями свѣта. Если красный лучъ свѣта, пошедши отъ блистающей точки, падетъ на сѣтчатую оболочку человѣческаго глаза, то онъ возбудитъ ощущеніе свѣта, и мы ясно увидимъ точку, или предметъ, отъ коего онъ произошелъ. Но если другой красный лучь идетъ изъ точки, находящейся отъ первой въ разстояніи 258-й доли тысячной части дюйма, или ровно вдвое, втрое, вчетверо сего разстоянія, и падаетъ на ту-же часть сѣтчатой оболочки, то одинъ свѣтъ усилитъ другой, и глазъ увидитъ не только обѣ точки, но и столько свѣта въ оныхъ, сколько принялъ-бы онъ его, видя одинъ изъ лучей. Напротивъ, если разстояніе между двухъ то-

Digitized by Google

чекъ составляетъ только половину 258-й доли тысячной части дюйма, или $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ сего разстоянія, то одинъ свѣтъ уничтожитъ другой и произведетъ совершенную темноту; слѣдственно точки, изъ коихъ идетъ свѣтъ, сдѣлаются невидимы. Если оба свѣта будутъ зеленые, то разстояніе, на коемъ произойдетъ сіе дѣйствіе, должно быть 207-я доля тысячной части дюйма, съ долями; если они фіолетовые, то разстояніе должно быть 157-я доля тысячной части дюйма. Изъ сего слѣдуетъ, что свѣтъ, какъ и звукъ, вѣроятно идетъ волнами, среди упругаго, обширнаго, всеобъемлющаго пространства, и что ширина волны свѣта краснаго составляетъ 258-ю долю тысячной части дюйма; ширина волны свѣта зеленаго 207-ю долю тысячной части, а фіолетоваго 157-ю долю тысячной части. Сіе-то любопытное свойство свѣта производитъ блестящіе цвѣта на чешуѣ рыбъ и перьяхъ птицъ.

Въ послѣдней части отдѣленія, разсматривающаго музыкальные звуки, Г-нъ Гершель кратко разсуждаетъ о сотрясеніяхъ звука, производимыхъ металлическими полосами, прутиками, пластинками, и проч. Предметъ чрезвычайно важный, и дающій поводъ къ самымъ любопытнымъ и самымъ легкимъ опытамъ во всей области Физики.

Digitized by Google

Можно двумя способами получить звуки изъ прутика металлическаго или стекляннаго.

Во-первыхъ. Можно привести его въ сотрясеніе вдоль, посредствомъ удара въ семъ направленіи, или посредствомъ тренія мокрымъ пальцемъ, также въ семъ направленіи. Тогда прутикъ издаетъ звукъ, гораздо болѣе пронзительный, чѣмъ звукъ воздушнаго столба такой-же длины. Это происходитъ отъ быстроты звука, которая въ твердыхъ тѣлахъ сильнѣе нежели въ воздухѣ. Если такимъ образомъ прикоснуться къ чугунному пруту, то онъ издастъ основный звукъ, точно такой-же, какъ и звукъ воздушнаго столба въ органной трубкѣ, которая въ десять или одиннадцать разъ короче его, потому что звукъ пробѣгаетъ по чугуну въ десять или одиннадцать разъ скорѣе, нежели по воздуху. Металлическій прутъ сотрясается точно такъ-же какъ воздушный столбъ, и отдѣленія, или твердые слои его, сближаются и разрѣжаются такъ-же какъ въ эластической пружинѣ, о коей мы говорили. Дабы раздѣлить его на разныя сотрясающіяся отдѣленія, какъ воздушный столбъ, и произвести гармоническіе звуки, надобно, по указанію Хладни, держать его легонько двумя пальцами, въ томъ мѣстѣ, гдѣ хотятъ произвести узелъ, и тереть по срединѣ одной изъ сотрясающихся частей.

Digitized by Google

Во-вторыхъ. Самый обыкновенный способъ для произведенія сотрясенія въ твердыхъ тѣлахъ, есть сотрясеніе поперечное. Это дѣлаютъ, твердо укрѣпивъ одинъ конецъ прута, винтомъ, и оставивъ на свободѣ другой; или оставивъ свободными оба конца; или укрѣпивъ оба конца; или прижавъ одинъ конецъ, а другой оставивъ свободнымъ, и проч. Если два прута укрѣплены каждый однимъ концомъ, а другіе концы ихъ свободны, то они производятъ странныя сотрясенія, которыя даже можно видѣть. Для этого-то Г-нъ Уэтстонъ сдѣлалъ небольшой инструментъ, названный имъ *калейдофонъ*, который показываетъ глазамъ сіи странныя сотрясенія. Инструментъ состоитъ изъ круглаго куска дерева, около дюйма въ толщину и шести дюймовъ въ поперечникѣ; въ него ввинчены перпендикулярно четыре небольшіе стальные прута, двѣнадцати дюймовъ въ длину. Одинъ изъ нихъ четырехгранный, другой цилиндрическій, третій также въ видѣ цилиндра, но покороче; четвертый цилиндрическій, но загнутый. Маленькіе стеклянные пузырьки, наполненные ртутью, утверждены у оконечностей, подлѣ самыхъ прутьевъ, или отдѣльно, такъ, что при свѣтѣ солнца или свѣчи, на каждомъ изъ нихъ видны блестящія отраженія. Когда прутья сотрясаются, тогда отраженія сіи производятъ самые странные и разнообразные

Digitized by Google

узоры, ибо каждый прутикъ слѣдуетъ линіямъ различнымъ.

Явленія, производимыя сотрясеніемъ листовъ стеклянныхъ или металлическихъ, еще любопытнѣе. Дабы изъяснить, какимъ образомъ производятъ ихъ, представимъ себѣ обыкновенное оконничное стекло, квадратное, не болѣе четырехъ или пяти дюймовъ ширины, для того чтобы можно было держать его по срединѣ, большимъ и указательнымъ пальцами лѣвой руки, не прикасаясь къ краямъ. Если стекло сіе держать такимъ образомъ горизонтально, насыпавъ на него песку, или, что еще лучше, растительной пыли, и привести въ сотрясеніе, водя смычкомъ по краю его, какъ можно ближе къ одному изъ угловъ, то оно раздѣлится на четыре равные квадрата: два квадрата на противоположныхъ углахъ будутъ въ сотрясеніи на одной сторонѣ плоскости стекла, а два другіе на сторонѣ противоположной. Слѣдственно, песокъ будетъ сбрасываемъ съ сихъ квадратовъ и сберется на двѣ главныя линіи, пересѣкающія одна другую подъ прямыми углами, и раздѣляющія всѣ четыре квадрата. Такимъ образомъ листъ стекла или металла производитъ сильнѣйшій звукъ. Если снова разсыпать песокъ по всей поверхности, и держать стекло какъ прежде, но смычкомъ водить по

Digitized by Google

срединѣ одной изъ сторонъ квадрата, то поверхность раздѣлится на четыре сопрясающіеся треугольника, а песокъ образуетъ изъ себя крестъ, или линіи, которыя будутъ соединять четыре угла фигуры.

Если листъ брать указательнымъ и большимъ пальцемъ, въ разныхъ мѣстахъ, не на срединѣ, и перемѣнять также мѣста края, о который будутъ водить смычкомъ, то песокъ представитъ многія правильныя фигуры, составленныя изъ параллельныхъ и кривыхъ линій. Сіи фигуры измѣняются до безконечности, когда употребляютъ пластинки эллиптическія, треугольныя, ромбоидальныя.

Въ третьей части своего сочиненія Г-нъ Гершель говоритъ о сообщеніи сотрясеній, о сотрясеніяхъ систематическихъ, о сообщеніи одного сотрясающагося тѣла съ другимъ, и о человѣческомъ голосѣ. Эта часть Акустики была съ особеннымъ тщаніемъ наблюдаема Г-мъ Саваромъ. Постараемся дать отчетъ о нѣкоторыхъ изъ занимательнѣйшихъ его открытій.

Если натянуть струну на рамѣ или пяльцахъ, поставленныхъ на металлическій или деревянный листъ, покрытый пескомъ, и привести въ сотрясеніе струну, то песокъ будетъ изображать на листѣ правильныя фигуры. Если

Digitized by Google

струну ослабишь, такъ чтобы она перемѣнила ноту, фигуры песочныя также перемѣнятся, и листъ всегда будетъ сопрясаться согласно съ струною, или, что все равно, струна, листъ и рама образуютъ систему, въ которой всѣ сопрясенія будутъ имѣть одинакіе періоды, хотя весьма различные по системѣ и объему.

Хладни давно показалъ, какимъ образомъ сопрясенія могутъ быть сообщаемы твердымъ тѣламъ посредствомъ прутиковъ, и руководствуясь симъ началомъ составилъ онъ прелестный инструментъ, названный имъ *Евфонъ*. Самые роскошные и мелодическіе звуки извлекаются изъ полу-сферическихъ стеколъ, посредствомъ прутьевъ, также стеклянныхъ, которые надобно тереть вдоль, мокрымъ сукномъ.

Если стеклянный прутъ прилѣпишь мастикою къ небольшому, также стеклянному кружку, и привести его въ сопрясеніе, то звукъ будетъ слышенъ только отъ пруша. Если, напротивъ, кружокъ великъ, а прутъ малъ, то звучать будетъ только первый, потому что сопрясенія большаго тѣла останавливаютъ сопрясенія меньшаго. Но если размѣры обоихъ тѣлъ разнятся не много, то звукъ будетъ не отъ кружка и не отъ пруша: это будетъ соединенный звукъ того и другаго. Доказано, что двѣ органныя трубы, сопрясаясь одна подлѣ другой

Digitized by Google

и почти въ одинъ тонъ, могутъ быть, при дѣйствіи особенныхъ причинъ, въ совершенномъ согласіи. Въ этомъ заключается и причина симпатическихъ движеній въ стѣнныхъ и карманныхъ часахъ, о которой мы упоминали.

Г-нъ Саваръ употребилъ продольныя сотрясенія прута для сообщенія сотрясеній одного твердаго тѣла другому. Вотъ какъ онъ производитъ это: онъ соединяетъ, горизонтально, два металлическіе, круглые листа, посредствомъ металлическаго прута, находящагося въ отвѣсномъ положеніи, и на оба листа насыпаетъ песку. Послѣ этого онъ приводитъ въ сотрясеніе листъ верхній, на которомъ песокъ тотчасъ изображаетъ правильныя фигуры; но какъ сотрясенія сіи точно передаются листу нижнему, то и песокъ на немъ производитъ такія-же фигуры, какъ на верхнемъ. Въ этомъ случаѣ, звукъ обоихъ листовъ, взятыхъ отдѣльно, тожественъ. Но если оба кружка не одинаковы и звучатъ разными нотами, то вся система будетъ издавать звукъ посредствующій между обоими, и фигуры, изображаемыя пескомъ, не будутъ одинаковы.

Опытъ Г-на Савара надъ сотрясеніями, которыя сообщаетъ воздухъ натянутымъ перепонкамъ, принадлежитъ къ числу любопытнѣй-

Digitized by Google

шихъ. Опытъ сей производится слѣдующимъ образомъ. На отверстіи большаго стакана растягиваютъ мокрый и тонкій листокъ бумаги, и приклеиваютъ его къ краямъ стакана клеемъ. Высохнувъ, бумага дѣлается одинаково напянутою во всѣхъ частяхъ своихъ. Тогда на поверхность ея кидаютъ песку и на него вплоть накладываютъ кружокъ стекла, также покрытый пескомъ. Послѣ сего, кружокъ приводятъ въ сотрясеніе, такъ чтобы онъ произвелъ какія нибудь изъ вышеописанныхъ фигуръ. И въ тоже самое время явятся точно такія-же фигуры на бумагѣ стакана, и столь быстро, что глазъ едва можетъ замѣтить, какъ образовались онѣ. Когда стеклянный кружокъ отдвинутъ къ одной сторонѣ бумаги, то она все еще будетъ производить такія-же фигуры, если не будетъ удалена отъ стекляннаго кружка столько, что сотрясенія ослабятся. Если кружокъ снова положитъ на бумагу, но не горизонтально, а наклоненно, то фигуры, описываемыя пескомъ на бумагѣ, будутъ измѣняться до тѣхъ поръ, покуда кружокъ не будетъ въ отвѣсномъ положеніи. Тогда песокъ располагается прямыми и параллельными линіями.

Фигуры, являющіяся на перепонкѣ, бываютъ различны, сообразно ея размѣру, веществу, напянутости и формѣ. Г-нъ Саваръ представилъ

Digitized by Google

рисунки фигуръ, являющихся на перепонкахъ прямоугольныхъ и треугольныхъ. Когда перепонкою служитъ бумага, то ея напянутость безпрерывно измѣняется, сообразно большей или меньшей влажности атмосферы, а съ нею вмѣстѣ разнообразятся и фигуры. Когда одна и таже фигура является много разъ одинъ за другимъ, то стоитъ только дунуть на бумагу, и явится новая фигура, которая опять переходитъ къ первоначальной формѣ, черезъ нѣсколько формъ посредствующихъ. Изъ сего Г-нъ Саваръ заключаетъ, что подобная перепонка могла-бы служить для наблюденія гигрометрическихъ перемѣнъ воздуха. Онъ также удостовѣрился, что звукъ органной трубы, даже на разстояніи одного фута, а звукъ флейты на разстояніи одного полу-фута, такъ-же какъ и голосъ человѣческій, производятъ на пескѣ фигуры, которыя бываютъ разнообразны, соотвѣтственно силѣ звука.

Мы весьма жалѣемъ, что границы, назначенныя для сего Разсужденія, не позволяютъ намъ говорить о голосѣ и ухѣ человѣческомъ, сихъ истинныхъ чудесахъ Божескаго механизма. Удовольствуемся однимъ замѣчаніемъ, основаннымъ на опытахъ. Чувствительность нашего уха простирается до того, что оно можетъ различать звуки, которыхъ сотрясенія восходятъ до

Digitized by Google

24,000 въ секунду, или, другими словами, оно можетъ слышать звуки, продолжающіеся только двадцать четвертую долю тысячной части секунды.

Волластонъ показалъ, что многіе люди, имѣющіе чрезвычайно тонкій слухъ для звуковъ вообще, совершенно глухи къ звукамъ очень густымъ или очень рѣзкимъ. Изъ числа звуковъ, едва внятныхъ ушамъ нѣкоторыхъ людей, онъ означаетъ слѣдующіе, замѣчая, что прежде высшавленные имъ слышатся лучше нежели означенные за оными:

1-е, скрыпъ кузнечика (gryllus campestris);

2-е, рѣзкій скрыпъ летучей мыши;

3-е, скрыпъ сверчка (gryllus domesticus);

4-е, чиликанье воробья.

Сей великій наблюдатель полагаетъ, что сила слуха въ человѣкѣ простирается только на нѣсколько нотъ далѣе скрыпа кузнечика. Онъ встрѣчалъ многихъ людей, которые никогда не слыхали звуковъ, производимыхъ кузнечикомъ и летучею мышью. Онъ думаетъ, что въ природѣ есть животныя, которыхъ голосъ и слухъ столь мало гармонируютъ одинъ съ другимъ, что они никогда не слыхали звуковъ своего голоса.

Digitized by Google

Между тѣмъ, статья наша уже очень длинна. Однако, мы почитаемъ себя не въ правѣ кончить ее, не сдѣлавъ нѣсколькихъ замѣчаній о двухъ любопытныхъ предметахъ, по всему относящихся къ нашему Разсужденію. Мы хотимъ говорить о чревовѣщаніи и голосной статуѣ Мемнона.

Искусство чревовѣщанія довольно извѣстно. Оно состоитъ въ томъ, чтобы заставить присутствующихъ полагать, что звуки, слышимые ими, происходятъ отъ какихъ нибудь, находящихся вблизи людей или предметовъ, между тѣмъ какъ причина ихъ есть чревовѣщаніе. Это искусство основано на томъ свойствѣ звука, которое препятствуетъ уху человѣческому судить съ точностью, по какому направленію доходитъ до него звукъ. Сія неспособность нашего уха есть источникъ множества ложныхъ сужденій, по которымъ называются сверхъестественными звуки самаго простаго происхожденія, объясняемые весьма легко. Мы сами знаемъ, что непостижимые музыкальные звуки, въ продолженіе многихъ мѣсяцовъ слышались двумъ особамъ, когда онѣ бывали въ постели, и хотя причина звуковъ находилась отъ нихъ не далѣе какъ въ трехъ или четырехъ футахъ, но всѣ старанія открыть ее были тщетны. Иногда казалось, что звуки шли съ кровли, ино-

Digitized by Google

гда изъ ближней комнаты, но никогда не слышались они въ томъ мѣстѣ, ошкуда происходили дѣйствительно. Ихъ слышали всегда двое, и когда Д. былъ одинъ въ комнатѣ, онъ не слыхалъ ничего: присутствіе Б. казалось для этого необходимо. Случай, который могъ-бы и не встрѣтиться во всю жизнь этихъ особъ, открылъ наконецъ истинную причину явленія.

Чтобы лучше понять, какимъ образомъ можетъ ухо не понимать обаянія чревовѣщателя, пусть читатель предположитъ, что прямо напротивъ него, во ста футахъ, стоятъ два человѣка, вплотъ одинъ подлѣ другаго. Если они станутъ говорить одинъ за другимъ, а наблюдатель не знаетъ голосовъ ихъ, или по близорукости своей не можетъ видѣть движенія ихъ губъ, то ему не льзя будетъ различить, который изъ двухъ говоритъ. Предположимъ еще, что взрослый человѣкъ и дитя находятся подлѣ наблюдателя, такъ близко, что онъ можетъ, не глядя на нихъ, различать направленіе произносимыхъ ими звуковъ, то есть чувствовать, съ правой или съ лѣвой стороны доходятъ до него звуки. Послѣ этого, если взрослый можетъ поддѣлаться подъ голосъ дитяти, то всякой разъ, слыша его, наблюдатель будетъ воображать, что это говоритъ дитя, между тѣмъ какъ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ

Digitized by Google

онъ тотчасъ увидѣлъ-бы, что говоритъ взрослый. Въ этомъ случаѣ, ощущеніе уха уступаетъ сильнѣйшему убѣжденію, что дѣтскіе звуки могутъ происходить только отъ дитяти. Это убѣжденіе сдѣлается еще сильнѣе, если дитя будетъ движеніями своими соотвѣтствовать дѣтскимъ звукамъ, произносимымъ человѣкомъ взрослымъ. Если-бы сей человѣкъ говорилъ сообразно своему возрасту и своимъ естественнымъ голосомъ, а дитя дѣлало-бы движенія, и выраженіемъ лица соотвѣтствовало-бы словамъ, произносимымъ взрослымъ человѣкомъ, то слушатель и тогда оставался-бы въ недоумѣніи; мы увѣрены даже, что онъ скорѣе повѣрилъ-бы своимъ глазамъ, и убѣдился-бы наконецъ, что звуки взрослаго человѣка произноситъ дитя (*).

(*) Квинтиліанъ, Сенека и Цицеронъ, во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій говорятъ, что на Римскихъ театрахъ часто раздѣлялось двойное дѣйствіе актера, то есть одинъ говорилъ или пѣлъ роль подлѣ сцены, а другой выражалъ ее движеніями, и это не вредило общему ходу пьесы. Въ 1755 году, маленькій театръ въ Пале-Роялѣ имѣлъ позволеніе выводить на сцену актеровъ, но безъ словъ: и это затрудненіе отвратили, употребивъ вышеописанный способъ Римлянъ. Гриммъ говоритъ о томъ въ своей *Перепискѣ* слѣдующее: «На этомъ театрѣ играютъ «небольшія комическія оперы: въ нихъ дѣти пред-

Digitized by Google

Разумѣется, для этого надобно, чтобы слушающій не могъ видѣть черть лица говорящей особы.

При первомъ изъ нашихъ предположеній, человѣкъ игралъ роль чревовѣщателя, подражая голосу дитяти; но слушатель не долго оставался-бы такимъ образомъ въ обманѣ. Если человѣкъ, во время сего подражанія закроетъ себѣ лицо, или обернется спиною, онъ возбудитъ подозрѣніе, заставитъ вслушиваться внимательнѣе, и обманъ будетъ открытъ. Слѣдственно, для успѣха въ своихъ обаяніяхъ, чревовѣщатель непремѣнно долженъ обладать еще другимъ искуствомъ: говорить, не двигая губами и мускулами своего лица. Это дѣлается посредствомъ горловыхъ мускуловъ, и при содѣйствіи языка, которымъ ударяютъ о небо, о внутреннюю сторону губъ и зубы, ибо всѣ сіи движенія нисколько не мѣшаютъ губамъ оставаться неподвижными, а физіономіи сохранять неизмѣнное

« ставляютъ на сценѣ пантомиму, а за кулисами « поютъ или читаютъ ихъ роли. Это выполняется « такъ умно, что не видавъ, не льзя составить себѣ о томъ понятія. Очарованіе совершенно, и согласіе словъ съ движеніями доведено до такой степени, что уже бывши предупрежденъ, еще сомнѣваешься, чтобы два человѣка раздѣляли тутъ роль « одного дѣйствующаго лица. »

Digitized by Google

спокойствіе. Разумѣется, что звуки, такимъ образомъ производимые, непремѣнно должны быть отличны отъ звуковъ, производимыхъ естественнымъ дѣйствіемъ органовъ. Если еще чревовѣщатель держитъ въ рукахъ фигурки, въ родѣ Полишинеля или Коломбины, и двигаетъ деревянными челюстями ихъ нѣсколько сообразно съ звуками произносимыхъ словъ, то зритель скорѣе повѣритъ, что звуки сіи идутъ отъ губъ маріонетокъ, нежели отъ губъ волшебника, неподвижныхъ вмѣстѣ со всѣми частями лица его. Чревовѣщатель усиливаетъ обаяніе еще и тѣмъ особенно, что по временамъ онъ говоритъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, который отличается отъ искуственнаго.

Дугальдъ Стюартъ, въ Прибавленіи къ 3-му тому своего сочиненія *Объ Умѣ*, написалъ любопытную, но не полную статью о чревовѣщателяхъ. Онъ не вѣритъ, чтобы чревовѣщатели могли извлекать звуки изъ внутренности; да если-бы, прибавляетъ онъ, и обладали они этою способностью, то на что она имъ? По его мнѣнію, умѣнье властвовать воображеніемъ слушателей достаточно объясняетъ всѣ обаянія чревовѣщателя, особенно если онъ въ тоже время и хорошій мимикъ.

Эти замѣчанія показываютъ, что Д. Стюартъ никогда не видалъ своими глазами иску-

Digitized by Google

ства чревовѣщателей, ибо видѣвши, онъ былъ-бы принужденъ повѣрить дѣйствительности внутренняго голоса ихъ. Сверхъ того, не льзя споритъ, что многія изъ ихъ подражаній, особенно крикамъ животныхъ, не могутъ быть выражены pleno ore обыкновенными средствами произношенія, и что безъ способности, оспориваемой Стюартомъ, они не могли-бы существовать. Эти звуки идутъ явно изъ горла, безъ всякаго участія рта и губъ, и весь обманъ состоитъ въ разницѣ между сими звуками, и производимыми обыкновеннымъ образомъ.

Слѣдовательно, искуство чревовѣщателя состоитъ въ способности подражать звукамъ всякаго рода, и не только въ обыкновенномъ ихъ образѣ, но и въ измѣненномъ разстояніемъ, или какимъ нибудь посредствомъ, или иною причиною. Надобно также, чтобы все это было производимо движеніями мускуловъ, незамѣтными для глазъ зрителей. Но какъ-бы ни была усовершенствована способность сія, она и дѣйствія ея были-бы ничтожны, если-бы ухо наше могло различать направленіе звуковъ; но оно не можетъ различать его, и не отъ несовершенства органа, а отъ природы самаго звука. Если-бы звукъ, такъ-же какъ свѣтъ, распространялся по прямой линіи, и если-бы ухо чув-

Digitized by Google

ствовало направленіе одного, какъ глазъ чувствуетъ направленіе другаго, то чревовѣщатель напрасно употреблялъ-бы всѣ средства подражанія и внутренняго произношенія. Даже и при настоящемъ порядкѣ дѣлъ, искусство его ограничено, и тщетно стараться ему распространить границы, поставленныя природой, если только онъ не возьметъ въ помощь другаго закона, который, сколько намъ извѣстно, еще не былъ примѣненъ къ чревовѣщанію.

Чтобы лучше поняли насъ, мы разсмотримъ нѣкоторыя изъ самыхъ обыкновенныхъ дѣйствій чревовѣщанія. Фицъ-Джемсъ подражалъ *уэчмену* (ночному сторожу) такимъ образомъ: вы слышите, что уэчменъ кричитъ на улицѣ, извѣщая который часъ, и голосъ его постепенно приближается; наконецъ онъ подъ окномъ. Тутъ Фицъ-Джемсъ отворяетъ окно, и спрашиваетъ, который часъ? Голосъ мнимаго сторожа яснѣе и сильнѣе слышится, когда окно растворено. Окно закрыто, и онъ постепенно ослабѣваетъ, удаляется, и наконецъ перестаетъ быть слышимъ. Тутъ чревовѣщатель говоритъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ, что уэчменъ повернулъ въ другую улицу. Но обаятель стоялъ подлѣ окна, и черезъ это-же окно слышался-бы голосъ дѣйствительнаго уэчмена; слѣдственно тутъ разница между двумя направле-

Digitized by Google

ніями звуковъ такъ мала, что ухо не можетъ чувствовать ея. Если-бы, напротивъ, чревовѣщатель стоялъ подлѣ окна, и вздумалъ подражать голосу уэчмена, проникающему черезъ другое, болѣе отдаленное отверстіе, онъ никакъ не имѣлъ-бы успѣха, потому что разница между двумя направленіями тогда была-бы слишкомъ велика. Такимъ-же образомъ извѣстный Александръ, держа на рукахъ дитя и напѣвая дѣтскимъ голосомъ пѣсню о *Марльборугѣ*, обыкновенно прижималъ свою голову къ головѣ ребенка, какъ будто для того, чтобы лучше слышать его, въ самомъ-же дѣлѣ для того, чтобы разница въ направленіи звуковъ была менѣе замѣтна. Если-бы онъ поставилъ дитя футахъ въ семи или осьми отъ себя, то истинный пѣвецъ былъ-бы открытъ въ одну минуту.

Мы сами дѣлали многіе опыты, для отысканія *неопредѣленнаго угла*, подъ которымъ ухо не можетъ открывать направленія звуковъ; но узнать сей уголъ не легко, потому что онъ перемѣняется, вмѣстѣ съ состояніемъ воздуха и свойствомъ окружныхъ предметовъ. Если воздухъ очень чистъ, и около звучащаго тѣла нѣтъ никакого посторонняго предмета, то неопредѣленный уголъ будетъ менѣе чѣмъ при другихъ условіяхъ, ибо въ семъ случаѣ звукъ не будетъ подверженъ ни уклоненію, ни опра-

Digitized by Google

женію. Если, напротивъ, звучащее тѣло окружено предметами, отражающими звукъ, то эхо будетъ достигать до уха почти въ одно время съ первоначальнымъ звукомъ, и какъ сей различный шумъ составитъ одинъ звукъ, то и неопредѣленный уголъ будетъ гораздо болѣе, потому что дѣйствительно звукъ дойдетъ до уха отъ многихъ сторонъ. Чревовѣщатель могъбы пользоваться этимъ закономъ, и избирать комнату, въ которой отраженіе съ различныхъ сторонъ умножало-бы направленіе производимыхъ имъ звуковъ, и тѣмъ облегчало-бы стараніе его увѣрить слушателей, что звуки сіи происходятъ отъ указываемаго имъ предмета.

Между чудесами древняго Египта, ни одно не возбуждало столько вниманія и любопытства, сколько звукъ, производимый статуею Мемнона, сына Авроры. Эта статуя была обезображена Камбизомъ, но и послѣ сего она не переставала издавать звукъ, каждое утро при восхожденіи солнца. Павзаній говоритъ, что звукъ сей былъ подобенъ звуку лопающейся струны арфы. Ювеналъ, вѣроятно слышавшій Мемнона въ Египтѣ, говоритъ о немъ въ своей 15-й Сатирѣ:

Dimidio magicæ resonant ubi Memnone chordæ.

Если вѣрить различнымъ надписямъ, начертаннымъ на самой статуѣ, то многіе, привле-

Digitized by Google

ченные къ сему памятнику любопытствомъ или религіознымъ усердіемъ, слышали или одинъ звукъ, или нѣсколько звуковъ, а иногда и цѣлыя слова, ясно произносимыя. Г. Ланглесъ, въ своемъ Разсужденіи о семъ предметѣ, и еще недавно Г. Сальвертъ, приписываютъ звуки сіи ухищреніямъ жрецовъ, и даже изъясняютъ механизмъ, будто-бы употребленный сими послѣдними. Г. Ланглесъ думаетъ, что звуки производились молотками, ударявшими о гранитъ, и подобными шѣмъ, какіе употребляются въ Китаѣ вмѣсто музыкальныхъ инструментовъ. Г. Сальвертъ дополняетъ сію ипотезу, предполагая, что молотки были примѣнены къ водянымъ часамъ, или къ какому нибудь другому измѣрителю времени, расположенному такъ, что онъ могъ, при восхожденіи солнца, двигать молотки. Не довольствуясь и сею ипотезою, онъ предполагаетъ, что между губами статуи Мемноновой, или въ какой нибудь части, еще менѣе замѣтной, и скрытой отъ глазъ вышиною, находилось отверстіе, и въ немъ стекло, сосредоточивавшее лучи восходившаго солнца, а они, падая на одну или на двѣ металлическія пружинки, заставляли ихъ увеличиваться и приводили въ движеніе молотки Г-на Ланглеса. Не стоитъ даже и опровергать подобныя мнѣнія. Когда статуя была обсѣчена, то и машина должна-бъ была потерять

Digitized by Google

свою силу, отъ разрушенія стекла или зеркала. Однако все подтверждаетъ, что она продолжала издавать звуки, много времени послѣ свѣтопреставленія Камбизова.

Мы думаемъ, напротивъ, что явленіе сіе можетъ быть объяснено причиною естественною, потому болѣе, что подобныя явленія существовали и въ другихъ мѣстахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Французскіе ученые, принадлежавшіе къ Восточной арміи, слышали, при восхожденіи солнца, въ одномъ гранитномъ памятникѣ, находящемся посреди Карнакскаго Дворца, звукъ, подобный треску лопающейся струны: а Павзаній употребляетъ это самое выраженіе, говоря о звукѣ статуи Мемноновой, слышанномъ при восхожденіи солнца. Французскіе ученые не усомнились согласиться съ изъясненіемъ, сдѣланнымъ Дюссо, переводчикомъ Ювенала, и утвердили, что явленіе, наблюденное въ обоихъ сихъ памятникахъ, производилось переходомъ разрѣженнаго воздуха сквозь отверстія звучнаго камня. Они думаютъ, что Египетскіе жрецы могли случайно замѣтить сіе, и рѣшились выдумать фиглярства Мемноніума. Другіе путешественники говорятъ о звукахъ, по видимому исходящихъ изъ огромныхъ камней, коими покрыты комнаты сего храма, или дворца: это явленіе

Digitized by Google

приписываютъ они быстрому возвышенію температуры, производимому лучами солнца.

Баронъ Гумбольдтъ также изъясняетъ подобные звуки, слышимые на берегахъ Ореноко.

«Гранитная скала, на которой отдыхали мы, говоритъ онъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ мѣстъ, гдѣ путешественники, проѣзжающіе по берегамъ Ореноко, иногда, при восхожденіи солнца, слышатъ звуки, подобные звукамъ органа. Миссіонеры называютъ сіи камни loxas de musica. — Это волшебство! — сказалъ намъ Индійскій кормчій. Впрочемъ, мы сами нигдѣ не слыхали этихъ звуковъ: ни въ Харикана Віеха, ни около верхняго Ореноко; но дѣйствительность явленія несомнѣнна, ибо о немъ свидѣтельствуютъ люди, достойные вѣры. Я объясняю оное измѣненіями атмосферы. Бока скалы (каменной) съ глубокими и узкими скважинами, которыя, во время дня, нагрѣваются до 50°. Ночью, не рѣдко я находилъ температуру ихъ на поверхности около 35°, тогда какъ окружающая была только на 28°. Можно догадаться, что разница въ температурѣ воздуха внѣшняго и подземнаго, достигаетъ высшей точки своей при восхожденіи солнца, то есть въ минуту самаго большаго удаленія отъ наибольшаго жара предшествовавшаго дня. Звукъ органа, слышимый человѣкомъ, лежащимъ

Digitized by Google

на скалѣ, вѣроятно, происходитъ отъ дѣйствія воздуха, выходящаго въ скважины. Египтяне, безпрестанно плававшіе вверхъ и внизъ по Нилу, сдѣлали такое-же замѣчаніе на нѣкоторыхъ прибрежныхъ скалахъ. Это-же дало мысль жрецамъ о чудесахъ Мемноніума.»

Среди Пиренеевъ, гора, называемая *Проклятою*, или Maladeta, издаетъ странные звуки, которые можно было-бы изъяснить такимъ-же образомъ. Сверхъ того, и нынѣ еще статуя сына Авроры не остается нѣмою: Сиръ А. Смитъ, сопровождаемый многочисленнымъ прикрытіемъ, слышалъ, какъ она привѣтствовала день, въ шесть часовъ утра, звукомъ, прославившимъ ее въ древности. Онъ утверждаетъ, что звукъ происходитъ не отъ статуи, но отъ пьедестала, котораго камни расположены такъ, что производятъ сіе странное дѣйствіе.

Явленія любопытныя! Но они кажутся ничтожны всравненіи съ удивительными звуками, которые слышали двое достовѣрныхъ путешественниковъ на песчаныхъ холмахъ Каменистой Аравіи. Верстъ за пятнадцать отъ Тора, къ сѣверу, около Чермнаго моря, есть гора, называемая Элъ-Накусъ, то есть *колоколъ*, или лучше сказать: кусокъ металла, повѣшенный горизонтально, въ который жрецы ударяютъ молотомъ. По словамъ Г-на Грея,

Digitized by Google

Элъ-Накусъ покрытъ пескомъ и окруженъ весьма низкими скалами, составляющими амфитеатръ, склоненный къ морю, отъ коего находится онъ въ полу-милѣ. Вышина горы 300 футовъ, ширина 80. Когда Г. Грей пришелъ въ это мѣсто, то черезъ четверть часа услышалъ онъ подъ своими ногами продолжительный шумъ, который постепенно превратился въ колебаніе, похожее на удары маятника, и подымавшее песокъ. На другой день онъ опять пришелъ на это мѣсто, и снова услышалъ тотъ-же шумъ, казалось, еще усилившійся. Небо было ясно, атмосфера спокойна, и въ скалѣ не льзя было замѣтить никакой трещины.

Г. Зеетценъ описываетъ сіе явленіе еще любопытнѣе. Гора, говоритъ онъ, совершенно безплодна и вся состоитъ изъ одного песчанаго, весьма твердаго камня. Отдѣльная скала, называемая Элъ-Накусъ, представляетъ двѣ поверхности, столь наклоненныя, что покрывающій ихъ песокъ скользитъ при малѣйшемъ движеніи, отвсюду, гдѣ связь его ослаблена палящими лучами солнца. Оба склоненія, по видимому, футовъ около 150 въ вышину; они образуютъ острый уголъ, и оба равно покрыты рыхлымъ пескомъ. Г. Зеетценъ услышалъ первый звукъ въ часъ съ четвертью по полудни. Взбираясь къ тому мѣсту, гдѣ слушаютъ оный

Digitized by Google

пилигримы, онъ чувствовалъ звукъ подъ своими ногами: это заставило его думать, что паденіе песку было причиной, а не дѣйствіемъ звучащихъ колебаній. Въ три часа шумъ сталъ сильнѣе и продолжался шесть минутъ; черезъ десять начался снова. Онъ возвышался и утихалъ, какъ звукъ Эоловой арфы. Г. Зеецценъ взобрался на самый верхъ скалы съ большимъ трудомъ. Послѣ этого онъ покатился внизъ, какъ можно скорѣе, приводя въ движеніе песокъ руками и ногами. Это произвело сильное дѣйствіе, и песокъ, катившійся подъ нимъ, звучалъ столь громко, что, казалось, земля содрогается. Онъ увѣряетъ, что въ дневникѣ его есть много подробностей о семъ явленіи; въ такомъ случаѣ, желательно, чтобы дневникъ сей былъ изданъ, и чтобы другіе путешественники, посѣщавшіе Элъ-Накусъ, сообщили публикѣ свои наблюденія, которыя могли-бы способствовать къ объясненію столь страннаго явленія.

Съ Франц. Б.

Digitized by Google

АММАЛАТЪ-БЕКЪ.

Кавказская быль.

(Окончаніе).

ГЛАВА IX.

Для укрощенія мятежныхъ Дагестанцевъ, Полковникъ В. съ полкомъ своимъ стоялъ въ селеніи Кяфиръ-Кумыкъ лагеремъ. Палатка Аммалатъ-Бека разбита была рядомъ съ его палаткою, и въ ней Сафиръ-Али, развалившись небрежно на коврѣ, потягивалъ Донское, не смотря на запрещеніе Пророка. Аммалатъ-Бекъ, худой, блѣдный, задумчивый, лежалъ склонивъ голову на валекъ, и курилъ трубку. Уже три мѣсяца прошло съ той поры какъ онъ, изгнанникъ рая, скитался съ отрядомъ въ виду горъ, куда летѣло его сердце и не смѣла ступишь нога. Тоска источила его, досада пролила желчь на его, прежде радушный нравъ. Онъ принесъ жертву своей привязанности къ Рускимъ, и, казалось, упрекалъ въ ней каждаго Рускаго. Неудовольствіе пробивалось въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ взглядѣ.

Digitized by Google

«Прекрасная вещь, вино!» приговаривалъ Сафиръ-Али, преисправно осушая стаканы. «Вѣрно Магомету попались на Аравитскомъ солнцѣ прокислыя подонки, когда онъ запретилъ виноградный сокъ правовѣрнымъ. Ну, право, эти капли такъ сладки, будто сами ангелы съ радости наплакали своихъ слезъ въ бутылки. Эй, выпей еще хоть стаканчикъ, Аммалапшъ-Бекъ! Сердце твое всплыветъ на винѣ легче пузырька. Знаешь, что пѣлъ про него Гафизъ!..»

— А ты знаешь? Не докучай, добро, Сафиръ Али, мнѣ своимъ вздоромъ, ни даже подъ именемъ Саади и Гафиза.

«Эка бѣда! ну да хоть-бы этотъ вздоръ былъ мой доморощеный, онъ не серьга: въ ухѣ не повиснетъ. Не бось, когда заведешь сказку про свою царицу Селиманеду, я гляжу тебѣ въ ротъ, какъ тому искуснику, который ѣлъ огонь и помалъ изъ-за щекъ безконечныя ленты. Тебя заставляетъ говорить чепуху любовь, а меня Донское: вотъ мы и квиты!.. Нутко за здравіе Рускихъ!»

— Что полюбились тебѣ эти Рускіе?

«Скажи лучше, отъ чего разлюбилъ ты ихъ?»

— Отъ того, что разглядѣлъ поближе. Право, ничѣмъ не лучше нашихъ Татаръ! Такъ-же

Digitized by Google

падки на выгоды, такъ-же охочи пересуживашь, и не для того чтобы исправишь ближняго, а чтобы извинишь себя; а про лѣнь ихъ и говорить нечего. В. открылъ мнѣ глаза на недостатки моихъ одноземцевъ, но съ этимъ вмѣстѣ я увидѣлъ и недостатки Рускихъ, которымъ тѣмъ больше непростительно, что они знаютъ полезное, выросли на добрыхъ примѣрахъ, и здѣсь, будто забывъ свое назначеніе, свою дѣятельную природу, по немногу утопаютъ въ животномъ ничтожествѣ.

« Надѣюсь, ты не включаешь въ это число В.?

— Не только его, и другихъ наберемъ въ особой кругъ; за то много-ли ихъ?

« Ангели и въ небѣ на перечетѣ, Аммалатъ-Бекъ; а В., право, хоть молиться можно за его правду, за его доброту. Есть-ли хоть одинъ Тапаринъ, который-бы сказалъ про него худо?.. Есть-ли солдатъ, что не отдастъ за него души?.. Абдулъ Гамидъ! еще вина! Нушко за здоровье В.!»

— Избавь! я не стану теперь пить ни за самого Магомета!

« Если у тебя сердце не такъ черно, какъ глаза Селтанеты, ты неотмѣнно выпьешь за В., хоть-бы это было при краснобородыхъ

Digitized by Google

Яхунтахъ Дербентскихъ Шагидовъ (*), хотябы всѣ Имамы и Шихи (**) не только облизывались, но огрызались на тебя за такое святотатство!»

— Не выпью, говорю я тебѣ.

«Послушай, Аммалатъ! я гошовъ за тебя напоить до пьяна чорта своей кровью, а ты не хочешь для меня выпить вина!»

— То есть въ этотъ разъ не стану пить; а не стану потому, что не хочу, а не хочу потому, что кровь и безъ вина бродитъ во мнѣ, какъ молодая буза.

«Пустыя отговорки! Не въ первый разъ мы пьемъ, не впервые у насъ кровь кипитъ... Скажи лучше прямо: ты сердитъ на Полковника!»

— Очень сердитъ!

«Можно-ли узнать, за что?

— За многое. Давно уже сталъ подливать онъ каплю по каплѣ яду въ медъ дружбы своей... Теперь эти капли переполнили и пролили чашу. Терпѣть не могу такихъ полутеплыхъ друзей! Щедръ онъ на совѣты, не скупъ и на поученія, т. е. на все, что не стоитъ ему никакого труда, никакого риска.

(*) Тарковцы секты Сунни. Яхунтъ старшій мулла.

(**) Имамъ—Святой; Шихъ—Пророкъ.

Digitized by Google

« Понимаю, понимаю. Вѣрно, онъ не пустилъ тебя въ Аварію? »

— Если-бъ ты носилъ въ груди мое сердце, ты-бы понялъ, каково было мнѣ услышать такой отказъ. Какъ давно манилъ онъ меня этимъ, и вдругъ отринулъ самыя нѣжныя просьбы, разбилъ въ пыль, какъ хрустальный кальянъ, самыя лестныя ожиданія... Ахметъ-Ханъ вѣрно смягчился, когда присылалъ сказать, что желаетъ видѣть меня; и я не могу спѣшить къ нему, лепѣть къ Селшанетѣ!

«Поставь-ка, братъ, себя на его мѣстѣ, и потомъ скажи, не такъ-ли-же-бы поступилъ ты самъ!»

— Нѣтъ, не такъ. Я-бы просто сказалъ съ самаго начала: Аммалатъ! не жди отъ меня никакой помощи. Я и теперь не прошу отъ него помощи: прошу только, чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ; такъ нѣтъ! Онъ, заграждая отъ меня солнце всѣхъ радостей, увѣряетъ, что дѣлаетъ это изъ участія, что это впереди принесетъ мнѣ счастіе!.. Не значитъ-ли это отправлять въ сонномъ питьѣ?

« Нѣтъ, другъ... Если оно и въ самомъ дѣлѣ такъ, то сонное питье даютъ тебѣ какъ человѣку, у котораго хотятъ что нибудь вырѣзывать для исцѣленія. Ты думаешь объ одной любви своей, В.-же надобно хранить безъ пятна

и твою и свою честь, а вы оба окружены недоброхотами. Повѣрь, что шакъ или иначе, только онъ вылечитъ тебя!»

— Кто проситъ его лечить меня? Эта божественная болѣзнь, любовь, моя единственная отрада! И лишить меня ея, все равно, что вырвать изъ меня сердце за то, что оно не умѣетъ биться по барабану!....

Въ это время вошелъ въ ставку незнакомый Татаринъ, подозрительно осмотрѣлся кругомъ, и, съ низкимъ наклоненіемъ головы, поставилъ передъ Аммалатомъ туфли свои. По Азіятскому обычаю это значило, что онъ проситъ тайнаго разговора. Аммалатъ понялъ его, кивнулъ головою, и оба вышли на воздухъ. Ночь была темна, огни погасали, и цѣпь часовыхъ раскинута далеко впереди. «Здѣсь мы одни,» сказалъ Аммалатъ-Бекъ Татарину. «Кто ты и что тебѣ надобно?»

— Мое имя Самитъ. Я Дербентскій житель, секты Сунни, и теперь служу въ отрядѣ, въ числѣ Мусульманскихъ всадниковъ. Порученье мое важнѣе для тебя, чѣмъ для меня.... *Орелъ любитъ горы*!

Аммалатъ вздрогнулъ и недовѣрчиво взглянулъ на посланца: то была условная поговорка, которой ключъ написалъ ему Султанъ-Ах-

Digitized by Google

мешъ заранѣ. «Какъ не любишь горъ!» отвѣчалъ онъ... «Въ горахъ много ягнятъ для орла, *много серебра для человѣка.*»

— *И булата для витязей* (игидовъ)...

Аммалашъ схватилъ посланца за руку. «Здоровъ-ли Султанъ-Ахметъ-Ханъ?» спросилъ онъ торопливо. Какія вѣсти принесъ ты отъ него? Давно-ли видѣлъ его семью?..»

— Не отвѣчашь, а спросишь я присланъ. Хочешь-ли ты за мною слѣдовать?

«Куда? зачѣмъ?»

— Ты знаешь, кто прислалъ меня: этого довольно. Если не вѣришь ему, не вѣрь и мнѣ: въ томъ твоя воля и моя выгода. Чѣмъ лѣзть въ пешлю ночью, я и завтра успѣю извѣстишь Хана, что Аммалашъ не смѣетъ выѣхать изъ лагеря!

Ташаринъ попалъ въ цѣль. Щекотливый Аммалашъ вспыхнулъ. «Сафиръ-Али!» вскричалъ онъ громко.

Сафиръ-Али встрепенулся и выбѣжалъ изъ палашки. «Вели подвесть себѣ и мнѣ хоть неосѣдланныхъ коней, и съ тѣмъ вмѣстѣ сказать Полковнику, что я поѣхалъ осмотрѣть поле за цѣпью: не крадется-ли какой бездѣльникъ подъ часоваго. Ружье и шашку, да мигомъ!»

Digitized by Google

Коней подвели; Ташаринъ вскочилъ на своего, привязаннаго неподалеку, и всѣ трое понеслись къ цѣпи. Сказали пароль и отзывъ, и мимо секретовъ понеслись влѣво по берегу быстрой Азени.

Сафиръ-Али, который очень не охотно разстался съ бутылкою, ворчалъ на темноту, на кусты и овраги, и очень сердито покрякивалъ подлѣ Аммалата; но видя что никто не начинаетъ разговора, рѣшился самъ завести его.

«Прахъ на голову этого проводника!» сказалъ онъ. «Чортъ знаетъ, куда ведетъ и куда заведетъ онъ насъ. Пожалуй еще продастъ Лезгинамъ ради богатаго выкупа... Не вѣрю я этимъ косымъ!..»

— Я и прямоглазымъ мало вѣрю — отвѣчалъ Аммалатъ.—Но этотъ косой присланъ отъ друга. Онъ не измѣнитъ намъ!

«А чуть задумаетъ что нибудь похожее, такъ при первомъ движеніи я распластаю его какъ дыню. Эй, пріятель!» закричалъ Сафиръ-Али проводнику. «Ради самого царя Джинніевъ (духовъ), ты, кажется, сговорился съ терновникомъ оборвать съ чухи моей галуны. Неужто не нашелъ ты попросторнѣе дороги? Я право не фазанъ и не лисица!»

Проводникъ остановился. — Правду сказать,

Digitized by Google

я слишкомъ далеко завелъ такого нѣженку какъ ты — возразилъ онъ.—Оставайся здѣсь посмотрѣть коней, покуда мы съ Аммалатъ-Бекомъ сходимъ, куда слѣдуетъ.

«Неужели ты пойдешь въ лѣсъ безъ меня, съ этой разбойничьей харею?» шепнулъ Сафиръ-Али Аммалату.

— То есть, ты боишься остаться здѣсь *безъ меня*? — возразилъ Аммалатъ, слѣзая съ коня и отдавая ему поводъ. — Не поскучай, милый. Я оставляю тебя въ прелюбезной бесѣдѣ волковъ и шакаловъ. Слышишь, какъ они распѣваютъ.

«Дай Богъ, чтобы мнѣ не пришлось выручать твои кости отъ этихъ пѣвчихъ!» сказалъ Сафиръ-Али.

Они разстались. Самитъ повелъ Аммалата между кустами, надъ рѣкою, и прошедши съ полверсты между каменьями, началъ спускаться къ низу. Съ большою опасностію лѣзли они по обрыву, хватаясь за корни шиповника, и наконецъ, послѣ труднаго пути, спустились до узкаго жерла небольшой пещеры, вровень съ водою. Она была вымыта потокомъ, когда-то быстрымъ, но теперь изсякшимъ. Известковые, прубчатые капельники и селитряные кристаллы сверкали отъ огня, разложеннаго по срединѣ. Въ глуби лежалъ Султанъ-Ахметъ-Ханъ на бур-

Digitized by Google

кѣ, и, казалось, нетерпѣливо ожидалъ, чтобы Аммалашъ оглядѣлся въ густомъ дымѣ, клубившемся въ пещерѣ. Ружье, со взведеннымъ куркомъ, лежало у него на колѣнахъ; космы его шапки играли на вѣтрѣ, который дулъ изъ разсѣлины. Онъ приподнялся привѣтливо, когда Аммалашъ-Бекъ кинулся къ нему съ привѣтомъ.

« Я радъ тебя видѣть!» сказалъ онъ, сжимая руку гостя;» радъ, и не скрываю чувства, котораго не должно-бы мнѣ хранить. Впрочемъ, я не для пустаго свиданія ступилъ ногою въ кляпцы и потревожилъ тебя. Садись, Аммалашъ, и посудимъ о важномъ дѣлѣ. »

— Для меня, Сулшанъ-Ахметъ-Ханъ?

« Для насъ обоихъ. Съ отцемъ твоимъ водилъ я хлѣбъ-соль; было время, когда и тебя считалъ я своимъ другомъ... »

— Только считалъ?..

« Нѣтъ, ты и былъ имъ, и навсегда-бы остался имъ, если-бъ между нами не прошелъ лукавецъ В. »

— Ханъ, ты не знаешь его. —

« Не только я, скоро ты самъ его узнаешь!.. Но начнемъ съ того, что касается до Селтанеты. Аммалашъ! тебѣ извѣстно, ей не льзя вѣкъ сидѣть въ дѣвкахъ. Это былъ-бы зазоръ

Digitized by Google

моему дому, и я откровенно скажу тебѣ, что за нее уже свашаются.»

Сердце будто оторвалось въ Аммалатѣ; долго не могъ онъ собраться съ духомъ. Наконецъ, оправясь, онъ дрожащимъ голосомъ спросилъ: Кто этотъ смѣльчакъ женихъ?

«Второй сынъ Шамхала, Абдулъ-Мусселинъ. Послѣ тебя, по высокой крови своей, онъ больше другихъ горскихъ Князей имѣетъ права на Селтанету...»

— Послѣ меня? послѣ меня?—вскричалъ вспыльчивый Бекъ, закипая гнѣвомъ.—Развѣ меня схоронили?—Развѣ и память моя погибла между друзьями?

«Ни память, ни сама дружба не умерла, по крайней мѣрѣ въ моемъ сердцѣ. Но будь справедливъ, Аммалатъ, столько-же какъ я откровененъ. Забудь, что ты судья въ своемъ дѣлѣ, и рѣши: что должно намъ дѣлать? Ты не хочешь разстаться съ Русскими, а я не могу съ ними помириться...»

— О, только пожелай этого, только скажи слово, и все забыто, все прощено тебѣ. Въ этомъ ручаюсь я тебѣ своей головою и честью В., который не разъ мнѣ обѣщалъ свое ходатайство. Для собственнаго блага, для спокойствія Аварцевъ, для счастія твоей дочери и моего блаженства, умоляю тебя: склонись къ

Digitized by Google

примиренію, и все будетъ забыто, все прежнее возвращено тебѣ! —

« Какъ смѣло ручаешься ты, довѣрчивый юноша, за чужую пощаду, за чужую жизнь!.. Увѣренъ-ли ты въ своей собственной жизни, въ собственной свободѣ? »

— Кому нужна моя бѣдная жизнь? Кому дорога воля, которой не цѣню я самъ?

« Кому? Дитя, дитя! Неужели ты думаешь, что у Шамхала не вертится подъ головой подушка, когда въ голову забирается дума, что ты, настоящій наслѣдникъ Шамхальства Тарковскаго, въ милости у Русскаго Правительства? »

— Я никогда не надѣялся на его пріязнь и никогда не побоюсь его вражды.

« Не бойся, но и не презирай ея. Знаешь-ли, что гонецъ, посланный къ Ермолову, минутою опоздалъ пріѣхать и упросить его: не давать пощады, казнить тебя какъ измѣнника! Онъ и прежде готовъ бывалъ убить тебя поцѣлуемъ, если-бъ могъ, а теперь, когда ты отослалъ къ нему слѣпую дочь его, онъ не скрываетъ къ тебѣ своей ненависти...»

— Кто посмѣетъ тронуть меня подъ защитой В.!

Digitized by Google

«Послушай, Аммалатъ! я скажу тебѣ побасенку: баранъ ушелъ на поварню отъ волковъ, и радовался своему счастью и хвалился ласками приспѣшниковъ. Черезъ 3 дни онъ былъ въ котлѣ. Аммалатъ, это твоя исторія! Пора открыть тебѣ глаза. Человѣкъ, котораго считалъ ты своимъ первымъ другомъ, первый предалъ тебя. Ты окруженъ, опутанъ измѣною: главное желаніе мое свидѣться съ тобою, было долгомъ предупредить тебя. Сватая Селтанету, мнѣ дали отъ Шамхала почувствовать, что черезъ него я вѣрнѣе могу примириться съ Рускими, нежели черезъ безвластнаго Аммалата; что тебя скоро удалятъ, такъ или сякъ, безвозвратно, слѣдственно нечего бояться твоего совмѣстничества. Я подозрѣвалъ еще болѣе, и узналъ болѣе чѣмъ подозрѣвалъ. Сегодня перехватилъ я Шамхальскаго нукера, которому поручены были переговоры съ В., и пыткою вывѣдалъ отъ него, что Шамхалъ даетъ пять тысячъ червонцевъ, чтобы извести тебя... В. колеблется и хочетъ послать только въ Сибирь навѣчно. Дѣло еще не рѣшено, но завтра отрядъ идетъ по домамъ, и они согласились съѣхаться въ твоемъ домѣ, въ Буйнакахъ, торговаться о крови или кровавомъ потѣ твоемъ: будутъ составлять ложные доносы и обвиненія, будутъ оправлять тебя за

Digitized by Google

твоимъ-же хлѣбомъ, и ковать въ чугунныя цѣпи, суля золотыя горы!»

Жалко было видѣть Аммалата во время этой ужасной рѣчи. Каждое слово, какъ раскаленное желѣзо впоргалось въ сердце его. Все, что доселѣ таилось въ немъ ушѣшительнаго, благороднаго, высокаго, вспыхнуло вдругъ и превратилось въ пепелъ. Все, во что онъ вѣровалъ такъ охотно и такъ долго, рушилось, распадалось въ пожарѣ негодованія. Нѣсколько разъ порывался онъ говорить, но слова умирали въ какомъ-то болѣзненномъ стонѣ, и наконецъ дикій звѣрь, котораго укротилъ В., котораго держалъ въ усыпленіи Аммалатъ, сорвался съ цѣпи: потокъ проклятій и угрозъ пролился изъ устъ разъяреннаго Бека. — Месть, месть! — восклицалъ онъ: — неумолимая месть, и горе лицемѣрамъ!

«Вотъ первое достойное тебя слово!» сказалъ Ханъ, скрывая радость удачи. «Довольно ползалъ ты змѣемъ, подставляя голову подъ пяту Рускихъ; пора взвиться орломъ подъ облака, чтобы сверху блюсти врага, не досягаемаго стрѣлами. Отражай измѣну измѣною, смерть смертью!»

— Такъ, смерть и гибель Шамхалу, хищнику моей свободы; гибель Абдулъ-Мусселиму, который дерзнулъ простерть руку на мое сокровище!

Digitized by Google

« Шамхалъ? сынъ его? семья его? стоятъ-ли они первыхъ подвиговъ! Ихъ всѣхъ мало любятъ Тарковцы, и если мы пойдемъ на Шамхала войною, намъ все его семейство выдадутъ руками. Нѣтъ, Аммалатъ, ты долженъ сперва нанести ударъ подлѣ себя: сверзить своего главнаго врага; ты долженъ убить В.!»

— В.! — произнесъ Аммалатъ отступая. — Да!.. онъ врагъ мой, но онъ былъ моимъ другомъ, онъ избавилъ меня отъ позорной смерти!

« И вновь продалъ на позорную жизнь!.. Хорошъ другъ! Пришомъ-же ты самъ избавилъ его отъ кабаньихъ клыковъ, достойной смерти свиноѣду! Первый долгъ заплаченъ; остается отплатить за второй: за участь, которую онъ готовитъ тебѣ такъ коварно...

— Чувствую... это должно... но что скажутъ добрые люди? что будетъ вопіять совѣсть моя?

« Мужу-ли трепетать передъ бабьими сказками и плаксивымъ ребенкомъ-совѣстью, когда идетъ дѣло о чести и мести! Я вижу, Аммалатъ, что безъ меня ты ни на что не рѣшишься: не рѣшишься даже жениться на Селтанетѣ. Слушай: если ты хочешь быть достойнымъ зятемъ моимъ, первое условіе смерть В. Его голова будетъ калымъ за невѣсту, которую ты любишь, которая любитъ тебя. Не одна месть,

Digitized by Google

но и сама здравая разсчетливость требуетъ смерти Полковника. Безъ него весь Дагестанъ останется безъ головы и оцѣпенѣетъ на нѣсколько дней отъ ужаса. Въ это время налетимъ мы на разсѣявшихся по квартирамъ Рускихъ. Я сажусь на коня съ двадцатью тысячами Аварцевъ и Акушлинцевъ, и мы падемъ съ горъ на Тарки, словно снѣжная туча. Тогда Аммалатъ-Шамхалъ Дагестанскій! — обнимешь меня какъ друга, какъ шестя. Вотъ мои замыслы, вотъ судьба твоя! Выбирай любое: или вѣчную ссылку, или смѣлый ударъ, который сулитъ тебѣ силу и счастье. Думай, рѣшайся, но знай, что въ слѣдующій разъ мы встрѣтимся или родными, или врагами непримиримыми!»

Ханъ исчезъ. Долго стоялъ Аммалатъ, обуреваемый, пожираемый новыми, ужасными чувствами. Наконецъ Самитъ напомнилъ ему, что время возвращишься въ лагерь. Не зная самъ какъ и гдѣ, взобрался онъ, вслѣдъ за своимъ таинственнымъ провожатымъ, на берегъ, нашелъ коня, и не отвѣчая ни слова на тысячи вопросовъ Сафиръ-Али, примчался въ свою палатку. Тамъ всѣ муки душевнаго ада ожидали его. Тяжка первая ночь бѣдствія, но еще ужаснѣе первая ночь кровавыхъ думъ злодѣйства.

Digitized by Google

ГЛАВА X.

«Замолчишь-ли ты, змѣенышь!» говорила Татарка старуха внуку своему, который проснувшись передъ свѣтомъ, плакалъ отъ бездѣлья. «Умолкни, говорю, или я выгоню тебя на улицу.»

Старуха эта была мамка Аммалата. Сакля, въ которой жила она, стояла вблизи палатъ Бекскихъ и подарена ей была ея воспитанникомъ. Она состояла изъ двухъ, чистенько выбѣленныхъ комнатокъ. Полъ въ обѣихъ усыпанъ цѣновками (гасилъ); въ частыхъ нишахъ, безъ оконъ, стояли сундуки, обитые жестью, и на нихъ наложены перины, одѣяла и вся рухлядь. По корнизамъ, на половинѣ высоты стѣны, разставлены были фаянсовыя чашки для плову, съ жестяными на нихъ, въ видѣ шлемовъ, колпаками, и повѣшаны ребромъ на проволокѣ тарелочки, въ коихъ просверленныя скважины доказывали, что онѣ служатъ не для употребленія, а для красы. Лицо старухи покрыто было морщинами и выражало какую-то злую досаду, обыкновенное слѣдствіе одинокой, безрадостной жизни всѣхъ Мусульманокъ. Какъ достойная представительница своихъ ровесницъ и землячекъ, она ни на одну минуту не переставала ворчать про себя и вслухъ бранить внука, изъ

Digitized by Google

подъ стеганаго своего одѣяла. «Кесь (молчи),» вскричала наконецъ она еще сердитѣе, «кесь, или я отдамъ тебя гоулямъ (чертямъ)! Слышишь, какъ они царапаются по кровлѣ и стучатся за тобой въ двери!»

Ночь была ненастная: крупный дождь по плоской кровлѣ, составляющей вмѣстѣ потолокъ, и стонъ вѣтра въ трубѣ, вторили ея хриплому голосу. Мальчикъ притихъ и выпучивъ глаза со страхомъ прислушивался. Въ самомъ дѣлѣ послышалось, будто кто-то стучитъ въ двери. Старуха перепугалась въ свою очередь. Всегдашняя ея собесѣдница, лохматая собака, подняла съ просонковъ морду и залаяла прежалобнымъ голосомъ.

Но между тѣмъ удары въ дверь усилились, и незнакомый голосъ грозно проревѣлъ за нею: «Ачь капины, ахырынъ ахырыси (отвори дверь на конецъ концевъ)!»

Старуха поблѣднѣла. — Аллахъ бисмаллахъ! — произнесла она, шо обращаясь къ небу, шо грозя собакѣ, шо унимая плачущаго ребенка. — Цыцъ, проклятая! молчи, говорю я тебѣ, харанзада (бездѣльникъ, сынъ позора). Кто тамъ? Какой добрый человѣкъ пойдетъ, ни свѣтъ ни заря, въ домъ къ бѣдной старухѣ! Если ты шайтанъ, ступай къ сосѣдкѣ Кичкинѣ: ей давно

Digitized by Google

пора въ адъ показать дорогу! Если чоушь (десятникъ), что, правду сказать, немножко похуже шайтана, такъ убирайся прочь. Зять нѣтъ дома, онъ въ нукерахъ при Аммалатъ-Бекѣ, да меня-же Бекъ давнымъ давно освободилъ отъ постоя, а на угощенье пріѣзжихъ дармоѣдовъ не жди отъ меня ни яйца, не то чтобы утенка. Развѣ я даромъ выкормила грудью Аммалата?—

«Да отворишь-ли ты, чортово веретено?» съ нетерпѣніемъ вскричалъ голосъ: «или я изъ этой двери не оставлю тебѣ на гробъ дощечки!» Хилые затворы затрещали на петляхъ своихъ.

— Милости просимъ, милости просимъ!— сказала старуха, дрожащей рукой отстегивая накладку. Дверь распахнулась и вошелъ человѣкъ средняго роста, прекрасной, но угрюмой наружности. Онъ былъ въ Черкесскомъ платьѣ: съ башлыка его и бѣлой бурки струилась вода; онъ безъ всякихъ обиняковъ сбросилъ ее на перину и началъ развязывать лопасти башлыка, которыя закрывали ему лицо до половины. Фатьма, вздувъ въ это время свѣчу, стояла передъ нимъ со страхомъ и трепетомъ; усастая собака, прижавъ хвостикъ, съёжилась въ углу, а мальчикъ съ испугу залѣзъ въ камелекъ, который для красы никогда не былъ топленъ.

Digitized by Google

«Ну, Фашьма, спѣсива стала,» сказалъ незнакомецъ, «не узнаешь нынѣ старыхъ знакомцевъ....»

Фашьма вглядѣлась въ черты пришельца и у ней отлегло отъ сердца: она узнала Султанъ-Ахметъ-Хана, который отъ Кафиръ-Кумыка примчался въ одну ночь въ Буйнакъ.

— Пусть песокъ засыплетъ глаза, которые не узнали своего стараго господина!—произнесла она, почтительно сложивъ руки на груди.— Правду молвишь, потухли они въ слезахъ по своей родинѣ, по Аваріи. Прости, Ханъ, старухѣ!

«Что твои за лѣта, Фашьма! Я тебя помню маленькою дѣвочкою въ Хунзахѣ, когда самъ я насилу могъ достававъ вороняшъ изъ гнѣзда.»

— Чужая сторона хошь кого старишь, Ханъ! Въ родимыхъ горахъ я-бы по сихъ поръ была свѣжа какъ яблочко, а здѣсь такъ словно снѣжный комъ, съ горы упавшій на долину. Прошу сюда, Ханъ, здѣсь покойнѣе; да чѣмъ мнѣ подчивать дорогаго гостя: не угодно-ли чего душѣ Ханской?

«Душѣ Ханской угодно, чтобъ ты его поподчивала своей доброй волею.»

— Я въ твоей волѣ, Ханъ. Говори, приказывай.

Digitized by Google

« Слушай, Фашьма: мнѣ нѣкогда терять ни словъ, ни часовъ. Вотъ зачѣмъ я пріѣхалъ сюда. Сослужи мнѣ службу языкомъ, такъ будешъ чѣмъ пошѣшишь твои старые зубы. Я подарю тебѣ десять барановъ, и одѣну въ шелкъ съ головы до башмаковъ! »

— Десять барановъ и платье, шелковое платье! О милостивый Ага, о добрый мой Ханъ! Не видывала я здѣсь такихъ господъ, съ тѣхъ поръ какъ увезли меня эти проклятые Татары и выдали за немилаго. . . Все готова сдѣлать, Ханъ, хоть ухо рѣжь!

« Рѣзать не зачѣмъ, надобно только востро держать его. Вотъ въ чемъ дѣло: къ вамъ сегодня пріѣдетъ Аммалатъ съ Полковникомъ; пріѣдетъ и Шамхалъ Тарковскій. Полковникъ этотъ приколдовалъ къ себѣ молодаго твоего Бека, и научивъ ѣсть свинину, хочетъ окрестить его Христіаниномъ, отъ чего да сохранитъ его Магометъ. »

Старуха оплевывалась, возводя очи къ небу.

« Чтобы спасти Аммалата, надо поссорить его съ Полковникомъ. Для этого ты приди къ нему, кинься въ ноги, расплачься какъ на похоронахъ: вѣдь слезъ тебѣ не занимать ходить къ сосѣдкамъ; разбожись какъ Дербентскій лавочникъ, вспомнивъ, что каждую клятву твою

Digitized by Google

повезетъ дюжій баранъ; и наконецъ скажи ему, что ты подслушала разговоръ Полковника съ Шамхаломъ; что Шамхалъ жаловался за отсылку дочери, что онъ ненавидитъ его изъ боязни, чтобы онъ не завладѣлъ Шамхальствомъ; что онъ умолялъ Полковника позволить убить его изъ засады или отравить въ кушаньѣ, а тотъ соглашался только заслать его въ Сибирь, за тридевять горъ. Однимъ словомъ: выдумай и распиши все покраснѣе. Ты искони славилась сказками: не съѣшь-же теперь грязи, и пуще всего упирай на то, что Полковникъ, ѣдучи въ отпускъ, возметъ его съ собою въ Георгіевскъ, чтобы разлучить съ родными и преданными нукерами, и оттолѣ скованаго отправитъ къ чорту.»

Султанъ Ахметъ прибавилъ къ сему всѣ нужныя подробности, для приданія этой сказкѣ самой правдоподобной наружности, и раза два училъ спаруху, какъ ловче ввернуть ихъ въ рѣчь. «Ну, помни-же все хорошенько, Фатьма!» сказалъ онъ, надѣвая бурку. «Не забудь и того, съ кѣмъ имѣешь дѣло.»

— Валла, билла! пусть будетъ мнѣ пепелъ вмѣсто соли, пусть нищенскій чурекъ закроетъ мнѣ глаза, пусть...

«Не корми шайтановъ своими кляпвами, а услужи мнѣ рѣчами. Я знаю, что Аммалатъ вѣ-

Digitized by Google

ришь тебѣ крѣпко, и если ты, для пользы-же его, хорошо сладишь дѣло, онъ уѣдетъ ко мнѣ, и тебя привезетъ туда-же. Заживешь подъ моимъ крылышкомъ припѣваючи. Но повторяю тебѣ: если ты нечаянно или нарочно измѣнишь мнѣ, или помѣшаешь своею болтовнею, то я изъ твоего спараго мяса напеку шайтанамъ кебаба (*). »

— Будь покоенъ, Ханъ: имъ нечего дѣлать ни за меня, ни со мною. Я буду хранить тайну какъ могила, а на Аммалаша надѣну сорочку свою (**).

« Ну тотo-же, старуха! Вотъ тебѣ золотая печать на губы: поостарайся! »

— Башуста, гёз-уста! (***)— вскричала старуха, съ жадностію схвативъ червонецъ и цѣлуя руки Хана за этотъ подарокъ. Султанъ-Ахметъ-Ханъ съ презрѣніемъ взглянулъ на это ползающее существо, выходя изъ сакли. « Гадина! » проворчалъ онъ: « за барана, за кусокъ парчи готова-бы ты продать и тѣло дочери и душу сына и счастіе воспитанника! » Онъ не

(*) Кусочки жаренаго мяса на вертелѣ (*шашлыкъ*).

(**) То есть передастъ ему свои чувства; Татарское выраженіе.

(***) Охотно, извольте! Слово въ слово значитъ: *на мою голову, на мои очи!*

Digitized by Google

подумалъ, какое имя заслуживалъ онъ самъ, опутывая друга коварствомъ и нанимая для низкой клеветы, для злодѣйскихъ намѣреній, подобныхъ существъ!

Отрывокъ изъ письма Полковника В. къ его невѣстѣ.

Лагерь близъ селенія Кяфиръ-Кумыкъ.

Августъ.

. . . . « Аммалатъ любитъ, но какъ любитъ!! Никогда, и въ самомъ пылу моей юности, не доходила любовь моя до такого изступленія. Я горѣлъ какъ кадило зажженное лучемъ солнца: онъ пышитъ какъ запаленный молніею корабль на бурномъ морѣ. Съ тобою, Марія, мы не разъ читали Шекспирова Отелло, и только неистовый Отелло можетъ дать идею о тропической страсти Аммалата. Онъ часто и долго любитъ говоритъ о своей Селтанетѣ, и я самъ люблю внимать его огнедышащему краснорѣчію. Порой это мутный водопадъ, извергнутый глубокою пещерою; порой это пламенный ключъ нефти Бакинской. Какія звѣзды сыплютъ тогда его очи, какой зарницею играютъ щеки, какъ онъ прекраснъ бываетъ тогда! Въ немъ нѣтъ ничего идеальнаго, но за то земное величаво,

Digitized by Google

плѣнительно. Увлеченный, тронутый самъ, я принимаю на грудь свою изнемогшаго отъ восторга юношу, и онъ долго, медленными вздохами дышитъ, и потомъ, склонивъ очи, опустивъ голову, будто стыдясь глядѣть на свѣтъ, не только на меня, сжимаетъ мнѣ руку и невѣрною стопою уходитъ прочь, и послѣ того цѣлый день не выманишь отъ него слова.

Со времени возврата своего изъ Хунзаха, онъ сталъ еще мрачнѣе прежняго; особенно въ послѣдніе дни. Онъ тайкъ старательно кроетъ самое высокое, самое благородное чувство, сближающее человѣка съ божествомъ, какъ будто-бы оно позорная слабость или ужасное преступленіе. Онъ убѣдительно просился съѣздить еще разъ въ Хунзахъ, повздыхать на свою красавицу, и я отказалъ ему: отказалъ для его-же пользы. Я уже давно писалъ къ Алексѣю Петровичу о моемъ баловнѣ, и онъ велѣлъ привезши его съ собой на воды, гдѣ будетъ самъ. Онъ хочетъ дать ему порученія къ Султанъ-Ахметъ-Хану, которыя принесутъ несомнѣнныя выгоды и Россіи и Аммалату... О, какъ счастливъ буду я его счастіемъ. Мнѣ, мнѣ будетъ обязанъ онъ блаженствомъ жизни, не только пустою жизнію. Я заставлю его стать передъ тобой на колѣни и скажу: *боготвори ее*! Если-бъ сердце мое не было проникнуто любовію къ Маріи, ты не овладѣлъ-бы Селимовой.

Digitized by Google

Вчера получилъ я летучку отъ Главнокомандующаго: великодушный человѣкъ! Онъ даетъ крылья счастливымъ вѣстямъ. Все кончено, милая, безцѣнная! Я ѣду къ тебѣ на воды. Только доведу полкъ до Дербента — и въ сѣдло. Не буду знать усшали днемъ, ни дремы ночью, покуда не отдохну въ твоихъ объяшіяхъ. О, кто мнѣ дастъ крылъ на перелетъ! Кто дастъ силъ вынести мое, *наше* благополучіе!.. Я въ сладкомъ страхѣ сжималъ грудь, чтобы не выпорхнуло сердце. Долго не могъ я уснуть: воображеніе рисовало мнѣ вспрѣчу въ тысячѣ видахъ, и въ промежуткахъ мелькали самыя вздорныя, но пріятныя заботы о свадебныхъ бездѣлкахъ, подаркахъ, уборахъ: ты будешь въ моемъ любимомъ зеленомъ цвѣтѣ... не правда-ли, душа моя?.. Мечты мѣшали мнѣ заснуть, какъ сильное благоуханіе розъ. За то тѣмъ сладостнѣе, тѣмъ свѣтлѣе былъ сонъ мой. Я видѣлъ тебя въ сіяніи зари, и разъ за разомъ иначе, и каждый разъ прелестнѣе чѣмъ сперва. Сновидѣнія вились цвѣточною вязью... иль-нѣтъ, между ними не было никакой связи: то были чудные образы, выпадающіе въ калейдоскопѣ, столь-же пестрые, столь-же неуловимые. Со всѣмъ тѣмъ я проснулся сегодня грустенъ; пробужденіе отняло у младенческой души моей любимую игрушку. Я зашелъ въ палатку къ Аммалату... Онъ еще спалъ; лицо его было блѣдно и сердито.

Digitized by Google

Пускай сердится на меня: я предвкушаю уже благодарность бурнаго юноши. Я, какъ судьба, тайнѣ созидаю ему наслажденіе.

. . . . . .

Сегодня я прощался съ здѣшними горами, надолго, желалъ-бы навсегда. Я очень радъ, что покидаю Азію, эту колыбель рода человѣческаго, въ которой умъ доселѣ остался въ пеленкахъ. Изумительна неподвижность Азіятскаго быта въ теченіе столькихъ вѣковъ. Объ Азію расшиблись всѣ попытки улучшенія и образованія: она рѣшительно принадлежитъ не времени, а мѣсту. Индійскій Браминъ, Китайскій Мандаринъ, Персидскій Бекъ, горскій уздень неизмѣнны, шѣже что были за 2000 лѣтъ. Печальная истина! Они изображаютъ собою однообразную, хотя и пеструю, живую, но бездушную природу. Мечи и бичи покорителей не оставили на нихъ, какъ на водѣ, никакихъ рубцовъ; книги и примѣры миссіонеровъ не произвели ни малѣйшаго вліянія. Иногда мѣняли еще они пороки, но никогда не пріобрѣтали чужихъ познаній или доблестей. Я покидаю землю плода, чтобы перенестись въ землю труда, этого великаго изобрѣтателя всего полезнаго, одушевителя всего великаго, этого будильника души человѣческой, заснувшей здѣсь нѣгою, на персяхъ прелестницы природы. И въ самомъ дѣ-

Digitized by Google

лѣ, какъ прелестна здѣсь природа! Вскакавъ на высокую гору влѣво отъ Кяфиръ-Кумыка, я любовался на разсвѣтающія вершины Кавказа. Глядѣлъ и не наглядѣлся на нихъ! Что за дивная прелесть облекаетъ ихъ вѣнцомъ своимъ! Еще тонкая завѣса, сотканная изъ свѣта и сумрака, лежитъ надъ нижними холмами, но далекіе льды уже теплились въ небѣ, и небо, словно ласковая мать, припавъ къ нимъ необъятнымъ лономъ, поило ихъ млекомъ облаковъ, заботливо повивая туманною пеленою, освѣжая вѣтромъ тиховѣйнымъ! О, такъ-бы летомъ и полетѣла туда душа моя, туда, гдѣ священный холодъ простерся границею между земнымъ и небеснымъ! Сердце просится и жаждетъ вздохнуть воздухомъ небожителей. Хочется побродить по снѣгамъ, на которыхъ не печатлѣлъ человѣкъ кровавыхъ стопъ своихъ, коихъ не омрачала никогда тѣнь орла, до коихъ не долетали перуны, и на вѣчноюномъ темени которыхъ время — слѣдъ вѣчности — не оставило слѣдовъ своихъ!

Время? Мнѣ пришла въ голову странная мысль. Сколько дробныхъ названій изобрѣлъ щепетильный человѣкъ, для дѣланія безконечно малаго отрѣзка времени отъ безконечно великаго круга вѣчности. Годы, мѣсяцы, дни, часы, минуты... У Бога нѣтъ ничего этого, нѣтъ даже ни вчера, ни завтра: у Него все это

Digitized by Google

слилось въ одно вѣчное *нынѣ*!.. Увидимъ-ли мы когда нибудь этотъ океанъ, въ которомъ тонемъ доселѣ? Но, вопросъ: къ чему послужитъ это человѣку? Неужели для удовлетворенія пустаго любопытства? Нѣтъ: познанія истины, т. е. всеразумной благости жаждетъ душа человѣка мыслящаго. Она хочетъ полною чашею черпать изъ источника свѣта, который падаетъ на нее изрѣдка мѣлкими росинками!..

И я буду черпать его... Тайный страхъ смерти таетъ какъ снѣгъ передъ лучемъ такой надежды!.. Я буду черпать изъ него... чистая любовь моя къ ближнему тому залогомъ; свинцовыя путы заблужденій распадутся отъ немногихъ слезъ раскаянія, и повергну сердце свое, какъ жертву очистительную, передъ судомъ для меня не страшнымъ!

Чудная вещь, моя милая! Едва взгляну я на горы, на море, на небо... какое-то грустное и вмѣстѣ невыразимо сладостное чувство гнететъ и расширяетъ сердце. Мысль о тебѣ сливается съ нимъ, и, будто во снѣ, убѣгаетъ отъ меня твой образъ. Предвкушеніе-ли это земнаго блаженства, которое зналъ я лишь по имени, или предчувствіе... вѣч...?

О, безцѣнная, добрая, ангельская душа!.. Одинъ взоръ твой, и я исцѣленъ отъ мечтательности! Какъ счастливъ я, что могу теперь съ увѣренностію сказать: *до свиданья!* »

Digitized by Google

ГЛАВА XI.

Ядъ клеветы пожигалъ внутренность Аммалата. По наущенію Хана, кормилица его Фашьма, со всѣми признаками преданности и безкорыстной искренности, передала ему условленную заранѣ сказку, въ тотъ-же самый вечеръ, какъ онъ съ В. пріѣхалъ въ Буйнаки, гдѣ встрѣтилъ ихъ Шамхалъ, изъ учтивости и уваженія къ Полковнику. Отправленная стрѣла вонзилась глубоко... Теперь сомнѣніе было-бы отрадою Аммалату, но убѣжденіе, казалось, озарило всѣ прежнія дружественныя и родственныя связи его свѣтомъ яркимъ, хотя и погребальнымъ. Въ порывѣ ярости, онъ хотѣлъ въ ту-же минуту утолить месть свою въ крови обоихъ измѣнниковъ, но уваженіе къ святынѣ гостепріимства преодолѣло кровожадность. Онъ отложилъ на время убійство... но могъ-ли забыть о немъ? Каждый мигъ отсрочки, какъ разожженная мѣдь, капалъ на его сердце. Воспоминанія, доказательства, ревность, любовь вырывали оное другъ у друга, и это положеніе было для него такъ ново, такъ странно, такъ страшно, что онъ впадалъ въ безуміе, тѣмъ болѣе тяжкое, что долженъ былъ скрывать внутреннюю борьбу отъ своего прежняго друга. Такъ прошекли цѣлыя сутки. Отрядъ остановился лагеремъ близъ селенія Бугденъ, въ которомъ воро-

Digitized by Google

та, построенныя въ ущеліи, служащемъ дорогою въ Акушу, замыкаютъ оную по произволу жителей Бугденскихъ. Вотъ что писалъ Аммалатъ, желая хотя чѣмъ нибудь облегчить тоску души, готовящейся на черное злодѣяніе...

Полночь.

. . . . Зачѣмъ бросилъ ты, Султанъ-Ахметъ Ханъ, молнію въ грудь мою? Братская дружба и братопредательство, братоубійство... Какія ужасныя крайности? И между ними только одинъ шагъ, одно мгновеніе!..

Я не могу спать, не могу думать о другомъ: я прикованъ къ этой мысли, какъ преступникъ къ колодѣ своей. Кровавое море ходитъ, плещетъ, бушуетъ кругомъ меня, и надъ нимъ сверкаютъ только молніи вмѣсто звѣздъ!.. Душа моя подобна теперь голой скалѣ, на которую слетаются однѣ хищныя птицы и злые духи, дѣлить добычу, или готовить гибель. В., В.! что сдѣлалъ я тебѣ? За что хочешь ты сорвать съ неба звѣзду моей свободы? Не за то-ль, что я такъ нѣжно любилъ тебя!!.. И почему ты подкрадываешься какъ воръ, клевещешь, коварствуешь, лицемѣришь? Сказалъ-бы просто: «Мнѣ нужна жизнь твоя,» и я-бы отдалъ ее безропотно... легъ жертвою, какъ сынъ Ибрагима (Авраама); я-

Digitized by Google

бы простилъ тебя, если-бъ ты посягалъ только на жизнь мою: но продашь мою свободу, похитишь у меня, заживо погребеннаго, Селиманешу! Злодѣй! и ты еще дышишь!..

Но повременно, какъ опаленный голубь среди пожарнаго дыма, являешся мнѣ образъ твой, Селиманеша!.. Отъ чего-жь я не радосненъ мечтая о тебѣ, какъ бывало прежде?.. Насъ хотятъ разлучить, милая, отдать тебя другому, женить меня на могильной плитѣ.... но я пройду до тебя по кровавому ковру, я исполню страшный завѣтъ, чтобы овладѣть тобою. Не однѣхъ подругъ зови на свадебный пиръ нашъ: зови коршуновъ и вороновъ... всѣхъ угощу я до сыта! Я заплачу богатое вѣно (калымъ)... Въ изголовьѣ невѣсты положу я сердце, которое недавно еще цѣнилъ я дороже пуховой подушки Персидскаго Падишаха (*).

. . . Чудная судьба!.. Невинная дѣвушка! ты будешь виною неслыханнаго злодѣйства. Добрѣйшее созданіе! за тебя друзья спанушъ терзать другъ друга съ звѣрскою люпостію. Для тебя?.. за тебя?.. Въ самомъ-ли дѣлѣ за одну тебя?.. Съ люпостію? съ одною ли люпостію? В. говорилъ, что убить непріятеля украдкою,

(*) Подушка сія, унизанная дорогими камнями и жемчугомъ, не имѣетъ цѣны.

Digitized by Google

врасплохъ, подло, низко; но если я не могу иначе сдѣлать этого?.. Но можно-ли ему вѣрить? Хитрецъ хотѣлъ заранѣе опутать, не только руку, но даже и совѣсть мою!.. Напрасно!

... Я зарядилъ теперь винтовку свою... Какой славный винтой стволъ, что за чудесная насѣчка! Винтовка досталась мнѣ отъ отца, отцу отъ прадѣда. Мнѣ разсказывали про множество знаменитыхъ изъ нея выстрѣловъ, и ни одинъ, ни одинъ не былъ пущенъ украдкою... всегда въ бою, всегда въ глазахъ цѣлаго войска бросала она смерть; а теперь?.. Но обида, но измѣна, но ты, Селтанета!... О, рука моя не дрогнетъ нанести ударъ тому, котораго имя написать она препещетъ. Одинъ зарядъ, одинъ ударъ, и все кончено!

Зарядъ?.. Какъ онъ легокъ... но какъ тяжко, можетъ быть, станетъ каждое зернышко пороху на вѣсахъ Аллы!.. Какъ далеко, какъ невообразимо далеко заброситъ этотъ зарядъ душу человѣка... О, да будетъ проклятъ тотъ, кто изобрѣлъ тебя, сѣрая пыль, предающая героя во власть послѣдняго труса, поражающаго издали врага, который-бы однимъ взоромъ обезоружилъ поднятую на него руку! Такъ, этотъ ударъ расторгнетъ всѣ прежнія связи мои: но онъ проложитъ мнѣ дорогу къ новымъ.

Digitized by Google

Въ прохладѣ Кавказа, на груди Селтанеты освѣжится вновь мое увялое сердце. Какъ ласточка я совью себѣ гнѣздо на чужбинѣ, какъ для ласточки весна будетъ моимъ отечествомъ; я сброшу съ себя всѣ печали, какъ старыя перья...

. . . . Но линяютъ-ли угрызенія совѣсти?.. Послѣдній Лезгинъ, завидя въ бою того, съ кѣмъ дѣлилъ хлѣбъ-соль, отворачиваетъ коня въ сторону и спрѣляетъ мимо: а я пронжу сердце, на которомъ отдыхалъ какъ братъ родной! Конечно, онъ обманывалъ меня своею дружбою: но развѣ отъ того менѣе былъ я счастливъ? О, если-бы этими слезами я могъ выплакать гнѣвъ свой, залить ими жажду мщенія, купить на нихъ Селтанету!!

Что-же медлитъ заря! Пускай выходитъ она... Я не краснѣя взгляну на солнце, не блѣднѣя въ очи В.— Сердце мое закалено противъ состраданія.... измѣна зоветъ измѣну... Я рѣшился... скорѣй, скорѣй!..

Такъ безпорядочно, безсвязно писалъ Аммалатъ, чтобы обмануть время и развлечь душу; такъ старался онъ обмануть самого себя, подстрекая себя местію, когда истинная вина его кровожадности, т. е. желаніе владѣть Селтанетою, пробивалась въ каждомъ словѣ. Чтобы придать себѣ дерзости на злодѣяніе, онъ вы-

Digitized by Google

пилъ много вина, и опьянѣлый, съ ружьемъ кинулся къ палашкѣ Полковника; но увидѣвъ часовыхъ у входа, раздумалъ. Врожденное въ Азіятцѣ чувство самохраненія не погасло и въ самомъ безуміи. Аммалашъ отложилъ до утра свершеніе убійства, но спать не могъ онъ, но разгулять тоски своей не могъ онъ... и вошедши снова въ палашку свою, онъ схватилъ за грудь крѣпкоспящаго Сафиръ-Али и сильно потрясъ его. «Вставай, соня!» вскричалъ онъ ему: «уже заря!»

Сафиръ-Али приподнялся съ недовольнымъ видомъ, и зѣвая отвѣчалъ: — Я вижу только винное зарево на твоихъ щекахъ. Спокойной ночи, Аммалашъ!

«Вставай, говорю я тебѣ! Мертвые должны покинуть гробы на встрѣчу новаго пришельца, котораго обѣщалъ я имъ для бесѣды!»

— Помилуй, братецъ, развѣ я мертвый?.. Пускай себѣ встаютъ хоть сорокъ Имамовъ (*) съ Дербентскаго кладбища, а я хочу спать!

(*) Мусульмане вѣрятъ, что въ часовнѣ, на сѣверномъ кладбищѣ Дербента, положены сорокъ первыхъ правовѣрныхъ, замученныхъ язычниками. Русскіе суевѣры подозрѣваютъ, что тутъ схоронены сорокъ мучениковъ.

Digitized by Google

« Но ты любишь пить, гяуръ, и ты долженъ пить со мною! »

— Это иное дѣло... Наливай полнѣе... *Алла верды* (*)! Я всегда готовъ пить и любить!

« И врага убить!.. Ну еще... за здоровье чорта, который друзей оборачиваетъ смертельными врагами! »

— Такъ и быть... кушай за здоровье чорта! Бѣднягѣ нужно здоровье; мы вгонимъ его въ чахотку съ досады, что не удается насъ поссорить!

« Правда, правда; люди не нуждаются въ немъ для злобы... Съ В. и со мной онъ бросилъ бы карты... Но и ты не отстанешь, надѣюсь, отъ меня?... »

— Аммалашъ! я не только вино изъ одной бутылки, да и молоко сосалъ изъ одной груди съ тобою. Я твой, если даже тебѣ вздумается, словно коршуну, свить себѣ гнѣздо на скалѣ Хунзаха... Впрочемъ, мой бы совѣтъ...

« Никакихъ совѣтовъ, Сафиръ-Али... никакихъ возраженій!.. Теперь уже не время. »

— И въ самомъ дѣлѣ, они перепонутъ какъ мухи въ винѣ; теперь пора спать....

(*) Богъ далъ, т. е. на здоровье.

Digitized by Google

« Спать, говоришь ты? Мнѣ спать! Нѣтъ, я сказалъ прости сну... мнѣ пора пробудиться. Осмотрѣлъ-ли ты ружье, Сафиръ-Али? Хорошъ-ли кремень? Не отсырѣлъ-ли отъ крови порохъ на полкѣ?»

— Что съ тобою, Аммалатъ? Что у тебя за свинцовая тайна на сердцѣ? Лицо твое страшно, рѣчи еще страшнѣе....

« А дѣла будутъ еще ужаснѣе! Не правда-ли, Сафиръ-Али: моя Селтанета прекрасна! Замѣть это: моя Селтанета... Неужели это свадебныя пѣсни, Сафиръ-Али?.. Да, да, да, понимаю... это шакалы просятъ добычи!.. Духи и звѣри! погодите немного, я насыщу васъ. Гей! Подайте вина, еще вина, еще крови... говорю я вамъ!»

Аммалатъ упалъ въ безпамятствѣ опьяненія на постелю; пѣна била клубомъ съ его устъ; судорожныя движенія волновали все тѣло; онъ произносилъ со стономъ невнятныя слова. Сафиръ-Али заботливо раздѣлъ его, уложилъ, укутался и просидѣлъ остатокъ ночи надъ молочнымъ братомъ своимъ, напрасно прiискивая въ умѣ разрѣшенія загадочнымъ для него рѣчамъ и поведенію Аммалата.

Digitized by Google

ГЛАВА XII.

По утру, передъ выступленіемъ, дежурный по отряду Капитанъ пришелъ къ Полковнику В., съ рапортомъ и за новыми приказаніями. Послѣ обычнаго размѣна словъ по службѣ, онъ съ встревоженнымъ видомъ сказалъ: «Полковникъ! я обязанъ сообщить вамъ важную вещь. Вчерашній вѣстовой вашъ, рядовой моей роты, Хамитовъ, подслушалъ разговоръ Аммалашъ-Бека съ его кормилицею въ Буйнакахъ. Онъ Казанскій Татаринъ и порядочно понимаетъ здѣшнее нарѣчіе. Сколько могъ онъ разобрать и разслушать, старуха увѣряла его, что вы съ Шамхаломъ собираетесь отправить его на каторгу. Аммалашъ бѣсился, бранился, говорилъ, что все это знаетъ отъ Хана Аварскаго, и клялся погубить васъ своею рукою. Не довѣряя однакожь своему слуху, вѣстовой не рѣшился ничего объявить, а сталъ присматривать за всѣми его шагами. Вчера ввечеру, говоритъ онъ, Аммалашъ разговаривалъ съ какимъ-то издалека пріѣхавшимъ всадникомъ; на прощаньи сказалъ онъ: Скажи Хану, что завтра чуть встанетъ солнце, все будетъ кончено. Пусть готовится онъ самъ; я съ нимъ скоро увижусь!»

— И только, Г-нъ Капитанъ? — спросилъ В.

Digitized by Google

« Болѣе ничего не имѣю я сказать, но очень многое могу думать. Я измыкалъ свой вѣкъ между Татарами, и удостовѣрился, Полковникъ, что безразсудно довѣряться самому лучшему изъ нихъ. Родной братъ не безопасенъ, отдыхая на рукѣ брата. »

— Тому вина зависть, Капитанъ: Каинъ передалъ ее въ вѣчное и потомственное владѣніе всѣмъ людямъ, но преимущественно сосѣдамъ Арарата. Намъ-же съ Аммалатомъ нечего дѣлить; притомъ-же я ничего не сдѣлалъ ему кромѣ добра, ничего не хочу дѣлать кромѣ благодѣяній. Будьте покойны, Капитанъ: я очень вѣрю усердію вѣстоваго, но мало его знаю Татарскаго языка. Нѣсколько сходныхъ звуковъ ввели его въ заблужденіе; а ужь разъ создалъ онъ въ умѣ умыселъ, все прочее казалось ему доказательствами. Право я не такой важный человѣкъ, чтобы Ханы и Беки дѣлали заговоръ на жизнь мою. Я очень хорошо знаю Аммалата: онъ вспыльчивъ, но добраго сердца, и не смогъ-бы двухъ часовъ помнить злодѣйскаго умысла.

« Не ошибешься, Полковникъ! Аммалатъ все таки Азіятецъ, а это слово англичанъ. Здѣсь не какъ у насъ. Здѣсь слово скрываетъ мысль, а лицо душу. На иного взглянешь, ну, кажется, сама невинность, а попытайте имѣть съ нимъ

Digitized by Google

дѣло: это бездна подлости, коварства и лютости!»

— Вы имѣете полное право такъ думать, любезный Капитанъ, по опыту. Султанъ-Ахметъ Ханъ далъ вамъ памятную поминку въ Буйнакахъ, въ домѣ Аммалата. Но я, я не имѣю никакого повода подозрѣвать въ чемъ либо ужасномъ Аммалата. Да и какую выгоду найдетъ онъ убить меня? Во мнѣ всѣ его блага, всѣ надежды. Онъ сумасбродъ, но не сумасшедшій; притомъ-же, какъ видите, солнце высоко, а я живъ и здоровъ. Сердечно благодарю васъ, Капитанъ, за участіе, но прошу васъ, не сомнѣвайтесь въ Аммалатѣ, и видя, какъ цѣню я старую дружбу, будьте увѣрены, что я буду высоко цѣнить и новую. Прикажите бить подъемъ! —

Капитанъ вышелъ, сомнительно качая головою. Барабаны загремѣли, и выстроенный въ боевой порядокъ отрядъ двинулся съ ночлега далѣе. Утро было свѣжо и ясно; путь вился по зеленымъ валамъ предгорій Кавказскихъ, гдѣ-индѣ увѣнчаннымъ лѣсомъ или кустарникомъ. Строй былъ подобенъ стальному потоку, то катящемуся съ горъ, то восстающему на холмы. Туманы еще лежали въ удоліяхъ, и В., взъѣзжая на вершины, каждый разъ оглядывался, чтобы полюбоваться чудною игрою зрѣнія. Спускаясь съ крутизны, строй точно будто по-

Digitized by Google

нулъ въ дымной рѣкѣ, подобно войску Фараона, и наконецъ съ глухимъ шумомъ вновь сверкали штыки изъ волнъ тумана; потомъ являлись головы, плечи; люди росли, выросшали, взбѣгали на высь, и снова окунывались въ туманы другаго ущелія.

Аммалатъ ѣхалъ блѣденъ и угрюмъ, подлѣ самаго взвода застрѣльщиковъ. Казалось, онъ желалъ, чтобы грохотъ барабановъ заглушилъ въ немъ голосъ совѣсти. Полковникъ подозвалъ его къ себѣ и очень ласково сказалъ: «Тебя надобно пожурить, Аммалатъ: черезъ чуръ ты началъ слѣдовать урокамъ Гафиза. Вспомни, что вино хорошій слуга, но злой баринъ. Впрочемъ, головная боль и желчь, разлитая по твоему лицу, вѣрно подѣйствуютъ на тебя гораздо лучше словъ. Ты провелъ буйную ночь, Аммалатъ?»

— Бурную, мучительную ночь, Полковникъ! Дай Богъ, чтобы такая ночь была послѣднею... Мнѣ снились страшные сны!

«А га, дружокъ. Вотъ каково преступать завѣтъ Магомета: правовѣрная совѣсть тебя мучила какъ змѣя!»

— Хорошо у кого совѣсть споритъ съ однимъ виномъ.

Digitized by Google

« Какова совѣсть, любезный! По несчастію, она такъ-же подвержена предразсудкамъ, какъ и самъ разсудокъ. У каждаго вѣка, у каждаго народа была своя совѣсть, и голосъ вѣчной, неизмѣнной истины умолкалъ передъ самозванкою. Такъ было, такъ есть. Что вчера почиталъ иной грѣхомъ смертнымъ, тому завтра молится; что считаютъ правымъ и славнымъ на этомъ берегу, за рѣчкой доводитъ до висѣлицы. »

— Однакожь, я думаю, лицемѣріе и измѣна никогда и нигдѣ не считались добродѣтелями!

« Не скажу и этого. Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, гдѣ лишь удача рѣшитъ, хороши или нѣтъ были средства ея достигнуть, гдѣ люди самые совѣстные изобрѣли для себя очень покойное правило: что цѣль освѣщаетъ средства. »

Аммалатъ-Бекъ въ раздумьи повторилъ эти слова, потому что ихъ оправдывалъ. Ядъ эгоизма снова начиналъ въ немъ разыгрываться, и слова В., которыя считалъ онъ коварствомъ, лились какъ масло на пламя.

— . . . Лицемѣръ! — говорилъ онъ про себя: — часъ твой близокъ!

И между тѣмъ В., какъ жертва ничего не подозрѣвающая, ѣхалъ рядомъ съ своимъ палачемъ. Не доѣзжая верстъ осми до Кіекента, съ

Digitized by Google

горы открылось передъ ними Каспійское море, и думы В. понеслись надъ нимъ, какъ лебедь. «Зеркало вѣчности!» произнесъ онъ, впадая въ мечтанія... « Отъ чего не радуешь сегодня меня лицо твое? Какъ прежде играешь на тебѣ солнце, словно Божья улыбка, и лоно твое такъ-же величаво дышитъ вѣчною жизнію, но эта жизнь не здѣшняго міра! Ты кажешься мнѣ сегодня печальною степью: ни лодки, ни корабельнаго паруса, никакого признака бытія человѣка... все пусто!!

« Да, Аммалашъ, » примолвилъ онъ, « мнѣ наскучило ваше, почти всегда сердитое, пустое море, вашъ край, населенный болѣзнями и людьми, которые хуже всѣхъ болѣзней въ свѣтѣ; мнѣ наскучила самая война съ незримыми врагами, самая служба съ недружными товарищами. Этого мало, что мнѣ мѣшали въ дѣлѣ, портили, что я приказывалъ дѣлать... но порочили то, что я думалъ дѣлать, и клевещали на сдѣланное. Вѣрой и правдой служилъ я Государю, безкорыстно отечеству и здѣшнему краю; отказался я, добровольный изгнанникъ, отъ всѣхъ удобствъ жизни, отъ всѣхъ радостей общества, осудилъ свой умъ на неподвижность, безъ книгъ; похоронилъ сердце въ одиночествѣ, безъ милой... и что было мнѣ наградою? О, скоро-ль настанетъ минута, когда я брошусь въ объятія моей невѣсты, когда я, усталый отъ служ-

Digitized by Google

бы, отдохну подъ сѣнью родной хижины на злачномъ берегу Днѣпра... когда, мирный селянинъ и нѣжный отецъ семейства, въ кругу родныхъ и добрыхъ крестьянъ моихъ, буду бояться только града небеснаго за жатву, сражаться только съ дикими звѣрями за стадо! Сердце ноетъ по этомъ часѣ! Отпускъ у меня въ карманѣ, отставка обѣщана... такъ-бы лѣшомъ летѣлъ къ невѣстѣ... И черезъ пять дней я непремѣнно буду въ Георгіевскѣ; а все кажется, будто пески Ливіи, будто ледяное море, будто цѣлая вѣчность могилы разлучаютъ насъ!... »

В. умолкъ; по щекамъ его катились слезы; конь его, почуявъ брошенные повода, ускорилъ ходъ, и такимъ образомъ, вдвоемъ съ Аммалатомъ, они далеко опередили отрядъ... Казалось, сама судьба предавала Полковника въ руки злодѣя.

Но жалость проникла въ душу неистоваго, виномъ пылающаго Аммалата, подобно лучу солнечному, упавшему въ разбойничью пещеру. Онъ увидѣлъ тоску и слезы человѣка, котораго столь долго считалъ другомъ своимъ, и поколебался... «Нѣтъ,» думалъ онъ самъ съ собою, « до такой степени невозможно притворяться!..»

Въ эту минуту В. очнулся, поднялъ голову, и сказалъ Аммалату: « Приготовься... ты ѣдешь со мною! »

Digitized by Google

Несчастныя слова! Все доброе, все благородное, возникавшее вновь въ груди Азіятца, въ одинъ мигъ было подавлено ими: мысль о предательствѣ, о ссылкѣ, огненнымъ потокомъ протекла по всему его существу. «Съ вами?» возразилъ онъ съ злобною усмѣшкою, «съ вами, въ Россію? О, безъ сомнѣнія, если вы сами поѣдете!»

И въ порывѣ гнѣва онъ пустилъ вскачь коня своего, чтобы имѣть время справиться съ оружіемъ, и вдругъ обратился на встрѣчу Полковнику, пронесся мимо и сталъ давать быстрые круги около. Съ каждымъ скокомъ сильнѣй разгоралось въ немъ пламя бѣшенства. Ему казалось, что свистящій мимо ушей воздухъ жужжалъ ему: Убей, убей! это врагъ твой! вспомни Селшанету... Онъ схватилъ изъ-за плеча мѣткое ружье свое, взвелъ курокъ, и ободряя себя крикомъ, поскакалъ съ кровожадною рѣшительностію къ обреченной жертвѣ.

Между тѣмъ В., не питая ни малѣйшаго подозрѣнія, спокойно смотрѣлъ на скачку Аммалата, воображая, что онъ, по напутному обычаю Азіятцевъ, хочетъ поджигитовать. «Стрѣляй въ цѣль, Аммалатъ-Бекъ!» закричалъ онъ несущемуся на него убійцѣ.

— Какая цѣль лучше груди врага! —отвѣчалъ Аммалатъ-Бекъ, наскакивая, и въ десяти ша-

Digitized by Google

гахъ спустилъ курокъ... выстрѣлъ грянулъ... и молча, медленно свалился Полковникъ съ сѣдла. Испуганный конь его, вздувъ ноздри, ощетинивъ гриву, обнюхивалъ всадника, въ рукѣ котораго замерли, доселѣ повелительные поводья, а конь Аммалата сталъ вдругъ предъ тѣломъ, упершись передними ногами. Аммалатъ соскочилъ съ него, и опершись на дымящееся ружье, нѣсколько мгновеній пристально смотрѣлъ на лицо убитаго, какъ будто желая доказать самому себѣ, что онъ не страшится этого неподвижнаго взора, потухающихъ очей, этой холодѣющей крови!... Трудно было узнать, невозможно передать того, что крутилось вихремъ въ груди его. Сафиръ-Али прискакалъ стремглавъ, и кинулся на колѣни подлѣ Полковника... приложилъ ухо къ устамъ его: не дышитъ! ощупалъ сердце: не бьется! «Онъ мертвъ!» произнесъ Сафиръ-Али отчаяннымъ голосомъ.

«Мертвъ? совсѣмъ мертвъ? Тѣмъ лучше... мое счастіе свершено!» произнесъ Аммалатъ, будто пробуждаясь отъ сна.

— Для тебя счастіе! для тебя, братоубійцы!... Если ты найдешь его, свѣтъ станешъ молиться Шайтану, вмѣсто Аллы!

«Сафиръ-Али! вспомни, что ты не судья мнѣ!» грозно сказалъ Аммалатъ, ступая въ стремя. «Слѣдуй за мною!»

Digitized by Google

— Пускай одно раскаяніе преслѣдуетъ тебя какъ тѣнь; отнынѣ я не товарищъ твой!

Пронзенный до глубины души нежданнымъ укоромъ отъ человѣка, съ которымъ связанъ былъ дружествомъ отъ младенчества, Аммалатъ не вымолвилъ слова, указалъ своимъ изумленнымъ нукерамъ на ущеліе, и, видя погоню, какъ стрѣла ринулся въ горы.

Тревога распространилась по фронту; передовые офицеры и Донскіе Казаки кинулись на выстрѣлъ, но они поздно прискакали туда: они не могли ни воспрепятствовать злодѣйству, ни достичь убѣгающаго злодѣя. Черезъ пять минутъ, окровавленный трупъ измѣнически убитаго Полковника, окруженъ былъ толпами солдатъ и офицеровъ. Недоумѣніе, негодованіе, жалость, были написаны на всѣхъ лицахъ. Гренадеры, опершись на штыки, плакали на взрыдъ, и нельстивыя слезы текли у нихъ градомъ по храбромъ, любимомъ начальникѣ.

ГЛАВА XIII.

Трои сутки скитался Аммалатъ по горамъ Дагестана. Какъ Мусульманинъ, онъ и въ деревняхъ, покорныхъ Русскому владычеству, между людьми, для коихъ воровство, разбой и бѣгство — доблесть, безопасенъ былъ отъ вся-

Digitized by Google

каго преслѣдованія; но могъ-ли уйдти отъ сознанія въ собственномъ преступленіи? Ни умъ, ни сердце его, не оправдывали кроваваго поступка, и образъ падающаго съ коня В. неотступно возникалъ даже передъ закрытыми очами. Это еще болѣе ожесточало, раздражало его. Азіятецъ, совратясь однажды съ пути, быстро пробѣгаетъ поприще злодѣйства. Завѣтъ Хана, чтобъ не являться передъ него безъ головы В., запѣлъ въ ушахъ его. Не смѣя открыть такого намѣренія нукерамъ своимъ, еще менѣе надѣясь на ихъ отвагу, онъ рѣшился ѣхать къ Дербенту одинъ одинехонекъ, цѣликомъ, черезъ горы и долы.

Глухая, темная ночь раскинула уже крыловыя крылья свои надъ приморскими хребтами Кавказа, когда Аммалатъ переѣхалъ ущеліе, лежащее сзади крѣпости Нарынъ-Кале, служащей цитаделью Дербенту. Онъ поднялся къ развалинамъ башни, замыкавшей нѣкогда Кавказскую стѣну, поперегъ горъ тянувшуюся, и привязалъ коня своего у подножія того кургана, съ котораго Ермоловъ громилъ Дербентъ, бывши еще Артиллерійскимъ Поручикомъ. Зная, гдѣ хоронятъ чиновниковъ, онъ прямо вышелъ на верхнее Русское кладбище. Но какъ найдти ему свѣжую могилу В. во тмѣ ночи? Въ небѣ ни звѣздочки; облака налегли на горы; горный вѣ-

Digitized by Google

теръ какъ ночная птица хлопалъ по лѣсу крыльями; невольный трепетъ проникъ Аммалата, посреди края мертвецовъ, коихъ покой дерзалъ онъ нарушить. Прислушивается: море бушуетъ, напирая и ошибаясь отъ подводныхъ плитъ. Протяжное: *слушай*! часовыхъ, обтекало стѣны города, и вслѣдъ за нимъ раздавался вой шакаловъ, и наконецъ все стихло, сливаясь съ шумомъ вѣтра. Сколько разъ, вмѣстѣ съ В., бодрствовалъ онъ въ подобныя ночи—и гдѣ теперь онъ? И кто низвергнулъ его въ могилу? И его убійца пришелъ теперь обезглавить трупъ недавняго друга, наругаться надъ его останками; какъ воръ гробокопный, пришелъ похитить достояніе могилы, споритъ съ шакалами о добычѣ.

«Чувства человѣческія!» произнесъ Аммалатъ, отирая холодный потъ съ чела: «зачѣмъ посѣщаете вы сердце, которое отверглось человѣчества? Прочь, прочь! Мнѣ-ль бояться отнять голову у мертвеца, у котораго похитилъ я жизнь! Ему это не потеря, а мнѣ сокровище... Прахъ безчувственъ!»

Аммалатъ дрожащей рукою высѣкъ огня, раздулъ его на сухомъ бурьянѣ, и пошелъ съ нимъ искать новой могилы. Рыхлая земля и большой крестъ указали ему послѣднее жилище Полковника. Онъ выдернулъ крестъ и началъ разгре-

Digitized by Google

башь имъ холмикъ; разбилъ еще неокрѣплый кирпичный сводъ, и наконецъ сорвалъ крышку съ гроба. Бурманъ, вспыхивая, проливалъ неровный кровосиній блескъ на предметы. Склонясь надъ покойникомъ, убійца, блѣднѣе самого покойника, глядѣлъ на трупъ неподвижно. Онъ забылъ, зачѣмъ пришелъ туда... голова его кружилась отъ запаха тлѣнія, сердце въ немъ обратилось при видѣ кровоглавыхъ червей, которые вились уже изъ-подъ платья. Прервавъ свою страшную работу, они, испуганные свѣтомъ, расползались, сбирались, прятались другъ подъ друга! Наконецъ, ожесточась, онъ нѣсколько разъ взмахивалъ кинжаломъ, и всякій разъ немѣткая рука его падала мимо. Ни месть, ни честолюбіе, ни любовь, словомъ: ни одна страсть, подвигшая его на убійство, не ободряли теперь на безъименное неистовство. Отворотивъ голову, въ какомъ-то забытьи, сталъ онъ рубить В. по шеѣ... на пятомъ ударѣ, голова отдѣлилась отъ туловища. Съ отвращеніемъ бросилъ онъ ее въ приготовленный мѣшокъ, и спѣшилъ вылѣзть изъ могилы. До сихъ поръ онъ еще побѣждалъ себя; но когда съ страшнымъ кладомъ своимъ карабкался вверхъ, когда камни съ шумомъ обрушились подъ его ногами, и онъ, осыпанный пескомъ, снова упалъ на трупъ В., присутствіе духа оставило святотатца: ему казалось, что пла-

Digitized by Google

мя охватило его, что адскіе духи, плеща и хохоча, взвились окрестъ его... Съ тяжкимъ стономъ вырвался, выползъ онъ безъ памяти изъ душной могилы и бросился бѣжать, страшась оглянуться. Вскочивъ на коня, онъ погналъ его, не разбирая утесовъ и овраговъ, и каждый цѣпляющійся за платье кустъ казался ему рукою мертвеца, и каждый шелестъ вѣтки и стонъ шакала, голосомъ дважды зарѣзаннаго друга.

Вездѣ, гдѣ ни проѣзжалъ Аммалатъ, встрѣчалъ онъ вооруженныя толпы Акушлинцевъ и Аварлы, пріѣзжихъ Чеченцевъ и тайныхъ хищниковъ изъ Ташарскихъ деревень, подвластныхъ Россіи. Всѣ они спѣшили на сборныя мѣста, ближе къ границѣ, между тѣмъ какъ Беки, Уздени и Князьки съѣзжались въ Хунзахъ, для совѣта съ Султанъ-Ахметъ-Ханомъ, подъ предводительствомъ и по приглашенію котораго собирались они ударить на Тарки. Время къ тому было самое благопріятное: хлѣбъ въ амбарахъ, сѣно въ стогахъ, и Рускіе, взявъ аманатовъ, въ совершенной безпечности расположились на зимнія стоянки. Вѣсть объ убійствѣ В. разлетѣлась по всѣмъ горамъ и весьма ободрила горцевъ. Весело сходились они отовсюду; вездѣ слышались ихъ пѣсни о будущихъ битвахъ и добычахъ, а тотъ, за кого шли сражаться

они, проѣзжалъ между ними, какъ бѣглецъ и преступникъ, скрывая лицо отъ солнца, не смѣя взглянуть никому прямо въ глаза. Все что случилось съ нимъ, все что видѣлъ онъ, теперь представлялось ему будто въ удушливомъ снѣ... онъ не смѣлъ сомнѣваться въ томъ, и не могъ вѣрить. На третій день къ вечеру доѣхалъ онъ до Хунзаха.

Трепеща отъ нетерпѣнія спрыгнулъ онъ съ коня, измученнаго бѣгомъ, и взялъ изъ тороковъ роковой мѣшокъ. Переднія комнаты были полны воинами. Наѣздники въ кольчугахъ расхаживали, или вдоль стѣнъ лежали на коврахъ, шопотомъ разговаривая между собою... но повисшія брови ихъ, но угрюмыя лица доказывали, что въ Хунзахѣ получены вѣрно худыя вѣсти. Нукеры бѣгали взадъ и впередъ торопливо, и никто не спросилъ, никто не проводилъ Аммалата, никто не обратилъ на него вниманія. У самыхъ дверей спальни Ханской сидѣлъ Сурхай-Ханъ Джинка, т. е. побочный сынъ Султанъ-Ахмета, и горько плакалъ. «Что это значитъ?» съ безпокойствомъ спросилъ его Аммалатъ. «Ты, у котораго и въ младенчествѣ не добивались слезъ, ты плачешь?...»

Сурхай безмолвно указалъ на двери, и Аммалатъ съ недоумѣніемъ переступилъ за рѣшительный порогъ. Сердце раздирающее зрѣлище

Digitized by Google

представилось глазамъ пришельца. Посреди комнаты, на шюфякѣ, лежалъ Ханъ, обезображенный быстрою болѣзнію. Незримая, но уже неотразимая кончина носилась надъ нимъ, и погасающій взоръ встрѣчалъ ее съ ужасомъ. Грудь вздымалась высоко и потомъ тяжело опадала; дыханіе шипѣло въ горлани, жилы рукъ напрягались и снова исчезали; въ немъ совершалось послѣднее бореніе жизни съ разрушеніемъ... пружина бытія уже лопнула, но колеса еще двигались неровнымъ ходомъ, задѣвая другъ за друга. Едва искры памяти мелькали въ немъ, какъ падучія звѣзды сквозь ночь, густѣющую надъ душою, и отражались на мертвеющемъ лицѣ. Жена и дочь рыдали на колѣнахъ у его ложа; старшій его сынъ Нуцалъ, въ безмолвномъ отчаяніи, стоялъ въ ногахъ, склонивъ чело на сжатую руку. Нѣсколько женщинъ и нукеровъ плакали тихо поодаль.

Все это однакожъ не поразило, не образумило Аммалата, преисполненнаго одною мыслію. Онъ твердою поступью приблизился къ Хану и громко сказалъ ему: «Здравствуй, Ханъ! Я привезъ тебѣ подарокъ, отъ котораго-бы оживился мертвецъ. Готовь свадьбу: вотъ мой выкупъ за Селтанету! Вотъ голова В.!» Съ этимъ словомъ онъ бросилъ ее къ ногамъ Хана.

Знакомый голосъ пробудилъ на мигъ Султанъ-Ахмета отъ послѣдняго сна: онъ поднялся съ

Digitized by Google

усиліемъ, чтобы взглянуть на подарокъ, и трепетъ волной пробѣжалъ по его тѣлу, когда онъ увидѣлъ мертвую голову. «Пускай съѣстъ свое сердце тотъ, кто подчуетъ умирающаго такой ужасною яствою!» произнесъ онъ едва внятно. «Мнѣ надо помириться съ врагами, а не.... Ахъ, горю! дайте воды, воды... Зачѣмъ вы напоили меня горячею нефтью? Аммалашъ! я проклинаю тебя!...» Усиліе испрашило послѣднія капли жизни въ Ханѣ: онъ упалъ бездушнымъ трупомъ на изголовье. Ханша съ негодованіемъ смотрѣла на кровавый, неумѣстный подарокъ Аммалаша, но когда увидѣла она, что это ускорило смерть ея мужа, вся тоска ея вспыхнула огнемъ гнѣва. «Посолъ ада!» вскричала она сверкая взоромъ. «Любуйся: вотъ твои подвиги! Если-бъ не ты, мужъ мой не задумалъ-бы подымать на Рускихъ Аварлу, и теперь здоровъ и покоенъ сидѣлъ-бы дома; но для тебя посѣщая узденей, онъ упалъ съ крутизны и слегъ въ постелю... и ты, кровопійца, вмѣсто того, чтобъ утѣшить больнаго кроткими словами, чтобы молитвою и милостыней помирить его съ Аллахомъ, принесъ, какъ людоѣду, мертвую голову, и чью голову? твоего благодѣтеля, защитника и друга!»

— На то была воля Хана!—угрюмо возразилъ Аммалашъ.

Digitized by Google

«Не клевещи на мершваго, не марай его памяти лишнею кровью!» воскликнула Ханша. «Недовольный шѣмъ, что измѣннически зарѣзалъ человѣка, ты съ его головою пріѣхалъ свашать дочь мою у смершнаго одра отца, и ты надѣялся получить награду отъ людей, заслуживъ месть отъ Бога? Безбожникъ, бездушникъ! Нѣтъ, гробомъ предковъ и саблями сыновей клянусь: ты никогда не будешь зятемъ моимъ, знакомцемъ, гостемъ моимъ! Удались изъ моего дома, измѣнникъ! У меня есть сыновья, которыхъ можешь ты зарѣзать обнимая; у меня есть дочь, которую можешь ты зачаровать, отравить змѣиными своими взорами. Ступай скитаться въ ущельяхъ горъ, учи тигровъ терзать другъ друга, и отбивай падаль у волковъ. Ступай, и вѣдай, что дверь моя не отворяется для братоубійцы!»

Аммалатъ стоялъ какъ опаленный молніею. Все, что роптала невнятно его совѣсть, высказано было ему вдругъ, и такъ неожиданно, такъ жестоко! Онъ не зналъ, куда дѣвать очи свои: тамъ лежала голова В. съ обвинительною кровью, тамъ видѣлось укорительное чело Хана съ печатью мучительной кончины, тамъ встрѣчалъ онъ грозныя очи Ханши... лишь плачущія очи Селтанеты казались ему привѣтными звѣздочками сквозь дождевую тучу. Къ ней-то

рѣшился приблизиться онъ, робко произнесъ: « Селтанеша! для тебя совершилъ я то, за что тебя теряю... судьба хочетъ этого: да будетъ! Одно скажи мнѣ: неужели и ты разлюбила меня? Уже-ли и ты ненавидишь? »

Знакомый, милый голосъ проникъ ея сердце. Селтанеша подняла свои рѣсницы, блистающія слезами, свои глаза, полные тоскою; но увидѣвъ страшное, кровью забрызганное лицо Аммалата, закрыла опять ихъ рукою. Она указала перстомъ на трупъ отца, на голову В., и швердо сказала: « Прощай, Аммалатъ! Я жалѣю тебя, но не могу быть твоею! » Сказавъ слова сіи, она пала безъ чувствъ на тѣло отца.

Вся природная гордость, вмѣстѣ съ кровью, прилила къ сердцу Аммалата. Духъ его вспыхнулъ негодованіемъ.

« Такъ-то принимаютъ меня здѣсь! » молвилъ онъ, бросая презрительный взглядъ на обѣихъ женщинъ! « Такъ-то исполняютъ здѣсь обѣты! Я радъ, что глаза мои прояснѣли. Я былъ слишкомъ простъ, когда цѣнилъ переходчивую любовь вѣтреной дѣвушки, слишкомъ терпѣливъ, слушая бредни старой женщины. Вижу, что съ Султаномъ Ахметъ-Ханомъ умерла здѣсь честь и гостепріимство! »

Онъ вышелъ гордо. Онъ дерзко заглядывалъ въ глаза Узденей, сжавъ рукоять кинжала, какъ

Digitized by Google

будто вызывая ихъ на бой. Всѣ однакожь уступили ему дорогу, но, кажется, болѣе избѣгая его, чѣмъ уважая; никто не привѣтствовалъ его ни словомъ, ни знакомъ. Онъ вышелъ во дворъ, кликнулъ нукеровъ своихъ, безмолвенъ сѣлъ въ сѣдло, и тихими шагами поѣхалъ по пустымъ улицамъ Хунзаха.

Съ дороги, въ послѣдній разъ оглянулся онъ на Ханскій домъ, чернѣющій въ высотѣ и мракѣ, между шѣмъ какъ рѣшетчатыя двери блистали огнями. Сердце его облилось кровью, оскорбленное самолюбіе вонзило въ него желѣзные когти свои, а напрасное злодѣяніе и любовь, отнынѣ презрѣнная, безнадежная, пролили отраву на раны. Съ тоскою, съ гнѣвомъ, съ сожалѣніемъ бросилъ онъ прощальный взоръ на гаремъ, въ которомъ узналъ и потерялъ всѣ радости земныя. «И ты, и ты, Селтанета!» болѣе не могъ произнести онъ. Свинцовая гора лежала на груди; совѣсть его уже чувствовала страшную руку, на ней тяготѣющую; минувшее его ужасало, будущее приводило въ трепетъ... Куда приклонитъ онъ свою оцѣненную голову? Какая земля упокоитъ кости измѣнника? Не о любви, не о дружбѣ, не о счастіи отнынѣ будетъ его забота, но о скудной жизни, о скитальческомъ хлѣбѣ... Аммалатъ хотѣлъ плакать: глаза его горѣли... и какъ богачъ,

Digitized by Google

кипящій въ огнѣ, сердце его молило объ одной каплѣ, объ одной слезинкѣ: залить нестерпимую жажду... Онъ силился плакать, и не могъ. Провидѣніе отказало въ этой отрадѣ злодѣямъ.

И куда скрылся убійца В.? Гдѣ влачилъ онъ жалкое свое бытіе? Никто навѣрно не зналъ этого. По Дагестану ходили слухи, что онъ скитался между Чеченцами и Койсубулинцами, утративъ красоту и здоровье, и даже самую отвагу; но кто-жь могъ сказать про то утвердительно? Мало по малу запала и молва объ Аммалатѣ, хотя злодѣйская измѣна его до сихъ поръ свѣжа на памяти Рускихъ и Мусульманъ, обитателей Дагестана; до сихъ поръ имя его никѣмъ не произносится безъ укора.

ГЛАВА XIV.

Анапа, эта оружейница горскихъ разбойниковъ, этотъ базаръ, на которомъ продавались слезы и потъ и кровь Христіанскихъ невольниковъ, этотъ пламенникъ мятежей для Кавказа, Анапа, говорю, въ 1828 году обложена была Русскими войсками съ моря и отъ угорья. Канонерскія лодки, бомбарды и всѣ суда, которыя могли подходить близко къ берегу, гро-

Digitized by Google

мили приморскія укрѣпленія. Сухопутныя войска переправились черезъ рѣку, которая впадаетъ въ Черное море подъ сѣверною стѣною Анапы и расплывается кругомъ всего города топкими болотами. Потомъ повели они бревенчатыя траншеи, вырубая для того окрестный лѣсъ. Съ каждою ночью возникали новыя бойницы ближе и ближе къ стѣнамъ города. Внутри домы пылали отъ бомбъ, наружныя стѣны рушились ядрами, но Турецкій гарнизонъ, усиленный горцами, дрался отчаянно, дѣлалъ смѣлыя вылазки, и на всѣ предложенія о сдачѣ отвѣчалъ пушечными выстрѣлами. Между тѣмъ осаждающіе безпрестанно обезпокоиваемы были Кабардинскими наѣздниками, и пѣшими стрѣлками Абазеховъ, Шапсуговъ, Натухайцевъ и другихъ свирѣпыхъ горцевъ Черноморья, сбѣжавшихся, подобно шакаламъ, искать добычи и крови. Противъ нихъ должно было строить обратные реданты, а эта двойная работа, производимая подъ пушечными выстрѣлами съ крѣпости и ружейными изъ лѣса, въ почвѣ неровной и болотистой, очень замедляла покореніе города.

Наконецъ, на канунѣ взятія Анапы, на единственномъ суходолѣ съ юго-восточной стороны, Рускіе открыли брешь-батарею. Дѣйствіе ея было ужасно. По пятой очереди, зубцы и

Digitized by Google

брустверъ были опрокинуты, орудія обнажены и сбиты. Ядра, ударяясь въ каменную одежду, вспыхивали молніею и потомъ, въ черной тучѣ пыли, взлетали куски расторгнутыхъ камней. Стѣна сыпалась, распадалась, но крѣпость, но толщина оной долго противостояли разрушительной силѣ чугуна, и крутымъ обваломъ осыпанная стѣна не представляла еще возможности къ штурму.

Для разгорѣвшихся орудій и долгою стрѣльбою утомленныхъ артиллеристовъ, необходимъ былъ отдыхъ. Мало по малу пальба стихла на всѣхъ батареяхъ суши и моря. Густыя облака дыма катились съ берега и разстилались по волнамъ, то скрывая, то открывая опять флотилію. Изрѣдка срывался клубъ дымный съ орудій крѣпости, и вслѣдъ за раскатами пушечнаго грома, отзывающагося въ далекихъ горахъ, нѣсколько пуль свистали кой-откуда... И вотъ все умолкло кругомъ, все притаилось внутри Анапы и траншей; ни одной чалмы между зубцами, ни одного граненаго штыка въ завалахъ. Только Турецкія знамена по башнямъ и Русскіе флаги на судахъ, гордо играли въ воздухѣ, не омраченномъ ни одною струйкою дыма; только звучный голосъ муэззиновъ раздавался далеко, призывая Мусульманъ къ полудневной молитвѣ.

Digitized by Google

Въ это время, съ пролома, пробитъ самой брешъ-батареи, спустился, или, лучше сказать, скатился всадникъ на бѣломъ конѣ, поддерживаемый веревками, перескочилъ черезъ полузасыпанный ровъ, и какъ стрѣла ударилъ влѣво между батарей, перепорхнулъ черезъ завалы, черезъ дремлющихъ за ними солдатъ, которые не ждали и не гадали ничего подобнаго, и преслѣдуемый торопливыми ихъ выстрѣлами, скрылся въ лѣсу. Никто изъ всадниковъ не успѣлъ его разсмотрѣть, не только за нимъ гнаться; всѣ только ахали отъ удивленія и досады, и скоро забыли про удальца, въ тревогѣ поднятой пальбою съ крѣпости, заведенною нарочно, чтобы дать время безстрашному вѣстнику убраться въ горы.

Къ вечеру, брешъ-батарея, гремѣвшая неумолчно, почти совершила свое дѣло разрушенія: опрокинутая стѣна легла мостомъ для осаждающихъ, и они съ нетерпѣніемъ ожиданія готовились къ приступу, какъ вдругъ неожиданное нападеніе Черкесовъ, смявшихъ наши ведеты и цѣпь, заставило обратить огонь резервовъ противъ неистовыхъ, дерзкихъ горцевъ. Громовое: «Алла, гиль Алла!» понеслось на встрѣчу имъ со стѣнъ Анапы. Пушечная и ружейная пальба закипѣла съ нихъ вдвое сильнѣе, но Русская картечь остановила,

Digitized by Google

смѣшала, развѣяла толпы всадниковъ и пѣшихъ Черкесовъ, готовыхъ ударить на орудія въ шашки, и они съ грозными перекликами: «Гяуръ, гяурларъ!» обратились назадъ, покидая за собой усталыхъ. Въ одинъ мигъ все поле было усѣяно ихъ трупами, ихъ ранеными, которые пытались уползти, карабкались и падали снова, пораженные пулями и картечью, между тѣмъ какъ ядра косѣкали лѣсъ, а гранаты, лопаясь въ немъ, довершали истребленіе.

Но съ самаго начала дѣла, до тѣхъ поръ покуда ни одного непріятеля не осталось вблизи, Рускіе съ изумленіемъ видѣли передъ собою статнаго Черкеса, на бѣломъ конѣ, который тихимъ шагомъ проѣзжался взадъ и впередъ мимо нашихъ редантовъ. Всѣ узнали въ немъ того самаго всадника, что перескочилъ черезъ траншеи въ полдень, вѣроятно для подговора Черкесовъ напасть на Рускихъ сзади, въ то время какъ они хотѣли выпустить изъ ворошъ, неудавшуюся теперь вылазку. Брызжа и урча прыгали около него картечи. Конь его рвался на поводахъ, но самъ онъ хладнокровно поглядывая на батареи, ѣхалъ вдоль ихъ, будто съ нихъ осыпали его цвѣтами. Артиллеристы грызли зубы съ досады, видя ненаказанную дерзость этого наѣздника; выстрѣлъ за выстрѣломъ рвали воздухъ и землю, но онъ оставался невредимъ, какъ очарованный. «Посылай ядро!» сказалъ

Digitized by Google

фейерверкеру молодой Артиллерійскій офицеръ, только что выпущенный изъ Корпуса, раздосадованный всѣхъ болѣе неудачею. «Я готовъ зарядить пушку своею головою: такъ хочется мнѣ убить этого хвастуна. Картечью не стоитъ стрѣлять по одному: картечь—*авось*; ядро сыщетъ виноватаго!» Такъ говоря, онъ подвинчивалъ клинъ и наводилъ сквозь діоптръ орудіе, и вѣрно разсчитавъ въ какое мгновеніе всадникъ наѣдетъ на черту прицѣла, всталъ съ хобота и скомандовалъ роковое: «Пли!»

На нѣсколько мгновеній дымъ одѣлъ батарею мракомъ... его разнесло... испуганный конь мчалъ окровавленное тѣло всадника, запутавшагося ногами въ стременахъ.

«Попалъ, убилъ!» закричали со всѣхъ траншей, и молодой Артиллеристъ, набожно снявъ фуражку, перекрестился и съ веселымъ лицомъ спрыгнулъ съ батареи, чтобы поймать заслуженную добычу. Ему скоро удалось схватить за поводья коня поверженнаго въ прахъ Черкеса, потому что онъ кружился влача его съ боку. Несчастному оторвало руку близъ плеча, но онъ еще дышалъ, еще стоналъ и бился. Жалость взяла добраго юношу: онъ кликнулъ солдатъ и заботливо велѣлъ перенести раненаго въ траншею, послалъ за лекаремъ, и при своихъ глазахъ дождался конца операціи.

Ночью, когда уже все утихло, Артиллеристъ

Digitized by Google

сидѣлъ надъ полумертвымъ своимъ плѣнникомъ, съ участіемъ разсматривая его при пускломъ свѣтѣ фонаря. Змѣиный слѣдъ тоски, проторенный на щекахъ слезами, глубокія морщины лба, нарѣзанныя не лѣтами но страстями, и кровавыя царапины, обезображивали его прекрасное лицо, и на немъ выражалось что-то мучительнѣе боли, что-то страшнѣе кончины.... Артиллеристъ не могъ удержать невольнаго содроганія. Плѣнникъ вздохнулъ тяжело, и съ усиліемъ поднявъ руку до лба, открылъ ею свои отяжелѣвшія вѣки, произнося про себя неясные звуки, несвязныя слова... «Кровь!» сказалъ онъ, разглядывая свою руку... «все кровь!.. Зачѣмъ на меня надѣли *его* кровавую рубашку?... Я и безъ того плаваю въ крови... Зачѣмъ-же не тону въ ней?.. Какъ холодна сегодня она!.. Бывало, она жгла меня... да и это не легче! На свѣтѣ было такъ душно... въ могилѣ такъ холодно!... страшно быть мертвецомъ!.. Глупецъ я! искалъ смерти... О, дайте мнѣ воротиться на свѣтъ!... дайте пожить, еще хоть денёкъ, хоть часокъ пожить!...

«Что такое? что? зачѣмъ я спряталъ въ могилу другаго? *шепчешь* ты... Узнай самъ, каково въ ней! узнай каково умирать!..» Судорожное движеніе прервало бредъ его; невыразимо страшный стонъ вырвался изъ груди страдальца, и онъ впалъ въ томительное забытье, въ которомъ одна душа живетъ еще, чтобы страдать.

Digitized by Google

Артиллеристъ, пронзенный до глубины сердца, приподнялъ голову несчастнаго, спрыснулъ ему лицо холодною водою и теръ спиртомъ виски, чтобы привести его въ чувство. Медленно открылъ онъ очи, нѣсколько разъ поворотясь головою, будто желая отряхнуть съ рѣсницъ туманъ, и пристально устремилъ зрачки на лицо Артиллериста, блѣдно озареннаго мерцаніемъ свѣчи. И вдругъ, съ пронзительнымъ крикомъ, будто магическою силою приподнялся онъ съ ложа... волосы его стали дыбомъ, все тѣло дрожало лихорадочной дрожью, руки искали что-то оттолкнуть отъ себя... неописанный ужасъ изобразился на его лицѣ... «Твое имя?» вскричалъ онъ наконецъ, обращаясь къ Артиллеристу. «Кто ты, пришелецъ изъ гроба?»

— Я В.....ій! — отвѣчалъ молодой Артиллеристъ.

Это былъ выстрѣлъ прямо въ сердце плѣнника: лигатура на главной артеріи лопнула отъ прилива, и кровь хлынула сквозь перевязки!.. Еще нѣсколько трепетаній, нѣсколько хрипѣній— и ледяная рука смерти задушила въ груди раненаго послѣдній вздохъ, сохранила на челѣ печать послѣдней тоски, собирающей медленно цѣлыя лѣта раскаянія въ одинъ быстрый мигъ, въ который душа, отрываясь отъ тѣла, чувствуетъ равно муки жизни и ничтожества, чувствуетъ вдругъ всѣ угрызенія минувшаго и всѣ

Digitized by Google

страхи будущаго. Страшно было видѣть обезображенное лицо этого мертвеца.

«Онъ вѣрно былъ большой грѣшникъ!» тихо сказалъ В. стоявшему подлѣ него генеральскому переводчику, содрогаясь невольно.

— Большой злодѣй! — примолвилъ переводчикъ. — Мнѣ кажется, онъ былъ Русскій бѣглецъ. Мнѣ не случалось слышать, чтобы какой нибудь горецъ говорилъ такъ чисто по-Русски, какъ этотъ плѣнникъ. Дайте-ка мнѣ посмотрѣть его оружіе: не найдемъ-ли на немъ какихъ примѣтъ? — Говоря такъ, онъ съ любопытствомъ обнажилъ кинжалъ, снятый съ убитаго, и приблизивъ его къ фонарю, разобралъ и перевелъ слѣдующую надпись:

«Будь медленъ на обиду—къ отмщенью скоръ!»

«Самое разбойничье правило!» сказалъ В. «Бѣдный братъ мой Евстафій! ты палъ жертвою подобнаго изувѣрства!» Глаза добраго юноши наполнились слезами... «Нѣтъ-ли чего еще?» спросилъ онъ.

— Вотъ, кажется, имя убитаго — отвѣчалъ переводчикъ:

Оно: Аммалатъ-Бекъ!

1831.
Дагестанъ.

Александръ Марлинскій.

Digitized by Google

Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt, etc. —

De la Politique et du Commerce des peuples de l'antiquité, etc.

О политикѣ, сношеніяхъ и торговлѣ главнѣйшихъ Древнихъ народовъ. Сочиненіе А. Г. Л. Геерена. *Четвертое изданіе*, Геттингенъ, 1824 — 1826 гг. 5 томовъ, in-8. — Французскій переводъ В. Суккау, Парижъ, 1830 г., томы I-й и II-й, in-8, съ картами и рисунками.

Неоднократно приходилось намъ говорить въ Телеграфѣ о твореніяхъ такихъ людей, *имена* коихъ извѣстны въ Россіи едва-ли не каждому школьнику, а самыя *творенія* ихъ, не смотря на то, вовсе неизвѣстны нашей публикѣ, а иногда даже и нашимъ ученымъ. Къ числу подобныхъ *знакомыхъ-незнакомцевъ* надобно отнести сочиненія Геерена. Отъ кого не услышите вы имени сего Германскаго писателя? За всѣмъ тѣмъ, только по отрывкамъ въ Журналахъ читатели Русскіе знакомы съ твореніями Геерена. Но собственно до сихъ поръ ничего не было говорено въ Россіи о самомъ Геереиѣ и сущности его твореній. Нынѣ, когда явилось начало Французскаго перевода важнѣйшаго изъ Геереновыхъ сочиненій, мы почитаемъ обязанностью нашею представить читателямъ краткое понятіе

Digitized by Google

вообще о Геереиѣ, трудахъ его, и особенно о сочиненіи, съ которымъ Суккау знакомитъ Французскую (слѣдовательно, и *нашу*) публику.

Геереиъ не принадлежитъ къ тѣмъ геніяльнымъ писателямъ, сочиненія коихъ заключаютъ въ себѣ разсадникъ идей великихъ и свѣтлыхъ: онъ не Нибуръ, не Робертсонъ, не Монтескьё, не Тьерри. Но, тѣмъ не менѣе, Геереиъ Историкъ весьма замѣчательный. Его творенія драгоцѣнны потому, что представляя плоды обширнѣйшей учености, они передаютъ намъ идеи *положительныя*, свѣдѣнія вѣрныя, очищенныя критикою. Для чтенія писателей, выше сего нами упомянутыхъ, должно приготовляться предварительнымъ, обширнымъ ученіемъ; безъ того, легко впасть въ ошибку, и иногда увлечься блескомъ идей ихъ; Геерена, напротивъ, должно прежде всего изучать, чтобы пріучить себя къ твердымъ свѣдѣніямъ и понятіямъ, критикѣ ученой, соображеніямъ важнымъ.

Арнольдъ, Германъ, Людовикъ Геереиъ родился въ 1760 году, и былъ старшій изъ четырехъ сыновей пастора деревеньки Арбергенъ, близъ Бремена. Славный Астрономъ Ольберсъ, открывшій планеты Палладу и Весту, былъ земякъ его, и почти ровесникъ. Отецъ назначалъ Геерена на свое мѣсто, и Геереиъ долженъ былъ учиться Богословію, сначала въ Бременѣ, потомъ въ Геттингенѣ, куда поступилъ въ 1779 году. Но курсъ знаменитаго Гейне отвлекъ его отъ предназначеннаго ученія, къ которому и безъ того Геереиъ не имѣлъ особенной наклонно-

Digitized by Google

сшя. Профессоръ Шпиттлеръ, славившійся тогда своимъ курсомъ Исторіи, указалъ наконецъ Геерену истинное его назначеніе. Съ жаромъ, ревностно, и съ необыкновенными успѣхами, Геерен занялся Словесностью, и особенно Историческими знаніями. Въ 1784 году, онъ получилъ степень Докшора, защитивъ диссертацію: De Chori Graecorum tragici naturâ et indole; въ 1785 г. издалъ онъ Ритора Менандра (Menander Rhetor, de Encomiis, etc.), и съ того времени до 1787 года, путешествовалъ по Германіи, Италіи, Франціи и Голландіи. Въ семъ году, получивъ званіе Профессора Философіи въ Гешшингенѣ, Геерен началъ лекціи Историческія. Въ 1796 г. онъ женился на дочери Гейне, а съ 1799 года получилъ каѳедру Профессора Исторіи. Съ шѣхъ поръ донынѣ, болѣе 30 лѣшъ, Геерен сосшавляешъ одно изъ украшеній знаменишаго Гешшингенскаго Университешша, и, не смотря на преклонныя лѣша, шрудишся для предмешa, которому посвятилъ около пящидесяши лѣшъ ученія и изслѣдованій.

Сочиненія Геерена сосшавляюшъ нѣсколько шомовъ. Не говоря о множесшвѣ, болѣе или менѣе обширныхъ, ученыхъ диссершацій, скажемъ особенно о Геереновой *Ручной книгѣ для изученія Древней Исторіи*, и его-же *Ручной книгѣ для изученія политической системы Европы и ея Колоній, со врсмени открытія Америки.* Та и другая предсшавляюшъ превосходный примѣръ Исторической системашики, и изданы были Авшоромъ для руководсшва слушающихъ его лекцій. Ихъ можно назвашь

Digitized by Google

зерномъ, изъ коего развивается на лекціяхъ знаменитаго Профессора обширное знаніе Историческихъ истинъ и фактовъ. «Вся Европа руководствуется сими книгами для преподаванія Исторіи» — говоритъ одинъ Французскій писатель. И въ самомъ дѣлѣ, обѣ Геереновы *Ручныя книги* переведены почти на всѣ Европейскіе языки (кромѣ Русскаго). Не менѣе важно сочиненіе Геерена о Крестовыхъ походахъ, писанное на задачу Французскаго Институшуша въ 1808 году.

Но главный трудъ составляетъ, и первую степень въ сочиненіяхъ Геерена занимаетъ огромное твореніе его *о Политикѣ и Торговлѣ Древнихъ народовъ*. Первый томъ онаго изданъ былъ, въ первый разъ, въ 1793 году. Послѣ того *четыре изданія* слѣдовали въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ. При каждомъ изданіи Авторъ переработывалъ и дополнялъ свое твореніе. Онъ говоритъ, что первая мысль его *Идей* возбуждена была въ немъ еще въ самой юности, пребываніемъ въ торговомъ и богатомъ Бременѣ. Тамъ еще, невольно и неясно, поражала Геерена мысль: на чемъ основано, и отъ чего происходитъ общественное богатство? Если съ одной стороны необходима теорія предмета, съ другой столь-же необходима для теоріи повѣрка практическая. Здѣсь открывается для насъ потребность сообразить связь народнаго богатства съ политическимъ образованіемъ каждой націи, и образъ взаимнаго дѣйствія ихъ. Предметъ обширнѣйшій, многообразный, неисчерпаемый, если такимъ образомъ предположимъ обозрѣть всю Исто-

Digitized by Google

рію, съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ! Сей-то предметъ рѣшился обработать Геренъ.

Онъ предположилъ начать такое обозрѣніе съ *древнѣйшихъ временъ*. Не льзя было удовольствоваться для сего *обыкновеннымъ изложеніемъ всеобщей Исторіи*, и слѣдовало удалить простой разсказъ событій, разсматривая въ обширномъ очеркѣ Исторію каждаго изъ народовъ, какъ существъ, начавшихъ, продолжавшихъ и окончившихъ бытіе свое. Доведенное до новѣйшихъ временъ, такое обозрѣніе, изъ Историческаго, сдѣлалось-бы прямо Статистическимъ, для современныхъ намъ народовъ. Да и для Древнихъ и Среднихъ временъ, Исторія должна была превращаться въ обширныя *Статистическія* и *Археографическія* изслѣдованія, при коихъ *Исторія-собственно*, какъ разсказъ событій, долженствовала быть только философическимъ основаніемъ. Съ другой стороны, Статистика и Археографія должны были освободиться отъ множества своихъ частныхъ принадлежностей: Естествознаніе, техническія подробности Торговли и Промышленности народовъ надобно было оставить, дабы не отвлечься мѣлочами отъ главной идеи.

Но какіе-же народы должны были войдти въ соображеніе Автора?

Разсматривая Исторію, не *хронологически*, а *философически*, мы должны имѣть въ виду Исторію *общественности*, въ высшемъ ея значеніи. Сіе высшее значеніе принадлежитъ Европѣ, ибо въ жизни Европы находимъ мы полнѣйшее проявленіе духа

Digitized by Google

человѣческаго въ *религіозномъ* (или духовномъ), *политическомъ* (или общественномъ) и *поэтическомъ* (или чисто-изящномъ) отношеніяхъ, составляющихъ полное бытіе Человѣка, слѣдственно, и Народа. Посему Китай, Японія, Перу, Мексика, Русь, до открытія ихъ Европейцами, не могутъ быть предметомъ нашихъ изслѣдованій. Прежняя Исторія ихъ будетъ только дополненіемъ, такъ, какъ и въ сущности она только дополнила систему высшей Европейской общественности.

Вслѣдствіе сего, Геереиъ начинаетъ изслѣдованія свои Азіею—началомъ высшаго образованія духа человѣческаго, и по порядку проходитъ *Персію, Вавилонъ, Финикію, Скивію, Индію.* Переходя потомъ въ Африку, онъ слѣдуетъ за Исторіею Карѳагена, Эѳіопіи и Египта. Здѣсь переходъ въ Европу — *Греція.* Шестой томъ, составляющій первую часть сего отдѣленія, изображаетъ Грецію до Александра. Авторъ посвятитъ сему отдѣленію еще одинъ томъ, гдѣ изобразитъ особенно Аѳины, Спарту, Греческія колоніи. За тѣмъ предполагаетъ онъ очеркъ, въ такомъ-же отношеніи, Македонской эпохи и Рима. Симъ заключится трудъ его, касательно *Древнихъ народовъ.* Дай Богъ, чтобы почтенному Геерену удалось совершить и сей, столь обширный трудъ! Далѣе онъ и самъ уже ничего не предполагаетъ. Но почему не думать, что если Геереиъ вполнѣ проведетъ свои идеи черезъ міръ Древней Исторіи, то сыщется столь-же ревностный, ученый дѣятель, который, съ его цѣлью, изобразитъ намъ *Средніе вѣка*, а со временемъ такое-же обозрѣніе *Исторіи Новой* дополнитъ рѣшительно то, чему Гее-

Digitized by Google

ренъ положилъ начало, посвятивъ всю жизнь свою?

Надеждамъ и предположеніямъ человѣческимъ нѣтъ предѣла. Намъ кажется, что могла-бы составишь цѣль столь-же обширнаго труда другая половина предмета, то есть: *теорія* того, чему *практику* представляетъ намъ сочиненіе Геерена. Настанетъ время, когда практика жизни должна будетъ помириться съ теоріею, когда та и другая не будутъ страстны, разнообразны, колеблемы, но сдѣлаются истинны, божественны, постоянны. Исторія теорій, въ отношеніи политики и богатства народовъ — какое великое и обширное поле наблюденій и изслѣдованій, какое важное дополненіе къ Исторіи Человѣчества! Здѣсь, отъ мысли Аристотеля, который едва-ли не первый сказалъ, что не деньги составляютъ народное богатство (*), до теоріи Смита, и до-

(*) Вотъ переводъ словъ Аристотеля, сдѣланный Геереномъ: Viele setzen den Reichthum in die Menge des geprägten Geldes, weil man damit wuchert und handelt. Das Geld gleichwohl ist an und für sich Tand; und hat seine Brauchbarkeit nur durch das Gesetz; wie es denn, wenn es ausser Umlauf gesetzt wird, keinen Werth mehr hat, noch zu der Anschaffung der Bedürfnisse brauchbar ist; so dass, wer reich an Gelde ist, doch des nothwendigen Unterhalts dabey ermangeln kann. Es ist doch aber abgeschmackt zu sagen, dass das Reichthum sey, bey dessen Ueberfluss man Hungers sterben kann; wie die Fabel von jenem Midas erzählt, dem Alles, was er anrührte, zu Golde ward (*Аристотель*, Polit. I, 9).

Digitized by Google

полненія къ ней Шлорха, проявившаго намъ идею, *невещественнаго капитала*, найдемъ ту-же единую, неизмѣнную, безпрерывно болѣе развиваемую идею совершенствованія, какая развивается въ Исторіи Человѣчества, отъ Вавилона до Англіи.

Обращаясь къ творенію Геерена, скажемъ, что хотя устранилъ онъ частности Исторіи, Археографіи и Исторической Географіи, устремляясь къ единой, главной идеѣ своей, но за всѣмъ тѣмъ сочиненіе его представляетъ богатое собраніе разныхъ фактовъ и по симъ предметамъ. Съ глубокимъ изученіемъ древнихъ Авторовъ, Геерень соединилъ изумляющее богатство чтенія новѣйшихъ путешественниковъ и новыхъ ученыхъ сочиненій. При каждомъ изданіи Геереновой книги, все вновь вышедшее, все открытое послѣ изданія предшествовавшаго, поступало въ поясненіе, дополненіе, и даже измѣненіе прежней его работы. Киннеиръ, Керъ-Портеръ, Поттингеръ, Эльфинстонъ, Раффлесъ, Бельзони, Каллье, Минутоли, Лейонъ, Денгамъ, дополняли то, что извлекалъ прежде Геерень изъ путешествій Зеецена, Нибура, Буркхардта, Горнеманна, Мунго-Парка. Такъ съ изслѣдованіями Германцевъ — Роде, Бремера, Гезеніуса, онъ соединялъ труды иноземныхъ ученыхъ — Форстеровъ, Шампольіоновъ, Джонесовъ, С. Де-Саси, и проч.— При каждомъ томѣ книги его находится даже отдѣльныя, важныя приложенія Тихзена, Гротефенда, и другихъ ученыхъ, писанныя нарочно ими, по просьбѣ Геерена.

Сочиненіе Геерена начинается статьею: *Общія замѣчанія*. Каждая часть свѣта: Азія, Африка,

Digitized by Google

Европа, предшествуются общими взглядами на оныя. За шѣмъ слѣдуютъ, вышеозначенныя нами, девять странъ отдѣльно. Каждая излагается въ географическо-статистическомъ, въ политическомъ, и въ промышленно-торговомъ отношеніи. Авторъ не упускаетъ притомъ историческаго ихъ отношенія. Такимъ образомъ читателю ошкрывается глубокомысленная, великая панорама, возсозидающая, шакъ сказашь, бышія народныя въ полныхъ картинахъ.

Но, какъ говоритъ самъ Авторъ (стр. VII) — alles hängt hier aber von den Gezetzen ab, nach welchen, und von dem Geist in welchem, diese Schilderungen entworfen werden. Изложимъ здѣсь, прежде всего, Геереновы Allgemeine Vorerinnerungen, чѣмъ начинаетъ онъ, какъ мы уже сказали, свое сочиненіе.

Если новѣйшая Исторія обращаетъ на себя вниманіе наше близостію къ намъ событій, то древняя обольщаетъ насъ, не только поэтическимъ мракомъ преданій, но и разнообразіемъ политическихъ формъ и образованій народныхъ. Этого нѣтъ, и не можетъ бышь, въ огромныхъ, но одноцвѣтныхъ событіяхъ новой Исторіи.

Торговля была въ древности болѣе значительнымъ средствомъ сближенія народовъ, нежели нынѣ; она составляла болѣе нынѣшняго важную стихію ихъ образованія.

Вопросъ о началѣ политическихъ обществъ, или государствъ, и первыхъ формахъ ихъ образованія, всегда останется проблеммашическимъ и нерѣшеннымъ вполнѣ. Но то можемъ мы полагашь рѣшен-

Digitized by Google

нымъ въ семъ вопросѣ, что начало различныхъ обществъ совсѣмъ не было обременено метафизическими идеями, которыя переносимъ мы ошибочно въ изъясненія свои о первоначальномъ фактѣ общественнаго бытія. Общества начинались отъ обстоятельствъ и потребностей. Исторія не застаетъ народовъ въ сихъ первобытныхъ случаяхъ общественной жизни, ибо она начинается съ познаніемъ условій, произведенныхъ общественною жизнью, уже впослѣдствіи. Но мы можемъ видѣть сей періодъ, *до-историческій*, въ живыхъ обществахъ разныхъ странъ, донынѣ остающихся на степени первоначальнаго образованія. Геереиъ указываетъ на Афганистанъ, какъ на примѣръ перехода отъ пастырской жизни къ быту земледѣльческому (ссылаясь на превосходное описаніе Кабула, изданное Эльфинстономъ — Account of the Kingdom of Cabul, Лондонъ, 1815 года).

Безъ сомнѣнія, начало обществъ, первобытно, заключалось въ семейныхъ отношеніяхъ. Нѣтъ народа, гдѣ не существовали-бы законы о супружествѣ и власти родительской. *Роды* не разсѣявались тогда, и жили вмѣстѣ, подъ властію патріарха, или старшаго въ родѣ. Таковы общества въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ, Полинезіи. Простота закона о собственности, однообразіе занятій звѣролова, или пастуха и земледѣльца, поддерживали власть Старшинъ, или Шеиковъ, Кациковъ, Тоёновъ, Пановъ, и Царей патріархальныхъ, въ кочевой жизни народовъ.

Первый шагъ далѣе составляетъ *осѣдлая жизнь*, какъ начало *собственности опредѣленной*, городовъ

Digitized by Google

и общинъ (Gemeinheiten). И этотъ переходъ почти нигдѣ недоступенъ Исторіи. Египетъ, Сирія, Италія представляютъ намъ города въ самыя отдаленныя времена, до которыхъ доходятъ наши изслѣдованія о началѣ обществъ. Они должны были основываться посшепенно, образовываться понемногу; климатъ, земля, внѣшнія причины производили въ нихъ различныя отношенія. Но здѣсь должно было исчезать *семейнымъ*, *родовымъ* отношеніямъ, и уничтожаться власти старшаго въ родѣ. Право *собственности* заступило право *родства*. Вѣроятно, здѣсь начало древнихъ *республикъ*, невозможныхъ при жизни кочевой. Всякая древняя республика состояла изъ *города*, коему повиновались окрестные города. Тутъ видна и необходима потребность управленія *общимъ собраніемъ голосовъ* всѣхъ обитателей города. Они избираютъ себѣ непремѣнныхъ, или временныхъ правителей, составляющихъ *Сенаты* и *Совѣты*. При неравенствѣ состояній и способностей, образовываются Аристократы и Патриціи, то есть, люди сильные, превышающіе другихъ умомъ и богатствомъ. Перевѣсъ ихъ, или упадокъ, производятъ Аристократическое или Демократическое направленіе общества. Общины городовъ, соединяющихся, или покоряющихся одному сильнѣйшему, видимъ въ Римѣ, Тирѣ, Карѳагенѣ, Ѳивахъ.

Но кромѣ республикъ, мы находимъ въ Древности еще особый родъ обществъ — *Монархіи*. Малыя, каковы: Эпиръ, Македонія, образовались отъ патріархальной жизни, смѣшанной съ городскою. Ве-

Digitized by Google

ликимъ Монархіямъ была полагаема основа завоеваніями (Eroberung). Отъ того происходило быстрое распространеніе и скорое паденіе древнихъ Монархій. Народъ-побѣдитель, выходя изъ дикихъ, менѣе осчастливленныхъ природою странъ, впадалъ въ страны болѣе образованныя, болѣе облаготворенныя природою, держался въ нихъ деспотизмомъ, производилъ своихъ Аристократовъ, и распадался потомъ на новыя государства.

Подъ сіи двѣ основныя формы, происшедшія изъ одной первоначальной, подходятъ всѣ древнія общества.

Религія упрочивала ихъ, и чѣмъ далѣе идемъ мы въ древность, тѣмъ существеннѣе находимъ связь Политики съ Религіею. До сихъ поръ, мы не отыскали еще народа, у котораго не было-бы Религіи, то есть: поклоненія какимъ нибудь Божествамъ, съ извѣстными обрядами и молитвами. Обыкновенно такая религія дѣлалась *національною*. Говорили: *мой* Богъ, *нашъ* Богъ, какъ говорили: *мой* отецъ, *нашъ* домъ. Идея невидимаго, особеннаго Покровителя, долженствовала быть проявляема образами и символами, и такимъ образомъ дѣлаться *видимою связью* общественности (ein sichtbares Band). Отъ того происходило, что у всѣхъ народовъ древности, при распространеніи системы городовъ, было однакожь одно общее, главное мѣсто молитвы: храмъ Геркулеса Тирскаго для Финикіянъ, храмъ Юпитера Латіалискаго для Латиновъ, и храмъ Юпитера Олимпійскаго для Грековъ.

Digitized by Google

Въ Монархіяхъ, дѣйствіе Религіи, составляя защиту власти *Законодательствомъ*, становилось еще сильнѣе, ибо для народа служило оно огражденіемъ и союзомъ взаимнымъ, а для правителя освященнымъ условіемъ его владычества. Потому, въ древности, политическое законодательство было одинаково и религіознымъ законодательствомъ. Сей союзъ былъ неразрушимъ вообще на всемъ Востокѣ, въ Египтѣ, Римѣ, Греціи. Жрецы и священники дѣлались посредниками между властью и подвластными, и духовными мнѣами запечатлѣвали начало и происхожденіе политическихъ постановленій.

Таковы общія идеи Геерена о политикѣ Древнихъ народовъ. «Я пишу не теорію политики совершенной, или такой, которая выводится изъ философическаго воззрѣнія на Человѣчество (говоритъ онъ), но *практическую Исторію бывшаго*, желая пояснить начала человѣческихъ обществъ. Симъ опровергается ошибочная мысль объ общественныхъ договорахъ (gesellschaftlichen Vertrage), заключаемыхъ будто-бы въ младенчествѣ народовъ. Общество не есть опредѣленное, въ извѣстное время сдѣланное изобрѣтеніе (Erfindung); оно есть установленіе (Institut), нечувствительно образовавшееся, и происшедшее отъ потребностей и страстей человѣческихъ. Послѣ извлекли изъ него теорію. Потому-то политическія формы древности разлагались и измѣнялись столь разнообразно, и потому-то не могутъ онѣ быть подводимы подъ классификацію, представляемую новѣйшими теоріями (Ideen т. I, стр. 18, 19).

Digitized by Google

Для поясненія сихъ словъ Геерена, надобно припомнить то, что мы сказали о мѣстѣ и степени важности сего писателя между другими историками. Опредѣливъ оныя, мы довольствуемся практическими выводами и словами Геерена, не требуя отъ него ничего болѣе, ничего такого, чего ищемъ у Нибуровъ и Монтескьё.

Надобно также знать различіе, какое самъ Гееренъ полагаетъ между разными родами Исторіи. *Исторія всеобщая*, какъ повѣствованіе вообще о родѣ человѣческомъ, должна обнимать все Историческое и Миѳологическое, отдѣляя отъ себя *Исторію Человѣчества*, или *Философію Исторіи*. Но *Исторія политическая* начинается только съ историческими преданіями объ обществахъ. Вслѣдствіе сего все, неподтвержденное фактомъ, она отвергаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не допускаетъ въ свою область.

Мы согласны въ этомъ отношеніи съ Геереномъ; и по сему не споримъ, что der Staat erscheint nicht als eine, in einem bestimmten Zeitpunkt gemachte Erfindung, и что bei dem Anfangs an keine Theorie gedacht wurde, wenn man auch später dahin kam, darüber nachzudenken. Все это правда; но есть важное обстоятельство, до котораго Гееренъ не можетъ возвыситься своею Политическою Исторіею, если заключитъ ее въ *отдѣльныхъ анализахъ*, и не возведетъ въ *Исторію Человѣчества*.

При семъ высшемъ взглядѣ исчезнетъ мелочное противорѣчіе, и всѣ народы преобразятся въ чле-

Digitized by Google

новъ, рѣшающихъ одну и ту-же задачу земнаго бытія; сольется Исторія древняя съ новою, явясь непрерывною цѣпью измѣненій, такъ, что Древняя Исторія будетъ неокончательна безъ Новой, а новая непоняшна безъ древней. Здѣсь узнаемъ мы, что общество, и политическія и религіозныя идеи въ началѣ его, только *кажутся* намъ, als ein allmählig sich bildendes Institut, das aus den Bedürfnissen und den Leidenschaften der Menschen hervorging. Всѣ страсти и потребности слѣдуютъ единому закону, и истекая изъ одного начала—души человѣческой и взаимныхъ отношеній природы и человѣка (по непремѣннымъ законамъ Божіимъ) — неизмѣнны, тождественны и правильны, во всѣхъ вѣкахъ. Не случайность соединила общества, но они соединились и развились по законамъ ума, вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Трудно подвести всѣ подробности историческія подъ теорію умственную; но тутъ бываетъ причиною, или недостаточность и односторонность теоріи, или недостатокъ положительныхъ свѣдѣній. Сіе послѣднее повѣряется аналогическимъ воззрѣніемъ на природу и человѣка, въ ихъ разныхъ подробностяхъ, и философическими посылками отъ видимаго и положительнаго къ невидимому и возможному. Зная, что 2=2, мы знаемъ, что и 4=4. Посему-то Нибуры и Гердеры, какъ Историки, стоятъ выше Геереновъ и Пелицевъ.

Мы почли необходимымъ наше замѣчаніе, ибо пользуясь превосходными изслѣдованіями Геерена, не должно забывать, что Исторія у него *не возведена еще на высшую степень знанія*, не смотря

Digitized by Google

на то, что Геереnъ заслуживаетъ глубокое уваженіе наше по своимъ обширнымъ идеямъ и изслѣдованіямъ. — Обращаемся къ изложенію дальнѣйшихъ предметовъ его важнаго и любопытнаго сочиненія.

(До слѣд. книжки).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Начальныя основанія Всеобщей Химіи*, составленныя по системѣ Г. Тенара І. Варвинскимъ. Часть І. СПб. въ тип. А. Смирдина.

Изъ содержанія сей Первой части можно видѣть, что Г. Варвинскій излагаетъ науку, которой онъ не объемлетъ вполнѣ. Въ 1832 году не должно-бы составлять Химіи по устарѣлой системѣ, сдѣлавшейся несообразною съ нынѣшними понятіями. — Не намѣреваясь докучать нашимъ читателямъ длиннымъ разборомъ, я ограничусь нѣкоторыми замѣчаніями, которыя поставятъ всякаго на настоящую точку зрѣнія.

Для сего достаточно прочесть Предисловіе, состоящее изъ двухъ съ половиною страницъ. Недо-

Digitized by Google

сшатокъ учебныхъ книгъ по части Химіи возродилъ въ Г-нѣ Варвинскомъ «предпріимчивость сосста-«вить краткія основанія Химіи, для начинающихъ «или желающихъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о сей «превосходной наукѣ.» Здѣсь должно замѣтишь, что Г. Варвинскій не понялъ своей цѣли; ибо для краткаго начертанія, въ особенности необходимо излагать важнѣйшія положенія, съ возможною ясностію; приводить вездѣ новѣйшіе и лучшіе способы, а не старые, признанные нынѣ невыгодными. Также, Исторія науки, часто показывающая заблужденіе естествоиспытателей во время младенчества науки, только затрудняетъ *начинающаго* въ изученіи настоящаго. Но что всего болѣе затрудняетъ, это не ясное изложеніе, происходящее отъ неясныхъ понятій. Приведемъ одинъ примѣръ, изъ важной главы о *горѣніи и пламени*. Стр. 125. «Напрошивъ того, ежели въ пламени не обра-«зуется твердаго вещества, то пламя бываетъ «не густо и какъ-бы прозрачно, что замѣчается «напр. при горѣніи сѣры въ кислородномъ газѣ: «ибо сѣра при семъ превращается въ газообразное «вещество, сѣрнистокислый газъ. А потому если «нужно *усилить* густоту пламени, то должно «привести его въ прикосновеніе съ аміакомъ, «цинковымъ окисломъ, *металлическою сѣткою*, или «какимъ либо твердымъ тѣломъ.

3) «Пламя при обыкновенной температурѣ не «можетъ проходить чрезъ весьма тонкую метал-«лическую сѣтку: ибо она охлаждаетъ газъ столь «сильно, что онъ *лишается свойства свѣтить*, и

Digitized by Google

« пр. » Какъ понять сказанное здѣсь о дѣйствіи металлической сѣтки? Кто хочетъ это знать, тотъ пусть прочтетъ сіе мѣсто въ сочиненіи Г-на Тенара: онъ вполнѣ будетъ удовлетворенъ.

Въ концѣ первой части Предисловія Г. Варвинскій говоритъ, что при составленіи сихъ положеній онъ « заимствовалъ дополненія какъ изъ новѣй-« шихъ Журналовъ, такъ и изъ сочиненій Гг. Фур-« круа, Деви, Томсона, Берцеліуса, Дюма, *и многихъ другихъ.* » Вслѣдъ за симъ онъ продолжаетъ: « Химія относится къ числу тѣхъ наукъ, изложе-« ніе коихъ необходимо требуетъ обширныхъ посо-« бій, рѣдко возможныхъ для частнаго человѣка; « сію непріязненную истину *испыталъ я при со-« ставленіи сихъ Основаній.* » Г-нъ Варвинскій только что исчислилъ источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ, и которые совершенно достаточны, а послѣ того онъ-же жалуется на недостатокъ пособій! Но какихъ-же пособій? Это совершенно было-бы не понятно, если-бъ Г-нъ Варвинскій не прибавилъ: « Смѣю надѣяться, что сіи причины, кромѣ « ограниченнаго предначертанія, могутъ служить « извиненіемъ за непомѣщеніе нѣкоторыхъ любо-« пытныхъ свѣдѣній. » Сознаніе собственной слабости не предосудительно; но всегда бываетъ предосудительно сваливать собственную вину на другихъ! И на кого? Тотъ, кто знаетъ, что Г-нъ Варвинскій пользовался всѣми пособіями Правительства, что онъ былъ посланъ за границу, былъ въ Англіи, занимался въ Парижѣ у Г. Серюлласа, и проч.; что онъ нынѣ занимаетъ каѳедру

Digitized by Google

Химіи въ Горномъ Корпусѣ, тотъ кто знаетъ обширную лабораторію сего заведенія и денежные ея способы, тотъ найдетъ жалобу Г-на Варвинскаго неумѣстною, и даже не приличною; будетъ искать недостатка въ самомъ сочинителѣ, и не согласится, чтобы Г-нъ Варвинскій былъ въ правѣ выдавать себя за *частнаго человѣка* въ томъ отношеніи, въ которомъ онъ выдаетъ себя за таковаго.

Г-нъ Варвинскій основываетъ свое извиненіе еще на томъ, что « открытія и усовершенствованія « столь быстро одно другимъ смѣняются, что бо- « лѣе потребно времени для преслѣдованія ихъ и « помѣщенія въ настоящемъ мѣстѣ системы, нежели « сколько онаго нужно для описываемаго пред- « мета. » Можно-ли слышать безъ негодованія такое изрѣченіе изъ устъ Профессора Химіи? Къ чему можетъ служить книга, писанная особою, которая находитъ слишкомъ затруднительнымъ слѣдовать за успѣхами науки?

Не желая излишне увеличить книгу, Г-нъ Варвинскій не описывалъ ни приборовъ, ни пріемовъ, нужныхъ для произведенія опытовъ, что весьма важный недостатокъ.

Изъ приведеннаго содержанія Предисловія уже видно, какова можетъ быть вся книга. О системѣ ни слова: Г-нъ Варвинскій слѣдовалъ Тенару; но посмотримъ какъ! Стр. 199-я. Поименованы металлы перваго отдѣленія: иттрій, глициній, алюминій и магнезій. Должно думать, что они всѣ описаны въ семъ отдѣленіи; но ни чуть не бывало!

Digitized by Google

Описанъ только алуминій. Станемъ искать въ Оглавленіи. Послѣ металловъ всѣхъ прочихъ отдѣленій, находимъ мы, подъ заглавіемъ: *Прибавленіе къ металламъ*: глициній, иттрій, торій. Почему-же первые два разжалованы, изъ перваго отдѣленія въ Прибавленіе, и поставлены вмѣстѣ съ торіемъ, который также не на своемъ мѣстѣ? Неужели напечатать ихъ описаніе между металлами перваго отдѣленія, труднѣе нежели въ Прибавленіи? Притомъ-же они открыты такъ давно, что въ семъ случаѣ не можетъ придти на мысль извиниться временемъ. Магнезій, кромѣ того что сказано о немъ мимоходомъ на стр. 199, не описанъ, хотя Г-нъ Варвинскій пользовался *новѣйшими Журналами*. — Я также не могъ отыскать описанія ванадія, хотя на стр. 4 сей металлъ поименованъ. Помѣщеніе этихъ описаній, вѣроятно, было слишкомъ затруднительно для Профессора Химіи.

Такіе пропуски показываютъ слишкомъ большую небрежность. Къ сожалѣнію, нѣкоторые пропуски, какъ и многое другое, должно приписывать совершенному несоображенію предметовъ. Напр., стр. 98—100 представляетъ таблицу, показывающую вѣсъ атомовъ простыхъ тѣлъ. Таблица сія помѣщена, въ первый разъ, Г-мъ Поггендорфомъ въ Annalen der Physik und Chemie, 1828 № 12. Она расположена такъ, что начинается съ самаго электро-отрицательнаго тѣла, а оканчивается самымъ электро-положительнымъ. Въ сей таблицѣ не находилось тогда торія. Г-нъ Варвинскій прибавилъ его; но гдѣ? На самомъ концѣ, послѣ потассія! Въ семъ случаѣ сто-

Digitized by Google

ило-бы того-же самаго труда поставить торій какими нибудь десятью строками выше, между глициніемъ и иттріемъ, или между иттріемъ и цирконою.

Но сего мало. Въ этомъ сочиненіи есть пропуски, происходящіе не отъ небрежности, не отъ недостатка въ соображеніяхъ, но отъ другихъ причинъ, невольно возбуждающихъ живѣйшее негодованіе. Пусть читатель раскроетъ статью о *платинѣ*.

Г-нъ Варвинскій говоритъ на стр. 257: «Сіи «изслѣдованія возбудили вниманіе Французскихъ «Химиковъ, изъ числа которыхъ особенно благо-«успѣшно занимались изслѣдованіемъ свойствъ сего «металла Гг. Лавоазье, Лапласъ, Неккеръ-Соссюръ, «Вокеленъ, Фуркруа, Декотиль и Бреанъ; изъ Ан-«гличанъ: Волластонъ и Теннантъ; также Берце-«ліусъ въ Швеціи и Графъ Мусинъ-Пушкинъ въ на-«шемъ отечествѣ.» Но гдѣ-же обработывается платина въ большемъ количествѣ и благоуспѣшнѣе, нежели въ Россіи? И почему Г. Варвинскій не упомянулъ здѣсь о нашемъ Русскомъ металлургѣ? Объяснимъ сіе подробнѣе. Г-нъ Варвинскій пишетъ, подъ заглавіемъ: *Способъ отдѣленія платины*: «Спо-«собъ отдѣленія платины отъ другихъ веществъ, «ее въ рудѣ сопровождающихъ, составляетъ одну «изъ труднѣйшихъ задачь аналитической Химіи. Во-«келенъ первый предложилъ для сего способъ; по-«слѣ него Волльстонъ обнародовалъ другой процессъ; «но производства, предложенныя сими учеными, «не были совершенно удовлетворительны. Россій-

Digitized by Google

« ское Правительство, желая узнать истинныя « составныя части Уральской платины, отправило « извѣстное ея количество къ знаменитому Берце- « ліусу, и сей химикъ, удовлетворивъ желаніямъ « государственнымъ, показалъ слѣдующій аналити- « ческій способъ для точнаго опредѣленія состава « платиновой руды. » За симъ слѣдуетъ въ подроб- ности аналитическій способъ разложенія платино- выхъ рудъ.

Прочитавъ въ заглавіи: *Способъ отдѣленія платины*, и зная, что у насъ въ Россіи отдѣляется изъ рудъ большое количество сего металла, кто не подумаетъ, что онъ извлекается по способу Берце- ліуса?

Всей Европѣ извѣстно, что вся Уральская пла- тина обработывается въ лабораторіи Горнаго Корпуса. Кто послѣ сего повѣритъ, что Г. Варв- инскій не знаетъ этой обработки, не знаетъ спо- соба извлеченія платины, *открытаго въ Россіи Петромъ Григорьевичемъ Соболевскимъ*, и приведен- наго имъ въ исполненіе съ такимъ успѣхомъ? Мо- жетъ-ли статься, чтобы Г. Варвинскій не умѣлъ различить *способа разложенія*, который долженъ быть помѣщенъ въ аналитической Химіи, отъ способа *извлеченія*, *или отдѣленія*, о которомъ здѣсь ни слова! Такое явное недоброжелательство къ трудамъ соотечественника и сослуживца, та- кое непризнаніе трудовъ и достоинствъ ближняго, еще ни кому не дѣлало чести и не приносило пло- довъ. И въ семъ случаѣ, оно служило только къ при-

Digitized by Google

умноженію недостатковъ сочиненія Г-на Варвинскаго.

Одно достоинство, которое сія книга могла имѣть, чистота слога — утрачено, какъ потому, что сочинитель во многихъ случаяхъ пренебрегъ номенклатурою, такъ и потому, что онъ слишкомъ запутанъ въ своихъ понятіяхъ. Я ручаюсь, что изъ сей книги никто не пріобрѣтетъ правильнаго понятія о Химіи, и совѣтую Г-ну Варвинскому, какъ и всякому, кто не въ состояніи написать чего либо самостоятельнаго, употреблять труды свои на переводы. Гораздо полезнѣе было-бы перевести одну изъ извѣстныхъ учебныхъ книгъ, какова *Краткая Химія Шубарта* (она имѣла уже четыре изданія), нежели, издавая худое подражаніе, хотѣть слыть авторомъ.

Г. Гессъ.

— *Стихотворенія Александра Пушкина.* Третья часть. СПб. Въ т. Деп. Народн. Просв. 1832. 268 стр. in-8.

Сказавъ, что мелкія стихотворенія Пушкина въ настоящее время не возбуждаютъ восторга, какъ бывало то прежде, мы, кажется, повторимъ извѣстное всякому наблюдателю Словесности Русской. Еще болѣе: стихотворенія сіи нынѣ встрѣчаетъ холодность, и слава Богу, когда дѣло оканчивается однимъ равнодушіемъ! Такъ нѣтъ! въ публикѣ нашей замѣтна еще какая-то непріязнь къ нимъ, какое-то желаніе унижать произведенія Поэта, прежде столь любимаго, недавняго идола всей

Digitized by Google

Русской молодежи, и лучшаго гостя Русскихъ Журналовъ. Событіе неоспоримо: надобно изслѣдовать причины онаго, и это-то хотимъ мы исполнить, по случаю изданія Третьей Части Стихотвореній Пушкина.

Что-бы могло породить такую холодность и непріязнь къ прежнему любимцу и полубогу? Какое сближеніе звѣздъ, какія колдованія, какіе сглазы отвели отъ Пушкина сердце этой вѣтреницы публики? Благодаря всегдашнимъ неудачамъ Астрологіи и Магіи, мы не ищемъ нынѣ въ ихъ областяхъ разгадки явленій непостижимыхъ, такъ-же какъ не станемъ наводить зеркала Критики на шусклый мѣсяцъ общественнаго мнѣнія, когда видимъ, что его задернуло какое-то мимолетное облачко. Не въ перемѣнившемся общественномъ мнѣніи надобно искать причинъ холодности къ Пушкину, а въ самомъ Поэтѣ. Излишество холодности, доходящее до непріязни, понятно для всякаго, кому извѣстно, что самымъ неумолимымъ врагомъ бываетъ прежній другъ, самымъ ужаснымъ существомъ прежняя властительница души и сердца, и самымъ злымъ насмѣшникомъ человѣкъ, прежде не знавшій границъ своему удивленію. Зачѣмъ вы обманули ихъ довѣрчивость? Зачѣмъ разрушили связь, казалось, завязанную самимъ Провидѣніемъ? Зачѣмъ наконецъ, обличили ихъ мнимую близорукость, несмѣтливость, непредусмотрительность? Тутъ негодуютъ и за издержанныя чувствованія, и за разрушенное очарованіе, и за оскорбленное самолюбіе.

Digitized by Google

Но, если перемѣнилось мнѣніе публики, то сама она осталась прежнею, или, скажемъ вмѣстѣ съ вѣрующими вѣчному закону улучшенія, она стала совершеннѣе опытностью, свѣдѣніями, и новыми сподвижниками на чистомъ полѣ просвѣщенія, болѣе способными судить о томъ, что принадлежитъ имъ собственно, ибо принадлежитъ ихъ времени. Если надобно дорожить мнѣніемъ публики о дѣлахъ общественныхъ, то еще болѣе мнѣніемъ молодаго поколѣнія публики. А дорожить мнѣніемъ общественнымъ должно потому, что оно всегда бываетъ сообразно требованіямъ времени, ибо и время и требованія проявляются только обществомъ. Иначе, проповѣдуйте дубамъ и березамъ, и окружнымъ жителямъ ихъ, добрымъ медвѣдямъ и скромнымъ воронамъ, которые все еще живутъ въ Адамовомъ времени.

Публика выражаетъ своею холодностью къ Пушкину только то, что онъ уже не сообразенъ съ ея требованіями. Она никогда не говоритъ *какъ* и *почему*; она предлагаетъ вамъ событіе: разсматривайте и догадывайтесь сами. Посмотримъ и постараемся угадать, что на умѣ у нея.

И гармоническіе напѣвы, и легкость, прелесть стихосложенія, и обычная сила въ борьбѣ съ упрямымъ нашимъ языкомъ, не измѣнились въ бывшемъ любимцѣ нашей публики. Это доказалъ онъ недавними большими стихотвореніями своими: 8-ю главою *Онѣгина*, *Моцартомъ и Сальери*, *Пиромъ во время чумы*. Но мы говоримъ о его произведеніяхъ лирическихъ. Находя и въ нихъ всѣ исчисленныя

Digitized by Google

нами качества наружныя, мы видимъ однакожь большую перемѣну внутреннюю въ самомъ Поэтѣ. Въ ней заключается и причина размолвки его съ публикою. Объяснить это не трудно, если обратимся къ сущности Лирической Поэзіи.

Не входя въ метафизическія изслѣдованія, можно сказать утвердительно, что Лирическая Поэзія есть удѣлъ немногихъ, сильныхъ и мгновенно воспламеняемыхъ душъ. Поэтъ эпическій и драматическій можетъ и долженъ носить долго въ себѣ идею, прежде нежели онъ выразитъ ее; онъ долженъ быть постояненъ въ самомъ трудѣ, и притомъ одушевляться, сосредоточиваться всею силою воображенія своего въ своей идеѣ. Напротивъ, поэтъ лирическій живетъ вдохновеніемъ мимолетнымъ, мгновеннымъ. Голова его горитъ и сердце бьется часы, а не годы. Но, при этомъ внезапномъ одушевленіи, онъ долженъ имѣть богатый запасъ постоянной силы, долженъ неизмѣнно имѣть всегда одинакое одушевленіе. Міръ внѣшній и внутренній въ его власти, но власть сія повинуется законамъ непремѣннымъ. Дико и непонятно было-бы видѣть Пиндара, воспѣвающаго ручейки и цвѣточки, Тибулла, разящаго эпиграммою порокъ, Горація, проповѣдующаго умѣренность, Ювенала, льстящаго знатности и богатству. У каждаго изъ сихъ поэтовъ было свое вдохновеніе, свой образъ воззрѣнія, свой восторгъ. Это-то постоянство въ ихъ одушевленіи и любимъ мы, ибо только при немъ и остаются они истинными поэтами. Принужденная, напудренная, нарумяненная Муза луч-

Digitized by Google

шихъ Французскихъ поэтовъ XVII и XVIII столѣтій, наказана невниманіемъ и почти презрѣніемъ потомства, именно за то, что она никогда не была вѣрною представительницею отзывовъ души.

Теперь спросимъ у самихъ себя: того-ли Пушкина видимъ мы въ Третьей Части его Стихотвореній, того-ли поэта, котораго полюбила публика наша, и которымъ восхищалась она, читая первыя Двѣ Части стиховъ его? Повторяемъ, что въ наружной отдѣлкѣ онъ тотъ-же: сладкозвученъ, плѣнителенъ, игривъ; но это не творецъ *Посланія къ Ч-ву*, *Андрея Шенье*, *Наполеона*, *Къ Морю*, и проч. и проч. Направленіе его, взглядъ, самое одушевленіе—совершенно измѣнились. Это не прежній, задумчивый и грозный, сильный и пламенный выразитель думъ и мечтаній своихъ ровесниковъ: это нарядный, блестящій и умный свѣтскій человѣкъ, обладающій необыкновеннымъ даромъ стихотворенія. Взглядъ на нѣкоторыя новыя пьесы его убѣдитъ насъ въ томъ.

Долго-ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать,
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То-ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разъѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
На досугѣ помышлять!

Digitized by Google

То-ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То-ли дѣло, братцы, дома!..
Ну, пошелъ-же, погоняй!...

Какая холодная, безсердечная иронія! Читая это, думаешь, что передъ глазами стихи А. Е. Измайлова. Таково-же стихотвореніе: *Калмычка*. Примѣръ въ другомъ родѣ:

Новоселье.

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ, а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты счастливъ: ты свой домикъ малый,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.

Право, я не вижу тутъ ничего кромѣ словъ. Не сказавъ, *чѣмъ* застраховалъ невѣдомый мудрецъ домикъ свой, Поэтъ лишилъ значенія всю пьесу. Посланіе въ 3-й Части одно: *Къ вельможѣ*. Это сочиненіе, вѣроятно, изъ тѣхъ, которыя всего болѣе повредили прежней славѣ Поэта. Помѣщено и нѣсколько подражаній Древнимъ, этихъ несчастныхъ аномалій, столь ярко противорѣчившихъ самородному дарованію покойнаго Дельвига. Кто не улыбнется, напримѣръ, прочитавъ слѣдующее произведеніе Пушкина:

Digitized by Google

На переводъ Иліады.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи;
Старца великаго *тѣнь чую* смущенной душой.

И забавно, и досадно читать подобныя ничтожности! Найдемъ-ли мы хоть одно стихотвореніе Пушкина въ первыхъ двухъ Частяхъ, подобное этимъ, выписаннымъ нами? Рѣшительно нѣтъ. А нынѣ ихъ встрѣчается такъ много...

Впрочемъ, къ утѣшенію своему замѣчаемъ, что не всѣ новѣйшія стихотворенія его таковы. Священный огонь поэзіи еще горитъ въ душѣ Поэта. Мелкія стихотворенія, писанныя имъ за Кавказомъ, и еще нѣкоторыя другія, напоминаютъ прежняго Пушкина. Особенно прекрасны: *Делибашъ*, *Зима*, *Поэту*, *Отвѣтъ анониму*, *Бѣсы*, *Мадона*. Совѣтуемъ обратить вниманіе на *Сказку о Царѣ Салтанѣ*, гдѣ Поэтъ подражалъ Русской сказкѣ. Объ этомъ стихотвореніи мы скажемъ только то, что оно ниже своего образца, и столько-же походитъ на Русскую сказку, сколько прежній Пушкинъ на нынѣшняго. Намъ кажется, что самый родъ стиховъ, употребленный Поэтомъ, избранъ неудачно. Такими стихами уже была написана сказка Н. А. Львова: *Добрыня*. Но размѣръ сей нейдетъ къ Русской сказкѣ: онъ, подобно размѣрамъ, избраннымъ Радищевымъ въ его *Бовѣ*, и Карамзинымъ въ *Ильѣ Муромцѣ*, не ладитъ съ духомъ Русскихъ сказокъ. Для нихъ надобно было-бы обра-

Digitized by Google

титься къ стихотвореніямъ Кирши Данилова, и у него поискать приличнаго размѣра.

Вотъ мысли, внушенныя намъ Третьею Частію Стихотвореній Пушкина. Мы показали, отъ чего происходитъ холодность публики къ новымъ его мѣлкимъ сочиненіямъ; прибавимъ, что даже отличныя изъ сихъ послѣднихъ не находятъ отзыва въ душахъ, и часто вовсе не нравятся. Этому причиной произвольный разрывъ Поэта съ публикой; а послѣ разрыва, прежніе друзья рѣдко замѣчаютъ хорошее одинъ въ другомъ, и еще рѣже отдаютъ оному справедливость.

— *Полярная Звѣзда.* Карманная книжка для любителей и любительницъ чтенія. На 1832-й годъ. М. въ Унив. т. 1832. 157 стр. in-16.

Названіе сей книжки обращаетъ на себя вниманіе: оно заставило и насъ прочитать ее, а прочитавши сказать о ней нѣсколько словъ.

Единственный даръ, котораго требуетъ у насъ составленіе Альманаха, есть вкусъ. Въ Германіи, и другихъ литературныхъ странахъ, издатель можетъ обойдтись и безъ него, обратившись съ хорошею платою къ извѣстнымъ писателямъ и искуснымъ граверамъ. Но у насъ, во-первыхъ, тѣхъ и другихъ слишкомъ мало, такъ что и обращаться

Digitized by Google

не къ кому; во-вторыхъ, изданіе Альманаха доставляетъ такую ничтожную прибыль, что изъ нея можно заплатить только типографскія издержки. Такимъ образомъ, издатель Альманаха, по неволѣ, долженъ обращаться къ доброхотнымъ дателямъ. Но въ ихъ-то даяніяхъ и надобно умѣть отличать поддѣльную монету отъ истинной, ибо бѣдняки наши сами не знаютъ, что на ихъ произведеніяхъ нѣтъ клейма, которое можетъ дать ходъ онымъ въ области вкуса. Издатели самозванки *Полярной Звѣзды* 1832 *года*, совершенно лишены не только вкуса, но и разборчивости. На ряду съ статьями очень хорошими, особенно для Альманаха, каковы, напр. *Губернскій городъ*, отрывокъ изъ романа В. А. Ушакова, стихи Гг. Ѳ. Глинки (неизбѣжная принадлежность Альманаха!), Сумарокова, Алексѣева, Вельтмана, они помѣстили такія нелѣпости, какія только можетъ породить голова человѣческая, недостойная этого названія. Къ числу отличныхъ въ семъ послѣднемъ родѣ принадлежитъ *Журналъ молодаго повѣсы* (М. Воскресен.): тутъ нѣтъ ни складу, ни ладу, ни смысла, ни даже правописанія, которое, при отсутствіи смысла, было-бы достоинствомъ. Мы хотѣли было выписать что нибудь для примѣра, но жалѣемъ бумаги и времени, да не умѣемъ и выбрать отличнаго изъ нелѣпости, которая вся равно неподражаема. Почти таково-же достоинство и большей части статей сего Альманаха. Стихи... но, Господи Боже! что это за стихи!... За исключеніемъ весьма немногихъ, они достойны славныхъ именъ Гг. Сигова, Аксакова, Пуговошникова, и имъ подобныхъ.

Digitized by Google

— *Практическіе уроки Русской Грамматики*, изданные Николаемъ Гречемъ. СПб. 1832. Въ ш. Издашеля. 346 стр. in-8.

— *Ключъ къ Практическимъ урокамъ Русской Грамматики.* Изданъ Николаемъ Гречемъ. СПб. 1832. Въ ш. Издашеля. 168 стр. in-8.

Достоинство Граммашикъ, изданныхъ Г-мъ Гречемъ, признано всѣми. Мы не почишаемъ ихъ совершенствомъ, однако повшоримъ, уже сказанное нами не однажды, что *Практическая Русская Грамматика* и *Начальныя Правила Русской Грамматики*, Г-на Греча, сушь лучшія книги по своей часши. Нынѣ, сей почшенный изслѣдовашель нашего языка приноситъ новый даръ на алшарь Русскаго просвѣщенія. Можно сказашь, что ни одинъ изъ нашихъ писашелей не имѣетъ шакихъ обширныхъ, *практическихъ* познаній въ языкѣ Русскомъ, какъ Г-нъ Гречъ. Сіи-то познанія, пріобрѣшенныя многолѣшнимъ трудомъ и необыкновенною наблюдашельностью, передаешъ нынѣ Г-нъ Гречъ юнымъ сооше-чесшвенникамъ нашимъ. Совѣшуемъ имъ внимашельно чишашь и изучашь сію книгу: это досшавишъ много пользы.

О сисшемѣ сей книги говоришь нечего. Она составлена сообразно *Начальнымъ Правиламъ Русской Грамматики*, слѣдсшвенно и сисшема оныхъ перешла со всѣми своими подробносшями въ сію книгу.

— *Чтенія для умственнаго развитія малолѣтныхъ дѣтей* и обогащенія ихъ познаніями. Сосшавлены

Digitized by Google

Егоромъ Гугелемъ. СПб. 1832. Въ т. Академіи Наукъ. VI и 160 стр. in 8.

— *Разговоры о Природѣ.* Переводъ съ Англійскаго 10-го изданія. М. 1832. Въ т. Лазаревыхъ Института. 131 стр. in-12.

Мы почитаемъ обязанностію нашею обращать вниманіе родителей и наставниковъ на книги, издаваемыя для дѣтей, и притомъ означать, которыя изъ оныхъ могутъ быть полезны, и которыя не стоятъ того, чтобы давать ихъ дѣтямъ.

Чтенія для умственнаго развитія малолѣтныхъ дѣтей, вполнѣ соотвѣтствуютъ сему заглавію. Можно быть увѣреннымъ, что книга сія доставитъ дѣтямъ и пользу и удовольствіе, ибо въ ней соединены нравственныя правила, истолкованія разныхъ предметовъ, сказочки, приспособленныя къ дѣтскимъ понятіямъ, и разныя замѣчанія, долженствующія изощрять въ ребенкѣ наблюдательность. Память и живость понятія обыкновенно бываютъ въ дѣтяхъ на высокой степени; для сего-то и надобно давать имъ книги, которыя, удовлетворяя симъ двумъ способностямъ, оставляли-бы въ умахъ дѣтей впечатлѣнія полезныя и впослѣдствіи не разногласили съ тѣмъ, что узнаютъ они въ размѣрѣ болѣе обширномъ и въ свѣтѣ болѣе ясномъ. Книга Г-на Гугеля соотвѣтствуетъ сему назначенію.

Къ сожалѣнію, не можемъ сказать того-же о другой, означенной нами книгѣ: *Разговоры о Природѣ.* Правда, что и въ ней заключается много полезныхъ

Digitized by Google

свѣдѣній, но 1-е, она исполнена многословіемъ излишнимъ; 2-е, она, кажется, принадлежитъ къ сочиненіямъ старымъ (подлинника сей книги мы не знаемъ), и многіе предметы въ ней изъяснены не такъ, какъ изъясняютъ ихъ новѣйшіе ученые; 3-е, она не вездѣ приспособлена къ дѣтскимъ понятіямъ. Напримѣръ, можетъ-ли дитя понимать Линнееву и Вернерову системы, которыя излагаютъ ему весьма кратко, и безъ всякаго предуготовленія? 4-е, она писана по-Русски не совсѣмъ исправнымъ языкомъ. Напримѣръ: «Вопр. Какую пользу приносятъ брови? Отв. Онѣ премудро сотворены для того, чтобы не допускать *до глазъ пыли и поту*, что причиняло-бы *имъ* боль, и было-бы весьма вредно для зрѣнія; онѣ и *чистятъ* и защищаютъ глаза.» — «Вы мнѣ обѣщали объяснить *систему Естественной Исторіи Линнея*, и проч.

НОВѢЙШІЯ СВѢДѢНІЯ

О ТОРГОВЛѢ СЪ КИТАЕМЪ.

(Окончаніе).

Въ Китаѣ раздѣляютъ заграничную торговлю на два, совершенно различные рода. Къ первому принадлежитъ торговля самихъ Китайцевъ съ сосѣдственными государствами; ко второму торговля Европейцевъ съ Китайцами. Предметы той и другой почти одинаковы; но весьма различны уставы, касающіеся сихъ двухъ родовъ торговли, и постановленія, ограничивающія оные.

Китайцы отправляютъ каждый годъ великое число своихъ *джонковъ* (судовъ) съ товарами, въ Синкапоръ, Кохинхину, Яву, Японію, и вообще во всѣ сосѣдственныя государства. Не смотря на весьма дурную постройку джонковъ, и происходящія отъ того большія поврежденія въ оныхъ, сія прибрежная торговля производится весьма дѣятельно. Пошлины, взимаемыя Правительствомъ съ сего рода торговли, равняются только двумъ третямъ пошлинъ, платимыхъ Европейцами; сверхъ того, Китайцы пользуются преимуществомъ выходить изъ различныхъ гаваней своей страны, а Европейцы

Digitized by Google

ограничены одною Кантонскою. Величайшимъ пособіемъ для сей торговли служитъ большое число Китайцевъ, поселившихся въ разныхъ частяхъ сосѣдственныхъ государствъ. Одинъ путешественникъ, жившій въ Калькуттѣ, Пинангѣ, Синкапорѣ, а послѣ ѣздившій, въ качествѣ Чрезвычайнаго Посланника, въ Королевство Аву, и посѣтившій многіе острова Индійскаго архипелага, Г-нъ Дж. Крафордъ (Crawfurd), представилъ Парламентскому Комитету, можно сказать, Исторію выходцевъ изъ Китая. Его донесеніе, какъ мы думаемъ, содержитъ въ себѣ столь замѣчательныя извѣстія, что оно должно быть представлено читателямъ нашимъ вполнѣ. Такъ и переводимъ его.

«Китайцы выходятъ обыкновенно изъ тѣхъ областей, гдѣ производится иностранная торговля, а именно изъ Кантона, Фокіена, Шекіена и Кіаннана. Изъ двухъ послѣднихъ переселенія бываютъ рѣдко, и кажется только въ Тонкинъ и на Филиппинскіе острова. Выходцы отправляются во всѣ сосѣдственныя Китаю государства, гдѣ могутъ они найдти занятіе и покровительство; но въ нѣкоторыхъ странахъ ихъ не принимаютъ, или притѣсняютъ, по причинамъ политическимъ; въ другихъ имъ не охотно селиться по отдаленности разстоянія, или по недостатку мѣста. Они, такъ же какъ и Европейцы, совершенно не впускаются въ Японію, по политическимъ видамъ; въ Кохинхину мало принимаютъ ихъ потому-же; Голландцы и Испанцы, во время властвованія Филиппинскими островами и Явою, всегда смотрѣли на нихъ съ величайшею недовѣрчи-

Digitized by Google

востью. Отдаленность, и, особенно, народонаселеніе многочисленное и промышленное, удерживаютъ ихъ отъ переселенія въ Ость-Индскія владѣнія Англичанъ, гдѣ находятся, въ маломъ числѣ, Китайскіе сапожники и другіе ремесленники только въ большихъ городахъ: Калькуттѣ, Мадрасѣ и Бомбеѣ. Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время небольшое число Китайцевъ отправилось на островъ Маврикія.»

«Каждый выходецъ, оставляя Китай, думаетъ воротиться туда, хотя немногіе могутъ выполнить сіе намѣреніе. Издержка на переселеніе незначительна. Переплыть, въ Китайскомъ джонкѣ, изъ Кантона въ Синкапоръ, стоитъ не болѣе шести доллеровъ Испанскихъ, а изъ Фокіена девять. Столь небольшая сумма обыкновенно выплачивается первымъ наймомъ выходцевъ, но рѣдко впередъ. Выходцы, какъ я думаю, всегда принадлежатъ къ классу поденьщиковъ и работниковъ. Обыкновенно они имѣютъ съ собой въ дорогѣ платье, которое на нихъ, узелъ съ платьемъ поношеннымъ, да матрасъ и подушку, испачканные, на которыхъ спятъ. Какъ только они пріѣхали, ихъ состояніе видимо улучшается. Они находятъ земляковъ, и можетъ быть родственниковъ и друзей. Тотчасъ сыскивается для нихъ работа въ странѣ, похожей на ихъ отечество, но гдѣ трудъ дороже вдвое, а всѣ необходимые предметы почти вполовину дешевле.»

«Физически и умственно, Китайцы превосходятъ всѣ народы и народцы, у коихъ они поселяются. Ростомъ Китаецъ выше Сіамца почти двумя

Digitized by Google

дюймами, и тремя выше жителя Кохинхины и Малайца или Яванца. Онъ силенъ и строенъ. Превосходство его еще замѣтнѣе въ ловкости и смѣтливости. Доказательствомъ сего можетъ послужить сравненіе платы разнымъ жителямъ. Въ Синкапорѣ, напримѣръ, платятъ за работу различнымъ наемщикамъ такимъ образомъ: Китайцу восемь доллеровъ въ мѣсяцъ; урожденцу Коромандельскаго берега, шесть; Малайцу четыре. Слѣдственно трудъ перваго цѣнится одною четвертью выше труда втораго, и вдвое противъ третьяго. Но гдѣ ловкость и смѣтка зависятъ отъ навыка, тамъ разница еще болѣе: Китайскій плотникъ получаетъ двѣнадцать доллеровъ въ мѣсяцъ; Индіецъ только семь; а Малаецъ, кроющій домы соломою, или пильщикъ, потому что изъ этого народа нѣтъ плотниковъ, только пять.»

«Разные Китайскіе выходцы живутъ отдѣльно, не только отъ другихъ народовъ, но и между собою. Есть большая разница въ характерѣ и привычкахъ Китайцевъ различныхъ областей. Урожденцы Фокіена могутъ почесться лучшими въ обращеніи съ людьми. Выходцы изъ Кантонской области раздѣляются на три разряда, то есть, это или жители Кантона и его окрестностей, или жители Макао и острововъ рѣчныхъ, или урожденцы гористыхъ округовъ сей области. Первые, кромѣ страсти къ торговлѣ, отлично занимаются ремеслами, и весьма способны къ предпріятіямъ касательно разработки рудъ. Они болѣе всѣхъ употребляются при серебряныхъ рудникахъ Тонкина,

Digitized by Google

при серебряныхъ острова Борнео и полуострова Малайскаго, такъ-же какъ при оловянныхъ рудникахъ сего послѣдняго и Банки. Китайцы Макайскіе, и другіе жители тамошнихъ острововъ, не уважаются соотечественниками; но третій, и самый многочисленный разрядъ, есть самый послѣдній. Его занятіе рыболовство и кораблеплаваніе. Изъ этихъ людей, прежде набирали Европейцы матросовъ, когда бывало нужно. Это самые непослушные и буйные изъ всѣхъ Китайцевъ. Есть еще одинъ разрядъ Китайцевъ, поселяющихся въ государствѣ Бирмановъ; они во многомъ отличны отъ описанныхъ мною. За исключеніемъ небольшаго числа выходцевъ изъ области Кантонской, которые находятъ средство уходить въ Аву моремъ, они всѣ изъ области Юнаня, и по моему замѣчанію, умомъ и оборотливостью гораздо ниже выходцевъ изъ Кантона и Фокіена. Наконецъ, люди породъ смѣшанныхъ отличаются отъ всѣхъ сихъ категорій совершеннымъ знаніемъ языковъ, обычаевъ и привычекъ тѣхъ странъ, гдѣ живутъ они; но въ промышленности и торговой дѣятельности, они стоятъ не на высокой степени. Изъ нихъ выбираютъ Европейцы маклеровъ, промѣнщиковъ, и проч. Рѣдко занимаются они ремеслами и работами. Китайскіе выходцы, всѣхъ разрядовъ, съ усердіемъ идутъ въ должности земледѣльческія, но рѣдко, если только могутъ избѣжать того, въ простые работники по сей части. Они почти исключительно занимаются произращеніемъ и обработкою Индійской акаціи (cachou), по берегамъ пролива Малаккскаго, перцу въ Сіамѣ, сахару на

Digitized by Google

островѣ Явѣ, въ Сіамѣ и на островахъ Филиппинскихъ.»

«Различествуя въ обычаяхъ, въ привычкахъ, и даже въ языкѣ или нарѣчіи; сохраняя взаимную непріязнь и предразсудки областные, Китайскіе выходцы часто ссорятся, дерутся, и даже проливаютъ кровь при сихъ схваткахъ. Это можетъ иногда нарушать порядокъ въ Европейскихъ заведеніяхъ; но я убѣжденъ, что союза и сопротивленія Китайцевъ опасаться невозможно. Смѣло прибавляю, что изъ всѣхъ Азіятцевъ, поселившихся въ нашихъ Восточныхъ владѣніяхъ, это самые покорные и менѣе всѣхъ заставляющіе судебныя мѣста заниматься ихъ дѣлами, не смотря на то, что они многочисленнѣе и богаче другихъ. Народонаселеніе Китайское, въ государствахъ сосѣдственныхъ Китаю, можно, приблизительно, опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

На островахъ Филиппинскихъ	15,000
— Борнео	120,000
— Явѣ	45,000
Въ Голландскихъ поселеніяхъ, около пролива Малаккскаго	18,000
Въ Синкапорѣ	6,200
— Малаккѣ	2,000
— Пинангѣ	8,500
На полуостровѣ Малайскомъ	40,000
Въ Сіамѣ	440,000
— Кохинхинѣ	15,000
— Тонкинѣ	25,000
Всего . .	734,700

Digitized by Google

«Это народонаселеніе особенное по природѣ своей, ибо въ немъ по большей части молодые мужчины, и весьма малое число женщинъ и дѣтей. Объясненіе сего заключается въ томъ, что Китайскіе законы вообще запрещаютъ переселеніе и наказываютъ смертію ушедшаго изъ государства мужчину. Женщины и дѣти повинуются онымъ, или, чтобы сказать точнѣе, обычаи и народныя мнѣнія препятствуютъ имъ оставлять свою родину. Я никогда не слыхалъ о женщинѣ между выходцами, и видѣлъ Китаянокъ только одинъ разъ въ Гюэ, столицѣ Кохинхины, гдѣ мнѣ за рѣдкость показывали двухъ или трехъ женщинъ, похищенныхъ въ дѣтствѣ. Выходцы охотно соединяются съ женщинами тѣхъ странъ, гдѣ они живутъ, и потомки ихъ, вступая въ бракъ другъ съ другомъ, или съ Китайцами, черезъ нѣсколько поколѣній уже не отличаются отъ сихъ послѣднихъ, даже чертами и цвѣтомъ лица. Всюду, гдѣ Китайцы поселились съ давняго времени, есть многочисленное народонаселеніе Креоловъ сего рода, встрѣчаемое на Явѣ, въ Сіамѣ, въ Кохинхинѣ и на островахъ Филиппинскихъ. Но гдѣ водворились они съ недавнихъ временъ, тамъ несоразмѣрность между мужчинами и женщинами чрезвычайна. Напримѣръ въ Синкапорѣ, при 6200 Китайцахъ, женщинъ только 360, и то большею частію лишь по имени Китаянокъ. Можно судить о великости ежегоднаго переселенія Китайцевъ потому, что ихъ прибыло въ Синкапоръ въ 1825 году 3500, а въ 1826-мъ болѣе 5500. Число выходцевъ, ежегодно переселяющихся въ Сіамъ, простираетсѣ до 7000, какъ мнѣ сказывали,

Digitized by Google

когда я былъ тамъ. Извѣстно было, что одинъ джонкъ привезъ ихъ 1200. Я самъ видѣлъ въ Сіамѣ одно изъ сихъ судовъ съ 900 пассажировъ. Число возвращающихся въ Китай также значительно; но оно слишкомъ мало всравненіи съ пріѣзжающими оттуда. Есть и такіе, которые переселяются два раза. Я зналъ нѣсколькихъ изъ богатыхъ людей, посѣщавшихъ Китай и возвратившихся съ почестями. »

Такимъ образомъ, по словамъ Г-на Крафорда, внѣ Китая есть Китайское народонаселеніе, простирающееся до милліона душъ. Оно сохраняетъ постоянныя сношенія съ своимъ отечествомъ, и замѣчательно еще тѣмъ, что нигдѣ не образуетъ государства отдѣльнаго, а всюду покоряется законамъ той страны, гдѣ живетъ. По этому-то народонаселенію судили о характерѣ Китайцевъ, о ихъ промышленности, и о склонности къ принятію обычаевъ и мануфактурныхъ произведеній Европейскихъ. Даже дѣлали довольно любопытные статистическіе выводы. Напримѣръ, по количеству чая, потребляемаго однимъ Китайскимъ семействомъ въ Синкапорѣ, и принимая въ соображеніе богатство сей колоніи всравненіи съ Китаемъ, Г-нъ Крафордъ заключалъ, что въ Китаѣ потребляется чаю около 846 милльоновъ фунтовъ, а это почти въ двадцать восемь разъ больше нежели потребляется онаго въ Англіи (*). Сей-же путешественникъ полагаетъ Ки-

(*) Въ Синкапорѣ, семейство изъ шести человѣкъ потребляетъ 70 фунтовъ. Г-нъ Крафордъ думаетъ,

Digitized by Google

тайскую торговлю на джонкахъ Кишайскихъ, Сіамскихъ и другихъ, въ 80,000 тоннъ, считая среднюю пропорцію джонка въ 300 тоннъ (*). Сія торговля обратила на себя особенное вниманіе Парламентскаго Комитета, по причинѣ предполагаемой, но и оспориваемой возможности замѣнить торговлю въ Кантонѣ торговлею туземцевъ, вслучаѣ, если-бы Кишайцы совершенно заперли свои гавани для иностранцевъ.

Мы не будемъ говорить много о торговлѣ Европейскихъ народовъ съ Китаемъ. Это предметъ столь сложный, что о немъ даже и не льзя разсуждать въ немногихъ словахъ. Напомнимъ только, что сія торговля производится нынѣ единственно тремя народами: Русскими по сухому пути, Англичанами и Американцами моремъ. Русскіе отдаютъ въ Кяхтѣ сукна Прусскаго издѣлія, мѣха, и нѣкоторые другіе предметы, въ обмѣнъ за чай, называемый караванскимъ, и обыкновенно высокій каче-

---

что въ Китаѣ потребляютъ половину сего количества на такое-же семейство, по причинѣ разницы въ богатствѣ нисшихъ классовъ обоихъ государствъ. Слѣдовательно на 140 милльоновъ жителей можно полагать около 846 милльоновъ фунтовъ.

(*) Остъ-Индская Компанія, въ 1823 году употребила на торговлю съ Китаемъ едва 30,000 тоннъ. Вся огромная торговля ея съ Индіею и Китаемъ производилась, въ 1826 году, пятьюдесятью четырьмя кораблями, поднявшими всего 65,498 тоннъ.

Digitized by Google

ствомъ. Кажется, что перевозъ черезъ всю Азію обходится чрезвычайно дорого, и много ограничиваетъ сей родъ торговли. Весь чай, потребляемый въ Россіи, идетъ изъ сего источника. По документу, представленному въ Парламентскій Комитетъ, вывозъ въ Россію полагается въ 28 милльоновъ Англійскихъ фунтовъ, что составляетъ почти одинакое количество съ потребленіемъ Англіи. Но, кажется, что въ семъ отношеніи Комитетъ не имѣлъ документовъ оффиціяльныхъ.

Торговля моремъ, которою Русскіе заниматься не могутъ, двухъ родовъ: законная и не-законная.

Торговля законная производится въ Кантонѣ, гдѣ иностранцы обязаны жить въ предмѣстіи. Они должны обращаться къ обществу, составленному изъ семи купцовъ, и называемому *Гонгъ* (Hong). Сіи купцы законно отвѣтствуютъ за свои долги, вслучаѣ банкрутства, но, кажется, что законъ сей исполняется не строго. Къ нимъ обращается и Китайское Правительство, касательно платежа пошлинъ за вывозъ; они отвѣчаютъ и за платежъ пошлины отъ другихъ, торгующихъ по мѣлочи купцовъ, которымъ запрещено продавать чай, шелкъ и сукно. Остъ-Индская Компанія, исключительно пользующаяся торговлею Китая съ Англіею и колоніями ея, имѣетъ дѣло только съ *Гонгомъ*; но другіе, особенно Американцы, открыто покупаютъ у иныхъ купцовъ, которые не имѣютъ права на торговлю, и слаживаютъ разными образами съ *Гонгомъ* и съ Правительствомъ въ платежѣ пошлинъ. Пошлины доставляютъ Правительству до-

Digitized by Google

хода 650,000 фунтовъ стерлинговъ (около 16,250,000 рублей), не считая того, что чиновники государственные платятъ за мѣста въ Кантонской области, по причинѣ получаемаго отъ оныхъ дохода. Американцы не стѣсняются никакою монополіею, продавая чай въ своемъ отечествѣ, между тѣмъ какъ Ость-Индская Компанія имѣетъ монополію сей торговли въ Англійскихъ владѣніяхъ. Однакожь она позволяетъ кораблямъ идущимъ изъ Калькутты, и снабженнымъ лиценціями, торговать съ Китаемъ при соблюденіи нѣкоторыхъ условій. Всѣ живущіе въ Кантонѣ Англичане подвергаются предписаніямъ Комитета, учрежденнаго Компаніею. Случалось, что Компанія прекращала торговлю, для того чтобы получить удовлетвореніе въ нѣкоторыхъ требованіяхъ отъ *Гонга*, или отъ властей Китайскихъ, и средство сіе удавалось всегда.

Мы не будемъ входить въ разбирательство многочисленныхъ причинъ, выставляемыхъ за сію монополію, и противъ оной, однакожь представимъ главныя сужденія, на коихъ основываются обѣ стороны.

Въ пользу монополіи утверждаютъ слѣдующее: при нынѣшней системѣ, торговля чаемъ занимаетъ меньшее число кораблей, которые всѣ слѣдуютъ одинакимъ установленіямъ, всѣ повинуются одной власти, а отъ этого бываетъ менѣе безпорядковъ между матросами, и менѣе непріязненныхъ столкновеній съ Китайцами, часто имѣвшихъ слѣдствіемъ перерывъ торговли. Компанія, будучи сильнѣе всякаго торговаго дома, будучи сама настоящимъ

Digitized by Google

Правительствомъ, можетъ лучше выдерживать борьбу съ монополіею *Гонга*, ибо только общество можетъ противоборствовать обществу. Разумѣется, что Компанія покупаетъ по выгоднѣйшей цѣнѣ, и продаетъ какъ возможно лучше Англійскіе товары, которые она принуждена вывозить въ силу послѣдней привиллегіи своей. Присовокупляютъ и то, что когда торговля будетъ вдругъ открыта, то большое требованіе на Китайскія произведенія возвыситъ цѣну оныхъ, и можетъ быть даже, что Китайцы будутъ не въ силахъ выставить все количество чаю, какое понадобится для торговли. Компанія, имѣя совершенно торговый характеръ, не почитаетъ себя обязанною къ войнѣ, когда Китайскія власти не оказываютъ ей уваженія. Сверхъ того, она передаетъ Правительству Англійскому пошлины, взимаемыя за чай, и простирающіяся до 782 милліоновъ рублей; а собрать такую сумму при свободной торговлѣ чаемъ было-бы весьма трудно.

Всѣ сіи доводы не остаются безъ опроверженія. Въ примѣръ поставляютъ свободную торговлю Американцевъ, которая была всегда довольно цвѣтуща, но въ послѣднее время вытѣснила торговлю Голландцевъ на ихъ собственныхъ торжищахъ. Консулъ, назначенный Англійскимъ Правительствомъ, и съ достаточною властію, могъ-бы, по увѣренію многихъ свидѣтелей, поддерживать дисциплину между Англійскими матросами, и противоборствовать Китайскимъ властямъ. Компанія могла-бы продолжать свой торгъ, при соперничествѣ

Digitized by Google

торговли свободной, и огромные капиталы всегда-бы дали перевѣсъ ей. Корабли ея, по увѣренію многихъ моряковъ, слишкомъ велики для торговли, и перевозъ чаю на простыхъ купеческихъ корабляхъ обошелся-бы дешевле. Многіе ожидаютъ, что открытіе торговли съ Китаемъ увеличитъ сбытъ Англійскихъ произведеній; другіе говорятъ утвердительно, что ничего не льзя сдѣлать, кромѣ того что уже сдѣлано. Полагаютъ, что Китай могъ-бы доставлять чаю гораздо болѣе, ибо иностранцы потребляютъ его малую часть всравненіи съ потребленіемъ самихъ Китайцевъ. Въ примѣръ поставляютъ Индію, гдѣ торговля получила гораздо большее развитіе, когда гавани открыты для людей частныхъ. Наконецъ особенно указываютъ на то, что Англійскіе купцы, имѣя средства торговать чаемъ, доставляли-бы оный въ гавани материка, подобно Американцамъ, и что монополія Компаніи, удерживая цѣну чая въ Англіи выше естественной цѣны, уменьшаетъ потребленіе онаго и стоитъ ежегодно около 37 милліоновъ рублей. Нѣкоторые полагаютъ даже, что сумма сія гораздо болѣе.

Вотъ главныя положенія сего затруднительнаго спора. Не беремся рѣшить вопроса, который еще остается вопросомъ для самого Англійскаго Правительства, доколѣ не будетъ рѣшена судьба Ость-Индской Компаніи.

Торговля Голландцевъ съ Китаемъ никогда не была въ цвѣтущемъ состояніи. Не смотря на всѣ усилія Нидерландской Компаніи, которая считаетъ

Digitized by Google

въ числѣ своихъ акціонеровъ Короля, и которая пользовалась великими привиллегіями, а по мнѣнію нѣкоторыхъ именно отъ этихъ привиллегій, непосредственная торговля Голландіи съ Китаемъ нынѣ прекратилась. Чай, потребляемый въ Голландіи, нынѣ доставляется Американцами.

Торговля незаконная, или контробандная, производится съ удивительною легкостью на всемъ протяженіи Китая. Огромное количество опіума, означенное нами выше сего, провозится контробандою, и контробандисты дѣйствуютъ почти всегда съ согласія Китайскихъ властей.

Этимъ родомъ дѣлъ занимаются и Англичане и Американцы. Угодно-ли имѣть понятіе, что значитъ въ Китаѣ контробанда? Стоитъ только развернуть извѣстія Комитета Парламентскаго, и обратить вниманіе на слѣдующіе вопросы, сдѣланные одному изъ торгующихъ опіумомъ.

Когда онъ описалъ пристань, гдѣ находился, въ 150 миляхъ на сѣверъ отъ Кантона, подлѣ одного большаго города, съ кораблемъ подъ Испанскимъ флагомъ и съ 40 человѣками экипажа, у него спросили: «Позволена-ли была Китайскими законами торговля, которую вы производили?» — Нѣтъ; но она производилась явно. — «На какую сумму было у васъ всего, селитры и опіума, въ одно путешествіе?» — Послѣ втораго путешествія своего, я вывезъ 132,000 доллеровъ, отчасти Испанскою монетою, отчасти серебромъ *сици* (*). — «Плати-

(*) *Сици*, серебро, добываемое въ Китаѣ, но запрещенное къ вывозу, такъ-же какъ запрещенъ ввозъ опіума.

Digitized by Google

ли-ли вы Правительству пошлину съ вашего груза?» — Никогда не платилъ, но зналъ, что Китайскіе чиновники получаютъ около двадцати долеровъ съ ящика опіума: это платятъ сами Китайцы, и корабельщикъ не вмѣшивается въ ихъ дѣла. — «Выходили-ли вы на берегъ?» — Очень часто: почти каждый день, и шелъ куда хотѣлъ. — «Но, въ этомъ случаѣ не были-ль вы стѣснены, и не оскорбляли-ли васъ Китайскія власти, или народъ?» — Никогда; напротивъ, я всегда былъ принимаемъ учтиво. Меня приглашали въ гости и подчивали чаемъ и сластями.»

Вообще, прочитывая четыре тысячи отвѣтовъ, сдѣланныхъ въ Комитетахъ Парламентскихъ, не льзя не быть увѣрену, что Китайская торговля должна безпрерывно увеличиваться, судя по расположенію Китайцевъ къ чужеземцамъ, по ихъ дѣятельности и рвенію въ торговлѣ, и еще по тому, что Англійскія населенія въ Азіи, вѣроятно, будутъ съ каждымъ днемъ усиливаться, а тамошнее народонаселеніе Европейцевъ возрастать болѣе и болѣе. Можетъ быть и то, что нѣкоторе измѣненіе въ системѣ Ость-Индской Компаніи, касательно Китая, или и самое открытіе сей страны для торговли Англійскихъ купцовъ, увеличатъ ввозъ Европейскихъ товаровъ въ оную. Нѣтъ сомнѣнія, что иностранная торговля, удерживаемая Китайскимъ Правительствомъ по видамъ политическимъ, выгодна, по другимъ отношеніямъ, самому Китаю, и равно необходима для Китайцевъ и для Европейцевъ, ибо едва-ли могутъ обойдшись

Digitized by Google

одни безъ опіума, а другіе безъ чаю. Сверхъ того, малѣйшій перерывъ торговли чаемъ раззоритъ множество людей: Кантонскихъ купцовъ, внутреннихъ торговцевъ, и вѣроятно многихъ изъ занимающихся приготовленіемъ чаю, особенно высокихъ сортовъ.

P. S. По напечатаніи первой часши сей статьи, мы получили отъ одной особы замѣчанія на оную и весьма важныя поправки и дополненія, касательно торговли Кяхтинской и торговли самой Остъ-Индской Компаніи съ Китаемъ. Дополненія сіи, по огромности и подробности таблицъ, оныя составляющихъ, не могутъ быть помѣщены вполнѣ; но мы поставляемъ непремѣннымъ долгомъ напечатать какъ замѣчанія и поправки, такъ и дополненія, придавъ имъ сообразный размѣру Журнала видъ. Постараемся исполнить сіе въ одной изъ ближайшихъ книжекъ Телеграфа. *Изд.*

Digitized by Google

ПОВѢСТВОВАНІЕ

ОБЪ ОТКРЫТІИ АМЕРИКИ, ПОМѢЩЕННОЕ ВЪ РУССКИХЪ ХРОНОГРАФАХЪ (*).

«*Объ островахъ дикихъ людей, коихъ Нѣмецкіе люди называютъ*: Новый Свѣтъ, *или* четвертая часть Вселенныя.

«При семъ княженіи въ Руси Великаго Князя Ивана Васильевича, всея Русіи, въ лѣто 6992 (?), отпустилъ Шпанскій Король *Фердинантъ* земли своея человѣка въ дальныя страны и отоки моря, именемъ *Христофора*, по его прошенію, родомъ *Волошенина*, а родомъ назывался *Колимбосъ*, потому, что онъ отъ мѣста Колимбова. И пошелъ онъ изъ Шпанскія земли на шрехъ корабляхъ, а взялъ съ собою всякихъ вещей, и товаровъ, и запасовъ, и пошелъ по морю *Атлянтійскому* на западъ солнца, и пришелъ до острова, зовомаго *Канарія*, или *Фортуната*, а тотъ островъ отстоитъ отъ Шпанскія земли 6 тысячь верстъ (?), и на томъ островѣ люди наги живутъ, а нравомъ глупы: не почитаютъ Бога никакимъ обычаемъ. И

(*) Извѣстіе, вѣроятно, составленное самими Русскими, изъ полученныхъ ими современныхъ свѣдѣній. Любопытный памятникъ Русской старины.

Digitized by Google

Колимбосъ взялъ на томъ островѣ воды прѣсныя, и пошелъ искати иныхъ острововъ, и шелъ моремъ полпяшы недѣли, а земли нигдѣ не видалъ, и нашелъ два острова: первому острову имя нарекъ *Еганна*, по имени Кролицы Шпанскія. И на томъ острову не нашли никакихъ людей, только много лѣвистыхъ шпицъ, а конца и широшы шого острова не дошли, великъ-бо бѣ. И отъ шого острова къ другому пошли, и другому острову имя нарекли *Испанна*, и на томъ островѣ увидѣли людей, а они отъ нихъ побѣжали въ лѣсъ, аки звѣри. И гнавъ за ними, постигли едину жену, и поймавъ ея, да накормивъ и напоивъ, и въ платье оболокши, пустили на волю. И какъ ша жена про нихъ сказала, потомъ пришли и многіе къ нимъ, и принесли много злата, и каменія драгаго. И Шпанове прошивъ шого ихъ дарили зеркалами, и стклянками, и колокольчиками, а они у нихъ принимали за великой даръ, и сказывали Колимбу, что есть не далече отъ нихъ островъ, а живушъ на немъ люди, которые людей хватаючи ѣдяшъ, а нарицаюшъ ихъ *Камбалы*, рекше: собаки. А приходяшъ по люди къ нимъ на островъ Испанну, а къ бою сильны: какъ 10 Камбаловъ, ино ста человѣкъ Испаннова острова убіюшъ. И Колимбосъ шо слышавъ, и обѣщался ихъ отъ шѣхъ людей, самоѣдей, обороняши. А на томъ островѣ Испаннѣ нѣшъ никакихъ звѣрей, кромѣ кроликовъ. А змѣи велики, а не ядовишы. А пшицъ много: голубей, и гусей, и ушяшъ, а росшомъ много здѣшнихъ больше. Да шамъ-же пшицы аки дрозды: главы у нихъ красны, а періе велико. Да шушъ-же

Digitized by Google

много скворцовъ, а періе на нихъ всякими цвѣты. И на томъ-же островѣ родится всякое коренье инбирное, и корица, и перецъ дикій, и мастика, и елей, и Христофоръ, иже и Колимбосъ, исполнивъ корабли свои всякихъ вещей, и пошелъ во Шпанскую землю, а тутъ, на томъ островѣ Испаннѣ, оставилъ своихъ людей, 36 человѣкъ. И бывъ Колимбосъ во Шпанской землѣ, и взялъ съ собою больше того кораблей, и людей 1200 человѣкъ, и взялъ съ собою всякаго древа и желѣза, потому, что тамъ желѣза нѣтъ, а древо косцьми дѣлаютъ. И пришли на тотъ островъ, гдѣ живутъ Камбалы, которые людей ѣдятъ. И поймали ихъ до десяти человѣкъ, и привели ихъ къ кораблемъ своимъ, и они учали кричати нелѣпымъ гласомъ, толь шумно, что отъ ихъ крика вси устрашився, и сѣвши на корабли, прочь пошли. И минули 47 острововъ, потому, что къ тѣмъ ко всѣмъ островамъ кораблемъ приставати было нельзя. И потомъ пришли до Испанна острова, гдѣ были оставлены людіе его: ажно тѣ людіе его, 36 человѣкъ побиты вси. И Христофоръ Колимбосъ на томъ островѣ поставилъ градъ, и посадилъ въ немъ своихъ людей. И нашли Шпанове на томъ островѣ горы, что въ тѣхъ горахъ, въ песку, злато родится. А Христофоръ Колимбосъ пошелъ моремъ, искати иныхъ острововъ. И нашли островъ дикихъ людей: ходятъ наги, а ноги у нихъ какъ лапы, и толь велики, что можетъ весь человѣкъ плюсною покрытися. И на другомъ островѣ нашли нагихъ-же людей. А они собрався на нихъ смотрятъ. И Шпанове кинули къ нимъ связокъ колокольчиковъ, а ди-

Digitized by Google

кіе люди шутъ-же кинули *гоголю* злата. И сшелъ съ корабля единъ человѣкъ для злата, и они его ухватили. И какъ съ кораблей кинулися драшися, ино едва на корабли ушли. И дикіе люди металися за ними въ воду, и выныряя по поясъ, бросали на корабли полѣніемъ, и корабль у нихъ единъ, и съ людьми ухватили, а иные едва ушли. И потомъ нашли иной островъ, такихъ-же людей. И тѣ съ ними не билися. А много у нихъ всякихъ драгихъ вещей и злата, и жемчугу, и каменія, и всякихъ пряныхъ зелій и коренія, и звѣрей, и рыбы, и птицъ. А люди зѣло поганы: отцы дѣтей своихъ ѣдятъ, будетъ кой сынъ не послушливъ, а дѣти отцевъ своихъ ѣдятъ, кой отецъ будетъ старъ добрѣ. А потомъ нашли островъ, а на немъ рѣка течетъ: ино вода въ ней такова горяча, что не мочно руки держати. И отъ того острова далѣе пошли, на иной островъ, коего далѣе уже было не льзя идти, для того, что добрѣ знойно, едва и съ того ушли, отъ великаго зною. И потомъ Колимбосъ ко острову Испанну, идѣ-же у него поставленъ градъ, возвратился, исполнивъ корабли свои всякихъ драгихъ вещей. И приде во Шпанскую землю, и сказывалъ, что на морскихъ островахъ видѣлъ многихъ людей дикихъ, и древесъ, и всякаго удивленія. — *А се о иныхъ походѣхъ, и о Америкѣ.* Ходилъ нѣкто, прежде съ Христофоромъ, изъ Шпанскія земли Нѣмчинъ, именемъ *Веспуцей*, а потомъ прозвали его *Америкомъ*, отъ великаго острова, что его онъ нашелъ, а нынѣ тотъ островъ Нѣмецкіе люди почитаютъ за четвертую часть свѣта, а называ-

Digitized by Google

ютъ его *Америкомъ*. А шолъ Веспуцей, иже и Америкъ, послѣ Христофора ходилъ чещырежды на море, по шѣмъ новымъ островамъ: дважды отъ Короля Шпанскаго, да дважды отъ Португальскаго, потому, что онъ морской путь познналъ больше прочихъ. И находилъ онъ по дальнымъ морскимъ островамъ всякихъ людей дикихъ. А какъ были на островѣ *Салѣ*, иже между востока и полудня, и шамъ видѣли жемчугъ въ голубиное яицо; а ловцы принесли *кахиллу*, сирѣчь: матицу жемчужную: ино пошянула вѣсомь 47 фунтовъ. А шли къ шому острову узкимъ моремъ на полдень. А какъ вышли на великоѣ море Окіянъ, и тогда къ Востоку пошли, и шамъ людей нашли ушатыхъ: шаковы велики уши, что и за плеча висятъ, а у иныхъ и до пятъ. И потомъ дошли до пяти острововъ *Молоцкія* земли, имъ-же имена: *Тарантъ*, *Мутія*, *Тедора*, *Мало*, *Матненъ*. Въ Тедорѣ островѣ гвоздика растетъ, и въ Тарантіи. А войны въ сихъ островахъ нѣтъ. А иные овощи на всѣхъ островахъ родятся. А корица отъ древа солнечнымъ зноемъ отставаетъ, а шоземцы ея отъ древа собираютъ: а то кора пряна, и сладка, и называютъ ее корицею. А отъ шѣхъ острововъ недалече островъ есть, *Буда* нарицается. На томъ островѣ есть древо, называютъ его: *миристикія*; а растетъ на немъ овощь, какъ желудь на дубу, а имѣетъ на себѣ двѣ кожи; первая кожа аки цвѣтъ, а то называютъ *мушкатовый цвѣтъ*; а другая кожа, какъ на яицѣ скорлупа, то есть самый желудь; а въ скорлупѣ ядро, благоуханно зѣло и пряно, а называютъ его *мушка-*

Digitized by Google

томъ. А инбирь растетъ на всѣхъ островахъ: единъ есть сѣяный, а другой самородный, и который сѣяной, тотъ есть лучше.— Тогда-же ходили Нѣмцы Поршугальскіе до Калекушскаго царства, идѣ-же и градъ есть, зовомый: *Калекутъ*. У того Калекуша града черный перецъ на посадѣ растетъ. А иныя пряныя зелія изъ иныхъ мѣстъ привозятъ: корицу привозятъ изъ *Занленской* страны, а гвоздику изъ *Каманоріи*, а Каманорія за Калекутомъ 60 поприщъ; а изъ Молюкскихъ острововъ въ Калекушъ приходитъ мушкатъ, и мушкатовый цвѣтъ, и кардамонъ, и *галка* (?), и жемчугъ. А ѳиміанъ и ладанъ растетъ въ Сабейской землѣ. А люди живушъ въ Калекутѣ двои: одни вѣры Магметовы, а другіе называются Христіане, а поповъ у себя не имѣютъ, а у Христіанскія церкви стоятъ бочки съ водами, а въ тѣхъ водахъ людей крестятъ, а крестятъ всякаго человѣка черезъ три года, а какъ коему по крещеніи пройдутъ три года, и тогда того паки крестятъ. И въ тѣ лѣта Нѣмецкіе люди познали ходити Окіяномъ, великимъ моремъ, къ западу солнца, и къ полудню, и къ востоку. А къ полупочной сторонѣ никому неизвѣстно, для великихъ мразовъ, потому, что сказываютъ, въ той странѣ море николи не растаяваетъ.

Digitized by Google

МОРИЦЪ, ГРАФЪ САКСОНСКІЙ.

(Изъясненіе картинки).

Вѣроятно, каждый изъ нашихъ читателей слыхалъ и читалъ многое о знаменитомъ полководцѣ, Графѣ Саксонскомъ, чаще называемомъ (съ Французскаго) *Маршалъ де Саксъ*. Мы однакожь почти увѣрены, что не многимъ извѣстна жизнь его, не какъ полководца. А она занимательна, странна и оригинальна, какъ романъ, созданный силою богатаго воображенія. Такова-то судьба! Что дѣлаетъ она, того не выдумать самому огненному воображенію. Послушайте приключеній Графа Саксонскаго.

Онъ былъ сынъ Августа II-го, Короля Польскаго и Курфирста Саксонскаго, и Графини Маріи Авроры фонъ Кёнигсмаркъ; родился въ 1696 году, 15 Октября, въ деревнѣ, близъ Магдебурга. Отъ отца своего наслѣдовалъ онъ необыкновенную силу и крѣпость, а отъ матери красоту. Когда ему было 15 лѣтъ, то Король, какъ Намѣстникъ Императора Римскаго (Reichsvicar), наименовалъ его Графомъ Саксонскимъ, и вскорѣ сдѣлалъ Полковникомъ Кирасирскаго полка. Въ первый разъ побывалъ Морицъ на полѣ битвы подъ предводительствомъ Евгенія

Digitized by Google

и Марльборуга. Въ 1709 году былъ онъ свидѣтелемъ взятія Лилля и отличился при осадѣ Турне, Монса, и въ знаменитой битвѣ при Мальплакетѣ. Марльборугъ и Евгеній наградили его торжественною хвалою въ 1710 году. Черезъ годъ, Король Польскій осаждалъ Стральзундъ, и молодой Графъ тутъ опять оказалъ много храбрости. Когда, послѣ похода, онъ возвратился къ своей матери, то она женила его на богатой и милой Графинѣ Лёбенъ; но молодой супругъ не хотѣлъ носить оковъ супружескихъ. Удовольствія и разсѣянность занимали его; однакожь много времени посвящалъ онъ и на изученіе Военнаго Искусства. При немъ всегда бывала военная библіотека, и хоть часа два, но каждый день проводилъ онъ съ любимыми своими книгами. Въ 1717 году былъ онъ въ Венгріи, и подъ начальствомъ Евгенія участвовалъ въ осадѣ Бѣлграда и въ побѣдѣ надъ Турками. Въ 1718 году возвратился онъ въ Польшу и Король наградилъ его орденомъ Бѣлаго Орла. Въ 1720 году настала миръ, и молодой Графъ поѣхалъ во Францію: онъ всегда любилъ Французовъ, любилъ ихъ языкъ и общественную жизнь. Но не однѣ веселости занимали его въ Парижѣ: онъ глубокомысленно изучалъ Математику, Военное Искусство, оборону крѣпостей и Механику. Ко всѣмъ этимъ изученіямъ у него была и страсть и необычайное дарованіе. Еще бывши 16-ти лѣтъ, онъ изобрѣлъ новую школу для солдата, и примѣнилъ ее къ дѣлу, въ Саксоніи. Въ 1722 году дали ему полкъ во Франціи: онъ образовалъ и обучилъ его самъ, по своей новой методѣ. Не ждалъ и не думалъ Графъ, какъ въ 1726 году избрали его Кур-

Digitized by Google

ляндскіе чины своимъ Княземъ. Меньщиковъ, славный въ нашей Исторіи, готовилъ Курляндію себѣ, и не согласился на избраніе Графа. Онъ послалъ въ Митаву 800 человѣкъ Рускихъ, которые и осадили Графа Морица во дворцѣ. У него было только 60 человѣкъ, однакожь онъ защищался такъ мужественно, что Рускіе сняли осаду и удалились. Только и Графъ не захотѣлъ оставаться послѣ этого въ Курляндіи. Много разсказываютъ о планахъ его касательно Россіи; но мы почитаемъ разсказы недостовѣрными, и потому помолчимъ о нихъ. Графъ находился въ Курляндіи въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; онъ писалъ во Францію и просилъ помощи. Славная актриса Лекуврёръ, узнавши, что любимый ею человѣкъ терпитъ нужду, продала всѣ свои драгоцѣнности и послала къ нему 40,000 ливровъ. Въ 1729 году возвратился онъ во Францію. Съ новою ревностью занялся Графъ Саксонскій Военнымъ Искуствомъ и Математикою. Тутъ онъ долго страдалъ лихорадкой, и въ это время написалъ свои Rêveries (лучшее изданіе въ Парижѣ 1757 года, 2 т. in-4). Это сочиненіе, которое онъ послѣ передѣлалъ, достойно Цезаря и Конде. Въ немъ много смѣлыхъ и новыхъ взглядовъ, впослѣдствіи оправданныхъ самымъ опытомъ. Авторъ изъясняетъ пользу легкой артиллеріи, выгоду нападающаго, выгоды легкой пѣхоты, преимущество пѣхоты передъ кавалеріею, когда она ожидаетъ нападенія сей послѣдней съ рѣшимостью, и пагубныя слѣдствія торопливости, вслучаѣ быстраго нападенія.— Смерть Короля Польскаго, отца его, возжгла новую войну въ Европѣ. Курфирстъ Саксонскій пред-

Digitized by Google

лагалъ своему побочному брату главное начальство надъ всѣми своими войсками; но тотъ отказался, и предпочитая сему чинъ de Maréchal de camp во Французскихъ войскахъ, поѣхалъ на Рейнъ, въ армію Маршала Бервика. Здѣсь, въ битвѣ подъ Этлингеномъ, командуя отрядомъ гренадеровъ, онъ рѣшилъ побѣду. Съ такою-же неустрашимостію ходилъ онъ много разъ въ битвы при осадѣ Филипсбурга. Подвиги его были награждены, въ 1734 году, чиномъ Генералъ-Лейтенанта. Во время Австрійской войны за наслѣдство, Графъ Саксонскій (въ 1746 г., 26 Ноября) взялъ приступомъ Прагу. Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія траншей подъ Эгеромъ, и сія крѣпость также покорилась. Тогда Графъ повелъ армію Маршала Броліо къ Рейну, и занялъ Лаутербургскія линіи. Въ Мартѣ 1744 года сдѣлали его Маршаломъ Франціи, но, бывши Протестантомъ, онъ не могъ занять своего мѣста въ Совѣтѣ Маршаловъ. Въ этомъ-же году назначенъ былъ походъ во Фландрію, и тутъ то Графъ Саксонскій прославилъ себя всего болѣе. Онъ умѣлъ побѣждать непріятеля, не смотря на превосходство многочисленности. 1745 годъ былъ еще славнѣе для предводителя Французскихъ войскъ. Противъ соединенныхъ силъ Англіи, Австріи и Голландіи надлежало сражаться ему, а онъ, почти на смертномъ одрѣ отъ болѣзни, былъ едва въ состояніи двигаться своимъ тѣломъ. Любопытно читать описаніе этого похода у Вольтера, который между прочимъ говоритъ: «Я самъ видѣлъ Маршала передъ отъѣздомъ, и не могъ не спросить у него, какъ будетъ онъ дѣйствовать, находясь въ

Digitized by Google

такой слабости? Маршалъ отвѣчалъ: «*Дѣло не въ «томъ, какъ жить, а какъ выѣхать.*» Вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій, 11 Мая 1745 года, онъ далъ битву при Фонтенуа. Старики наши не могли безъ удивленія говорить объ этомъ знаменитомъ сраженіи. И подлинно, Французы, подъ предводительствомъ Маршала, оказали тутъ чудеса! Не смотря на чрезвычайную слабость свою, Графъ Саксонскій сѣлъ на коня, и въ то время, когда всѣ боялись, что онъ падетъ мертвъ отъ изнеможенія, онъ одержалъ совершенную побѣду. Слѣдствіемъ ея было занятіе Турне, Брюгге, Гента, Уденарда, Остенде, Аша, и наконецъ Брюсселя. Въ Апрѣлѣ 1746 года, Король далъ побѣдителю при Фонтенуа права Французскаго гражданства, а за побѣду подъ Року подарилъ ему 6 пушекъ. Черезъ годъ назначилъ онъ его Маршаломъ всѣхъ своихъ армій, а послѣ побѣды подъ Лавфельдомъ и взятія Бергъ-опъ-Цома, главнымъ начальникомъ завоеванныхъ Нидерландовъ. Въ Апрѣлѣ 1748 года Маршалъ обложилъ Маастрихтъ, и съ паденіемъ сей крѣпости была-бы покорена вся Голландія. Но Республика предупредила гибель свою миромъ, который и былъ заключенъ 18 Октября 1748 года, въ Ахенѣ.

Увѣнчанный лаврами побѣды, Графъ Саксонскій возвратился во Францію, въ замокъ Шамборъ, предоставленный ему Королемъ. Отдохнувъ отъ военныхъ подвиговъ, онъ ѣздилъ въ гости къ Фридриху Великому, который принялъ его съ величайшимъ отличіемъ. Снова поселившись въ Шамборѣ, Графъ окружилъ себя учеными, художниками и философа-

Digitized by Google

ми; дѣлалъ множество плановъ политическихъ; хотѣлъ соединить всѣхъ Жидовъ и образовать Іудейское Царство; думалъ сдѣлаться Королемъ Корсиканскимъ, или ѣхать въ Америку, и тамъ основать новое государство. Въ такихъ-то занятіяхъ застала его смерть. Онъ умеръ 30 Ноября 1750 года, и тѣло его было погребено съ великой пышностію въ Страсбургѣ, въ Лютеранской церкви св. Томаса. Король и вся Франція изъявляли свою скорбь о смерти Героя. Французская Академія предложила написать похвальную рѣчь ему, и высокопарный Томасъ получилъ награду за свое произведеніе. Людовикъ Пятнадцатый хотѣлъ, чтобы драгоцѣнный памятникъ означалъ могилу великаго полководца, и Пигаль выполнилъ мысль Короля. Памятникъ былъ начатъ Пигалемъ въ 1756 году, и поставленъ на мѣстѣ въ 1776-мъ. Онъ занимаетъ все углубленіе церкви, и общій видъ его производитъ эффектъ необыкновенный. Всѣ фигуры изъ бѣлаго мрамора, и болѣе нашуральной величины; обелискъ, служащій подножіемъ, изъ чернаго мрамора. Знатоки удивляются въ этомъ произведеніи изображенію Франціи, которая одною рукою удерживаетъ героя, готоваго ступить въ отверстую могилу, а другою отталкиваетъ смерть, ожидающую свою жертву. Но, послушаемъ что говоритъ очевидецъ, нашъ Карамзинъ, стоявшій подлѣ памятника сего болѣе сорока лѣтъ назадъ:

«Въ Лютеранской церкви св. Томаса видѣлъ я «мраморный монументъ Маршала, Графа Саксон-«скаго, славное произведеніе рѣзца Пигалева. Мар-

Digitized by Google

« шалъ съ жезломъ своимъ сходишъ по ступенямъ въ « могилу, и съ презрѣніемъ смотришъ на смерть, « которая открываетъ гробъ. На правой сторонѣ « два льва и орелъ, въ ужасѣ и смятеніи, изобра- « жаютъ соединенныя армія, побѣжденныя Графомъ « во Фландріи. На лѣвой сторонѣ представлена « Франція въ образѣ прекрасной женщины, кото- « рая, со всѣми знаками живой горести, хочешъ « одною рукою удержать его, а другою отталки- « ваетъ смерть. Печальный геній жизни обращаетъ « къ землѣ свой факелъ, и на сей-же сторонѣ раз- « вѣваются побѣдоносныя знамена Франціи. Худож- « никъ хотѣлъ, чтобы удивлялись его искусству: « по мнѣнію знатоковъ, онъ достигъ своей цѣли. « Я, не будучи знатокомъ, смотрѣлъ на фигуры, « на ту, на другую, на третью — и былъ въ сво- « емъ сердцѣ такъ холоденъ, какъ мраморъ, изъ « котораго онѣ сдѣланы. Смерть, въ образѣ скеле- « та, одѣтаго манніею, была мнѣ противна. « Древніе не такъ изображали ее, и горе новымъ « художникамъ, пугающимъ насъ такими представ- « леніями! На лицѣ Героя желалъ-бы я видѣть дру- « гое выраженіе. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы онъ имѣлъ « болѣе вниманія къ горестной Франціи, нежели къ « гнусному скелету. Коротко сказать: Пигаль, по « моему чувству, есть искусный художникъ, но ху- « дой поэтъ. »

Изобразивъ, хотя краткими чертами, жизнь Маршала, упомянувъ о мнѣніи знатоковъ, и представивъ сужденіе человѣка, имѣвшаго образованный вкусъ и чувство, мы не прибавляемъ своего соб-

Digitized by Google

ственнаго мнѣнія. Впрочемъ, мы согласны, что произведеніе Пигаля довольно изысканно, и слѣдственно не имѣетъ волшебной прелести древнихъ изваяній, въ которыхъ главнымъ была простота. Въ памятникѣ Маршала болѣе обращаютъ на себя вниманіе подробности; главная мысль художника выражена не довольно ясно.

СМѢСЬ.

— *Свойство деревъ привлекать къ себѣ влажность.* Съ давнихъ временъ приписываютъ листьямъ деревъ, и особенно листьямъ молодаго вяза, свойство привлекать къ себѣ влажность. Опытомъ доказано, что свойство сіе находится въ деревьяхъ даже и зимою, когда они остаются безъ листьевъ; только тогда оно бываетъ не въ такой силѣ, какъ лѣтомъ. Г-нъ Гадлеръ, наблюдавшій измѣненіе температуры въ деревьяхъ, и представившій свое Разсужденіе Тюбингенскому Университету, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Я путешествовалъ въ Маршѣ мѣсяцъ. Погода стояла уже нѣсколько дней прекрасная, такъ, что на дорогѣ была пыль, хотя атмосфера казалась нѣсколько туманна. Я удивился, замѣтивъ, что вдоль вѣшвей молодой ясени течетъ вода, и, на подобіе дождевыхъ капель, падаетъ на землю, такъ что около дерева образова-

Digitized by Google

лась грязь, хотя всюду кругомъ лежала пыль. Я объясняю сіе явленіе такимъ образомъ: туманъ, останавливаемый вѣтвями, прилѣплялся къ корѣ дерева, и, тихонько сбираясь въ капли, падалъ на землю и орошалъ ее. Впрочемъ, туманъ сей былъ не иное что какъ легкое испареніе земли, вскорѣ разсѣявшееся отъ лучей солнца. Разсмотрите дверь, совершенно выставленную на воздухъ, въ открытомъ полѣ; вы увидите, что съ одной стороны она суха, а съ другой у нея сочится вода, какъ съ поливальной трубы. Столбъ на большой дорогѣ представляетъ то-же явленіе: три стороны его совершенно сухи, а четвертая покрыта влажностью. Здѣсь дѣйствуетъ также самая причина, которая производитъ лѣтомъ на деревьяхъ влажность. Воздухъ, упираясь въ листья, сгущается, *течетъ* вдоль вѣтвей и падаетъ преодолѣвъ всѣ препятствія. Это бываетъ менѣе замѣтно зимою, потому что тогда обнаженныя вѣтви даютъ болѣе свободы проходящему воздуху.

Замѣчаютъ, что весною кругомъ деревьевъ бываетъ травы болѣе, и самая трава сочнѣе: это приписываютъ удобренію отъ животныхъ, отдыхающихъ подъ тѣнью. Несправедливо. Истинная причина есть постоянное орошеніе отъ вѣтвей дерева. Оно усиливаетъ растительную силу, и, приводя въ гніеніе листья, составляетъ удобреніе, которое черви внѣдряютъ въ землю, и чрезъ то дѣлаютъ почву плодоносною.

Digitized by Google

— *Горящій пріискъ каменнаго угля.*— Нѣсколько лѣтъ назадъ замѣтили, близъ помѣстья Ло-Паркъ, принадлежащаго Герцогу Менсфильду, что снѣгъ, упадая на поле, тотчасъ растаяваетъ и производитъ пары. Явленіе сіе привлекло на себя вниманіе управляющихъ углеломнями Аллоа и Давонъ. Послѣ многихъ изысканій, они дознались, что это происходило отъ горящаго слоя каменнаго угля, коимъ снабжаютъ Давонскія кузницы. Сдѣлано было много плановъ погасить горѣніе, но безполезныя попытки заставили наконецъ копать широкій ровъ, кругомъ горящаго мѣста, дабы воспрепятствовать распространенію сего пожара новаго рода. Принялись за работу; начали копать ровъ, и въ тоже время клали вокругъ каменную стѣну, которая, соединившись въ видѣ подковы, должна была служить преградою между пламенѣвшимъ слоемъ угля, и тѣмъ который еще не подвергся горѣнію. Прошло полтора года, и работа еще не была окончена. Иногда оставалось съ обѣихъ сторонъ по нѣсколько саженъ, на которыхъ каменная ограда была-бы соединена, и вдругъ надобно было снова начинать работу, увеличивая кругъ, потому что огонь переходилъ за стѣну. Сверхъ того, были принуждены выкопать шесть или семь колодцевъ, для освѣженія каменоломни, потому что въ ней жаръ восходилъ иногда до 212, до 230 градусовъ по Фаренгейту, и даже болѣе. Лампады копальщиковъ, повѣшенныя у стѣны, часто распадались въ дребезги отъ жару. Любопытно было-бы знать, какъ управились окончательно съ этимъ пожаромъ?

Digitized by Google

Комезинъ, насѣкомое въ Южной Америкѣ.—Это насѣкомое обладаетъ такою истребительною силою, что въ одну ночь можетъ оно прогрызть самое крѣпкое дерево, или всякое подобное вещество. Увѣряютъ, что въ нѣсколько часовъ проѣдаетъ оно стопу бумаги. Оно дѣлаетъ себѣ гнѣзда, подъ краемъ кровли въ домахъ, изъ клейкой глины, похожей на ту, которую употребляютъ ласточки на свои гнѣзда; только гнѣздо комезина простирается въ длину на нѣсколько аршинъ. Обыкновенно, принимаютъ величайшія предосторожности, чтобы не дать комезину поселиться въ магазинахъ, гдѣ онъ можетъ надѣлать страшнаго вреда. Туземцы обмазываютъ гнѣзда его смолою, отъ чего пропадаетъ весь рой насѣкомыхъ. Напротивъ, если ихъ только разогнать, то они сбираются снова въ мѣлкіе рои и поселяются въ разныхъ, удобныхъ для нихъ мѣстахъ.

Въ архивахъ города Квито хранится любопытное повелѣніе Короля Карла III, относящееся къ этому насѣкомому. Изъ Испаніи послано было большое число ящиковъ съ кремнями, въ Панаму, для отправленія ихъ отсюда въ Лиму. Но ящиковъ не привозятъ, и Вице-Король представилъ требованіе о новой высылкѣ кремней. Черезъ нѣсколько времени узнаютъ, что кремни были привезены въ Панаму. Тотчасъ велѣно было Губернатору дать отчетъ въ оныхъ. Губернаторъ отвѣчалъ Министру, что ящики были сложены въ Королевскій магазинъ, но тамъ истреблены комезиномъ. Министръ, не зная, что значитъ комезинъ, отправилъ повелѣніе, за Королев-

Digitized by Google

скою печатью, въ которомъ приказывалъ Панамскому Губернатору немедленно схватить комезина, произвести слѣдствіе о сдѣланномъ имъ преступленіи, и, съ пріобщеніемъ всѣхъ документовъ, отправить его подъ крѣпкой стражею въ Испанію, гдѣ получитъ онъ достойное наказаніе.

У насъ не льзя представить себѣ, сколько стоитъ Англійскому охотнику содержаніе всего, что надобно для охоты. Въ изданной Полковникомъ Кукомъ книгѣ: *Замѣчанія объ охотѣ* (Observations on fox-hunting), находится слѣдующее исчисленіе годовыхъ расходовъ охотника:

Четырнадцать лошадей, 700 фунт. стерл.; кормъ собакъ (пятидесяти паръ) 275; снаряды, какъ-то порохъ, дробь, и проч., 50; пошлины, 120; плата учителю собакъ и слугъ, 210; разныя принадлежности и орудія для гоньбы лисицъ, 80; сѣдла и прочая сбруя, 100; ковка лошадей и жалованье коновалу, 100; покупка молодыхъ собакъ и расходы во время поѣздокъ, 100; случайные расходы, 200; охотническіе заклады (пари) 300; а всего 2,235 фунтовъ стерлинговъ, или 55,875 рублей!.. У насъ, напротивъ, охота столь-же великолѣпная, инымъ не стоитъ ничего, ибо у нихъ все *свое*.....

Доселѣ Стенографія, или искуство писать такъ же скоро какъ говорить, было столь затруднительно, что не смотря на всю полезность свою, оно оставалось недоступнымъ для большей части же-

Digitized by Google

лавшихъ научишься оному. Теперь, нѣкто Г-нъ Файе издалъ Nouvelle écriture Sténographique *(Новое Стенографическое письмо)*. Онъ увѣряетъ, что съ пособіемъ его брошюрки, можно безъ труда выучишься Стенографіи. Письмена у него имѣютъ склоненіе и ходъ курсивные, что отвращаетъ много затрудненій, и сверхъ того даетъ средства легко читать Стенографическое письмо. Желаемъ, чтобы это было не только на словахъ и въ обѣщаніяхъ!

Все полезно въ мірѣ, говорятъ философы. И вотъ доказательство, что даже праздность, или *нечего дѣлать*, заставляетъ иногда заняться чѣмъ нибудь полезнымъ. Одинъ Англичанинъ, на досугѣ, сдѣлалъ слѣдующее вычисленіе: человѣкъ, нюхающій табакъ, обыкновенно раскрываетъ свою табакерку, *среднимъ числомъ*, одинъ разъ въ десять минутъ. Каждый разъ, со всѣми принадлежностями, требуетъ времени полторы минуты; слѣдовательно, если въ продолженіе сутокъ человѣкъ только шестнадцать часовъ будетъ нюхать табакъ, то онъ употребитъ на это въ день полныхъ два часа и двадцать четыре минуты, то есть десятую часть сутокъ, а изъ десяти сутокъ цѣлыя сутки. Если положимъ, что человѣкъ нюхалъ табакъ сорокъ лѣтъ, то единственно на это употребилъ онъ *четыре года времени!*.. Не правда-ли, что это полезный урокъ для многихъ?

Digitized by Google

ИЗЪ ПИСЬМА ИЗЪ КУРСКА.

«Вы знаете нашу Коренную ярмарку, живописное мѣстоположеніе и обыкновенное въ продолженіе оной стеченіе торгующихъ и гуляющихъ. Но можно смѣло сказать, что нынѣшній годъ превзойдетъ въ семъ отношеніи всѣ предыдущіе, ибо почтенный нашъ Губернаторъ Павелъ Николаевичъ Демидовъ, желая, блистательнымъ стеченіемъ дворянства и промышленныхъ членовъ торговли, придать возможное великолѣпіе вновь наступающему, священному и древнему открытію Коренной ярмарки, пригласилъ какъ Дворянство Курской и всѣхъ пограничныхъ губерній, такъ и почтенное сословіе купечества, подающаго въ сіе время новую силу и дѣятельность торговымъ отношеніямъ, сдѣлать ему честь удостоить своимъ присутствіемъ, въ Воскресенье 12-го будущаго Іюня въ 8 часовъ вечера, маленькое празднество, которое намѣренъ Его Превосходительство дать въ Коренной пустынѣ (въ нарочно на сей случай имъ выстроенной полянской залѣ). Можно-ли послѣ сего сомнѣваться, что пустыня не превращена будетъ въ самое многолюдное мѣсто?»

Digitized by Google

Digitized by Google

Ко № 4) Моск. Телеск. 1832 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

XLIII-й ЧАСТИ.

Стран.

О Природѣ и Исторіи, относительно къ преданіямъ Миѳологическимъ и Эпическимъ. Соч. Эдгара Кине..... 3,161

Новыя изслѣдованія В. Гершеля о звукѣ.....283,443

Историческія изслѣдованія о законодательствѣ Магаммеда. Соч. Шпаля.....126,253

Новѣйшія свѣдѣнія о торговлѣ съ Китаемъ...498,578

Начертаніе, сдѣланное Графомъ Каподистрія для Живописнаго путешествія по Россіи... 142

Выписки изъ бумагъ Якутскаго архива, объ открытіи и завоеваніи рѣки Амура.....266,420

Повѣствованіе объ открытіи Америки, помѣщенное въ Русскихъ Хронографахъ..... 594

Аммалатъ-Бекъ, Кавказская быль (А. Марлинскаго).....19,179,313,478

О романахъ Виктора Гюго, и вообще о новѣйшихъ романахъ (противъ статьи Г-на Шове).....85,211,370

Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt, etc. —De la politique et du commerce des peuples de l'antiquité etc (О политическихъ сношеніяхъ и торговлѣ главнѣйшихъ древнихъ народовъ. Соч. Геерена..... 649

Digitized by Google

II.

Современная Русская библіографія...104,239,341,559

Морицъ, Графъ Саксонскій (изъясненіе картинки)..... 600

Смерть Гёте..... 434

Смѣсь.....151,275,436 и 607

Камеръ-Обскура книгъ и людей № 1, 2, 3, 4.

Предисловіе, введеніе или прологъ..... 3

Несчастливцы..... 17

Надобенъ-ли Асмодей для нашей Литтературы? 37

Общество беззубыхъ литтературбровъ..... 59

Обозрѣніе современныхъ Русскихъ Журналовъ.31,52,74

При сей части Телеграфа находятся: *Снимокъ съ рукописи Графа Каподистрія; очеркъ картины Бурнета: Игра въ шашки; изображеніе Пиедалева памятника Графу Саксонскому; Два изображенія Парижскихъ модныхъ мебелей, и шесть картинокъ Парижскихъ, дамскихъ и мужскихъ, модъ.*

Digitized by Google